

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2U 716.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

*Вид
1-8*

У С Т О И

A

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Философія Стеша. Флеровскаго.	стр. 1
II. Общинное землевладѣніе въ Малороссіи (Золотовскій уѣздъ Полтавской губерніи). М. Лучицкаго	39
III. Житѣйская ночь (Изъ Гардые). (Стихотвореніе). С. Бердьева	61
IV. На урокахъ. (Изъ записокъ учителя). М. Р.	63
V. Крестьянскія возстанія въ Чехіи. Сватопа	97
VI. На Эльбергѣ. (Стихотвореніе). Н. Минскаго.	144
VII. Американки различныхъ словъ (Личныя наблюденія русской). М. П-вой	145
VIII. Стихотвореніе. К. Феофанова	176
IX. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго В. Зайцева (Приложеніе)	241—272
X. Сравненіе хозяйства крестьянъ тамбовскаго и нассаускаго. В. В.	1
XI. По поводу одной смерти. Н. Николадзе	40
XII. Новыя книги: I. А. П. Бородинъ. Периодическая печать по поводу катастрофы на Московско-курской желѣзной дорогѣ.— II. А. Бѣляевъ, Воспоминанія декабриста о пережитомъ и пережитомъ (1805—1850 г.).— III. Н. С. Лѣсковъ, Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда).— IV. Крестьянскій вопросъ. Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ возстановленію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина.	50
XIII. Внутреннее обозрѣніе	66

—*— 7371
124/11

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.

1882.

Burd
1892
7-8

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ

В

Содержаніе: Отъ автора.—Типъ «средней» деревни.—Крестьянскія дѣти.—Перехошіе учителя.—Схема народно-бытовыхъ основъ.—Семейные раздѣлы.—Распределение общинной земли.—Сходы.—Передѣлы.—Помощь —Товарищества.—Типъ общины «хозяйственнаго» мужичка.—Атмосфера двоедушія и двуличія.—Организація «выти».—Начто объ изученіи деревни и проч. Стр. 254 in 8°.

Цѣна 1. р 25 к.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору, Сиб., Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, цѣна 1 р. съ пересылкой.

== Того же автора: «СРЕДИ НАРОДА» (разсказъ). Ц. 1 р. 50 к. «ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА» (повѣсть). Ц. 50 к.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

РАЗСКАЗЫ.

Четыре дня.—Промешество —Трусъ.—Встрѣча.—Attalea pincersa.—Художника.—Ночь.—То, чего не было.

Цѣна 1 руб.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору журнала, пересылка безплатно.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «УСТОМ» ПРОДАЮТСЯ:

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

ВИКТОРА ГЮГО.

Цѣна 2 р., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

НАНА

Романъ Э. ЗОЛА.

Цѣна 1 р. 50 к., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 25 к. съ пересылкой.

У С Т О И

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. Философія Стени. Флеровскаго	1
II. Общинное землевладѣніе въ Малороссіи (Золотоношскій уѣздъ Полтавской губерніи). И. Лучинскаго	39
III. Житнейская ночь (Изъ Тардые). (Стихотвореніе). С. Бердяева.	61
IV. На урокахъ. (Изъ записокъ учителя). М. Р.	63
V. Крестыянскія возстанія въ Чехіи. Сватека	97
VI. Въ Эльбергѣ. (Стихотвореніе). Н. Минскаго	144
VII. Америкавки различныхъ словъ (Личныя наблюденія русской). М. П — воѲ	145
VIII. Стихотвореніе. К. Фофанова	176
IX. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго В. Зайцева (Приложеніе)	211—272
X. Сравненіе хозяйства крестьянъ тамбовскаго и пассаускаго. В. В.	1
XI. По поводу одной смерти. Н. Николадзе	40
XII. Новыя книги: I. А. П. Бородинъ, Периодическая печать по поводу катастрофы на Московско-курской желѣзной дорогѣ.— II. А. Бѣлевъ, Воспомянія декабриста о пережитомъ и пере- чувствованномъ (1805—1850 г.).—III. Н. С. Лѣсковъ, Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда).— IV. Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ под- нятію сельскаго хозяйства и быта поселанъ. К. Д. Кавелина.	50
XIII. Внутреннее обозрѣніе	66

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.

1882.

Δ
PSlaw 716-5 $\left(\frac{1882}{7-8} \right)$ \downarrow

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 5 1962

MRHP

Средня Подгочина, № 1.
2310.

I

ОБЪЯВЛЕНИЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ
ЖУРНАЛА
„УСТОИ“.

Литературный, научный и политический журнал «УСТОИ» будетъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: Общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденція, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обзоръ жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) Объявленія.

Въ журналъ будутъ участвовать: К. Баранцевичъ, А. Л. Боровиковскій, С. А. Венгеровъ, Ф. Ф. Воропоновъ, В. В.,

проф. Алексѣи Инк. Веселовскій, А. Ефименко, Н. Н. Златовратскій, проф. П. П. Ивацюковъ, проф. Ив. Лучицкій, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, Н. С. Курочкинъ, П. Лафаргъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. Каръевъ, Н. В. Максимовъ, П. М. Мнискій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ, Н. И. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. И. Орловъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. П. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. И. Успенскій, Ѡ. А. Щербина, Ѡ. Ѡ. Эрисманъ, проф. П. И. Япжунъ, Я. В. Федосъевецъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 84, и въ книжномъ магазинѣ г. *Цинзерлина*, Невскій проспектъ, противъ Гостишнаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: *на годъ* безъ доставки 10 руб., съ доставкою въ Петербургъ 11 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р.; съ разсрочкою *на полгода*: безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 6 р. Деньги за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

Редакція проситъ всѣ подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ *не позже* выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Га етная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнахъ адресовъ адресуются исключительно въ контору «УСТОЕВЪ».

Лица, желающія получить отъ редакціи какія-либо письменныя извѣщенія, благоволятъ прилагать къ своимъ письмамъ почтовыя марки.

Рукописи, признанныя редакціею неудобными къ напечатанію, возвращаются авторамъ въ конторѣ журнала «УСТОИ» по личному ихъ востребованію; пересылаются же въ другіе города лишь по высылкѣ въ контору впередъ полныхъ почтовыхъ расходовъ; рукописи же, не востребованныя въ теченіи годоваго срока съ ихъ присылки, уничтожаются. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и редакція не отвѣчаетъ за ихъ сохраненіе.

Философія Стенд.

Дневникъ Стенаниды Успенской.

5 ноября. Сегодня мнѣ пятнадцать лѣтъ. Я могу совершенно бѣгло и съ выраженіемъ читать; мой братъ писецъ, а я пишу красивѣе и скорѣе его. Когда надобно, чтобы чтонибудь было особенно хорошо написано, онъ говоритъ мнѣ: «пожалуйста, Степа, напиши» или даже: «милая Степенька»; (когда надобно, чтобы я для него написала, я «милая Степенька»). Да, я читаю и пишу, я хочу научиться мыслить, я теперь взрослая дѣвица, и мнѣ надо учиться мыслить: Для этого я буду вести свой дневникъ, записывать въ него всѣ мысли, которыя мнѣ приходятъ и буду наблюдать, научаюсь-ли я мыслить, есть ли въ моихъ мысляхъ прогрессъ. Утромъ сегодня я надѣла свою бархатную кофточку и сѣла у окна, думаю: ну теперь я настоящая имениница. Вошла Гавриловна и говоритъ: «сегодня твой рожденный день, Стешка; какая ты красавица! точно тебѣ семнадцать лѣтъ». Она хотѣла мнѣ польстить и нисколько не польстила. Мой братъ отвѣтилъ: «это у ней одна рожа широкая, а сама она глупая дѣвчонка, и больше ничего». — «Ты хотѣлъ меня унизить, быстро подхватила я, а тебѣ не удалось; я нисколько не обидѣлась тѣмъ, что ты назвалъ меня глупой дѣвчонкой. Я научилась мыслить,

и теперь не обижаюсь пустяками. Вотъ ты бы обидѣлся, если бы я тебя назвала мальчишкой, потому что ты думаешь о томъ, какъ бы выпить, а не о томъ, какъ бы тебѣ научиться мыслить». Онъ захохоталъ во все горло и спльно разозлился. «Дура, крикнулъ онъ, разумѣется завсегда буду пить; я не такъ глупъ, какъ ты; ужъ не захотѣла ли ты, чтобы я по твоему сидѣлъ у окна, сложа руки, и думалъ? какую тамъ глупость выдумаешь?» — «Я не говорю, возразила я, чтобы ты думалъ; я говорю, чтобы ты мыслилъ, понимаешь ли ты, какая разница: думать и мыслить? Видишь, какъ ты не развить, а величаешься надо мною, говоришь, что я глупая дѣвчонка не за что, а если бы я тебѣ сказала, пьянчужка, то было бы за что. Гдѣ вчерашній рубль на прогъ, а?». Братъ окончательно вышелъ изъ себя, вскочилъ и весь задрожалъ. «Погруби мнѣ еще, проговорилъ онъ, кажется я тебѣ сегодня виски-то на-треплю, ты нонче больно дерзкая стала. Погоди, скоро васъ всѣхъ, наглыхъ будутъ въ полицію таскать и сѣчь. Я первую тебя стащу, тебя тамъ отлично разложутъ...» и еще прибавилъ, господи, вспомнить не могу. Я выбѣжала въ холодныя сѣни и стала горько плавать, до тѣхъ поръ, пока вся прозябла и не могла долѣе терпѣть. Когда я вошла въ комнату и увидала брата, я сразу почувствовала, какъ вся покраснѣла, мнѣ стало такъ стыдно, что я не могла поднять глазъ, не могла сказать ни одного слова. Я ужасно на себя сердилась; я чувствовала, что даю брату повадку меня мучить, и все-таки не могла себя заставить. Вѣдь при мнѣ говорятъ всякія глупости, папенька говоритъ, всѣ говорятъ, я слушаю, я привыкла; но какъ скажутъ про меня такую низость, мнѣ ужасно стыдно, я никакъ не могу привыкнуть, — отъ чего это? Это, можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ я стала ходить въ Угрюковымъ и учиться. Я думаю: нѣтъ, я отучу какъ нибудь брата, я просто не могу этого выносить! И вѣдь онъ сейчасъ это замѣтилъ: «Ага, испугалась, сказалъ онъ, не попрекай меня впередъ, я тебѣ никогда не поддамся, еще не то съ тобой сдѣлаю, погоди только, полиція...» Что онъ хотѣлъ еще сказать, я не знаю, но мнѣ

вдругъ показалось, что онъ опять хочетъ повторить. Я вся похолодѣла, схватила молотокъ и кинулась на него. Я видѣла ужасъ, написанный на его лицѣ; «я могу его убить», вмгъ подумала я и сѣла на прежнее мѣсто. Мы оба сидѣли другъ противъ друга и не могли придти въ себя, онъ и теперь все еще казался безжизненнымъ мертвецомъ, я вспомнила, что онъ не шевельнулъ даже рукой, когда молотокъ былъ надъ его головой, до того онъ испугался. Я сильно зарыдала. «Боже мой, заговорила я, вѣдь я тебя убью, если ты будешь такъ мнѣ говорить. Какая тебѣ охота; ну, я пойду въ Сибирь, а ты... развѣ тебѣ будетъ лучше?» Мнѣ смертельно хотѣлось съ нимъ примириться, я боялась мамы и папы. Мнѣ хотѣлось сказать ему что нибудь очень пріятное. «За что ты на меня разсердился, живо начала я: что я не хочу, чтобы ты пилъ, что я не хочу, чтобы ты былъ похожъ на Шамкина? Подумай, какой ты и какой онъ; неужели тебѣ хочется сдѣлаться такимъ, какъ онъ; развѣ тебѣ прилично съ нимъ сравняться?» Братъ ненавидѣлъ Шамкина, никто не унижалъ его такъ сильно, никто не дѣлалъ ему столько неприятностей, какъ Шамкинъ. Я сейчасъ увидала, до какой степени мои слова ему польстили. Я была очень рада, что мнѣ пришла въ голову эта мысль; теперь мнѣ было легко продолжать. Я скоро стала говорить ему такъ, какъ будто я страстно его люблю и дѣйствительно чувствовала въ нему такую любовь. Что это такое значить, я не понимаю, но иногда человѣку, котораго совсѣмъ не любишь, начнешь говорить, одушевишься и вдругъ начнешь казаться, что страстно его любишь. Братъ заплакалъ. Сначала такъ испугался, а теперь заплакалъ. Онъ бьется спиться; когда ему говорить про вино, онъ то разсердится, то заплачетъ. Я все-таки была очень рада, сѣла къ нему ближе и стала его уговаривать не пить. Я старалась высказать ему все хорошее; что я могла въ немъ замѣтить и мнѣ такъ много пришло въ голову, что я сама удивилась; неужели въ самомъ дѣлѣ онъ такой хорошій, отъ чего же до сихъ поръ онъ мнѣ казался такимъ пустымъ и негоднымъ человѣкомъ? Мы цѣлый день были очень дружны,

за обѣдомъ онъ взялъ изъ печи чугуны со щами и поставилъ вмѣсто меня на столъ, я даже удивилась. Онъ говорилъ мнѣ «сестрица» — «Стешенька», и обращался со мной, какъ съ взрослой дѣвпцей; я говорила ему «братецъ», мы все время говорили другъ другу «вы», мнѣ казалось, что все это очень глупо, и все-таки я была очень рада. Прошелъ день, и я легла спать, совсѣмъ стала засыпать, вдругъ хватилась: «вѣдь я сегодня хотѣла убить брата» и вскочила отъ страху. — «Цѣлый день прошелъ, а я объ этомъ и не вспомнила, какая я безсовѣстная!» Но, подумайте пожалуйста, мнѣ стало казаться, что я ни за что бы его не убила, никакъ не могла убить. Почему — я не знаю, а я совсѣмъ была увѣрена, что это только такъ, что я очень разсердилась. Я не могла спать, все думала, даже лежать не могла, одѣлась въ темнотѣ и сѣла на лавку. Отъ чего это мы все такъ ссоримся, далеко ли тутъ до грѣха? Я долго, очень долго думала, какъ мнѣ жить; такъ жить, какъ мы живемъ, совсѣмъ нельзя, ну если въ самомъ дѣлѣ грѣхъ случится? Я совсѣмъ забыла сонъ, потомъ ужъ просто такъ разное думала, а лечь спать не могла.

3 февраля. Какъ трудно у насъ учиться, а вѣдь тогда совсѣмъ иначе начинаешь думать. Прежде я не замѣчала, а теперь все меня оскорбляетъ, да, и нарочно какъ будто хотятъ меня мучить. То сами хотятъ, чтобы я училась, то на меня накинутся за это. Совсѣмъ другая теперь моя жизнь стала. Нѣтъ, если учиться, то нельзя не мыслить, иначе совсѣмъ жизнь будетъ адская, непременно буду мыслить и записывать, а то забуду. Я буду перечитывать и припоминать, такъ будетъ гораздо лучше. Какой переворотъ дѣлаетъ ученье въ человѣкѣ, какая большая перемѣна! а много ли я учусь, все только урывками, вотъ уже больше мѣсяца я ни съ кѣмъ не училась, все одна.

4 февраля. Рѣшила, буду записывать, сегодня и нечего записывать, а все буду. О чемъ я сегодня мыслила? Ни о чемъ, только скучала. Я теперь сильно и много скучаю. Отъ чего это люди такъ сильно скучаютъ? Говорятъ отъ

Бездѣлья, не правда. Я цѣлый день работаю и все-таки скучаю, работаю и скучаю, отдыхаю и скучаю, все скучаю. Баринька говорить мнѣ, что мы отъ бѣдности скучаемъ, нѣтъ развлеченія. Когда я объ этомъ подумала, мнѣ показалось, что она сказала большую глупость. Казанковы ли не богаты, а онѣ скучаютъ еще больше меня. Ждутъ, не дождутся, когда въ церковь ѣхать, разодѣнутся, заложать трехтысячныхъ коней, пріѣхали, и ахъ! пусто, не кому платья своего показать; опять жди вечера, выдутъ изъ церкви, нищіе имъ кланяются, онѣ головку наверхъ задерутъ, скосятъ. Пріѣдутъ домой, ходятъ изъ угла въ уголь, охъ, ахъ, куда сѣсть, куда лечь не знаютъ; и спать не спится, и ѣсть не ѣстся, вотъ тебѣ и богатство. Не давно къ нимъ новый губернаторъ пріѣхалъ; Господи, сколько переполоху было. Говорятъ, онъ дѣвичью красу любить; онѣ ужъ рядились, рядились; я думала, совсѣмъ его уиѣстятъ съ своими нарядами. Потомъ выходитъ Кузьма Алексѣевичъ, говорить: «Стешка, пойдѣ въ переднюю, подай шинель его превосходительству». Я стою, держу шинель, и барышни съ губернаторомъ вышли, его провожать. Онъ меня увидалъ: «ахъ какой прекрасный цвѣтъ лица. Откуда это у васъ такая?» Барышнѣ потомъ все, что я сшила не понравилось; взяла, перепороча. Такъ прямо и говорить: «ты зачѣмъ въ переднюю выскочила, шинель подавать, вѣдь тебя шить нанимали, а не служить? Услыхала, что онъ дѣвочникъ, такъ и захотѣла отъ него». Я и того не отвѣтила, что меня послали, не стоитъ говорить. Вотъ она барышня, богачка, а моему лицу позавидовала, говорить, съ дѣтскихъ лѣтъ начнешь, такъ слишкомъ весело жить будетъ. Теперь въ дѣвчествѣ скучаетъ, а тамъ замужь видетъ скучать, отъ тоски растолстѣетъ, какъ ея мамаша, будетъ едва дышать, задыхаться отъ жиру. Такъ я теперь часто думаю о скукѣ: лежитъ Лиса собака, я думаю: «вѣдь вотъ она никогда не скучаетъ; много ли ей надо: наѣлась и хоть цѣлый день будетъ лежать, ей не скучно. Почему же это человѣкъ такъ скучаетъ? Мы все думаемъ, что мы будемъ наслаждаться, когда будемъ

богаты, сколько глупаго люди изъ этого дѣлають, я сама также думала, а какъ увидѣла, какъ скучають Казанковы, я поняла. Я любопытная, я всему учусь, все хочу умѣть, и печь, и съ курами, я, можетъ быть, буду такая же мастерица на все, какъ моя мама, я думала, что я поэтому хочу и книгамъ учиться. Когда я стала у Угрюмовыхъ учиться, я, будто, въ новый мѣръ попала. Я поняла, что если бы Казанковы умѣли такъ разсуждать, онѣ не стали бы скучать. Когда я учусь жить, я не скучаю, все думаю, и все меня интересуеть; а когда я останусь одна, все будто испарится, и я не знаю, о чемъ мнѣ мыслить и какъ. И людей много вокругъ меня, а я все одна, я только тамъ и живу; вотъ почему я хочу вести свой дневникъ, можетъ быть я научусь одна мыслить.

29 мая. Сегодня я сидѣла у Казанковыхъ въ павильонѣ и шила. Не знаю, какіе у нихъ тамъ расчеты, почему онѣ садятъ меня одну въ павильонъ, должно быть что нибудь отъ папашы скрываютъ. Вижу, идетъ алексей сынонь, Николай Кузьмичъ съ книгой, подошелъ къ павильону и сѣлъ въ тѣни. Онъ третьяго дня изъ Петербурга пріѣхалъ, тамъ курсъ кончалъ. Посидѣлъ за павильономъ, потомъ вошелъ ко мнѣ и опять сѣлъ читать. Должно быть ему надоѣло, онъ пересѣлъ ближе, поглядѣлъ на мою работу, улыбнулся, потомъ окинулъ глазами павильонъ и говоритъ: «охота такіе павильоны строить, вотъ ужъ именно не знаемъ, куда деньги дѣвать. Ну къ чему все это?»—Онъ показалъ на домъ, на садъ, на мое шитье. Я поглядѣла на него пристально, думаю: отвѣчать ему или нѣтъ? Онъ зардѣлся и покраснѣлъ, какъ институтка, я думаю себѣ: «вотъ какъ вонче; не дѣвицы отъ кавалеровъ, а кавалеры отъ дѣвиць краснѣють!»—Рожица его показалась мнѣ такая добрая, я рѣшилась отвѣчать. Правда ваша, сказала я, я часто думаю объ этомъ. Отчего люди гораздо легче научаются наживать деньги, чѣмъ ихъ тратить? Ну хоть вашъ папенька, нажилъ, я думаю, миліоны, а дѣвать куда ихъ, не знаетъ. Выстроилъ этотъ павильонъ и ни

разу въ него никто не заглянетъ; скажите, къ чему онъ безпокоился, строишь?» — «Ужъ лучше и не говорите, отвѣтилъ мнѣ Николинъка, всѣ они такое дурачье! я не радъ, что сюда къ нимъ пріѣхалъ». — Я чувствовала, какъ я улыбнулась, просто не могла удержаться. Онъ то имъ тщеславились, а онъ... Онъ однакоже опять покраснѣлъ, ему было не ловко, что, онъ это сказалъ. Я продолжала. «Не у насъ только такъ, вездѣ такъ. Я вамъ скажу, почему гораздо лучше умѣютъ наживать деньги, чѣмъ ихъ тратить. О томъ, какъ наживать деньги, думаютъ очень много, а о томъ, какъ ихъ тратить, никто не думаетъ; всѣмъ кажется, что объ этомъ и думать не стоитъ. А вѣдь тратить деньги гораздо труднѣе, чѣмъ наживать. Всѣ богатые люди, когда наживаютъ, бываютъ умны, а когда тратятъ, всѣ точно глупенькіе». — Онъ принялъ важный видъ, точно какъ бываетъ, когда ребенокъ большаго корчитъ.

— «Вы сдѣлали очень вѣрное и глубокое наблюденіе, замѣтилъ онъ: я долженъ вамъ сказать, что мнѣ случалось говорить съ весьма умными и учеными людьми, но даже если бы одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ такую свѣтлую мысль, она бы меня поразила». — «Не далеко же уѣхали ваши весьма умные люди, отвѣтила я, если пятнадцати-лѣтней дѣвочкѣ такъ легко поразить ихъ». — «Вамъ не пятнадцать лѣтъ, перебилъ онъ, а вѣроятно около восемнадцати». — «Вотъ вы и о моихъ лѣтахъ заговорили. Нѣтъ лучше о васъ. Вы говорите, что ваши всѣ дурачье». — При этихъ словахъ онъ опять покраснѣлъ; я уставилась на него глазами, и полагаю, онъ раскаялся, что онъ мнѣ это сказалъ; а мнѣ, я не знаю съ чего, стало доставлять удовольствіе его мучить. Мы съ нимъ говорили о томъ, что онъ будетъ богатымъ человѣкомъ, что ему слѣдовало бы основательно подумать, какъ расходовать большія деньги. Кажалось, я все время говорила серьезно, а выходило, будто я его колю тѣмъ, что онъ презираетъ свою родню, а самъ, пожалуй, такой же будетъ, только съ другимъ лоскомъ. Наконецъ онъ вдругъ сказалъ: — «хотя вы и относитесь ко мнѣ та-

нимъ образомъ, но все таки я долженъ вамъ сказать, что меня возмущаетъ обращеніе моихъ милыхъ родственничковъ съ вами. Помилуйте: «Стешка, поди, принеси» — и это чело-
вѣку, который гораздо выше ихъ. Этого больше не будетъ, я на этомъ настою». — «Пожалуйста, не вступайтесь, возразила я: вы это не сдумаете сдѣлать, только напутаете, ихъ обидите, и выдетъ какая нибудь глупость». Онъ горько улыбнулся: «повѣрьте мнѣ, что я сдумю это сдѣлать». Я настаивала: «какъ вы самоувѣрены, налетѣли сюда вѣтеркомъ, напутите, навертите и улетите, а намъ придется расклебывать». — «Какъ вамъ угодно, противъ вашего желанія я не буду поступать.» — Онъ окончательно обидѣлся, всталъ и вышелъ сердитый.

31 мая. Сегодня я опять цѣлый день шла въ павильонѣ и такъ пріятно время провела, какъ рѣдко, просто опомниться не могу. Какъ много знаетъ Николай Кузьмичъ! Кажется я перваго такого ученаго челоуѣка встрѣчаю. Онъ говорить, что ему совѣтовали профессоромъ быть, да онъ призванія не чувствуетъ. Дѣйствительно, онъ, я думаю, могъ бы быть профессоромъ. Я удивляюсь, какъ это можно столько запомнить! Кажется, я бы цѣлый вѣкъ училась, не могла бы запомнить и половины. Я ему говорю: «какой вы счастливый, какъ вы много знаете,» — а онъ съ такой добротой мнѣ отвѣтилъ: — «Будемте знакомы, я вамъ буду книги давать, вы будете читать и также много узнаете, перестанете мнѣ удивляться». — Такъ было пріятно, я совсѣмъ позабыла, что я дѣвица; мы съ нимъ разсуждали, точно будто молодые люди между собою разсуждаютъ; онъ совсѣмъ меня не жалѣлъ, никакихъ комплиментовъ мнѣ не говорилъ, а такъ рѣзко иногда скажетъ. Я съ нимъ спорила зубъ за зубъ; онъ мнѣ рѣзко въ я ему, даромъ что онъ много знаетъ; я ему не уступила, все же у меня свой рассудокъ есть; разъ даже по столу кулакомъ ударила, и волосы у меня растрепались. Онъ говорить, что здѣсь все дурачье, только въ Петербургѣ и можно жить, на Петербургъ только

одна я надежда; и въ Европѣ тоже, онъ говоритъ, только въ Парижѣ люди; а я ему говорю, что въ Петербургѣ другъ съ другомъ сходятся, только воду переливаютъ, тамъ она никому, можетъ быть, и не нужны; а здѣсь мы вздыхаемъ, некому намъ слова живаго сказать, кажется, какъ бы оцѣнили, да никого нѣтъ. Мнѣ кажется, я совсѣмъ не глупо разсуждала, и онъ меня не одолѣлъ; положимъ, онъ много знаетъ, а не могу ему такъ отвѣчать, откуда мнѣ взять, я только здравымъ разсудкомъ ему возражаю. Я больше бойкостью брала; онъ только начнетъ мнѣ говорить, а у меня отвѣтъ уже готовъ, такъ и кипитъ во мнѣ; я точно водой его обдамъ; онъ даже, будто растеряется, даже разсердится и вдругъ такъ скажетъ:—«разумѣется на это нечего возражать, такъ что же изъ этого?»—«Значитъ моя правда?» говорю я,—а онъ,—«нѣтъ, не значитъ».—Я все время въ большомъ была волненіи, быстро шла; сама не вижу, какъ рука летаетъ; сколько ни болтала, а столько же нашла, какъ всегда; такъ я была рада, что могу спорить съ ученымъ человѣкомъ. Завтра онъ хотѣлъ придти читать со мной; я буду шить, а онъ будетъ мнѣ читать. Вѣдь ему все равно, онъ одинъ читаетъ же, ему скучно, ему здѣсь не съ кѣмъ слова сказать; я думаю, и ихніе то рады будутъ, что онъ развлечется, а то онъ все хандритъ у нихъ, не доволенъ. Сегодня онъ ушелъ веселый.

4 іюня. Я работала сегодня дома на огородѣ, подходить къ плетню Параша: «что ты здѣсь, говорить, или ужъ въ павильонѣ то конецъ, пошла молъ вонъ?»—«Нѣтъ, я тамъ работаю, отвѣчала я, надо же и тутъ сдѣлать, нельзя же огородъ опустить».—«То, то, а я думала, тебя прогнали.»—«Вотъ еще новости, цѣлый годъ работала, съ чего вдругъ меня прогонять?»—«Я думала, дѣвушки сказывали, вы тамъ съ Николенькой ихнимъ амурились».—Когда она это сказала, что со мной сдѣлалось, просто не знаю; дѣвушки и все глупости говорятъ, должна бы привыкнуть, а тутъ точно меня хлыстомъ хлестнули, слезы такъ у меня изъ глазъ и закапали на землю.

Нараша посмотрѣла на меня пристально, ничего не сказала и ушла. Я поняла, что она ушла изъ скромности, что она совсѣмъ другое думаетъ, чѣмъ есть; я не хотѣла, чтобы она такъ думала. Я крикнула ее назадъ.—«Это не стыдно дѣвицамъ такую напраслину про меня говорить?»—«Ну, глупости, перебила она, разумѣется всякому лестно получить Никольницу, а если обижаешься, никто говорить не будетъ; мы не то, что другія, мы дружныя дѣвицы».—Повернулась и пошла, я даже не нашлась, что ей сказать. «Есть же такіе счастливые люди, подумала я, сходятся между собою, спорятъ, говорятъ, сколько угодно; а меня такъ послѣдняго счастья лишить хотятъ. Развѣ я его у нихъ отнимаю? Я нисколько, ни въ чемъ его не отнимаю; я хочу только учиться съ нимъ мыслить, спорить, больше ничего».

Неужели мнѣ не удастся имъ растолковать, что мы совсѣмъ другіе люди, что мы только мыслимъ, споримъ, больше ничего?

5 іюня. Я опять работала въ огородѣ, гляжу, подходит ко мнѣ Николай Кузьмичъ, весь въ сажѣ, въ крестьянскомъ платьѣ, я его даже не узнала. Я его спрашиваю, что это онъ вздумалъ, а онъ мнѣ говоритъ, что надо съ народомъ сливаться, его трудовую жизнь вести: лорда Байрона сынъ всю жизнь былъ простымъ рабочимъ на фабрикѣ.—«Какъ прекрасно вы выдумали, говорю я ему: у насъ думаютъ, что работа, это стыдъ; если работаешь, то унизишься; рядомъ вонъ дьячковскій огородъ, дьячихи на немъ ночью работаютъ, стыдятся, даже смѣшно; а вы, здѣшній богатый, будете въ вузницѣ работать, это прекрасный примѣръ».—Онъ мнѣ сталъ говорить, что онъ богатымъ вовсе быть не хочетъ, что онъ будетъ жить своими трудами, какъ всякій другой рабочій.—«Не здѣсь, сказалъ онъ, я здѣсь только работать научусь, а потомъ уѣду отъ здѣшнихъ мерзавцевъ, я съ ними никакого дѣла имѣть не хочу».

— «Жаль, сказала я ему, здѣсь то именно и былъ бы при-

мѣрь; а тамъ васъ, можетъ быть, и знать никто не будетъ, кто вы такой».

— «Нѣтъ, здѣсь не практично, возразилъ онъ, а ужъ обдумалъ. Надобно жениться на рабочей дѣвушкѣ и уѣхать; я на васъ женюсь и мы уѣдемъ вмѣстѣ». Онъ это такъ вдругъ сказалъ, что я переконфузилась, не знаю, какъ. Потомъ онъ много еще что то говорилъ, но я ничего не слыхала; я думала только о томъ, какъ бы скрыть, до чего я горю; я и къ грядамъ наклонилась и отвернулась, наконецъ рассердилась, думаю все равно. Повернулась къ нему лицомъ и стала говорить о другомъ, и онъ говорить, какъ будто онъ ничего мнѣ и не сказалъ. Я подумала про себя: «да что же это такое, да кто же это рѣшилъ?»—Я долго еще съ нимъ говорила и все не о томъ думала, языкъ говорить, а сердце не на мѣстѣ. Разговоръ у насъ не клеился, онъ ушелъ въ кузницу. Одна я стала думать и думать. Я была такъ счастлива, я хотѣла мыслить, развиваться, пріобрѣсти возвышенную душу, и вдругъ все брось, иди за мужъ, какъ эти дѣвицы. Какъ онъ хочетъ жить, онъ и понятія не имѣеть; хозяйство, дѣти, работа, куда тутъ, и съ пятнадцати лѣтъ. Николай Кузьмичъ и не знаетъ, какая это будетъ исторія, если онъ на мнѣ, рабочей дѣвушкѣ, женится,—и Боже, зачѣмъ?—Выдти замужъ мнѣ казалось такъ противно, даже ужасно. «Зачѣмъ это выдумали замужъ выходить, говорила я про себя: какъ бы я страстно полюбила Николая Кузьмича, если бы онъ отъ меня не требовалъ, чтобы я шла за него замужъ! Какъ я люблю его слушать, какъ онъ хорошо рассуждаетъ! Неужели это всѣ молодые люди таковы, лишь только дѣвушка ихъ заслушается, сейчасъ иди замужъ. Вѣдь это дѣвушки ихъ испортили, хотятъ быть дамой, барыней, они такъ и привыкли. Слова Николая Кузьмича давили меня, мнѣ плакать хотѣлось, меня душило. «Что я буду теперь дѣлать? думала я: онъ меня считаетъ такой же пошлой, какъ эти дѣвицы, которыя только и думаютъ о томъ, какъ бы выдти за богатаго». Я очень боялась, чтобы онъ не сказалъ моей мамѣ: меня будутъ принуждать, тогда мнѣ про-

сто бѣда. Я издали увидала что онъ опять идетъ изъ кузницы, меня начала бить лихорадка. Онъ подошелъ ко мнѣ, у насъ разговоръ не клеился. Вдругъ мнѣ пришло въ голову. Я ему говорю: надобно примѣръ показать, и онъ говорить надобно. Я говорю:—«какой же это примѣръ, если вы на мнѣ, рабочей дѣвушкѣ, женитесь; развѣ этого не бывало?—скажутъ просто и васъ плѣнила. Ваши будутъ на меня сердиться, меня подлой, мерзавкой называть, передъ другими вы еще хуже вѣтренникомъ явитесь, котораго пятнадцати-лѣтняя дѣвчонка красотой своей обошла. Мы должны имъ показать, какъ дѣлаютъ люди, которые мыслятъ, что мы можемъ жить для мысли, а не для чего нибудь супружескаго».—Хорошо ли я ему растолковала или нѣтъ, я не знаю, но только онъ сначала этого не хотѣлъ, а потомъ вовсе со мной согласился; и такъ прекрасно согласился, какъ только я желала. Я точно вышла изъ темницы на свободу. Я такъ обрадовалась, что рассказать не въ состояніи, я сдѣлалась весела, болтала всякіе пустяки и хотала, какъ сумасшедшая. Почему я такъ сильно обрадовалась, я сама не понимала, и сама же его спрашиваю:—«скажите мнѣ, почему я хохочу, какъ дурочка?»—«Не понимаю, почему вы хохочете, отвѣчаетъ онъ, я думаю, потому что вамъ пятнадцать лѣтъ».—«Ахъ да, я еще настоящая дѣвчонка!»—сказала я и захохотала.—«Но знаете ли, что я вамъ скажу; я васъ до сихъ поръ не любила, а съ этой минуты я васъ полюбила.»—Я такъ посмотрѣла на него отъ всей души.—«Съ какой минуты?»—спросилъ онъ и покраснѣлъ.—«А съ той, когда вы согласились, что вы не женитесь на мнѣ, а что мы будемъ вмѣстѣ мыслить и будемъ братья по чувствамъ».—«Еще бы мнѣ не согласиться, сказалъ онъ, это показываетъ, что въ васъ нѣтъ никакой пошлости, что у васъ есть серіозная идея и серіозная цѣль. Я даже нѣсколько удивился этому; до сихъ поръ вы мнѣ нравились, какъ любознательная и остроумная дѣвушка, я видѣлъ въ васъ надежду, а теперь я долженъ уважать васъ, какъ человѣка, знающаго чего онъ хочетъ и куда онъ идетъ». Онъ сказалъ это такъ важно и серіозно,

какъ онъ иногда говорилъ, мнѣ очень пріятно было это слышать, моя веселость вдругъ пропала, мнѣ стыдно было быть дѣвчонкой; я сдѣлалась тихая, но я была счастливая. Мы еще долго разсуждали, и я испытывала нѣчто особенное, чего я, кажется, во всю жизнь свою не испытывала, какую то полноту счастья. Мнѣ казалось, что счастливіе я и быть не могу, какъ я была тогда; а теперь я себя спрашиваю, что изъ этого будетъ. Мы заключили съ Николаемъ Кузьмичемъ союзъ; мнѣ тогда казалось, что мнѣ совершенно ясно, какой это союзъ, а теперь мнѣ будто глаза заслапо, я никакъ понять не могу.

Іюня 6. Я полоскала на плотинѣ бѣлье; вижу, издали идетъ Николай Кузьмичъ и еще съ кѣмъ то, и другой одѣтъ по простонародному, но я сейчасъ узнала, что это не рабочій человѣкъ, а образованный, должно быть его товарищъ. Онъ такой плечистый и здоровый изъ себя, что невольно подумается: «вотъ этотъ, такъ кузнецъ; а куда Николаю Кузьмичу такой тяжелой работой заниматься». Они подошли ко мнѣ, Николай Кузьмичъ говорить: — «вотъ моя невѣста» — я такъ покраснѣла и сконфузилась, что бѣлье чуть не утопила. Отвѣчать ему не посмѣла, побоялась, какъ бы онъ не обидѣлся, а все-таки думаю: «что же это такое значить?» — Гость даже и не взглянулъ на меня, будто ему ничего не сказали. «Иванъ Павловъ», — показалъ на него Иванъ Кузьмичъ; гость молча протянулъ мнѣ руку. — «Милая Стеша, продолжалъ Николай Кузьмичъ, когда кончишь, приходи въ намъ, намъ надо поговорить; мы будемъ у краснаго камня, знаешь?» — «Я кончила, только домой снести», — отвѣчала я, собрала бѣлье и пошла. Я отошла шаговъ двадцать, когда меня нагналъ Николай Кузьмичъ и говорить: — «Я васъ называлъ своей невѣстой, это ничего не значить, мнѣ иначе нельзя, для меня это необходимо; пусть онъ думаетъ, что вы моя невѣста, онъ здѣсь ни одного человѣка не знаетъ, послѣ завтра уйдетъ и не воротится. Приходите скорѣе, нужно». — До сихъ поръ мы съ Николаемъ Кузьмичемъ все при случаѣ видѣлись, мнѣ въ первый

разъ пришлось идти къ нему парочно; и еще въ зѣсь, я не могла стерпѣть, подумала объ этомъ. «Однако же, думаю, что я за кнсейная барышня, вѣдь меня за дѣломъ требуютъ, а не для глупости», и пошла. Дѣла все-таки не обнаружилось никакого, мы только говорили; передумали они или какъ, не спрашивала. Почему этотъ Павловъ насъ такъ расшевелилъ, я не знаю, но мы съ Николаемъ Кузьмичемъ много говорили, а онъ почти ничего. Онъ все былъ такой серьезный, спокойный, и иногда такъ умно скажетъ; мнѣ очень хотѣлось, чтобы онъ разговорился. Николай Кузьмичъ ему рассказывалъ, какъ онъ хочетъ на мнѣ жениться и рабочую жизнь вести далеко, гдѣ-то на югѣ. Я думаю: «къ чему онъ вретъ, онъ такой умный и ученый, а у него ни капли нѣтъ характеру, почему не сказать правду, или въ самомъ дѣлѣ онъ хочетъ ѣхать?»—У меня сердце защемило, когда я объ этомъ подумала; какъ мнѣ будетъ скучно безъ него, какое мимолетное было мое счастье; я слова не могла сказать, у меня губы точно спаялись, не раскрываются; а Николай Кузьмичъ говорить про меня:—«Я могу вамъ ее рекомендовать, она прекрасная, даромъ что молода; она крѣпче меня».—Павловъ отвѣчаетъ:—«я вижу».—А Николай Кузьмичъ опять:—«Я очень радъ, что ее нашелъ, никогда съ нею теперь не разстанусь; я никакъ не ожидалъ, чисто случайно набрелъ, просто кладъ нашелъ».—Онъ такъ искренно это сказалъ; я совсѣмъ повеселѣла; только думаю, какъ же это онъ устроить, чтобы намъ не разставаться, если онъ на югъ поѣдетъ. Я теперь стала замѣчать, что когда развеселюсь, Николай Кузьмичъ также развеселится. Я говорила разные глупости, хохотала, Николай Кузьмичъ также острилъ; Павловъ слушалъ насъ и молчалъ; мнѣ казалось, что онъ слишкомъ серьезный человекъ, чтобы веселиться. Когда онъ вставлялъ слово среди нашей болтовни, оно было какое то небрежное. Мнѣ кажется, если бы я была не такъ бѣшено бойка, онъ бы всю нашу веселость разрушилъ своею серьезностью. Однако же онъ мнѣ нравился, я думала: «какой серьезной человекъ, должно быть, онъ очень умный»,—и хотѣла во что бы

то ни стало заставить его разговариваться; я пробовала и шуткой и серьезно; онъ отвѣтитъ мнѣ коротко и какъ то такъ ловко, что разговору не выходило. Мнѣ все казалось, что онъ не хочетъ съ дѣвчонкой говорить. Я думала, отчего я съ Николаемъ Кузьмичемъ справляюсь такъ легко, а съ этимъ не могу. Наконецъ, мы, кажется, надоѣли ему своей болтовней, онъ всталъ, говоритъ:—«довольно, пора»,—и протянулъ Николаю Кузьмичу руку; онъ все дѣлаетъ такъ рѣшительно, слова возразить нельзя; потомъ повернулся ко мнѣ, мнѣ протянулъ руку и прибавилъ:—«ну, прощайте»,—онъ больше ничего не сказалъ, но голосъ его былъ такой мягкой, что я невольно взглянула ему въ глаза: глаза были такіе добрые, все лицо такое симпатичное, мнѣ показалось, что онъ очень желаетъ мнѣ добра. Когда онъ пожалъ мнѣ руку, я почувствовала такое большое удовольствіе, что покраснѣла, какъ дура. Отчего это ласка серьезнаго человѣка такъ необыкновенно пріятна? Я поглядѣла на Николая Кузьмича и вдругъ ни съ чего подумала, что онъ меня ревнуетъ,—вотъ какая глупость мнѣ пришла въ голову!

7 іюня. Я иду за водой и вижу за кузницей сидятъ Николай Кузьмичъ и Павловъ. Николай Кузьмичъ блѣдный, лица на немъ нѣтъ, а Павловъ совсѣмъ спокойный, смотритъ на него пристально и говоритъ тихимъ голосомъ. Я пошла назадъ съ водой, опять посмотрѣла; говоритъ одинъ Павловъ, а Николай Кузьмичъ молчитъ, и только все больше блѣднѣетъ. Я пришла домой, и мѣста себѣ не могу найти; не могла утерпѣть, тропочкой прошла въ баню и сѣла у окна; мнѣ ихъ видно, а имъ меня совсѣмъ не видать. Это было близко, даже голоса слышны, только нельзя разобрать словъ. Павловъ говорилъ мягкимъ голосомъ и много, Николай Кузьмичъ тоже будто съ нимъ соглашался, видно, между ними дружный разговоръ; только Николай Кузьмичъ ужасно блѣдный, а Павловъ совсѣмъ ничего, такой же, какъ былъ въ лѣсу, только разговорчивѣе. Я всѣми силами старалась разобрать, о чемъ они

говорять, только понять рѣшительно ничего не могла. И понять ничего не могу, а отъ окошка отойди совсѣмъ не въ состояніи; я даже подумала: «вѣдь я подслушиваю, вѣдь это подло; если они меня здѣсь застанутъ, я со стыда сгорю, сквозь землю провалюсь». Сердце у меня спльно забьется, когда я такъ подумаю, а уйти все не могу, все слушаю и гляжу.

8 іюня. Такъ я и не могла вчера узнать, что было между Павловымъ и Николаемъ Кузьмичемъ; всю ночь продумала, ничего не выдумала. Сегодня не могла утерпѣть, пошла къ кузницѣ, гдѣ они работали; думаю, не узнаю ли чегонибудь. Подхожу, а Павловъ тамъ съ кузнецами силу и удалъ свою показываютъ; Павловъ надъ всѣми верхъ взялъ, много его одобряли. Потомъ Николай Кузьмичъ послалъ за пивомъ; говорятъ, Павловъ уѣзжаетъ, надо проводить. Они стали пить пиво съ кузнецами. Я все смотрѣла на Николая Кузьмича и слушала, что онъ говоритъ; онъ былъ совсѣмъ странный. То скажетъ такъ рѣзко, а потомъ брови наморщить и сидитъ, точно когонибудь сразить хочетъ, то будто старается польстить Павлову, то панибратствуетъ съ кузнецами, такъ что видно что натягиваетъ; бойчится и хохочетъ ужъ очень, слишкомъ, никогда я его такимъ не видала. Мнѣ было очень совѣстно. Кузнецы разумѣется ничего не замѣчали, имъ бы только пиво пить, а я глядѣла на Павлова. Не можетъ быть, чтобы онъ не замѣчалъ. Я все-таки никакъ не могла ничего у него увидать, все такой же, и съ Николаемъ Кузьмичемъ также говоритъ, хоть бы какаянибудь была разница. Николай Кузьмичъ налилъ стаканъ, подаетъ мнѣ и говоритъ: «Что такъ стоишь, Степа, выпей». Я отказалась, а онъ принуждаетъ; тогда я поняла, что онъ уже пьянъ. «Я не умѣю пиво пить», говорю я. Мнѣ ужасно не хотѣлось, держу стаканъ и не пью, поставитъ все-таки не смѣю, боюсь, какъ бы Николай Кузьмичъ не осердился. Порфирій кузнецъ говоритъ:—«еще молода, дѣвка, чтобы пить, давай ка мнѣ, я за твое здоровье выпью.»—

— «Отдайте», — обратился ко мнѣ Павловъ. Я посмотрѣла на Николая Кузьмича, вижу можно, и отдала. Потомъ замѣтили, что Павловъ блузу разорвалъ, когда силу показывалъ. — «Она вамъ сейчасъ зачинить», — сказалъ Николай Кузьмичъ. Я побѣжала домой за нитками и ножницами. Когда я вышла изъ дому, я увидала, что они сидятъ одни у насъ на огородѣ на лавочкѣ; я сѣла къ нимъ и стала чинить, а они возобновили вчерашній разговоръ и я тутъ все узнала, они отъ меня ничего не скрывали. Вечеромъ я работала на огородѣ, вижу, по тропинкѣ идетъ Николай Кузьмичъ, я его окликнула: — «куда вы идете?» — «Павлова провожать, отвѣтилъ онъ, онъ сейчасъ ѣдетъ», — и прошелъ своей дорогой. Только онъ прошелъ, идетъ Павловъ за нимъ слѣдомъ. Я и его окликнула: — «вы ѣдете?» — «Да», — говоритъ и идетъ дальше. — «Что же, проститесь со мною» — задержала я его; онъ остановился, глядитъ на меня и молчитъ, и я не знаю, что сказать. — «Скажите же чтонибудь мнѣ на прощанье», — проговорила я. — «Вамъ на прощанье сказать?» — повторилъ онъ, подумалъ и говоритъ: — «Ну, пожалуй. Вы хорошо Казанькова знаете?» — «Не знаю, какъ вамъ сказать, кажется знаю. Вѣдь мы знакомы всего двѣ недѣли, только какъ каждый день видимся, то будто цѣлый вѣкъ другъ друга знали». — «Вы только двѣ недѣли съ нимъ знакомы; такъ вы его не знаете, погодите узнаете». — Онъ сказалъ это такимъ голосомъ, лицо его сдѣлалось такимъ мрачнымъ, онъ смотрѣлъ на меня такъ пронзительно, что я похолодѣла и поблѣднѣла. — «Вамъ сказать чтонибудь: не торопитесь выходить за него замужъ». — Я подняла глаза и увидала его спину, онъ шелъ слѣдомъ за Николаемъ Кузьмичемъ, они повернули въ улицу и одинъ за другимъ скрылись. Я не могла тронуться съ мѣста, я смотрѣла въ землю, мнѣ представлялось, будто Павловъ стоитъ на старомъ своемъ мѣстѣ и пронзительно смотритъ на меня. Какіе у него глаза: то такіе ласковые, то такіе страшные; меня била лихорадка, я плачу, а лихорадка меня бьетъ, и все я стою на томъ же мѣстѣ, и плачу, и трясусь. Съ тѣхъ поръ я все думаю: «что это значить? что онъ хотѣлъ этимъ ска-

затъ? онъ такой серіозный, онъ на вѣтеръ не скажетъ. Не можетъ быть, чтобы Николай Кузьмичъ былъ худой, онъ хорошій; никому въ свѣтѣ не повѣрю, что онъ нехорошій; если бы онъ былъ не хорошій, что бы могло его заставить такъ поступать, какъ онъ поступаетъ; онъ бы могъ дѣлать здѣсь все, что хочетъ, все бы верхъ дномъ поставить, всякую бы дѣвушку обидѣть, какъ бы ему только вздумалось». Я повторяла: «это правда, сто тысячъ разъ правда»,—и все-таки я думала, мнѣ сердце сосала дума, Павловъ за мной, какъ грузный хвостъ волочился. Вѣдь можетъ же человекъ вамъ сказать такое слово, отъ котораго вы никакъ не отдѣлаетесь.

9 іюня. Я теперь все обдумала, все поняла, я рѣшилась и сдѣлаю, какъ рѣшилась. Я уже начала, и очень рада, что начала. Теперь мнѣ кажется, что я вдвое больше люблю Николая Кузьмича, чѣмъ до сихъ поръ; я чувствую, что его хотѣть сдѣлать несчастнымъ и что я должна его спасти, я одна могу его спасти; кромѣ меня, около него нѣтъ никого, кто бы могъ ему помочь, а я могу, вполне могу, я должна это сдѣлать. Когда онъ сегодня сидѣлъ и задумался, такой блѣдный, несчастный, я глядѣла на него и мнѣ казалось, что я его мать, я его совсѣмъ такъ люблю, какъ мать. У него нѣтъ матери, его мамаша, развѣ она его мать? развѣ онъ можетъ ей сказать свое горе? развѣ она можетъ его утѣшить? напротивъ, она ничего не понимаетъ въ его мученьяхъ. Только я читаю въ его душѣ, только я могу сказать ему то слово, которое нужно его сердцу. Мнѣ пятнадцать лѣтъ, и я говорю, что я его мать; надъ этимъ могутъ смѣяться, но это справедливо. Вѣдь и Павловъ сказалъ, что я крѣпче его; это правда, я чувствую это въ глубинѣ своего сердца такъ ясно, что яснѣе и нельзя. Павловъ такъ сильно его порицаетъ, но онъ о томъ не думаетъ, что онъ желѣзный человекъ, а Николай Кузьмичъ совсѣмъ не такой; развѣ онъ виноватъ въ томъ, что онъ не такой, развѣ можетъ человекъ дать себѣ то, что они отъ

него требуют. Онъ благородный, умный, ученый, но онъ совсѣмъ безхарактерный; развѣ онъ въ этомъ виноватъ; онъ такимъ родился, нельзя всего имѣть. Они бы робкаго человѣка заставили кораблемъ управлять въ бурю; развѣ это умно, вѣдь онъ долженъ растеряться, и самъ погибнетъ, и ихъ погубить. Онъ подошелъ ко мнѣ съ такою таинственностью; сталъ говорить и сейчасъ же поблѣднѣлъ, мнѣ такъ сдѣлалось его жалко. Я съ нимъ преумно говорила, я очень собой довольна. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ богатый человѣкъ, вѣдь онъ можетъ много сдѣлать добра на своей фабрикѣ. Неужели этому не стоитъ жизнь свою посвятить; вѣдь онъ не хочетъ же жить, какъ его папаша; вѣдь онъ хочетъ жить, какъ рабочій человѣкъ, что же? прекрасно, тогда у него будетъ много денегъ на добро. Его будутъ бранить, пусть бранять; мы люди мысли, мы должны показывать примѣръ, мы не должны этимъ смущаться. Вѣдь нашей рабочей жизни не знаютъ, отъ этого не знаютъ, сколько тутъ можно сдѣлать хорошаго съ деньгами. Они какъ то все хотятъ сразу; они нашихъ людей не знаютъ, мужчинъ ли, дѣвушекъ ли, разумѣется ихъ легко оболъстать виномъ или подаркомъ или чѣмъ; кто ихъ оболъститъ, тотъ и обманетъ, и все дѣло разстроитъ. Надо понемножку выбирать, которые еще не испортились, и учить ихъ, чтобы они приучались мыслить. Вотъ меня приучить, я бы могла, развѣ я глупѣе ихъ конторщиковъ? Если я приучусь, они меня не обманутъ. Сдѣлать сначала такъ; они обсудятъ, а Николай Кузьмичъ рѣшитъ; а когда они привыкнутъ, тогда и имъ давать рѣшать. Я была въ большомъ восторгѣ, когда мнѣ все это пришло въ голову, мнѣ такъ и хотѣлось ему все сразу пересказать. Конечно, я понимала, что такъ нельзя; но сейчасъ замѣтила, что стоитъ только намекнуть, ему сами эти мысли начинаютъ приходиться; должно быть, онъ уже много объ этомъ думалъ. Ему это не нравится, ему непременно хочется быть человѣкомъ съ характеромъ; ну, что же дѣлать, если ему это не дано. Онъ такъ задумывался, совсѣмъ у него дѣлался несчастный и блѣдный видъ; глядишь на него, ему хочется

помочь отъ всей души, такъ бы отъ всей души. А я дѣлаю, будто не замѣчаю; знаю, что ему больно будетъ если онъ увидитъ, что я замѣтила. Я все съ нимъ ласкою; я такъ съ нимъ была ласкова, что наконецъ думаю, вѣдь такъ ужъ и нельзя, вѣдь я ему не сестра, не мать. На минуточку будто и повеселѣетъ, а потомъ опять блѣдный, задумчивый.

10 іюня. Я черпала воду, Николай Кузьмичъ подходитъ ко мнѣ таинственно и шепотомъ говоритъ, чтобы я въ лѣсъ на поляну вышла къ четыремъ часамъ, ему надо со мной посовѣтываться. — «Я думалъ, вечеромъ, сказалъ онъ, да днемъ лучше, незамѣтнѣе» — и придумалъ, что незамѣтнѣе, великій хитрецъ. Какъ только онъ меня увидалъ, онъ вспыхнулъ, а потомъ ничего; только все съ такой таинственностью говоритъ, будто ужасная важность, а сказать ему нечего; и самъ, должно быть, понимаетъ, краснѣетъ, какъ яблочко. Я гляжу на него и думаю про себя: — «Ну къ чему ты меня, сюда призвалъ; вѣдь люди что обо мнѣ подумать могутъ, что я къ тебѣ сюда пошла; ты это ни во что считаешь» — Сказать бы ему это, и... Боже мой, что бы тутъ съ нимъ совершилось. Я же начала съ нимъ говорить о настоящемъ, и привела къ тому, что онъ — богатый человѣкъ, онъ можетъ для рабочихъ сдѣлать то, что родные его не могутъ, такъ ему упускать то бы не слѣдовало. Онъ говоритъ, это такъ, только у родныхъ духу мало, надо поддерживать. Я это будто мимо ушей пропустила, стала ему рассказывать о нашихъ дѣвицахъ, какія онѣ несчастныя, какъ онѣ бьются и съ малыхъ то лѣтъ, съ самыхъ малыхъ лѣтъ въ развратѣ; развѣ это легко, съ малыхъ то лѣтъ и до старости ее все бьютъ, да бьютъ, и всякій ее бьетъ; она же любовнику своему деньги даетъ, отъ него ничего не имѣетъ и его удерживаетъ, чтобы его въ кабаки не прибили, чтобы ему работы не лишиться, и онъ же за это ее изхлещетъ, всю въ синякахъ сдѣлаетъ, и ее же всѣ презираютъ, паскудницей называютъ, всячески. Я даже заплакала, когда рассказывала. Мои слезы тронули Николая Кузьмича: «Я это передѣлаю», сказалъ онъ,

и такъ серьезно и рѣшительно произнесъ эти слова, что я обрадовалась. «Какой вы человекъ, невольно воскликнула я, одной фразой вы меня утѣшили!» — «Не въ утѣшеніи тутъ дѣло, возразилъ онъ, а надобно все это основательно обдумать и сдѣлать». — Послѣ этого мы еще долго говорили, я много рассказывала ему о нашей рабочей жизни, какъ у нихъ дѣлается на фабрицѣ, очень много; я даже подумала, что мой братъ сильно бы разсердился, если бы онъ узналъ, какъ я всѣ эти ихъ тайны выдаю. — Я этого не знала, говоритъ онъ: у насъ пишугъ груды, а самое существенное, того и не напишутъ? Нужно, чтобы всего этого не было, говорилъ мнѣ Николай Кузьмичъ, вы приводите все въ извѣстность и рассказываете мнѣ, вы съ этимъ бытомъ лучше знакомы, вамъ это будетъ легче, а я обдумаю и составлю практической планъ. Сдѣлаемъ маленькое раздѣленіе занятій: ваши факты, а мои мысли и дѣло». — Мы еще долго послѣ этого говорили, такъ болтали, я была довольна, мнѣ хотѣлось съ Николаемъ Кузьмичемъ болтать. Вѣдь не все же одно серьезное; я даже думала: «вотъ если бы это былъ не Николай Кузьмичъ, а Павловъ, мнѣ было бы гораздо тяжелѣе; все серьезное, да серьезное, и никакъ его не одолѣешь. Съ Николаемъ Кузьмичемъ такъ легко, у него доброе и мягкое сердце, онъ будто чувствуетъ, что во мнѣ происходитъ, сейчасъ и уступить. Домой я пришла довольная, шила и мечтала, какъ было бы хорошо, если бы намъ все это удалось устроить, если бы хорошо пошло.

14 іюня. Вечеръ былъ прелестный. Мы только съ мамой кончили работать въ огородѣ, идетъ Николай Кузьмичъ изъ кузницы, сѣлъ на лавочку и говоритъ: «усталъ, у васъ здѣсь чудесно отдохнуть подъ сиренью», — а мама: — «милости просимъ, не желаете ли чайку, самоварчикъ поставимъ». — «Нѣтъ, лучше бы сначала пива выпить, очень жарко въ кузницѣ». — Онъ послалъ за пивомъ, мама принесла. Они пили пиво, онъ съ мамой былъ очень любезенъ, угощалъ ее, она была въ восторгѣ, и говоритъ: — «Еще бы пивца!». — Такая мама! Жаль, что земля

слишкомъ твердая, а тобы я непременно провалилась отъ стыда. Я говорю:—«я принесу»—Николай Кузьмичъ даетъ мнѣ деньги, а я:—«Не падо, у насъ есть».—Мама улыбнулась. Николай Кузьмичъ всталъ и самъ пошелъ; мама его удерживаетъ, говоритъ мнѣ, чтобы я пошла; но тутъ подвернулся кузнецъ Порфирій, Николай Кузьмичъ далъ ему денегъ, онъ и сбѣгалъ. Николай Кузьмичъ пилъ мало, а мама совсѣмъ опьянѣла, она такія стала говорить глупости; если бы это былъ не Николай Кузьмичъ, то я не знаю, чтобы со мной было. Но онъ такой былъ деликатный, такъ онъ умно ее поправлялъ.—«Мнѣ, говоритъ онъ, до вашей дочери далеко, какъ до пеба».—Она сама поняла, что не слѣдуетъ ей такъ говорить, и перестала. Мы ей долго толковали, какъ между собою живутъ люди мысли, но кажется, мы это для себя самихъ толковали, она, должно быть, ничего не поняла. Потомъ чай стали пить, сидѣли до поздней ночи, свѣтилъ мѣсяцъ, было прекрасно, просто идти спать нельзя было рѣшиться. Наконецъ Николай Кузьмичъ ушелъ, я смотрѣла ему въ слѣдъ, я ему была очень благодарна за этотъ вечеръ, онъ такъ держалъ себя умно. Я только что повернулась и подошла къ столу, чтобы убирать посуду, вдругъ, какъ изъ земли выросла бабушка Матрена, лице у ней презлое, прелукавое, а глаза такъ и искрятся; увидала маму и говоритъ:—«Ну, оно при матери разумѣется, ваша воля».—«А тебѣ не показалось?» говоритъ мама.—«Мнѣ что, мнѣ какая забота».—«А все же значить забота, если за густъ заглянула».—«Мнѣ не забота».—«Не забота, а посудить охота».—«Что мнѣ васъ судить, ваше дѣло, ты что скажешь?»—«Я что скажу: пусть ребеночка принесетъ, все таки въ семействѣ прибыль».—

«Мама, воскликнула я, что съ вами, мама, какъ вы можете такъ говорить».—Я такъ разсердилась, что я не знаю, какъ я мамѣ глазъ не выцарапала. Я думала: «Боже мой, мы ей столько толковали, а она что говоритъ, какъ же послѣ этого другіе поймутъ?» Я сержусь, а мама только смѣется:—«А ты чего захотѣла, какія съ этой дурой другія рѣчи вести. Пусть ребеночка принесетъ, вотъ ей и сказъ».—«Мама, не повто-

райте», крикнула я, но мама мнѣ не отвѣчала, а вылила въ стаканъ оставшееся пиво и говоритъ бабушкѣ Матренѣ:—«пей».—«Такъ то лучше»,—отвѣтила бабушка Матрена.—«Учить меня не учи, а пей, вотъ и чаю выпей»,—сказала мама. Когда бабушка Матрена ушла, мама мнѣ говоритъ:—«Ты что, дурочка, или я не понимаю, какъ съ нами надо? Ну видишь она въ удовольствіи ушла». — Мама нисколько меня не успокоила, я до утра не спала, все думала, какъ трудно поступать, придумывала, выдумывала, ни на что не могла рѣшиться. Разъ даже подумала, не лучше ли будетъ въ самомъ дѣлѣ, если мнѣ выдти за Николая Кузьмича замужъ. Ни за что, и подумать объ этомъ не могу, чтобы я сдѣлалась похожа на здѣшнихъ дѣвицъ; я буду учиться и жить своими трудами, иначе мнѣ нельзя.

Іюня 16. У насъ корова ногу себѣ повредила, мама поэтому не пустила нашихъ коровъ въ стадо, я ихъ пасла въ оврагѣ, шила и пасла. Ко мнѣ пришелъ Николай Кузьмичъ; Приходитъ раздушенный, разодртый; я какъ его увидела, такъ и захохотала, спрашиваю:—«вы не на балъ-ли собрались?»—А онъ:—«Такимъ на балъ не пойдешь.»—«Ну, все равно, въ клубъ какой нибудь?»—«И въ клубъ нельзя такъ.»—«Куда-же вы нарядились?»—«Я не нарядился; это все равно, что халать.»—«Пусть халать, а бузница-то, она объ васъ вздыхаетъ?»—

Онъ сталъ мнѣ объяснять, что такъ надо и ничего не объяснилъ. Я хотѣла ему сказать: «что вы шепчетесь; здѣсь и голосомъ кричи, никто не услышитъ», да думаю: «ну его, онъ блаженный Николинъка, что съ него возьмешь!» Я ему сказала:—«Ну-ка, какъ ваши то обрадовались, когда васъ такимъ увидели?»—а онъ отвѣчаетъ:—«Не знаю обрадовались или нѣтъ, у меня нѣтъ времени ихъ спросить объ этомъ». —

Удивительно, какіе, подумаешь, на свѣтѣ люди. Папаша Николая Кузьмича, человекъ, мало сказать желѣзный,—кремневый; молчить, только взглянуть, и всѣ въ смущеніи; скажетъ

«а», — и что это «а» значитъ, хорошо или дурно, никто не знаетъ, а душа въ пятки ушла; говорить, ничего не поймешь, а думаютъ, что онъ и не вѣсть какія премудрости говорить: гордости выше всѣхъ небесъ, самъ говоритъ: «я одинъ и есть, окромя меня и нѣтъ». Я думаю, если бы имъ съ Павловымъ стѣлкнуться, чтобы было? Дѣйствительно, они единственные, другихъ я такихъ не видала. И вотъ подите: не Николай Кузьмичъ папашу своего бонсея, а папаша Николая Кузьмича. Онъ-ли ему не противъ шерсти дѣлаетъ, а папаша только коснуться этого захочетъ, покраснѣетъ, синий станетъ, думаешь, вотъ со нимъ ударъ будетъ; и еще барышнямъ въ примѣръ выставляетъ: сынъ-де почтительный, а вы дуры, не въ пору лезете. Какое тутъ не въ пору! Недавно старшая, Анна Кузьминшна, говоритъ: «что не годъ съ папашей тяжелѣе: бывало, какъ меня папаша сѣеъ, недѣлю сѣсть не можешь, и за малость, просто сама не знаешь, за что,—и то я не съ такимъ страхомъ къ нему подходила, какъ теперь; прежде ему угодить можно было, а теперь кромѣ Николинки никто ему не по праву». Во всей округѣ нѣтъ рабочей дѣвушки, которую бы въ дѣтствѣ такъ травили, какъ Анну Кузьминшну; а теперь замужъ не выдаетъ, должна ему угождать и угодить невозможно; младшей, той разъ въ годъ больно доставалось, а до Николинки пальцемъ не доткнулся, посерьозничаетъ на словахъ и только: объясните почему? Они, дѣйствительно, какъ то другъ друга понимаютъ; онъ съ однимъ Николаемъ Кузьмичемъ и говоритъ; иногда часа два говоритъ, всю душу ему свою высыпаетъ, а Николай Кузьмичъ слушаетъ; и какъ только старикъ съ сыномъ сидитъ, онъ и помягче; подойти къ нему тогда можно,—выслушаетъ, снизойдетъ и денегъ дастъ.

Когда Николай Кузьмичъ въ кузницу идти задумалъ, старикъ на Анну Кузьминшну скапрился; ничего не говоритъ, что ему требуется, а все не хорошо; потому какъ брѣвнеть: —«Ты думаешь большая дѣвка стала, такъ тебя высѣчь вельзя?» —Сказалъ, нахмурился и ни слова.

Мнѣ бы такъ сказали, я бы взяла да и утопилась; а она

бѣдняжка побилась, помаялась и поняла, что ему надо. Николая Кузьмича со слезами упрашивала, на колѣни становилась; мамаша, разумѣется и ревѣла, и хворала, Николинъка ничему не внялъ. Отецъ видитъ, что онѣ не въ состояніи, не вытерпѣлъ. говорить:—«такъ и наслѣдства лишиться можно!»—сказалъ тихе, не въ сердцахъ, только побѣднѣлъ, а Николай Кузьмичъ въ отвѣтъ:—«если бы мнѣ возможно было иначе, неужели бы я не сдѣлалъ? могу отсюда и уѣхать, если желаете», помолчалъ и прибавилъ:—«Наслѣдство, это одна порча людей, изъ него купеческіе сынки выходятъ и больше ничего. Наслѣдство принять, чтобъ ваше желаніе исполнить, это другое дѣло, а то какая же цѣль?». И онъ пожалъ плечами.—«Я тебя съ этой пакостой не равняю, сказалъ старикъ: будь Ванька мой сынъ, я каждую бы недѣлю двѣ шкуры съ него снималъ, а не то што для него кредитоваться! Это скоты, а не купеческіе дѣти. А видно у всякаго есть недохватка».—«Можно такъ сдѣлать, что и знать не будутъ, гдѣ я»,—продолжалъ Николай Кузьмичъ.—«Нѣтъ, оставайся лучше здѣсь. Плевать! Если я допускаю, значитъ молчать должны».—И больше объ этомъ ни слова у нихъ не говорилось.

Когда мнѣ Николай Кузьмичъ это рассказывалъ, я невольно воскликнула:—«Какъ это вы умѣете?»—«Не мудрено, получила я въ отвѣтъ: онъ современнаго образа мыслей понять не можетъ, и не хочетъ показать, что не понимаетъ; попробуетъ полюбопытствовать, расскажешь такъ, что еще больше запутается. Будь я купеческій сынокъ, онъ бы меня въ бараній рогъ гнулъ, хуже Аннушки, пикнуть бы не смѣлъ. Я зналъ, какъ съ нимъ надобно себя вести; я изъ Петербурга ни одного разу у него денегъ не просилъ, онъ же мнѣ ихъ навязывалъ изъ тщеславія. Штука была немудреная, вѣдь я же видѣлъ, какъ онъ тѣмъ гордится, что въ засаленомъ кителѣ ходитъ, а на дочери шиньонъ въ сто рублей. Онъ и не ждалъ а вышло, что когда я деньги отъ него беру, я дѣлаю ему одолженіе, онъ и постигъ, что я умѣю его».—

Николай Кузьмичъ безъ характеру, а дома кажется, что

онъ всѣхъ ихъ крѣпче, орломъ летаетъ, все ему покоряется. Я часто думаю, что это должно быть для него вредно, должно портить его нравъ. Потому думаю, нѣтъ, онъ слишкомъ хорошо ихъ всѣхъ понимаетъ, даже своего отца; я иногда удивлялась тому, какъ онъ его понималъ. Какъ то я сказала, что Кузьма Алексѣевичъ умный человѣкъ. — «Мой отецъ совсѣмъ не умный человѣкъ», отвѣтилъ Николай Кузьмичъ, онъ искусный въ своемъ дѣлѣ, упорно изучалъ его, поэтому и понимаетъ, а кромѣ того ничего попятъ не можетъ; Анпушка дура, а она гораздо умнѣе его;—и дѣло свое онъ такъ удачно ведетъ, потому что глупъ; еслибы онъ началъ понимать, какъ люди думаютъ о нравственности и почему, онъ бы сбился и раззорился». —

17 іюня. Мы сегодня долго разговаривали съ Николаемъ Кузьмичемъ въ оврагѣ, даже стадо прогнали, солнце закатилось; у насъ теперь такъ много дѣла, что разговоръ никогда не кончается; еслибы не надо было гнать домой коровъ, мы бы еще столько же могли проговорить. Онъ опять былъ въ своемъ щегольскомъ платьѣ, которое называется халатомъ. О кузницѣ и помину не было, я удивляюсь, какъ онъ могъ такъ скоро забыть; еслибы я была на его мѣстѣ, я бы, кажется, вѣкъ не забыла.

Я думаю, что онъ потому такъ можетъ мѣняться, что у него совсѣмъ нѣтъ характеру; можетъ быть я ему потому такъ и нравлюсь, что у меня есть характеръ, что я захочу, такъ я всегда хочу, не отступлюсь. Онъ, должно быть, чувствуетъ это, только сознаться не хочетъ; еслибы меня не было, онъ бы не зналъ, что хотѣтъ; ни на что не могъ бы рѣшиться, все бы колебался, переходилъ отъ одного къ другому. Онъ только читать всегда хочетъ, въ этомъ мы съ нимъ одна душа. Ну, да почему бы ни было, а я очень рада, что я ему такъ нравлюсь: со мной онъ, можетъ быть, сдѣлаетъ, а одинъ бы никогда не сдѣлалъ. Я даже удивляюсь, у него такія хорошія книги, а всѣмъ имъ онъ предпочитаетъ разговаривать съ дѣвчонкой и на-

говориться не можетъ. Не знаешь, что сказать, сидить, молчить, а не уходить; я думаю, еслибы я его не расшевелила, онъ бы вѣкъ такъ сидѣлъ, а не ушелъ бы, точно оторваться не можетъ. Мнѣ съ нимъ также пріятно, но я всегда могу оторваться; какія глупости, вѣдь на другой день увидимся же. Все переговоримъ, начну его прогонять, вѣдь надо же когданибудь, не почевать же вмѣстѣ! Только стану гнать, у него и мысли являются и тайны, все, что хотите, опять разговоримся. Наконецъ даже будто тяжело сдѣлается; а какъ только онъ уйдетъ, я опять думаю: нѣтъ, онъ хорошій, и желаю, чтобы такъ весь вѣкъ продолжалось до самой нашей смерти. Я очень хотѣла бы знать, бывали-ли такіе примѣры, чтобы дѣвушка и холостой человѣкъ любили другъ друга, какъ братья, всю жизнь, и не женились бы, а только достигали вмѣстѣ какойнибудь великой цѣли. Я спросила объ этомъ Николая Кузьмича; онъ разсказалъ мнѣ изъ исторіи, что этому примѣры бывали, въ особенности у христіанъ между монахами и монахинями во время религіознаго энтузіазма. Я очень этому обрадовалась: мы непременно будемъ съ нимъ такъ жить; какая прекрасная жизнь, вотъ тогда будетъ прекрасный примѣръ, вотъ тогда поймутъ; еслибы мы женились, такъ бы легко было намъ оплошиться; а такъ нельзя, наше рѣшеніе всю жизнь любить другъ друга и отказаться отъ брака, всегда будетъ напоминать намъ о великой цѣли, и мы волею неволею будемъ стремиться въ ней всею душою. Я говорила ему объ этомъ съ восторгомъ, онъ совсѣмъ со мной согласился; я спросила его, чувствуетъ ли онъ себя способнымъ любить меня всю жизнь также страстно, какъ я его буду любить, любить не для какой либо жалкой, а для великой цѣли. Онъ сказалъ, да; онъ сказалъ это «да» искренно, отъ всей души; я ему дала руку и произнесла: — «я вамъ вѣрю». — «Если можно было, прибавила я, слиться душою и страстно любить другъ друга для одного аскетизма, чтобы мучить себя безъ нужды, изнурять себя бесовницей, постомъ; неужели нельзя сдѣлать того же для цѣли прекрасной?»

20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

Винни
 Винни

Когда я возвращалась домой, я думала:— вотъ сегодня, именно только сегодня, мы заключили вѣчный союзъ съ Николаемъ Кузьмичемъ. Мы чувствовали, до какой степени это наша тайна; мы говорили другъ другу, что мы очень хорошо знаемъ, что ни онъ, ни я, мы не можемъ запнуться объ этомъ ни одному человѣку, ни однимъ словомъ. Мы на это еще не имѣемъ никакого права, люди не повѣрятъ, и имѣютъ право не повѣрить; мы сначала должны доказать, что мы не ошибаемся въ нашихъ чувствахъ, не увлекаемся бесплоднымъ пыломъ. Даже тогда, когда я стала писать свой дневникъ, я хотѣла сдѣлать исключеніе и не писать объ этомъ ни слова; но эти минуты были для меня слишкомъ дороги; послѣ того, что было, мнѣ показалось, что я оскорбила Николая Кузьмича тѣмъ, что я написала въ началѣ, и я рѣшилась излить свою душу. Люди потому не могутъ идти съ твердостью ни по какому великому пути, что они вѣчно сомнѣваются въ искренности и глубинѣ своихъ и чужихъ чувствъ, что увлеченіе, энтузіазмъ имъ кажутся смѣшными; я не хочу сомнѣваться, я не хочу обратиться въ пошлости только потому, что надъ энтузіазмомъ смѣются. Такой случай, какъ у меня, можетъ быть только разъ въ жизни, и я уцѣплюсь за него всѣми силами.

19 іюня. Сегодня меня позвали пить къ Казанковымъ. Анна Кузьминична посадила меня одну въ павильонѣ, а Катерина Кузьминична сердилась на это и не скрывала. Однако Николай Кузьмичъ не выходилъ. Мнѣ хотѣлось только разъ взглянуть на него, а его цѣлый день не видала, онъ мнѣ сказалъ: боленъ. Какой онъ? я думала, нельзя ли это какъ нибудь сдѣлать, вѣдь мнѣ не говорить, только увидать. Я такъ объ этомъ замечталась, что только на работу свою и смотрѣла; подняла глаза, а передо мной стоитъ Николай Кузьмичъ, блѣдный, усталый; мнѣ такъ сдѣлалось его жаль. Онъ говорилъ тихо, но очень приятно, старался меня утѣшить, сказалъ, что у него одна слабость, что завтра онъ будетъ совсѣмъ здоровъ. Вчера

онъ цѣлый день думалъ объ нашей рѣшимости и все одобряетъ. Онъ былъ слабъ, едва могъ говорить, почти не смотрѣлъ на меня, но разсуждалъ такъ спокойно, это было еще въ тысячу разъ лучше; во мнѣ раждалась тихая увѣренность, я видѣла, что онъ не увлекается, что онъ дѣйствительно желаетъ. И всѣми силами сдерживала свое восхищеніе, потому что боялась его растрогать, но когда приходилось подойти къ нему, чтобы помочь его слабости, я будто была въ другомъ мірѣ, такъ я его любила. Онъ удивлялся тому, какъ я вѣрно понимаю вещи; даже инстинктивно, ему бы никогда не пришло въ голову то, что я придумала, а между тѣмъ, въ этомъ глубокая истина. Въ Петербургѣ, въ университетскихъ городахъ, молодежь влюбляется; когда они влюблены, ставятъ себѣ самыя возвышенныя цѣли; потомъ женятся, — и курса не успѣютъ кончить, какъ всѣ возвышенныя цѣли забыты и выходятъ на самую пошленькую дорожку. — «Вы справедливо выражаетесь, прибавилъ онъ: пошлое супружество; есть люди, которые рождены на свѣтъ для чего нибудь лучшаго, чѣмъ производить дѣтей». — Я постоянно опасалась, чтобы онъ не слишкомъ взволновался, но онъ мнѣ говорилъ: — «не бойтесь, я разсуждаю совершенно хладнокровно». — Поговоривъ нѣсколько времени, онъ успокаивался, потомъ продолжалъ; я удивлялась, какъ у него не прерывалась нить мыслей, я видѣла, что онъ все это дѣйствительно прекрасно обдумалъ. Онъ разсуждалъ о томъ, для чего нужны такія страстныя ощущенія, какъ тѣ, которыя мы испытывали, почему они всегда вызываютъ въ человѣкѣ стремленіе къ высокому и прекрасному. Для супружества они не нужны, для этого довольно одной потребности, какъ онъ выразился, и сравнилъ: «достаточно одного голода, чтобы принуждать человѣка къ обыкновенному труду», сказалъ онъ. Его глаза закрылись, онъ дремалъ, я смотрѣла на него, черезъ минуту онъ прибавилъ: — «для человѣка, который задумываетъ великую идею, очень важно, чтобы существовала женщина, которая бы первая его поняла. Магометъ никогда не сдѣлался бы великимъ пророкомъ, если бы первая его жена не поняла его идеи и

не поддержала его своей любовью; но онъ былъ сластолюбецъ, онъ не умѣлъ удержаться, отъ этого, и идея его могла выдти только плохой». — А вѣдь это можетъ быть правда, можетъ быть у Николая Кузьмича и есть идея, только я не въ состоянн ея понять. Когда я шла домой, я подумала объ этомъ и вдругъ мнѣ пришло въ голову: «онъ увидитъ, что я не могу понимать, уѣдетъ въ Петербургъ, тамъ много умныхъ дѣвушекъ, непременно пайдется такая, которая пойметъ». Я заплакала: «разумѣется такъ, я его и удерживать не буду, я, глупая дѣвчонка, что я могу понять?» Я плакала и думала: а я сдѣлаю все что только могу, все, чтобы понять его идею; я чувствую, что если мнѣ только удастся понять, тогда никто не превзойдетъ меня въ любви къ нему».

20 іюня. Прекрасно, если человекъ одушевляетъ хорошее чувство; сегодня, когда я шла въ павильонъ, я только на одну минуту подумала о барышняхъ, позлилась, и сейчасъ прошло, мнѣ не до нихъ, пусть ихъ тамъ, какъ себѣ хотятъ. Николай Кузьмичъ совсѣмъ здоровъ, даже бодрый; только иногда я на него взгляну и вспомню, какъ я его вчера любила больного. Онъ сегодня говорилъ очень умно, все о фабрикѣ; я глупая, думала, что я больше его знаю здѣшнихъ, онъ же меня въ этомъ увѣрялъ, а теперь мнѣ столько наказылъ, я и не слышала, откуда онъ только все это знаетъ. Послѣ этого я подумала: что мудреного, если я его идею не могу понять, онъ гораздо умнѣе меня. Я впрочемъ придумала, какъ мнѣ сдѣлать, не знаю только, удастся ли: я буду у него учиться, вѣдь многое можетъ быть придется дѣлать на фабрикѣ, дѣтей учить, книги вести, оборотомъ заниматься. Онъ говоритъ, что будетъ употреблять меня тамъ, гдѣ нужно будетъ самаго вѣрнаго человека, и потому я все должна умѣть: о, вѣрный то я вѣрный, только изъ всѣхъ силъ должна стараться. Онъ меня будетъ учить, можетъ быть тогда я и пойму его идею; если онъ мнѣ только скажетъ, я сейчасъ пойму, я все понимаю, что онъ говорить.

1 іюля. Я всё эти дни такъ много думала, что у меня не было времени писать. Теперь я его идею поняла, это дѣйствительно великая идея. Овенъ потому имѣлъ такую неудачу, что онъ вовсе не позаботился о томъ, чтобы создать себѣ учениковъ; онъ такъ плохо понималъ людей, что даже лучший его помощникъ вовсе не былъ проникнутъ его взглядами и тотчасъ все перепортилъ, какъ скоро сталъ дѣйствовать одинъ, подпалъ подъ вліяніе жены и сдѣлался самымъ зауряднымъ человѣкомъ. Сравните съ этимъ дѣйствіе Христа: онъ прежде всего создалъ апостоловъ, какой безпримѣрно удачный выборъ людей! Онъ ихъ выработалъ вполне, потомъ далъ имъ примѣръ мученичества, они пошли за нимъ, не оглядываясь, и вышла та великая сила, которая называется теперь христіанствомъ. Сравните Магомета, идея была неглубокая, жалкая, но онъ выработалъ для нея людей. Что сказалъ ему лучший тогдашній знатокъ дѣла, когда онъ осматривалъ его войско подъ Меккой: «тутъ тридцать тысячъ, все шелуха, а вотъ—двѣсти человѣкъ, они непобѣдимы, этого довольно». Онъ не былъ магометаниномъ, а сейчасъ понялъ, въ чемъ суть успѣха пророка. Надо выработать людей; Николлай Кузьмичъ выработаетъ ихъ и наполнитъ ими свою фабрику. Онъ былъ въ Петербургѣ тамъ былъ у него выборъ большой, всякій другой на его мѣстѣ предпочелъ бы эффектную личность, и разумѣется доказалъ бы этимъ свою неспособность. Кому бы пришло въ голову, въ глуши, гдѣ не люди, а человѣческій навозъ, выбрать пятнадцатилѣтнюю рабочую дѣвочку, которую называли презрительно Стешкой, считали за ничто, которая едва выучилась плавно читать. Пусть я подумаю объ этомъ. Да, это дѣйствительно необыкновенно! кромѣ его никто бы этого не сдѣлалъ. Какъ насъ понимаютъ здѣсь? Въ немъ видать моего соблазнителя, можетъ быть даже и Павловъ думалъ также. Что Павловъ мнѣ сказалъ? А какъ Николлай Кузьмичъ ведетъ себя со мною? Развѣ онъ не угадалъ, что я вся способна отдаться? и какъ онъ скоро меня поворилъ, я перечитала свой дневникъ и подумала о томъ, какъ я чувствовала еще двѣ недѣли тому

назадъ, и какъ я чувствую теперь. Я перечитала его идею, какъ я коротко и ясно могла ее написать, это дѣйствительно великая идея. Онъ мнѣ сказалъ, что главное—способность предаться, все остальное придетъ; апостолы были полуграмотный рабочій народъ, у нихъ была одна способность, предаться, и они сдѣлали для міра больше, чѣмъ всѣ современные имъ ученые и великіе умы вмѣстѣ. Онъ насъ подготовитъ и, когда дѣло достаточно утвердится, онъ перенесетъ мученичество. Когда онъ мнѣ это сказалъ, я поняла, что онъ не безхарактерный; въ немъ была великая идея, онъ непременно хотѣлъ ее осуществить и боялся ее преждевременно погубить, а я думала, что онъ безхарактерный; и Павловъ поэтому въ немъ ошибался: это совершенно возможно, я чувствую, что можно такъ бояться за свою идею, что будешь казаться безхарактернымъ.

12 іюля. Я посмотрѣла на себя сегодня въ зеркало и увидела, какая я сдѣлалась толстая, красная, глаза бойкіе, настоящій бурлакъ, мнѣ даже было непріятно. Я сравнивала себя съ Николаемъ Кузьмичемъ, какъ онъ мѣняется, блѣднѣетъ, лицо у него дѣлается восторженное и умное, видно, что онъ много, страстно думаетъ, а я толстѣю; мнѣ кажется, что теперь даже больше, чѣмъ прежде. Иногда мнѣ приходитъ въ голову, какое у меня призваніе, если я такая гладкая рѣпа. Онъ размышляетъ цѣлыя ночи; а я ложусь спать, предполагаю обдумать то и другое, а сейчасъ засну, какъ убитая; утромъ вскочу, мнѣ весело, никакой во мнѣ тревоги нѣтъ. Сегодня Николай Кузьмичъ мнѣ говоритъ: «воздержаніе великая вещь, источникъ могучей страсти и сильной думы»; я на него взглянула и увидела, что у него это должно быть дѣйствительно такъ, а я то? Съ тѣхъ поръ, какъ мы рѣшились не прикасаться, для меня наши свиданія одно удовольствіе. Приду учиться къ нему, только въ комнату войду, мнѣ сдѣлается пріятно, онъ выдетъ, я еще больше обрадовалась, на меня найдеть веселость и бойкость, едва сдерживаюсь, или вдругъ

мнѣ начнетъ казаться, что онъ слишкомъ сосредоточивается, что его надо развлечь, начну хохотать, я ему говорю: «вы серьезный человекъ, вы много думаете, вы блѣднѣете, а я восторгаюсь и восхищаюсь, и только отъ этого толстѣю и краснѣю; никакъ я не умѣю быть монахиней». А онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Такъ и надо, чѣмъ больше въ васъ будетъ жизни, тѣмъ лучше, это сосредоточиваетъ во мнѣ страсть; вы стимуль, а я творецъ идей». Я этого и понять хорошенько не могла, но пусть будетъ такъ, если онъ этого желаетъ. Только, можетъ быть, онъ думаетъ, что я лучше, чѣмъ я есть. Вѣдь я себя все-таки спрашиваю: есть ли во мнѣ призваніе? Со мною что-то дѣлается, какъ нарочно теперь у меня явился какой-то необыкновенный аппетитъ, даже мама замѣчаетъ; я такъ много ѣмъ, много сплю, никакъ проснуться не могу, какъ убитая; на меня все дѣнь нападаетъ, брошу шить, сижу и нѣжусь, мечтаю.

23 іюля. Сегодня я убѣдилась, до какой степени Николай Кузьмичъ можетъ владѣть людьми. Утромъ пришла учиться, спдѣла и дождалась его одна; входитъ Кузьма Алексѣевичъ, я встала, мнѣ и въ голову не приходило, что въ его глазахъ я могу быть чѣмъ нибудь другимъ, а не прислугой. Вдругъ онъ положилъ мнѣ руку на плечо и говоритъ: «садитесь». Я на него гляжу, онъ говоритъ мнѣ «вы»; что это значитъ? — «Учитесь, можете въ люди выдете». Дѣйствительно онъ говоритъ мнѣ «вы». Онъ сѣлъ рядомъ со мной, посидѣлъ, помолчалъ; я видѣла, что онъ мнѣ ничего не хочетъ сказать, а хочетъ только, чтобы я подумала, что онъ мнѣ дѣлаетъ большую честь. Минуты черезъ двѣ онъ всталъ и ушелъ. Я припомнила, въ какое короткое время Николай Кузьмичъ успѣлъ очаровать здѣсь всѣхъ. Въ особенности теперь онъ дѣлается все менѣе требовательнымъ, все болѣе терпѣливымъ; всѣмъ людямъ здѣсь съ нимъ такъ легко. Мамаша, барышни изъ за него гоняютъ людей, а онъ никого не гоняетъ, никогда никого не

поторошить, его не слышать здѣсь. Онъ здѣшнимъ ничего не говорить, но я думаю, если бы онъ сталъ говорить, онъ могъ бы имъ многое внушить, они и теперь чувствуютъ восторгъ. Я его иногда сравниваю, какимъ онъ былъ, когда я его видѣла въ кузницѣ, и какой онъ теперь, онъ очень измѣнился. Тогда я боялась за него, я чувствовала, что онъ говорить не такъ, какъ надо; а теперь я желаю, чтобъ онъ началъ говорить, но онъ не говоритъ; должно быть онъ понимаетъ, что еще не пришло время. Какъ быстро мысли могутъ измѣнить человѣка; мудрено ли, что онъ такъ худѣетъ. Когда ихъ сравнить: Николай Кузьмичъ и его сестрицы, мамаша, папаша, какая разница; а вѣдь не я одна, всѣ здѣсь ихъ сравниваютъ. Мы всѣ привыкли, что они насъ только костятъ; в разговор у нихъ больше все про насъ, и только одна брань, и такіе то, и сякіе то, подумаешь, что самые послѣдніе, хуже насъ и нѣтъ; дѣлое слово о комъ нибудь изъ насъ сказать они боятся; сами говорятъ: «ихъ только ругать и надо, потакни имъ, сейчасъ негодными сдѣлаются». Кузьма Алексѣевичъ, тотъ въ глаза получше, а промежь себя такой же ругатель. Николай Кузьмичъ никогда дурнаго слова не скажетъ, въ особенности при нихъ. Со мной онъ иногда еще очень рѣзко говорить, въ особенности про прислугу и контору; рабочихъ онъ любитъ, а этихъ нѣтъ; но при своихъ никогда ни слова не скажетъ. Когда что нибудь у него не сдѣлано, онъ ни барышнямъ, ни мамашѣ никогда не скажетъ, прислугѣ скажетъ, только всегда тихо, не сердясь. Павелъ рассказывалъ, что какъ то онъ ему три раза въ ряду говорилъ, тотъ все забывалъ, онъ даже испугался, а Николай Кузьмичъ и въ третій разъ тихо сказалъ, такъ просто сказалъ, и кротости нѣтъ и сердца нѣтъ. Ванька забылъ ему сапоги вычистить, онъ нечищенные и надѣлъ, Кузьма Алексѣевичъ увидалъ и замѣтилъ; «у тебя сапоги нечищенные»; а Ванька тутъ же стоитъ. «Я перемѣшалъ, не тѣ надѣлъ», отвѣтилъ Николай Кузьмичъ, «пусть такъ». У Ваньки всплеснулось сердце отъ радости. Денегъ даетъ имъ много, а со всѣмъ съ ними теперь не говорить. Они довольны, разсужда-

ютъ: «что намъ въ ихнихъ разговорахъ, еще не сообразивъ, противъ шерсти скажешь, неприятность видеть». — Вчера онъ мнѣ сказалъ: «прекрасно всепрощающее поведеніе, я возведу его въ систему». — Я вижу, что онъ умѣетъ, ему удастся, тогда онъ начнетъ говорить, каждое слово его, какъ святыню, будутъ слушать. Я была въ умиленіи, смотрѣла на него, не могла насмотрѣться, и онъ на меня, такая кротость у него въ глазахъ.

28 іюля. Сегодня я спросила Николая Кузьмича, не боленъ ли онъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ здоровъ, что мнѣ это кажется потому, что наше состояніе тяжелое. — Нельзя такъ думать, какъ онъ, это дѣйствительно тяжелое состояніе, такъ страстно и много думать все объ одномъ. Я не могу придумать что дѣлать, но непременно надо придумать; я вижу, что онъ сдѣлается боленъ. У него прежде лицо было только восторженное, умное, а теперь даже болѣзненное. Когда я повторяю то, что мы прошли во вчерашній урокъ, и долго смотрю ему въ глаза, глаза его начинаютъ мнѣ казаться страшными, я не могу больше смотрѣть, я гляжу на полъ. Онъ часто упорно смотритъ на меня, просто уставится и смотритъ; я вижу, что онъ и самъ не знаетъ того, что смотреть, совсѣмъ о другомъ думать, или вдругъ сдѣлается мягкій, слишкомъ мягкій, говорить такимъ голосомъ, точно прощенія у меня въ чемъ нибудь просить, и два раза заплакалъ. Я спрошу его: «что съ вами»? — Онъ отвѣтитъ: «это раздраженіе нервовъ», — и потомъ сдѣлается совсѣмъ другой, точно я его отъ какого нибудь сна разбудила; говорить твердымъ голосомъ и въ лицѣ переменится, лицо сдѣлается у него спокойное, умное. Я начну его уговаривать: «къ чему вы такъ много думаете»? — а онъ увѣряетъ, что это пустяки, ничего не значить, что онъ рожденъ для сильныхъ страстей, что сильная страсть всегда развивается такимъ образомъ; бываетъ моментъ изнуренія, а потомъ организмъ окрѣпнетъ и закалится. Я все думаю о его словахъ и не могу понять; но

мнѣ его слишкомъ жаль и я изъ всѣхъ силъ буду его уговаривать не думать такъ много.

31 іюля. Сегодня я увидала, на сколько онъ лучше меня. Сегодня онъ вышелъ такой блѣдный, что я и обрадоваться ему не могла, такъ мнѣ было его жаль. Онъ не могъ даже сидѣть, легъ на диванъ. Вчера онъ опять цѣлую ночь ходилъ по лѣсамъ и простудился. Мы занимались, я замѣтила, что онъ замолкъ; гляжу, а онъ лежитъ навзничъ, блѣдный, какъ смерть, глаза закрыты и изъ глазъ текутъ слезы. Я забыла все, крикнула: «что съ вами?»—кинулась къ нему, обняла его голову и поцѣловала. Онъ приподнялся, я сама не помнила себя, крѣпко обхватила его руками и плакала у него на груди. Его лицо оживилось, онъ сталъ меня ласкать и потомъ такъ кротко сказалъ: «мы должны помнить нашъ договоръ», но я не могла перестать плакать и держать его. Онъ поцѣловалъ меня въ губы и будто испугался, сейчасъ же освободился отъ меня, ушелъ на другую сторону комнаты и оттуда повторилъ также кротко: «Если мы будемъ увлекаться, то намъ не сдерживать своего слова».—Тогда я опомнилась, я глядѣла на него и подумала: «вотъ святой человѣкъ, и про этого человѣка говорятъ, что онъ мой злой соблазнитель».—Я всей душой буду бороться противъ своихъ слабостей, я буду, я должна имѣть достаточно силы, чтобы быть достойной его. Послѣ этого онъ такъ себя велъ, что я теперь, какъ вспомню, такъ и заплачу. Онъ сразу мнѣ все простилъ, ни одного упрека, ни одного жесткаго слова, а какъ я это заслужила. Тогда я стала его просить, чтобы онъ не мучилъ себя, чтобы онъ пожалѣлъ мою слабость, что я не могу видѣть его такимъ блѣднымъ. Онъ и на это согласился, онъ сказалъ, что это не такъ легко будетъ сдѣлать, но что черезъ нѣсколько времени онъ совладаетъ съ собой. Онъ меня совсѣмъ, окончательно очаровалъ, я чувствовала, что безъ него я совсѣмъ не могу жить такъ, какъ я желаю жить, какъ долженъ жить мыслящій человѣкъ. Какія во мнѣ слабости, я совсѣмъ заурядный, совсѣмъ безхарактер-

ный человекъ, только отъ такого человека, какъ Николай Кузьмичъ, я могу почернать и мысль и силу, я должна стоять около него, всѣми силами своими бороться за то, чтобы не отойти отъ этого мѣста. Да, я должна и я хочу этого отъ всей души. Клянусь, только одна смерть оторветъ меня отъ него, чѣмъ я клянусь, я ничѣмъ не клянусь, но это будетъ такъ.

6 августа. Вотъ уже третій день я сама не своя. Что то случилось, и я не знаю что.—Третьяго дня я пришла къ Николаю Кузьмичу учиться, онъ выходитъ торопливо, сказалъ, что у него нѣтъ времени и ушелъ. Я даже заплакала, какъ ужасно онъ можетъ мѣняться. Что онъ во мнѣ вызвалъ, это и описать трудно; онъ такъ меня приучилъ, что я и представить себѣ не могла, что онъ можетъ такъ коротко мнѣ сказать и уйти. Я думала и о томъ, и о другомъ; о чемъ я только не думала, и о чемъ я ни подумаю, сейчасъ заплачу. Говорять получилось какое то письмо изъ города, какое никто не знаетъ, кромѣ Кузьмы Алексѣевича и Николая Кузьмича; Николай Кузьмичъ ходитъ, какъ растерянный, а Кузьма Алексѣевичъ сердится. На другой день я подумала, какъ я къ нему пойду, когда даже во мнѣ въ домъ съ чего то всѣ перемѣнились. Я всетаки пошла, я не могла, я его слишкомъ люблю. Онъ опять мнѣ сказалъ, что у него нѣтъ времени; былъ ласковъ со мною, но такъ, будто его кто нибудь заставляеть. Я не могла утерпѣть, я спросила его, не сердится ли онъ на меня, и едва выговорила. Онъ еще сдѣлался ласковѣе и всетаки совсѣмъ другой. Я ушла, мнѣ показалось, что я лишняя. Шла домой и вдругъ стала себя упрекать: вотъ до чего я себя довела, я лишняя. Никакъ не могла сообразить, что я такое сдѣлала и почему я себя упрекаю, и что бы мнѣ надо дѣлать. Такъ прошелъ цѣлый день, я все ничего не могла понять. Въ ночь Николай Кузьмичъ уѣхалъ въ городъ. Сегодня утромъ я это узнала и до сихъ поръ ничего не знаю. Мнѣ все приходятъ самыя мрачныя мысли, говорятъ даже никто не знаетъ, воротится онъ или нѣтъ. Неужели онъ уѣхалъ навсегда и

не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова? Какъ онъ ужасно мѣняется, нельзя не страшиться. Я то глупая думала, что онъ мнѣ теперь будетъ говорить все. Какъ ужасно трудно разгадать человѣка, а мы то думаемъ, что если мы кого полюбимъ всей душой, то мы вполне узнаемъ... Мнѣ кажется, что я написала ужасныя глупости, я не буду больше писать до пріѣзда Николая Кузьмича... Если онъ никогда не пріѣдетъ?—Зачѣмъ я задаю себѣ этотъ вопросъ?—Если онъ никогда не пріѣдетъ, я не буду больше писать.

Флеровскій.

(Продолженіе будетъ).

Общинное землевладѣніе въ Малороссіи.

(Золотоношскій уѣздъ, Полтавской губерніи).

Въ октябрѣ 1880 г., во время преній въ Полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по вопросу объ организаціи земскаго земельного банка, мнѣ пришлось выслушать побѣдоносное заявленіе со стороны противниковъ сдѣланнаго мною предложенія объ организаціи кредита исключительно для однихъ обществъ, заявленіе, нашедшее поддержку и сочувствіе въ большинствѣ гласныхъ. Мнѣ указали на тотъ «общезвѣстный и общепринятый» фактъ, что Малороссія и въ частности Полтавская губернія — классическая страна личнаго, подворнаго владѣнія, что въ ней не существуетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ общиннаго землевладѣнія, что если оно когда либо и существовало въ ней, то давнымъ давно и безслѣдно исчезло, что, наконецъ, общинное землевладѣніе противно духу и характеру населенія. Въ этомъ заявленіи не было ничего, ни новаго, ни неожиданнаго: много разъ приходилось слышать его и прежде. Но въ то время, въ виду такого заявленія, представляющаго собою и теперь чуть не аксіому, оставалось лишь преклониться предъ авторитетомъ представителей отъ многихъ уѣздовъ Полтавской губерніи, мѣстныхъ старожиловъ. Единственное возраженіе, которое можно было представить и которое высказывалось уже нѣсколько разъ въ литературѣ, было возраженіемъ чисто теоретическаго свойства, и потому мало убѣдительнымъ. Можно было сослаться на установленное въ наукѣ мнѣніе, что общинное землевладѣніе есть форма отношеній, присущая всѣмъ народамъ, что

оно является необходимымъ фазисомъ развитія. что, слѣдовательно, малороссы не составляютъ и не могутъ составлять исключенія изъ общаго правила и что, вѣроятно, слѣды этой формы поземельныхъ отношеній не могли безслѣдно исчезнуть въ Малороссіи. Но какую силу, какое практическое значеніе могло имѣть это возраженіе, однажды не было подъ руками фактовъ, подтверждающихъ его? Между тѣмъ, ихъ то именно и не доставало. Въ нашей литературѣ почти не существуетъ скольконибудь точнаго и подробнаго изслѣдованія поземельныхъ отношеній, какъ они сложились въ Малороссіи. Всѣ и вся увѣрены, что искать среди малороссовъ слѣдовъ общиннаго владѣнія — совершенно напрасный трудъ. Если что либо извѣстно объ общинѣ у малороссовъ, то лишь о той общинѣ, которая существуетъ у колонистовъ въ поволжскихъ губерніяхъ. Но, въ силу правила, что исключеніе только подтверждаетъ общую истину, этотъ фактъ еще сильнѣе подкрѣпляетъ общепринятое мнѣніе. Сравненіе Малороссійской общины въ поволжьи съ общиною среди нѣмецкихъ колонистовъ, усвоившихъ ее отъ великороссовъ, являлось сильнымъ аргументомъ противъ существованія общиннаго землевладѣнія въ самой родинѣ малороссовъ. Понятно отсюда, почему всѣ почти изслѣдователи малороссійской жизни совершенно обходили вопросъ объ общинномъ землевладѣніи въ Малороссіи. Въ тѣхъ работахъ, которыя были изданы Черниговскимъ земствомъ, вы найдете массу данныхъ относительно оцѣнки имущества, размѣра и характера поземельныхъ владѣній и т. п. но совершенно напрасно будете отыскивать скольконибудь подробныхъ объясненій о томъ, что такое «сябринныя земли», т. е. именно общинныя земли, получившія извѣстность благодаря недавнему процессу крестьянъ съ г. Посудіевскимъ. Тоже примѣнимо ко всѣмъ и прежнимъ, и современнымъ работамъ и изслѣдованіямъ о Малороссіи. Что касается Полтавской губерніи, то она была до недавняго времени совершенно чистою и не запятанною «зловредной» статистикою, и только въ прошломъ году организовалось земское статистическое бюро, едва начавшее свои работы при массѣ самыхъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій. Правда, въ программу собранія свѣдѣній по Полтавской губерніи внесены, по моему предложенію, пункты, касающіеся общественныхъ земель и способовъ пользованія ими, но отвѣтовъ на нихъ еще не имѣется.

Volens volens приходилось признать — истинною общераспростра-

ненное мѣніе о несуществованіи въ Малороссіи общиннаго землевладѣнія. Да и трудно было поступить иначе, когда то и дѣло, чуть не на каждомъ шагу, приходится встрѣчаться съ самыми ясными признаками личной, подворной собственности, слышать постоянно разговоры и рассказы о дѣлѣхъ личной наследственной собственности. Сверхъ того два изслѣдователя народнои жизни въ Малороссіи, г. Щербина, въ своихъ «Очеркахъ южно-русскихъ артелей и общиппо-артельныхъ формъ», и г. Василенко, въ своей статьѣ о народныхъ обычаяхъ въ Малороссіи, статьѣ, помѣщенной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», столь хорошо знакомые съ строемъ отношеній въ Украинѣ, не представили ни одного факта, доказывающаго существованіе общиннаго землевладѣнія въ этой мѣстности.

Совершенно случайный фактъ заставилъ меня усумниться въ точности и вѣрности общепринятаго мѣніа относительно малороссовъ, и въ достаточной широтѣ и полнотѣ созданныхъ уже наблюденій надъ малороссійскою народною жизнью. Годъ тому назадъ я участвовалъ, въ качествѣ почетнаго мирового судьи, въ разрѣшеніи спора, возникшаго между казаками села Ревбинецъ (Золотоношскаго уѣзда) и обществомъ села Митекъ (того же уѣзда) за пограбленное послѣднимъ сѣно, скошенное первыми. Изъ весьма подробныхъ объясненій, данныхъ уполномоченными отъ Митковскаго общества, обнаружилось, что село Митьки владѣетъ предковскою общественною землею, именно сѣнокосомъ, которымъ пользуются совмѣстно и сообща всѣ жители села. Сѣнокосъ скашивается ежегодно всѣми жителями «гуртомъ», «артилью», а, затѣмъ, полученное сѣно раздѣляется поровну между всѣми. Въ ту же сессию мирового сѣзда разсматривалось и другое дѣло: объ общественныхъ земляхъ при м. Домантовѣ (Золотоношскаго уѣзда), вслѣдствіе иска, предъявленнаго однимъ изъ землевладѣльцевъ-дворянъ, соучастникомъ въ общемъ владѣніи, къ обществу, якобы самовольно распорядившемуся частью общественной земли. Оба эти дѣла раскрыли такую сторону въ поземельныхъ отношеніяхъ въ Малороссіи, о которой мало, даже ничего не было извѣстно. Они указали на существованіе какихъ то иныхъ отношеній сверхъ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ факта личной, подворной собственности.

Оставить безъ вниманія и изслѣдованія подобные факты я не

счелъ для себя возможнымъ и постарался разузнать, насколько единичны они. Я обратился къ изученію старинныхъ бумагъ, главнымъ образомъ къ «описи малороссійскихъ полковъ», составленной въ 1767 г., по распоряженію графа Румянцова, сталъ рыться въ волостныхъ архивахъ, наконецъ, началъ спрашивать мѣстныхъ людей и стариковъ въ извѣстныхъ мнѣ селахъ. Мнѣ удалось этимъ путемъ собрать не мало интересныхъ данныхъ, и изъ нихъ и на основаніи ихъ нельзя было не прийти къ убѣжденію, что побѣдоносность возраженій, дѣлаемыхъ, обыкновенно, когда рѣчь заходитъ о формахъ землевладѣнія въ Малороссіи, не болѣе, какъ кажущаяся, что она есть результатъ отсутствія дѣйствительнаго знакомства съ народной малороссійской жизнью. Огульная характеристика народа, именно признаніе малороссовъ народомъ — индивидуалистомъ по преимуществу, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась несостоятельной; сверхъ того обнаружилось, что благодаря ей мы имѣемъ такъ мало точныхъ наблюденій надъ жизнью малороссовъ, такъ мало знаемъ ее. Наблюдатель, подъ вліяніемъ прочно установившагося мнѣнія о характерѣ народа, о полномъ и всецѣломъ преобладаніи въ его средѣ формъ исключительно подворнаго, индивидуальнаго владѣнія, проходилъ мимо ряда явленій иного порядка, совершенно не замѣчая ихъ. Не разъ и пишущему эти строки приходилось бывать въ такомъ положеніи. Много лѣтъ подъ рядъ проходилъ я съ ружьемъ за плечами по землямъ, то одинъ годъ засѣваемымъ просомъ, то служившимъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ выгономъ для скота. Вынужденный признать непобѣдимость общепринятаго мнѣнія, я ни разу не задавалъ себѣ вопроса, какъ и на какихъ основаніяхъ пользуются мѣстные жители этими землями. Я считалъ ихъ находящимися въ подворномъ владѣніи (что и бываетъ иногда) и подлежащими обязательной смѣнѣ, при трехъ-польной системѣ хозяйства. Ближайшее ознакомленіе съ дѣломъ обнаружило, до какой степени я былъ близорукъ. Оно выяснило, что въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы встрѣчаемся съ ясными и несомнѣнными признаками и слѣдами общиннаго владѣнія.

Съ результатами моихъ наблюденій я и намѣренъ отчасти познакомить читателя въ настоящей статьѣ. Пока я буду имѣть въ виду главнымъ образомъ современное положеніе дѣлъ. Что касается до исторіи поземельной общины въ Малороссіи, то она

войдетъ лишь косвенно въ настоящій очеркъ, насколько она понадобится для объясненія состоянія современнаго общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. Исторіи общины посвящена мною особая статья, которая появится вскорѣ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ».

Интересъ, съ которымъ относятся у насъ къ вопросу объ общинномъ землевладѣнїи, новизна фактовъ, открытыхъ мною, оправдаютъ, надѣюсь, появленіе настоящаго, далеко еще, впрочемъ, неполнаго очерка. Но я имѣлъ въ виду еще одну цѣль, составляя ее ранѣе окончанія всѣхъ подготовительныхъ работъ. Недавно, какъ извѣстно, пазначена коммиссія для разработки гражданскаго кодекса. Извѣстень очень хорошо также и тотъ фактъ, что нынѣ дѣйствующее законодательство совершенно почти игнорируетъ общину, общинныя поземельныя отношенія. Законъ знаетъ только о существованіи общаго владѣнія, приравненнаго къ товариществу. При разборѣ дѣлъ, касающихся общинныхъ земель, приходится, поэтому, руководиться статьями кодекса, относящимися къ явленіямъ иного характера, иного порядка. Не гарантируемое закономъ, общинное землевладѣніе во многихъ случаяхъ, — судебныхъ ли то или межевыхъ, — даже просто подрывается имъ, такъ какъ верѣдко законъ идетъ въ разрѣзъ съ установившимися общинными порядками, съ народными обычаями и воззрѣніями. Въ силу закона требуется, напр., безусловное согласіе всѣхъ соучастниковъ въ общемъ владѣнїи, въ случаѣ какого нибудь дѣйствія, хотя бы и болѣе чѣмъ $\frac{2}{3}$, совладѣльцевъ по отношенію къ общевладѣемой землѣ. Съ другой стороны, законъ допускаетъ и возможность неравномѣрности соучастія во владѣнїи соучастниковъ въ общемъ владѣнїи. Пригодныя вполне для товариществъ эти статьи закона, примѣняемыя къ общиннымъ и общественнымъ землямъ, ведутъ къ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, прямо противорѣчающимъ справедливости. Общинное владѣніе основывается на равномъ участіи всѣхъ совладѣльцевъ въ пользованіяхъ и даетъ право большинству принимать тѣ или иные мѣры по отношенію къ владѣемой землѣ. Тамъ, гдѣ община состоитъ изъ однихъ только крестьянъ или казаковъ, вредное дѣйствіе закона нѣсколько затрудняется специфическими условіями. Но достаточно, чтобы въ числѣ совладѣльцевъ оказались лица, не принадлежащія къ составу крестьянскаго населенія, чтобы дѣйствіе статей закона ска-

заюсь самымъ вреднымъ образомъ. Между тѣмъ въ Малороссіи, въ силу историческихъ условій, особенно же вслѣдствіе поздняго выдѣленія владѣльческаго класса изъ среды казачества, владѣніе его, совмѣстное съ владѣніемъ казачьимъ и крестьянскимъ, встрѣчается весьма нерѣдко. Владѣніе это опредѣляется народными обычаями, основано на правѣ равнаго участія въ пользованіи и исключаетъ право одного лица опротестовывать постановленіе большинства. Понятно, какое дѣйствіе можетъ оказывать законъ въ такого рода случаяхъ. Одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ уяснилъ лучше всего дѣло. При м. Домантовѣ, какъ замѣчено выше, существуютъ общественныя земли въ количествѣ около полуторы тысячи десятинъ. Землями этими пользуются сообща какъ мѣстные казаки и крестьяне, такъ и мѣстные дворяне-землевладѣльцы. Опираясь на нынѣ дѣйствующее законодательство, землевладѣльцы-дворяне чуть не ежегодно возбуждаютъ противъ общества иски, то изъ за убытковъ, понесенныхъ ими, вслѣдствіе того, что общество якобы самовольно распорядилось частью земли, то изъ за нарушенія (?) владѣнія. Издревле право пользованія этими землями было равное для всѣхъ владѣльцевъ, безъ отношенія къ количеству земли, находящейся въ личной собственности каждаго. Земли эти служили выгономъ, и каждый владѣлецъ могъ посылать на нихъ весь свой скотъ на пастьбу. Въ противность обычаямъ, существующимъ въ массѣ другихъ деревень, земли эти не пахались, хотя право на обращеніе части этихъ земель въ пахать, согласно обычаю, не было отнято у общества. Въ 1880 году общества: казаковъ, крестьянъ-собственниковъ и временно-обязанныхъ крестьянъ, а также и большинство землевладѣльцевъ-дворянъ согласились часть земли, въ количествѣ около 150 десятинъ, отдать въ наемъ для постройки на вырученныя деньги церкви. Дѣйствіе это было вполне согласно съ обычаями и народнымъ правомъ: отрѣзки общинныхъ земель, оставшіяся послѣ передѣла, обыкновенно отдаются во многихъ селахъ въ наемъ. Здѣсь, въ Домантовѣ, оно вызвало рядъ жалобъ, и мировой сѣздъ, руководясь текстомъ закона, вынужденъ былъ, въ случаѣ жалобы объ убыткахъ, рѣшить дѣло въ пользу истца, или же, въ случаѣ жалобы за нарушеніе владѣнія, прибѣгать къ казуистикѣ и отказывать истцу. Общества подвергались штрафамъ, возмещенію убытковъ и т. п. Этого мало. Дѣло ухудшалось еще благодаря одному обстоятельству, обязан-

ному своимъ возникновеніемъ той же причинѣ. Еще въ 1874 году одинъ изъ мировыхъ судей, рѣшая дѣло по жалобѣ одного изъ землевладѣльцевъ на то же общество за убытки, склонилъ стороны къ миру и, руководясь текстомъ закона, внесъ въ протоколъ мировой сдѣлки актъ, составленный тутъ же уполномоченнымъ отъ общества, актъ, въ силу котораго устанавливался принципъ, прямо противоположный малороссійскимъ порядкамъ. Именно—было определено: 1) что участіе каждаго владѣльца въ обще-владѣемой землѣ должно быть пропорціонально количеству личной собственности каждаго изъ нихъ, и 2) что оранье земли этой можетъ быть допущено не иначе, какъ съ согласія всѣхъ безъ исключенія совладѣльцевъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ былъ соблюденъ, но народное право и обычай были совершенно измѣнены.

Понятно, отсюда, какое значеніе можетъ имѣть точное и подробное опредѣленіе мѣстныхъ правъ и обычаевъ. Если оно въ высокой степени важно для Великороссін, то не мало значенія имѣетъ оно и для Малороссін, гдѣ существуютъ общинные порядки особаго рода. И это тѣмъ болѣе, что обще-принятое мнѣніе, будто въ Малороссін нѣтъ и слѣдовъ общиннаго пользованія, весьма вредно сказывающееся уже и теперь, при производствѣ работъ по межеванію земель, можетъ оказать такое же вліяніе и въ случаѣ, если на факты общиннаго пользованія въ Малороссін не будетъ обращено вниманія при составленіи кодекса.

I.

Районъ моихъ наблюденій ограничивается пока, въ силу личныхъ условій, только южною частью золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи, и главнымъ образомъ прибрежными, придиѣпровскими селами, входящими въ составъ трехъ волостей: мойсенской, васютинской и еремеевской ¹⁾. Съ одной стороны, болѣе близкое знакомство съ населеніемъ этихъ селъ, гдѣ мнѣ приходилось за-

¹⁾ Селевія, входящая въ составъ этихъ волостей, суть слѣдующія: 1) Мойсѣицы, Бутьки, Деми, Митьки, Краснохвощинцы, Самовица, Бальки, Мухи, Пищики и Налъси, 2) Васютинцы, Старсе, Козловъ и Москаленки и 3) Еремеевка и Гусиное.

казывать образцы кустарной промышленности для московской выставки, а, съ другой, соображенія историческаго характера побудили меня на первый разъ ограничиться только ими одними.

Дѣло въ томъ, что почти всѣ эти села принадлежать къ числу наиболѣе древнихъ поселеній южной части уѣзда и всѣ, за малыми исключеніями, населены казаками. Такъ, Еремеевка и Мутихи возникли еще въ началѣ XVII вѣка, во времена польскаго владычества, какъ то видно изъ люстраціонныхъ актовъ. Возникновеніе остальныхъ, судя по даннымъ румянцевской описи, можетъ быть отнесено къ періоду борьбы казаковъ съ поляками при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Понятно, что здѣсь мы можемъ встрѣтиться съ весьма древними формами отношеній, то сохранившимися всецѣло и неприкосновенно, то подвергшимся уже разложенію. И дѣйствительно, повсюду здѣсь мы находимъ либо общину, сохранившуюся въ первоначальномъ ея видѣ, либо ясныя остатки общиннаго владѣнія.

Въ болѣе раннюю эпоху, въ XVII и даже XVIII в.в. формы чисто общиннаго владѣнія были преобладающими въ разсматриваемой мѣстности. Не только выгоны, луга и лѣса находились въ общемъ пользованіи, не только въ такомъ же пользованіи находилась и пахать, но пользованіе общинными землями было совмѣстное между многими селами, образовывавшими нѣчто въ родѣ марковой общины. Не касаясь тѣхъ данныхъ, которыя я привожу въ другой моей статьѣ, упомянутой выше, я ограничусь указаніемъ на два дѣла, находящіяся въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія и создавшіяся извѣстными мнѣ на дняхъ. Одно изъ нихъ, отъ 1779 года, относится прямо къ разсматриваемой мѣстности. Оно возникло изъ за притязаній какъ Ирклѣвской сотни, такъ и еремеевскихъ козаковъ на право пользованія общественнымъ сѣнокосомъ: изъ разъясненій, приложенныхъ къ дѣлу, видно, что спорный лугъ есть «общой, владѣемый полку переяславскаго казаками сотни Ирклѣвской: Васютинскими, Москоленскими, Козловскими и Старосельскими, между жителями всѣхъ оныхъ селеній не раздѣленный и смежный». Другое дѣло, 1782 года, относится до сѣверной части уѣзда и возникло изъ за захвата «свободной войсковой степи, находившейся въ общемъ пользованіи всѣхъ обывателей» Кропивянской и Золотоношской сотенъ разными владѣльцами изъ числа старшины казачьей. Изъ него видно, что и здѣсь

существовало общее пользование пахатью и что въ пользованіи совмѣстномъ участвовали рядъ деревень. Эти факты, подтверждаемые румянцевской описью, подкрѣпляются, сверхъ того, и тѣми данными, которыя мнѣ удалось узнать изъ разспросовъ старожиловъ. Именно: пользование общественною пахатью было всеобщимъ совмѣстнымъ у многихъ селеній. Раздѣлъ ея въ личную подворную собственность совершился частью въ XVIII в., частью въ первой половинѣ XIX в. Степная пахатъ, нагорныя пахатныя земли ранѣе всего перешли въ личную собственность, — земли же пахатныя, прилегающія къ селамъ, оставались до начала нынѣшняго столѣтія въ общемъ пользованіи. Такъ: въ такомъ пользованіи находились въ началѣ XIX в. земли, прилегающія къ Мутихамъ и Бѣлкамъ, затѣмъ къ Краснохвощинцамъ и Митькамъ. Раздѣлъ ихъ между обществами Мутихъ и Бѣлекъ совершился, по словамъ участника въ немъ, казака изъ Мутихъ, Григорія Коломійца, лѣтъ 70 назадъ. Затѣмъ уже, послѣ поступленія пахати въ общее пользование каждой отдѣльной общины, въ нѣкоторыхъ, какъ Еремеевкѣ, Васютинцахъ, Демкахъ, раздѣлъ подворный произошелъ только въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, Тоже имѣло мѣсто и по отношенію къ сѣнокосамъ. Такъ, напр., громадный лугъ, простирающійся по Днѣпру отъ селенія Самовица (противъ Черкассъ) до острова, принадлежащаго нынѣ селеніямъ Мойсѣвцы и Пищики, составлялъ общее владѣніе большей части селеній иркѣвской и каневской сотень. Онъ раздѣленъ былъ, по словамъ того же свидѣтеля, между ними около 50 лѣтъ тому назадъ. А именно: между Ревбинцами, Митьками, Скородистивкомъ, Подоломъ, Самовицей, Мутихами, Крутьками, Загородищемъ, Вороненцами, Мельниками и Лихолѣтами. Раздѣлъ былъ совершенъ такъ, что каждое селеніе получило равную часть луга. Распредѣленіе участковъ между селами было произведено посредствомъ киданія жеребій, бірокъ. Вначалѣ отмѣрили посредствомъ кодолы (веревка длиною болѣе 30 сажень) равныя участки (часть луга затѣмъ осталась и поступила во владѣніе Лихолѣта). Потомъ въ шапку бросили столько бірокъ, заранѣе приготовленныхъ изъ вербы съ отмѣтинами, сколько было селеній, и, послѣ опредѣленія, гдѣ голова, т. е. съ какого мѣста пачинать надѣлъ, стали вынимать послѣдовательно бірку за біркою, или бірковатьсѧ, при чемъ жребій падалъ на селенія въ томъ порядкѣ, какъ они записаны выше. Подобнымъ

же образомъ были раздѣлены земли между такими селеніями какъ Еремеевка, Жовниязъ, Гусиное, Клищинцы, которыя, какъ то видно изъ актовъ румянцевской описи, владѣли ими сообща.

Такимъ образомъ, только въ сравнительно недавнее время исчезло въ этихъ всѣхъ селеніяхъ марковое общинное устройство. Каждая община стала владѣть индивидуально общинными землями, при чемъ въ нѣкоторыхъ происходилъ процессъ дальнѣйшаго раздѣла части общинныхъ земель, въ другихъ земли эти остались въ общинномъ пользованіи.

Отсюда разнообразіе формъ владѣнія, которое мы находимъ въ этихъ селеніяхъ. Въ однихъ, какъ, напр., Еремеевкѣ, Васютинцахъ, Демкахъ, Старомъ, сохранились лишь обломки общиннаго владѣнія. Въ общемъ пользованіи находятся здѣсь выгоны (за исключеніемъ Еремеевки, гдѣ ихъ нѣтъ), луга и лѣса. Это пользованіе производится и теперь сообща, «гуртомъ», «артелью». Каждый домохозяинъ получаетъ равную съ остальными часть сѣна или лозы, если только сѣнокосъ не отданъ въ наемъ для покрытія мірскихъ расходовъ, что, впрочемъ, встрѣчается рѣдко. Сѣнокосомъ пользуются ежегодно, рубка лозы производится однажды черезъ 3 — 4 года. Для рубки лозы собирается все село, отправляется гуртомъ на островъ и затѣмъ, послѣ рубки, дѣлится лозою поровну. Тоже и съ сѣномъ, если только, какъ въ Еремеевкѣ, сѣнокосъ не раздѣленъ на участки, находящіеся въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ и передѣляемые отъ времени до времени. Въ другихъ селахъ къ перечисленнымъ общиннымъ угодьямъ присоединяется и пахатная земля, обыкновенно прилегающая къ селенію. Но пользованіе ею весьма различно. Въ однихъ селахъ, какъ, напр., Мойсѣнцы, пользованіе общественною пахотью происходитъ однажды въ три года. Въ другихъ, какъ Бузьки, Пищичи и др., — ежегодно, но исключительно для посѣва проса. При этомъ, въ однихъ селахъ совершается ежегодно передѣлъ и земли мѣняются пользователемъ, въ другихъ, какъ Козловъ, постоянно попадаютъ въ одни и тѣ же руки. Наконецъ, въ нѣсколькихъ селахъ, именно, въ Мутихахъ, Бѣлькахъ, Самовицѣ, пользованіе совершается ежегодно и пахать засѣвается не только просомъ, но и яровыми и даже озимыми хлѣбами. Эта послѣдняя группа селеній сохранила почти неизменно старинные, предковскіе порядки общиннаго владѣнія.

Къ ней мы и обратимся въ настоящей статьѣ.

II.

Мутышинская община.

Изъ трехъ перечисленныхъ выше селеній, село Мутыхи представляетъ собою наиболѣе оригинальный и типичный образецъ мало-россійскаго общиннаго владѣнія. Здѣсь общинное землевладѣніе сохранилось въ неприкосновенномъ видѣ, какъ «оно было за предкѣвъ». Знакомство съ способами и приемами пользованія землею здѣсь освѣщаетъ и способы и приемы пользованія и другихъ селъ, все равно производится ли это пользованіе всѣми или только нѣкоторыми видами общинныхъ угодій. Источниками для описанія порядковъ въ Мутыхахъ служили мнѣ: рассказы старожиловъ, главнымъ образомъ упомянутаго Григорія Коломійца, сельскаго старосты, нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей, наконецъ, румянцевская опись: село Мутышеницы.

Мутыхи расположены почти на самомъ берегу Днѣпра, въ 2 — 2½ в. отъ берега, южною частью своею примыкаетъ къ рукаву Днѣпра, Днѣприцу, сѣверною—почти сливается съ Бѣлками. Село состоитъ изъ двухъ частей: южной-старинной, расположенной на высокомъ песчаномъ бугрѣ, и сѣверной-новой, отдѣленной отъ стараго поселенія протокомъ. Какъ значится въ описи, село было построено на обще-казацкой землѣ, на «выпустѣ»; такимъ же образомъ строилось оно и на новомъ мѣстѣ. Земля, на которой построены хаты и отведены обществомъ огороды, считается и въ настоящее время общею собственностью. Продажа усадебныхъ мѣстъ не дозволяется, и въ случаѣ выхода кого либо изъ членовъ общества, смерти семьи, земля возвращается въ общее пользованіе и отдается по усмотрѣнію общества новому члену общины¹⁾. Это—особенность, которой нельзя найти уже ни въ одномъ изъ разсматриваемыхъ нами селеній. Но однажды отведенный участокъ подъ усадьбу остается въ постоянномъ владѣніи семьи.

¹⁾ Убѣжденіе, что огороды и усадьбы составляютъ общую собственность, настолько прочно, что и теперь многіе изъ Мутышанъ разсказываютъ вамъ, какъ нѣчто выходящее изъ ряду вонъ, случай, имѣвшій мѣсто гдѣ 90—100 назадъ, а именно, что одинъ «казацекъ» (презрительное выраженіе) пошелъ въ подданство къ пану, и огородъ его сдѣлался собственностью пана.

Въ XVIII в. въ селеніи насчитывалось около 23 дворовъ, въ настоящее время по ревизіи значится 55 дворовъ съ 200 душъ. Въ дѣйствительности имѣется около 100 хатъ, съ населеніемъ до 250—300 душъ ж. п. Какъ и прежде, такъ и теперь, всѣ хаты имѣютъ право пользованія общественною землею, при чемъ община не мѣшаетъ отдѣльнымъ своимъ членамъ приобрѣтать куплею участки земли въ другомъ мѣстѣ. Въ XVIII в. только два домохозяина владѣли еще и личною собственностью; въ настоящее время ихъ насчитывается до 50.

Общественная земля примыкаетъ къ селу съ западной и восточной стороны, отграничиваемая отъ земель, принадлежащихъ Бѣлькамъ, русломъ ручья, образовавшимся отъ разливовъ, а отъ земель Пищиковъ и частныхъ владѣльцевъ—лѣсомъ, а также и руслами ручейковъ. Въ общей сложности насчитывается до 500 десятинъ земли общественной, сверхъ сѣнокоса, находящагося на островѣ и доставшагося селу, какъ мы видѣли, по раздѣлу, рыбныхъ ловель и лозм.

Вся эта земля ежегодно подвергается передѣламъ между всѣми жителями. Право участія имѣютъ не только плательщики, но и неплательщики, если имѣютъ хату. Надѣляютъ землею и вдову, если она того потребуетъ. Вся земля раздѣляется на 4 части: одна часть—подъ ярину и озимь, другая—подъ просо, третья—подъ сѣнокось, четвертая—подъ выгонъ. Обыкновенно сѣютъ ярину и просо, такъ какъ разливы Двѣпра нерѣдко уничтожаютъ посѣвы озимаго хлѣба. Ежегодно мѣста посѣвовъ, сѣнокоса и выгоновъ мѣняются.

Передѣлъ совершается два раза въ годъ. Весною общество опредѣляетъ въ какихъ мѣстахъ отводить поля для посѣвовъ, въ какихъ—заводить толоку и сѣнокось. Однажды это сдѣлано, приступаютъ къ передѣлу земли, назначенной подъ посѣвъ ярины. Обыкновенно это происходитъ въ началѣ весны, когда приблизительно можно опредѣлить, гдѣ вода спадетъ. Затѣмъ выходитъ староста съ нѣсколькими хозяевами и отмѣриваетъ землю, назначенную подъ пахать. Мѣренье производится съ помощью каната. Отмѣриваютъ участки въ 2—3 и болѣе канатовъ длиной и 1—2 каната шириной (канатъ около 12—15 сажень). Отмѣренный участокъ называется поміркомъ. Всѣ участки—равной величины, но размѣръ ихъ опредѣляется по усмотрѣнію. Если обществу покажется, что 2—3 канатовъ въ длину мало, кричатъ: «Надобавь ще!» и затѣмъ

помірки оказываються значительнѣе прошлогоднихъ. Отмѣриваніе помірковъ производится безъ соображенія съ величиною всей отвѣденной подъ пахоть земли. Часто остаются отрѣзки, которые обыкновенно нанимаются, и полученная арендная плата поступаетъ на покрытіе мірскихъ расходовъ.

Однажды помірки сдѣланы, наступаетъ важнѣйшій моментъ, моментъ распредѣленія помірковъ между жителями. Собирается все село; каждая хата является съ біркою, т. е. жребіемъ изъ вербы, на которой грамотный пишетъ свое имя, неграмотный дѣлаетъ отмѣтнцу пожемъ. Это моментъ біркованья, дѣйствіе, которое называютъ бірковаться. Всѣ бірки складываютъ въ шляпу, взятую тутъ же у кого нибудь изъ мальчиковъ, шляпу встряхиваютъ, и затѣмъ кто-либо изъ уполномоченныхъ вынимаетъ бірку за біркой. Передъ вынутіемъ жребія, общество, послѣ долгихъ споровъ, опредѣляетъ большинствомъ голосовъ, гдѣ должна быть «голова», откуда, съ какого конца, начать распредѣленіе помірковъ. Это дѣлается въ тѣхъ видахъ, что помірки не всѣ одинаковаго качества, одни лучше, другіе плоше, и что, слѣдовательно, будетъ удержана равноправность. Въ одномъ году первый головной помірокъ,—лучшій по качеству, въ другомъ—худшій, не на что жаловаться. Затѣмъ уже по жребію падаютъ участки-помірки на каждую хату. Очевидно, что при возвращеніи чрезъ три года пахоти на старое мѣсто участки мѣняются своихъ владѣльцевъ и à la longue устанавливается уравненіе въ доходахъ. Этимъ и заканчивается передѣлъ пахоти. Каждый хозяинъ участка-помірка вполне свободенъ сѣять на своемъ поміркѣ такую ярину, какую захочетъ.

Параллельно передѣлу пахоти, совершается и передѣлъ сѣнокоса. Сѣнокосы раздѣляются обществомъ на три части: одинъ—подлугье (подлѣ села и изъ общей смѣняемой земли),—второй за вербками (постоянный) и третій—на островѣ. Эти три сѣнокоса распредѣляются между хатами такъ, что одинъ сѣнокосъ попадаетъ въ пользованіе $\frac{1}{3}$ всѣхъ хатъ. Ежегодно происходитъ біркованье. Около 33 хатъ, составляющихъ 1 единицу, дѣлаютъ одну бірку. Затѣмъ, по описанному способу и послѣ опредѣленія головъ сѣнокоса, вынимаютъ жребій, и сѣнокосъ ежегодно мѣняется пользователейъ, что при неровномъ качествѣ сѣнокосовъ должно служить средствомъ уравненія доходовъ. Каждый сѣнокосъ косится «гуртомъ», «артелью», состоящею изъ $\frac{1}{3}$ хатъ, скошенное

сѣно раздѣляется поровну. Сѣно складываютъ въ копицы одинаковой величины по числу хатъ.

Нѣсколько позже, на Троицу, происходитъ передѣлъ участка земли, назначеннаго подл. посѣвъ проса, тѣмъ же способомъ и тѣмъ же порядкомъ, какъ и передѣлъ пахати.

Лозу рубать, какъ и вездѣ, всѣмъ обществомъ, гуртомъ, разъ въ три—четыре года, и раздѣляютъ ее поровну. Рыбныя ловли частью отдаются въ наемъ, частью находятся въ общемъ пользованіи, причеиъ не полагается для пользованія никакихъ ограниченій. Рыбная ловля и охота—свободны.

При полученіи помѣрка каждая хата вноситъ старостѣ опредѣленную сумму, отъ 50 коп. до 1 рубля, для уплаты поземельныхъ сборовъ. Послѣ передѣла пахати, называемой цариной, назначаются обществомъ сторожа, царинники, получающіе за трудъ 20-й снопъ съ жатвы.

Порядокъ этого пользованія держится прочно съ незапамятныхъ временъ, и попытки нарушить его встрѣчаютъ постоянный отпоръ со стороны большинства. Всякій разъ, когда кто либо возбуждаетъ вопросъ о полезности раздѣлить землю между домохозяевами и отдать ее въ вѣчное, наследственное владѣніе, неизмѣнно слышится возраженіе, что раздѣлъ такой невыгоденъ и несправедливъ. Земля не одинаковаго качества. При бѣркваньи существуютъ шансы уравненія, при раздѣлѣ—объ уравненіи уже не можетъ быть и рѣчи.

Описанный порядокъ вещей существуетъ также и въ Бѣлькахъ и въ Самовицѣ, и, поэтому, мы не будемъ останавливаться на нихъ. Замѣтимъ только, что въ обоихъ этихъ селахъ вышло изъ употребленія обязательство не продавать огородовъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ типамъ Малороссійскаго общиннаго пользованія.

III.

Бутьковская община.

Тѣ типы общинъ, въ которыхъ мы перейдемъ теперь, представляютъ собою лишь сравнительно незначительныя уклоненія отъ первоначальнаго типа малороссійской общины, типа, живѣе и

прочие всего сохранившагося въ с. Мутки. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ не бесполезнымъ остановиться и на нихъ. Ихъ описаніе даетъ намъ возможность уяснить себѣ какъ процессъ тѣхъ измѣненій, которымъ послѣдовательно подвергалась малороссійская община, прежде чѣмъ въ ней установилось исключительно подворное владѣніе, такъ въ то же время и нѣкоторыя изъ причинъ, содѣйствовавшихъ уничтоженію старинной общины.

Я говорилъ уже о томъ, каковы были отличительныя черты болѣе равнаго строя поземельныхъ отношеній въ Малороссіи. Преобладающимъ типомъ отношеній являлась здѣсь марковая община, марковое общинное землевладѣніе, участниками котораго являлась цѣлая масса общинъ, входившихъ въ составъ сотни. Въ болѣе раннее время, время заселенія той мѣстности, о которой я говорю, именно въ XVII и началѣ XVIII в. личной подворной собственности вовсе не существовало. Всѣ земли и всѣ угодья находились въ общинномъ пользованіи всѣхъ жителей. Тогда раздѣленіе на планы еще не существовало: всѣ жители, превратившіеся въ казаковъ, были равноправными членами общины, и, какъ таковыя, имѣли право равнаго участія въ пользованіи угодьями. Малонаселенность этой мѣстности, незначительное, сравнительно количество общинъ, входившихъ въ составъ сотни, незначительное количество дворовъ, насчитывавшихся въ каждой общинѣ, въ связи съ громаднымъ количествомъ свободныхъ и никѣмъ не занятыхъ земель, главнымъ образомъ степныхъ, приводили къ тому, что общины не выработали въ своей средѣ сколько нибудь правильныхъ и опредѣленныхъ порядковъ пользованія землями. Не только въ XVII, но даже въ XVIII в., въ эпоху составленія румянцевской описи, принципъ, лежавшій въ основѣ общины, заключался въ неограниченномъ правѣ cadaго обрабатывать такое количество земли, какое онъ былъ въ силахъ обирать. «Сколько кто можетъ безъ опредѣленія между собою», «сколько кому къ нахапю и сѣнокосу надобность уважить», «сколько кто пожелаетъ», — вотъ что обыкновенно отвѣчали мѣстные жители въ XVIII в. на вопросы, предлагаемыя имъ относительно порядковъ пользованія общинными землями. Но уже тогда зарождались причины, повлекшія за собою, и въ весьма сравнительно непродолжительный періодъ времени, замѣтныя измѣненія въ этихъ порядкахъ общиннаго пользованія. Выдѣленіе изъ среды казаковъ ка-

зачьей старшины было одною изъ главныхъ причинъ. Оно сопро-
вождалось созданиемъ особыхъ владѣній, помѣстій, сначала вхо-
дившихъ въ составъ общины, устроенныхъ даже (какъ, напр., въ
Богодуховкѣ, золотоншскаго уѣзда, кропивянской сотни) на обще-
ственныхъ земляхъ, затѣмъ постепенно отдѣлявшихся отъ общины,
стаѣвшихъ самостоятельными, независимыми отъ общины,
пращавшихся въ личную собственность владѣльца. Этимъ пу-
темъ значительная часть земли терялась для общины. Рядомъ
дѣйствовала и другая причина. Лица, принадлежавшія къ военно-
вой старшинѣ, были и наиболѣе могущественными и авторитет-
ными лицами. Въ качествѣ полковниковъ, сотниковъ, военныхъ
и сотенныхъ канцеляристовъ, судей и т. п., они имѣли полную
возможность безконтрольно распоряжаться землями и личностью
казаковъ, захватывать себѣ земли общественныя, закрѣпощать сво-
бодныхъ людей, обращать ихъ въ посполитыхъ. Уже съ первыхъ
годовъ XVIII столѣтія замѣчаемъ мы стремленія старшины рас-
ширить свои владѣнія, стремленія, все болѣе и болѣе усилива-
вшіяся и перешедшія въ дѣло въ XIX столѣтіе. Судебные акты,
приложенія къ румянцевской описи, заключающія въ себѣ длин-
ный перечень захватовъ и фальшивыхъ пріобрѣтеній, «якобы за
деньги» земель, данныя волостныхъ архивовъ и дѣла, находящіяся
въ архивѣ бывшаго окружнаго управленія казенныхъ крестьянъ и
казаковъ золотоншскаго округа, не оставляютъ на этотъ счетъ
ни малѣйшаго сомнѣнія и вполне подтверждаютъ ту печальную
картину, которая была нарисована Тепловымъ въ его запискѣ о
Малороссіи (помѣщ. у Кулиша въ его запискахъ о южной Руси).
Въ рѣдкихъ случаяхъ жалобы казаковъ находили удовлетвореніе.
Суды XVIII в., какъ и окружное управленіе, либо оставляли безъ
послѣдствій иски, начинаемые казаками, либо прибѣгали къ улов-
камъ, чтобы отклонить жалобы. Такъ, напр., когда въ 1782 году
возникло судебное дѣло, по доносу компанейскаго полковника
Осипа Товбича, о захватѣ разными владѣльцами громаднаго коли-
чества общинныхъ свободныхъ земель, общинной свободной степи,
и дѣло перешло въ малороссійскую коллегію, — судъ отвѣтилъ
жителямъ Богодуховки, подавшимъ въ свою очередь жалобу на
владѣльцевъ, «въ той округѣ хутора имѣющихъ», за захватъ
общинныхъ земель, что, «они, истцы, въ тѣхъ своихъ донскахъ
уже признаются третьею стороною» (Литовскій статутъ, разд. 4,

артикуль 65) и впредь до получения извѣстія изъ коллегіи оставилъ жалобу ихъ безъ разсмотрѣнія (Архивъ кievскаго губернскаго правленія). А это не единичный, не исключительный фактъ, и я буду имѣть случай въ специальной статьѣ, посвященной вопросу о причинахъ уничтоженія общинныхъ порядковъ въ Малороссіи, остановиться на нихъ съ большею подробностью. Съ другой стороны, вслѣдствіе крайней дешевизны земли, сами общины нерѣдко за водку уступали владѣльцамъ свои общинныя земли (какъ, напр., въ началѣ XIX вѣка казаки м. Еремеевки, уступившіе владѣльцу Погодину до 2 тысячъ десятинъ степной земли). Отсюда происходило все большее и большее суженіе общиннаго пользованія.

Этого мало. Тѣ стремленія къ выдѣленію изъ общины, которыя мы замѣчаемъ среди казачьей старшины, повторялись и въ средѣ казаковъ. Заоранные или куски земли, принадлежавшей общинѣ, главнымъ образомъ въ степныхъ мѣстностяхъ, наименѣ заселенныхъ, занимавшихъ громадныя пространства и не имѣвшихъ цѣны въ глазахъ казаковъ, мало по малу, благодаря невнимательности общинъ, переходили въ личную наследственную собственность лицъ, занявшихъ ихъ. Въ концѣ XVIII в. процессъ этого превращенія общинной земли въ личную и подворную собственность можно считать законченнымъ, за малыми исключеніями.

Благодаря всему этому, пространства, занимаемыя общинными землями, суживались все болѣе и болѣе и стали ограничиваться лишь пастбищною землею, прилегавшею къ селу, сѣнокосами и отчасти лѣсомъ. До конца XVIII в. они, впрочемъ, оставались еще въ общемъ пользованіи нѣсколькихъ деревень; съ начала же XIX и они стали, какъ мы видѣли уже, подвергаться раздѣлу, размежеванію между отдѣльными общинами.

Однажды община становилась единственнымъ владѣльцемъ своихъ отмежеванныхъ земель,—порядки ея пользованія опредѣлялись уже какъ населенностью самой общины, такъ и пространствомъ, занимаемымъ общинными землями, и ихъ качествомъ. Между тѣмъ нерѣдко исчезали части и отмежеванныхъ общинныхъ земель, благодаря переходу ихъ въ чужія руки, продажѣ, захвату и т. п. Въ Мутихахъ земли, отмежеванныя въ началѣ XIX в., были сохранены всецѣло, умножалось только населеніе, вслѣдствіе чего и помѣрки все болѣе и болѣе уменьшались. Въ другихъ селахъ дѣло шло нѣсколько иначе.

Въ той общинѣ, которую мы разсматриваемъ теперь, сумма земли, сохранившейся въ общинномъ пользованіи, замѣтно уменьшилась. Мало того, что степныя земли, принадлежавшія общинѣ, еще въ XVIII в. перешли въ личную собственность,—значительно сѣзилось пространство и тѣхъ земель, которая прилежали къ самой деревнѣ. Сѣнокосныя земли, отдѣленные селу Буткамъ, въ значительной ихъ части были приобрѣтены въ XVIII в. однимъ изъ крупныхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, пркѣвскимъ сотникомъ. Затѣмъ, часть земли сѣнокосной отдана была подѣ церковную ругу, часть захвачена въ личную собственность мѣстными казаками. Собственно хорошая, выгонная земля уменьшилась въ размѣрахъ, благодаря раздачѣ широкою рукою мѣсть подѣ усадьбы. Въ противоположность с. Мутихамъ, жители с. Бутки не сохранили правила о принадлежности усадебной земли общинѣ. Раздача усадебъ издавна происходила, происходитъ и теперь такъ, что лицо, получившее усадьбу, становится личнымъ, неограниченнымъ ея собственникомъ. Новообразовавшаяся семья, не ннбющая усадьбы, обращается обыкновенно съ просьбою объ отводѣ ей огорода и усадьбы къ сельскому старостѣ. Послѣдній довлѣдываетъ такую просьбу сходу, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ отвести усадьбу просящему лицу. Въ большей части случаевъ отказа не бываетъ. За магарычъ отводится $\frac{1}{4}$ десятины и болѣе (смотря по магарычу), что, при стремленіи малороссовъ къ семейнымъ раздѣламъ, влечетъ за собою все большее и большее уменьшеніе общинной земли. Кромѣ того, прежде община, отводя участокъ подѣ усадебную осядлость, выдавала лицу, получившему ее, общественный приговоръ; въ послѣднее время отводъ совершается безъ письменнаго приговора, безъ всякихъ ограниченій, и лицо, приобрѣвшее участокъ, вправѣ продать его, не заявляя о томъ сходу.

Въ настоящее время въ распоряженіи общества ичѣтся лишь около 400 десятинъ удобной выгонной земли, болѣе 100 неудобной (песковъ), нѣсколько небольшихъ сѣнокосовъ и въ небольшомъ количествѣ лоза.

Благодаря этому сѣзженію пространства общинныхъ земель, измѣнился и характеръ общиннаго пользованія. Собственно въ общинномъ пользованіи находятся лишь выгонная земля и лоза. Сѣнокосы болѣе не косятся «артілю», «гуртомъ», вслѣдствіе ихъ незначительности и невозможности удовлетворить ими всѣхъ чле-

повъ общины. Всего сѣнокосовъ имѣется 4, лежащихъ къ ю.-в. отъ села, вблизи селенія Васютинцы, и всѣ они отдаются въ наемъ. Обыкновенно весной сельскій сходъ постановляетъ объ отдачѣ ихъ въ аренду и назначаетъ торги. Члены общины, предложившіе наивысшую плату, получаютъ въ пользованіе на годъ желаемую часть сѣнокоса. Доходъ ежегодный съ сѣнокоса—обыкновенно не болѣе 100 р., которые идутъ на уплату подушныхъ за умершихъ и сверхъ того на покрытіе поземельнаго сбора. Лишь небольшая часть сѣнокоса остается въ общинномъ пользованіи, именно столько, столько то необходимо для прокормленія общественнаго бугая.

Лоза, какъ и повсюду почти на побережьѣ, и здѣсь рубится артелью, гуртомъ, обыкновенно чрезъ 3—4 года разъ. Но количество ея крайне незначительно, и, при раздѣлѣ ея между хатами, на каждую приходится не болѣе двухъ саней. Часть лозы отдѣляется для общественныхъ надобностей: огорожи кладбища, хлѣбнаго магазина и т. п. Лицо, не явившееся лично рубить лозу, не теряетъ права на полученіе своей части, но обязано уплатить за рубку ея, сколько прійдется. Основаніемъ размѣра платы служитъ количество времени, потребнаго на рубку и цѣна рабочаго дня. (Обыкновенно не болѣе 20—30 к.).

Пользованіе пахатью представляетъ нѣкоторыя отклоненія отъ того типа пользованія, какой мы находимъ въ Мутихахъ. Одно время даже, именно въ 1871 году, сельскій сходъ постановилъ было произвести раздѣлъ ея между членами общины въ наследственную собственность, и въ теченіе двухъ лѣтъ порядокъ этотъ продержался. Но вскорѣ община замѣтила всю невыгодность такого раздѣла, въ виду неравнаго качества розданныхъ участковъ, и вновь вернулась къ общинному пользованію.

Земля пахатная состоитъ изъ двухъ кусковъ: одного (наибольшаго), прилегающаго къ селу съ западной стороны и граничащаго съ пищиковскими общественными землями, и другаго, съ ю.-в. стороны, прилегающаго къ с. Васютинцамъ. Они раздѣлены клиномъ земли, отходящимъ подъ усадьбу. Ежегодно земля эта раздѣляется на двѣ части: на землю толочную, выгонную, и на землю подъ носѣвъ. Крімъ того, чрезъ одинъ годъ раздѣляется на три участка, изъ которыхъ одинъ—подъ выгонъ, другой—подъ просо, и третій—подъ ровные хлѣба. Отсюда община одинъ годъ пользуется двумя выгонами, на другой годъ только однимъ.

Передѣлы земли происходятъ обыкновенно либо одинъ разъ въ годъ, либо два раза, смотря по тому, дѣлится ли земля на два или на три поля. Распредѣленіе земли на поля происходитъ обыкновенно весною, передѣлъ земли подъ просо на Троицу, передѣлъ участка, назначеннаго подъ ярину въ іюлѣ (какъ въ этомъ году), въ августѣ, сентябрѣ, а иногда даже 1 октября.

Порядки передѣла тѣже, какъ и въ Мутяхахъ. Общество отмѣриваетъ участки, по мѣрки, определенной величины, въ настоящее время, благодаря увеличенію населенія, значительно меньшіе, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Размѣриваютъ кодолю (канатомъ) и кладутъ 25 ступеней въ ширину и 7 разъ 25 ступеней въ длину. 25 ступеней составляютъ около (12 $\frac{1}{2}$ сажень)¹⁾.

Такимъ образомъ помірокъ является нѣсколько меньшимъ, чѣмъ поль-десятины (нѣсколько болѣе 1000 кв. сажень). Число всѣхъ хатъ, имѣющихъ право на пользованіе общинною землею — 200. Но помірокъ отмѣриваютъ лишь 100, и помірокъ дается одинъ на двѣ хаты. Каждая двѣ хаты, по усмотрѣнію схода, являются съ бѣркою, которая здѣсь, въ Бутьковѣ, приняла свой характеръ. Здѣсь не прибѣгаютъ больше къ вербѣ или дереву, а нарѣзываютъ 100 бумажекъ, надписываютъ на нихъ имена домохозяевъ, сворачиваютъ ихъ въ трубочку и затѣмъ уже вынимаютъ изъ шляпы. Отмѣриваніе помірка совершается въ одно время съ киданіемъ жребія, за каждый помірокъ установлена плата, въ размѣрѣ, необходимомъ для покрытія расходовъ по уплатѣ поземельнаго сбора, именно около 15 к. съ хаты, или 30 к. за помірокъ.

Тѣже порядки встрѣчаемъ мы и въ Пищикахъ, съ тою только разницею, что здѣсь сохранилось значительное количество сѣнокосной земли, находящейся и теперь въ общинномъ пользованіи.

¹⁾ 2 ступени равняются сажени.

IV.

Мойсѣнская община.

Еще болѣе сильное уклоненіе отъ общиннаго типа представляетъ собою сосѣдняя съ Бутьками община Мойсѣнцы. Здѣсь количество земли, могущей служить пахатью, крайне ограничено, да сверхъ того, часть ея почти негодна къ употребленію, вслѣдствіе того, что состоитъ изъ песку. Лучшая часть выгона отошла отъ Мойсѣнецъ лѣтъ двадцать назадъ. Права на нее предъявили Васютинцы, выигравшіе дѣло на судѣ, благодаря невниманію Мойсѣнской общины. Въ пользованіи осталась узкая полоса земли, тянущаяся вдоль всего села Мойсѣнецъ съ с.-з. стороны его. Она служитъ выгономъ для скота, и только чрезъ два года въ третій, часть ея, единственно удобная для пахати, отдѣляется отъ выгона и передѣляется поровну, на общихъ основаніяхъ между всѣми домохозяевами. Проса здѣсь не сѣютъ. Яровой хлѣбъ: пшеница, рожь и ячмень — обыкновенный предметъ посѣва. Кто желаетъ, можетъ заводить и баштаны въ указанное время.

Здѣсь, такимъ образомъ, общинное пользованіе совершается только періодически, встрѣчая постоянное почти противодѣйствіе со стороны наиболѣе зажиточныхъ, настойчиво требующихъ раздѣла этой части въ подворную собственность.

Остальными угодьями пользуются на подобныхъ же основаніяхъ, т. е. періодически; нѣкоторыя сдаются въ аренду. Именно: двумя лѣсами, березовымъ и ольховымъ, находящимися подлѣ села, пользуются сообща. Рубка производится «артілью», «гуртомъ», березоваго лѣса чрезъ каждыя 10 лѣтъ, а ольховаго — чрезъ каждыя 8 лѣтъ. Раздѣлъ совершается поровну. Въ такомъ же пользованіи, но ежегодномъ, находится и очереть, растущій на болотѣ подлѣ самаго села. Его снимаютъ гуртомъ и раздѣляютъ на хаты, причемъ приходится, обыкновенно, не болѣе трехъ кудей на хату.

Сѣнокосы, нѣкогда находившіеся въ общинномъ пользованіи, теперь отчасти раздѣлены (на островѣ) въ подворное владѣніе, отчасти (за ограниченностью пространства ихъ) сдаются въ аренду на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ деревнѣ Бутьки. Общество

получаетъ дохода съ нихъ около 112 р. Изъ общественнаго сѣнокоса выдѣлено лишь три части, изъ которыхъ одна косится артилью, и сѣно идетъ на прокормленіе общественнаго бугая, другая (за Двѣпромъ)—отдается обществомъ въ пользованіе отставныхъ солдатъ, третья (17 десятинъ), оставшаяся свободною послѣ раздѣла сѣнокоса на островѣ между членами общины, поступила въ вѣдѣніе церкви, согласно постановленію сельскаго схода.

И. Лучицкій.

Д. Троицкое, Золотоношскаго у.

15 іюля 1882 г.

ЖИТЕЙСКАЯ НОЧЬ.

(Изъ Тарды.)

Я ненавижу ночь, я проклинаю тьму,
 Что обращаетъ міръ въ огромную тюрьму
 И притупляетъ мысль, и угнетаетъ умъ,
 И порождаетъ въ немъ рядъ безотраднѣхъ думъ!
 Разсѣется ли мгла, вернется ль снова день?
 Отгонитъ ли заря томительную тѣнь,—
 Блеснетъ ли солнышко надъ бѣдною землею?
 Надеждъ ль суждено взять верхъ въ борьбѣ съ тоской,
 Иль станемъ ощущать за будущность мы страхъ,
 Сомнѣнія полны, съ отчаяньемъ въ сердцахъ,
 Какъ и теперь, безъ цѣли—впередъ,
 Одну глухую боль тая въ больной груди?
 Давно ль, казалось мнѣ, что вотъ разсвѣтъ идетъ,—
 И съ вѣрой ожидалъ я солнечный восходъ:
 Духовный взоръ мой благъ не мало прозрѣвалъ,
 И въ даль меня манилъ завѣтный идеалъ!
 Отдавшись весь мечтамъ о радостяхъ утра,
 Я думалъ, что близка желанная пора,
 Когда, въ сіяніи чарующихъ лучей,
 Работа закипитъ очнувшихся людей...
 Они глубоко спятъ! лишь мы, пѣвцы, не спимъ,—

Ревниво братьевъ сонъ во тьмѣ ночной хранимъ,
Чтобъ не напалъ на нихъ врасплохъ презрѣнный врагъ:
Мы чутко въ тишинѣ услышимъ каждый шагъ
И во время дадимъ опасностямъ отпоръ,
Гдѣ ближнему грозятъ разбойникъ или воръ!
Я понялъ, что, увы! еще разсвѣтъ далекъ:
Не скоро озаритъ собою онъ востокъ!
На небѣ, тучами обложенномъ кругомъ,
Когда-бъ хоть звѣздочка свернула здѣсь лучемъ,
Прорвавшись сквозь ихъ густую пелену,
И началъ свѣтъ ея съ проклятой тьмой войну!
О, еслибъ поддержалъ насъ этотъ ясный лучъ:
Въ подобный часъ и онъ казался бы могучъ
И до зари намъ бодрствовать помогъ
Безъ горькихъ думъ и роковыхъ тревогъ!

С. Бердяевъ.

На урокахъ.

(Изъ записокъ учителя).

I.

С т е н а.

Помню—это было въ самомъ концѣ моего студенчества—заниматься нужно было много, а денегъ ни гроша: урокишки, какіе были, прекратились какъ-то всѣ вдругъ, а аппетитъ волчій, именно тотъ самый, который бываетъ у студентовъ, объдающихъ въ греческихъ и нѣмецкихъ кухмистерскихъ двумя блюдами за 20 копѣекъ; притомъ же у меня и комплекція была далеко не жиденькая, а тутъ еще сплошная недѣля, петербургская холодно-пронзительная слякоть и ѣсть начинаютъ просить даже сапоги. Положеніе не лучше губернаторскаго. Поэтому, понятно, что, придя въ обычное время въ кухмистерскую на Вознесенскомъ проспектѣ Мавровордато (по студенческому собственно наименованію), грека, никогда не чесавшаго своей до невозможности заросшей головы и не любившаго, по его же словамъ, пережѣвывать часто рубашекъ, я почти залпомъ отправилъ по назначенію греческій обѣдъ, ибо привычнымъ и жаднымъ взглядомъ уловилъ предъ тѣмъ слѣдующее объявленіе въ одной изъ газетъ: «ищутъ учителя настоящаго къ мальчикамъ малыхъ лѣтъ; Никольскій

рынокъ, лавка №... во всякое время». Я тотчасъ бросился по назначенію, забѣжалъ лишь домой падѣть имѣвшуюся у меня, по примѣру товарищей, для остротки будочниковъ, форменную фуражку съ синимъ околышемъ и ковардой.

— Вѣрно торговецъ. Пусть все-таки видитъ. Они же любить это.

Отыскавъ въ Никольскомъ рынкѣ нужную мнѣ лавку, которая оказалась посудною, я вошелъ въ нее; но за разными хозяйками и кухарками, выбравшими посуду, которую доставала для нихъ торговка, полная, румяная, рябая женщина среднихъ лѣтъ, въ чемъ-то въ родѣ драповаго короткаго пальто, опоясанная поверхъ его полотенцемъ, я не вдругъ былъ замѣченъ; и только, когда народу поубавилось, торговка спросила меня издали:

— Вамъ какой посуды требуется?

— Да мнѣ не этого... Я учитель...

— А... такъ, такъ; виновата; извините, батюшка! Милости просимъ. Микита Терентьевичъ!..

И она сначала заглянула за перегородку, раздѣлявшую лавку на двѣ половины, а потомъ и совсѣмъ ушла туда.

— Микита Терентьевичъ!.. Господи, онъ опять дремлетъ. Микита... еще учитель пришелъ... хорошій, слышался оттуда ея же голосъ, но болѣе тихій.

— Опять... Что еще? Ну, зови, мычалъ кто-то.

— Хорошій, говорю тебѣ; кажись, изъ благородныхъ...

— Ну что-жъ такое? Важное кушанье! Говорю, зови.

— Пожалуйте, батюшка, пройдите вотъ сюда, за перегородку.

Я прошелъ и именно въ тотъ моментъ, когда Никита Терентьевичъ вытягивался послѣ дремы во весь свой могучій ростъ.

— Садитесь, гости будете, говорила торговка, указавъ мнѣ табуретъ у стола и пошла опять въ лавку. Между тѣмъ ея сожитель, грузно опустившись на другой табуретъ у того же стола,

всего въ поль-аршинѣ отъ меня, продолжалъ сидѣть, по крайней мѣрѣ минуты три молча, даже не глядя на меня, не обращиваясь и только принимаясь крестить нѣсколько разъ своей звѣвующей ротой, при чемъ приговаривалъ со вздохами:

— Господи помилуй! О, Господи помилуй... Грѣхи наши тяжкіе...

Наконецъ онъ подперъ исполнскимъ кулакомъ свое красное какъ мѣдный пятакъ лицо и какъ будто еще болѣе отворотился отъ меня. Когда я его разсматривалъ, мнѣ сами собой припомнились стихи Щербини:

Съ мясистою супружницей своей
Онъ въ банѣ парился и объѣдался сыто... и проч.

И я уже хотѣлъ заговорить первый, какъ онъ уставился на меня во всѣ глаза и предупредилъ меня.

— Ты чего же это молчишь? Говори, что тебѣ надо?.. Зачѣмъ пришелъ?

— Я вотъ по вашему объявленію. Я учитель и желалъ бы...

— То-то... желалъ бы... Не я вѣдь нуждаюсь въ тебѣ, а ты во мнѣ, ну и сказывай, что тебѣ надо?

— Такъ говорю же тебѣ—онѣ учителя, замѣтила вошедшая торговка, присѣвши поодаль.

— Вы же сами объявили, что ищете учителя. По вашему объявленію я и пришелъ.

— Знаю, что по объявленію... Ты думаешь я бы пустил тебя иначе.

— Что это ты, право, Микита Терентьичъ! укоризненно замѣтила супружница и прибавила въ мою сторону: это онѣ со сна; не обижайтесь, батюшка.

— Вотъ евто самое объявленіе только сегодня пропечатано, а уже съ утра проходу нѣтъ. И народъ-то все такой лядащій, голь, выжига; такъ какъ же не гонять вашего брата? Вотъ тепереча хоть бы ты...

Мнѣ было и досадно и весело, больше весело,—и я прервалъ его, не чинясь:

«Устои», № 7, отд. 1.

— Впервыхъ, милѣйшій Микита Терентьевъ, вы не тыкайтесь. Съ какого это права? Во-вторыхъ, супружница ваша вѣрно говоритъ, что вы еще спите, не проснулись, какъ слѣдуетъ, т. е. ну... и стало быть бредите. Такъ вы сначала проснитесь хорошенько, прочухайтесь... поразомнитесь маненечко... Отъ веселости я сталъ изображать и руками, изъ которыхъ въ одной держалъ фуражку, какъ это ему слѣдовало бы поразмяться.

Торговецъ уставился на меня глазами, но безъ всякой злобы; при этомъ взглядъ его тотчасъ же остановился на моей фуражкѣ и долго не сходилъ съ нея.

— Ты это что же и впрямь благородный? Чиновникъ?

— Впервыхъ, я вамъ повторяю, я для васъ не ты... а во-вторыхъ—нѣтъ, я не чиновникъ.

— Не чиновникъ? Какъ же такъ...

И онъ опять уставился на мою фуражку. Затѣмъ, онъ, еще разъ широко зѣвнувъ, проговорилъ.

— О Господи, смерть, какъ ко сну клонить! Брр... Ну давай, давай говорить о дѣлѣ; только уговоръ... Извини, что буду говорить съ тобой, ваше благородіе, по-просту. Мы не привычны; ты не обижайся!

— И впрямь, батюшка, не взъщи съ насъ... мы простые.

— Ладно, ладно... Коли о дѣлѣ, такъ мнѣ все равно какъ ни говорить. Да кого же учить-то у васъ нужно?

— Есть кого учить, учи только по надлежащему. Кажись и давно пора, да вотъ дура виновата (при этомъ Никита кивнулъ въ сторону торговки): подожди, да подожди, чего мучить ребенка прежде... А теперь, шутка-ли, четырнадцатый годъ пошелъ... балбесъ такой выросъ...

— Всего-то еще тринадцать годочковъ... да вотъ и онъ самъ...

Въ это время въ передней, выходящей во-внутрь рынка, кто-то быстро грохнулъ дверью на блокъ и спустилъ вѣчто грузное на полъ, проговоривъ: уфъ!

Торговка юркнула туда и до насъ явственно допослылись слѣдующія слова:

— Неси скорѣй!.. Отецъ проспужся, да и учитель пришелъ.

— Опять учитель... провались они всѣ!

— Тс... дурашка ты... Онъ тамъ... хорошій, благородный.

Затѣмъ мальчишка—подростокъ втащилъ въ нашу комнату огромный мѣдный съ кппяткомъ чайникъ, который онъ едва былъ въ силахъ поставить на столъ, держа обѣими руками за ручку, обмотанную тряпкой; мать показалаась сзади съ чашками.

— Вотъ онъ самый балбесъ и есть, сказалъ отецъ, тогда какъ балбесъ, застывши на мѣстѣ, смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и не безъ лукавства. Казалось, добродушно-лукавое, румяное, краснощекое лицо его говорило: ну съ тобой-то мы еще потягаемся! Онъ былъ въ длинномъ, очевидно, не въ своемъ, пальто, заношенномъ до-нельзя и надѣтомъ прямо на бѣлье изъ цвѣтнаго ситцу, и въ огромныхъ не то калошахъ, не то туфляхъ, образовавшихся изъ смазныхъ сапоговъ, послѣ того, какъ отъ нихъ отрѣзали голенища. Изъ-подъ замасленного картуза на головѣ его проступали капли крупнаго пота.

— Ну, здравствуйте!.. Будемъ знакомы. Какъ же васъ зовутъ?

Онъ молчалъ и не двигался.

— Каргузикъ-то сними, Степа, сказала мягко мать.

Степа быстро сгребъ фуражку съ головы и посмотрѣлъ вопросительно на насъ, послѣ всѣхъ на отца, который уже пилъ его:

— Въ кабакъ что-ли ты зашелъ, лоботрясъ этакой? Чай, образа есть...

— Ну что вы его... Онъ же былъ занятъ, смягчалъ я. Видите, какъ усталъ, отдышаться не можетъ.

— Ты думаешь, небось, съ чайника? Нѣтъ, знаемъ мы его, друга любезнаго... Навѣрное на дворѣ была драка съ такими же лоботрясами.. Этакіе разбойники... не могутъ равнодушно встрѣтить другъ друга... какъ кобели...

— Когда же и поиграть, какъ не дитѣй.

Другъ любезный, онъ же и дитя, очевидно, балуемое матерью до возможнаго предѣла, какъ-бы въ рѣшительное доказательство этого. Изъ всѣхъ силъ потянулъ въ себя носомъ, такъ что выступившая передъ тѣмъ изъ носа жидкость исчезла и была выплюнута изъ-рта; продолжалъ это лоботрясъ какъ-бы съ удалствомъ и въ концѣ даже молодецки мотнулъ головой.

— Такъ подите же ко мнѣ, Степа... будемъ друзьями... И я привлеку его къ себѣ за руку.

— Не бойсь, что же, поди... ничего. Учитель, видишь, человекъ хорошій... У самого тоже, небось, дѣтки? Аль еще холостой маешься? обратилась торговка уже прямо ко мнѣ.

Не отвѣчая этой доброй, но показавшейся мнѣ тогда почему-то глупою, женщиной, я положилъ свою руку Степѣ на плечо и, молча, сталъ тереть его волосы на затылкѣ, нѣкоторымъ образомъ полуобнявъ его. Степа не противился и замѣтилъ только, улыбнувшись во весь ротъ.

— Щекотно; смерть боюсь. Не тронь лучше.

— Вотъ платокъ бы носовой намъ нужно...

— Даю, батюшка, даю всякій разъ, да не беретъ. На что, говоритъ; потеряю, а то украдутъ.

— Вотъ и пальтишко тоже... того.... продолжалъ я; хорошее-то оно хорошее, да въ комнатѣ въ немъ все же жарко. Притомъ для писанія, напр., засученные рукава неудобны. Эге, а тутъ вонъ и продырявилось уже... Да вотъ и руки (при этомъ я взялъ обѣ руки Степы въ свои руки) надо бы мыть почаще съ мыломъ.

— Ну что тамъ, ладно; брось его! Пей вотъ чай, да давай о дѣлѣ, замѣтилъ отецъ. Одна рука Степы была между тѣмъ сжата въ кулакъ и я слегка пробовалъ разжать его.

— Ну, чего присталъ, окрысился вдругъ Степа. Хочешь, чтебъ треснулъ?

Онъ съ силой вырвалъ при этомъ свою руку и изъ нея выпало на полъ нѣсколько мѣдныхъ копѣекъ. Степа не сталъ

ихъ поднимать, и я замѣтилъ, что вдругъ потерялъ все, начавшееся было, расположеніе его ко мнѣ.

— Это что еще? Каки такі деньги? заоралъ отецъ, побавровѣвъ и вставая. Сказывай, откуда? Изъ выручекъ, небось? Опять за старое?

И онъ наслупалъ на него все болѣе и болѣе.

— Да что ты одурѣлъ, право?.. Должно сдача съ кипятку въ трактирѣ. Ну такъ и есть сдача, говорила между тѣмъ мать, собирая копѣйки съ полу. Пятачекъ дала вотъ уже три копѣйки... Копѣйку заплатилъ, али двѣ?

— Двѣ... и Степа не сводилъ глазъ съ отца, стоявшаго среди комнаты и незнавшаго, что же теперь ему сдѣлать?

— Двѣ? А почему двѣ, коли всегда копѣйка,—придирался онъ... Почему двѣ?

— Сегодня двѣ.

— Да что это; ты меня дразнишь! Почему говорю, двѣ? Р-р-ракалія...

И онъ замахнулся на Степу своею широкою ладонью; но она описала надъ его головой лишь дугу въ воздухѣ, такъ какъ Степа весьма ловко и во время присѣлъ. Затѣмъ онъ быстро вскочилъ и проговорилъ громко, съ явнымъ поддразниваніемъ.

— А потому двѣ, что ты, говорить, съ отцемъ твоимъ первые мошенники въ рынкѣ.

Послѣ этого быстро оборотившись въ мою сторону, Степа показалъ мнѣ языкъ со словами: а тебѣ вотъ что! и въ одно мгновеніе исчезъ изъ комнаты.

— Ладно, ладно; отъ меня не уйдешь, заключилъ отецъ, принимаясь за прерванное чаепитіе.

Наступило опять молчаніе; мнѣ было не ловко; хотѣлось и, очевидно, пужно было сейчасъ же уходить; но какъ скажешь, или сдѣлаешь это ни съ того ни съ сего? Молчаніе между тѣмъ продолжалось и лишь слышно было, какъ Никита Терентичъ откусывалъ сахаръ и сдувалъ крошки отъ него въ блюдечко.

— Вы, ничего, полюбите насъ, милый человекъ, заговорилъ ласкающимъ топомъ хозяйка. Мы люди добрые.... Правда, Микита Терентьевъ иной разъ сердчаютъ...

— Ну это ты оставь! А то правда, что коли о дѣлѣ, такъ о дѣлѣ. Много-ли же ты съ насъ возьмешь? Это и будетъ настоящее дѣло.

— Какъ? За что?

— Да за свту самую, за выучку?

— Самы вы слышали, сколько берутъ за уроки.

— Слышали! Мало что слышали,—да ты-то что возьмешь? Только напередъ говорю, спрашивай по совѣсти, по настоящему значить, по божески... Потому, какъ самъ видишь, мы люди бѣдные и притомъ же будучи въ торговлѣ...

— Я беру за урокъ различно, перебилъ я, и рубль и полтора и два, смотря по времени, по условіямъ и по тому, чему приходится учить. Вѣдь вашъ сынъ, конечно, ничему еще не учился?

— Не учился, не учился.

— Такъ что не знаетъ еще ни читать, ни писать, ни буквы?

— Гдѣ знать!

— Это выходитъ придется начать съ азбуки... Что же—полтинникъ за урокъ... меньшей цѣны уже не бываетъ; только нужно каждый день..

— Ты смотри... кажись продешевилъ. Столько-то я могу, и по болѣе могу.

— Конечно это не дорого. Посудите сами—всего 15 руб. въ мѣсяць.

— Пстой, пстой... 15 рублей... Эка отвалилъ! Не могу взять въ толкъ, какъ это ты считаешь по-мудреному: то былъ полтинникъ, а то 15 рублей.

— Полтинникъ за урокъ, за каждый урокъ, а урокъ каждый день послѣ обѣда, такъ часовъ въ шесть. Ну, по полтиннѣ въ день, выходитъ 15 рублей въ мѣсяць, считая его въ тридцать дней.

— Такъ, такъ... Ишь ты! Гм... Какъ это они всё ловко выучились считать, обратился онъ въ сторону жены. Аптекарска́й настоящинъ счетъ... Вотъ и тѣ тоже мазурь...

— Позвольте, перебилъ я, въ чемъ же вы видите...

— Нѣтъ, ты же разсуди самъ по-здравому... Ты говоришь — приду, посижу, дамъ урокъ и сейчасъ это тебѣ полтинникъ въ зубы?..

— Ну не сейчасъ, а тамъ по условію...

— Все равно... пришелъ ты, посидѣлъ съ нимъ, съ ученикомъ-то, и будешь считать кажинный разъ за это полтинникъ?

— Полтинникъ... что же дорого?

— Не то. Только за что же тебѣ сейчасъ и отваливай этотъ самый полтинникъ?

— За урокъ... Я же сижу, тружусь, трачу время?

— Вона пошелъ! трачу время... Да мальчишка-то вѣдь тратитъ время? Мы сидимъ теперича съ тобой, теряемъ тоже время; стало, сейчасъ другъ-другѣ и плати?

— Ну, думаю, начинаешь, братъ, прикидываться дуракомъ: дѣлать больше нечего.—И я привсталъ, чтобы уходить.

— Нѣтъ, ты сиди, сиди! Съ тобой-вотъ какъ по настоящему заговорили, ты и на попятный. Зачѣмъ же, давай кончимъ. Ты не обижайся. Знаешь самъ, купилъ не купилъ, а торговаться можно.

— Меньше полтинника за одинъ урокъ я взять не могу, отрѣзалъ я. За каждый урокъ полтинникъ и деньги за мѣсяцъ впередъ.

— Эка испугалъ! Это всеединственно. Да я, можетъ хоча же уваженіе сдѣлать: я, можетъ, и больше дамъ, только тебѣ сказывай вообще, сколько возьмешь всего-на-всего съ насъ?

— Какъ такъ? За что возьму?

— За выучку.

— Какъ за выучку? За какую?

— Обыкновенно какъ выучиваютъ ребятъ. Выучи, какъ слѣдуетъ, по настоящему и получай денежки.

Экой гулачище-мужичище! подумалъ я. Напрасно трачу слова. Однако вдругъ мнѣ захотѣлось его припереть, просто съ нѣкоторой злости. Все равно заработка тутъ уже не предвидѣлось.

— Скажите мнѣ, Христа ради, у васъ на плечахъ-то что вмѣсто головы? Посудина какая, или настоящая голова?

Торговецъ молчалъ, слѣдя, какъ жена еще наливала ему стаканъ совершенно уже желтовато-золотистой жидкости.

— Если настоящая голова, такъ вы тоже пошевелите мозгамъ, какъ это вамъ ни трудно, — сами тоже разсудите: какъ это рядиться за выучку? Во первыхъ, чему же выучить? Ну чему? Чему?

— Обыкновенно чему.

— Да вы не отваливайте? Чему именно? почти закричалъ я, пристукинувъ рукой по столу.

— Кажись, самъ ты долженъ лучше знать. Ты-жъ учитель... другихъ же вонъ выучиваютъ.

— Я знаю, отлично знаю. Ну вотъ я и стану учить твоего сына... читать, писать, арифметикѣ.

— Вотъ, вотъ это самое и есть.

— Буду биться, можетъ быть, годъ, а то и больше. На-конецъ выучу... произведу выучку: а ты, Никита Терентьевъ, вдругъ послѣ всего этого и ляпнешь мнѣ: не тому, братъ, выучилъ, нѣтъ, не тому, не такъ и проч. Я приду за деньгами, по уговору значить, а ты и отрѣжешь мнѣ: проваливай, молъ: выучка не та, не настоящая, — выучки вовсе нѣтъ. Поэтому, милѣйшій коммерсантъ, я вамъ вотъ что доложу: вотъ пуделя напр. отдають нѣмцу въ дрессировку, въ выучку. Ну, нѣмецъ привелъ тебѣ послѣ пуделя; пудель продѣлалъ на твоихъ глазахъ всѣ нѣмецкія штуки и дѣло конечно: плати денежки. Заартачиться, по своей привычкѣ, нѣмецъ съ тебя съ мертвого выщеть, потому улика-то, пудель со штуками, на лицо. Ну, а съ ребятами-то развѣ такъ можно поступать?

— Это ты, пожалуй, справедливо.

— Ребенка-то когда учать, такъ вѣдь душу, певидимую

духовную душу образуютъ.—просвѣщаютъ чувства, умъ, а не лапами учать его продѣлывать какія-либо штуки.

— Вѣрно... вѣрно... Это ты вѣрно... Лапами... хе-хе!.. Вѣрно.

— Да что же вѣрно? То и вѣрно, что за выучку дѣтей нельзя рядиться. Человѣкъ вонъ всю жизнь учится, а всему не выучивается, что ему знать слѣдуетъ. Слышали это вы?

— Такъ безпрекословно. Что говорить! Правду тебѣ скажу, вижу ты человѣкъ умный; можетъ и поладимъ. Только ты не горячись... не хлебай горячо...

— И впрямъ поладили бы. А я бы пошла и закусочку изготовила, сказала торговка.

— Какая тамъ закусочка! Далеко еще до закуски. Вы вотъ говорите вѣрно... вѣрно. А это какъ разсудить: я напримѣръ взялся бы за выучку,— начинаю убиваться съ нимъ, съ мальчишкой то, а ему какъ къ стѣнѣ горохъ. Есть такія тупицы.

— Ну, этого не говори... Нашъ мальчишка шустрый... У, какой! Я тебѣ даже прямо скажу... продувной.

— Ничего не значить, это бываетъ и при глупости. Шустрый, а учиться не захочетъ и баста. Какая же тутъ выучка? Что же я сдѣлаю?

— Какъ такъ? А учитель то ты зачѣмъ прозываешься?

— Что же я? Ну, не учится... въ бабки играть!..

— А лекарство? Нешто нѣтъ лекарства? Вспори и конецъ.

— Ну, это вы бросьте.

— Чего бросьте? Это тебѣ безпрекословно дозволяется. И вспори, какъ слѣдуетъ, формально.

— Ну что это ты, право... Нешто учитель хуже тебя знаетъ науку то. Да и то сказать: мало еще развѣ отъ тебя самого достается мальчишкѣ.

— То особъ статья. А тутъ по наукѣ... формально. Ты не поняла...

— Повторяю вамъ, это бросьте. И не говорите. Ничего изъ этого не вышло бы, кромѣ бдльшей грубости.

— Вотъ спасибо тебѣ, добрый человѣкъ. Право, добрый. Я сейчасъ закусочку...

— Ну не таранти, успѣешь. Закуска закускою, а сначала чайку.

Выливъ въ себя еще ставана два, торговецъ провзнесъ: уфъ! теперь хорошо! и принялся вытирать потное лицо бумажнымъ пестрымъ засаленнымъ платкомъ; сталъ опять крестить лицо и вздыхать, а обо мнѣ, повидимому, опять забылъ. Мнѣ снова припомнились стихи Щербинны... Продолженіе ихъ:

О сколько нѣтъ обмануто людей!
И сколько чаю перепито!...

— Такъ какъ же? спросилъ я наконецъ съ нетерпѣніемъ.

— Что это? Я съ моимъ удовольствіемъ. Кончатъ, такъ кончатъ. Пожалуй, сойдемся... Ты мнѣ понравился. Да... Постой, совсѣмъ изъ ума вонъ... Ты всетаки давеча не сказалъ, изъ какихъ ты?

— Все равно вамъ.

— Такъ то такъ, а все же... Можетъ... Въ Бога то вѣруешь ли?

— Вы что же... попъ, что-ли?

— Нѣтъ, не попъ, а все же... Чай и ты слыхалъ: безъ бога ни до порога.

— Успокойтесь, въ Бога я вѣрую не меньше, а, пожалуй, больше вашего.

— Ну и ладно, хорошо. Я собственно потому, что вотъ отецъ діаконъ въ нашемъ приходѣ—первѣйшій мой благопріятель—отецъ Савелій... чай, слыхалъ?

— Не слыхалъ.

— Какъ же ты не слыхалъ, братецъ; басина то какой! Онъ—нашъ же, Калужскій... нарочно выписали. Ну онъ это и наставилъ меня по пріятельски: первое дѣло, говорить, освѣдомляйся о Богѣ... потому они, говорятъ, учителя, особенно эти студенты, всѣ безбожники.

— Неужели? Всѣ безбожники?

— Вѣрно. Вотъ которые изъ кутейниковъ, говорятъ, тѣ понадежиѣ.

— Ага... понадежиѣе?

Торговецъ подозрительно посмотрѣлъ на меня.

— Ты разѣ пзъ кутейниковъ? Зачѣмъ же не сказываешь?

— Не изъ-такихъ, потому и не сказываю.

— Такъ ты, значитъ, чиновникъ?... строчишь?

— И не строчу.

— А фуражка то? Нешто ты можешь въ такомъ разѣ носить кокарду. Вѣдь она, кокарда то, казенная. Вотъ у насъ, въ деревнѣ, былъ случай: зимою становой заблудился, ѣхавши въ лѣсу, и попалъ на стаю волковъ.—Всего его сердечнаго съѣли волки до косточки, а фуражку съ кокардой оставили цѣлехоньку; по фуражкѣ только и узнали.

Торговка въ это время вошла и поставила на столъ подносъ съ водкой и закуской.

— Все вотъ не хочеть сказывать изъ какихъ, замѣтилъ торговецъ женѣ. А покажь-ка мнѣ фуражку-то твою?... Фуражку, говорю, покажь?...

И онъ протянулъ руку въ мою сторону черезъ столъ. Я однако-же свою руку съ фуражкой убралъ подальше и спустилъ къ полу.

— Покажь же, говорю?

— Да что ты, Микита Терентьичъ, чудишь сегодня? Право, ну... Лучше выньте вотъ, да закусите. Милости просимъ, багюшка, поклонилась она въ мою сторону. Чѣмъ Богъ послалъ... А мальчишка вѣдь сейчасъ подкрался ко мнѣ въ переднюю-то... вы вотъ и не слышали... и шепчетъ: учитель этоть, говорить, мнѣ по душѣ; возьмите, говорятъ. Право, онъ тебя сразу полюбилъ.

— Коли такъ, что же. Ладно, соглашался торговецъ. Да вотъ спервоначалу приступимъ.

— Приступайте, а я благодарю.

— Что же, милый человекъ? Аль не пьющій?

— Не то что не пьющій, а... Прощайте!

Я всталъ, застегивая пальто.

— Что такъ... вдругъ?

- Да засидѣлся, времени нѣтъ. Вона—восемь часовъ.
- Пустое это. Садись, садись.
- Нѣтъ, право, не могу. Другой разъ; вотъ хоть завтра заиду, если хотите; тогда и кончимъ.
- На-ко-ся, лучше пропусти! Травничекъ-то домашній.
- Спасибо, прощайте!
- Говорю... такого ты и не пилъ... Вонъ ейнаго приготовления...

Но я прямо направился къ выходу черезъ лавку. Изумленная торговка, постоявъ нѣсколько мгновений неподвижно, вдругъ бросилась за мной и уже на панели схватила меня за пальто.

— Что же ты, милый человекъ? Что-й такое онъ не впаде тебѣ сказалъ, али сдѣлалъ? Ты его не слухай; ты вотъ меня послухай.

Я конечно остановился.

— Вотъ что я тебѣ скажу, продолжала она таинственнымъ тономъ, ты порядись съ нимъ; какъ знаешь и только не перечь ему, а уже я сама тебѣ отъ себя прибавлю платы-то, сколько хошь.

— Спасибо вамъ... но знаете... несовсѣмъ... не подходитъ.

— А то я еще тебѣ вотъ что скажу,—продолжала она уже совершенно по секрету,—у меня есть для тебя... Ты вѣдь холостой?

— Холостой.

— Ну и слава Богу; такъ вотъ есть на примѣтъ... Да что на примѣтъ... Прямо сватать просили; есть одна купеческая дочка... Ну я тебѣ скажу... одно слово сахарная...

— Ага...

— И съ домомъ.. большущій трехэтажный домъ... въ Ямской.

— Ого...

— А дядя ейный... генералъ

— Что вы?

— Воротись же, голубчикъ... право, ну...

— Такъ сахарная?.. Гм... а вдругъ растаетъ?

И я быстро зашагалъ по слякоти, оставя добрую торговку чуть не съ разинутымъ ртомъ.

II.

У трехъ грацій.

Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго, когда я въ обычный обѣденный часъ вошелъ въ кухмистерскую Маврокордато, группа университетскихъ студентовъ, знакомыхъ мнѣ, хотя и не товарищей по курсу, болтала за столомъ на нѣкоторую общую тему съ общимъ оживленіемъ и смѣхомъ. Какъ только я показался въ передней, послѣдовалъ дружный взрывъ хохота—явно на мой счетъ, ибо до меня доносились слѣдующія отрывочныя и по тону таинственныя восклицанія:

— А вотъ какъ разъ и онъ!

— Господа, предложимъ ему!

— Только смотрите—не болтать... всего...

— *Silentium!*

— Позвольте... позвольте! Я самъ. Слушай команду!

Когда же я вошелъ въ столовую и сталъ располагаться обѣдать рядомъ съ группою, всѣ ехидно притихли. Послѣ нѣкотораго молчанія и обоюднаго смѣриванія взглядами, одинъ изъ студіозовъ замѣтилъ мнѣ:

— Что это вы, маленькій гражданинъ, глядите рыцаремъ такого печальнаго образа?

Я чистилъ, прежде чѣмъ приняться за ѣду, свой приборъ.

— Все еще не нашли своей Дульциней?—вопросилъ другой.

— Какая ужъ тутъ Дульциней, господа!

Нѣкоторое молчаніе и общее устремленіе на меня любопытныхъ взглядовъ.

— А что... развѣ топливо извелось? подсѣдая ко мнѣ, говорилъ третій уже серьезнымъ тономъ, въ то время какъ четвертый изъ группы выскочилъ съ такимъ замѣчаніемъ:

— А вотъ у Евстафіева есть для васъ и Дульцинея.

Ему тотчасъ зашикали и, какъ говорится, сократили его.

— Однако ужели и на издѣлія Маврокордато не хватаегъ? продолжалъ подсѣвшій ко мнѣ.

— Почти что...

— Скверно, а впрочемъ *c'est sont des* пустяки. Кушай, братъ, во здравіе! Если что, мы уговоримъ Маврокордато отнести на счетъ доходовъ прусскаго короля.

Ихъ общее веселое настроеніе подѣйствовало заразительно и на меня.

— Ну-ну, смѣхотворы, объясняйте: отчего это у васъ сегодня такія дипломатическія лица? Не къ лицу. Говорите прямо, чему обрадовались?

— Нѣтъ, какое обрадовались!

— Просто такъ... Интересно... слышалось отъ нѣкоторыхъ, поднявшихся, чтобы расходиться; подсѣвшій же ко мнѣ, тоже вставая, закончилъ, указывая на одного долговязаго студента:

— Вотъ Евстафіевъ получилъ урокъ, да... не подходящій; хочеть передать вамъ...

— Очень радъ; пожалуйста, сказалъ я усѣвшемуся около меня Евстафіеву.

— Это у одного чиновника... такъ маленькаго...

— Да Богъ съ нимъ.

— Только чертовски далеко.

— Ничего; я крайне нуждаюсь.

— Именно въ Колтовской... Слыхали? домъ господина Бадейкина.

— Бадейкина, или Падейкина?

— Бадейкина... собственный домъ.

— А вы слышали, господа, что, по петербургскому убѣжденію, въ Колтовской всѣ женщины—красавицы? намѣренно громко отозвался кто-то въ передней изъ группы уходившей, но все еще прислушивавшейся къ намъ... Евстафіевъ улыбнулся, но тотчасъ же подавилъ улыбку.

— Что вы смѣтаете? Тутъ какой-нибудь секретъ?

— Нѣтъ, такъ; я говорю — собственный домъ, тогда какъ необходимо къ этому прибавить: чуть-ли не на курьихъ ножкахъ...

— Ой, сочиняете?... Вы предупредите пожалуйста, если что...

— Право ничего такого... Увидите сами... Заходите, когда угодно. Бадейкинъ всегда дома, сами и перетолкуете.

— Да какіе уроки? Что читать-то? Кому?

— Право позвольте не входить въ подробности. Увидите сами. Я тоже слышу.

— Гм...

— Между прочимъ можете рассчитывать такъ рубля на два за урокъ... Прощайте!

— Чтожъ... очень кстати, подумалъ я вслѣдъ Евстафіеву. По два рубля за урокъ я въ тогдашнемъ положеніи готовъ былъ учить какое-угодно чудовище въ любой избушкѣ на курьихъ ножкахъ.

— Благодарю васъ, закричалъ я Евстафіеву въ переднюю, только теперь вспомнивъ объ этомъ долгѣ вѣжливости.

— Желаю успѣха, проговорилъ онъ; но уйдя, тотчасъ-же снова пріотворилъ дверь и прибавилъ: полнога, полнога!..

— Экой Кюхельбекеръ! (Такъ прозвали Евстафіева товарищи). Очевидно, какая нибудь штука... Опять что нибудь сахарное, думалъ я, уходя отъ Маврокордато въ настроеніи однако значительно лучшемъ, чѣмъ въ какомъ пришелъ.

— Здѣсь живетъ господинъ Падейкинъ? спросилъ я не долѣе, какъ на другой день послѣ описаннаго, отыскавъ въ Кол-

товской указанный мнѣ домъ и позвонивъ у крыльца прямо съ улицы, послѣ того, какъ мнѣ отперла дверь нѣкоторая особа женскаго пола.

Особа эта была не то молодая, не то пожилая, такъ лѣтъ подъ тридцать,—не то барыня или барышня, не то прислуга, и одѣтая не то по-домашнему, не то по-парадному... такъ Богъ ее знаетъ... особа и больше ничего... Но смутилась она отъ моего, повидному, обыкновеннаго вопроса, несомнѣнно и явно.

— Можетъ быть Бадейкинъ, а не Падейкинъ?

— Да Бадейкинъ, виновать.

— Здѣсь... но... да... впрочемъ я сейчасъ спрошу.—И она стрѣлой избѣжала по маленькой лѣстницѣ на верхъ, гдѣ изъ двери выходилъ уже ей на встрѣчу скромный и совершенно обыкновенный старичекъ въ запахнутомъ халатикѣ, подпоясанномъ не то шнуркомъ, не то тесемкой и въ обмотанномъ по шеѣ старомъ засаленомъ фулярѣ.

— Иди себѣ... я уже самъ, сказалъ онъ особѣ; затѣмъ, не торопясь, спустился внизъ, и, завидѣвъ меня на улицѣ чрезъ полуотворенную дверь, прибавилъ:

— Такъ не соизволите-ли сюда? Что же тамъ-то, на улицѣ... вѣѣ порядка...

Я вошелъ на лѣсенку и Бадейкинъ (ибо это былъ онъ) прежде всего безцеремонно сталъ осматривать меня съ ногъ до головы, причемъ тотчасъ-же замѣтилъ изъянъ въ моихъ сапогахъ, на которыхъ и послѣ нѣсколькихъ разъ останавливалъ свой пристальный взглядъ.

— Да... такъ; ну вотъ тутъ можно-съ, заключилъ онъ свой осмотръ; а дверь я пока прикрою.

Когда онъ это дѣлалъ, мнѣ также пришлось оглядѣть его всего и у меня сейчасъ же образовалось убѣжденіе: отставной-де вылинявшій чпновникъ,—вотъ и весь секретъ.

— Теперь прошу объясниться...

— Да я даю уроки,—только и всего; и именно уроки по исторіи.

— По исторіи... про какія же исторіи говорятъ изво-
лите?

— Исторія... всякая исторія—моя спеціальность... Вы пу-
бликовали...

— Чтѣ изволите говорить? Недослышалъ.

И Бадейкинъ повернулся ко мнѣ правымъ ухомъ, накло-
нивъ голову.

— Вы печатали... т. е. я слышалъ, что вы искали... ище-
те учителя для уроковъ по исторіи?

— Смѣю вамъ доложить—никогда.

— Экіе каналы! промелькнуло у меня въ головѣ насчетъ
Кюхельбекера и компаніи... подвели таки.

— Помилуйте, не такъ давно вы объявляли именно объ
урокахъ у себя!

— Изволите ошибаться, молодой человѣкъ. Извините...

Я помялся на мѣстѣ, пораздумалъ и уже было направился
обратно къ двери.

— Сожалѣю, молодой человѣкъ... Впрочемъ, что-жъ, не
изволите-ли поставить въ извѣстность насчетъ вашего званія
и личности.

— Да я студентъ.

— Такъ, такъ. Ну-съ...

— Последняго курса... на выпускъ... Черезъ два мѣсяца
я оканчиваю курсъ.

— Кажется, изволите объяснять, что только-что кончили
курсъ? и опять онъ наклонилъ ко мнѣ правое ухо.

— Оканчиваю, оканчиваю, но не кончилъ еще.

— Да, да... Ну все равно; слѣдственно на выпускъ...
Что-жъ!

— Прощайте; извините! Странно; значить, я ошибся; но
мнѣ сказали...

— Ошиблись, ошиблись. Да позвольте... именно однимъ
домомъ ошиблись; это вотъ рядомъ ищутъ... искали учителя
и именно распубликовали въ газетахъ; но за явкою множе-
ства желающихъ, можно предположить, что уроки заняты уже.

Впрочемъ, въ виду такого исхода, не соизволите-ли зайти къ намъ, тѣмъ болѣе, что, кажется, вы устали... да и холодно.

— Очень радъ... по... къ чему же беспокоить?

— О, этого не берите во вниманіе... Папиросочку... дватри словца... чашечку кофею... говорилъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ, вслѣдствіе чего пошелъ за нимъ и я. А потолкуемъ, можетъ быть и дѣло найдется для васъ какое.

— Если такъ... то...

— Милости просимъ!

Мы вошли въ переднюю, изъ которой видна была слѣдующая, большая, въ три окна, комната, повидимому, зала, но служившая, очевидно, и кабинетомъ хозяину, такъ какъ у одной стѣны близъ окна стоялъ большой полинялый письменный столъ, заваленный всякою всячиной, преимущественно же бумагою и старыми синими департаментскими папками и обложками. Комнату эту торопливо оканчивали убирать цѣлыхъ три особы женскаго пола, въ числѣ которыхъ была и встрѣтившая меня; всѣ онѣ исчезли лишь съ первыми шагами нашими въ залу изъ передней. По обыкновенію, предложено было мнѣ садиться, закурить папиросу и пр.

— А мнѣ, старичку, позвольте остаться по домашнему, сказалъ Бадейкинъ, оглядывая свой халатъ, но опять не преминувъ кинуть взглядъ и на мои сапоги.

— Само собою... отвѣчалъ я, подвернувъ одну ногу совсѣмъ подъ стулъ.

— Такъ изволите оканчивать курсъ? Благое дѣло... хорошее дѣло.

Я молчалъ, считая это лучшимъ средствомъ прекратить начинающееся переливаніе изъ пустаго въ порожнее.

— Въ университетѣ?

— Да.

— Въ здѣшнемъ императорскомъ университетѣ.

— Въ здѣшнемъ, въ какомъ же еще?

— Гм... Благое дѣло... не всякому дано... Такъ сказать,

почти имѣете уже карьеру... И не дольше, какъ черезъ два мѣсяца оканчиваете?

И, молча, сталъ смотрѣть упорно куда-то въ уголь.

— Такъ, кажется, изволили сказать? черезъ два мѣсяца?

— Черезъ два... даже меньше.

Между тѣмъ въ смежной комнатѣ у затворенныхъ дверей происходила какая-то возня, состоявшая, какъ я затѣмъ убѣдился, въ томъ, что нѣсколько глазъ попеременно разглядывали меня чрезъ довольно большую замочную скважину.

— Саша! кликнись вдругъ кого-то Бадейкинъ.

Изъ смежной комнаты сначала слышалось: ну пустите-же! а затѣмъ вошла къ намъ та самая неопредѣленная особа, которая встрѣтила меня на лѣстницѣ, и въ томъ же нарядѣ... по домашнему.

— Саша, душа моя... рекомендую: дочь моя!.. Нельзя-ли намъ кофейку?

— Отчего-же, папа, всегда есть; я сейчасъ.

— Но позвольте, обратился я къ Бадейкину, послѣ легкаго поклона его дочери, право, мало времени; мы, знаете, люди трудящіеся.

— О, помилуйте, знаю. Знаю и всегда цѣню.

— Такъ вотъ—какая же именно у васъ работа имѣется?

— Сейчасъ, сейчасъ. Нельзя же вдругъ. И прежде всего все-таки позвольте мнѣ на минутку... накинуть кое-что. Потому хоть и дочери... у меня вѣдь еще двѣ дочери... институтки... все же... приличіе.

Онъ всталъ, предварительно отперъ одинъ ящикъ своего письменнаго стола, взялъ незамѣтно что-то и уже хотѣлъ идти, какъ торопливо вошла новая особа, помоложе первой, по столь же неопредѣленнаго вида и костюма. Слегка поклонившись мнѣ, она пошептала что-то папашѣ на ухо, на что тотъ отвѣтилъ: знаю, знаю; сейчасъ! и, уходя вмѣстѣ съ нею, замѣтилъ мнѣ:

— Вторая моя дочь... Маша... институтка.

Воротился онъ уже въ сюртукѣ—черномъ, суконномъ, за-

ношенномъ до пельзы. Его восковое геморроидально-чинновничьяго цвѣта лицо безъ малѣйшей кровинки и румянца выглядывало теперь еще безжизненнѣе.

— Надѣюсь, вмѣстѣ съ тѣмъ вы и дворянинъ? Впрочемъ понече... продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое молчаніе, понече...

— Понече право мнѣ недосугъ, отрѣзалъ я; но неизбежный кофей уже вносился самымъ торжественнымъ образомъ. Саша, успѣвшая надѣть голубое платье со шлейфомъ, несла подносъ съ налитыми чашками и остальнымъ кофейнымъ приборомъ, — Маша, надумавшая заколоть стразовую булавкой вязаную розовую косынку на своихъ плечахъ, несла другой подносъ съ графинномъ водки, рюмками и огурцами, — а третья особа — въ коричневомъ форменно-институтскомъ платьѣ съ открытыми плечами и руками, съ кожанымъ поясомъ поверхъ талии и короткими, черными какъ смоль кудрями — несла третій подносъ съ сухарями и печеньемъ. Когда я и Бадейкинъ взяли по чашкѣ и по сухарю, послѣдняя черненькая особа сказала мнѣ:

— А что же выборгскаго бренделя? Возьмите и пирожнаго.

— Третья моя дочь — Клотильда.... только что изъ института.

Я слегка привсталъ, а Клотильда протянула мнѣ свою толстую, короткую руку, причемъ мою потрясла скорѣе по студенчески, чѣмъ по институтски. Клотильда, въ противоположность своимъ сестрамъ, была низкаго роста, но мощнаго коренастаго сложенія; черные глаза ея сверкали и, казалось, говорили: вмѣстѣ съ пирожнымъ взяли бы вы ужъ и меня!

Поставивъ подносы на преддиванный столъ, сестрицы помялись въ залѣ, поправили еще кое-что и одна за другою удалились, кромѣ впрочемъ старшей, Саши, высокой, сухой блондинки, ростъ которой отъ длиннаго шлейфа казался совершенно выходящимъ изъ ряда. Она осталась съ нами и усѣлась на диванѣ предъ подносами.

— Вы что же, господа, пейте; я еще хочу налить вамъ.

— Это отъ насъ не уйдетъ; а только прежде сладкаго не пропустить ли горькаго? Не такъ ли?... гм.... гм.... заговаривалъ Бадейкинъ. Какъ васъ....

Онъ замылся, явно но тщетно желая назвать меня; я же молчалъ и хмурился.

— Не такъ ли? Извините.... до сихъ поръ не справился объ имени и отчествѣ.

— Все равно, горькаго я не употребляю.

— Можетъ ли быть?

— Это рѣдкость! Скажите!—замѣтили въ одно время отецъ и дочь.

— А прекрасно, прекрасно, молодой человѣкъ, продолжалъ первый, наливая двѣ рюмки водки. Но для начала знакомства можно хоть такъ.... для видимости....

— Ни для видимости.... Главное некогда.

И я сталъ быстро оканчивать свою чашку. Отецъ знаменательно переглянулся съ дочерью, которая вышла. Однако на смѣну ей сейчасъ же вертляво влетѣла черненькая институтка.

— А вы пирожнаго такъ и не попробовали?... и крендельковъ?

— Ни пирожнаго, ни крендельковъ.

— Ну, ладно, рѣзвушка моя, поцѣловалъ ее отецъ; поди съ Богомъ; намъ нужно о дѣлѣ....

— Уроковъ, какъ я вижу, у васъ некому давать, сказалъ я; такъ что же другое требуется вамъ?

— А почему же бы и не уроки? Т. е. конечно не уроки, а видите ли, здѣсь есть особое и такъ сказать семейное обстоятельство; но, какъ я вполне надѣюсь, что съ одной стороны мы станемъ съ этого времени добрыми знакомыми.... вы же человѣкъ, прямо скажу, вполне достойный и, конечно, не останетесь чужды моему семейству, то, съ другой стороны, я находилъ бы, въ этихъ собственныхъ видахъ....

Онъ эти послѣднія слова подчеркнулъ, остановился и по-смотрѣлъ на меня.

— Именно вотъ въ этихъ собственно видахъ, продолжалъ Гадсѣишъ,—принимая къ тому же въ соображеніе, что дочери мои, получившія прекрасное воспитаніе.... именно прекрасное и даже прямо скажу выше моихъ средствъ, по одной лишь случайности.... нуждаются однако же въ окончательной отшлифовкѣ онаго, для чего, обладая въ тоже время нѣкоторыми независимыми (подчеркнулъ) средствами, предпринята мною въ началѣ нынѣшняго лѣта поѣздка съ ними за границу; то, дабы, знакомясь и изучая иностранное, не забывать, а тѣмъ паче твердо помнить и отечественное, я и думаю просить васъ....

— Такъ, такъ.... о чемъ же?

— Т. е. собственно пока посоветоваться лишь съ вами вотъ на этотъ счетъ....

— На какой же счетъ?

— Именно вотъ на счетъ необходимости прежде поѣздки нашей за границу, такъ сказать, на чужбину и съ цѣлію, замѣтите, серьезною, т. е. не для удовольствія лишь, а и для пользы, для завершенія ихъ образованія, возобновить въ ихъ памяти все этокое.... выходящее изъ ряда по исторіи всеобщей, а равно и отечественной, для сравненія т. е. съ иностраннѣмъ.

— Т. е. все же выходитъ нужны вашимъ дочерямъ уроки по исторіи?... Всѣмъ, или одной?

— Всѣмъ, всѣмъ тремъ, потому для меня всѣ равны по долгу отца, хотя, конечно, вы тотчасъ замѣтите значительную разницу. Саи:а—та больше развита въ философскую сторону.

— Я уже заявилъ вамъ, что нишу уроковъ по исторіи. Поэтому что же тутъ распространяться! Для чего бы вашимъ дочерямъ ни нужны были уроки, мнѣ все равно читать ихъ. Ваши какія условія?

— Т. е. позвольте.... вы все говорите—уроки.... Не то, что уроки. Я человѣкъ чиновный, пунктуальный, привыкъ къ

точности. Это не то, что пришелъ, далъ урокъ по исторіи тамъ или математикѣ, получилъ деньги и ушелъ.

— А что же? Казалось бы въ данномъ случаѣ именно такъ: у васъ дочери взрослые, воспитанныя; поймутъ же, что имъ будутъ читать.

— Вотъ именно читать.... прекрасно сказано читать.... настоящее слово и есть. Не учить ихъ я прошу.... слава Богу учились, а прочитать въ нѣсколькихъ.... въ немногихъ этакъ.... сжатыхъ (онъ сплился выразить это и руками) лекціяхъ.... такъ сказать чтеніяхъ.... все выдающееся, главнѣйшее изъ исторіи всеобщей и русской.

— Идея! подумалъ я, но тутъ же рѣшилъ про себя: а ну васъ! Пусть не уроки, а лекціи.... напутственные для отъѣзжающихъ за границу.... мнѣ то что? Вѣдь заплатить.... Самъ же сознается, что обладаетъ свободными средствами.

— Согласенъ, говорю я; понялъ вполне. Лекціи съ общими выводами и комбинаціями однородныхъ событій.... Какія же ваши условія?

— Ну на этотъ счетъ, если мы сойдемся.... не беспокойтесь.

— Однако? Такую лекцію—въ часъ времени—я цѣню въ два рубля.

Бадейкинъ выпучилъ на меня глаза.

— Потому что, видите сами, объяснялъ я; это не уроки, это лекціи съ высшимъ содержаніемъ, которыя я раньше долженъ долго обдумывать. Притомъ весьма важно знать напередъ о производствѣ платы; у меня правило.... послѣ каждого раза.

— Я вижу и очень радъ, что мы сходимся. Душевно радъ, потрясалъ Бадейкинъ мою руку. Главное, коль скоро вы станете съ нами по дружески.... по домашнему, тогда и сроки и плата—все это разрѣшится само собою.

— Однако....

— Я хочу лишь заявить вамъ, что, сойдясь въ главной цѣли, во всемъ остальномъ я согласенъ съ вами. Сдѣлаю, какъ только вамъ будетъ угодно.

— Ну и прекрасно, заключилъ я, взявшись за фуражку: такъ повторимте все-таки: два рубля часовой урокъ. Знаете— во избѣжаніе сомнѣній—и за каждый урокъ....

— Какія сомнѣнія! Прошу же васъ по домашнему. Жалуйте къ намъ, когда вамъ угодно и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше, въ виду т. е. нашего скорого отъѣзда.

При этомъ Бадейкинъ снова сталъ потрясать мнѣ, вставшему и направлявшемуся уже къ двери, обѣ руки.

— Однако опять, какъ же это чаще? Можетъ выйти недоразумѣніе. Къ уроку.... къ лекціи надо намъ быть готовыми. Вамъ напр. надо быть первымъ дѣломъ дома....

— Повторяю: для васъ всегда мы дома и всегда рады.

— Приходите почаще!

— Милости просимъ! Всегда дома!

— Будемъ ждать васъ! восклицали между тѣмъ и всѣ три, разомъ выскочившія изъ засады сестрицы.

— Тѣмъ болѣе я радъ. Такъ назначимте первую лекцію... хоть завтра.

— Завтра? спросили сестрицы и переглянулись между собою.

— Завтра? Не слишкомъ ли скоро? замѣтила склонная къ философіи Саша.

— Ну, послѣзавтра, черезъ три дня?

— Вотъ такъ лучше.

— Въ семь часовъ вечера?

— Отлично, отлично, восклицали сестрицы, а Бадейкинъ сталъ провожать меня до самаго низу.

— Вы насъ полюбите, право.... мы люди.... Прощайте, до свиданія!

Заданная мнѣ задача клиномъ засѣла въ моей головѣ. Шутка ли: комбинировать міровыя событія по ихъ идеѣ и внутреннему смыслу, дѣлать изъ нихъ выводы, т. е. попросту читать философію исторіи, да еще въ немногихъ сжатыхъ очеркахъ! Я кое-что перелистывалъ, наскоро сообразилъ и въ день лекціи, отправляясь на нее, захватилъ съ собою, на слу-

чай справокъ и просто чтобы имѣть что-либо въ рукахъ, первый томъ исторіи Вебера,—пезабывъ передъ этимъ, приперши плотно дверь своей меблированной комнаты, тщательно замазывать чернилами дырочки на моихъ сапогахъ. Пока я шелъ въ головѣ моей такъ и кипѣли разные историческіе взгляды, обобщенія, преемство религій и проч. Пришелъ я почти въ воодушевленномъ состояніи; во всякомъ случаѣ удастся или нѣтъ, а я прочту вамъ не институтскую лекцію по исторіи, промелькнуло у меня.

Но обстановка извѣстной уже мнѣ залы, приготовленной какъ будто для вечера, для танцевъ, непріятно поразила меня: по всѣмъ угламъ и простѣнкамъ были зажжены свѣчи, въ томъ числѣ и на раскрытомъ фортепіано квадратной формы; передъ диваномъ на развернутомъ ломберномъ столѣ стояло ихъ цѣлыхъ четыре; тутъ же поставлены были съ боку—графинъ съ водой и стаканъ, а на другомъ концѣ стола—со стороны дивана—положены рядомъ три листа чистой бумаги съ карандашемъ на каждомъ листѣ. Но что всего хуже—дверь, чрезъ которую проходили въ залу изъ другихъ комнатъ, была торжественно открыта и чрезъ нее доносился говоръ и виднѣлись разныя фигуры, очевидно пришедшія въ гости и все такія неопредѣленныя: какой то не то выкрестъ изъ жидовъ, не то армянинъ, держащій руки въ карманахъ брюкъ и безъ признаковъ нижняго бѣлья на шеѣ,—какой то подростокъ, пансіонеръ нѣкотораго заведенія,—какія то старухи.... Я сильно покосился на эту дверь.

— Это намъ не помѣшаетъ, сталъ объяснять Бадейкинъ. Кое кто собрался невзначай,—то и встати. Послѣ лекціи останетесь, надѣюсь, у насъ на вечерокъ; потанцуете, а можно будетъ и пульку...

—Ну, это дудки, подумалъ я.—Тутъ не вечерокъ и не пулька, а вотъ какъ-то выйдетъ антропоморфизмъ и преемство религій.

Сейчасъ же появились и дочери хозяина, оказавшіяся въ большомъ парадѣ, не исключая и Клотильды, опять такъ крѣпко

сжавшей мою руку, что всѣ историческія комбинаціи чуть не исчезли изъ моей головы.

— Это хорошо, что вы вѣрны своему слову, заговорила, замѣтно шепелявя, вторая сестрица.—И больше всего уважаю вѣрность...

— Вѣроятно прикажете здѣсь и усѣсться, сказалъ я, прямо садясь за ломберный столъ, лицомъ къ дивану, за которымъ стали усаживаться три сестрицы... «Три граціи», вдругъ подумалось мнѣ ни съ того, ни съ сего.

Вижу затѣмъ: и самъ Бадейкинъ усѣлся у своего письменнаго стола и—о ужасъ! начинаетъ вылѣзать въ залу изъ другихъ комнатъ и остальной разной людъ: выкрестъ усѣлся рядомъ съ диваномъ около самой Клотильды, пансіонеръ—съ другой стороны, около философи Сашн, какія-то дамы, слышу, стали усаживаться и шумѣть стульями сзади меня.

Тс... Тс... послышалось по ихъ адресу.

Слышу и еще кто-то врехтнть и чуть не ползеть въ залу. Я невольно обернулся и вижу: не то кухарка, не то нянюшка, старая—престарая, въ черной кичкѣ на головѣ, прислонилась къ стѣнѣ и крестится. Меня взорвало; краска мгновенно охватила мое лицо... но что было дѣлать?—Воцарившаяся торжественная тишина обязывала меня начнать лекцію и я началъ... сразу, съ сердцовъ и даже прямо съ нѣкоторой грубости.

«Можно прочитать много историческихъ книгъ, прослушать нѣсколько курсовъ по исторіи и не знать исторіи, т. е. не доискаться ея смысла, не понять общаго значенія и преемства историческихъ явленій въ человѣчествѣ. Этотъ общій смыслъ исторіи и отдѣльныхъ ея событій, вполне познаваемый людьми впоследствии, а въ свое время лишь отчасти угадываемый гениями, и будетъ предметомъ нашихъ лекцій.

Колыбелью человѣчества,—продолжалъ я, развернувъ Вебера и отъ времени до времени перевертывая листы,—почитается востокъ... Азія... по священнымъ источникамъ—долина ея между Тигромъ и Евфратомъ, а по другимъ—Индіа. Народившееся человѣчество, естественно, было сначала, какъ

и пародившееся дитя, слабо и безпомощно и очутилось въ полномъ порабощеніи его матери, вѣншей природѣ. Это порабощеніе было тѣмъ глубже и продолжительнѣе, что тамошняя вѣншняя природа отличается поразительною грандіозностію и роскошью. Но порабощеніе себя другому есть въ сущности обожаніе этого другаго, и вотъ человѣчество начинаетъ обожать природу, и именно то, что всего въ ней замѣтнѣй, поразительнѣй, т. е. свѣтила: солнце, луну... звѣзды... вообще поразительныя явленія природы. Съ этого перваго момента началась сознательная духовная жизнь всѣхъ восточныхъ народовъ: китайцы, какъ и многіе другіе язычники, и до сихъ поръ поклоняются солнцу, думая, что его можетъ проглатывать драконъ и проч. Этотъ первый проблескъ духовной жизни человѣчества называется сабензмомъ...

Сабензмъ... прошу замѣтить... обожаніе свѣтилъ... первый моментъ, толковалъ я въ виду того, что при послѣднихъ словахъ Клотильда сдѣлала удачную попытку утереть пальцами носъ одной нагорѣвшей и начавшей слывать свѣчкѣ, чему всѣ слегка засмѣялись.—Такъ—сабензмъ. Но сабензмъ есть религія, культъ; стало быть сознаніе человѣчества и его прогрессъ первоначально сосредоточены были въ религіи, какъ въ зернѣ, и начали развиваться только изъ этого зерна. И дѣйствительно, первые шаги прогресса человѣчества — суть именно шаги въ области религіозной и состоятъ въ развитіи и очищеніи религіознаго сознанія, въ преемствѣ религій отъ болѣе грубыхъ, къ менѣе грубымъ, къ болѣе возвышеннымъ. Послѣ бездушныхъ свѣтилъ, человѣчество начинаетъ поклоняться одушевленнымъ страшилицамъ и животнымъ, обоготворяя въ нихъ, какъ и въ свѣтилахъ, пользу или вредъ для себя; а чтобы видѣть ихъ всегда передъ собою, создаетъ кумировъ, фетишей, т. е. производитъ своими руками грубыя конки съ своихъ боговъ. Эти моменты исторіи принято называть зооморфизмомъ и фетишизмомъ. Зооморфизмъ—обожаніе животныхъ, фетишизмъ—вообще поклоненіе всякимъ идоламъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи религія еще болѣе очищается...

Впрочемъ, мнѣ было бы желательно знать, понятъ-ли я надлежащимъ образомъ, обратился я къ сестрицамъ, глядя на нихъ по-очередно, въ упоръ. Но каждая только посматривала на другую и, молча, ухмылялась.

— Потому, изволите видѣть—я вамъ наговорилъ сейчасъ терминовъ, а замѣтить и понять правильно термины весьма важно: съ ними соединяются цѣлыя теоріи, цѣлыя ученія. Дальше намъ предстоятъ еще термины, и я боюсь... Такъ вы, конечно, усвоили? Напр. сабензмъ... какъ вы понимаете? присталъ я къ старшей изъ моихъ слушательницъ... Нужно же мнѣ знать, какъ опѣ далеко въ исторіи, думалъ я про себя.

Но Саша, не смотря на врожденную склонность къ философіи, молчала, опустила глаза и конфузилась все болѣе и болѣе. Всѣмъ было неловко и я, махнувъ—что называется—рукой, продолжалъ:

— Ну, небезпокойтесь, послѣ...

«Такъ, говорю, въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества, религія еще болѣе очищается и переходитъ отъ бездушнѣйшей и животной природы къ основѣ уже чисто человѣческой; она дѣлается антропоморфизмомъ, т. е. превращается въ обожаніе героевъ людей, въ обожаніе ихъ силы и вообще человѣческихъ качествъ; тутъ человѣкъ преклоняется уже не предъ грозною бездушною природою, не предъ ревушимъ зверемъ, а предъ человѣкомъ же (антропосъ по гречески человѣкъ), предъ существомъ, подобнымъ себѣ.

Всѣ извѣстные народы цѣлыми вѣками дѣлали такіе ничтожные шаги впередъ, какъ переходъ отъ одного религіознаго культа къ другому; а многіе и до сихъ поръ еще не вышли изъ-подъ рабства внѣшняго міра: китайцы такъ и окаменѣли въ фетишизмъ; у индійцевъ до сихъ поръ—религія природы; Египетъ такъ и улегся въ гробницахъ, съ своимъ обожаніемъ кошекъ и собакъ»...

При этихъ словахъ, вижу, многіе улыгнулись, но чему—непонимаю... Вижу, что улыбающіеся улыбаются именно на среднюю сестрицу, Машу, и засматриваются въ ея сторону.

Смотрю на нее и я; вижу, что она чего-то съезживается, но ничего не понимаю... Меня это бѣситъ... но я принужденъ продолжать...

«Но вотъ, наконецъ, цвѣтъ древняго человѣчества—греки и римляне пошли впередъ въ самомъ антропоморфизмѣ, а въ концѣ у нихъ и эта религія стала отходить прочь, какъ фактъ отжившій и ненужный. Народъ и общество начинали уже относиться къ ней критически—сознательно, а затѣмъ и насмѣшливо. Такъ эпикурейцы саркастически спрашивали Юпитера Капитолійскаго: какого быка прикажетъ онъ принести себѣ въ жертву,—чернаго или бѣлаго? Представленіе Олимпа, съ котораго внимательно посматривали голодные боги, не вспыхнетъ-ли гдѣ нибудь на землѣ жертвенный огонекъ, было общее у тогдашнихъ риторовъ и философовъ. Напрасно, по замѣчанію историка Тацита, по улицамъ Рима, расхаживали жрецы всевозможныхъ боговъ, съ распущенными волосами испуская дикіе вопли, стуча въ мѣдные тазы и терзая себя ремнями и ножемъ» вычитывалъ я изъ Вебера, а сзади слышатся вздохи:

— Охъ, Господи... Пресвятая Богородица... Казанская божія матерь!..

Чувствую, что это кряхтитъ и крестится старуха сзади, прислонившаяся къ стѣпѣ. Краснѣю и самъ, но силуюсь не обращать на это ни малѣйшаго вниманія и, храбро и воодушевляясь, продолжаю:

«Антропоморфизмъ, какъ религія, какъ сверхъестественный культъ, значить, отходить; жизнь стремится выдѣлнить изъ него чисто человѣческіе естественные элементы, чтобы утвердиться на нихъ однихъ. Статуи боговъ и богинь разрушаются, взаимнѣ ихъ возвышается множество статуй собственно людей за ихъ общественныя заслуги. Грекъ въ послѣднюю эпоху жизни своей націи какъ бы забываетъ, что извѣстная статуя въ храмѣ есть извѣстное божество; онъ видитъ въ ней и прекрасную женщину, прекрасныя фор... (и я чувствовалъ, что опять краснѣю) прекрасныя лишь формы человѣческаго тѣла; онъ

различаетъ, чьей она работы: Фидіа-ли, Скопаза, Праксителя, или не столь пѣкнаго и мягкаго рѣзца—Поликтета и Лисиппа; грекъ не только обожаетъ ее, статую, а и наслаждается ею, съ восторгомъ впиваясь иногда въ мраморъ глазами и устами.

Древній міръ затѣмъ трагически умеръ, начавъ выработать новыя элементы, но не могли дать имъ внутренней силы и основы; но онъ произвелъ христіанство, которое поправило и сдѣлало его работу, которое навсегда неизмѣнно утвердило достоинство единичной личности тѣмъ, что открыло въ человѣкѣ внутренней нравственный міръ, міръ высшій и дивно примирило единичную личность съ обществомъ, при помощи тѣхъ новыхъ отношеній человѣка къ ближнимъ его, которыя оно повѣдало міру и которыя состояли въ братской любви всѣхъ ко всѣмъ и въ социальности имущественныхъ, семейныхъ и всякихъ другихъ отношеній между людьми. Затѣмъ есть моменты въ развитіи самого христіанства: живя христіанствомъ божественнымъ, сверхъестественнымъ, человѣчество еще не жило христіанствомъ нравственнымъ, которое, какъ мы видѣли, преемственно и необходимо родилось изъ жизни древняго міра и готово уже было прямо вести впередъ тогдашнюю жизнь человѣчества... и т. д. въ этомъ родѣ.

Когда я всталъ пзъ-за стола и зашевелились съ этою цѣлію и сестрицы, съ колѣнъ Машы, сидѣвшей въ серединѣ на диванѣ, прыгнула на полъ огромная, черная и довольно караяя кошка, съ голубой, однако же, ленточкой на шеѣ, очевидно лежавшая тамъ подъ прикрытіемъ въ продолженіи всей моей лекціи. Меня опять и окончательно взорвало. Мнѣ стало понятно смѣхотворное настроеніе, поднявшееся было во время лекціи при упоминаніи мною вмѣстѣ съ Египтомъ имени этого животнаго. Когда Бадейкинъ, подойдя ко мнѣ, сталъ разсуждать въ благодарностяхъ и любезностяхъ и принялись было за это же и обступившія меня сестрицы, я рѣзко отвернулся въ сторону. Бадейкинъ за мной.

— Душевно, сердечно благодарны. Вы обладаете, прямо скажу...

— А я прямо скажу, что больше продолжать не намеренъ.

— Помилуйте... Что же?..

— Да то же. Какая это лекція? говорилъ я взволнованнымъ полуголосомъ, стоя у окна лицомъ къ стекламъ.—Вы сдѣлали изъ нея какое-то представленіе, балаганъ; назвали Богъ знаетъ кого, точно на ярмарку... Однимъ словомъ, прощайте!

— Помилуйте... ей-ей напрасно... Мы всей душой.

— Что такое всей душой? Не надобно совсѣмъ этого. Когда вы дѣлаете вечеръ для своихъ дочекъ, зовите тапера, а не учителя.

Бадейкинъ и такъ и сякъ; но я прямо заявилъ, что гасрствовать не намеренъ и рѣшительнымъ, недопускающимъ возраженій тономъ вытребовалъ условленную плату, хотя и не безъ труда.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, долговязый Евстафьевъ, завидѣвъ меня у кухмистерской нашего Маврокордато, уже издали прыскалъ со смѣху.

— Ну что? что?

— Вы о чемъ?

— Да у Бадейкина, у трехъ грацій, были?

— Былъ.

— Ну и что же? Хе, хе..

— И ничего.

— Гм... Не въ сурьезъ-ли пошло, не вкдюнуло-ли? должно быть подумалъ нашъ Кюхельбекеръ, глядя на меня подозрительно и сдерживая веселость; въ то же время, когда мы вошли въ кухмистерскую, изъ-за стола понеслись въ мою сторону возгласы:

— А, маленькій гражданинъ большущаго отечества!.. Какъ вы? Цѣлы? вопрошалъ одинъ; тогда какъ другой ехидно сталъ

напѣвать извѣстную въ то время пародію на мотивъ изъ «Прекрасной Елены»:

Три богини рядомъ стали
И Сазоновъ началъ вѣтъ...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Такъ-таки и ничего? допрашивалъ меня уже конфиденціально Евстафіевъ, когда мы усѣлись поодаль.

— Да вы же сами были, сознайтесь?

Евстафіевъ добродушно и во весь ротъ улыбался.

— Ну, а... Клотильда?

— Что же, Клотильда?

— Да она меня ущипнула, канальство.

Оказалось, что съ Евстафіевымъ случилось то же, что и со мной... Только онъ порвалъ на второмъ урокѣ русской литературы, увидѣвши, что три граціи не только не были въ институтѣхъ и не слышали о какой-либо литературѣ, а едва-ли умѣли писать.

М. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Крестьянскія возстанія въ Чехіи.

(Изъ книги Сватека «Culturhistorische Bilder aus Böhmen»).

Возстанія крестьянъ играютъ важную роль въ европейской исторіи. Во Франціи была жаккерія, въ Англіи—великое возстаніе Уатъ-Тэйлера, въ Германіи — ужасы крестьянскихъ войнъ, которыми предводительствовали Томасъ Мюнцеръ и Стефанъ Фадингеръ. Лѣтописи Чехіи также повѣствуютъ о многихъ крестьянскихъ смутахъ, которыя хотя и не принимали такихъ размѣровъ, какъ вышеназванныя, но не уступали имъ въ ожесточеніи и поэтому не могутъ быть опущены въ исторіи цивилизаціи этой страны. Разница между крестьянскими возстаніями въ Чехіи и крестьянскими возстаніями въ другихъ европейскихъ странахъ заключается лишь въ томъ, что въ Чехіи возстанія низшихъ слоевъ населенія начались сравнительно позже, что объясняется относительно лучшимъ положеніемъ чешскаго крестьянства. Въ продолженіи всего періода среднихъ вѣковъ, чешскій крестьянинъ пользовался довольно широкою свободою, неизвѣстною большинству сосѣднихъ странъ, и слова «крѣпостной» не было въ чешскомъ словарѣ почти до конца XV столѣтія. Право жизни и смерти надъ подданными принадлежало, въ этотъ періодъ времени, одному королю, и еще въ первой половинѣ XV столѣтія всякій вассалъ имѣлъ право привлекать лично къ суду землевладѣльца. Ни въ какой другой странѣ «четвертое сословіе» не пользовалось такими льготами.

Правда, что уже в XV вѣкѣ аристократія и рыцарство не разъ пытались съузнить права своихъ вассаловъ ¹⁾, но періодъ униженія и порабощенія наступилъ для чешскихъ крестьянъ только въ повне вѣка. Эта перемена тѣмъ тяжелѣе отозвалась на чешскомъ народѣ, что, послѣ социальнаго переворота, вызваннаго гусситскими полчанами, новое положеніе дѣлъ въ Чехіи устроилось на иностранный образецъ и прежнія демократическія учрежденія страны были замѣнены заимствованнымъ извнѣ феодальнымъ строемъ. Истощеніе народа послѣ долгаго и бурнаго періода гусситской борьбы, окончившейся только со смертію Георга Подебрада и создавшей въ Чехіи многочисленный пролетаріатъ, помогло дворянству прожести, въ концѣ XV столѣтія, свой хитро задуманный планъ, превратившій въ какихъ нибудь тридцать лѣтъ чешскаго крестьянина съ начала въ прикрѣпленнаго къ землѣ, а затѣмъ и въ крѣпостнаго ²⁾. Долгое и безславное правленіе Владислава Ягеллона содѣйствовало этому социальному перевороту въ пользу феодаловъ: своеволіе которыхъ возрастало съ каждымъ годомъ и съ начала XVI столѣтія въ Чехіи начали укореняться тѣ же самыя условія, которыя низвели крестьянство западной Европы до степени безправной массы.

Однако гусситскія традиціи равноправія были еще на столько сильны въ массахъ чешскаго народа, что стремленія феодальныхъ бароновъ не могли получить, въ Чехіи такого полного удовлетворенія, какое они получили въ Германіи и во Франціи. Въ 16-мъ столѣтіи, чешскіе крестьяне еще пользовались правомъ собственности, имѣли свои независимые суды, сходившіеся по нѣскольбу

¹⁾ Уже Петръ Хельчицій, духовный основатель «братскаго единства» возставалъ, въ своемъ главномъ сочиненіи «Sic' vige» («Сѣть нѣры», написанной въ 1440—43 г.), противъ несправедливости барщины, прино заявляя, что вассалы не обязаны работать на землевладѣльца, потому что всѣ они родились свободными людьми, и потому что христіанинъ не можетъ быть закрѣпощенъ своему ближнему.

²⁾ Уже въ 1472, 1474 и 1479 гг., аристократическое большинство, на сеймахъ, пыталось востановить крестьянское сословіе въ полную зависимость отъ землевладѣльца. Благодаря непростительному равнодушію, съ которымъ отнеслись къ этому вопросу города, этой партіи удалось провести позорную резолюцію, 14-го марта, 1487 г., на основанія которой выкрѣпощеніе крестьянъ къ землѣ получило силу закона.

разъ въ году для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ тяжбъ и участвовали въ управленіи церковнымъ имуществомъ. Окончательное порабощеніе крестьянъ землевладѣльцами произошло лишь во время тридцатилѣтней войны, когда оно уже рѣшительно получило, въ Чехіи, форму закрѣпощенія. Однако, первыя попытки къ этому встрѣтили отпоръ во многихъ мѣстахъ; по свидѣтельству современниковъ, чешскіе крестьяне далеко не добровольно покорились крѣпостническому ярму и пытались силой удержать за собою свои старыя вольности.

Какъ видно изъ превосходнаго сочиненія извѣстнаго чешскаго юриста, Викторина Корнели изъ Всеграда, „девять книгъ о правахъ, судахъ и земскомъ уложеніи Богеміи“, угнетеніе вассаловъ совершалось, во времена автора (1460—1520), главнымъ образомъ, посредствомъ нарочно-неправильнаго обозначенія размѣра крестьянскихъ налоговъ при передачѣ земельной собственности. Эти оброки умышленно не вносились въ «земскую доску» для того, чтобы землевладѣльцы могли впоследствии по произволу увеличивать ее. «Благодаря этому, говоритъ Всеградъ, бѣдный народъ несетъ такія тягости, какими не позволяютъ себѣ обременять его даже турки и другіе азіатчики. Эти невиданныя до сихъ поръ въ Чехіи несправедливости влекутъ за собою самыя пагубныя послѣдствія; люди, которые не чувствуютъ себя въ силахъ нести это новое, тяжкое ярмо, покидаютъ землю и предаются разбоямъ, убійству и поджогамъ, опустошающимъ страну, или же возмущаются противъ землевладѣльцевъ и бѣгутъ, вооруженные, въ горы, покидая на произволъ судьбы свой домъ, хозяйство, жену и дѣтей. Такъ было недавно въ Моравіи, гдѣ жители Гогенштадта, обремененные непосильными повинностями и небывалою барщиной, возмутились противъ своего господина и, напавъ на него, такъ избили его, что онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Точно также и въ Богеміи, въ Прокинскомъ округѣ, возстали, какъ слышно (Всеградъ началъ свое сочиненіе въ 1494 г.), во многихъ деревняхъ, въ день праздника св. Маргариты, всѣ приписанные къ землѣ королевскіе подданные, признавъ необычную и новоизобрѣтенную барщину невыносимой. Возставшіе вооружились и заняли окрестныя горы, и никто не знаетъ, чѣмъ это кончится».

Показанія Всеграда знакомятъ насъ, такимъ образомъ, съ первыми попытками чешскихъ крестьянъ выйти изъ своего угнетеннаго

положенія съ помощію вооруженнаго бунта; но о дальнѣйшемъ развитіи и о результатахъ этихъ первыхъ крестьянскихъ смуть въ Чехіи намъ ничего неизвѣстно; въ лѣтописяхъ и другихъ грамматахъ того времени ничего не упоминается о возстаніи крестьянъ въ южной Чехіи (судя по всему, это были такъ называемые вольные поселенцы Бемеральда, всегда ревниво охранявшіе свои льготы), поэтому мы должны удовольствоваться тѣми скудными свѣденіями объ этомъ предметѣ, которыя находимъ у Всеграда. Но слѣдующій же крестьянскій бунтъ въ Чехіи уже является передъ нами освѣщеннымъ историческими документами, и мы видимъ въ то же время, что бунтъ этотъ не былъ лишень романтической подкладки.

Въ концѣ XV-го вѣка, въ красивомъ замкѣ Плосковичъ, въ Лейтмерицкомъ округѣ, жилъ Адамъ Плосковскій изъ Драгоничъ, немилосердно угнетавшій своихъ вассаловъ и при всякомъ случаѣ опустошавшій ихъ кошелекы, чтобы имѣть средства для пышной и роскошной жизни. Вассалы, разумѣется, были недовольны и недовольствомъ ихъ воспользовался сосѣдній владѣтель, рыцарь Далиборъ Коцоѣдъ, мѣтившій на земли Плосковскаго. При помощи тайныхъ подстрекательствъ, Коцоѣдъ успѣлъ направить крестьянъ своего сосѣда на ихъ владѣльца. Они напали, въ 1496 г., на его замокъ, жестоко избили Плосковскаго и бросили его въ темницу, послѣ чего рыцарь Далиборъ завладѣлъ его землями. Однако, когда объ этихъ событіяхъ узнали жители близняго города Лейтмерица, для которыхъ Плосковскій всегда былъ добрымъ другомъ, то они взяли за оружіе, отбили замокъ и, взявъ въ плѣнъ Далибора, привели его въ Прагу, гдѣ названная его именемъ Далиборская башня, на Градчинѣ, до сихъ поръ повѣствуетъ объ его плѣнѣ, его игрѣ на скрипкѣ и его смерти на эшафотѣ. О дальнѣйшей судьбѣ возставшихъ крестьянъ ничего не извѣстно, но судя по строгости, съ которою былъ наказанъ Далиборъ, можно заключить, что и крестьянамъ это дѣло сошло не легко, тѣмъ болѣе, что на нихъ нужно было показать примѣръ для устрашенія другихъ крестьянъ округа.

Тѣмъ не менѣе, крестьянскіе бунты вскорѣ вспыхнули и въ другихъ мѣстахъ, и одинъ изъ нихъ былъ, какъ показываютъ „Старые ежегодники Чехіи“ отъ 1517 г., на столько важенъ, что для подавленія его потребовались значительныя военныя силы

и даже пушки. Въ показанномъ году, король Людовикъ уступилъ, въ видѣ залога, нѣсколько деревень въ коронномъ владѣніи Шюр-глицъ, земскому судѣ Георгу Коловрату, который сталъ принуждать свободныхъ поселенцевъ къ признанію за нимъ послѣдственной власти надъ ними. Крестьяне пожаловались королю, но Коловратъ упорно стоялъ на своемъ несправедливомъ требованіи и дѣло дошло до открытаго крестьянскаго бунта. Крестьяне, вооружившись топорами и всякимъ другимъ оружіемъ, какое попалося подъ руку, заперлись въ сельской церкви, съ твердымъ рѣшеніемъ защищаться. Къ нимъ присоединилось нѣсколько сотъ бродягъ и толпы мятежниковъ разрастались съ каждымъ днемъ. Бургграфъ Левъ Рожмиталя, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ притѣснителей крестьянъ, призвалъ изъ окрестныхъ округовъ войска для усмиренія мятежа и, взявъ нѣсколько пушекъ изъ пражской крѣпости, лично выступилъ противъ мятежниковъ. Крестьяне, видя на сторонѣ непріятеля превосходство силъ, укрылись въ шюрглицкихъ лѣсахъ, гдѣ до нихъ не легко было добраться, и бургграфъ принужденъ былъ возвратиться въ Прагу, не достигнувъ цѣли. Этотъ магнатъ пытался закрѣпить свободныхъ земледѣльцевъ и въ коронномъ владѣніи Колинѣ; но они предпочли выселиться въ Чаславъ и Куттенбергъ. Онъ и собственныхъ своихъ вассаловъ заставлялъ, своими притѣсненіями, во многихъ деревняхъ (между прочимъ, въ Герндорфѣ и Градекѣ, въ пражскомъ округѣ), взяться за оружіе.

Вообще XVI-й вѣкъ, бывший свидѣтелемъ великихъ крестьянскихъ войнъ въ Германіи, ознаменовался и въ Чехіи частыми возстаніями крестьянъ. Примѣръ сосѣдней Тюрингіи не остался, между прочимъ, безъ вліянія и на угнетенное населеніе Рудныхъ горъ, страдавшее подъ депотическою властью графа Шлика, и въ 1524 г. въ Іоахимсталѣ вспыхнуло серьезное крестьянское возстаніе. Въ началѣ оно было направлено только противъ управляющихъ графскими землями; но въ слѣдующемъ году, когда графъ Шликъ выслалъ, для подавленія мятежа, наемныхъ солдатъ, ненависть народа обратилась противъ самого владѣльца. Въ май 1525 г., на Іоахимсталской городской площади, собралась толпа крестьянъ, которая вторглась въ ратушу, расграбила ее и уничтожила всѣ грамоты и привилегіи города, и затѣмъ направилась къ ближайшему замку Фрейденштейну, который постигла та же

самая участь. Графъ Стефанъ Шликъ, посѣвши выступить изъ Шлаккенверта съ 300 наемныхъ солдатъ, но, узнавъ, что силы мятежниковъ доходятъ до 3,000, не рѣшился сразу вступить съ ними въ борьбу, и дождался подкрѣпленій, которыя началъ прибывать къ нему со всѣхъ сторонъ. Мятежники вступили съ нимъ въ переговоры и онъ удовлетворился выдачею всего семнадцати главныхъ зачинщиковъ, которыхъ онъ намѣревался казнить. Однако онъ и ихъ помиловалъ, во вниманіе къ тому, что во время возстанія не было пролито крови. Онъ потребовалъ только, чтобы осужденные публично объявили на площади Іоахимстала, что они были «смущены къ возстанію дьяволомъ». Только двое саксонскихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ этомъ бунтѣ были, безъ обочности, обезглавлены.

Въ томъ же году произошли крестьянскіе бунты—впрочемъ, менѣе значительные—и въ южной Чехіи, въ вотчинѣ Клингенбергъ (на земляхъ, принадлежавшихъ Швамбергамъ), гдѣ винозники безпорядковъ также были приговорены къ смерти, и въ вотчинѣ Гогенфуртъ, гдѣ вслѣдствіе этихъ смутъ настоятель монастыря, Христофоръ Кноль, сложилъ съ себя это званіе, глубоко оскорбленный неблагодарностью вассаловъ, съ которыми онъ обращался кротко, но въ которыхъ уже начали укореняться идеи реформаціи.

Извѣстно, что ученіе Лютера, по-своему понятое крестьянами, много способствовало крестьянскимъ войнамъ въ Тюрингіи и Швабіи, и реформаторъ вскорѣ былъ вынужденъ написать нѣсколько брошюръ, противъ «разбоевъ и убійствъ, совершаемыхъ крестьянскими шайками». Двѣ изъ этихъ брошюръ были переведены на чешскій языкъ, чтобы удержать и чешскихъ крестьянъ отъ совершенія подобныхъ же насилій. Тѣмъ не менѣе, бунты продолжали повторяться слишкомъ часто (такъ, въ 1544 г. клингенбергскіе крестьяне вновь возмутились противъ владѣльца Богуслава Швамберга), хотя окапчивались въ большинствѣ случаевъ пораженіемъ и строгимъ наказаніемъ мятежниковъ, и имѣли своимъ послѣдствіемъ только укрѣпленіе зависимости крестьянъ. Впрочемъ, съ другой стороны, нѣтъ недостатка и въ примѣрахъ кровавой мести угнетенныхъ вассаловъ ихъ властителямъ. Такъ, въ 1571 г., въ деревнѣ Зимопитъ, близъ Блатны, крестьяне Людовика Лорецкаго изъ Лѣкушъ, выведенные изъ терпѣнія тяжелою барщиной и жестокими притѣсненіями, возмутились, подъ предводительствомъ

сельскаго судьи Петра Дулика, и, напавъ, ночью, на своего владѣльца, умертвили его, во время сна, вмѣстѣ съ двумя его несовершеннолѣтними сыновьями. Виновники этого преступленія были преданы потомъ, въ Блатиѣ, жестокой казни.

Но всѣ эти частныя крестьянскіе бунты XVI-го вѣка были только блѣднымъ прологомъ къ печальнымъ событіямъ послѣдующаго столѣтія. О крестьянскихъ возстаніяхъ въ широкомъ смыслѣ слова можетъ быть рѣчь только съ начала тридцатилѣтней войны, колыбелью которой была Чехія, гдѣ война эта вспыхнула и перевернула весь существовавшій до той поры порядокъ вещей. Въ этотъ же періодъ, какъ мы уже сказали, вассальное положеніе крестьянъ перешло въ фактическое закрѣпощеніе и въ полное безправіе «четвертаго сословія».

Великое возстаніе протестантскихъ чиновъ въ Богеміи, начавшееся, 23 мая 1618 г., знаменитымъ выбрасываніемъ изъ оконъ, нашло себѣ весьма слабую поддержку въ сельскихъ классахъ, которые инстинктомъ угадали, что возставшія сословія болѣе заботились о расширеніи и укрѣпленіи своихъ привилегій, чѣмъ о національныхъ и политическихъ льготахъ народа. Подъ мнимо-религіозной борьбой противъ Фердинанда II скрывались въ сущности чисто мірскія цѣли, которыми могли вдохновляться только дворянство и рыцарство, да развѣ еще, но въ гораздо меньшей степени, горожане; четвертое же сословіе могло вдохновляться ими всего менѣе. Чешскій народъ отнесся въ ту пору къ возстанію протестантскихъ чиновъ совершенно холодно и въ этомъ равнодушій массъ лежала главная причина неудачи этого движенія, которое, какъ легко можно было предвидѣть, кончилось пораженіемъ у Бѣлой Горы и трагическою расплатой на площади Стараго Города.

Бароны и рыцари, считавшіе народъ своею собственностью, вмѣсто того, чтобы воодушевлять его для великаго національнаго дѣла, какъ было во времена гусситской войны, стали еще сильнѣе угнетать своихъ вассаловъ со времени этого возстанія; не желая жертвовать для него своими собственными деньгами, дворянство вымогало средства на содержаніе наемныхъ солдатъ у народа, а такъ какъ средства эти скоро истощались, то грубая солдатчина, чуждая всякихъ патріотическихъ побужденій и види, что ей по нѣскольку мѣсяцевъ не уплачиваютъ жалованья, принялась добывать себѣ все

пужное собственной силой. Лѣтописи того времени полны ужасающихъ разсказовъ о томъ, какъ поступали солдаты съ крестьянами... Понятно, что народъ, не только не принималъ участія въ борьбѣ противъ императорскаго войска—(если только феодалы не принуждали его силой къ службѣ въ наемныхъ войскахъ)—но и возставалъ, во многихъ мѣстахъ, противъ самихъ феодаловъ, чтобы, съ оружіемъ въ рукахъ, положить ковецъ притѣсненіямъ и непосильной барщинѣ.

Уже лѣтомъ 1619 г., крестьяне заадскаго округа, возставъ противъ наемниковъ Мансфельда, которые хозяйничали у нихъ, какъ въ непріятельской странѣ, произвели между ними такую рѣзню, что отъ двухъ нидерландскихъ ротъ, въ общинѣ Притчапель, близъ Эйдлица, уцѣлѣло только двадцать человѣкъ, которымъ удалось спастись бѣгствомъ. Не были пощажены даже жены и дѣти этихъ наемныхъ солдатъ. Тоже самое произошло и во многихъ другихъ общинахъ, и вскорѣ пробудившаяся ярость народа обратилась противъ самихъ феодаловъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе не поощряли вооруженныхъ крестьянъ, не давали имъ полного прощенія и не защищали ихъ отъ мести графа Мансфельда. Въ половинѣ сентября того же года, подобныя сцены повторялись и въ окрестностяхъ Табора, гдѣ народъ также много терпѣлъ отъ солдатъ Мансфельда; но всего хуже былъ злополучный 1620 г., ознаменовавшійся цѣлымъ рядомъ крестьянскихъ бунтовъ.

Въ маѣ этого года, образовалось сборище изъ 4,000 крестьянъ, бехинскаго и таборскаго округовъ, которое подняло красно-бѣлое знамя, — символъ освобожденія четвертаго сословія. Мятельники избрали себѣ предводителей изъ мѣстныхъ дворянъ, которые потеряли во время войны все свое достоинство и присоединились къ возстанію. Предводители организовали свои банды на военный образецъ и добыли для нихъ четыре пушки; эти силы начали серьезно грозить дѣлу протестантскихъ чиновъ. Самъ Фердинандъ II, видя рѣшительное положеніе, занятое чешскимъ народомъ, задумалъ обратить его въ свою пользу и прислалъ къ недовольнымъ одного изъ своихъ высшихъ сановниковъ, съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ крестьянамъ предлагалось за присоединеніе ихъ къ дѣлу императора; 1) полное освобожденіе отъ вѣрстной зависимости; 2) вознагражденіе за разоренное имущество дарованіемъ хозяйственныхъ угодій на земляхъ протестантскихъ чиновъ и ду-

ховенства, и 3) защиту отъ насилій наемщиковъ¹⁾. Узнавъ объ этомъ и сознавая грозящую имъ опасность, протестантскіе чины, съ своей стороны, отправили къ крестьянамъ комиссаровъ отъ имени короля Фридриха и отъ своего собственного, чтобы расположить ихъ въ свою пользу и положить конецъ возстанію. Крестьяне показали комиссарамъ подлинное письмо императора, изъявивъ готовность положить оружіе подъ условіемъ, чтобы протестантскіе чины даровали имъ тѣ же самыя три льготы, которыя предлагались императоромъ. Въ противномъ случаѣ, крестьяне рѣшились добиться ихъ силой и отмстить своимъ притѣснителямъ за всѣ испытанныя страданія. Комиссары, послѣ переговоровъ съ своими довѣрителями, изъявили согласіе на два послѣднихъ пункта; что же касается до освобожденія отъ вассальной зависимости, то они обѣщали, что вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ по окончаніи войны.

Довѣрчивый народъ повѣрилъ обѣщаніямъ и вооруженныя банды разошлись, не достигнувъ никакого результата и едва прошло два мѣсяца послѣ этого, какъ крестьяне унгоштской волости, въ пражскомъ округѣ, принуждены были взяться за оружіе, для отраженія разбойничьихъ бандъ графа Штирума. Къ той же мѣрѣ прибѣгли и вассалы Вильгельма Коловрата, въ вотчинѣ Бистрау, неподалеку отъ моравской границы, чтобы избавиться отъ наложенной на нихъ необыкновенно тяжелой барщины. Вооружившись косами, вилами и камнями, крестьяне покинули свои деревни и ушли въ лѣса, откуда они начали производить такіе опустошительные набѣги на господскія фермы и конторы, что Коловратъ нашелся вынужденнымъ призвать на помощь войска. Про-

¹⁾ Уже въ 1618 г. появилась брошюра одного изъ членовъ императорской партіи, авторъ которой предлагалъ средства къ подавленію въ зародышѣ возстанія чешскихъ протестантскихъ чинновъ. Однимъ изъ такихъ средствъ должно было быть «освобожденіе императоромъ вѣрноподданнаго богемскаго народа отъ вассальнаго состоянія, а крестьянъ—отъ деспотизма феодаловъ, потому что освобожденіе расположило бы угнетенный народъ къ преданности императору и къ готовности жертвовать своимъ достоинствомъ, жизнью и честью для подавленія возстанія и для изловленія: подстрекателей къ нему». Письмо императора къ крестьянамъ, въ 1620 г., свидѣтельствуетъ о томъ, что совѣтъ этотъ не остался безъ послѣдствій.

тивъ крестьянъ былъ выслать отрядъ кавалеріи, начальникъ котораго, приблизившись къ ихъ лагерю между Бистровымъ и Иедлоной, спросилъ ихъ предводителей, отчего они возмутились противъ своихъ властей. — Оттого, что насъ притѣсняли», былъ отвѣтъ. Убѣдившись, изъ дальнѣйшихъ переговоровъ, въ справедливости жалобъ крестьянъ, офицеръ уже готовъ былъ увести обратно свои войска; но, къ несчастью, одна изъ лошадей его отряда кинулась въ сторону и начала топтать поле, принадлежавшее одному изъ крестьянъ. Владѣлецъ поля выстрѣлилъ и убилъ всадника. Тогда офицеръ велѣлъ трубить атаку и произвелъ въ толпѣ крестьянъ страшное избіеніе. Многіе изъ нихъ пали, остальные разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. Но когда они возвратились въ свои деревни, то разъяренный владѣтель приказалъ перевѣшать всѣхъ участниковъ возстанія, такъ, что, по словамъ мѣстныхъ лѣтописей, въ деревняхъ не осталось людей для уборки жатвы, которая сгнила на корню.

Гораздо болѣе опасный характеръ имѣло новое возстаніе въ зацскомъ округѣ, вспыхнувшее въ концѣ октября, всего за нѣсколько дней до сраженія при Бѣлой Горѣ. На этотъ разъ поднялось 7,000 крестьянъ, чтобы начать истребительную войну противъ феодаловъ и рыцарей, не сдержавшихъ своихъ обѣщаній. Переходя отъ одного замка къ другому, крестьяне совершали въ нихъ такіа опустошенія, что, уходя, оставляли однѣ голыя стѣны. Хуже всего досталось Постельбергу, новому замку Стефана Штернберга, разрушенному до самаго основанія. Если крестьяне застигали въ замкѣ владѣльца, то онъ падалъ подъ ударами разъяренной толпы и, въ большинствѣ случаевъ, всѣхъ домохозяевъ его постигала та же участь. Трупы насчитывались сотнями. Даже городамъ грозила опасность. Возмутившіеся крестьяне потребовали, чтобы города Брюксъ, Гааденъ и Комотовъ примкнули къ возстанію, грозя, въ противномъ случаѣ, разграбить ихъ. Этими опустошеніямъ, превратившимъ въ пустыню лучшую часть страны, положили конецъ только битва при Бѣлой Горѣ и прибытіе коннаго полка Валленштейна.

Однако и послѣ подавленія возстанія протестантскихъ чиновъ, крестьянскіе бунты не только не кончились, но приняли еще болѣе широкіе размѣры. На мѣсто прежнихъ, эмигрировавшихъ, феодаловъ явились новые властители, съ своими наемниками и крестьяне страдали еще болѣе прежняго отъ ихъ жестокаго деспотизма. Къ

тому же многіе изъ бывшихъ предводителей возстанія только теперь поняли, какую важную ошибку сдѣлали они, не убѣдивъ четвертое сословіе, т. е. народъ, примкнуть къ великой борьбѣ противъ Вѣны и Рима, и поэтому многіе изъ нихъ пытались исправить эту ошибку, подстрекая народъ къ возстанію противъ побѣдителей. Конечно, люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ Чехіи, предвидѣли, что это ни къ чему не приведетъ, такъ какъ, съ одной стороны, въ крестьянахъ еще не улеглась старая ненависть къ своимъ властителямъ, которые продолжали обманывать народъ обѣщаніями, а съ другой — императоръ располагалъ, послѣ побѣды 8-го ноября 1620 г., такою огромною военною силою, что только слишкомъ пылкіе умы могли рассчитывать на успѣхъ движенія. Но въ такихъ умахъ не было недостатка между изгнанниками и самыми рьяными изъ нихъ были протестантскіе проповѣдники, которые, оправившись отъ паники, заставившей ихъ бѣжать за границу, начали возвращаться въ Чехію, чтобы подстрекать крестьянъ противъ новаго католическаго правительства.

Уже въ маѣ 1621 г. этимъ агитаторамъ удалось возбудить большое движеніе среди крестьянъ кенигсрецкаго округа. Вскорѣ образовалось сборище въ 6,000 человекъ, которое начало ходить изъ одной общины въ другую, всюду нанося большой вредъ. Цѣль этого движенія оставалась неясной, пока не вторгнулся изъ Глаца въ Богемію маркграфъ Йегерндорфъ, съ своими войсками, чтобы поддержать дѣло изгнаннаго короля. Крестьяне присоединились къ нему и заняли въ смирицкомъ округѣ вотчины Находъ, Костелы и проч., беспощадно перебивъ въ нихъ всѣхъ, кто носилъ мундиры императорскихъ войскъ или присоединился къ новому порядку вещей. Вскорѣ, однако, этотъ беспорядочный бунтъ кончился. Въ началѣ іюня, противъ мятежниковъ былъ высланъ изъ Праги полковникъ Альбрехтъ Валленштейнъ съ 1,000 стрѣлковъ и съ нѣсколькими ротами кавалеріи. Многія сотни крестьянъ пали отъ руки солдатъ Валленштейна, остальные разбѣжались во всѣ стороны. Силезскія войска также исчезли съ театра войны, на которомъ остались только висѣльцы съ трупами вождей возстанія, для устрашенія пережившихъ ¹⁾.

¹⁾ Въ одной исторической народной пѣснѣ того времени, о подавленіи Валленштейновъ крестьянскаго бунта говорится: «Лютеранскій народъ кѣнниг-

Но всѣ эти строгости подѣйствовали на крестьянъ лишь на нѣкоторое время; четыре года спустя, началось большое движеніе среди крестьянъ сѣверной Чехи, которое уже давно замышлялось и, наконецъ, открыто вспыхнуло ¹⁾. Контръ-реформація и поведеніе драгунъ довели народъ до отчаянія и эмигранты разочли, что всѣ эти обстоятельства подготовили въ ихъ отечествѣ благопріятную почву для новаго движенія. Многочисленные проповѣдники, тайно проживавшіе въ странѣ, начали созывать свою бывшую паству въ чащу лѣсовъ, для религиозныхъ обрядовъ, причемъ се увѣряли, что скоро наступитъ конецъ народнымъ страданіямъ, потому что готовится великое возстаніе. Вскорѣ эти тайныя сходки, имѣвшія въ началѣ религиозный характеръ, превратились въ политическій и соціальный заговоръ, которому недоставало только дѣятельныхъ вождей для возстановленія правительства изгнаннаго короля.

Къ числу такихъ авантюристовъ, имѣвшихъ въ виду, рядомъ съ высшими политическими цѣлями, также и возвращеніе себѣ своихъ конфискованныхъ владѣній, находился Христофоръ Ведернъ, бывший владѣтель Фриланда и Рейкенберга, подаренныхъ Фердинандомъ, въ 1622 г., Азбредхту Валленштейну. Редернъ, бѣжавшій въ 1620 г., проживалъ послѣ того въ сосѣдней Саксоніи, продолжая дѣятельныя сношенія съ своими бывшими вассалами, которые сохраняли преданность своему бывшему господину и его матери. Весною 1625 г., пылкій молодой феодалъ счелъ минуту благопріятной для смѣлой попытки возвратиться въ Фриландъ, и пріѣхалъ въ Чехію, чтобы возмутить народъ противъ император-

грецкаго округа тысячами ополчился въ тамошнихъ деревняхъ и сталъ угрожать городамъ, преслѣдовать католиковъ и разграблять замки. Валленштейнъ быстро выступилъ противъ мятежниковъ, перебилъ изъ нихъ 500 человекъ и взялъ въ плѣнъ 600, которыхъ отправилъ по тюрьмамъ въ Прагу и другіе города, гдѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ заклѣпили, а другихъ отрезали носы.

¹⁾ Въ 1623 г., по подстрекательству членовъ феодальной семьи Риншанъ, въ Пюрглицкихъ лѣсахъ образовалось сборище изъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ и отпущенныхъ наемниковъ, которое не преслѣдовало никакихъ социальныхъ цѣлей, лишь въ виду вторженіе въ замки Пюрглицъ и Збировъ, для освобожденія заключенныхъ въ нихъ государственныхъ преступниковъ. Поэтому мы не будемъ говорить объ этомъ возстаніи, какъ не входящемъ въ рамки нашего разсказа.

скої властї. Но Валленштейнъ, уже бывшій въ ту пору герцогомъ Фридландскимъ и ревниво охранявшій свои новыя владѣнія, давшїя ему этотъ титулъ, скоро развѣдалъ о возвращенїи эмигранта и объ его замыслахъ на Фридландъ, бывшїй прежде его собственностью. Валленштейнъ собственноручно написалъ, 9-го іюня 1625 г., коменданту своего замка, чтобы онъ изловилъ «головорѣза Христофора Редерна, который ѣдетъ въ Фридландъ, чтобы мутить тамъ народъ». Герцогъ приказывалъ, чтобы всякій, кто вступитъ въ какія бы то ни было сношенїя съ мятежникомъ, былъ лишень имущества, чести и живота, и чтобы тому, кто выдастъ Редерна, была обѣщана награда въ 5,000 талеровъ. Въ то же время герцогъ отправилъ въ Фридландъ, для подавленїя мятежа, своего родственника, Максимилиана Валленштейна, съ пятью ротами солдатъ и тремя эскадронами кавалерїи. Но исполненїе этого плана замедлилось, такъ какъ мы видимъ, что въ декабрѣ того же года супруга герцога принуждена была для своей безопасности, переехать изъ замка Фридландъ въ Прагу. Въ донесенїи отъ 20 декабря 1625 г. говорится, что «окрестные вассалы и крестьяне обнаруживаютъ весьма мятежный духъ и собираются въ большомъ числѣ, замышляя нападенїе на Фридландъ». Тогда Валленштейнъ выслалъ противъ крестьянъ еще болѣе сильное войско, съ большимъ числомъ орудїй. Мятежники были разсѣяны и понесли большїя потери, послѣ чего ихъ примѣрно наказали. Однако, главному предводителю ихъ, Христофору Редерну, несмотря на то, что голова его была оцѣнена, удалось бѣжать. Не чувствуя себя безопаснымъ въ Саксонїи и Лужицѣ, гдѣ, по настоянїю Валленштейна, голова его также была оцѣнена, онъ спасся бѣгствомъ въ Польшу и съ тѣхъ поръ о немъ ничего болѣе не было слышно.

Послѣ подавленїя возстанїя въ Фридландѣ, побѣдоносныя войска были отправлены въ Лейтмерицскїй округъ, къ городу Вартенбергу, гдѣ вассалы знаменитаго грабителя, барона Генриха Отто Вартенберга, жившаго въ сосѣднемъ съ городомъ замкѣ Маркерсдорфѣ, возмутились противъ своего ненавистнаго властелина и варварски умертвили его, вмѣстѣ съ его женой. Генрихъ Вартенбергъ, бывшїй однимъ изъ злѣйшихъ притѣснителей крестьянъ, обратился въ католическую вѣру и сталъ принуждать къ тому же и своихъ вассаловъ. Встрѣтивъ сопротивленїе, онъ запретилъ, въ деревнѣ Гюнтерсдорфѣ, въ день церковнаго праздника (26 октября 1625 г.),

всякія празднества и музыку, вследствие чего многочисленныя крестьяне его, и безъ того уже недовольныя имъ, пришли въ еще большее раздраженіе. На слѣдующій же день, они сошлись для совѣщанія о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ барона. Узнавъ объ этомъ, Геррихъ Вартебергъ велѣлъ схватить главныхъ вожаковъ и предать ихъ пыткѣ; но въ это время разъяренныя крестьяне вторглись въ замокъ, вытѣснили барона и его жену, спрятавшихся въ самой глубинѣ подземелья и умертвили ихъ. Совершивъ это дѣло, крестьяне воткнули въ землю, возлѣ трюповъ, вилу, которою былъ нанесенъ Вартебергу послѣдній ударъ и каждый изъ нихъ долженъ былъ дотронуться до нея рукой, въ знакъ своей солидарности въ убійствѣ и одобренія содѣяннаго. Съ приближеніемъ императорскихъ войскъ, вожаки возстанія бѣжали за границу, но болѣе тридцати участниковъ убійства были схвачены и, частью, казнены, частью—лишены ушей и носовъ или изгнаны изъ страны.

Однако, участь этихъ несчастныхъ не утѣшила другихъ крестьянъ. Вскорѣ послѣ того, въ окрестностяхъ Нейшлосса собралось 600 крестьянъ, которые заперли въ лѣсномъ ущельи отрядъ кавалеріи Валленштейна, шедшій въ Германію, чтобы присоединиться къ императорской арміи. Небольшой отрядъ былъ съ трудомъ вырученъ изъ опасности подошедшими изъ Нейшлосса людьми герцога Фридрихландскаго. Въ то же время, народъ съ ожесточеніемъ обратился противъ ненавистныхъ іезуитскихъ миссіонеровъ. Въ первыхъ числахъ ноября 1625 г., іезуиты въ Пчинѣ провѣдали, что окрестные крестьяне намѣреваются напасть на этотъ городъ и вырѣзать въ немъ всѣхъ новообращенныхъ католиковъ и іезуитовъ. Угроза эта, однако, не была приведена въ исполненіе, вѣроятно, по случаю наступившей суровой зимы.

Но въ слѣдующемъ, 1626 г., волненіе, возбужденное во всей сѣверной Чехіи этими крестьянскими смутами, усилилось до такой степени, что охватило все населеніе, не утѣшенное даже участіемъ вартебергскихъ и фридрихландскихъ крестьянъ. Въ маѣ этого года, въ сосѣдней верхней Австріи вспыхнуло кровопролитное возстаніе подъ предводительствомъ Стефана Фадингера, для подавленія котораго пришлось вызвать изъ Чехіи войска. Это движеніе нашло себѣ большое сочувствіе среди чешскихъ и моравскихъ крестьянъ и изъ обѣихъ странъ отправилось въ нижнюю Австрію

множество охотниковъ, чтобы присоединиться къ бандамъ Фадингера.

При такихъ обстоятельствахъ, протестантскимъ проповѣдникамъ безъ труда удалось снова возбудить въ Чехіи крестьянскіе бунты, которые, впрочемъ, въ первое время не имѣли никакой общей связи и поэтому были безъ труда подавляемы ¹⁾. Только къ концу года, въ кружкахъ эмигрантовъ былъ задуманъ планъ общаго крестьянскаго возстанія въ Чехіи. Въ началѣ планъ этотъ былъ задуманъ широко, по внослѣдствіи онъ потерялъ неудачу отъ безразсуднаго дробленія силъ. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ этого плана былъ Матвѣй Улицкій, бывший чаславскій капелланъ. Обѣхавъ главныя центры эмиграціи за границей, онъ тайно возвратился, въ началѣ 1627 г. въ Чехію, чтобы приготовить тамъ все, что слѣдовало, къ удачѣ задуманнаго предпріятія. Театромъ дѣйствія должны были быть преимущественно сѣверныя, восточныя и средніе округи Чехіи, а сигналъ къ возстанію должны были подать округи Кёниггрецскій и Кауримскій, гдѣ Улицкій лично агитировалъ. Послѣ подготовленія движенія, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, этотъ дѣятельный агитаторъ счелъ свое дѣло созрѣвшимъ и призвалъ въ Чехію эмигрировавшихъ бароновъ и рыцарей, чтобы дать въ ихъ лицѣ вождей возстанію. Лѣтомъ того же года, прибыли въ Богемію бароны Смиль Михаловичъ, Георгъ Техеничъ, Адамъ Годиёва, два брата Рожмиталь и проч., и явились среди своихъ прежнихъ вассаловъ. Вскорѣ возстаніе всихнуло разомъ во многихъ мѣстахъ. Вожди

¹⁾ Въ донесеніяхъ капитана Розенберга (въ киевнгиллерскомъ архивѣ, въ ливецкомъ музеѣ), печатавшихся въ «Пражской газетѣ», между прочимъ, говорится: «Прага, 4-го іюля 1626 г. Вчера сюда привели одного главнаго проповѣдника, взявъ съ однимъ изъ вожаковъ мятежа. Они уличены въ томъ, что смущали крестьянъ. Проповѣдникъ нахвртываясь говорить проповѣдь въ одномъ мѣстѣ, въ 4 миляхъ отсюда, куда должны были собраться около 100 вооруженныхъ крестьянъ. — Прага, 11-го іюля 1626 г. Крестьяне барона Михны собрались за Кёнигсзаалежъ, въ числѣ 600 человекъ, вооруженныхъ всякимъ оружіемъ, и омидали сильныхъ подрѣзленій. Но, четыре дня тому назадъ, противъ нихъ были высланы пѣхота и кавалерія, которые застигли ихъ, ночью, въ одномъ мѣстечкѣ и, частью, зарубили, частью, взяли въ плѣнъ или развѣяли. Бѣжавшіе скрылись въ лѣсу, гдѣ ихъ великъ было найти. Ихъ должно быть около 500 человекъ».

его твердо вѣрили, что вся страна откликнется на ихъ призывъ и крестьяне поголовно ополчатся. А такъ какъ въ то время Силезія была занята датскою арміею, которая сильно тѣснила императорскія войска, то мятежники ласкали себя надеждой и на иностранную поддержку въ случаѣ, еслибы вся Чехія возстала противъ Фердинанда II. Какъ видно изъ письма Герарда Таксиса, комеданта Пчиискаго замка, къ герцогу фридрихскому, датскіе лазутчики проникавшіе изъ Лужицы въ Чехію, уже издавна рыскали по ея сѣвернымъ округамъ, подстрекая народъ къ возстанію и суля ему скорую помощь со стороны датской арміи.

Первый бой произошелъ въ городѣ Кауримѣ, въ окрестностяхъ котораго Георгъ Техеничъ собралъ нѣсколько сотъ крестьянъ. Въ понедѣльникъ, послѣ Рождества Богородицы (14 сентября) въ этомъ городѣ былъ церковный праздникъ и обычная ярмарка. Крестьяне толпами сошлись въ городъ и переполнили всѣ гостинницы. Въ ихъ вызывающемъ поведеніи всякій внимательный наблюдатель могъ угадать зловѣщіе признаки. Въ полдень, на городской площади раздакъ выстрѣлъ, который долженъ былъ служить сигналомъ къ возстанію. Городской судья велѣлъ арестовать нарушителя порядка, но передъ тюрьмою немедленно столпилась масса крестьянъ, которые шумно потребовали освобожденія арестованнаго. Судья, взявъ нѣсколькихъ наемныхъ солдатъ, вышелъ къ мятежникамъ и началъ увѣщевать ихъ, но одинъ изъ крестьянъ, размахнувшись топоромъ, раскроилъ черепъ ближайшему изъ солдатъ, послѣ чего судья съ остальными солдатами поспѣшили спастись бѣгствомъ. Крестьяне освободили арестованнаго и, вломившись въ ратушу, захватили все найденное тамъ оружіе, которое они раздѣлили между собою. Послѣ этого, они раздѣлились на группы и подняли бѣлое знамя, съ изображеніемъ красной чаши. Они разграбили дома всѣхъ католиковъ и вторглись въ деканство, изъ котораго успѣло бѣжать все духовенство, вмѣстѣ со своимъ деканомъ, Симеономъ Евстахіемъ Капигорскимъ, извѣстнымъ историкомъ Цистерційскаго монастыря, въ Седлецѣ. Опустошеніе погребовъ и кладовыхъ деканства продолжалось до глубокой ночи. Въ полночь, мятежники отправились далѣе, чтобы продолжать дѣло опустошенія и въ другихъ окрестныхъ городахъ. Городъ Кауримъ, который они также посѣтили, отдѣлялся относительно дешево, но за то жестоко пострадало мѣстечко Ратай, которое было совершенно разграблено и сожжено.

Той же участи подверглись замки Влошимъ и Доманинъ, и мѣстечко Штернбергъ, отъ которыхъ остались только обгорѣлая развалины. Комендантъ перваго изъ названныхъ замковъ попался въ руки крестьянамъ, которые обезглавили его и воткнули его голову на колы, а тѣло изрубили въ куски. Въ Конопинтѣ, который былъ занятъ бывшимъ владѣльцемъ сосѣдней вотчины Тынеца, Адамомъ Годионой съ 8,000 крестьянъ, графъ Михна фонъ-Вайценгофенъ избѣжалъ участи коменданта Влошима только благодаря посѣшному бѣгству. Крестьяне, особенно несправедлившея этого поборника контръ-реформаціи въ Чехи, не удовольствовались разграбленіемъ его замка, но также разграбили и выжгли всѣ окрестные города и мѣстечки, не остановившись даже передъ укрѣпленнымъ городомъ Бенешовымъ, который также былъ разграбленъ.

Въ то же время образовались многочисленныя банды крестьянъ въ лейтмерицкомъ округѣ, подъ начальствомъ братьевъ Левъ изъ Рожмиталя, въ бупцлаускомъ,—подъ предводительствомъ Смилы Михаловича, и въ кѣниггрецкомъ; но всѣ онѣ, подобно кауримской бандѣ, ограничивались грабежомъ и поджогами, обманувъ расчеты Улицкаго и другихъ заговорщиковъ, которые составили планъ подступленія съ трехъ сторонъ къ столицѣ, чтобы изъ этого центра поднять къ возстанію все королевство. Правительство, уже искусившееся въ борьбѣ съ крестьянскими бунтами въ предшествовавшемъ году, немедленно выслало войска на всѣ пункты, которымъ грозила опасность и безпорядочныя, необузданныя банды были быстро разсѣяны. Улицкій изъ Часлава и оба брата Рожмиталя попали въ руки императорскихъ солдатъ, послѣ чего возстанію скоро былъ положенъ конецъ. Братья Рожмиталя кончили жизнь на эшафотѣ; сотни крестьянъ были повѣшены, обезглавлены или четвертованы на мѣстахъ совершенныхъ ими звѣрствъ; но ужаснѣе всего была участь Улицкаго. Его дважды поднимали въ Чаславѣ, на дыбу и, хотя онъ ни въ чемъ не сознался, тѣмъ не менѣе его предали позорной казни. Сначала палачъ отрубилъ ему правую руку, а затѣмъ голову, послѣ чего изъ него были вынуты внутренности и завернуты въ его рубаху. Въ заключеніе, трупъ былъ четвертованъ и части его, воткнутыя на висѣлицу, оставались выставленными въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Но даже и этотъ несчастный исходъ возстанія 1627 года не удержалъ Кениггрецскихъ крестьянъ отъ новой попытки къ возму-

щеніи», которая была приведена въ исполненіе въ мартѣ слѣдующаго же года, и, какъ и слѣдовало ожидать, кончилась такою же неудачей. Въ первые дни заговѣнья, нѣсколько сотъ крестьянъ собрались на земляхъ барона Іоанна Трчка фонъ Липа. Эго движеніе задолго подготавливалось на тайныхъ сходкахъ въ пограничныхъ горахъ, гдѣ мятежники спосились съ эмигрантами, которые раздавали имъ оружіе. Собравшіеся крестьяне наняли, въ своихъ общинахъ, на управляющихъ феодальными владѣніями и на католическое духовенство, изъ числа котораго многіе, преимущественно іезуиты, были перерѣзаны. Нѣкто Пауль, бывшій офицеръ регулярныхъ войскъ, организовалъ крестьянскія банды на военный образецъ, предписавъ, чтобы каждая рота, подъ предводительствомъ сельскаго судьи, являлась къ нему на смотръ прежде чѣмъ присоединиться къ главному корпусу. По старому гусситскому обычаю, каждый ополченецъ долженъ былъ носить на шляпѣ, въ видѣ боевой эмблемы, пучекъ колосьевъ и пѣтушье перо. Вся толпа слѣдовала за тремя знаменами: краснымъ, съ зеленой чашей по срединѣ, зеленымъ и бѣлымъ. Четвертое знамя должно было быть доставлено городомъ Кениггрецомъ, общинный совѣтъ котораго еще въ первыхъ числахъ марта 1628 г. получилъ письмо отъ «высокороднаго господина сектанта», какъ величали себя предводители мятежныхъ крестьянъ, въ которомъ требовалось именемъ «четвертаго сословія», чтобы граждане Кениггреца прислали въ лагерь крестьянъ, «во славу Чашы, шесть локтей желтой, и столько же красной тафты». 13 апрѣля, мятежники прислали въ Кениггрецъ гонца съ новымъ письмомъ, которымъ граждане приглашались присоединиться къ возстанію, причемъ авторы письма самонадѣянно ссылались на достигнутые ими успѣхи. Крестьянамъ удалось уже овладѣть городами Опочно, Нейштадтомъ и Находомъ, причемъ дѣло не обошлось однако безъ кровопролитія. При осадѣ Опочно, крестьяне потеряли одного изъ своихъ вождей, по имени Христофора. Когда пограничные округа были такимъ образомъ вовлечены въ возстаніе и граждане названныхъ городовъ волей-неволей примкнули къ мятежникамъ, банды недовольныхъ углубились въ страну и заняли, въ одномъ направленіи, города Яромеръ и Смиржичъ, а въ другомъ—Часталовичъ, Тыништъ и Костелецъ. Обѣ колонны должны были сойтись при Кениггрецѣ, чтобы завладѣть этимъ городомъ и всею сѣверо-восточною Чехіей. По всѣмъ общинамъ

были разосланы гонцы, съ писанными грамотами, въ которыхъ четвертое сословіе чешскаго королевства призывало къ оружію весь сельскій народъ. Вскорѣ поднялось нѣсколько тысячъ крестьянъ, чтобы отмстить своимъ духовнымъ и свѣтскимъ притѣснителямъ. Въ числѣ многихъ другихъ лицъ, въ руки мятежниковъ попался, въ деревнѣ Лоткѣ, бенедиктинскій монахъ, Камиллъ фонъ-Грабъ, братъ владѣльца костелецкой вотчины. Крестьяне особенно ненавидѣли этихъ двухъ господъ, которые жестоко притѣсняли народъ. Костелецкій владѣлецъ, узнавъ, что мятежники умертвили его брата, собралъ своихъ лѣсничихъ и слугъ, къ которымъ присоединилось много гражданъ, бѣжавшихъ изъ городовъ Костельца и Ка-сталовича, и неожиданно напалъ, ночью, на деревню Либле, въ которой расположились и пировали мятежные крестьяне. Въ этой почной рѣзни ихъ погибло не менѣе 500 человекъ, остальные же, израненные, разбѣжались. Такимъ образомъ, возстанію въ этомъ округѣ былъ положенъ быстрый конецъ. Не болѣе посчастливилось ипсургентамъ и въ другихъ округахъ. Уже 15 апрѣля, герцогъ Фридрихъ вступилъ въ Кениггрецъ съ большими военными силами, между тѣмъ, какъ другой императорскій полководецъ, донъ Мартынъ Хуэрдо, двинулся противъ Нейштадта, Опочно и Находа, чтобы очистить эти города отъ мятежниковъ. Во время осады Нейштадтскаго замка, который мятежники упорно защищали, одинъ изъ нихъ поднесъ зажженный фитиль слишкомъ близко къ складамъ пороха въ кладовой, и произвелъ взрывъ, отъ котораго большая часть замка взлетѣла на воздухъ. Около 150 крестьянъ нашли себѣ смерть подъ его развалинами ¹⁾. Съ такими же большими потерями принуждены были крестьяне очистить и всѣ другіе занятые ими города, чтобы искать спасенія въ ближнихъ горахъ. Многія сотни ихъ попали при этомъ въ руки преслѣдовавшихъ ихъ всадниковъ. Въ началѣ мая открылись въ Прагѣ дѣйствія спеціальнаго военнаго суда, судившаго мятежниковъ массами. Главные вожди приговаривались къ повѣшенію и четвертованію, а менѣе компрометированные—къ лишенію носа и одного уха. Всѣ же остальные

¹⁾ Передъ катастрофой замокъ былъ разграбленъ, причѣмъ крестьяне нашли въ подземельи сундукъ съ 5,000 дукатовъ, спрятанный бывшимъ управляющимъ замкомъ, Кустошемъ Цубжи. Изъ этой суммы владѣльцу были возвращены попомъ всего 694 дуката.

участники бунта были заклеймены на лбу или на спинѣ и отпущены во свояси. Кромѣ того, всѣ города и потчины, припимавшія участіе въ возстаніи, должны были уплатить значительные денежные штрафы, которые были для жителей тѣмъ тяжелѣе, что наемные солдаты, вступая въ города и деревни, считали своимъ первымъ долгомъ грабить обывателей.

Чрезмѣрно ревностная религіозная дѣятельность одного іезуита, отца Матвѣя Бурнаціуса изъ ичивской коллегіи, вызвала въ слѣдующемъ году возстаніе крестьянъ въ округѣ Турнау, сопровождавшееся большимъ кровопролитіемъ. Этотъ патеръ, своими антиреформаціонными стремленіями, сдѣлался ненавистенъ ичивскимъ крестьянамъ и, когда онъ пріѣхалъ, 9 августа 1629 г., въ Либунъ, чтобы продолжать тамъ свою миссію, то на него напала, въ церковномъ домѣ, толпа народа и варварски умертвила его. Слутникъ его съ трудомъ избѣжалъ той же участи. Это убійство послужило сигналомъ къ всеобщему возстанію. Въ Либунѣ и во всѣхъ окрестныхъ общинахъ забили въ набатъ и, черезъ нѣсколько часовъ, мятежъ охватилъ весь турнаускій округъ. Собралось около 1,200 крестьянъ, подъ предводительствомъ одного раззорившагося рыцаря, Буріана Карловскаго, и толпа, вооружившись ружьями, пиками, косами и вилами, принялась за дѣло опустошенія. Разграбивъ городокъ Ровенско, она направилась къ городу Турнау, чтобы и его также разграбить и обратить жителей въ протестантство. Ичивскій командантъ, Герардъ Таксисъ, узнавъ объ этомъ бунтѣ, поспѣшилъ потребовать изъ Праги подкрѣпленій, но получилъ отказъ, такъ какъ въ это время въ Прагѣ совсѣмъ не было военныхъ силъ. Тогда турнаускій гарнизонъ, состоявшій изъ 100 стрѣлковъ и 23 человекъ кавалеріи, рѣшился отразить приближавшихся крестьянъ собственными силами. Поздно вечеромъ, между гарнизономъ и одною изъ мятежныхъ бандъ произошла кровопролитная схватка, кончившаяся беспорядочнымъ бѣгствомъ крестьянъ, потерявшихъ 60 человекъ убитыми и 100 ранеными. Двѣ другія банды, атакующія Турнау съ противоположной стороны, также разбѣжались по окрестнымъ горамъ и лѣсамъ. Однако, получивъ подкрѣпленія, они возвратились на слѣдующее утро, въ числѣ 3,000 человекъ, съ намѣреніемъ возобновить приступъ къ Турнау. Но, не находя своихъ начальниковъ, которые предпочли бѣжать послѣ первой неудачи, и видя, что къ гарнизону присоединились граждане

Турнау, крестьяне отказались от своего пафренія и разстались въ горахъ, куда впоследствии были посланы противъ нихъ войска, которыя изрубили большую часть изъ нихъ.

Строгость, съ которою наказывались участники этихъ смутъ, надолго отбила у крестьянъ охоту къ подобнымъ предпріятіямъ и съ тѣхъ поръ,—если не считать быстро подавленныхъ безпорядковъ въ планской вотчинѣ и попытокъ къ мятежу среди крестьянскаго населенія Кенигсзаала и Вартеберга,—прошло около полу столѣтія прежде чѣмъ въ Чехіи снова вспыхнула крестьянская война ¹⁾.

Нужны были всѣ бѣдствія и страданія, обрушившіяся на чешскій народъ въ 30-лѣтнюю войну; нужно было чтобы свободные поселяне превратились въ крѣпостныхъ, чтобы побудить сельскій народъ къ новымъ отчаяннымъ попыткамъ для возвращенія себѣ свободы, которая была совершенно отнята у нихъ ихъ новыми властителями въ этотъ періодъ времени. Даже послѣдніе остатки свободы и автономіи были уничтожены въ этотъ злосчастный періодъ и все „четвертое сословіе“ (сдѣлавшееся теперь „пятымъ“, послѣ того, какъ Фердинандъ II, своимъ исправленнымъ земскимъ уложеніемъ 1627 г., прибавилъ къ тремъ сословіямъ еще одно:—духовенство)—было отдано на произволъ феодаловъ. Во всѣхъ политическихъ и юридическихъ вопросахъ, непосредственными судьями крестьянъ сдѣлались бароны, и право жизни и смерти надъ ними, принадлежавшее прежде королю, всецѣло перешло въ руки феодаловъ, которыя стали рѣшать и вершать всѣ крестьянскія дѣла. Всѣ семейныя дѣла крестьянъ и даже выборъ ими ремесла зависѣли отъ воли владѣльца, и это, въ соединеніи съ лежавшими на крестьянахъ натуральными повинностями и барщиной, низвело ихъ до послѣдней степени приниженности. Всѣ мужчины, отъ 18 до 55 лѣтъ, и всѣ женщины, отъ 17 до 50 лѣтъ, были обязаны работать на помѣщика по пяти и даже по шести дней въ недѣлю,

¹⁾ Отдѣльные случаи безпорядковъ, когда недовольные крестьяне вышѣщали накипѣвшую въ нихъ злобу на когъ нибудь изъ ненавистныхъ имъ феодаловъ или іезуитовъ, были, разумеется, нередки въ бурный періодъ 30-ти-лѣтней войны, и изъ этихъ случаевъ заслуживаетъ особеннаго вниманія умерщвленіе трехъ іезуитовъ, которые бѣжали, въ 1639 г., изъ Куттенберга отъ шведовъ и попали, въ ледецкихъ лѣсахъ, въ руки крестьянъ.

лѣтомъ и зимою, такъ что для работы на себя имъ оставалось только воскресенье и ночи; даже дѣти ихъ служили у помѣщика настухами или употреблялись для другихъ легкихъ работъ. Крестьянскій скотъ служилъ собственно для работъ на господскихъ поляхъ. Плоды плохо обрабатываемыхъ крестьянскихъ полей, луговъ и садовъ шли, бѣльшую частью, на покрытие десятиннаго налога и другихъ натуральныхъ повинностей, и крестьянскія семьи почти постоянно голодали. Ко всему этому присоединялся старый обычай дворянства вознаграждать себя со стороны крестьянъ за всѣ налоги, которыми облагалъ его монархъ, вслѣдствіе чего вся тягость государственныхъ податей лежала въ сущности на однихъ крестьянахъ. Малѣйшая тѣнь упорства навлекала на нихъ строгія наказанія и пресловутый карабачъ (плеть), каждый день гулявшій по крестьянскимъ синамамъ, сдѣлался символомъ этой эпохи. До самого 1848 г. управляющимъ имѣній давалось прозвище „карабачникъ“, такъ какъ они обыкновенно наказывали несчастныхъ крѣпостныхъ по собственному произволу. Такимъ образомъ, положеніе крестьянъ въ Чехіи, послѣ 30-лѣтней войны, сдѣлалось въ полномъ смыслѣ слова рабствомъ, и даже американскіе рабы стояли ступенью выше чешскихъ крестьянъ, представляя, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ владѣльца матеріальную цѣнность, тогда какъ чешскіе крестьяне не имѣли ровно никакой цѣны въ глазахъ своихъ бароновъ и ихъ управителей, которые смотрѣли на нихъ только какъ на орудіе труда. Если случалось, что кто-нибудь изъ крестьянъ обращался съ жалобой въ судъ, то это приводило только къ наказанію и еще бѣльшему притѣсненію истца, потому что къ имперскому суду крѣпостное сословіе не имѣло права обращаться, а сельскіе судьи назначались самими феодалами и находились въ полной зависимости у нихъ. Поэтому неудивительно, что между сельскимъ населеніемъ часто понторялись, въ то время, случаи самоубійствъ, чего прежде не замѣчалось въ Чехіи; кромѣ того, сотни крестьянъ выселялись ежегодно со всѣми своими семействами, предпочитая жить подаяніемъ въ чужихъ краяхъ, чѣмъ голодать въ своемъ отечествѣ, при непосильномъ трудѣ ¹⁾.

¹⁾ Доказательствомъ того, что многие изъ этихъ несчастныхъ крѣпостныхъ подвергались варварскимъ истязаніямъ, служитъ процессъ Анны Гослауеръ, урожденной Каленщъ, которая была приговорена, въ 1645 г., къ

Понятно, что при таких обстоятельствах поистинѣ библейское терпѣніе крестьянъ должно было, наконецъ, лопнуть и они рѣшились отдать послѣднее, что еще оставалось имъ,—жизнь,—за возвращеніе себѣ своихъ старинныхъ правъ. Уже спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ 30-лѣтней войны, положеніе дѣлъ стало рѣшительно невыносимымъ ¹⁾, и крестьяне начали сознавать, что его можно измѣнить только силой. Въ царствованіе Леопольда I, который былъ вынужденъ, своими безконечными войнами съ Турціей и Франціей, обложить тяжелыми налогами свои наслѣдственные земли, настало, какъ казалось, благопріятное время для возстанія крестьянъ, и иностраннымъ эмиссарамъ очень скоро удалось раздуть искру, тлѣвшую подъ пепломъ и вызвать всеобщее возстаніе. Мятежъ 1680 г. былъ важнѣйшимъ изъ крестьянскихъ мятежей въ Чехіи.

Въ сочельникъ 1678 г., народъ, выйдя изъ церквей послѣ всеобщей, увидѣлъ внезапно появившуюся на западѣ комету, которую до той минуты никто не замѣчалъ, и это явленіе наполнило умы суевѣрныхъ страхомъ. „Война и чума грозятъ намъ въ будущемъ году“, говорили люди, глядя на зловѣщую звѣзду, восходившую въ продолженіе цѣлыхъ сорока ночей, вытягивая свой хвостъ по горизонту до самаго зенита. Но каковъ же былъ общій ужасъ, когда, спустя нѣсколько дней, съ сѣверной стороны появилась вторая комета, хвостъ которой скрещивался съ хвостомъ первой! Всѣ окончательно рѣшили, что странѣ грозитъ великое

штрафу въ 500 шокковъ (60 штукъ) богемскихъ грошей и къ заключенію въ гражданскую Бѣлую Башню, въ Прагѣ, за то, что она «с ежедневнымъ варварскимъ съченіемъ и истязаніемъ каленнымъ желѣзомъ лишила жизни» доль своего крѣпостнаго Марка Мремы—Елизавету. А сколько подобныхъ злѣствъ осталось ненаказанными!

¹⁾ Это положеніе, какъ нельзя лучше, характеризуется изреченіемъ монашана замка Лоли, въ Штеки, Эразма Веннера, въ его «Oeconomia Bohemica-Austriaca» (стр. 24), вышедшей вторымъ изданіемъ въ 1669 г. «Надо сознаться, говоритъ онъ, что богемскій крестьянинъ, терпѣливо переносящій весь трудъ, налагаемый на него владѣльцемъ, всѣ тяжелые налоги и вынужденности, которые онъ терпитъ и всѣ безобразія, которыя онъ переноситъ отъ солдатъ, можетъ быть по справедливости причисленъ къ святымъ мученикамъ».

бѣдствіе ¹⁾ и всѣ съ трепетомъ стали ждать новаго вторженія шведовъ, буйства которыхъ, въ 30-лѣтнюю войну, еще у всѣхъ были живы въ памяти, и которые еще продолжали хозяйничать въ ту пору въ сосѣднемъ Бранденбургѣ. Въ народѣ ходили тревожные слухи, распускаемые какими то иностранцами, неизвѣстно откуда явившимися; они, какъ казалось, предположили себѣ цѣлью волновать крестьянскіе умы и готовить ихъ своими зажигающими рѣчами къ великому перевороту въ Чехіи. Иностранцы, выдававшие себя за потомковъ чешскихъ эмигрантовъ, возбуждая этимъ сочувствіе къ себѣ среди все еще многочисленныхъ приверженцевъ гусситскаго ученія и независимости чешской короны, объясняли народу его приниженное, безправное положеніе, не скупаясь на всевозможныя обѣщанія, если страна силой возвратитъ себѣ свои утраченныя льготы и права. Среди крестьянъ дѣятельно распространялось пророчество Либушы о томъ, что притѣснителямъ чешскаго народа придется плохо, когда возстанетъ „пятое сословіе“ (крестьяне). Увѣряли даже, будто одинъ человекъ изъ чешскаго народа уже короновался желѣзною короной Либушы ²⁾, и готовится, въ качествѣ будущаго чешскаго короля, открыть для Чехіи новую эру національной независимости и матеріальнаго благосостоянія. Крестьяне охотно прислушивались къ этимъ рѣчамъ и обѣщаніямъ, принимая ихъ за чистую монету, и вѣрили, что замышляемое возстаніе законно, будучи уже за тысячу лѣтъ предсказано Либушей. По деревнямъ замѣчалось глухое броженіе умовъ, принимавшее все болѣе и болѣе опасныя размѣры, въ особенности съ конца 1679 г., когда чума, свирѣпствовавшая въ Австріи и Венгріи, начала придвигаться къ границѣ Чехіи, и зловѣщее предзнаменованіе, которое приписывалось появленію двухъ кометъ, казалось, готово было осуществиться. Въ этомъ году, императоръ Леопольдъ I со всѣмъ своимъ дворомъ покинулъ Вѣну,

¹⁾ Доказательствомъ того, съ какимъ страхомъ все населеніе ждало роковыхъ событій, служатъ слѣдующія слова въ запискахъ браунскаго аббата Фомы: «1680 годъ, писалъ онъ, сулитъ несчастія всему міру, а въ особенности короннымъ землямъ».

²⁾ Объ этой «желѣзной коронѣ» упоминаетъ біографъ Леопольда I, говоря, что она дѣйствительно существовала и, во время подавленія возстанія, попала въ руки властей и была сохранена, какъ историческій памятникъ. Но происхожденіе и точность этого разказа ничѣмъ не подтверждаются.

гдѣ уже умерло отъ чумы 20,000 человекъ, и перенесъ свою резиденцію въ Прагу, въ Градчинскій королевскій замокъ. Агитаторы воспользовались этимъ фактомъ для новыхъ клеветъ на монарха, увѣривъ певѣжественныхъ крестьянъ, будто дворъ для того только переѣхалъ въ Чехію, чтобы завести чуму въ эту страну и совершенно искоренить чешскій народъ. Зараза, дѣйствительно, не замедлила появиться въ Чехіи и народъ тѣмъ охотѣе вѣрилъ сказкѣ, распускаемой иностранцами агитаторами, что они начали подкрѣплять свои зажигательныя рѣчи деньгами ¹⁾. Другимъ источникомъ агитатаціи служила Венгрія, гдѣ въ ту пору бушевало возстаніе, также имѣвшее цѣлю отложеніе отъ Австріи и гдѣ главный предводитель возстанія, графъ Эмерихъ Текели, уже былъ провозглашенъ, съ помощью турокъ, венгерскимъ королемъ. Существуютъ доказательства того, что и венгерскіе агенты объѣзжали въ ту пору Чехію, содѣйствуя попыткамъ французскихъ и германскихъ эмиссаровъ возбудить возстаніе въ странѣ. Писургентамъ обѣщали быструю иностранную поддержку, намекая преимущественно на французскаго короля, Людовика XIV, который уже въ 1679 г., въ союзѣ со шведскимъ королемъ, принудилъ императора подписать пимсгенскій миръ, столь унижительно для римско-германской имперіи.

Подобными средствами безъ труда удалось расположить къ возстанію недовольныхъ крестьянъ въ Чехіи, какъ чеховъ, такъ и пѣмцевъ, и возжечь революцію въ большей части сѣверныхъ и среднихъ округовъ Чехіи.

¹⁾ Источникъ, изъ котораго брались эти деньги, указанъ дармштадтскимъ дипломатомъ Пассеромъ, проживавшимъ въ ту пору въ Прагѣ и бросающимъ любопытный свѣтъ, въ своихъ запискахъ, на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Прагѣ. Онъ говоритъ, что однажды французскому посланнику маркизу Витри, который также находился въ ту пору въ Прагѣ, при императорскомъ дворѣ, былъ присланъ вексель на крупную сумму, развѣивъ который онъ немедленно отправился въ провинцію, чтобы снабдить деньгами своихъ безчисленныхъ эмиссаровъ, подготовлявшихъ крестьянское возстаніе.

Въ другихъ свидѣтельствахъ также прямо указывается на французскій источникъ этихъ денегъ. Такимъ же образомъ, Франція, чтобы сломить силы Австріи, возбуждала въ ту пору народныя возстанія и въ Крайнѣ, Тиролѣ и Штирліи, и уже самая одновременность безпорядковъ, вспыхнувшихъ въ различныхъ мѣстахъ, отдаленныхъ одно отъ другаго, свидѣтельствуетъ, что дѣло велось извнѣ, по одному общему плану, и что исходною точкой его была Франція.

опасались показываться тачь, чтобы не раздѣлить участи своихъ депутатовъ. Тревожные слухи о томъ, что французскій король обѣщаль свою помощь мятежнымъ крестьянамъ, и опасеніе, что турки, въ соединеніи съ венгерцами, вторгнутся въ Чехію, омрачали, какъ городъ, такъ и градчинскій дворъ, который долженъ былъ, наконецъ, рѣшиться на энергическія мѣры для подавленія возстанія. Въ началѣ, Леопольдъ I пытался подѣбствовать мѣрами кротости. Онъ велѣлъ освободить изъ тюрьмы крестьянскихъ депутатовъ, и однажды, когда на пути въ церковь, ему было подано прошеніе крѣпостными графа Шпорка, онъ остановилъ сопровождавшихъ его всадниковъ, которые хотѣли отогнать крестьянъ, и, милостиво принявъ прошеніе, обѣщаль рассмотреть ихъ жалобы. Императоръ послалъ въ возставшіе округи своихъ комиссаровъ, графовъ Штернберга и Валленштейна, чтобы убѣдить крестьянъ разойтись по домамъ и обѣщать имъ, въ силу императорскаго рескрипта отъ 22 марта 1680 года, облегченіе барщины.

Но народъ уже извѣрился въ эти обѣщанія и къ тому-же иностранные эмиссары всѣми силами раздували мятежный духъ. Императорскіе комиссары возвратились въ Прагу, не достигнувъ желаемого результата ¹⁾. Изъ Моравіи, Силезіи, Верхней Австріи и даже изъ пассауской епархіи приходили въ Чехію гонцы съ извѣстіями, что во всѣхъ этихъ областяхъ также готово вспыхнуть крестьянское возстаніе и это всего болѣе подкрѣпляло духъ сопротивленія въ чешскихъ крестьянахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ увѣряли, будто такъ называемое „пассауское искусство“ сдѣлаеть всѣхъ ихъ невредимыми отъ пуля, если-бы противъ нихъ были высланы войска. Такимъ образомъ, возстаніе продолжало бушевать во всей сѣверной половинѣ Чехіи. Замки и фермы пылали и горе было феодальнымъ управляющимъ и слугамъ, которые попа-

¹⁾ Въ современной хроникѣ одного рабочаго, Георга Крейбиха, мы находимъ характеристическій примѣръ того, какъ былъ принятъ въ эту пору крестьянами императорскій рескриптъ. «Когда намъ прочли его (рескриптъ), говоритъ онъ, то старый Коршель, или Христофоръ Пильцъ, замѣтилъ, что стоить только заплатить полъ-талера въ императорской канцеляріи, въ Прагѣ, чтобы получить такой же рескриптъ. За эти слова его хотѣли повѣсить, но сынъ его вызвался умереть вмѣсто отца. Впрочемъ и ему было даровано помилованіе, когда онъ уже взошелъ на подмостки висѣлицы».

дали въ руки крестьянъ! Множество разбойниковъ, бродившихъ по Чехіи еще со времени 30-ти-лѣтней войны и послѣдней французской кампаніи (1672—1678 г.), и составлявшихъ знаменитую шайку Петровскаго, присоединилась къ мятежнымъ крестьянамъ и распространяли ужасъ по всей странѣ. Въ Прагу со всѣхъ сторонъ приходили гонцы отъ бароновъ, томившихся въ смертельномъ страхѣ и умолявшихъ о немедленной военной помощи, обѣщая по дукату въ мѣсяцъ каждому солдату.

Правительству нельзя было оставлять безъ вниманія этихъ просьбъ о помощи, ипаче апархія грозила всей Чехіи. Императоръ, который приказалъ сообщать ему извѣстія о возстаніи даже, когда онъ молился въ церкви, созвалъ совѣтъ министровъ, чтобы обсудить необходимыя мѣры для подавленія мятежа. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ императора продолжали стоять за мирныя переговоры съ крестьянами и, въ особенности, за облегченіе тяжелой барщины; но большинство настояло на томъ, чтобы противъ мятежниковъ были высланы войска, такъ какъ дальнѣйшія колебанія заставляли опасаться иностраннаго вмѣшательства. Вслѣдствіе этого, генераламъ, графу Пикколомини и графу Вильгельму Гиранту (племяннику несчастнаго Христофора Гиранта, голова котораго скатилась на площади стараго города, въ 1621 г.) дано было порученіе разсѣять мятежниковъ и возобновить спокойствіе въ странѣ. Пикколомини поручено было замиреніе восточной Чехіи, а Гиранту — сѣверной, и послѣдній выступилъ изъ Праги, со своимъ кавалерійскимъ полкомъ, прежде всего въ бунцлаускій округъ, чтобы соединиться тамъ съ двумя пѣхотными полками, вызванными изъ Силезіи. Одновременно съ тѣмъ вышелъ строгій императорскій указъ противъ мятежниковъ, обнародованіе котораго только подлило масла въ огонь, такъ какъ указомъ этимъ сѣрѣплялась во всей формѣ крѣпостная зависимость крестьянъ. Мѣра эта привлекла къ возстанію, даже и тѣ элементы сельскаго населенія, которыя оставались до той поры пассивными.

Такимъ образомъ, силы инсургентовъ въ часлаускомъ и хрудимскомъ округахъ, увеличились до 10,000 человекъ, сильно затрудняя задачу генерала Пикколомини. Хотя небольшія банды крестьянъ, встрѣченныя его кирасирами, дорогой изъ Праги въ Чешскій Бродъ и Черный Костелецъ, и были разсѣяны первой же атакой, но когда кавалерія вступила въ лѣсистыя и гористыя части

Беспорядки начались въ началѣ поста, въ пограничныхъ съ Саксоніею округахъ, куда эмиссары приходили черезъ Рудныя горы, и вскорѣ вся пограничная полоса Богеміи, до самаго Фридриха, была охвачена возстаніемъ. Одновременно съ тѣмъ, вспыхнулъ мятежъ въ бунцлаускомъ, бѣниггрецкомъ и часлаускомъ округахъ. Однако, не взирая на убѣжденія эмиссаровъ и самыхъ горячихъ головъ, шумно требовавшихъ, чтобы крестьяне прямо шли на своихъ бароновъ и ихъ управителей, большинство мятежниковъ возстало противъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ и условилось на своихъ сходкахъ отправить къ императору въ Прагу пословъ, чтобы передать ему жалобы крестьянъ. Этому умѣренному рѣшенію содѣйствовалъ слухъ, будто императоръ сказалъ, чтобы „всякій, кто имѣетъ какую-нибудь жалобу, обращался къ нему, и онъ удовлетворитъ всѣхъ по справедливости“. На основаніи этого слуха, каждая община избрала по два депутата, которые отправились въ Прагу, чтобы изложить императору свои жалобы на феодальныхъ владѣтелей. Въ прошеніяхъ говорилось, что они обращаются съ своими крѣпостными хуже, чѣмъ турки и татары со своими невольниками и не оставляютъ имъ ничего, кромѣ жизни, влачимою въ голодъ и нищету⁴⁾. Между тѣмъ, въ Прагѣ, государственные чины и правительство, подготовленные ложными допесеніями провинціальной администраціи къ прибытію депутатовъ, уже сдѣлали свои распоряженія и первая же прибывшая депутація (состоявшая изъ представителей вотчинъ графовъ Галлоса и Бредау, по два человѣка отъ каждой общины), была встрѣчена у воротъ Праги стрѣлками и заключена въ тюрьму, въ ратушѣ стараго города.

Это неожиданное насиліе было искрой, брошенной въ порохъ. Возмущенные имъ крестьяне отказались отъ всякихъ миролюбивыхъ переговоровъ и взялись за цѣпи, косы и топоры, чтобы

⁴⁾ Прошенія эти были написаны частью самими крестьянами и частью сельскими учителями, изъ которыхъ нѣкоторые, за отказъ писать ихъ, были прогнаны изъ школъ. Многія изъ прошеній были написаны однимъ пражскимъ законовѣдомъ (Пассеръ называетъ его «прокураторомъ»), Куренскимъ, который попалъ за это въ тюрьму. Въпоследствии, императорскимъ указомъ было строго воспрещено «всѣмъ грамотнымъ людямъ писать для крестьянъ прошенія или жалобы на ихъ господъ».

по своему раздѣлаться съ своими притѣснителями. Болѣе или менѣе многочисленныя банды, предводимыя бывшими солдатами или отставными офицерами, начали ходить изъ общины въ общину, забирая съ собою всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Кто не шелъ добровольно, того принуждали силой, въ особенности доюжа участіемъ судей, присутствіе которыхъ придавало возстанію, нѣкоторымъ образомъ, легальный характеръ. Въ нѣсколько дней банды разрослись до нѣсколькихъ тысячъ человекъ, и начали всюду осаждать феодаловъ и духовенство, замки и правительственныя мѣста, въ которыхъ производилась страшная расправа. Множество господскихъ фермъ были выжжены, скотъ и прочая собственность истреблены, и весь путь мятежниковъ обозначился раззореніемъ и опустошеніемъ. Разъ страсти были разнузданы, мятежники не остановились и передъ убійствомъ. Первою жертвой возстанія сдѣлался баронъ Фрейслебенъ, жившій въ своемъ Цестискомъ замкѣ, (въ Часлаускомъ округѣ). Такая-же участь постигла многихъ другихъ владѣльцевъ и должностныхъ лицъ. Мало того, когда возмущившіеся крестьяне, силы которыхъ, въ названномъ округѣ, доходили уже до 10,000 человекъ, узнали, что императоръ рѣшился переселиться изъ Праги въ замокъ Поддубицъ, чтобы бѣжать отъ свирѣпствовавшей въ Прагѣ чумы, то они задумали напасть на этотъ замокъ, чтобы захватить императора въ свою власть. Послѣдній принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, узнавъ объ этомъ планѣ ¹⁾).

Въ Прагу ежедневно приходили самыя тревожныя вѣсти о звѣрствахъ крестьянъ, изъ всѣхъ сѣверныхъ и восточныхъ округовъ Чехіи. Подвозъ сѣстныхъ припасовъ въ столицу, гдѣ свирѣпствовала чума, совершенно прекратился, такъ какъ крестьяне

¹⁾ Пассеръ связываетъ этотъ планъ съ заговоромъ венгерскаго графа Црина (смыслъ казеннаго, въ 1671 г., графа Петра Црина), который тайно проживалъ въ Прагѣ, въ Старомъ Городѣ, и былъ около этого времени арестованъ и заключенъ въ Градчинскую тюрьму. Сообщники заговора, также арестованные, были отправлены въ заключеніе въ замокъ Збировъ. Въ Прагѣ господствовало нѣміе, что многіе изъ нихъ были тайно казнены, и что дальшій заговоръ былъ захватъ особы императора. Нѣвѣстно было также, что французскій король, Людовикъ XIV, въ союзѣ съ венгерскими мятежниками, старался склонить Турцію къ войнѣ съ Австріей, чтобы приобрести для французскаго дофина земли богемской короны (Богемію, Моравію и Силезію).

этихъ двухъ округовъ, то дѣйствія ея значительно затруднились, такъ какъ она не могла преслѣдовать крестьянъ въ лѣсныхъ ущельяхъ. Пикколомини принужденъ былъ потребовать подкрѣпленій изъ пѣхотныхъ солдатъ и только тогда рѣшился преслѣдовать мятежниковъ въ глубинѣ лѣсовъ, когда къ нему присоединились два пѣхотныхъ полка изъ Мерцы и Гравы подъ начальствомъ генерала Хизерле фонъ-Ходова, а также егеря, лѣсничіе и другіе слуги мѣстныхъ феодаловъ. Систематическое преслѣдованіе мятежниковъ, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, увѣчалось наилучшимъ успѣхомъ; они не могли устоять ни на одномъ пунктѣ передъ превосходствомъ оружія и военной дисциплины солдатъ, и всюду разбѣгались послѣ короткихъ и кровопролитныхъ стычекъ. По обычаю того времени, солдаты были беспощадны къ своимъ побѣжденнымъ противникамъ. Такимъ образомъ, Пикколомини успѣлъ въ нѣсколько дней очистить отъ мятежниковъ Часлаускій округъ. Они потеряли множество людей убитыми и ранеными, а въ особенности плѣнными, надъ которыми тотчасъ же началась кровавая расправа судовъ, наведшая паническій страхъ на всѣ остальные банды. Сообразительность и быстрота дѣйствій Пикколомини, не дававшая опомниться бѣжавшимъ крестьянамъ, каждый день подготовляли имъ новыя пораженія и, спустя короткое время, полководецъ донесъ императору, что возстаніе въ восточной Чехіи совершенно подавлено и что императорскіе комиссары всюду возстановили прежній порядокъ и правильную администрацію.

Еще энергичнѣе дѣйствовалъ графъ Гарантъ въ сѣверной Чехіи. Въ младо-болеславскомъ округѣ, откуда онъ началъ свое движеніе противъ крестьянскихъ бандъ, онъ велѣлъ, безъ околичностей, рубить и вѣшать всѣхъ предводителей возстанія, которые попадали къ нему въ плѣнъ, и навелъ такую панику на всю окрестность, что испуганные крестьяне толпами покидали своихъ предводителей и также послѣшнво бросали оружіе, какъ они взялись за него противъ своихъ притѣснителей. Быстро усмиривъ сѣверо-восточную Чехію, Гарантъ прошелъ оттуда въ лейшмерецкій и заацскій округи, гдѣ уже въ маѣ, мятежъ былъ подавленъ, съ большой потерей со стороны крестьянъ, а, въ началѣ іюня, разсѣялись и послѣднія банды мятежниковъ въ пильзенскомъ и егерскомъ округахъ. Такимъ образомъ, широко задуманный планъ этого возстанія потерпѣлъ такую же позорную неудачу, какъ и предше-

ствовавшие, и мстительная Немезида начала свое кровавое дѣло въ покоренныхъ частяхъ страны.

Двадцать слѣдственныхъ комисій, подъ предсѣдательствомъ окружныхъ начальниковъ, открыли дѣйствія въ мѣстахъ возстанія, отыскивая, среди многихъ тысячъ плѣнныхъ, главныхъ виновныхъ, для примѣрнаго наказанія. Приговоры, исполнявшіеся немедленно, отличались крайнею суровостію. Въ городѣ Лейтомшлѣ, какъ видно изъ его судебной хроники: «одинъ изъ мятежниковъ, введенныхъ на лобное мѣсто близъ города, былъ привязанъ на колесо и колесованъ сверху внизъ; двумъ другимъ отсѣкли головы и тѣла также подняли на колесо вмѣстѣ съ первымъ; четвертаго повѣсили, а пятому, уже стоявшему на лѣстницѣ подъ висѣлицей, было даровано помилованіе, съ замѣной казни трехлѣтнею каторжною работою. Имена трехъ бѣжавшихъ мятежниковъ были выставлены на доскахъ, прибитыхъ къ висѣлицѣ. Девятнадцать менѣ виновныхъ были приговорены къ каторжной работѣ въ оковахъ, частью, на два года и, частью, на одинъ годъ или на полгода». Подобныя же казни совершались и въ остальныхъ девятнадцати городахъ, въ которыхъ засѣдали слѣдственныя комисіи. Такъ, наприимѣръ: въ Гайнспахѣ, было повѣшено шесть человѣкъ и одинъ четвертованъ; въ Бемш-Лейпфъ,—пять человѣкъ; въ Аузихѣ, Плошковницѣ и Комотау,—по четыре; въ Бухау,—три человѣка были повѣшены и, кромѣ того, по одному обезглавлено и колесовано, и т. д. Тѣла четвертованныхъ людей, были навязаны на колеса и выставлены на перекресткахъ, для устрашенія прохожихъ. Всего было приговорено къ смерти 99 участниковъ возстанія, но 44 изъ нихъ было даровано помилованіе на лобномъ мѣстѣ. Къ тюремному заключенію было приговорено нѣсколько сотъ человѣкъ, не считая тѣхъ, которые подверглись только наказанію палками, розгами, денежными штрафами, или другими, менѣ суровыми, карами. Кромѣ того, всѣ издержки, которыхъ потребовало подавленіе возстанія и судебное разбирательство, должны были быть покрыты тѣми общинами, которыя были замѣшаны въ смутахъ, и, вдобавокъ, жителямъ ихъ пришлось долго послѣ того нести тягость военного постоа.

По наружности, въ странѣ снова возстановилось спокойствіе; но раздраженіе народа, уступившаго только превосходству силъ, не улеглось и полное замиреніе страны было возможно только по удовлетворенію справедливыхъ жалобъ крестьянъ. Императоръ Лео-

только причипили бы имъ неисчислимый вредъ, но и могли бы грозить опасностью государству, въ виду необузданнаго характера сельскаго народа. Такимъ образомъ, гуманныя намѣренія Юсифа II, уже въ ту пору задумавшаго отмѣну крѣпостнаго права, пришлось снова отложить въ долгій ящикъ. Однако, ничего не сдѣлать въ этомъ направленіи было невозможно. Духъ новаго времени начиналъ пролагать себѣ дорогу и въ Австрію, и справедливыя требованія крестьянъ пришлось удовлетворить хотя отчасти.

21 апрѣля 1774 г. вышелъ императорскій рескриптъ, обѣщавшій крѣпостнымъ разсмотрѣніе ихъ жалобъ, но приглашая ихъ до того времени исполнять свои повинности относительно господъ. Вслѣдъ затѣмъ, на основаніи этого рескрипта, была назначена коммисія (Urbanial Commission), выработанная въ октябрѣ того же года временной законъ, регулировавшей отношенія крестьянъ къ владѣльцу. Законъ этотъ долженъ былъ оставаться въ силѣ до окончательнаго рѣшенія вопроса и послужить къ успокоенію народа. Но эти полумѣры только повредили намѣреніямъ правительства. Областныя, и въ особенности, вотчинныя власти въ Чехіи, опасаясь возстанія крестьянъ, медлили обнаруженіемъ временнаго закона и это промедленіе привело къ результатамъ, — прямо противоположнымъ тѣмъ, которые имѣлись въ виду. Тайные эмиссары распространили между крестьянами слухъ, будто правительство издало указъ о полной отмѣнѣ барщины, но власти скрываютъ этотъ указъ. Это было искрой, отъ которой вспыхнули пожаромъ всѣ накопившіеся элементы безпорядковъ ¹⁾.

¹⁾ До сихъ поръ еще существуетъ предположеніе, будто императоръ Юсифъ II, принявъ депутацію отъ чешскихъ крестьянъ и объясняясь съ нею по-чешски, сказалъ: «Iděte na rānu!» вмѣсто «Iděte k rānům!» и будто этимъ недоразумѣніемъ былъ данъ толчекъ къ возстанію, которое уже издавна подготавливалось. По всѣмъ вѣроятіямъ, однако, это была не болѣе какъ острота, если только сами крестьяне не измыслили этого факта въ свое оправданіе. Однако профессоръ Пелцль, уважаемый чешскій историкъ, твердо вѣрилъ въ справедливость этого слуха и упоминалъ о немъ въ своей вступительной рѣчи, которою онъ открылъ, въ 1793 году, свои лекціи на новоучрежденной кафедрѣ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ. Въ этой рѣчи, изданной въ Прагѣ подъ заглавіемъ: «Академическая вступительная рѣчь о пользѣ и значеніи чешскаго языка», говорится: «Покойный императоръ Юсифъ II владелъ чешскимъ языкомъ и, имѣя возможность объясниться съ чехами на ихъ родномъ нарѣчій, пользовался ихъ безграничною любовью. Долго спустя послѣ

Народъ, ошибочно полагая, что дарованныя ему монархией облегченія и уступки умышленно скрываются администраціей, рѣшился на отчаянныя мѣры, чтобы силою вырвать эти уступки и въ тоже время отмстить ненавистнымъ чиновникамъ и землевладѣльцамъ. Беспорядки начались въ общинахъ Траутенау и Браунау, и первыя насилія надъ властями были совершены въ вотчинахъ Векельсдорфъ и Браунау. Непосредственное сосѣдство Пруссіи, эмисары которой во множествѣ объѣзжали въ ту пору пограничныя округи Чехіи, мутя народъ противъ Австріи и раздувая недовольствіе крестьянъ ложными слухами, повидимому много способствовали тому, что первые симптомы мятежа обнаружались именно въ этомъ горномъ краѣ. 23 января 1775 г., въ общинѣ Векельсдорфъ появились первыя толпы мятежниковъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Антона Зейделя и объявили открытую войну всѣмъ властямъ.

его смерти, никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ умеръ и до сихъ поръ еще многіе изъ чеховъ вспоминаютъ, что онъ говорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Іосифъ II выучился по-чешски уже въ позднѣйшее время, у учителя, и поэтому, говоря, нѣрѣдко дѣлалъ ошибки, которыя имѣли иногда роковыя послѣдствія. Такъ, однажды, въ бытность его въ Богеміи, когда крестьяне не давали ему прохода со своими прошениями, онъ съ нетерпѣніемъ сказалъ имъ по-чешски: «*Iděte na rāpu!*» (идите на господъ) вмѣсто «*Iděte k rāpām!*» (идите къ господамъ). Крестьяне, понявъ слова императора буквально, начали говорить между собою: «Идемъ на господъ!» и, образовавъ сборище, принялись опустошать замки и избивать помещиковъ и чиновниковъ. Не подоспѣвъ въ эту пору войска, возстаніе охватило бы всю страну. Арестованные крестьяне клялись, на допросѣ, что императоръ положительно приказалъ имъ идти на господъ. Изъ этого явствуетъ, какъ важно для монарховъ знать языкъ своихъ подданныхъ». Доказательствомъ того, что этотъ рассказъ имѣетъ чисто анекдотическое значеніе, служитъ другой подобный же анекдотъ объ императорѣ Іосифѣ II, гдѣ ему вложено въ уста, почти тоже самое изреченіе, сказанное имъ, будто бы, во время пріема въ аудіенціи, въ 1782 г., предводителя возмущившихся трансильванскихъ крестьянъ, Хору. Хора, изложивъ императору свои жалобы и прося объ освобожденіи крестьянъ, прибавилъ, по сказанію, что если это не будетъ исполнено, то они возмутятся и завоюютъ свою свободу. На это Іосифъ II, будто бы, отвѣтилъ: «Попробуйте!» и эти слова побудили Хору поднять знамя мятежа. За справедливость этихъ двухъ анекдотовъ ничто не ручается, равно какъ и сотни другихъ легендъ объ Іосифѣ II; всѣ эти легенды возникли въ позднѣйшее время и совершенно произвольно связываются съ историческими фактами.

польдъ, на кроткій характеръ котораго страшныя сцены возстапія произвели глубокое впечатлѣніе, сжалился надъ положеніемъ сельскаго народа и внялъ представленіямъ тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, которые указывали ему на жестокость и несправедливость многихъ господъ и управителей къ несчастнымъ вассаламъ и совѣтовали облегчить барщину и другія крестьянскія повинности. Вслѣдствіе этого, 28 іюня 1680 г., въ Пардубицѣ былъ изданъ императорскій указъ, которымъ положительно запрещалось обременять крѣпостныхъ непосильными тягостями и принуждать ихъ къ работѣ на господина болѣе трехъ дней въ недѣлю. Въ праздничныя дни они должны были быть свободны отъ всякихъ работъ. Запрещалось также принуждать ихъ къ невыгодной для нихъ покупке у владѣльца пива, водки, сыра, масла, рыбы и пр.; запрещалось оттягивать у нихъ подъ различными предлогами наслѣдство, когда имѣлись наслѣдники; запрещалось принуждать ихъ къ поставкѣ лошадей для отдаленныхъ поѣздокъ и предписывалось вознаграждать ихъ за всякія экстренныя издержки; запрещалось налагать на нихъ какія бы то ни было подати, кромѣ уже установленныя; при наложеніи на крестьянъ заслуженнаго ими наказанія предписывалось обращать вниманіе на то, чтобы оно не послужило во вреду ихъ здоровью и жизни; вознагражденіе лицъ, служащихъ владѣльцу, не должно было падать на его крѣпостныхъ; запрещалось гонять ихъ на работу изъ одной вотчины въ другую, и т. д.

Одновременно съ тѣмъ была объявлена всеобщая амнистія и, вскорѣ послѣ того, порядокъ возстановился. Положеніе крестьянъ сдѣлалось на вѣкоторое время довольно сноснымъ. Однако, со стороны помѣщиковъ не было недостатка въ попыткахъ возстановить прежнюю барщину и въ началѣ XVIII вѣка слышались новыя жалобы противъ несправедливыхъ притѣсненій; въ нѣкоторыхъ округахъ, крестьяне вновь начали бунтовать противъ своихъ господъ, которые уклонялись отъ указа Леопольда I и требовали отъ крестьянъ тѣхъ же повинностей, какъ и до 1680 г. Такъ, въ 1711 г., крестьяне гальтенбургской вотчины напали на своего владѣльца, служившаго въ ту пору окружнымъ начальникомъ въ Бениггрецѣ, рыцаря Адлерсберга, въ его Альтенбургскомъ замкѣ, а вслѣдъ за тѣмъ возстало двадцать окрестныхъ деревень, жители которыхъ, причипили страшныя опустошенія въ господскихъ владѣніяхъ. Однако, быстро подослѣвшія войска подавили беспорядки и мно-

жество альтенбургскихъ крестьянъ кончили жизнь въ тюрьмахъ. подъ палочными ударами, которые щедро расточались имъ каждый день. Два года спустя, въ октябрѣ 1713 г., возстали крестьяне печекской волости противъ своего новаго владѣльца, графа Бредлау, жестокаго притѣснителя своихъ крѣпостныхъ; по это возстаніе не принесло никакого облегченія имъ.

Напротивъ того, всѣ эти и послѣдующіе, частные, крестьянскіе бунты доставили только феодаламъ желанный предлогъ для убѣжденія императора Карла VI, во вредномъ вліяніи императорской грамоты 1680 г. и, 27 января 1738 г., явился новый императорскій указъ, отмѣнившій эту грамоту, со всѣми привилегіями, дарованными ею крестьянскому сословію. Съ тѣхъ поръ исчезаютъ послѣдніе слѣды прежней свободной жизни сельскихъ общинъ, и крестьяне снова дѣлаются безправными крѣпостными, какъ и послѣ 30-ти лѣтней войны. Бѣдный народъ былъ низведенъ до низшей степени подавленности и униженія. Многія общины хрудимскаго округа пытались сопротивляться этому новому постановленію, но бароны тотчасъ призвали войска и подавили беспорядки въ зародышѣ. Виновники ихъ были безошадно забиты палками.

Цѣлыхъ сорокъ лѣтъ послѣ того, въ обезкураженныхъ чешскихъ деревняхъ царствовало спойствие могилы и только голодъ 1760—1771 гг., похитившій въ Богеміи 250,000 жертвъ, да рекрутскій наборъ въ армію, введенный въ 1770 г. снова раздулъ старую ненависть крестьянъ къ безчеловѣчно притѣснявшимъ ихъ помѣщикамъ, и вскорѣ обнаружались первые симптомы подготовлявшагося всеобщаго возстанія крестьянъ.

Пражское правительство, получивъ свѣдѣнія о начинавшемся броженіи въ странѣ, донесло объ этомъ въ Вѣну, совѣтуя немедленно принять мѣры для облегченія участи крѣпостныхъ, чтобы предупредить открытый мятежъ. Императрица Марія Терезія, а въ особенности, соправитель ея, Иосифъ II, были весьма склонны послѣдовать этому совѣту, но приверженцамъ стараго порядка удалось отклонить замышлявшіяся реформы и представить крестьянское движеніе въ ложномъ свѣтѣ. Противъ представленій оберъбургъ-графа пражскаго, графа Ностица, который довелъ до свѣдѣнія императрицы жалобы чешскаго народа, настаивая на облегченіи барщины, феодалы подали докладную записку, въ которой говорилось, что облегченіе, а тѣмъ болѣе, отнятія барщины не

Въ тотъ же самый день вспыхнуло возстаніе въ сосѣдней вотчинѣ Браунау, гдѣ во главѣ мятежныхъ бандъ стали сельскіе старосты изъ Шенау и Рупперсдорфа. Но эти первыя банды состояли, большею частью, изъ всякаго сброда, которому всечело было терять и который жаждалъ удобнаго случая для грабежа и удовлетворенія своихъ низкихъ страстей.

Первою подверглась нападенію господская усадьба въ Диттерсбахѣ, которая была разграблена и сожжена. Такая же участь постигла церковь и церковный домъ въ Шенау. Здѣсь начальство надъ бандами мятежниковъ, которыя постоянно разрастались, принялъ деревенскій староста изъ Гершина, Нивльтъ, который повелъ первую банду противъ вотчины Паходъ. Съ неудержимой силой горной лавины разлился мятежъ по низовью Эльбы, насильно увлекаемая за собою изъ деревень всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, такъ какъ наиболѣе благоразумные изъ крестьянъ не желали присоединяться къ движенію, которое на первыхъ порахъ имѣло характеръ чистаго разбоя. Многіе бѣжали въ лѣса и въ глубокія ущелья, чтобы не быть увлеченными этимъ потокомъ. Такъ, напримѣръ, мужское населеніе деревни Кукусъ бѣжало въ штангендорфскія каменоломни, а часть его спряталась въ домѣ одного портнаго, жена котораго прибѣгла къ хитрости: она выломала въ своемъ домѣ всѣ окна и двери, распороза перины, опрокинула всю мебель и, съ приближеніемъ мятежниковъ, принялась громко плакать и вопить передъ своимъ домою, чѣмъ заставила прибывшую орду думать, что черезъ Кукусъ уже ранѣе прошла другая шайка, совершившая дѣло разрушенія. Но ратуша была еще цѣла и мятежники не пощадили ее. Разграбивъ и опустошивъ ее, орда продолжала свой путь на Яромерь. Слухъ о беспорядкахъ распространился, съ быстротою молніи, по всей сѣверной части Кѣниггрецкаго округа, и какъ бы по данному сигналу, къ мятежникамъ со всѣхъ сторонъ начали подходить подкрѣпленія. Тайные агенты убѣждали жителей деревень и городовъ присоединиться къ возстанію, чтобы придать ему большую силу. Каждый домохозяинъ обязывался вступить въ ряды мятежниковъ или выставить вмѣсто себя сильнаго рабочаго. Въ случаѣ уклоненія отъ вербовки, домъ бѣжавшаго отдавался на разграбленіе и все имущество разрушалось, при чемъ не было недостатка и въ насиліяхъ надъ остававшимися домохозяевами.

Въ Яромѣрѣ, мятежники усилились до нѣсколькихъ тысячъ человекъ, которые отправились оттуда въ общину Липканъ, гдѣ совершенно разграбили господскій замокъ. Въ Рудничкѣ, у мятежниковъ явился новый предводитель, нѣкто Матвѣй Хвойка, выдававшій себя за главнаго поборника крестьянскаго дѣла и прозванный за это въ пасмѣшку своими противниками: «крестьянскимъ царемъ». Хвойка былъ молодой человекъ, замѣчательнаго ума, говорившій по латынѣ и по нѣмецки и одаренный рѣдкимъ ораторскимъ талантомъ. Онъ изучалъ въ Кѣниггрецѣ классическіе языки и лелѣялъ въ своемъ пылкомъ умѣ самыя смѣлыя планы реформъ и государственныхъ переворотовъ. Во время своего позднѣйшаго заключенія, онъ сочинилъ чешскую поэму въ семьдесятъ двѣ строфы, которая долго сохранялась въ памяти народа.

Судя по тому, что онъ говоритъ въ этой позмѣ, онъ не былъ съ начала расположенъ присоединиться къ возстанію и присоединился только по принужденію. Когда мятежники вступили въ Рудничкій, то одинъ изъ многочисленныхъ эмиссаровъ, поддерживавшихъ возстаніе, выдававшій себя за изгнаннаго русскаго князя, явился въ домъ Хвойки, чтобы предложить ему принять начальство надъ крестьянами, такъ какъ этотъ молодой человекъ, благодаря своему образованію, пользовался уваженіемъ среди своихъ согражданъ. Хвойка долго не могъ рѣшиться принять на себя эту опасную роль; но, когда онъ вышелъ на площадь и увидѣлъ передъ собою необозримую толпу, то ему вдругъ представилось, что онъ призванъ служить народному благу. Силою своего краснорѣчія ему удалось подчинить себѣ необузданную орду, которая избрала его своимъ предводителемъ.

Хвойка скоро вошелъ въ роль полководца. Онъ раздѣлялъ банду, вооруженную большею частью дубинами, вилами, косами и пр., на двѣ колонны, которыя должны были идти двумя различными дорогами на Прагу. Но, предварительно, мятежники желали посѣтить господскій замокъ въ Краутенау, гдѣ уже много лѣтъ грабительски хозяйничалъ ненавистный крестьянамъ управляющій Матвѣй Граулихъ. Предвидя какая судьба ожидала его, еслибы онъ попался въ руки крестьянамъ, Граулихъ позаботился прежде всего зарыть въ землю, подъ деревомъ въ саду, большую часть своей и господской казны, оставивъ въ кассѣ нѣсколько талеровъ, чтобы отклонить подозрѣнія; и затѣмъ бѣ-

жалъ, не дожидаясь приближенія крестьянъ. Прибывшая толпа вошла замокъ пустымъ. Приведенная въ ярость тѣмъ, что она упустила изъ рукъ свою жертву, толпа ртзрушила все, что оставалось въ замкѣ, и въ концѣ-концовъ накинулась на обывательскіе дома въ общинѣ Кратенау, гдѣ мятежники предались буйствамъ, достойнымъ канибаловъ.

Довершивъ на этомъ пунктѣ дѣло разрушенія, одна колонна направилась къ Прагѣ, черезъ Пардубиць, и главный корпусъ, подъ предводительствомъ Хвойки, пошелъ на Хлумецъ, гдѣ проживалъ весьма непопулярный управляющій, нѣкто Антонъ Пичъ. Хвойка посвящаетъ ему, въ своемъ стихотвореніи, нѣсколько строфъ, изъ которыхъ видно, какую ненависть питали крестьяне къ этому «мучителю народа». Дорогой въ Хлумецъ, Хвойка раздѣлилъ свою колонну на три небольшихъ отряда, которые, для ускоренія пути, должны были идти различными дорогами, чтобы соединиться подъ Хлумцомъ. Пока Хвойка шелъ, съ своей колонной, къ этому пункту, второй отрядъ направлялся къ Трнавѣ, Бабичу и Великому Барховцу, въ которомъ нѣкто Радонъ вторгнулся въ церковь св. Іоанна Непомука и, похитивъ изъ нея дароносицу, бѣгалъ съ нею, какъ безумный, благословляя своихъ оборванныхъ товарищей. Третья банда направилась черезъ Обедовиць, Кораниць, Шудеричъ и Староводы, распространяя ужасъ по всѣмъ этимъ деревнямъ. Множество мужчинъ были при этомъ силой увлечены въ ряды мятежниковъ. Между деревнями Пизекомъ и Нейштадтелемъ, на хлумецкихъ земляхъ, всѣ три банды соединились, чтобы общими силами напасть на городъ и замокъ Хлумецъ. Они разбили лагерь на горѣ Одукѣ, чтобы приготовиться къ штурму.

Тутъ Хвойка пустилъ въ ходъ всѣ свои военные таланты. Прежде всего онъ завелъ строгую дисциплину. Чувствуя себя слишкомъ слабымъ противъ города, который защищался гражданами, онъ разослалъ герольдовъ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, чтобы объявить крестьянамъ полную свободу и набрать подкрѣпленій. Но посланные, имѣя въ виду главнымъ образомъ грабежъ, куда ни приходили,—всюду тащили все, что ни попадало подъ руку; полководцу, который тщетно ждалъ подкрѣпленій, оставалось только покоряться.

Между тѣмъ, хлумецкіе граждане приготовились къ храброй защитѣ и день и ночь наблюдали за неприятельскимъ лагеремъ.

Въ городѣ находился очень слабый гарнизонъ, состоявшій всего изъ восьми солдатъ, при одномъ офицерѣ, охранявшихъ пивоварни. Съ такими силами нельзя было и рассчитывать на отраженіе многочисленныхъ мятежниковъ. Однако офицеръ не потерялъ присутствія духа и тотчасъ послалъ коннаго гонца въ Калинъ и Куттенбергъ, гдѣ былъ расположенъ на зимнихъ квартирахъ драгунскій полкъ графа Валлиса; самъ же, со своими восемью солдатами, сталъ зорко охранять обширное зданіе, въ которомъ, кромѣ пивоварень, помѣщались господскія конторы.

25-го марта, въ день Благовѣщенія, мятежники свялись съ лагерьа и, съ дикими криками, двинулись густыми толпами, берегомъ большаго Хлумецкаго пруда, по направленію къ городу. Первое нападеніе было направлено на пивоварни, гдѣ мятежники рассчитывали застигнуть всѣхъ должностныхъ лицъ. Но тамъ оставался одинъ управляющій Пичъ, всѣ же остальные заблаговременно разбѣжались. Солдаты выстроились у воротъ зданія и офицеръ громко спросилъ первые ряды мятежниковъ: «кого имъ нужно?» Хвойка, шедшій впереди своего отряда, дерзко отвѣтилъ: «Управляющаго Пича, чтобы спросить согласенъ ли онъ отиѣнить барщину». Съ этими словами онъ смѣло пошелъ къ воротамъ, которыя, черезъ нѣсколько минутъ были заняты мятежниками. Офицеръ принужденъ былъ уступить передъ превосходствомъ силъ и предоставить имъ все зданіе. Хвойка, первый, вошелъ въ домъ и, въ сопровожденіи своихъ спутниковъ, направился прямо въ канцелярію, гдѣ къ нему вышелъ на встрѣчу управляющій Пичъ. Лишь только увидѣла его толпа, какъ раздался страшный, дикій крикъ и тотчасъ же было рѣшено расправиться съ Пичемъ по гусситски, т. е. выбросить его въ окно, чтобы стоящая во дворѣ толпа приняла его на вилы. Управляющему не избѣгнуть бы этой страшной участи, еслибы Хвойка не принялъ его подъ свое покровительство.

Когда шумъ немного утихъ, Хвойка вступилъ съ Пичемъ въ переговоры, предлагая ему на выборъ — согласиться на отиѣну барщины или быть предоставленнымъ на произволъ крестьянъ. Пичъ дипломатически пытался затянуть переговоры, ссылаясь на невозможность, при данныхъ обстоятельствахъ, подписать подобный документъ; но Хвойка схватилъ листъ бумага, изложилъ на немъ требованія возставшихъ крестьянъ и принудилъ управляющаго

подписаться подъ этимъ документомъ. Удовлетворенные этимъ, мятежники проводили Пича до его квартиры, обѣщавъ не трогать его. Далеко не такъ гладко обошлось дѣло въ другихъ частяхъ дома и подъ стѣнами города. Толпа раздѣлилась на вѣсколько колоннъ, изъ которыхъ одиѣ пошли къ пивоварнямъ, а другія направилась къ городу. Въ зданіи пивоваренъ, мятежники произвели страшныя опустошенія. Всѣ бочки съ пивомъ были выкачены изъ погребовъ во дворъ, гдѣ произошла настоящая оргія. Въ конторахъ, ни одного гвоздя не осталось цѣлымъ; всѣ бумаги были разорваны и сожжены среди двора, равно какъ и мебель и другіе предметы.

Однако, въ городъ мятежники не могли проникнуть. Жители загородили всѣ входы высокими баррикадами, которыя они рѣшились защищать до послѣдней крайности. Каждый приступъ ихъ храбро отражался и они уже потеряли многихъ изъ своихъ товарищей убитыми и тяжело ранеными. Граждане, вооруженные ружьями, держались тѣмъ бодрѣе, что могли рассчитывать на скорую военную помощь, которая дѣйствительно не заставила себя ждать. Около полудня прибылъ военный отрядъ, проводникомъ котораго служилъ судья мѣстечка Неполисъ, Іосифъ Левицкій. Солдаты, вступившіе въ городъ черезъ Колинское предмѣстье, уже находились на городской площади прежде, чѣмъ мятежники узнали объ ихъ прибытіи.

Получивъ извѣстіе, что одна мятежная колонна направляется къ господскому замку, капитанъ отрядилъ туда двадцать человекъ солдатъ, подъ начальствомъ офицера, а самъ, съ остальнымъ своимъ отрядомъ, выступилъ противъ орды, осаждавшей городъ. Раздавшійся барабанный бой заставилъ крестьянъ на минуту отступить; но затѣмъ они снова собрались и всею массой двинулись къ пивоварнѣ, чтобы дождаться тамъ дальнѣйшаго результата. Капитанъ, между тѣмъ, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, выѣхалъ къ мятежникамъ и сталъ настойчиво убѣждать ихъ разойтись; но слова его не подѣйствовали; разсвирѣпѣвшіе крестьяне стали грозить ему своими кистенями и онъ принужденъ былъ возвратиться подъ защиту своихъ солдатъ. Это поощрило мятежниковъ, которые бросились на солдатъ, но тѣ отразили наступленіе ударами прикладовъ. Первые ряды отступили съ окровавленными головами и толпа, видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ,

начала разбѣгаться по окрестнымъ лѣсамъ. Въ то же время и управляющій Пичъ, вырванный прибытіемъ солдатъ изъ своего опаснаго положенія, кричалъ въ окно, чтобы всѣ крестьяне Хлумецкой вотчины, немедленно расходились по домамъ, если желаютъ заслужить прощеніе. Это обѣщаніе на многихъ подѣйствовало; однако бѣльшая часть толпы все-таки осталась на мѣстѣ, съ виднымъ намѣреніемъ продолжать борьбу.

Тогда капитанъ съ своей стороны произвелъ атаку, передъ которой мятежники не устояли; они поспѣшно отступили къ мельницѣ, на выше-упомянутомъ прудѣ, гдѣ снова собрались. Солдаты сдѣлали нѣсколько холостыхъ залповъ, чтобы поугаать толпу, но крестьяне, замѣтивъ безвредность выстрѣловъ, стали смѣяться, говоря, что солдатскія ружья заряжены овсомъ. Тогда капитанъ велѣлъ солдатамъ зарядить ружья пулями и двое изъ крестьянъ побѣдились съ плотины, обливаясь кровью. Это было сигналомъ къ отчаянной борьбѣ. Предводители бросились на солдатъ и даже послѣдніе ряды крестьянъ, казалось, воодушевились мужествомъ. Но первые же раненные навели на нихъ своимъ видомъ такой панической ужасъ, что вся толпа обратилась въ беспорядочное бѣгство. Ширина плотины была далеко недостаточна для всѣхъ бѣжавшихъ и многіе изъ нихъ бросились въ болотистую тиву, прячась въ высокомъ тростникѣ; другіе побросались въ прудъ, вытаясь спастись вплавь, что удалось лишь немногимъ, такъ какъ поблизости не было ни одной лодки для спасенія утопившихъ. Множество людей утонуло въ прудѣ; другимъ удалось бѣжать, но наибольшая часть попала въ руки преслѣдовавшихъ солдатъ.

Плѣнныхъ было такъ много, что въ Хлумцѣ не хватило тюремъ и пришлось обратить въ тюрьмы всѣ амбары, овинны и даже мясныя лавки города. Не хватало также веревокъ, чтобы связывать плѣнныхъ, и солдаты, не желая ни одного упускать изъ своихъ рукъ, прибѣгли къ оригинальному средству, которое вполне достигло цѣли. Они отрѣзали всѣ пуговицы у крестьянскихъ штановъ и отобрали у всѣхъ подтяжки. Такимъ образомъ, никто не могъ бѣжать, потому что каждый долженъ былъ придерживать обѣими руками штаны, чтобы они не спустились.

Позднѣе, всѣ плѣнные были переведены въ замокъ и въ прилежавшей къ нему манежъ, гдѣ они уже нашли товарищей. Это были люди той банды, которая направилась на замокъ и противъ

которой были выставлены офицеръ съ двадцатью солдатами. Они осилили толпу послѣ непродолжительнаго сопротивленія, и взяли въ плѣнъ ея вожаковъ. Единственною жертвою со стороны войскъ былъ одинъ солдатъ, убитый ударомъ въ голову. Офицеръ, желая отомстить за смерть своего подчиненнаго, бросился за бѣжавшимъ убійцей и пронзилъ его шпагой. Это произвело такое впечатлѣніе на его товарищей, что они пали на колѣни и начали съ воплями умолять о прощеніи, которое и было имъ даровано. Всѣ плѣнные были заперты въ кладовыхъ и подвалахъ замка, гдѣ они сильно страдали отъ холода, такъ какъ въ это время еще стояли большіе холода, а мятежники были большею частью полунагіе. Жены ихъ принесли имъ пищу, одежду и постели, но комендантъ замка не допустилъ до нихъ ничего изъ этого.

Такое было окончаніе битвы при Хлумцѣ, отъ которой произошла извѣстная чешская поговорка: «Vyhrali jáka seilaci v Chlumce». (Выиграли какъ крестьяне у Хлумца).

Но этимъ пораженіемъ крестьянское возстаніе еще не было окончательно подавлено. Какъ мы уже сказали, многія изъ мятежныхъ бандъ пошли къ Прагѣ другими дорогами, на которыхъ они совершали такіе же опустошенія, какъ и главный корпусъ, подъ предводительствомъ Хвойки. Напрямѣръ, банда, шедшая черезъ Пардубицъ, напала на замокъ въ этомъ городѣ и разграбила его. Одинъ особенно ненавистный Пардубицкій управляющій, попавшій въ руки крестьянъ, принужденъ былъ добровольно покориться слѣдующему посмѣянію: мятежники раздѣли его до нага, облили все его дрожавшее отъ страха тѣло чернилами и осыпали пескомъ, говоря что онъ, такъ много испачкавшій въ своей жизни бумаги, долженъ послужить теперь воплощеннымъ официальнымъ свидѣтельствомъ въ томъ, что крестьяне только охраняютъ свои права. Одинъ пардубицкій поэтъ сочинилъ на этотъ случай сатирическое стихотвореніе, которое, какъ и стихи Хвойки, долго пѣлось чешскимъ народомъ.

Изъ Пардубица толпа направилась въ Подебрадъ, соединившись, дорогой, въ Пржедлаучѣ съ другою колонной инсургентовъ, вышедшей изъ млада—болеславскаго округа. На этомъ пунктѣ также собрались многія тысячи крестьянъ, изъ которыхъ большая часть спустилась на низовья Эльбы, чтобы предъявить свои требованія Прагѣ. Въ современномъ отчетѣ одного изъ жителей Верхняго

Города, Франца Газека, крестьянское возстаніе въ мѣсто—болеславскомъ обругъ описано слѣдующимъ образомъ: «24-го марта въ Земиль прибыли ломницкіе крестьяне изъ деревень Недвези, Струженеда и другихъ, и начали такъ хозяйничать что перебили въ конторахъ замка всѣ окна, разбили рѣшетку, выпустили изъ перинъ перья, забравъ себѣ наволочки, и выбросили всѣ документы и книги. Въ пивоварнѣ стояли двѣ бочки пива. Мятежники вынули изъ нихъ пробки, наполнили пивомъ горшки, кружки и все, что попало подъ руку, а остальное выпустили. Весь хлѣбъ въ пекарняхъ былъ уничтоженъ.

На другой день пришли крестьяне изъ Штаркенбаха и окрестныхъ деревень и начали истреблять то, что еще уцѣлѣло. Графская касса была разбита; деньги, которыхъ находилось въ ней болѣе 4,000 гульденовъ, были похищены и, въ заключеніе, всѣ печи въ замкѣ были разрушены. 25-го марта, въ день Благовѣщенія, мятежники направились къ Верхнему Городу и встрѣтились дорогой съ бандами изъ Штаркенбаха и Привлака, выходящими изъ церкви въ Верхнемъ Городѣ. Толпа, соединившись, пошла на мельницу, гдѣ вышивъ все пиво, заготовленное деканомъ, отправилась въ городъ. Деканъ, начинавшій въ эту минуту служить большую обѣдню, принужденъ былъ сократить ее.

Примась, бургомистръ и городскіе совѣтники поднялись на Кжрибскіе холмы, чтобы привѣтствовать прибывшую толпу и узнать цѣль ея посѣщенія. Главнокомандующій (какого онъ былъ полка, — это было трудно угадать, до такой степени былъ заштопанъ его мундиръ) отвѣтилъ, что они «принесли свободу». Приведя свои войска на городскую площадь, онъ распорядился, чтобы изъ немедленно напоили и накормили и чтобы изъ cadaго дома къ нимъ присоединилось по одному человѣку. Толпа отправилась послѣ того въ пекарни и гостиницы, гдѣ поѣла все съѣдобное и выпила все пиво. Распорядившись такимъ образомъ, толпа прошла черезъ Старый Городъ и Гельковиць, въ Земиль, гдѣ она такимъ же образомъ разграбила дома и унесла провизію. Опустошивъ Земиль, мятежники отправились въ Лезепи, гдѣ баронесса вышла къ нимъ изъ замка, прося пощадить его и предлагая выдать имъ пиво и водку. Одинъ изъ толпы, ибкто Ира Швець изъ Привлака, отвѣтилъ ей, что замокъ останется нетронутымъ, если она согласится поцѣловать его. Баронесса

исполнила его желаніе и мятежники удалились, не причинивъ замѣу никакого вреда. Изъ Іезецъ толпа пошла въ Назарово гдѣ, какъ и въ Земилѣ, она оцустопила всѣ погребѣ, выпустила изъ бочекъ водку и забрала всѣ сѣбѣтныя принасы. Крестьяне катались въ обывательскіихъ экипажахъ, разбивали желѣзныя рѣшотки, вооружаясь палками изъ нихъ, пока, наконецъ, не прибыли изъ Пчинна гусары и пѣхота, которые, забравъ главныхъ предводителей отвели ихъ въ канцелярію къ допросу». Въ этомъ округѣ, до сраженія съ крестьянами, также не дошло дѣло; но не всѣ еще банды были разсѣяны и часть ихъ снова собралась, черезъ нѣсколько дней, и направилась къ Подебраду, гдѣ къ ней присоединились мятежники изъ Кениггрецкаго округа, чтобы вмѣстѣ идти на Прагу.

Съ этой стороны они не встрѣтили никакого сопротивленія, потому что слабыя гарнизоны мѣстечекъ не могли противустоять имъ; да и никто не былъ приготовленъ къ этому, въ увѣренности что, для подавленія возстанія, вполне достаточно войскъ, высланныхъ въ Хлумецъ. Въ городѣ Челоковичѣ, на Эльбѣ, стояла рота полка графа Валлиса, подъ начальствомъ капитана Губета, который, узнавъ о приближеніи крестьянъ выставилъ своихъ солдатъ у городскихъ воротъ. Мятежники приблизившись, 23-го марта, къ городу и увидѣвъ эти приготовления, взяли въ сторону и обогнули городъ окольнымъ путемъ, забравъ въ плѣнъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ. Толпа постоянно росла и, когда она пришла, 24-го марта, къ Прагѣ и заняла Либненскія высоты, въ ней насчитывалось уже до 5,000 человекъ.

Населеніе Праги, хотя и приготовленное къ прибытію инсургентовъ, находилось, однако, въ сильной тревогѣ, такъ какъ слухи преувеличивали силы крестьянъ во сто кратъ, и рисовали совершенія ими насилія самыми ужасными красками. Городскія власти принимали всѣ мѣры для отраженія приступа. Войска, выставленныя на стѣнахъ города, находились на готовѣ, всѣ городскія ворота были заперты и занаты достаточными силами, и городъ могъ спокойно встрѣтить прибытіе мятежниковъ.

25-го марта, когда въ Прагѣ было получено извѣстіе, что мятежныя банды подошли и заняли Либны, къ нимъ выѣхалъ, подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ, оберъ-бургграфъ Ностицъ, чтобы пригласить ихъ мирно изложить свои требованія и разойтись.

Предводители крестьянъ ожидали его на Либненскомъ мосту и тотчасъ вступили съ нимъ въ переговоры.

Когда оберъ-бургграфъ спросилъ ихъ, чего имъ нужно, они коротко отвѣтили: «свободы!»

«Мы пришли за нею въ Прагу!» вскричалъ одинъ изъ нихъ, который пряталъ что-то подъ своимъ зипуномъ. Одинъ изъ адъютантовъ графа Ностица потребовалъ чтобы крестьянинъ показалъ, что онъ прячетъ, и тотъ вынувъ изъ за пазухи плеть вскричалъ: «Плеть, для такихъ негодяевъ, какъ ты!»

Тогда оберъ-бургграфъ, видя, что мирные переговоры ни къ чему не приведутъ, закричалъ дерзкому мятежнику, что онъ будетъ повѣшенъ за свою угрозу въ 24 часа, и возвратился въ Прагу.

Мятежники продолжали идти къ городу, но едва они приблизились къ Порицкимъ воротамъ, какъ изъ нихъ выступилъ полкъ драгунъ и во весь карьеръ помчался въ атаку на толпу, которая въ нѣсколько минутъ была смята и обращена въ бѣгство: 150 мятежниковъ, со всеми своими предводителями, были взяты въ плѣнъ и крестьянское возстаніе было на этотъ разъ окончательно подавлено. Графъ Ностицъ оказалъ мятежникамъ снисхожденіе, повѣсивъ всего четырехъ изъ главныхъ вожаковъ. Первый—тотъ, который нагрубилъ бургграфу на Либненскомъ мосту, былъ повѣшенъ на томъ самомъ мѣстѣ; второй, — на Пуяздерѣ, третій — передъ Вышеградскими воротами, а четвертый сынъ богатаго крестьянина изъ Ростокъ, собравшій тамъ банду и приведшій ее въ Либни, былъ казненъ передъ домою своего отца, въ Ростокѣ.

Большая часть разбитыхъ мятежниковъ бросилась въ безпорядкѣ бѣжать изъ Либновъ къ сѣверу и остановилась только въ Вельтрусѣ, гдѣ она принудила священника отслужить панихиду по ея павшимъ товарищамъ. Изъ Вельтруса мятежники направились, черезъ Молдаву, въ Мировичъ, гдѣ они имѣли еще безразсудство напасть на замокъ Мюльгайзенъ. На лѣвомъ берегу Молдавы, эта толпа встрѣтила еще нѣсколько крестьянскихъ бандъ, собравшихся въ Вельварнѣ и Раудницѣ, также съ цѣлью идти на Прагу; эти банды, еще ничего не знавшія о пораженіи крестьянъ подъ Прагой, были исполнены воинственнаго духа и уговорили бѣглецовъ присоединиться къ нимъ, для нападенія на Мюльгаузенъ, который имъ и удалось взять. Но вскорѣ изъ Шлана подошли войска,

которые вытѣснили крестьянъ изъ замка послѣ короткаго сопротивленія, и возстановили порядокъ во всемъ округѣ. Большинство вѣнскихъ въ замкѣ плѣнныхъ были отпущены по домамъ, съ приличнымъ наставленіемъ, предводители-же были отправлены, въ оковахъ, въ Прагу и сданы учрежденной тамъ слѣдственной комиссіи.

Большой части плѣнныхъ была дарована амнистія, наиболѣе-же кампрометированные были удержаны для очной ставки съ хлумецкими плѣнными. Всѣ они были подвергнуты тѣлеснымъ наказаніямъ, а тѣ изъ нихъ, кто, сверхъ мятежа, еще обвинялся въ грабежѣ и разбоѣ, были приговорены, кромѣ того, къ продолжительному тюремному заключенію. Къ смертной казнѣ былъ приговоренъ только одинъ Радонъ, — тотъ самый который похитилъ дароносицу въ Великомъ Барховцѣ. Онъ былъ судимъ за святотатство и повѣшенъ. Изъ главныхъ предводителей, самый долгій процессъ выдержали Матѣй Хвойка, гертинскій староста Нивльтъ, о которомъ было выше упомянуто, и еще нѣкто Досталь. Нивльтъ, которому удалось бѣжать при Хлумцѣ, былъ потомъ задержанъ въ своемъ домѣ и отправленъ въ Кѣниггрець а оттуда въ Прагу, гдѣ его приговорили къ двухъ-лѣтней каторжной работѣ. Досталь также бѣжалъ и скрывался нѣкоторое время въ лѣсахъ, но затѣмъ добровольно отдался въ руки правосудія и былъ заключенъ въ тюрьму.

Что касается до Хвойки, на котораго пала главная отвѣтственность въ возстаніи, то онъ, благодаря своему краснорѣчію и находчивости, поплатился только восьмилѣтнимъ заключеніемъ. Его долго водили изъ одного мѣста въ другое, собирая противъ него свидѣтелей и улики. Изъ Праги его повели въ Бытцевъ, гдѣ окружное начальство предъявило противъ него документъ, составленный имъ въ хлумецкой пивоварнѣ, на что бывший «крестьянскій царь, помазанный девятью маслами», отвѣтилъ, что онъ принялъ начальство надъ мятежниками лишь для того, чтобы удерживать ихъ по мѣрѣ возможности, отъ слишкомъ большаго буйства. Изъ Бытцева его повели въ Хлумецъ, гдѣ началась его полководческая дѣятельность; дорогой, какъ онъ самъ рассказываетъ, сбѣгавшійся народъ осыпалъ его насмѣшками, называя «крестьянскимъ царемъ», и проклиная за всѣ бѣдствія, обрушившіяся, благодаря ему, на страну. Изъ Хлумца, Хвойку вторично повели въ

Прагу, а впоследствии опять въ Битцевъ, въ Хлумецъ (гдѣ онъ вымылъ себѣ голову въ большомъ прудѣ, говоря, что вода есть образъ чистоты), въ Хрудимъ, Пардубицъ, Находъ; затѣмъ снова вернули въ Прагу, гдѣ, какъ мы уже сказали, онъ былъ, наконецъ, освобожденъ, послѣ восьмилѣтняго заключенія.

Такимъ образомъ кончились знаменитые крестьянскіе бунты въ Богеміи. Хотя и въ послѣдующіе мѣсяцы среди сельскаго населенія Богеміи еще обнаруживались симптомы неудовольствія, но они имѣли чисто мѣстный характеръ и были подавляемы въ самомъ зародышѣ. Такъ, напримѣръ, 31 іюля 1775 г., возстали фридландскіе крестьяне, но были тотчасъ-же снова приведены въ повиновеніе. Наконецъ, и послѣдніе слѣды движенія были подавлены, когда назначенная подъ предсѣдательствомъ графа Валлиса, ревизіонная коммиссія объѣхала всѣ волости и установила въ нихъ условія барщины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ оставались потомъ до самаго 1848 г. Послѣдовавшая вскорѣ послѣ того отмѣна крѣпостнаго права (указомъ Іосифа II, отъ 15 января 1782 г.), измѣнила отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и позволила, наконецъ, сельскому населенію вздохнуть свободнѣе. Чешскіе крестьяне перестали нуждаться въ помощи людей, въ родѣ Хвойки; положеніе дѣлъ, во многихъ отношеніяхъ, измѣнилось къ лучшему и, хотя и случались еще по временамъ возмущенія крестьянъ противъ баръ, но онѣ имѣли уже только частный характеръ и не сопровождались такими серьезными послѣдствіями, какъ прежнія.

Законъ отъ 7 сентября 1848 г. отмѣнилъ и послѣдніе слѣды зависимости крестьянъ, въ Богеміи, сдѣлавъ ихъ свободными и полноправными гражданами; и времена крестьянскихъ бунтовъ сдѣлались достояніемъ исторіи.

На Эльбергѣ.

Вобразся на-гору я рано
И тихо жду разсвѣта
Въ густые, черные туманы
Земля одѣта.
Ползуть, сгущаются... Напрасно!
Вы дня не побѣдите.
Лишь только утра ликъ прекрасный
На часъ затмите.
Лишь изъ-за васъ оно не встанеть
Въ сіяньи величавомъ,
А гнѣвно-бурое проглянетъ
Съ лицомъ кровавымъ...

Н. Минскій.

На Ревель, 1881 г.

Американки различных слоевъ.

(Личныя наблюденія русской).

XI.

Американки сдѣлали очень много для женской свободы, для завоеванія политическаго равноправія и умственнаго равенства съ мужчинами.

Женскія общества и ассоціаціи, домогающіяся равноправія, издають свои газеты, устраиваютъ митинги, посылаютъ свои делегаціи на разные мужскіе политическіе конвенты и стараются расположить въ свою пользу самыхъ вліятельныхъ политикановъ. Такъ, на примѣръ, передъ послѣдними президентскими выборами «ассоціація женскихъ правъ» послала делегаціи къ Гарфильду и къ Ханкоку, чтобы узнать, который изъ нихъ будетъ имъ содѣйствовать. Мистеръ Гарфильдъ объявилъ имъ, что онъ лично противъ женскаго равноправія и, слѣдовательно, онъ не будетъ имъ содѣйствовать. Генералъ Ханкокъ, напротивъ, принялъ ихъ очень любезно и объявилъ, что онъ смотритъ на женское движеніе, какъ на нормальное явленіе, и что онъ готовъ употребить свое вліяніе для улучшенія положенія женщинъ. Онъ даже заявилъ, что онъ считаетъ несправедливостью платить за женскій трудъ меньше, чѣмъ за мужской, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ женщины исполняютъ

работу одинаково хорошо. Получивши такой приятный отвѣтъ, женская ассоціація рѣшила употребить всѣ свои силы въ пользу Ханкока. Къ ихъ сожалѣнію, онъ не былъ выбранъ, и потому ихъ дѣло не можетъ двигаться быстро впередъ въ эти четыре года.

Но, за то, онъ успѣшнѣй добиваются своихъ правъ въ отдѣльныхъ штатахъ. Во многихъ штатахъ женщины имѣютъ право голоса по всѣмъ дѣламъ штата. Такъ, напримѣръ, въ 12 штатахъ женщины могутъ вотировать по школьнымъ вопросамъ и быть избираемы въ члены школьнаго комитета и даже директора; онѣ могутъ занимать мѣсто почтмейстера, секретаря въ присутственныхъ мѣстахъ и сборщика налоговъ. Въ 30 штатахъ женщина имѣетъ право владѣть и распоряжаться имуществомъ, которое она имѣла до замужества. Въ 21 штатѣ женщина можетъ распоряжаться собственностью, приобретенною ею послѣ замужества. Въ 9 штатахъ жена — единственная владѣтельница собственности, приобретенной ею послѣ замужества. Въ штатѣ Миссисиппи, жена можетъ вскидывать долги съ мужа, какъ бы съ чужаго человѣка. Въ 10 штатахъ жена и мужъ могутъ заключать между собою контракты.

Въ прошломъ году, во всѣхъ штатахъ, гдѣ женщины получили права, можно было встрѣтить вотирующихъ женщинъ. Во многихъ штатахъ это право дается только тѣмъ, кто имѣетъ собственность. Въ большинствѣ случаевъ, охотницъ вотировать было немного. Такъ, напримѣръ, изъ нѣсколькихъ сотъ женщинъ, живущихъ въ Вестъ-Брайтонѣ, въ штатѣ Нью-Йоркъ, только 11 явилось на выборы. Многія предпочитаютъ быть только зрителями этой новой и интересной для нихъ сцены. Несмотря даже на громадное число жителей большихъ городовъ, число вотирующихъ женщинъ рѣдко превышало сто.

Эти факты и личное знакомство съ массою американскихъ женщинъ убѣдили меня въ томъ, что законы о равноправіи выработались не потому, что масса требуетъ ихъ, но исключительно благодаря энергіи и развитію нѣсколькихъ передовыхъ

женщинъ и мужчинъ. Громадѣйшее большинство женщинъ относится не только равнодушно, но иногда даже враждебно къ завоеваннымъ для нихъ правамъ. Но равнодушіе женщинъ къ своему же собственному дѣлу часто жалуются защитницы равноправія въ своихъ рѣчахъ и журналахъ. Объ этомъ также говорятъ здѣшнія лучшія газеты. Мнѣ, лично, не разъ приходилось слышать, какъ мужа, вмѣстѣ съ своими женами, потѣшались надъ женскимъ равноправіемъ и надъ представительницами этихъ правъ, называя послѣднихъ дурами, которымъ было бы лучше сидѣть дома и нянчить дѣтей. Но не смотря на все это, американскія передовыя женщины могутъ смѣло повторять слова Галилея: «а все же она движется».

Здѣсь лучшія газеты говорятъ, что въ данное время, относительно женскаго равноправія американцы руководятся не прежними дѣтскими вопросами, какъ-то: имѣютъ ли мужчины право не давать женщинамъ равноправіе? или: способны ли женщины заниматься общественными дѣлами? Теперь вниманіе обращается исключительно на то, выиграетъ ли страна или нѣтъ, отъ удовлетворенія тѣхъ или другихъ требованій женщинъ.

Хотя женщины еще новички въ дѣлѣ выборовъ, тѣмъ не менѣе онѣ уже усвоили себѣ всѣ приемы, продѣлки и замашки мужчинъ-политикановъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, женщины-политиканы нанимали насчетъ своей партіи боляски и кареты, чтобы привести женщинъ на выборы. Онѣ произносили пламенные рѣчи, убѣждали, угрожали и даже давали взятки не только женщинамъ, но и мужчинамъ, лишь бы только получить больше голосовъ въ пользу своей партіи. Но несмотря на все это, онѣ часто были поражаемы мужчинами-кандидатами. Во всякомъ случаѣ, въ прошломъ году, многія женщины заняли общественныя должности.

Часто женщины вотируютъ въ комнатахъ, отдѣльных отъ мужчинъ. Если же онѣ вотируютъ въ одной комнатѣ съ мужчинами, то мужчины ведутъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ обык-

повенно. При входѣ женщины, они перестаютъ курить, говорятъ не громко и вообще ведутъ себя прилично. Большинство женщинъ приходятъ въ сопровожденіи мужа, отца, брата или матери; но нѣкоторыя рѣшаются придти однѣ.

На выборахъ сходятся женщины, занимающія совершенно различное положеніе въ обществѣ и часто совершенно противоположныхъ убѣжденій по всеѣмъ другимъ вопросамъ. Только здѣсь можно встрѣтить благочестивую квакершу рядомъ съ прогрессивной студенткой, лэди рядомъ съ женщиною, и жену капиталиста вмѣстѣ съ работницею. Только здѣсь онѣ забываютъ разность религій, неравенство капитала и другіе старые предразсудки, и дѣйствуютъ сообща во имя своихъ новыхъ убѣжденій и принциповъ.

Большинство представительницъ женскаго движенія занимаются исключительно вопросомъ о равноправіи передъ закономъ. Но нѣкоторыя занимаются также другими вопросами. Онѣ, напримѣръ, занимаются вопросами по воспитанію, тюремной реформой, реформой женскаго костюма и т. п.

Женщины, требующія измѣненія въ женскомъ костюмѣ, образовали общество. Члены этого общества не носятъ шлейфа, корсета, кринолина, высокихъ каблуковъ, фальшивыхъ волосъ, ювелирныхъ бездѣлушекъ и разныхъ отдѣлокъ на платьѣ, шляпѣ и проч. Онѣ издаютъ журналъ и читаютъ лекціи объ удобномъ, гигиеническомъ и изящномъ костюмѣ для женщинъ.

По вопросу о тюремной реформѣ, женщины высказываютъ очень здравыя мнѣнія. Недавно одна женщина заявила, что преступнику или преступницѣ необходимо дать возможность помогать своей работой въ тюрьмѣ своему семейству и семейству, которому онъ или она причинили вредъ; что преступники, послѣ освобожденія, должны получать снова всѣ гражданскія права и должны быть свободны отъ полицейскаго надзора. Мнѣнія этой женщины особенно понравились янки.

Нѣкоторыя защитницы женскаго равноправія доводятъ равенство до крайности. Онѣ одѣваются въ мужское платье, принимаютъ за непосильныя работы (въ кузницахъ, слесарняхъ

и т. д.), словомъ, дѣлають все, лишь бы только не отличаться отъ мужчинъ. Есть и такія, которыя заявляютъ, что хотя онѣ сами и не чувствуютъ никакого удовольствія въ серьгахъ и другихъ бездѣлушкахъ, тѣмъ не менѣе, онѣ будутъ ихъ носить до тѣхъ поръ, пока мужчины носятъ ювелирные украшения. Нѣкоторыя, боясь зависимости отъ мужа, отказываются отъ замужества.

Къ передовымъ жепцинамъ Америки можно причислить спиритуалистовъ. Какъ ни странно можетъ показаться, тѣмъ не менѣе, это фактъ, что, несмотря на ненаучную теорію спиритуализма, спиритуалистки во всѣхъ остальныхъ взглядахъ выше большинства здѣшнихъ передовыхъ женщинъ. Онѣ ярая защитницы женскаго равноправія; онѣ принимаютъ дѣятельное участіе въ рабочемъ движеніи; требуютъ превращенія всѣхъ церквей въ школы и открыто критикуютъ настоящее правленіе; онѣ посѣщаютъ всевозможные мужскіе митинги и часто выступаютъ на платформу. Многія изъ нихъ изучаютъ медицину.

Въ Америкѣ женщины, признающія «свободную любовь» претендуютъ на названіе передовыхъ женщинъ. Онѣ отрицаютъ семейную жизнь въ общепринятомъ смыслѣ и защищаютъ тотъ образъ жизни, который у насъ въ Россіи извѣстенъ подъ именемъ «натуральнаго брака». Самой яркой защитницей этой теоріи была Викторія Вудхолль. Конечно, эти ненормальные взгляды были необходимымъ результатомъ предыдущихъ условій и въ свое время принесли нѣкоторую пользу обществу; но теперь теорія свободной любви почти отжила здѣсь свой вѣкъ, особенно со времени облегченія развода. Недавно даже знаменитая онеидская коммуна распалась; всѣ члены формально обвѣнчались и живутъ въ единобрачій.

Женщинъ, стремящихся къ умственному равенству, здѣсь гораздо больше, чѣмъ защищающихъ равноправіе. Онѣ достигли того, что теперь женщина можетъ свободно изучать науку для практической цѣли; для нея даже открыты двери высшихъ мужскихъ философскихъ колледжей и университетовъ. Такъ,

напримѣръ, въ философской школѣ города Конкорда, въ штатѣ Массачузетъ. Большинство слушателей женщины. Профессора этой школы признають женщинъ за лучшихъ учениковъ. Тамъ читають восточную, мистическую и христіанскую философію, философію исторіи и критики, исторію философіи, космогонію, психологію и другія глубокія и трансцендентальныя философіи. Въ оберлинскомъ колледжѣ, въ штатѣ Охаіо, ежегодно учится до 500 женщинъ. Въ корвельскомъ университетѣ, въ штатѣ Нью-Йоркъ, многія женщины занимаются философіей, литературой, политической экономіей, естественными науками, математикой, филологіей, энтомологіей, агрокультурой и т. д. Въ мичиганскомъ университетѣ ежегодно учится около 200 женщинъ. Въ милвокскомъ колледжѣ, въ штатѣ Висконсинъ, вмѣстѣ съ студентами ежегодно учится около 400 женщинъ. Наконецъ женщины допущены даже въ лучшей американской университетъ—Харвардъ (Harvard), который американцы считаютъ равнымъ оксфордскому университету въ Англии. Въ Харвардскомъ университетѣ женщинъ экзаменуютъ, помимо другихъ предметовъ, изъ латинскаго (четыре книги войнъ Цезаря и Виргилій), изъ греческаго (анабазисъ Ксенофонта—четыре книги и грамматика), изъ древней исторіи и географіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ находятся болѣе 200 высшихъ учебныхъ заведеній спеціально для женщинъ. Въ нихъ ежегодно обучаются около 23,000 женщинъ. Самыя выдающіяся изъ нихъ: колледжъ Вассара въ Пуккенсѣ, въ штатѣ Нью-Йоркъ и колледжъ Веллеслея въ Бостонѣ.

Въ вассарскомъ колледжѣ около 350 студентовъ и 30 профессоровъ; изъ нихъ много женщинъ. Миссъ Мичель, профессоръ астрономіи, одна изъ выдающихся личностей этого колледжа. Тамъ проходятъ латинскій (Tacitus) и греческій языки; импералогію, зоологію, физиологію, астрономію, физику, высшую математику, древнюю и новѣйшую исторію и философію. Латинскій языкъ и одинъ новыи обязательны. Онѣ изучаютъ музыку, рисованіе, черченіе, скульптуру и архитектуру. Колледжъ занимаетъ 200 акровъ земли, имѣетъ садъ и озеро.

Для студентокъ устроено великолѣпное зданіе со всѣми удобствами. Комнаты отопляются паромъ и освѣщаются газомъ. Повсюду есть элеваторы. Въ колледжѣ есть музей, лабораторія и астрономическая обсерваторія съ телескопомъ въ 12½ дюймовъ. Плата за ученіе (исключая музыку, рисованіе и моделировку) вмѣстѣ со столомъ и квартирой 400 долларовъ въ годъ.

Въ веллелейскомъ колледжѣ всѣхъ профессоровъ 33 и всѣ женщины, кромѣ профессора музыки. Этотъ колледжъ находится въ 15 миляхъ отъ Бостона. Въ немъ около 300 студентокъ; съ нихъ берутъ за все только 250 долларовъ въ годъ. При колледжѣ есть великолѣпный садъ и озеро. Въ нижнемъ этажѣ зданія есть громадный фонтанъ, окруженный пальмами и другими тропическими растеніями. Высокіе граvitные колонны поддерживаютъ потолокъ; въ центрѣ зданія надъ фонтаномъ свободное пространство достигаетъ до стекляннаго купола крыши. Это зданіе пятиэтажное; всѣ комнаты открываются въ длинные корридоры. Лѣтомъ студентки учатся грестъ, а зимою кататься на конькахъ, у нихъ на лодкахъ флаги съ именами знаменитыхъ женщинъ, напримѣръ, Сафо. Профессора живутъ въ этомъ же зданіи. Каждая студентка получаетъ микроскопъ для изученія ботаники. Всѣ студентки обязаны исполнять легкія обязанности по хозяйству. Онѣ же по очереди запраляютъ элеваторомъ.

Во всѣхъ другихъ колледжахъ женщины проходятъ болѣе или менѣе одни и тѣ же предметы, только въ разномъ объемѣ. Почти во всѣхъ колледжахъ латинскій языкъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Многіе женскіе колледжи приглашаютъ на экзамены профессоровъ мужскихъ университетовъ. Во многихъ колледжахъ устроенъ гимнастическій залъ.

Во всѣхъ колледжахъ есть церковь или капелла, гдѣ происходитъ не сектантская служба. Хотя посѣщеніе церкви не обязательно для студентокъ, тѣмъ не менѣе атеизмъ сильно порицается.

Въ Соединенныхъ Штатахъ кромѣ высшихъ учебныхъ за-

веденій и публичныхъ школъ, считается болѣе 1,200 среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Большинство изъ нихъ пансіоны (boarding school) для дочерей богатыхъ родителей. Богатые люди предпочитаютъ пансіоны, потому что въ нихъ обращаютъ больше всего вниманія на манеры и тапцы. Только бостонскія богатія женщины желаютъ непременно быть учеными, поэтому многія изъ нихъ поступаютъ въ высшія учебныя заведенія. Вообще бостонскія женщины отличаются ученостью и простотой въ костюмѣ.

XII.

Едва-ли въ какой нибудь странѣ есть такъ много женскихъ обществъ, какъ въ Америкѣ. Всѣ эти общества, за малымъ исключеніемъ, благотворительныя. Самое богатое изъ нихъ, это — «христіанская ассоціація молодыхъ женщинъ». У каждаго общества этой ассоціаціи, въ каждомъ большомъ городѣ, есть наемный или собственный большой домъ. Напримеръ, въ Бостонѣ это общество имѣетъ собственный пятиэтажный домъ, который стоитъ 80,000 долларовъ. Въ этомъ домѣ помѣщаются 200 женщинъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ приличную и удобную комнату, съ паровымъ отопленіемъ и газовымъ освѣщеніемъ, хорошею столъ, ванную и общую библіотеку; тутъ же для нихъ стираютъ бѣлье. За все это онѣ платятъ отъ трехъ до пяти съ половиною долларовъ въ недѣлю, смотря по положенію комнаты. Онѣ обязаны только исполнять самыя легкія работы въ своихъ комнатахъ. Для всѣхъ остальныхъ работъ держутъ до 20 человекъ прислуги. Всякая женщина (даже не членъ) можетъ жить въ этомъ домѣ, если она доставитъ удовлетворительную рекомендацію. Хотя это общество протестантское, тѣмъ не менѣе оно принимаетъ и католичекъ. Всѣ женщины-протестантки, живущія въ домѣ,

обязаны посѣщать домашнюю церковь хотя разъ въ недѣлю. Католички не подчиняются этому правилу. Всѣ обитатели этого дома обязаны быть дома не позже 10 часовъ вечера. По вечерамъ у нихъ читаютъ лекціи или же устраиваютъ музыкальныя вечера. Жилцы могутъ принимать своихъ гостей только въ гостинной и по воскресеньямъ — только вечеромъ. Въ случаѣ болѣзни, бѣдныя женщины получаютъ даровую медицинскую помощь. Нужно сказать при этомъ, что содержаніе этихъ женщинъ не стоитъ обществу ни цента, потому что плата жилищъ оплачиваетъ все. Общество не беретъ только плату за домъ, и не получаетъ процентовъ на затраченный капиталъ.

Въ Бостонѣ это общество устроило контору для присканія занятій женщинамъ. При этой конторѣ находится домъ для временнаго пребыванія женщинъ, не имѣющихъ занятія. Въ 1879 г. въ этомъ домѣ перебивало болѣе 500 женщинъ.

Въ каждомъ большомъ городѣ, эта ассоціація устраиваетъ для своихъ членовъ даровыя лекціи, бібліотеку, гимнастику и ванны. Эта ассоціація занимается также полученіемъ задержанной платы работницъ.

Въ каждомъ большомъ городѣ есть много религіозныхъ обществъ, которыя устраиваютъ справочныя конторы и квартиры для женщинъ, не имѣющихъ работы. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ прачешную или швейную мастерскую, въ которой женщины могутъ временно зарабатывать на свое существованіе.

Въ Нью-Йоркѣ находится «союзъ рабочихъ женщинъ для самозащиты». Этотъ союзъ доставляетъ женщинамъ работу и вытребываетъ задержанную плату. Въ продолженіи трехъ лѣтъ союзъ вытребовалъ 25,000 долларовъ, принадлежащихъ рабочимъ женщинамъ, какъ плата за ихъ трудъ.

Многія религіозныя общества имѣютъ дѣтскіе приюты и воспитательныя дома. Эти общества получаютъ ежегодную субсидію отъ города или штата. Нѣкоторыя религіозныя общества занимаются миссіонерствомъ. Напримѣръ, въ Нью-Йоркѣ

члены женскаго епископальнаго миссіонерскаго общества усердно посѣщаютъ тюрьмы и убѣждаютъ преступниковъ покаяться и молиться; онѣ сами молятся съ ними по цѣлымъ часамъ. Онѣ приносятъ убійцамъ, присужденнымъ къ повѣшанію, цвѣты и религіозныя книги и украшаютъ цвѣтами гробы казненныхъ. Недавно пресвитеріанское миссіонерское общество послало въ Африку женщину-миссіонера, мать съ четырьмя дѣтьми. Въ Нью-Йоркѣ уже шесть лѣтъ существуетъ миссіонерское общество черныхъ женщинъ.

Многія церкви (исключая самыхъ богатыхъ) образуютъ свои благотворительныя общества и даютъ бѣднымъ членамъ дрова и каменный уголь, платье, медицинскую помощь и даже деньги за квартиру. Не рѣдко женщины-члены по очереди просиживаютъ ночи у постели больныхъ; онѣ посылаютъ имъ также пищу. Эти общества устраиваютъ базары въ пользу бѣдныхъ своей церкви и иногда выручаютъ этимъ нѣсколько тысячъ долларовъ.

Церковныя базары въ Америкѣ особенно въ ходу. Чаще всего ихъ устраиваютъ для уплаты церковнаго долга и вообще въ пользу церкви. Обыкновенно всѣ прихожане церкви содѣйствуютъ этому дѣлу. Мужчины жертвуютъ вещи, которыя розыгрываются въ лотерею или продаются по дорогой цѣнѣ; женщины разставляютъ вещи на мѣста и украшаютъ церковь; обыкновенно самыя красивыя женщины выбираются въ продавщицы вещей. Если же свои члены не достаточно привлекательны, то приглашаютъ актрисъ. Напримѣръ, недавно въ Нью-Йоркѣ на базаръ церкви св. Франциска была приглашена знаменитая пѣвица Герстеръ для продажи цвѣтовъ, она повела дѣло такъ хорошо, что букеты, стоящіе въ магазинѣ долларъ или два, были проданы ею по десяти долларовъ. Часто покупатели дарятъ купленныя вещи продавщицамъ; поэтому эти барыни обыкновенно усердно навязываютъ вещь, которая имъ особенно нравится. На этихъ базарахъ происходитъ скорѣе вымогательство денегъ, чѣмъ распродажа вещей. Базаръ устраивается обыкновенно въ нижнемъ этажѣ церкви.

Въ извѣстные часы тамъ играетъ хорошій оркестръ. Стѣны разукрашены флагами и зеленью, а посреди комнаты стоятъ красиво убранные, громадныя столы съ вещами. Иногда къ базару присоединяютъ даже театръ, а также буфетъ!

Такіе базары устраиваютъ здѣсь также болѣе бѣдные госпитали. Недавно на базарѣ въ пользу гомеопатическаго госпиталя одна женщина привлекла громадную толпу своимъ искусствомъ дѣлать изъ масла голову «мечтающей Эолонты».

Американскія благотворительныя лэди охотно устраиваютъ концерты и балы въ пользу бѣдныхъ своего города или въ пользу голодающихъ чужихъ странъ. Теперь особенно часто усаиваются балы въ пользу прландцевъ.

Многія женщины состоятъ членами общества для предупрежденія преступленій, а также общества для покровительства дѣтямъ, животнымъ и пр. Онѣ состоятъ членами общества, имѣющаго право слѣдить за благоустройствомъ общественныхъ больницъ и богадѣленъ. Здѣсь есть женскія общества, устроенныя спеціально для раздачи цвѣтовъ (Flower mission) бѣднымъ и больнымъ.

Въ Нью-Йоркѣ находится около 300 благотворительныхъ заведеній; они тратятъ ежегодно до пяти милліоновъ долларовъ. Городъ Нью-Йоркъ выдаетъ ежегодно два съ половиной милліона для благотворительныхъ цѣлей. При этомъ нужно замѣтить, что, по словамъ самихъ же американцевъ, 80 процентовъ идетъ въ карманы благотворителей и только 20 процентовъ перепадаетъ дѣйствительно нуждающимся. Здѣшнія благотворительныя учрежденія содержатъ женщинъ, обязанность которыхъ состоитъ въ выпрашиваніи пожертвованій отъ богатыхъ торговыхъ фирмъ. При богатыхъ учрежденіяхъ ихъ находится до полдюжины съ жалованіемъ отъ 500 до 700 долларовъ въ годъ. Эти женщины одѣваются прилично и ведутъ себя какъ лэди; кромѣ того онѣ обязаны выставятъ себя членами-благотворителями, а не работающими по найму.

Здѣсь есть еще другаго рода общества. Напримѣръ, въ Бостонѣ есть «образовательный и индустріальный союзъ жен-

щинъ». Президентомъ и вице-президентомъ этого союза состоятъ женщины-доктора. Этотъ союзъ записывается всѣмъ, что только служитъ къ улучшенію положенія женщины: онъ имѣетъ всевозможныхъ агентовъ и различные комитеты. Этому союзу принадлежитъ громаднй домъ, въ которомъ живутъ нѣсколько сотъ женщинъ. Члены этого союза устраиваютъ регулярно даровыя лекціи по физиологіи, гигиенѣ и другимъ предметамъ. Онѣ доставляютъ всякую работу, исключая мѣстъ домашней прислуги; вытребываютъ задерживаемое жалованье женщинъ; бесплатно лечуть больныхъ женщинъ и доставляютъ имъ разныя удобства. Въ домѣ союза есть складъ издѣлій женщинъ для продажи. Члены союза принимаютъ заказы на приготовленіе хлѣба и пирожныхъ и передаютъ ихъ различнымъ женщинамъ.

Въ Бостонѣ есть общество, называемое «клубъ новоанглійскихъ женщинъ». Этотъ клубъ раздѣленъ на шесть отдѣловъ и имѣетъ шесть комитетовъ: искусства и литературы, труда, образованія, занятій, краснорѣчія, печати. Мужчины могутъ посѣщать лекціи и быть почетными членами этого клуба. Цѣль клуба та же, что женскаго союза.

Самое интересное женское общество въ Бостонѣ это — «общество самообразованія». Члены этого общества соглашаются, отъ перваго октября до перваго іюня, регулярно посвящать извѣстныя часы дня на науку. Каждый членъ имѣетъ право обращаться за справками въ комитетъ, который занимается составленіемъ программы ученія и изданіемъ печатныхъ циркуляровъ. Члены могутъ посылать въ комитетъ письменныя изясненія по разнымъ предметамъ для экзамена; эти изясненія могутъ быть на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Такое же общество существуетъ въ Милвоки въ шт. Висконсинъ, съ тою только разницей, что у нихъ читаются лекціи по разнымъ предметамъ и мужчины принимаются въ члены.

Въ Нью-Йоркѣ есть «женское общество социальныхъ наукъ».

Недавно на одномъ собраніи всѣхъ членовъ одна женщина откровенно заявила, что до сихъ поръ онѣ занимались одними разговорами и что пора имъ приняться за какое-нибудь дѣло. Такимъ образомъ онѣ рѣшили образовать «ассоціацію женскихъ кооперативныхъ кухонь». Въ чемъ будетъ проявляться дѣятельность членовъ этой кооперативной ассоціаціи — пока неизвѣстно. Къ чести этого общества нужно сказать, что оно не содѣйствовало другимъ женскимъ обществамъ забрасывать грязью знаменитую артистку, Сару Бернхардъ, когда та появилась въ Америкѣ. Члены этого общества открыто заявили, что ихъ дѣло разбирать ее, какъ артистку, а не какъ женщину. Одна изъ нихъ воскликнула при этомъ: «ради Бога, не помогайте мужчинамъ забрасывать насъ, женщинъ, грязью».

Въ Нью-Йоркѣ есть еще другія женскія общества, которыя много говорятъ и мало дѣлаютъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ «Сорозисъ». Члены этого общества богатыя женщины; онѣ правильно собираются въ самомъ богатомъ отелѣ (Делмонпко) и проводятъ время очень пріятно. А между тѣмъ, по ихъ программѣ, онѣ обязаны помогать нуждающимся женщинамъ въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніи.

Вообще нужно сказать, что только немногія богатыя женщины дѣлаются членами разныхъ женскихъ обществъ. Но между ними есть много такихъ, которыя щедро жертвуютъ на различныя благотворительныя дѣла. Напримѣръ, въ Нью-Йоркѣ, одна богатая женщина, г-жа Томсонъ, потратила въ продолженіе 15-ти лѣтъ 600,000 долларовъ. Она открыла бесплатный женскій медицинскій колледжъ; основала кооперативную колонію въ Канзасѣ, куда она посылала бѣдныхъ семейства на свой счетъ; издавала книги либеральнаго содержанія; открыла двери своей гостиной для правильныхъ собраній первыхъ позитивистовъ въ Америкѣ; давала деньги изобрѣтателямъ разныхъ полезныхъ открытій и подарила конгрессу картину Карпентера (провозглашеніе освобожденія негровъ), которая стоитъ 15,000 долларовъ. Но такихъ либераль-

ныхъ барынь не много. Многія завѣщаютъ свое состояніе женскимъ монастырямъ или пріютамъ; или же какой нибудь церкви. Недавно одна женщина оставила свое громадное состояніе (около полумилліона) первому и единственному въ Америкѣ кардиналу Макклоскому.

Въ Фребелевскомъ, а также въ другихъ воспитательныхъ обществахъ большинство членовъ женщины.

Въ обществѣ сожиганія покойниковъ есть много членовъ-женщинъ; изъ восьми сожженныхъ три были женщины.

Въ послѣднее время, въ Америкѣ, образовалось много обществъ для развитія физической силы; много женщинъ приняло участіе въ нихъ. На примѣръ, въ ассоціаціи стрѣлковъ изъ лука «въ шт. Нью-Джерсей», находится около 200 членовъ женщинъ; въ «обществѣ атлетовъ» того же штата считается болѣе ста женщинъ. Во всѣхъ обществахъ гребцовъ, пловцовъ и стрѣльцовъ женщины-члены не уступаютъ мужчинамъ въ упражненіяхъ. Недавно въ Бруклинѣ, въ обществѣ стрѣльцовъ, жена доктора Рутъ, попадала изъ пистолета и винтовки въ картонку полтора дюйма величины, которую ея мужъ держалъ зубами; она попадала въ стеклянные шарикъ полтора дюйма въ діаметръ на разстояніи 20—ярдовъ; ея мужъ держалъ эти шарикъ между пальцами; на такомъ же разстояніи она попадала въ шарикъ, подвѣшенные и качающіеся на ниткѣ. Мужъ очень гордится тѣмъ, что его жена можетъ побѣдить любого мужчину-стрѣльца.

Защитники гимнастическихъ обществъ приписываютъ всякій героическій подвигъ, совершенный женщиной, физическимъ упражненіямъ. А такіе подвиги здѣсь часто случаются. Недавно, по одной многолюдной улицѣ Нью-Йорка, одинъ человекъ, съ револьверомъ въ рукѣ, бѣжалъ за другимъ, съ цѣлью убить его. Онъ уже два раза выстрѣлилъ и никто не осмѣливался схватить его; но напѣлась одна смѣлая дѣвушка, которая подошла и выхватила у него револьверъ. Другая дѣвушка сражалась съ воровъ, забравшимся въ домъ; ей удалось вытолкнуть его изъ открытаго окна второго этажа. Недавно у

одной молодой дѣвушки воръ выхватилъ изъ рукъ порть-монез; она побѣжала за нимъ, догнала его и сражалась съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не бросилъ ей кошелекъ. Иногда американки выказываютъ не только храбрость, но необыкновенную изобрѣтательность, даже въ минуты опасности. Недавно одна женщина вызвала удивленіе всѣхъ янки. На одной дорогѣ два поѣзда шли на встрѣчу одинъ другому и неизбежно должны были столкнуться. Всѣ пассажиры потеряли присутствіе духа. Но одна женщина вырвала изъ рукъ растерявшагося кондуктора простой фонарь, обернула его въ свою красную фланелевую юбку и выставила его изъ окна; этотъ знакъ опасности былъ замѣченъ кондукторомъ другаго поѣзда и такимъ образомъ несчастіе было предупреждено.

ХІІІ.

Въ то время какъ однѣ американки доказываютъ свое равенство съ мужчинами въ наукѣ, искусствахъ, политикѣ и ремеслахъ, другія, не подозрѣвая этого, работаютъ для этой же цѣли совсѣмъ другимъ путемъ. Последнія энергично разрушаютъ ложное, хотя и возвышенное, понятіе о женщинахъ, которое до сихъ поръ еще существуетъ въ современномъ обществѣ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ рыцарскія времена. Онѣ ежедневно доказываютъ своими дѣйствіями, что если не воспитывать въ женщинѣ мягкость характера, чело-вѣколюбіе и всѣ тѣ высокія качества, которыя приписываютъ вообще женской натурѣ, то женщина можетъ быть также безсердечна, какъ мужчина; такъ же не будетъ имѣть понятія ни о чемъ возвышенномъ и святомъ; такъ же будетъ пренебрегать всѣми общественными приличіями и мнѣніемъ, и такъ же безстрашно совершать самое ужасное преступленіе, какъ самый закорепѣлый преступникъ-мужчина. Такъ какъ жен-

щины послѣдняго рода слишкомъ часто встрѣчаются въ американскомъ обществѣ, то даже самые отсталые американцы не могутъ не согласиться съ тѣмъ, что если женщина способна быть такимъ же отчаяннымъ воромъ или убійцей, какъ мужчина, то отчего же она не можетъ быть хорошимъ конгрессменомъ или сенаторомъ? (тѣмъ болѣе, что американцамъ хорошо извѣстно, какія свойства требуются для того, чтобы попасть въ конгрессъ).

Въ американскихъ газетахъ ежедневно описываются случаи воровства или убійства, въ которыхъ женщина не только принимаетъ активное участіе, но часто (даже слишкомъ часто) совершаетъ оба все дѣло.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся случаевъ убійства былъ описанъ въ американскихъ газетахъ въ 1880 г.; это убійство одиннадцати человѣкъ въ Канзасѣ. Этотъ случай янки называли «преступленіемъ нашего вѣка». Главную роль въ этихъ убійствахъ играла мать семейства, миссисъ Бендеръ, и ея дочь Катерина. Сосѣди, еще не зная о страшныхъ преступленіяхъ, называли мать «дьяволихой». Ея мужъ и взрослый сынъ были только помощниками. Разница между мужемъ и женою рѣзко выразилась въ первый моментъ послѣ ихъ ареста. Когда мужу объявили, что всѣ его преступленія открыты, то онъ заплакалъ; но когда женѣ объявили объ этомъ, то она захохотала, говоря: «не думайте, что я не сумѣю вывернуться изъ этого дѣла». Мужъ все время повторялъ, что онъ готовъ умереть, но только желаетъ быть погребенъ съ женою; она же старалась выгородить себя тѣмъ, что сваливала всю вину на мужа. Ея дочь, 22 лѣтняя дѣвушка, совершенно хладнокровно рассказывала о ссбѣ, какъ она, не имѣя времени убить двухъ дѣвочекъ, которыя были свидѣтельницами одного убійства, саморучно положила ихъ живыми въ могилу, которую ея братъ закопалъ. У нихъ въ саду нашли одиннадцать убитыхъ. Въ ихъ домѣ было всего двѣ комнаты; въ одной изъ нихъ была вырыта глубокая яма, покрытая досками; надъ этой ямой стоялъ столъ, за который онѣ обыкновенно сажали посѣтите-

лей, пмѣющихъ деньги. Затѣмъ гостя спускали въ яму, гдѣ ему разбивали голову или разрѣзали горло, а ночью тѣло закапывали въ саду. При этомъ жена и дочь не только распоряжались, какъ и когда спустить гостя, но онѣ всегда первая паносили удары и затѣмъ шарпили карманы. Главной обязанностью мужчинъ было—закапывать убитыхъ. Это семейство поймано и навѣрно всѣ четверо будутъ повѣшены. Между прочимъ, было доказано, что дочь заманивала въ домъ мужчинъ, пмѣвшихъ деньги.

Вотъ еще выдающійся случай. Въ шт. Нью-Джерсей жена убила мужа затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ него и получить ферму. Ее повѣсили на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ восемь лѣтъ тому назадъ была повѣшена женщина, тоже за убійство.

Въ началѣ февраля этого года, въ шт. Пенсильванія была повѣшена женщина за убійство своего мужа. Эта несчастная еще до замужества любила одного молодаго человека. Но ея родители заставили ее выдти за старика. И вотъ она, проживши съ нимъ 6 лѣтъ, рѣшилась отдѣлаться отъ него. Она оставила послѣ себя трехъ дѣтей.

Въ декабрѣ прошлаго года въ городѣ Нью-Йоркѣ, было два убійства, совершенныхъ женщинами. Одна изъ убійць была 17-ти лѣтняя дѣвушка, она убила свою хозяйку топоромъ, говорятъ,—за плохое обращеніе. Еще двѣ женщины убили одну женщину изъ-за ста дол.; онѣ были жены двухъ повѣшенныхъ убійць.

Американцы уже вполне убѣдились, что женщины способны на страшное преступленіе паравнѣ съ мужчинами, и потому въ нѣкоторыхъ штатахъ ихъ наказываютъ одинаково съ мужчинами—висѣлицей.

Женщины часто совершаютъ поджоги для разныхъ цѣлей, но чаще всего за тѣмъ, чтобы получить деньги за застрахованное имущество. Недавно 18-ти лѣтняя дѣвушка подожгла пріютъ, въ которомъ жила, чтобы убѣжать во время суматохи.

Въ Америкѣ громадное число женщинъ занимаются специально воровствомъ. Онѣ подбираютъ ключи и ломаютъ замки такъ же искусно, какъ и мужчины. На дняхъ въ шт. Виргинія за воровство со взломомъ присудили на каторжные работы—одну женщину на семь лѣтъ, а другую на девять. Не рѣдко даже 14 лѣтнія дѣвушки обвиняются въ воровствѣ со взломомъ. Иногда этимъ занимаются дочери состоятельныхъ родителей, которые, въ большинствѣ случаевъ, не подозрѣваютъ ремесла своей дочери; они паввно вѣрятъ, что, напримѣръ, какая нибудь подруга подарила ихъ дочери шелковую матерію въ 50 дол. или золотыя часы въ 100 дол. Но черезъ нѣкоторое время они со страхомъ узнаютъ, что ихъ дочь арестована и присуждена на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму. Не рѣдко бывають случаи, что въ закладныхъ или въ частномъ домѣ, находятъ вещей на нѣсколько сотъ и даже тысячъ долларовъ, украденныхъ молодыми дѣвушками. На дняхъ въ Нью-Йоркѣ поймали 18-ти лѣтнюю дѣвушку—воровку, которая уже три раза была въ тюрьмѣ. На этотъ разъ она украза вещей на 700 дол. при помощи фальшивыхъ ключей. Ее присудили въ тюрьму на два съ половиной года. Иныя женщины даже рѣшаются обирать женщинъ—пѣшеходовъ. Здѣсь есть женщины, которыя занимаются специально обученіемъ воровству молодыхъ дѣвушекъ и даже дѣвочекъ.

Воровство въ лавкахъ здѣсь особенно сильно распространено. Иногда этимъ занимаются состоятельныя женщины. Сначала ихъ оправдывали подъ предлогомъ «клептоманіи», теперь же и это не помогаетъ. Эти барыни прячутъ вещи въ рукавъ, подъ пальто или сакъ-войлажъ такъ искусно, что только самый ловкій сыщикъ можетъ замѣтить это. Эти воровки даже шьютъ себѣ особенныя платья и пальто съ огромными потайными карманами. Поэтому всѣ большія лавки и магазины держуть сыщиковъ—мужчинъ и женщинъ для постоянного наблюденія за покупателями.

Въ послѣднее время здѣсь появилось много женщинъ—мошенницъ новаго свойства. Онѣ одѣваются въ дорогое гра-

урное платье, берутъ листъ бумаги и записываютъ собственно-ручно пожертвованія нѣсколькихъ болѣе извѣстныхъ лицъ; затѣмъ онѣ идутъ въ богатые дома и просятъ пожертвовать на какуюнибудь благотворительную цѣль; обыкновенно онѣ дѣйствуютъ отъ имени какогонибудь несуществующаго общества и прикладываютъ печать этого общества. Такъ какъ этимъ дѣломъ всегда занимаются ловкія, приличной наружности и богатоодѣтыя американки, то онѣ пока сильно успѣваютъ; своимъ краснорѣчіемъ онѣ иногда растрогиваютъ до слезъ благотворительныхъ лэди.

Здѣсь многія красивыя женщины, съ пзящными манерами, дѣлаютъ себѣ состояніе слѣдующимъ путемъ: онѣ роскошно одѣваются, посѣщаютъ богатые отели и другія общественныя мѣста; тамъ онѣ добиваются того, чтобы какойнибудь богатый, но семейный мужчина сталъ ухаживать за ними. Черезъ нѣкоторое время такая барыня объявляетъ своему кавалеру, что ея мужъ или братъ узналъ объ ихъ связи и намѣренъ судомъ преслѣдовать соблазнителя. Почтенный отецъ семейства, конечно, всегда предпочитаетъ пойти на сдѣлку; онъ готовъ отдать нѣсколько тысячъ дол., лишь бы сохранить честное имя. При этомъ часто выступаетъ на сцену какойнибудь мужчина, выдающій себя за мужа или брата ловкой барыни, хотя, въ дѣйствительности, это только помощникъ въ ея дѣлѣ. Такія барыни даже рѣшаются иногда безпокоить жену соблазнителя, лишь бы получить деньги.

Въ Америкѣ сильно въ ходу произведеніе выкидыша, поэтому многія женщины занимаются этимъ опаснымъ ремесломъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ ловко ведутъ свое дѣло, что приобрѣтаютъ каменные дома на лучшихъ улицахъ. Въ 1876 году въ Нью-Йоркѣ умерла женщина, о которой даже профессора въ лучшихъ медицинскихъ колледжахъ говорили, что она построила свой пяти-этажный домъ на костяхъ неродившихся младенцевъ. О ней зналъ весь Нью-Йоркъ въ продолженіи 30 лѣтъ ея практики, а между тѣмъ ее вздумали побезпокоить только подъ старость. Нѣкоторыя производятъ выкидышъ такъ

пенскуспо, что роженица опасно заболѣваетъ или даже умираетъ; поэтому эти женщины часто попадаютъ. Ихъ присуждаютъ въ тюрьму отъ 10 до 20 лѣтъ. Но даже такое суровое наказаніе не уменьшаетъ ихъ числа: американское, особенно богатое, общество, не терпящее дѣтей, нуждается въ нихъ, платитъ очень дорого за рискъ и даже защищаетъ ихъ противъ полиціи.

Въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, есть спеціальныя тюрьмы для женщины. Онѣ всегда полны всевозможными преступницами, начиная съ женщины, укравшей, по бѣдности, сапоги въ одянь дол., и кончая женщиной, утопавшей въ роскоши и возвращавшейся въ богатомъ обществѣ. Американцы, которые обыкновенно заявляютъ, что у нихъ нѣтъ своихъ пьяницъ, а все это—эмигранты, не могутъ отрицать, что у нихъ нѣтъ своихъ воровокъ и другихъ преступницъ, потому, что большинство важныхъ преступницъ—американки.

XIV.

Теперь посмотримъ на нѣкоторыя выдающіяся черты, характеризующія американокъ даннаго времени.

Патріотическіе янки съ грустію говорятъ, что ихъ страна съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряетъ свой демократическій характеръ, и что европейскіе обычаи и понятія все болѣе и болѣе распространяются между ними. Многочисленные факты вполне подтверждаютъ мнѣніе этихъ янки—патріотовъ.

Съ каждымъ годомъ увеличивается число американокъ, уѣзжающихъ въ Европу. Большинство изъ нихъ ѣдутъ затѣмъ, чтобы лично познакомиться со всѣмъ блескомъ и роскошью европейскыхъ аристократовъ. Многія отправляются за океанъ, имѣя въ виду найти себѣ жениха—аристократа. Многія изъ

американокъ—туристокъ, отъѣдавши Европы, не желаютъ возвращаться въ свою демократическую родину. А тѣ, которыя возвращаются, стараются ввести въ Америкѣ все à la Europe. Онѣ одѣваютъ своихъ лабсевъ и кучеровъ въ ливреп, замѣченныя у какихъ нибудь европейскихъ графовъ и герцоговъ; на коляскахъ какихъ нибудь Смитъ и Браунъ появляются гербы, смыслъ которыхъ для этихъ лэди, конечно, очень теменъ. Онѣ заводятъ французовъ поваровъ и не позволяютъ прислугѣ носить шляпки. Онѣ относятся съ особеннымъ почтениемъ и довѣріемъ къ людямъ съ высокимъ титуломъ и стараются непременно породниться съ барономъ, графомъ или маркизомъ. Вотъ что говоритъ одна изъ лучшихъ американскихъ газетъ по поводу довѣрія янки къ титулованнымъ европейцамъ: «Въ послѣднее время особенно часто разбираются въ судахъ дѣла, въ которыхъ обвиненнымъ является лицо, претендующее быть европейскимъ аристократомъ. Эти аристократы получаютъ въ долгъ отъ богатыхъ американцевъ громадныя суммы, которыхъ, конечно, они не возвращаютъ. Хотя мы и требуемъ наказанія этихъ преступниковъ, тѣмъ не менѣе мы ни чуть не симпатизируемъ пострадавшимъ: если они потеряли свой демократическій духъ на столько, что могутъ увлекаться титуломъ, то они перестаютъ быть вѣрными гражданами этой великой демократической страны. Мы только удивляемся, какъ имъ не стыдно опубликовывать свои слабости».

Число американокъ, выходящихъ замужъ за европейскихъ аристократовъ, увеличивается съ каждымъ годомъ. Одна изъ лондонскихъ газетъ заявляетъ, что въ англійскомъ высшемъ обществѣ, въ короткое время, появилось пять американокъ. Три лорда, одинъ виконтъ и недавно одинъ маркизъ (Англесей) женились на американкахъ. Кромѣ того, сынъ и наследникъ графа Кинноулъ женится на дочери нью-іорьскаго милліонера Вандербильтъ. Сэръ Гескетъ, изъ древняго ланкаширскаго семейства, недавно женился на дочери милліонера въ Санъ-Франциско.

Часто американки увлекаются титуломъ до того, что со-

першенно игнорируютъ личныя качества жениха и иногда выходятъ замужъ за промотавшихся и прокутившихся аристократовъ, отдавая все свое богатство за звонкое имя. Бывали случаи, что послѣ свадьбы онѣ, въ своему ужасу, узнавали, что ихъ надули, и что онѣ остались тѣми же простыми демократами, какими онѣ были до свадьбы. Эта слабость разви-лась до маніи.

Демократическія газеты говорятъ, что если судить по громадному числу баретъ съ гербами и лакеевъ въ ливреяхъ, то Вашингтонъ, Нью-Йоркъ, Санъ-Франциско и нѣкоторые другіе города пужно считать скорѣе европейскими, чѣмъ американскими городами; многіе дома въ этихъ городахъ очень походятъ на дворцы.

Здѣшнія газеты осуждаютъ богатыхъ американцевъ также за то, что, въ угожденіе своимъ лэди, они строятъ дома изъ привознаго матерьяла и даже выписываютъ изъ Европы артистовъ и рабочихъ специально для постройки своихъ домовъ. Теперь богатые янки даже посылаютъ своихъ дочерей въ европейскіе пансіоны. До какой степени американскія богатыя женщины оевропеились, можно судить по слѣдующему факту. Недавно «филантропическое общество» въ Бруклинѣ исключило изъ своей среды двухъ членовъ, очень образованныхъ дѣвушекъ, на томъ основаніи, что онѣ занимали мѣсто домашней прислуги. А этотъ случай не исключительный.

Спросъ на богатыхъ жениховъ здѣсь съ каждымъ годомъ все увеличивается и браки между 50 лѣтнимъ старикомъ и 18 лѣтней дѣвушкой становятся все чаще. Американская лэди даннаго времени не соглашается выдти замужъ за человѣка, не имѣющаго капитала или вѣрнаго положенія въ обществѣ.

Въ послѣднее время американки всѣхъ слоевъ стали особенно энергично выражать свое недовольство существующими брачными законами. Во всѣхъ штатахъ, гдѣ очень трудно получить разводъ, побѣги замужнихъ женщинъ особенно часты. Нерѣдко жены оставляютъ большое семейство и уходятъ съ отцами трехъ-четырехъ дѣтей. Такіе случаи описываются почти

сжедневно въ здѣшнихъ газетахъ. Многія изъ бѣглянокъ возвращаются, потому что новыи сожителъ оказывается не лучше стараго, или потому, что законный мужъ отыщетъ мать своихъ дѣтей и уговоритъ ее возвратиться; при этомъ случается также, что запугиваніе судомъ пускается въ ходъ.

При возвращеніи бѣглянокъ перѣдко происходятъ очень потѣшныя сцены. Напримѣръ, недавно, мать четырехъ дѣтей возвратилась и бросилась на шею мужу, заявляя со слезами: «я больше никогда не сдѣлаю этого». На это мужъ хладнокровно отвѣчалъ: «Я тебѣ прощаю и готовъ опять съ тобою жить». Перѣдко, впрочемъ, мужъ преслѣдуетъ закономъ соперника, соблазнившаго его жену. Въ маленькихъ городахъ добродѣтельныя жены иногда берутся проучить бѣглянокъ. Онѣ собственноручно захватываютъ провинившуюся, снимаютъ съ нея платье, обмазываютъ ее дегтемъ, обсыпаютъ пухомъ и перьями и затѣмъ отпускаютъ ее. Конечно, такое наказаніе отравляетъ всю будущую жизнь этой женщины. Побѣги женъ происходятъ во всѣхъ слояхъ; но особенно часто тамъ, гдѣ жена не пользуется полной свободой.

Побѣги молодыхъ дѣвушекъ часто случаются, если родители не одобряютъ выбора дочери. Аристократическихъ маманекъ особенно перепугала странная эпидемія, недавно появившаяся между ихъ дочерьми, это—убѣгать съ своимъ кучеромъ, лакеемъ и даже съ чернымъ. Для примѣра укажу на самые выдающіеся случаи. Дочь губернатора шт. Нью-Хейвенъ убѣжала съ кучеромъ своего отца. На дняхъ дочь перваго богача одного небольшого города тайно обвѣнчалась съ своимъ кучеромъ. Дочь банкира не только убѣжала съ негромъ-лакеемъ, но даже поселилась съ его родными и, несмотря на всѣ просьбы родителей, не согласилась бросить своего Отелло. Во всѣхъ такихъ случаяхъ родители стараются засудить жениха, обвиняя его въ соблазнѣ. Они умаливаютъ дочь согласиться съ тѣмъ, что она была уговорена или заставлена силою бросить родителей. Если же и это не помогаетъ, то они обвиняютъ соблазнителя въ кражѣ вещей, что легко сдѣлать, потому что

дочь обыкновенно беретъ съ собою свои вещи и нѣкоторую сумму денегъ. Вообще родители употребляютъ всевозможныя средства, чтобы разрушить мезальянсъ. Если отецъ вліятельное лицо, то молодой мужъ обыкновенно проводитъ первые мѣсяцы брачной жизни въ тюрьмѣ, а, выйдя на свободу, узнаетъ, что его молодая и богатая жена получила отъ него разводъ и иногда даже уже обвѣнчалась съ другимъ.

Въ штатахъ, гдѣ легко получить разводъ, число разводовъ сильно увеличивается. Напримѣръ, въ штатѣ Массачузетс въ 1860 г. былъ одинъ разводъ на 51 бракъ, а въ 1879 г. одинъ разводъ на 21 бракъ. Въ штатѣ Коннектикутъ въ 1860 г. одинъ разводъ былъ на 14 браковъ, а въ 1879 г. 1 на 10. Въ штатѣ Вермонтъ въ 1860 г. одинъ разводъ былъ на 23 брака, а въ 1878 г. 1 на 14.

Эти числа сильно пугаютъ благочестивыхъ янки и заставляютъ ихъ задумываться. Нѣкоторые изъ нихъ видятъ все зло въ законѣ о разводѣ и потому встаютъ противъ него; другіе же клеймятъ бордингъ-хаузы, считая ихъ рассадниками безнравственности. Но болѣе здравые янки защищаютъ разводы и не имѣютъ ничего противъ того, чтобы семейные люди жили въ бордингъ-хаузѣ. Имъ слишкомъ хорошо извѣстно, что жены, живущія въ собственныхъ домахъ, не отличаются особенной чистотой нравственности. Разница лишь въ томъ, что жизнь женщины, живущей въ бордингъ-хаузѣ, болѣе открыта и что мужъ, имѣя соперника часто въ этомъ же домѣ, слѣдитъ за женою больше и не даетъ ей такой свободы, какою пользуется женщина, живущая своимъ хозяйствомъ. Последнія обыкновенно пользуются полной свободой. Благодаря этой свободѣ, побѣги и разводы между ними очень рѣдки. Но бурныя семейныя сцены конечно и тутъ случаются часто. Послѣ знаменитаго скандала въ 1875 г., когда самый краснорѣчивый проповѣдникъ въ Америкѣ, Бичеръ (Henry Ward Beecher), обвинялся въ сожителствѣ съ чужой женою, здѣсь было открыто много подобныхъ случаевъ. Еще не кончилось въ судѣ дѣло сенатора Христианси, начавшееся въ началѣ 1880 г., какъ

на сцену появилось другое дѣло, сильно занимающее здѣшнее богатое общество. Въ послѣднемъ случаѣ губернаторъ Спрэгъ открыто обвиняетъ сенатора Конклина (вожакъ республиканской партіи) въ сожительствѣ съ его женою. Этотъ случай вполне характеризуетъ отношенія жены-американки къ мужу. Напримѣръ, губернаторъ только вѣжливо попросилъ сенатора не посѣщать его жену. Тотъ общался, но не сдержалъ своего слова. Однажды вечеромъ мужъ пріѣхалъ на дачу навѣстить свою жену; жена даже не встрѣтила его. На слѣдующее утро его встрѣчаетъ девятилѣтній сынъ; на вопросъ отца: «готовъ ли завтракъ?» сынъ отвѣчаетъ: «да, завтракъ готовъ, но на вашемъ мѣстѣ опять сидитъ сенаторъ Конклинъ».

Въ Америкѣ иногда встрѣчаются женщины, имѣющія отъ 5 до 10 законныхъ мужей. Очень часто эти женщины обладаютъ удивительною смѣлостью. Недавно, въ Нью-Йоркѣ одна женщина обвинчалась съ другимъ въ церкви, къ которой принадлежалъ ея первый мужъ и которая была всего только на разстояніи 20 домовъ отъ дома ея мужа. Она ушла отъ перваго мужа въ церковь и уже не возвращалась. Не смотря на то, что прежде брака въ церкви былъ сдѣланъ обычный окликъ, мужъ узналъ о продѣлкѣ своей жены только тогда, когда она не явилась домой.

Побѣги мужей отъ своихъ женъ также не рѣдки здѣсь. Нерѣдко жена преслѣдуетъ закономъ не только своего убѣжавшаго мужа, но также женщину, съ которой онъ убѣжалъ. вмѣстѣ съ разводомъ иной удается получить нѣсколько сотъ или тысячъ долларовъ отъ женщины, увлекшей ея мужа. Такіе факты доказываютъ, что американцы начинаютъ признавать за женщинами одинаковыя права съ мужчинами, которые имѣютъ законное право требовать денежное вознагражденіе отъ мужчины, уведшаго чужую жену.

Очень немногія американки лишаютъ себя жизни или сходятъ съ ума, если имъ измѣняютъ. По словамъ самихъ же американцевъ, ихъ женщины слишкомъ практичны, чтобы дѣлать такія глупости. Одна нью-іоркская газета представила

отношенія вѣжливой невесты къ жениху въ слѣдующей сценѣ. Они вѣжливо любили другъ друга и черезъ мѣсяць была назначена свадьба. Но, къ несчастью, они не могли согласиться на томъ, какъ провести слѣдующій праздникъ; вслѣдствіе этого они поссорились и разошлись. Черезъ недѣлю женихъ позволилъ въ квартиру своей бывшей невесты; та сама ему отвѣтила. При этомъ женихъ спросилъ ее совершенно спокойно: «могу-ли я видѣть вашего отца?» Она тоже хладнокровно отвѣчала: «его нѣтъ дома; желаете вы видѣть его лично?» Онъ: «да». Она: «вы можете видѣть его тогда-то». Затѣмъ онъ собирается уходить, но она снѣшитъ спросить его: «позвольте узнать ваше имя?» Онъ: «мистеръ N. N.». Послѣ этого они иногда встрѣчались, но всегда относились официально другъ къ другу и нѣкто изъ нихъ не вспоминалъ о прошломъ. Несмотря, впрочемъ на практичность американокъ, многія изъ нихъ мстятъ за измѣну. Нѣкоторыя довольствуются тѣмъ, что публично даютъ пощечину измѣннику; другія же даже пускаютъ пулю въ лобъ. Здѣсь мужчины должны быть очень осторожны въ своихъ обѣщаніяхъ жениться, потому что женщины то и дѣло преслѣдуютъ судомъ тѣхъ, кто не выдержитъ своего обѣщанія. Нерѣдко этимъ путемъ дѣвушкамъ удается сдѣлать себѣ приданое въ нѣсколько тысячъ долларовъ.

Не смотря на громадное число разводовъ и побѣговъ замужнихъ женщинъ, очень многія жены во всѣхъ слояхъ пользуются полной свободой. Также большинство дѣвушекъ въ семействахъ совершенно свободны. Онѣ ходятъ куда и съ кѣмъ угодно, причемъ каждая имѣетъ бо. Иногда бо—женихъ, но чаще всего онъ просто пріятный компаньонъ до нахождения жениха. Только дѣвушки особенно суровыхъ маменекъ или же имѣющія особенныя недостатки не имѣютъ такихъ кавалеровъ. Только дѣвушки богатаго общества сравнительно лишены свободы.

Въ послѣднее время въ американскихъ газетахъ разбирался вопросъ о томъ, на сколько американцы и американки преданы церкви. Послѣ долгихъ разборовъ янки пришли къ тому заключенію, что за послѣднія десять лѣтъ, во всѣхъ большихъ

городахъ, всѣ церкви значительно опустѣли и что многія церкви обращены въ театры, сберегательныя банки, лавки и даже въ конно-железнодорожныя депо. Въ Санъ-Франциско, въ бывшей христіанской церкви, происходитъ теперь буддистская служба. Янки съ ужасомъ узнали, что у нихъ въ одномъ Нью-Йоркѣ полмилліона жителей не посѣщаютъ церкви. Они говорятъ, что въ данное время у нихъ церкви существуютъ только благодаря консервативности женщинъ, потому что если нѣкоторые мужчины и посѣщаютъ церкви, то они дѣлаютъ это только въ угоду женамъ или невестамъ. Но не смотря на консервативность американокъ, янки сильно боятся за свои церкви, потому что громадное число женщинъ богатаго слоя и большинство образованныхъ женщинъ уже превратились въ деистокъ, которыя, хотя и признаютъ Создателя (Maker), но отрицаютъ церковь. Многія богатныя женщины щедро награждаютъ только либеральныхъ и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Напримѣръ, послѣ скандала о Бичера, общество богатыхъ барынь тотчасъ же удвоило ему жалованье, такъ что теперь онъ получаетъ 25,000 долларовъ въ годъ. Только немногія богатныя американки завѣщаютъ церкви свое богатство. Въ Нью-Йоркѣ жители богатой части города недавно подали мэру просьбу о томъ, чтобы воспретили церквамъ звонить рано утромъ въ колокола въ ихъ части города. Ихъ просьба была исполнена. Янки также замѣтили, что хотя бѣдный людъ посѣщаетъ церковь и отдаетъ своихъ дѣтей въ церковныя школы, тѣмъ не менѣе и изъ нихъ многіе покидаютъ церковь, а о подачкѣ на церковь и говорить нечего. Большинство дѣвушекъ посѣщаютъ церковь только для того, чтобы показать свои наряды.

Но вопреки всякимъ страхамъ за церковь религіозное чувство здѣсь далеко еще не вымерло. Доказательствомъ этого можетъ служить громадное число католическихъ монастырей для женщинъ. Въ концѣ прошлаго года въ монастырь за одинъ разъ поступило 45 дѣвушекъ. Благочестивыхъ американокъ особенно обрадовалъ слѣдующій случай. Въ прошломъ году изъ Южной Америки пріѣхали въ Нью-Йоркъ 12 кармелит-

скихъ монахинь. Настоятельница этого ордена была гражданка Соединенныхъ Штатовъ. Будучи еще молодой дѣвушкой, она отправилась въ Южную Америку и основала тамъ кармелитскій монастырь. Но ея монастырь былъ разрушенъ во время революціи и монахинямъ пришлось бѣжать. Онѣ пріѣхали въ Соединенные Штаты безъ цента, но въ тотъ же годъ имъ удалось устроить свой монастырь въ Нью-Йоркѣ. Настоятельница монастыря сильно испугалась, случайно увидавши себя въ зеркалѣ послѣ 25 лѣтъ.

Многія богатія церкви Нью-Йорка (а также другихъ большихъ городовъ) закрыты для неприхожанъ. Въ этихъ церквахъ мѣста продаются очень дорого, отъ 25 долларовъ до 3,000 въ годъ. Во многихъ мѣстахъ продаются съ аукціона. Надъ дверью церквей, допускающихъ постороннюю публику, обыкновенно есть вывѣска: «входъ бесплатный».

Въ этой свободной странѣ лицемѣріе развито ничуть не менѣе, чѣмъ въ Старой Европѣ. Янки-лицемѣры гордятся тѣмъ, что у нихъ по закону воспрещены публичные дома; а между тѣмъ такіе дома здѣсь такъ же распространены и обществены, какъ и въ европейскихъ городахъ. Нерѣдко туда попадаютъ дочери состоятельныхъ родителей и часто 14—15-лѣтнія дѣвушки. Всѣ эти дома, конечно, хорошо пзвѣстны полиціи, но, какъ вездѣ, большія взятки спасаютъ ихъ отъ законнаго преслѣдованія. Кромѣ того, здѣсь въ одной изъ самыхъ лучшихъ газетъ (N.-Y. Herald) ежедневно печатаются объявленія, какихъ, пожалуй, не встрѣтите и въ «развратной» Европѣ. Для примѣра приведу слѣдующія: «Одна молодая и красивая вдова желаетъ получить денежную помощь отъ богатаго добродѣтельнаго господина; видѣть можно тамъ-то». Вотъ еще: «Молодая и красивая вдова желаетъ найти богатаго господина, который бы выкупилъ для нея ея брилліанты, заложенные за триста долларовъ». Ежедневно печатаются объявленія о барыняхъ, читающихъ лекціи специально для мужчинъ; о барыняхъ астрологахъ, предсказывающихъ судьбу мужчинъ; о барыняхъ, лечащихъ мужчинъ животнымъ магнетиз-

момъ; здѣсь есть спеціальныя музеи для мужчинъ, куда не пускаютъ женщинъ. Не смотря на всѣ эти факты, лицемѣры толкуютъ о высокой нравственности. Лицемѣрие американокъ особенно рѣзко выразилось въ ихъ приемѣ знаменитой артистки Сарры Бернхардъ. Когда она пріѣхала въ Нью-Йоркъ, здѣшнее богатое общество (въ томъ числѣ женское общество Сорозисъ) рѣшило не принимать ее въ свои дома и относиться къ ней съ презрѣніемъ. Вся бѣда въ томъ, что она имѣетъ незаконнаго ребенка. Записные ханжи и попы пошли еще дальше: они порицали всѣхъ, кто шелъ смотрѣть ея игру. Въ Нью-Йоркѣ Саррѣ Бернхардъ не удалось побывать ни въ одномъ частномъ домѣ.

Страсть къ опиуму сильно развита между американками. Онѣ употребляютъ опиѣ въ сухомъ видѣ; кромѣ того, въ каждой кондитерской продаются опиѣнные леденцы и конфеты. Эта страсть развита также въ богатыхъ пансіонахъ. Многія употребляютъ морфій; бывали случаи, что нѣкоторыя доходили до того, что принимали до 12 гранъ въ день. Въ послѣдніе пять лѣтъ между американками развилась страсть къ куренію папиросъ. За это онѣ могутъ благодарить русскихъ, которые въ 1876 году первыя привезли сюда папиросы. До того времени настоящія американки вовсе не курили. Теперь же куреніе папиросъ сильно развито между богатыми женщинами; но онѣ курятъ только въ обществѣ женщинъ и стараются скрывать свою слабость отъ мужчинъ.

XV.

Въ своихъ очеркахъ я хотѣла представить степень матеріальнаго благосостоянія, а также умственнаго и нравственнаго состоянія американокъ различныхъ слоевъ. Если сравнивать жизнь американокъ съ жизнью женщинъ другихъ странъ, то

нельзя не признать, что здѣсь матеріальное благосостояніе распределено болѣе равномерно и что здѣсь самая бѣдная работница имѣетъ гораздо больше удобствъ и удовольствій, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Но если сравнивать положеніе американской работницы съ положеніемъ американской лэди, то мы откроемъ громадную пропасть между ними. Хотя американское общество и не раздѣлено легально на касты или классы, тѣмъ не менѣе женщины одного слоя во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличаются отъ женщинъ другого слоя, и переходъ изъ одного слоя въ другой можетъ быть только въ исключительныхъ случаяхъ. Чаше можно встрѣтить бывшую богатую женщину въ бѣдной средѣ, чѣмъ обратно. Далѣе, хотя матеріальное богатство здѣсь распределено болѣе правильно, тѣмъ не менѣе разница еще слишкомъ рѣзка между трудовой и машинообразной жизнью бѣдныхъ работницъ и роскошной, бездѣльной, хотя и суетливой жизнью богатыхъ лэди.

Но между этими двумя крайностями, рѣзко выступаютъ женщины средняго слоя, куда нужно причислить всѣхъ американокъ, занимающихся умственнымъ трудомъ, или, вѣрнѣе, различными профессіями. Жизнь этихъ женщинъ представляетъ собою очень отрадное явленіе; это — работницы, но не машины; онѣ зарабатываютъ болѣе, чѣмъ нужно на удовлетвореніе первыхъ потребностей; но избытокъ онѣ тратятъ на свое дальнѣйшее развитіе или же на улучшеніе положенія женщинъ вообще. Во всякомъ женскомъ движеніи, женщины средняго слоя составляютъ громадное большинство. Можно сказать, что всѣми своими новѣйшими правами американки обязаны женщинамъ этого слоя. Она заставила мужчинъ открыть для женщинъ двери своихъ храмовъ науки и искусства, и заставила ихъ признать женщинъ равноправными. Всѣ высшія учебныя заведенія наполнены исключительно женщинами средняго слоя, потому что женщины-работницы не могутъ позволить себѣ такую роскошь, а для богатыхъ существуютъ спеціальныя модныя пансіоны. Только благодаря усиліямъ жен-

щпы средняго слоя, женскій вопросъ въ Америкѣ подвигается такъ быстро впередъ. Благодаря ея дѣятельности, здѣсь всякая женщина можетъ приложить свою энергію, средства и силы къ дѣлу, которое ей по сердцу, и можетъ свободно бороться со всѣми вѣковыми предрасудками, мѣшающими ей идти впередъ и сдѣлаться совершенно равною лучшимъ мужчинамъ нашего вѣка.

М. П—ва.

* * *

Не для тебя-ль земля таинственные нѣдры
Вскормила, человекъ? Не для тебя-ль изъ нихъ
Выходятъ тощей дернъ, столбиственные кедръ,
Сосна угрюмая—жилица зямъ сѣдыхъ

И злачный колосъ нивъ, и вьющаяся лоза?

Не для тебя-ли, человекъ,

Изъ сферъ заоблачныхъ летитъ ночная греза

Для услажденія и нѣтъ?

Такъ отчего-жь, всегда мятежный и грѣховный,

На шумномъ торжищѣ ты продавать привыкъ

И плодъ высокихъ думъ и свой покой духовный

За дань грошовую владыкъ?

Константинъ Фофановъ.

Тогда дверь растворилась, какъ бы сама собой, и впустивъ его, точно также затворилась. Лордъ Краль очутился въ обширной залѣ, освѣщенной тремя лампами, висѣвшими съ потолка, который, какъ и стѣны, былъ обитъ чернымъ сукномъ; на стѣнахъ, въ видѣ трофея, висѣли цѣлыя человѣческіе скелеты и кости, черепа, ребра, бедра, плечи. Въ концѣ залы стоялъ большой столъ, покрытый чернымъ сукномъ. За нимъ сидѣлъ старикъ важнаго вида съ двумя другими, сидѣвшими по обѣимъ сторонамъ его. Передъ нимъ на столѣ лежали черепъ, наугольникъ, лопата и другіе инструменты. За нимъ, высоко на стѣнѣ, висѣла картина, изображавшая разрушенный храмъ, на двухъ переднихъ колоннахъ котораго были написаны слова «Iachin» и «Booz». Подъ ней стоялъ треножникъ, на которомъ горѣла сине-зеленымъ пламенемъ погребальная лампада, таинственно освѣщавшая и картину, и залу, и физиономіи сидѣвшихъ за столомъ, и лица челоуѣкъ тридцати или сорока, засѣдавшихъ полукругомъ противъ этихъ трехъ. Входя, лордъ Краль произнесъ слова, написанныя на картинѣ: Якинъ и Боозъ; всѣ встали, и онъ сѣлъ въ кругъ. Читатель догадывается, что это было собраніе тайнаго общества, начало исторіи котораго, по убѣжденію его фанатическихъ послѣдователей, теряется во мракѣ вѣковъ, общества, которое хвалится своимъ происхожденіемъ отъ древнихъ браминовъ, гимнософистовъ и друидовъ, ведетъ свое начало отъ элевзинскихъ таинствъ, чтить какъ одного изъ главныхъ основателей своихъ Гирама-архитектора, строителя Соломонова храма,—вотъ почему на двухъ переднихъ столбахъ разрушеннаго храма были начертаны слова Якинъ и Боозъ, вырѣзанныя Гирамомъ на колоннахъ іерусалимскаго храма и означающія созиданіе и силу. Но и происхожденіе отъ Гирама казалось еще недостаточно древнимъ для самолюбія сектаторовъ, которые выводили себя изъ временъ построенія Вавилонской башни; другіе довольствовались болѣе новымъ и скромнымъ происхожденіемъ, выводя себя изъ XII и XIII вѣковъ отъ братствъ каменщиковъ, создавшихъ въ то время Страсбургскій соборъ и другіе великіе храмы Европы въ томъ стилѣ, который въ Италіи ошибочно называется ломбардскимъ, а во Франціи, также ошибочно,—готическимъ и который, въ дѣйствительности, былъ новогреческій, обратившійся отъ идеи Парфенона къ идеѣ христіанскаго храма. Въ этихъ братствахъ архитектура сдѣлалась символомъ идеи образованности и

прогресса, и они распространились по всей Европѣ, гдѣ къ нимъ примкнули всѣ люди, желавшіе быть просвѣтителями своего вѣка.

Общество это, хотя никогда совершенно не распадавшееся, долго оставалось въ бездѣйствіи и вдругъ оживо въ половинѣ прошлаго вѣка. Оно начало дѣйствовать въ Англіи, потомъ во Франціи, затѣмъ въ Италіи. Въ 1732 году была учреждена ложа въ Римѣ; въ 1747 году въ Миланѣ. Въ 1766 году она еще существовала и имѣла свою резиденцію въ улицѣ Санъ-Витторелло. Власти знали о ея существованіи, но не обращали на нее вниманія, потому что она была совершенно невинна; съ другой стороны, извѣстно было, что народъ, также знавшій о ней, явно смѣется надъ ней, потому что изъ нея никогда не выходило ничего мало-мальски осмысленнаго и клонившагося къ общей пользѣ; напротивъ того, всѣ знали, что ея таинственныя ночныя собранія проходятъ въ безконечныхъ ужинахъ и попойкахъ. Но какъ разъ въ это время въ ней началъ заводиться болѣе серьезный элементъ вслѣдствіе поступленія въ нее нѣсколькихъ мыслящихъ людей. Верри не принадлежалъ къ ней, но нѣкоторые изъ близкихъ къ нему людей и въ томъ числѣ молодой лордъ Край вступили въ члены.

Онъ попросилъ слова и, получивъ его отъ магистра-президента, обратился къ собранію съ рѣчью.

— Достопочтенный магистръ великаго Востока, магистры-братья, товарищи и посвященные, я пришелъ сегодня по дѣлу чрезвычайной важности, требующему вашего энергическаго и немедленнаго содѣйствія. На послѣднемъ собраніи было единогласно рѣшено, что наша ложа вмѣняетъ себѣ впредь въ долгъ немедленно спѣшить на помощь ближнему въ опасности, не только помогая ему мыслью, но и дѣломъ, подвергая, въ случаѣ надобности, опасности жизнь своихъ членовъ, если обстоятельства того рѣшительно потребуютъ. Достопочтенные братья, такой случай нынѣ представился. Всѣ дома, всѣ сословія, всѣ общества, всѣ священныя и моральныя корпораціи города Милана уже давно преданы въ жертву коварству и алчности откупщиковъ. Они терпятъ произволь, капризы, иногда даже непристойныя выходки агентовъ откупа. До сихъ поръ была пощада священнымъ убѣжищамъ дѣвицъ, монастырямъ, воспитывающимъ дочерей первыхъ фамилій города. Но сегодня въ первый разъ нарушена неприкосновенность и этихъ мѣстъ. Въ настоящую минуту, откупные сбирь ворвались въ монастырь св. Филиппа Нери подъ

предлогомъ искать спрятанной, будто бы, тамъ контрабанды. Предлагаю, чтобы тѣ изъ присутствующихъ здѣсь, кто помоложе и посплыше, отправились туда отражать насиліе силой. Необходимо примѣръ; необходимо, чтобы чья-нибудь жизнь была пожертвована справедливости, чтобы какой-нибудь поразительный фактъ расшевелилъ преступную анацію людей, которымъ ввѣрено попеченіе объ общественномъ благѣ, но которые закрываютъ глаза на злоупотребленія и допускаютъ ихъ. Съ позволенія достопочтеннаго магистра, я прошу тѣхъ, кто согласенъ со мною, встать и послѣдовать за мной.

При этой рѣчи, произнесенной громкимъ голосомъ и съ величайшимъ одушевленіемъ, въ залѣ раздался смутный шопотъ. Магистръ-президентъ въ слащавой рѣчи старался отклонить брата Краля отъ столь рискованной затѣи; магистръ-ораторъ поспѣшилъ на помощь достопочтенному предсѣдателю; за нимъ говорили магистръ-казначей и магистръ-секретарь, личности, повидимому, нерасположенныя компрометировать будущіе обѣды и ужины неосторожными поступками.

— Какъ же мы такъ торжественно клялись исполнять уставы ордена? вскричалъ Краля. Скажи мнѣ ты, обратился онъ къ одному молодому человѣку, сидѣвшему съ нимъ по сосѣдству, ты, который еще недавно явился сюда волченкомъ (такъ назывались кандидаты, прежде чѣмъ были приняты въ члены общества) искать свѣта, скажи мнѣ: въ чемъ ты присягалъ, когда былъ признанъ достойнымъ вступить въ посвященные? Говори, въ чемъ ты клялся на этой шпагѣ?

— Любить братьевъ, помогать имъ по силѣ моей помощи.

— На что ты соглашался въ случаѣ нарушенія клятвы?

— Чтобы меня обезглавили, вырвали изъ груди моей сердце, сожгли мое тѣло и разметали прахъ по вѣтру.

— Зачѣмъ же такая ужасная клятва? Развѣ затѣишь, чтобы ктонибудь изъ насъ не забылъ прійти на собраніе ужинать, пожирать разныя прихотливыя кушанья, пить тонкія вина? Развѣ мы клялись быть полезными только трактирщикамъ и виноторговцамъ? И изъ-за этого толковать о казни, о сердцѣ и прахѣ? Что же мы такое?

Достопочтенный президентъ молчалъ; молчали и ораторъ съ казначеемъ. Нѣсколько молодыхъ людей поднялись, схватившись

за шпаги съ крикамъ:—Да, мы готовы, если позволитъ достопочтенный магистръ.—Онъ, покачавъ головой, сказалъ:—Ступайте, дай вамъ Богъ успѣха, но помните, что обязаны хранить нашу тайну.—Собраніе разошлось, и десятокъ юношей, вооруженныхъ шпагами, вышли изъ него съ твердой рѣшимостью.

VIII.

Теперь мы должны обратиться къ Галантино, бесѣдующему съ личностью, въ первый разъ появляющагося у насъ на сценѣ, хотя уже много разъ помянутой нами; въ сущности это главное дѣйствующее лицо въ этой исторіи, потому что безъ него ничего разсказаннаго нами не случилось бы. Это сынъ дѣвицы Бароджи, тотъ ребенокъ, интересы котораго безуспѣшно отстаивалъ честный Агудіо. Ему теперь двадцать одинъ годъ, и онъ служитъ подпоручикомъ въ пограничной стражѣ откуна. По желанію своего отца, покойнаго маркиза Ф***, онъ носилъ имя своей матери. Всѣ усилія настоятеля Санъ-Назаро, адвоката Агудіо и нотариуса Маки доказать его права на титулъ и наслѣдство отца не увѣнчались успѣхомъ. Когда процессъ былъ окончательно проигранъ, Бароджи и его мать очутились въ самомъ печальномъ положеніи. Пока былъ живъ настоятель, они не терпѣли нужды, и мальчикъ получилъ даже порядочное воспитаніе; но по смерти этого покровителя, мать не могла продолжать воспитаніе сына, и онъ остался 16 лѣтъ въ невозможности развивать свои замѣчательныя природныя дарованія и въ невозможности также зарабатывать средства, чтобы содержать себя и мать. Несчастная Бароджи въ крайней нуждѣ обращалась даже къ графу Альберяку, который приказалъ управляющему выдать ей какую-то бездѣлицу; управляющій, предвидя, что подобныя просьбы будутъ повторяться, принялъ мѣры, чтобы запереть бѣдной женщинѣ двери графскаго дома и удержать своего молодого хозяина отъ дальнѣйшихъ порывовъ великодушія.

Слухъ о бѣдственномъ положеніи Бароджи и ея сына дошелъ до Галантино и произвелъ на него сильное впечатлѣніе, такъ что онъ обратился къ ней съ предложеніемъ доставить юношѣ какую

нибудь должность по откупу съ порядочнымъ жалованіемъ, на которое оба они могли бы просуществовать. Такимъ образомъ юный Джуліо Бароджи поступилъ сначала писцомъ, потомъ, выказавъ усердіе и смысленность, былъ повышенъ сначала въ приказчики, а потомъ въ офицеры пограничной стражи; онъ получалъ, кроми порядочнаго жалованія и красиваго мундира, значительныя выгоды изъ такъ называемыхъ неопредѣленныхъ, состоявшихъ въ долѣ конфискованной контрабанды и въ прибавочномъ содержаніи, которое шло ему, когда онъ съ отрядомъ стражи объѣзжалъ границу. Но необходимость не спать часто ночи, жить среди отъявленной сволочи, а главное, угнетавшая его мысль о томъ, чѣмъ бы онъ могъ быть, привели его къ привычкѣ испивать, чтобы нѣсколько освѣтить свою скучную жизнь, разогнать тяжелыя мысли и настроить себя подъ общій тонъ съ окружающими. Это впрочемъ не мешало ему быть очень усерднымъ и полезнымъ на службѣ, потому что отъ природы онъ былъ надѣленъ и смекалкой, и характеромъ. Зато привычка къ бражничеству ввела его въ значительныя долги, и получаемаго имъ часто не хватало на то, чтобы обезпечить матери то скромное существованіе, которое составляло крайній предѣлъ ея желаній. Отсюда частыя непріятности и ссоры съ матерью, послѣ которыхъ Джуліо раскаивался, винилъ себя и давалъ себѣ обѣщаніе исправиться, но затѣмъ опять искалъ утѣшенія въ рюмкѣ. Это было существо приниженное, не имѣвшее уваженія ни къ себѣ, ни къ матери, знавшее свѣтъ только съ худой стороны. Особенно сильна была въ немъ ненависть къ богатымъ и знатымъ. Онъ не слишкомъ вѣрилъ тому, что отецъ его оставилъ завѣщаніе въ его пользу, считая его способнымъ на всѣ низости и полагая, что это была съ его стороны уловка съ цѣлью отвязаться отъ докучныхъ совѣтовъ и ходатайствъ, а что въ сущности онъ всегда твердо хотѣлъ оставить наслѣдство брату изъ фамильной гордости. Своего двоюроднаго брата, графа Альберина, онъ ненавидѣлъ всѣми силами души. Зато онъ очень привязался къ своему покровителю Суарди, не зная объ его участіи въ дѣлѣ съ завѣщаніемъ; въ его глазахъ Суарди былъ единственный человекъ, выказавшій ему участіе, которое онъ тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, что оно было искренне. Дѣйствительно, Суарди при всѣхъ своихъ порокахъ, былъ неравнодушенъ къ этому юношѣ, своей жертвѣ. Онъ чувствовалъ не то чтобы раскаяніе или угрызение

совѣсти,—на это онъ былъ неспособенъ; но эти чувства выражались въ немъ въ формѣ невольной симпатіи къ своей жертвѣ и доброжелательства ей; онъ не могъ передѣлать сдѣланнаго, но готовъ былъ содѣйствовать счастью юноши. Въ этомъ отношеніи между нимъ и графомъ Альберико была большая разница. Конечно, графъ лично не участвовалъ въ ограбленіи Бароджи, но онъ зналъ о его правахъ и не помышлялъ о немъ. Такова разница между умными и глупыми подлецами; у первыхъ всегда остаются какія нибудь человѣческія чувства. Льва и бураго медвѣдя можно приручить, потому что въ нихъ извѣстный смыслъ позволяетъ человѣку дѣйствовать на нихъ, не смотря на ихъ природную свирѣпость; но бѣлаго медвѣдя не приручатъ, потому что это самое глупое изъ хищныхъ животныхъ.

IX.

Проѣхавъ передъ террасой дома Оттобони, Суарди отправился домой, куда еще съ утра приказалъ явиться въ этотъ часъ подпоручику пограничной стражи, Джуліо Бароджи. Когда онъ слѣзъ съ лошади на дворѣ своего дома, ему доложили, что Бароджи уже съ полчаса ждетъ его, и, войдя въ переднюю, онъ увидѣлъ его расхаживающимъ взадъ и впередъ.

— Подожди минутку, я сейчасъ, сказалъ онъ ему.

— Сдѣлайте одолженіе, безъ церемоніи, отвѣчалъ тотъ, снимая шляпу, и снова надѣлъ ее, когда Суарди вышелъ.

Въ своемъ зеленомъ мундирѣ съ бѣлыми отворотами, обшлагами и подбоемъ, въ черныхъ штиблетахъ, доходившихъ ему до половины бедра, съ саблей, небрежно надѣтой черезъ плечо, въ треугольной шляпѣ набекрень, надвинутой на одну бровь, онъ на первый взглядъ представлялся типомъ безславнаго мирнаго воинства полицейскихъ и таможенныхъ, которые носятъ оружіе и мундиръ на гражданской службѣ и при всѣхъ усліяхъ подражать военнымъ, остаются своеобразнымъ типомъ. Но при болѣе внимательномъ разглядываніи его особы, онъ начиналъ казаться актеромъ, разыгрывающимъ непривычную ему роль. Сквозь тривиаль-

вость этой роли свѣтило природное изящество, выразившееся и въ стройномъ, гибкомъ станѣ, и въ чертахъ лица тонкихъ и красивыхъ, не смотря на неправильную краску, разлитую по блѣдному лицу его водкой и аракомъ. Онъ казался гораздо старше своего возраста, чему не мало способствовалъ твердый и умный взглядъ его прекрасныхъ глазъ подъ густыми и правильными бровями.

Черезъ нѣсколько секундъ Суарди вернулся и сказалъ Бароджи весело и развязно:

— Пойдемъ, потолкуемъ о важномъ дѣлѣ... Который часъ? Каково, ужъ поздно! — и съ этими словами онъ повелъ Бароджи въ сосѣдній кабинетъ.

— Знаешь ты, продолжалъ онъ, что въ сумеркахъ наши прикащики должны произвести тщательный обыскъ въ монастырѣ св. Филиппа Нери, гдѣ по достовѣрнѣйшимъ свѣдѣнiямъ скрыто значительное количество заграничнаго табаку?

Бароджи выразительно взглянулъ прямо въ лицо откупщику.

— Кто его туда запряталъ, неизвѣстно; не можетъ быть, чтобы мать игуменя для своего частнаго потребленiя съ сестрами помощницами... Ну, да все равно; ктонибудь да запряталъ, а намъ не въ томъ дѣло, кто, какъ и когда; лишь бы обыскъ былъ не напрасенъ. Я хочу, чтобы ты тоже отправился туда; будетъ необходимъ строгій надзоръ за всей этой сволочью, прикащиками, стражами и сбиррами; понимаешь?

— Какъ не понимать. Но я понимаю также, что можетъ выйти кое что и что лучше было бы на этотъ разъ взглянуть на дѣло сквозь пальцы, пусть бы лучше табакъ сгнилъ себѣ въ монастырѣ, чѣмъ спускать нашихъ соколовъ на этихъ голубицъ. Ужъ и безъ того въ городѣ на насъ такъ всѣ негодуютъ, что малѣйшей искри достаточно, чтобы вызвать взрывъ. А тутъ шутокъ-ли! Еще ни разу не дѣлалось обыска въ женскомъ монастырѣ. Какъ хотите, мнѣ кажется, что это напрасная затѣя; это одинъ изъ тѣхъ выстрѣловъ, отъ котораго отскакиваютъ пальцы у самого стрѣлка.

Галантино помолчалъ, задумавшись, потомъ сказалъ:

— Но, другъ мой, законъ за насъ, и если онъ годится для капуциновъ и барнабитовъ, то можетъ годиться и для женскаго монастыря. Что за святня это бабье? А если святня, то объ этомъ слѣдовало думать тѣмъ, кто писалъ законъ.

— Однако, между нами сказать, законъ то этотъ — вопіющая несправедливость; съ тѣхъ поръ какъ Миланъ стоитъ, ничего подобнаго не было видано; вѣдь по правдѣ сказать, власти помогаютъ мошенничеству.

— Какъ мошенничеству?

— Да такъ: съ такимъ закономъ тотъ, кому поручается исполненіе его, получаетъ разрѣшеніе на грабежъ и мошенничество. Я прямо говорю, что мнѣ, хоть и поневолѣ, приходилось съ ними быть грабителемъ и мошенникомъ; и ужъ если пошло на откровенности, то скажу вамъ, что я очень радъ, что вы меня позвали, потому что мнѣ очень хотѣлось поговорить съ вами.

— О чемъ?

— Я хочу сказать вамъ, что считалъ бы себя счастливейшимъ человекомъ, если бы вы перевели меня изъ таможенной стражи въ администрацію.

— Да вѣдь въ стражѣ гораздо выгоднѣе? Оттого я тебя и опредѣлилъ въ стражу.

— И я вамъ очень благодаренъ; кромѣ моей матери вы единственный человекъ, которому я чувствую себя обязаннымъ въ моей проклятой жизни.

— Ты проклинаешь свою жизнь, а кто виноватъ? Ты пьешь, играешь, кутишь, швыряешь деньги, а твоя бѣдная мать плачетъ, а я....

— Вы меня всегда поддерживали, и я повторяю, что обязанъ вамъ глубокой благодарностью, но....

— Что?

— Когда человекъ, рожденный для извѣстнаго существованія, попадаетъ въ совершенно противоположное; когда чувствуешь себя способнымъ быть счастливымъ въ одной жизни, а приходится вести совершенно другую, претящую всему существу, поневолѣ приходится искать забвенія въ пьянствѣ, чтобы не такъ сильно чувствовать тяжесть этого существованія. Выпьешь, голова затуманится, ну и ничего, переносишь это общество разбойниковъ и негодяевъ, въ которомъ живешь. Водка заглушаетъ чувства и даетъ силу исполнять всѣ мерзости, какія мнѣ приходится дѣлать, исполняя законы. А иначе я право предпочелъ бы разбойничать противъ законовъ; тутъ по крайней мѣрѣ мерзости выкупаются отчасти опасностью, которой себя подвергаешь. А это чистая подлость.

Вѣдь палача презирають хуже убійцы, и не даромъ. Мы же хуже кажется палачей; они убиваютъ преступниковъ, а мы мучимъ честныхъ людей.

— Не знаю, что тебѣ сказать; можетъ быть, ты и правъ пожалуй, хошь завтра же выходи въ отставку изъ стражи; по сегодня все-таки надо сослужить службу.

— Какую?

— Надо тебѣ участвовать въ экспедициі въ монастырь.

— Зачѣмъ?

Голантино помолчалъ и прибавилъ:

— Затѣмъ, что мнѣ хочется, чтобы графъ Альберикъ отправился въ чорту и подохъ съ досады.

Бароджи сталъ слушать внимательно.

— Милый мой Джуліо, тебѣ первому скажу я эту тайну: я рѣшился жениться.

— Что же, дѣло хорошее и нетрудное.

— Хорошее, да, но трудное. Задумалъ то я жениться ни на комъ иномъ, какъ на невѣстѣ графа Альберика; у нихъ уже все слажено; нашъ красавчикъ графъ, изящный и раздушенный, спровадилъ уже своихъ содержанокъ, сдавъ ихъ, какъ старое платье, своимъ лакеямъ, потому что безъ памяти влюбленъ въ особу, на которую я мечу. Вотъ ты и долженъ помочь мнѣ, чтобы она не досталась графу.

— Что же я могу сдѣлать?

— Въ томъ то и дѣло, что ты не знаешь, гдѣ находится эта особа; надо сказать тебѣ: она живетъ въ монастырѣ св. Филиппа; ты ее видалъ, и она тебѣ понравилась.

— Когда?

— Ты видалъ и хвалилъ ее въ тотъ день, когда мы повстрѣчали ее на улицѣ въ экипажѣ синьоры Пьетра.

— Ахъ, эта прелестная дѣвочка!

— Именно! Чистый ангелъ. Вотъ и надо постараться, чтобы этотъ ангелъ упорхнулъ; ты доставишь ему крылья, чтобы онъ могъ вылетѣть, но не въ окно, нѣтъ! а въ дверь, которую я тебѣ укажу.

— Какъ это можно? Я ни за что не возьмусь за это.

— Возьмешь.

— Да если бы и взялся, то какое же средство исполнить

такое порученіе? Я ее совсѣмъ не знаю, и она меня не знаетъ; вѣдь кускомъ сахара ее не выманишь, какъ собачку.

— Послушай, Джуліо, дѣло, правда, не легкое, но возможное. Я думаю, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ женскіе монастыри, первый разъ случается, что по декрету властей толпа молодежи, вооруженной и разгоряченной подкой, ворвется, какъ въ казарму, въ это убѣжище святости и непорочности. Нечего сказать: начальство просто ошалѣло... но надо воспользоваться его безразсудствомъ, его неслыханымъ сумасбродствомъ, потому что въ другой разъ на него разсчитывать не приходится. Можно себѣ представить, какъ подобная новость собьетъ съ толку бѣдную мать игуменью и всѣхъ сестеръ, какъ всѣ монашки и воспитавницы замечутся по корридорамъ, разбѣгутся по дворамъ, какъ отъ пожара. Я все это сообразилъ, и мой планъ не сумасшедшій.

— Почти что сумасшедшій.

— Для меня довольно того, что есть хоть какойнибудь шансъ на успѣхъ. По твоему, что же дѣлать? Подумаи, что дѣло спѣшное, и времени терять нельзя.

— Право, не знаю и не берусь за это дѣло.

— Какъ?

— Говорите, что хотите, назовите меня неблагодарнымъ, это будетъ правда. Но я не возьмусь за это. Я и то пьянствую, чтобы оmozолить свою совѣсть на законныя беззаконія, и вдругъ въ тотъ самый день, какъ я рѣшился переменить образъ жизни и ремесло, возьмусь за такое гнусное дѣло... похищать бѣдную дѣвушку... почти ребенка... предавать ее человѣку, который, извините меня, далеко не святой.

При этихъ словахъ Суарди косо посмотрѣлъ на Бароджи, всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ, потомъ вдругъ остановился передъ подпоручникомъ, взялъ его лѣвой рукой за руку, а правую положилъ на плечо.

— Ты думаешь, что я хочу недостойнымъ образомъ потѣниться этой дѣвушкой, Джуліо? Ты ошибаешься. Но мнѣ нравится это въ тебѣ, я тебя еще болѣе люблю за это, ты молодецъ, что отказываешься участвовать въ дѣлѣ, которое кажется тебѣ нечистымъ. Но ты ошибаешься, Джуліо. Мнѣ тридцать пять лѣтъ; ты знаешь, сколько женщинъ ухаживаетъ за мной, и полубогинь и полуженщинъ; въ сравненіи съ этимъ списокъ Донъ-Жуана могъ бы пока-

заться трактирнымъ счетомъ. Но видишь ли, я влюбленъ, влюбленъ въ первый разъ въ жизни, влюбленъ до безумія, до того, что способенъ рисковать всѣмъ моимъ существованіемъ, всѣмъ состояніемъ, нажитымъ съ такой опасностью и съ такимъ трудомъ, чтобы удовлетворить своей страсти, жениться на этомъ ангелѣ, посланномъ съ неба совершить чудо—обратить къ добру демона ада. Я не имѣю претензіи на знатное происхожденіе, но согласись, что имѣю право носить въ гербѣ хвостъ чорта въ красномъ полѣ. Но видишь ли, съ нѣкоторыхъ поръ, я сталъ совсѣмъ другимъ человекомъ, и если бы эта дѣвушка стала моей женой, о, моя будущность была бы блистательнѣйшимъ искупленіемъ моего прошедшаго. Что ты скажешь?

— Я вамъ вѣрю, жалѣю васъ, но повиноваться вамъ не могу, я уже вамъ сказалъ: мнѣ надоѣло лакействовать въ передней дворца беззаконія. Я не отрицаю, что у васъ добрыя намѣренія, но все же обмануть дѣвушку... вы, конечно, въ правѣ были влюбиться въ нее, но вѣдь она не обязана выходить за васъ замужъ?

— Эта дѣвушка любитъ меня, какъ не любила ни одна женщина изъ тѣхъ, которыхъ я знаю.

— Если такъ, то ступайте сами; ваше присутствіе подѣйствуетъ сильнѣе моего. Все, что я могу придумать,—вотъ что: надѣньте мой мундиръ и гремите моей саблей по монастырскимъ плитамъ; вѣдь я полагаю, вамъ не хочется быть узнаннымъ; оно и понятно...

— Другъ мой, ты учился больше моего, но ты моложе меня и всегда будешь менѣ опытенъ, менѣ разсудителенъ. Ты предлагаешь мнѣ свой мундиръ и свою саблю, и отказываешь въ помощи своей руки. Но если ты думаешь, что я затѣваю дурное, то не все ли равно, чѣмъ и какъ содѣйствовать мнѣ? Я вижу, что ты просто боишься.

— Боюсь? Я! Спросите контрабандистовъ, трусливъ-ли я.

— А если не боишься, то помоги мнѣ, потому что одинъ я не могу справиться. Напрасно упрямышься. Подумай, что доставляя мнѣ удовольствіе, ты оказываешь одолженіе дѣвушкѣ и паносишь ужасный ударъ графу Альберяку. Неужели тебѣ непріятно содѣйствовать тому, чтобы отрасль аристократическаго рода привилась къ плебейскому древу, хотя обильно снабженному плодами?

Тутъ онъ остановился, какъ бы пораженный внезапной мыслью, потомъ продолжалъ:

— Ну и наконецъ, знаешь-ли ты, что отъ меня, отъ одной моей минутной фантазїи, зависитъ сдѣлать тебя завтра же однимъ изъ первыхъ богачей Милана.

Бароджи вздрогнулъ отъ этихъ словъ и пристально посмотрѣлъ на Суарди, который, вдругъ поблѣднѣвъ и со словами:—пойдемъ, поговоримъ, потащилъ его въ сосѣднюю комнату.

Тутъ онъ досталъ изъ кармана маленькій ключъ, влѣзъ на кожанное кресло, приподнялъ рукой полотнище зеленой шелковой обивки стѣны и, еще болѣе поблѣднѣвъ, обернулся къ Бароджи, подумалъ въ перѣшпительности, сошелъ съ кресла и приблизилъ губы къ уху Бароджи, который молчалъ въ сильномъ волненїи отъ любопытства и ожиданїя.

Вдругъ Суарди отодвинулся отъ него и сказалъ:

— Нѣтъ, лучше я скажу тебѣ это завтра. Время проходитъ, и если мы опоздаемъ, все пропало. Теперь же, чтобы успокоить тебя на счетъ судьбы этой дѣвушки, я предлагаю, что если намъ удастся похитить ее изъ монастыря (а что удастся, въ этомъ я не сомнѣваюсь, потому что при желанїи все удается), то она останется пока у твоей матери. Твоя мать обтерла колѣнями ступеньки всѣхъ алтарей; она терзается, бѣдняжка, мучить себя молитвами и постами, кается, раскаивается и перекаивается въ томъ, что... впрочемъ не будемъ вспоминать тяжкое прошлое; во всякомъ случаѣ, ей не въ чемъ обвинять себя, потому что она была жертвой обмана. Стало быть, пусть твоя мать будетъ ея блюстительницей. Бояться тебѣ теперь нечего, и ты мнѣ поможешь, а безъ тебя я ничего не могу сдѣлать. И такъ рѣшено, подумай о своей будущности.

Эти послѣднія увѣщанїя были уже лишнія. Неожиданный намекъ Суарди на зависящую отъ него переменную судьбу Бароджи, его таинственные поступки послѣ этихъ словъ, этотъ кусокъ обивки, приподнятый его рукой, какъ будто для того, чтобы дать выходъ важной и тщательно скрываемой до сихъ поръ тайнѣ,— все это такъ взволновало въ Джуліо всю кровь, такъ всполошило его мысли и чувства, что съ этой минуты онъ былъ самъ не свой. Онъ смутно зналъ, что Галантино былъ замѣшанъ въ тайну увѣщанїя его отца, выдержалъ изъ-за нея тюрьму и пытку, и для него не было сомнѣнїя, что намеки Суарди относятся къ этому дѣлу, составлявшему главный интересъ его жизни, завѣтную мечту

всѣхъ его помысловъ. Онъ безъ вниманія выслушалъ предложеніе Сурди передать дѣвушку на попеченіе его матери, и, не отвѣтивъ ни слова, машинально послѣдовалъ за нимъ, задумчивый и разсѣянный, но готовый дѣлать все, что онъ ему прикажетъ въ этотъ день. Они вышли изъ комнаты на дворъ, сѣли въ ожидавшую ихъ карету, и Сурди сказалъ:

— Дорогой я расскажу тебѣ мой планъ.

Х.

Въ то время какъ Сурди, какъ главнокомандующій съ своимъ адъютантомъ, ѣхалъ на главную квартиру вдали отъ битвы, поспрашивая отъ времени до времени на часы и готовясь импровизировать на самомъ полѣ сраженія новый стратегическій ударъ въ случаѣ, если бы какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство разрушило зрѣло обдуманый планъ,—его прикащики, стражи, сборны, вооруженные ружьями и саблями выходили изъ откупной конторы и направлялись къ монастырю св. Филиппа. Былъ первый часъ вечера. Послѣдніе лучи весенняго солнца освѣщали еще кое гдѣ комнату въ пятомъ этажѣ, гдѣ какая нибудь нивейка торопилась воспользоваться ими, чтобы дошить воротъ рубашки съ экономіей трехъ сольди, цѣны сальной свѣчн. Въ этотъ часъ въ монастырѣ св. Филиппа мать игуменя, сестры-наставницы, простыя монахини, послушницы и воспитанницы вошли въ церковь и помѣстились въ той части ея, которая была отгорожена для нихъ. Двѣ здоровенныя послушницы наполнили воздухомъ мѣхи органа, и чья-то рука быстро пробѣжала по клавишамъ, вызвавъ почти одновременно глухой звукъ большой трубы и звонкій, пѣвучій звукъ октавины. Немногіе богомольцы, бывшіе въ церкви, взглянувъ на органъ, увидели изъ за деревянной рѣшетки, окружавшей его со стороны публики и доходившей до двухъ третей высоты большой трубы, три головы, двигавшіяся при свѣтѣ двухъ восковыхъ свѣчей. Это были головы сестры учительницы музыки и пѣвня и двухъ лучшихъ ученицъ ея. Та изъ нихъ, которая сидѣла передъ клавишами и бѣгло водила по нимъ пальцами, была Ада. Вскорѣ пе-

редь алтаремъ одна сестра затанула литацію въ честь Пресвятой Дѣвы, и всѣ монахини, воспитанницы, публика подхватили пѣніе, а органъ вторилъ имъ, коментирюя звуками чудную поэзію, внушенную энтузіазмомъ вѣры.

Литаціи подходили къ концу, когда откупные сбирры выступали въ походъ, и когда главный прикащикъ, оставивъ товарищей въ улицѣ Санъ Барнаба, входилъ въ садъ новаго дома Суарди, сестра, колѣнопреклоненная передъ алтаремъ, пѣла уже: *Concede nos famulos tuos*; а когда, переговоривъ съ патрономъ, прикащикъ послѣдно выходилъ отъ него въ сопровожденіи подпоручика Джуліо Бароджи, подъ сводами церкви гремѣло: *Sub tuum et a periculis circumstantibus libera nos semper*.

Полчаса спустя, прикащикъ, Бароджи и сбирры входили въ монастырь, и въ это то время одинъ изъ посѣтителей дома Оттобони, проѣзжая мимо, увидѣлъ это шествіе и поспѣвалъ рапортомъ своимъ взволновать душу лорда Краля, который, не теряя времени, бросился въ ложу франъ-масоновъ.

Солнце давно совсѣмъ зашло, и погасли уже свѣтлые сумерки яснаго дня, первыя звѣзды блеснули на небѣ, когда по улицѣ Санъ Витторелло двинулся отрядъ юношей, горящихъ нетерпѣніемъ и негодованіемъ, и вооруженныхъ шпагами, а нѣкоторые и пистолетами; они готовились умышленно произвести беспорядокъ въ надеждѣ, что онъ приведетъ къ порядку въ отношеніяхъ властей къ откупу. Въ числѣ этихъ юношей былъ одинъ человѣкъ лѣтъ уже пятидесяти, давно знакомый намъ. То былъ синьоръ Лоренцо Бруни, нѣкогда первая скрипка герцогскаго театра въ Миланѣ; какъ онъ писалъ синьору Амореволи въ Мюнхенъ, онъ находился теперь въ Миланѣ, чтобы заключить съ гг. инспекторами герцогскаго театра контрактъ отъ имени своей жены, синьоры Гауденци Бруни, на будущій карнавалъ. Сдѣлавшись мужемъ и отцомъ, Бруни не перемѣнился ни характеромъ, ни убѣжденіями, ни въ привычкахъ. Онъ объѣхалъ полъ Европы, все сильнѣе укрѣпляя въ своихъ мнѣніяхъ. Будучи членомъ парижской ложи франъ-масоновъ, онъ имѣлъ сношенія съ ложами всѣхъ главныхъ городовъ Европы и, пріѣхавъ въ Миланъ, вошелъ въ тамошнюю. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ ея и особенно хлопоталъ о томъ, чтобы дать практическое направленіе ея дѣятельности. Встрѣтивъ выходящую толпу молодежи подъ предводи-

тельствомъ лорда Краля и узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ, не раздумывая, присоединился къ нимъ. Должно быть, ему было на роду написано попадать въ Милапъ въ передраги и дѣлаться ихъ жертвой.

Главнокомандующій Галантино далъ приказъ своему адъютанту глупить непременно ту самую минуту, когда монахини и воспитанницы, выйдя изъ церкви, разбредутся кучками по корридорамъ и сбьютъ монастыря въ ожиданіи колокола, призывающаго къ ужину въ трапезу. Приказъ этотъ былъ исполненъ въ точности. Молодой Бароджи былъ изъ числа людей, которые могутъ долго колебаться при началѣ дѣла, могутъ приняться за него даже противъ убѣжденія, но, разъ принявшись, уже не разсуждаютъ, не колеблются и не останавливаются, забываютъ и себя, и свои убѣжденія, и думаютъ только объ успѣхѣ дѣла. Когда командаемое имъ войнство подошло къ дверямъ монастыря, первымъ распоряженіемъ его было оставить у этихъ дверей двухъ часовыхъ съ ружьями. Первый прикащикъ, сопровождаемый всѣми сбиррами, вошелъ затѣмъ въ комнату старухи привратницы монастыря, которая при видѣ этого вооруженнаго полчища перепугалась до полусмерти, однако инстинктивно вскочила и бросилась преграждать имъ дорогу.

— Мы комиссары откупа, сказалъ ей прикащикъ, ведите насъ къ матери пріоршѣ, намъ надо съ ней переговорить. Скорѣе пошевеливайтесь и не бойтесь; мы не съѣдимъ ни васъ, ни мать пріоршу, ни вашихъ монахинь. И съ этими словами онъ оттолкнулъ ее и прошелъ во внутренній дворикъ монастыря въ сопровожденіи другого прикащика, сержанта, стражей, сбирровъ и подпоручика Бароджи, который шелъ послѣднимъ, опустивъ голову. Старая привратница устремилась впередъ, чтобы первой предстать передъ преподобной матерью игуменьей; вѣ себя отъ изумленія и злобы, она обгоняла эту толпу, слыша позади себя ея усмѣшки.

О, что сказала бы благочестивая основательница этой святой обители, еслибы ей хоть во снѣ приснилось, что ея миръ будетъ нѣкогда нарушенъ вторженіемъ самихъ отпѣтыхъ изъ всѣхъ чадъ свѣта и его суеты!

Въ это время монахини и воспитанницы проходили по сбьямъ, черезъ которые надо было идти. Старуха, увидѣвъ ихъ, почувствовала ужасъ насѣдки, видавшей приближеніе кошекъ къ своимъ цыплятамъ:

— Стойте! Подождите! закричала она на сборовъ голосомъ, въ которомъ страхъ слиялся съ негодованіемъ: — мать-игуменья сейчасъ пройдетъ.

Величайшіе нахалы, даже въ пьяномъ видѣ, могутъ быть озадачены рѣшимостью. Сбиры остановились, а Бароджи вышелъ въ первый рядъ, чтобы взглянуть на проходящихъ дѣвушекъ, и увидѣлъ ту, которую искалъ.

Въ длинной шеренгѣ монахинь и дѣвушекъ явилось замѣшательство, послышался шопотъ при неожиданномъ видѣ этихъ физиономій, этого оружія, этихъ блестящихъ стволовъ карабиновъ; раздались нѣсколько восклицаній испуга; нѣкоторые вышли изъ рядовъ и послѣшнымъ шагомъ направились въ разныя стороны.

Мать игуменья шествовала въ замкѣ колонны и издали взирала на это полчище не то, чтобы со страхомъ, а съ недоумѣвающимъ выраженіемъ человѣка, видящаго на яву нелѣпный сонъ. Старая привратница обратилась къ ней дрожащимъ и глухимъ отъ волненія голосомъ:

— Преподобная мать, эти люди вошли сюда силой, говорятъ по приказу своего начальства.

Прибащики откупа также приблизились къ игуменѣ, которая, подойдя къ нимъ, спросила:

— Что вамъ угодно?

Она произнесла эти простые слова съ самымъ строгимъ и суровымъ видомъ, какой пріобрѣла въ тридцатилѣтнее управленіе монастыремъ, привыкнувъ повелѣвать безусловно и неумолимо и встрѣчать безпрекословное повиновеніе. Но коса нашла на камень. Агенты откупа также не привыкли къ возраженіямъ.

— Мы комиссары откупа, отвѣчалъ угрюмо старшій прикащикъ;—если мы пришли сюда, стало быть, имѣли на то право; впрочемъ, вотъ приказъ нашего начальства.

Мать игуменья прочла приказъ и воскликнула:

— Этому не бывать!

Старшій прикащикъ посмотрѣлъ на товарища, тотъ на Бароджи, который, снявъ треугольную шляпу, съ почтительнѣйшимъ поклономъ выступилъ впередъ.

Красота, молодость и вѣжливость служить всегда хорошей рекомендаціей; суровое лицо игуменьи прояснилось, и двѣ глубокія морщины у рта разгладились.

— Вашему преподобию долженъ быть извѣстенъ эдиктъ, уполномочивающій откупъ производить черезъ своихъ агентовъ обыски даже въ монастыряхъ, въ случаѣ подозрѣннн въ укрывательствѣ контрабанднаго табаку, сказалъ Бароджи, какъ можно смягчая голосъ.

— Что? Какъ? Что мнѣ приходится слышать?

— Ваше преподобіе, соизвольте выслушать меня. Ни откупъ, ни мы, а тѣмъ болѣе ваше преподобіе не виноваты въ томъ, что намъ донесли, что въ этомъ монастырѣ скрыто значительное количество контрабанднаго табаку. Я убѣжденъ, что это доносъ ложный, клевета какого-нибудь злонамѣреннаго человѣка; но законъ ясенъ; онъ ясенъ и противъ насъ, еслибы мы не исполнили своей обязанности; поэтому прошу ваше преподобіе не препятствовать исполненію закона.

Хотя Бароджи говорилъ громко, голосъ его отчасти заглушался шопотомъ и шорохомъ монахинь и воспитанницъ, столпившихся въ сѣняхъ. Пугливыя монашки, убѣжавшія сначала, возвращались, привлекаемыя любопытствомъ; другія, болѣе смѣлыя, столпились густымъ рядомъ передъ пришельцами; взрослые воспитанницы заглядывались на молодаго и красиваго оратора. Фигура молодаго человѣка въ красивомъ мундирѣ и съ блестящей саблей производила на бѣдняжекъ такой эффектъ, какой произвелъ бы на человѣка, долго сидѣвшаго въ темномъ подземельи видъ голубаго неба, отраженнаго въ прозрачномъ озерѣ.

Но игуменья строго посмотрѣла на шумѣвшихъ и водворила тишину.

— Я не оспариваю ни закона, ни приказанія вашего начальства, сказала она, — но прежде чѣмъ впустить васъ, я должна поговорить съ попечительницей этой святыни. Мы извѣстимъ власти, и тогда, если вы будете настаивать на своемъ намѣреннн, вы можете исполнить вашу обязанность.

При этихъ словахъ старшій прикащикъ позволилъ себѣ нагло усмѣхнуться; по духу подражанія за нимъ усмѣхнулись второй прикащикъ, стражи и сбирры. Мать игуменья дѣйствительно сказала нелѣпность, но она не обязана была знать финансовое право.

— Ваше преподобіе, сказалъ Бароджа, поражая негодующимъ взглядомъ дерзкихъ зубоскаловъ: — мы не обязаны ждать другихъ приказаній отъ властей; наша прямая обязанность не ждать больше

ни минуты. Конечно, ваше преподобіе можете рассказать о случившемся попечительницѣ монастыря, чтобы она похлопотала поставить его подъ охрану особой привилегіи.

Едва онъ успѣлъ проговорить эти слова, какъ прикащикъ, потерявъ терпѣніе, вскричалъ:

— Ну, что тутъ толковать! Идемъ! Мы знаемъ, ваше преподобіе, гдѣ спрятанъ табакъ; намъ и проводниковъ не нужно, — и съ этими словами онъ направился къ двери, сопровождаемый солдатами.

Бароджи не сказалъ ничего и отошелъ назадъ. Мать игуменья, уповая на свое достоинство и одушевленная религіознымъ рвеніемъ, несмотря на свою старость, поспѣшно забѣжала впередъ и встала передъ комиссаромъ:

— Ни вы, ни люди ваши не пройдете здѣсь! воскликнула она. Но тутъ старшія сестры окружили ее, уговаривая, а комиссаръ съ стражами прошли, провожаемые ея проклятіями; наконецъ, изнемогая отъ безсильной злости, она упала безъ чувствъ на руки окружающихъ. Тутъ снова поднялся шумъ среди испуганныхъ и негодующихъ сестеръ; послышались громкія восклицанія и жалобныя возгласы, даже вскрипыванія. Посторонній зритель могъ бы наблюдать различныя проявленія характеровъ между воспитанницами: одни были пассивно испуганы; другія, одолевая больше всего любопытствомъ, стремились идти за стражей и слѣдить за ея дѣйствіями; нѣкоторыя едва удерживали веселость и переглядывались съ довольнымъ и плутовскимъ видомъ; это были вѣроятно тѣ, которымъ часто доставалось отъ строгой игуменьи.

Когда сыщики очутились одни въ корридорѣ, Бароджи оставился и сказалъ:

— Что же мы будемъ дѣлать одни? Необходимо имѣть съ собой трехъ, четырехъ сестеръ, такъ какъ сама игуменья въ обморокъ. Вы знаете, что для законности обыска и для того, чтобы обысканные не имѣли повода къ жалобамъ и претензіямъ, необходимо, чтобы протоколъ былъ подписанъ кѣмъ нибудь изъ нихъ. Поэтому намъ необходимо взять въ свидѣтели трехъ или четырехъ монахинь; имъ нечего бояться побить съ нами нѣсколько времени; достаточною защитою для нихъ служатъ почтенныя лѣта и морщины, наложенныя на ихъ лица постами и молитвами. Погодите же, я схожу попросить ихъ послѣдовать за нами, пока преподобная мать игуменья опомнится и придетъ въ чувства.

Всѣ остановились, и Бароджи вернулся, чтобы сдѣлать, что говорилъ, а также чтобы еще разъ пройти черезъ толпу молоденькихъ воспитанницъ; его проницательное око уже замѣтило среди нихъ ту, которая была цѣлью всей этой рискованной и хитросплетенной затѣи. Вернувшись къ сѣни, онъ окинулъ взглядомъ всѣ группы, разсѣявшіяся по разнымъ угламъ, и подошелъ къ той, гдѣ увидѣлъ Аду; почтительно поклонившись, онъ спросилъ очень вѣжливо:

— Позвольте спросить, гдѣ находятся преподобныя сестры наставницы?

Нѣсколько голосовъ разомъ отвѣтило на этотъ вопросъ, въ томъ числѣ и голосъ Ады; нѣсколько дѣвушекъ разомъ тронулись съ мѣста, чтобы идти за наставницами, которыя среди переполоха, произведеннаго дурпотой игуменьи, такъ растерялись, что покинули своихъ питомицъ; Ада также хотѣла идти, но Бароджи, улучивъ минуту, шепнулъ ей:—Подождите, васъ въ огородѣ ждетъ кто-то, желающій поговорить съ вами. Умоляю васъ, пойдите туда! И Бароджи, какъ ни въ чемъ не бывало, послѣдовалъ за дѣвочками на поиски сестеръ наставницъ.

При этихъ его словахъ Ада вздрогнула и съ минуту простояла, какъ мраморное изваяніе, олицетворяющее нерѣшимость. Только при видѣ Бароджи, возвращающагося съ тремя почтенными матерями, она вышла изъ неподвижности, но не изъ недоумѣнія.

Смятеніе въ монастырѣ было неописанное. Всѣ разбрелись, кто куда пошло; однѣ стояли, прислушиваясь у дверей корридора, въ который прошли сыщики; другія, еще болѣе одолѣваемые любопытствомъ, послѣдовали за Бароджи съ его товарищами и тремя монахинями въ верхній этажъ, иныя бѣжали узнавать о здоровьи игуменьи; иныя изъ самыхъ молоденькихъ, апатичныхъ и прожорливыхъ, побѣждаемыя молодымъ аппетитомъ, ничѣмъ не заглушаемымъ въ этотъ часъ ужина, собрались въ трапезѣ въ ожиданіи министры, иныя, смѣшливныя и веселыя, шутили и хохотали по поводу происшествія. Одна Ада не принимала участія ни въ чемъ этомъ.

Она уже давно стала беречь про себя свои мысли, не дѣлясь ими съ подругами. Давно уже она потеряла и беззаботную веселость однихъ, и аппетитъ другихъ, однимъ словомъ, жила въ монастырѣ только тѣломъ, а духомъ и помыслами витала далеко.

Уже нѣсколько дней она не видала Суарди; читатель знаетъ изъ разговора патронессы монастыря съ донной Паолой, что матери наставницы возмѣли противъ нея подозрѣнія и стали такъ строго присматривать за ней, что она ни на минуту не оставалась одна. Она тщетно придумывала разныя хитрости, чтобы избѣжать этого, строгаго надзора. Своей тайны она не повѣрляла никому изъ подругъ, даже своей ближайшей пріятельницѣ, ея сверстницѣ и сосѣдкѣ по дортуару, которая чрезвычайно любила ее, какъ бы могла любить мать или старшая сестра. Эта дѣвушка, дочь маркиза Кривелли, милосидная личикомъ, но болѣзненная и кривобокая, была умна не по лѣтамъ и исполнена такой религіозности, что будь она старше, ее называли бы ханжой. Она подмѣтила тайну Ады, но молчала, давъ себѣ обѣщаніе тщательно но непримѣтно слѣдить за ней любящимъ и заботливымъ взглядомъ. Игуменья и сестры, возмѣвъ противъ Ады вѣдоушья и зная, что Кривелли ея лучшей подругъ, взяли было ее на допросъ, но она ничего не сказала и старалась разсвѣять ихъ вѣдоушья, чтобы избавить Аду отъ притѣсненій. Но съ этихъ поръ она стала особенно неразлучна съ Адой, которая тоже любила ее искренно. Въ этотъ день она не отходила отъ нея. Когда Бароджи подошелъ къ толпѣ воспитанницъ, Ада и Кривелли стояли рядомъ, и хотя появленіе его раздѣлило группу, и на секунду онъ очутился съ Адой въ сторонѣ отъ другихъ въ то время, какъ она хотѣла идти за наставницами, однако Кривелли замѣтила, что онъ, что-то сказалъ Адѣ. Она промолчала, но задумалась, и украдкой наблюдала за Адой, когда та остолебнѣла отъ слова Бароджи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ монастырѣ, когда раздался глухой ропотъ голосовъ, рукоплесканія, свистки, и вдругъ грянулъ ружейный выстрѣлъ.

XI.

Эти крики и выстрѣлъ были явственно слышны въ дортуарѣ старшихъ воспитанницъ, гдѣ прикащики откупа уже нашли вдоль карниза порядочное количество ящичковъ съ табакомъ къ великому изумленію трехъ сестеръ, присутствовавшихъ при обыскѣ и помг-

путно уиѣрявшихъ, что и не подозрѣвали о существованіи здѣсь этой контрабанды. Крики и выстрѣлъ поразили удивленіемъ прикащиковъ, монахинь и Бароджи, который, ни слова не говоря, поспѣшно выбѣжалъ на дворъ. Въ то же время туда стремглавъ прибѣжали старая привратница и одинъ изъ часовыхъ, оставленныхъ у дверей, гдѣ слышался возрастающій шумъ и раздавались громкіе гнѣвные голоса. Почти въ ту же минуту толпа ворвалась во дворъ. Озадаченный Бароджи озирался, отыскивая дорогу въ огородъ, и, побѣжавъ по ней, увидѣлъ передъ собою бѣгущую дѣвушку, за которою гвчалась другая. Онъ думалъ, что Ада давно въ огородѣ, но тутъ узналъ ее въ той, которая бѣжала впередъ, какъ бы убѣгая отъ другой. Онъ погнался за ними и, догнавъ Аду, сказалъ ей:

— Вы синьора Ада? Бѣгите скорѣе! Спасайтесь! А это кто?

Ада и Кривелли молчали. Бароджи схватилъ Аду за руку и потащилъ.

— Что вы дѣлаете? вскричала Кривелли.

— Молчите, я ее спасаю.

Кривелли изъ всѣхъ силъ вцѣпилась въ платье пріятельницы. Ада старалась освободиться отъ нея, говоря:

— Бога ради, оставь меня!

Но Кривелли крѣпко держалась, повторяя:

— Не ходи, не ходи, Адоочка.

Такимъ образомъ, одинъ увлекая Аду, а другая цѣпляясь за нее, они дошли до огорода. Мужской голосъ, отъ котораго Ада вздрогнула, произнесъ:

— Это ты?

— Я, отвѣчалъ Бароджи.

— А Ада?

— Здѣсь. И Бароджи, не зная, какъ быть, потому что посторонняя дѣвушка крѣпко держалась за Аду, схватилъ ихъ обѣихъ въ охапку и притащилъ такимъ образомъ къ оградѣ, въ которой была калитка. За калиткой стоялъ Галантино.

— Вотъ, сказалъ ему Бароджи, вмѣсто одной, цѣлыхъ двѣ. Кажется, обѣимъ дурно.

— Что это значитъ?

— Выходить, что когда хочешь воровски и въ торопяхъ сорвать розу, обрываешь нѣсколько разомъ и портишь кустъ. Вотъ

вамъ, берите, запирайте, сажайте въ карету и валай во всю прыть, а то бѣда.

— Но кто же это стрѣлялъ?

— Да, дѣло кажется будетъ носерьезнѣе, чѣмъ мы думали. Тутъ что то не ладно. Берите же дѣвиць-то, сажайте въ карету, по главное, не проѣзжайте мимо монастырскихъ воротъ. Кажется, народъ совсѣмъ на насъ возсталъ и вломился въ монастырь.

Галаптино не отвѣчалъ, взялъ на руки обѣихъ дѣвушекъ и, готовясь запереть калитку на ключъ, переданный ему мошенникомъ огородникомъ, сказалъ Бароджи:

— Ты со мной?

— Ну, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ,—я отъ опасности не бѣгаю, и мнѣ хочется посмотрѣть, кто тамъ расправляется. Прощайте; если въ дракѣ мнѣ придется потерять шкуру, почему знать?.. Я прошу васъ, не заставьте эту дѣвушку проклинать меня.. вустъ она будетъ счастлива... Бѣдняжка!.. Прощайте.

Галаптино молча заперъ калитку. Бароджи нѣсколько минутъ постоялъ на мѣстѣ, прислушиваясь; ему показалось, что онъ слышитъ женскія вопли, точно стоны тонущихъ среди завыванія бури. Онъ еще прислушался и услышалъ галопъ пары лошадей и стукъ колесъ. Онъ взглянулъ на звѣздное небо:—Боже, что я надѣлалъ? Бѣдныя дѣвушки! И мрачный направился къ монастырю.

Когда онъ вышелъ изъ огорода и вошелъ въ монастырскую ограду, человѣкъ двѣнадцать франкмасоновъ, за которыми слѣдовала густая толпа народа, ворвавшись въ монастырь и оставивъ замертво часового, разрядившаго ружье, дрались съ стражей откупа, выбѣжавшей на шумъ изъ монастыря. Драка была отчаянная; монастырскій дворъ превратился въ поле битвы; монахи и воспитанницы въ ужасѣ толпились въ сѣняхъ, бѣгали по лѣстницамъ и корридорамъ и оглашали воздухъ раздирающими криками. Бароджи увидѣлъ, что его товарищамъ приходится плохо въ неровной борьбѣ, потому что народъ помогалъ атакующимъ, и откупные сбирьы были окружены со всѣхъ сторонъ. Кровь бросилась ему въ голову, и въ слѣпой ярости онъ выхватилъ саблю и кинулся въ толпу, нанося удары направо и налево. Къ немалому удивленію своему онъ увидѣлъ передъ собой нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ самой высокой миланской знати. Драка была безпощадная, вездѣ была кровь, двое откупныхъ и трое изъ нападающихъ ле-

жали безъ движенія. Отражая саблей ударъ шпаги, который на- носилъ ему лордъ Краль, Бароджи вскричалъ:

— Какой чортъ поднялъ васъ? Что вамъ за дѣло, что агенты откупа исполняютъ приказаніе начальства? Будь у васъ смыслъ, вы обратились бы въ правительственную палату...

Въ это время зычный голосъ возопилъ:— Дорогу, дорогу! Стой всѣ, не то всѣхъ перестрѣляю!

Толпа разступилась, и показались два капуцина съ многочис- леннымъ отрядомъ солдатъ полка Клерича подъ командою пору- чика, который кричалъ громовымъ голосомъ.

Солдаты были приведены изъ сосѣдней казармы Санъ Барнабо двумя капуцинами, услышавшими драку. Они окружили дерущихся и драка прекратилась, хотя кровь продолжала течь. Многие въ толпѣ получили удары прикладами отъ солдатъ, пролагавшихъ себѣ путь. Неслышанная сумятица нѣсколько стихла, молчаніе водво- рилось послѣ отчаяннаго гвалта, потрясавшаго монастырскія стѣ- ны. Только пять человекъ остались лежащими на дворѣ, и въ первую минуту нельзя было разобрать, живы они или нѣтъ.

— Что это за суматоха? спросилъ поручикъ.

— Мы ничего не знаемъ, отвѣчалъ Бароджи, — мы находимся здѣсь по приказанію начальства. Въ монастырѣ найдено много контрабанднаго табаку. Вотъ и все. А зачѣмъ пришли эти господа, мы не знаемъ.

— Мы пришли расправиться по справедливости, вскричалъ лордъ Краль, такъ какъ никто за нее не вступался. Мы пришли показать примѣръ и засвидѣтельствовать фактъ такъ, чтобы тѣ, которые навели этихъ каналій на убѣжище святыхъ дѣвственницъ, не могли замать его. Вотъ что!

Поручикъ, презиравшій Бароджи, какъ таможеннаго вонна и знавшій съ очень лестной стороны лорда Краля, не могъ однако оправдать его, потому что передъ закономъ онъ былъ виноватъ; поэтому онъ сказалъ только:

— Я не аудиторъ и не ангуаріусъ, чтобы разбирать, кто правъ, а мое дѣло препроводить всѣхъ васъ, господа, къ капитану юсти- ціи. Очень неприятная обязанность, но что же дѣлать? На моемъ мѣстѣ, господа, вы сами поступили бы также.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ лордъ Краль, — мы обѣ- щаемъ явиться къ капитану и даемъ вамъ въ томъ честное слово.

Прошу васъ только оказать помощь нашимъ друзьямъ, которые лежатъ на землѣ. Это донъ Джорджо Порро; вонъ графъ Руска, а это Стефано Пекію; онъ кажется мертвъ.

Уцѣлѣвшіе франкмасоны отправились въ путь; за ними издали слѣдовало нѣсколько солдатъ. Агенты откупа и въ томъ числѣ Бароджи также вышли, обѣщавъ явиться по востребованію къ капитану юстиціи.

Пятеро лежавшихъ на землѣ были съ помощью капуциновъ уложены на носилки и перенесены въ капуцинскую обитель.

Въ ту же ночь во дворцѣ капитана юстиціи были допрошены явившіеся и составленъ протоколъ въ присутствіи поручика полка Клеричи, подписавшагося Анджело Бираго изъ Казале въ Монферратѣ. Имена же виновныхъ были: донъ Джорджо Бренчани, Вилгелмъ лордъ Кразь-Иветра—Инчиза, Гаспаръ Антолони, адвокатъ, Карламброджо Негри, негоціантъ, Лоренцо Бруни, скрипачъ, Амилькаръ де-Бреме, Винченцо Гизальберти.

Въ ту же ночь одинъ изъ двухъ капуциновъ, прибѣжавшихъ на драку, явился къ капитану отъ имени преподобной настоятельницы монастыря св. Филиппа съ письменнымъ заявленіемъ за подписью игуменьи и трехъ сестеръ, удостовѣрившемъ въ исчезновеніи двухъ старшихъ воспитанницъ монастыря, донны Джакомы Кривелло, дочери маркиза Кривелли, и донны Ады В***, дочери графини Клелин В***, состоящей за отсутствіемъ матери подъ опекой донны Паолы Иветра—Инчиза.

На другой день весь Миланъ и все герцогство были полны слухомъ объ этихъ происшествіяхъ, и, разумѣется, всѣ въ одинъ голосъ превозносили мужество людей, проучившихъ агентовъ откупа. Но, среди этихъ похвалъ и сожалѣній объ арестѣ ихъ, узнали, что они франкмасоны; хотя франкмасонство тщательно берегло свои тайны, но въ публикѣ были извѣстны многіе его члены. Открытіе это дало Суарди средство смутить умы публики и властей.

Онъ разговаривалъ въ этотъ день съ Бароджи и вдругъ прервалъ разговоръ хохотомъ.

— Знаешь, сказалъ онъ, вѣдь можно подумать, что эти чудакъ были подкуплены нами, чтобы удрать свою штуку?

— Какъ такъ?

— Да конечно. Теперь властямъ извѣстно, что это франкмасоны. Ты знаешь, что, по мнѣнію однихъ, франкмасонство имѣетъ

цѣлю распространеніе просвѣщенія и общее благо; по мнѣнію другихъ, оно скрываетъ подъ этой прекрасной виѣшностью гнусности и грязь. Теперь легко доставить торжество этому второму мнѣнію. Зачѣмъ они напали на насъ? Чтобы воспользовавшись смятеніемъ, похитить двухъ дѣвушекъ. Это ясно. Но это еще не все; одно подозрѣніе всегда порождаетъ другое. Ты не знаешь еще, что я часто видалъ этого лорда Краля развѣзжающимъ близъ монастыря. Теперь мнѣ пришло въ голову, что можетъ быть онъ влюбленъ въ Аду; это весьма естественно, потому что она часто бывала въ домѣ его матери. Но не въ томъ дѣло, правда ли это; довольно того, что это правдоподобно, довольно того, чтобы обвиненіе его въ похищеніи дѣвушки имѣло вѣроятный характеръ. Синьоръ капитанъ уже получилъ въ настоящее время записку объ этомъ безъ подписи. А? Каково? Что ты скажешь? Ловко? Могу сказать, что судьба — моя вѣрная слуга, и мнѣ самому едва вѣрится, что обстоятельства сложились такъ странно, точно по заказу. Что ты такъ мраченъ?

— Да, мнѣ не смѣшно; переводъ длиненъ и широкъ, и мы сами въ немъ сидимъ, и какъ подумаю, что тутъ и моя бѣдная мать.

— Будь спокоенъ, Джуліо, вѣдь я сказалъ тебѣ вчера: мой гербъ — чортовъ хвостъ въ красномъ полѣ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I.

Въ тотъ вечеръ, когда произошли всѣ эти происшествія, бесѣда въ домѣ Оттобони, разсѣявшаяся было по разнымъ комнатамъ и балконамъ, сосредоточилась подъ конецъ въ двухъ салонахъ. Въ одномъ продолжалась бесѣда, а въ другомъ собрались любители разныхъ игръ. Тутъ сидѣла и донна Паола Пьетра, играя въ тарокъ съ надре Фризи, съ квесторомъ графомъ Пермузати, попечителемъ аристократической школы Санъ-Джованни, съ маэстро Гальмини и другими. Она почти ежедневно бывала въ домѣ Оттобони, проводя время въ карточной игрѣ или разыгрывая въ четыре руки съ графиней Ангезе пьесы аббата Стефани, Скорлатти, аббата Кларн, Гассе и другихъ знаменитыхъ композиторовъ. Она и въ старости не покинула музыкальнаго искусства, въ которомъ была такъ сильна въ бытность свою монахиней въ монастырѣ св. Радегунди.

Въ этотъ вечеръ она по своему обыкновенію пріѣхала въ домъ Оттобони довольно поздно. Такъ какъ погода была прекрасная, лордъ Краль заранѣе условился съ матерью, что она отпустить экипажъ, и онъ проводить ее пѣшкомъ домой. Они не разъ возвращались такимъ образомъ въ сопровожденіи слуги съ фонаремъ; иногда къ нимъ присоединялся надре Фризи или Парини или еще кто нибудь, и они нарочно избирали длиннѣйшій путь, чтобы подольше поговорить и подышать чистымъ воздухомъ; верѣдко донна

Паола зазывала еще провожатых на минутку къ себѣ выпить стаканъ лимонаду.

Поспѣшный уходъ лорда Краля при извѣстїи о нападенїи откупной стражи на монастырь св. Филиппа возбудилъ толки въ домѣ Оттобови; но всѣ смолкли при появленїи донны Паолы. Только когда она засѣла въ отдѣльномъ салонѣ за карточную игру, разговоры на эту тему возобновились. Такъ прошло довольно много времени, когда уже поздно вошелъ адвокатъ Рейна, отецъ извѣстнаго библіофила. Онъ вошелъ съ такимъ таинственнымъ и многозначительнымъ видомъ, что возбудилъ общее любопытство, отвелъ въ сторону аббата Парини и сказалъ ему:

— Бѣда, бѣда, любезнѣйшїй аббатъ. Такое приключенїе, такой скандалъ, что и не приснится во снѣ.

— Что такое?

— Впервыхъ.... донна Паола здѣсь?

— Здѣсь.

— Не хорошо. Лучше бы ей быть дома.

— Да въ чемъ дѣло?

— Толпа, вооруженная шпагами и пистолетами, ворвалась въ монастырь св. Филиппа.

— И лордъ Краль?

— Да.... Они пришли съ намѣренїемъ проучить откупныхъ агентовъ и произвести скандалъ нарочно для того, чтобы принудить правительство отмѣнить апрѣльскїй эдиктъ. Скандалъ вышелъ дѣйствительно такой, что пятерыхъ подняли за мертво, и прибѣжали солдаты полка Клеричи, и лордъ Краль....

— Что? Неужели убить?

— Нѣтъ, но отправленъ къ капитану юстиціи съ шестью или семью товарищами, въ томъ числѣ двое вашихъ бывшихъ учениковъ и сынъ банкира Негри, извѣстный скандалистъ.

— Какое происшествїе!

— Что же теперь дѣлать? Сказать ли доннѣ Паолѣ?

— Какая же возможность скрыть отъ нея? Она всѣхъ мужчинъ заткнетъ за поясъ умомъ и твердостью. Все равно она узнаетъ не позже какъ завтра и будетъ въ правѣ претендовать на насъ, что мы не сказали ей тотчасъ, притомъ она будетъ хуже мучиться неизвѣстностью, если сынъ не вернется на ночь домой. Лучше

всегда узнать неприятность, чѣмъ мучиться догадками о неизвѣстной бѣдѣ, которую воображеніе непременно преувеличиваетъ.

Все вниманіе присутствующихъ было устремлено на разговаривающихъ, наконецъ маркиза Оттобони подошла къ нимъ съ вопросомъ, что случилось; въ ту же минуту всѣ сидѣвшіе встали и обступили ихъ, и адвокату пришлось повторить свой рассказъ.

— Я такъ и думалъ, говорилъ одинъ.

— Вотъ уже не ожидалъ, говорилъ другой.

— Что за безуміе! Съ чего? Съ какой стати? Непостижимо.

— Догадываюсь, въ чемъ дѣло, говорила одна дама.

— Въ чемъ?

— Лорду Вильгельму двадцать шесть лѣтъ, онъ энтузіастъ, увлекается.... въ монастырѣ вѣрно есть какая нибудь дѣвушка взрослая...

— Ну такъ что же? Вѣдь не приревновалъ же онъ къ откупнымъ агентамъ?

— Тутъ не ревность, а страхъ, и по моему, не напрасный! Чего хорошаго ожидать отъ сбирровъ въ монастырѣ?

— Любезная донна Джоконда, сказала съ строгой ироніей Парини молодой, хорошенькой и коварной дамѣ, которая говорила тихо, но не настолько, чтобы слова ея не были слышны; будьте такъ добры, повѣрьте, что иногда люди, особенно молодые, могутъ идти на опасность единственно лишь изъ побужденія сдѣлать доброе дѣло, помочь ближнему, помимо всякаго интереса, и мнѣ кажется, что здѣсь именно такой случай. Поэтому будьте благосклонны къ лорду Виліаму, допустите, что онъ дѣйствовалъ безкорыстно.

— Мнѣ кажется, что кто идетъ на опасность хотя бы для того, чтобы защитить отъ насилія дорогую ему особу, заслуживаетъ полнаго уваженія, отвѣчала обиженно донна Джоконда, краснѣя подъ бѣлизнами и подъ двумя мушками, налѣпленными у угла лѣваго глаза и на правой щекѣ и придавшими особую пикантность ея красивому личику.

— Донна Джоконда такъ умна, что вынуждаетъ меня принять это доброжелательное истолкованіе своихъ двусмысленныхъ словъ.

Въ залѣ водворилось молчаніе, среди котораго можно было раз-
слушать слова игроковъ въ другомъ салонѣ.

— У васъ есть еще время отыграться, говорилъ падре Фризи: лордъ Вильямъ еще не пришелъ.

— Пожалуй, только я не понимаю, отчего опъ такъ долго не идетъ.

Парини направился, прихрамывая съ достоинствомъ, въ салонъ къ доннѣ Паолѣ.

Маркиза Оттобони послѣдовала за нимъ.

Парини подошелъ къ карточному столу и сказалъ доннѣ Паолѣ:

— Лордъ Вильямъ не можетъ прійти; онъ задержанъ по важному дѣлу, которое я объясню вамъ впоследствии.

— Что такое? Онъ прислалъ сказать?

— Нѣтъ; кончайте партію, и я вамъ послѣ скажу въ чемъ дѣло. Ну, дорогой падре, рѣшайтесь, кладите карту; если и ошибетесь, то вѣдь тутъ не математическую задачу рѣшать.

— Поэту конечно простительно смѣшать короля шпигъ съ королемъ золота ¹⁾, отвѣчалъ падре Фризи съ своей обычной шутовскою, но профессору математики это было бы стыдно. Ахъ... донна Паола!... Вотъ не воображалъ, что у васъ двадцать одинъ; ну, на этотъ разъ я сыгралъ, какъ поэтъ.

Партія кончилась, всѣ встали, и донна Паола нетерпѣливо обратилась къ Парини:

— Что же это за важное дѣло?

— Лордъ Вильямъ съ другими молодыми людьми рѣшился вмѣшаться въ дѣйствія этихъ негодяевъ откупщиковъ съ полезной цѣлью какимъ нибудь громкимъ поступкомъ убѣдить правительство во вредъ его постановленій по этой части. Нынче былъ произведенъ обыскъ въ такомъ мѣстѣ, куда до сихъ поръ откупъ еще не смѣлъ забираться....

— Ахъ, я этого ожидала! Понимаю; они вздумали отражать полицію, и Вильямъ....

— Да, Вильямъ попался вмѣстѣ съ друзьями, чего конечно слѣдовало ожидать, и имъ пришлось всѣмъ отправиться къ капитану юстиціи.

Всѣ присутствующіе были изумлены, увидавъ что при этомъ извѣстїи спокойное и ясное лицо донны Паолы выразило только нѣкоторое удовольствіе.

¹⁾ Масти въ тарокъ.

— Друзья мои, сказала она, дѣло было въ такомъ положеніи, то, продолжаясь такимъ образомъ, могло только привести къ какой нибудь ужасной катастрофѣ, и потому необходимо было, чтобы какой нибудь смѣлый и рѣшительный человѣкъ протестовалъ противъ него громко и безъ тѣхъ полумѣръ, которыя всегда только портятъ дѣло; поэтому откровенно скажу вамъ, хотя дорогая маркиза смотреть на меня съ удивленіемъ, я рада, что сынъ мой тутъ участвуетъ. Я предвижу, что хлопотъ будетъ много; но я знаю также, что на свѣтѣ все шло бы гораздо хуже, если бы не находилось счастливыхъ великодушныхъ характеровъ, возстающихъ противъ насилія и предразсудковъ. Я довольна Вильямомъ. Пусть его смѣлость обойдется ему дорого; я на цѣну не пожалуюсь, онъ принесъ пользу обществу. А теперь мнѣ необходимо вернуться домой; тамъ меня вѣрно ждетъ письмо отъ капитана юстиціи и, можетъ быть, извѣстіе отъ Вильяма. Увидимъ. Кто идетъ со мной?

Всѣ предложили свои услуги. Она взяла руки адвоката Фоліадца; Парини, Фризи и графъ Пертузати собрались проводить ее. Когда они хотѣли идти, маркиза Оттобони, женщина горячаго сердца, сказала: Донна Паола, позвольте и мнѣ проводить васъ. Я велю прислать за мной къ вамъ карету.

Всѣ вышли потихоньку. Приближаясь къ дому Пьетра и переходя площадь, они издали увидели карету, остановившуюся у подъѣзда донны Паолы. Лакей стоялъ одной ногой на подножкѣ кареты, держа въ лѣвой рукѣ горящій факель, освѣщавшій краснымъ огнемъ часть мрачной улицы Борромео, и разговаривалъ съ кучеромъ. Слуги, шедшіе впереди съ фонарями, первые узнали экипажъ и, обернувшись, сказали: Это экипажъ графа Аресе.

— Ахъ, сказала донна Паола: это вѣрно графиня; ужь не случилось ли бѣды?

Дѣйствительно, когда они подходили къ крыльцу, проходя гуськомъ между каретой и стѣной дома, лакей, снявъ ногу съ подножки и треугольную шляпу съ головы, доложилъ:

— Графиня Аресе уже съ полчаса ожидаетъ вашу милость у васъ.

— Боже мой, прошептала донна Паола: что могло еще случиться?

Графиня Аресе, орденская дама звѣзднаго креста и патронесса многихъ религіозныхъ общинъ, была, какъ помнитъ читатель, покровительницей и блюстительницей монастыря св. Филиппа.

II.

Нѣсколько часовъ тому назадъ эта высокородная дама получила записку отъ преподобной игуменьи съ просьбой немедленно прибыть въ монастырь. Она съ негодованіемъ выслушала рассказъ о случившемся и пришла въ ужасъ, узнавъ объ исчезновеніи двухъ воспитанницъ.

— И вѣдь говорила я этой доннѣ Паолѣ, воскликнула она; вѣдь говорила я ей взять дѣвушку изъ монастыря. Но она вѣчно хочетъ все дѣлать по своему; вотъ и дождалась!

— Да, графиня, относительно Ады, это такъ, отвѣчала игуменья, но какъ объяснить исчезновеніе Кривелли, воспитанницы примѣрнаго поведенія? Ахъ, какой позоръ, какой срамъ для монастыря, графиня! Столько времени пользовались мы такой славной и заслуженной репутаціей!

— Ахъ, и не говорите! Что теперь дѣлать? Эта донна Паола, которая всюду суется, всѣмъ даетъ совѣты, раздастъ милости, награды и пособія, пусть теперь придумываетъ, что тутъ дѣлать. Увидимъ, придумаетъ ли. Сейчасъ же ѣду къ ней. А вы, ваше преподобіе, пошлите поскорѣе когонибудь изъ капуцинскаго монастыря предупредить семейство Кривелли. О, что они скажутъ, что скажетъ эта добрѣйшая маркиза! Ужасное несчастіе! И говоря это, она сѣла въ карету и поѣхала въ домъ Пьетра, оставивъ въ слезахъ игуменью и сестеръ.

Графиня Аресе и другія дамы, подобно ей титулованныя и официально облеченныя въ разныя должности по части благотворительности, попечительницы монастырей, сиротскихъ домовъ, собирательницы милостыни, за которыми поэтому ухаживали, передъ которыми кланялись, унижались, которыхъ боялись, не любили донну Паолу. Первой причиной этой тайной неприязни было то, что она не соглашалась принадлежать ни къ какимъ благотворительнымъ обществамъ, говоря: «Ужъ есть кому подумать объ обыкновенныхъ и ежедневныхъ несчастіяхъ, поэтому необходимо комунибудь взять на себя попеченіе объ исключительно несчастныхъ положеніяхъ, особенно о такихъ, о которыхъ никто не хочетъ позаботиться, потому что они идутъ въ разрѣзъ съ укоренѣлыми въ свѣтѣ предрасудками». Особенно злило этихъ дамъ то, что донна

Паола, не имѣя никакой официальной должности, ни звѣздныхъ крестовъ, ни другихъ выѣсокъ, получала больше всего выражений любви и довѣрія; часто бѣдняки, обращавшіеся къ ней за помощью, въ случаѣ какого нибудь затруднительнаго обстоятельства, требовавшаго содѣйствія или заступничества, сами произносили имя донны Паолы, какъ бы намекая на то, чтобы онѣ посоветовались съ нею, и тогда эти неосторожные просители выпроваживались въ сердцахъ и съ отказомъ.

Донна Паола въ сильномъ безпокойствѣ поднялась на лѣстницу съ своими спутниками. Въ передней бѣлѣ раззолоченный лакей графини Ареше и слуга донны Паолы; они въ одинъ голосъ доложили:

— Ея сіятельство въ приемной.

Услышавъ шаги и голоса, графиня встала съ кресла, на которомъ придумывала, какъ бы лучше объявить новость, и пошла къ дверямъ. Донна Паола, войдя, съ живостью спросила ее:

— Чему я обязана вашимъ посѣщеніемъ въ такую позднюю пору?

Голосъ ея, неизмѣнившійся при извѣстіи о приключеніи съ сыномъ, теперь дрожалъ отъ безпокойства.

Смутное предчувствіе бѣды тяготило ее, и, кромѣ того, мучило присутствіе этой женщины, къ которой она чувствовала невольную антипатію. Подобное чувство можно назвать несправедливымъ, но иногда оно имѣетъ значеніе спасительнаго инстинкта; доннѣ Паолѣ графиня Ареше казалась неизбѣжной вѣстницей несчастія.

Трудно принскать хорошій способъ для сорбщенія дурной вѣсти. Графиня взялась за это такъ:

— Донна Паола, сказала она въ отвѣтъ на вопросъ, вы помните мнѣ послѣднее посѣщеніе?

— Помню, нетерпѣливо отвѣчала донна Паола.

— Вы помните, можетъ быть, и совѣтъ, который я тогда позволила себѣ дать вамъ. Ахъ, донна Паола, отчего при вашемъ умѣ вы не послушались его!—И она испустила протяжный вздохъ.

— Но, ради Бога, говорите, сказала донна Паола:—какое отношеніе между этимъ совѣтомъ и вашимъ сегодняшнимъ посѣщеніемъ?

— Еслибы дѣвушка, которой вы покровительствуете, была во время взята изъ монастыря...

Сравненіе хозяйства крестьянъ тамбовскаго и нассаускаго.

I.

Подъ этимъ названіемъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» прошлаго года, была напечатана статья, кажется, одного изъ нашихъ ученыхъ агрономовъ, въ которой тотъ, сравнивая хозяйство тамбовскаго и нассаускаго крестьянина, показываетъ, что они отстоятъ другъ отъ друга столь далеко, какъ небо отъ земли, а затѣмъ перекидываетъ черезъ это необъятное пространство мостъ, вслѣдствіе чего и русскому мужику является полная возможность (разумеется, въ воображеніи автора) изъ ада перебраться въ нѣмецкій земледѣльческій рай. Посмотримъ, найдется ли эта возможность гдѣ нибудь еще, кромѣ столбцевъ газеты и воображенія лица, наполнившаго ихъ печатными строками и есть-ли рай нѣмецкаго хлѣбобанца нѣчто, по привлекательности, способное соблазнить русскаго крестьянина, переменить систему своего сельско-хозяйственнаго вѣрованія. Мы считаемъ повтореніе сравненія обонхъ хозяйствъ тѣмъ уместиве, что авторъ статьи «Московскихъ Вѣдомостей» въ своемъ сопоставленіи ограничился агрономической стороною дѣла, между тѣмъ, какъ здѣсь еще есть соціально-экономическая сторона, которая въ концѣ концовъ и рѣшаетъ вопросъ; съ этой-то точки зрѣнія мы къ нему и относимся, такъ что наша замѣтка будетъ естественнымъ дополненіемъ таковой же г. К. Л. Предварительно напомнимъ читателю, что въ нашемъ обществѣ обращаются двѣ теоріи, предложенныя для объясненія современныхъ экономическихъ затрудненій: одна изъ нихъ почти всѣ бѣдствія Россіи приписываетъ агрономической от-

статисти страны и главнѣйшимъ средствомъ, способнымъ исправить положеніе дѣль, считаетъ агримультурную реформу; другая видитъ суть вопроса въ экономическихъ основахъ хозяйства, и, какъ первый шагъ на пути выхода изъ затруднительнаго положенія, рекомендуетъ аграрныя преобразованія. Г. К. Л., принадлежитъ къ числу лицъ, иновѣдывающихъ первую теорію, но читатель сильно ошибется, если, основываясь на этомъ, порѣшитъ, что указанную партію составляютъ главнымъ образомъ наши специалисты—агрономы. Это, правда, было когда-то, но теперь далеко не то; теперь, насколько намъ извѣстно, совершается процессъ совращенія ученыхъ агрономовъ въ вѣрованіи экономической теоріи кризиса, а за агрономическую ухватились съ особенной жадностью публицисты помѣстнаго класса: въ этой теоріи,—въ отсталости сельско-хозяйственной культуры крестьянина, въ проповѣди агрономическихъ преобразованій сельскаго хозяйства, они думаютъ найти оружіе противъ расширенія народнаго землевладѣнія; этимъ маневромъ они надѣются ослабить впечатлѣніе, производимое на общество толками о недостаточности надѣловъ крестьянъ, вызванными статистико-экономическими изслѣдованіями послѣднихъ годовъ. Теорія, отъ такого превращенія контингента ея послѣдователей, мало выигрываетъ въ смыслѣ авторитетности, но за то она становится интереснѣе; сухой агрономическій вопросъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую икавность; изъ уединеннаго кабинета ученаго, онъ выкидывается на широкій просторъ улицы. Поэтому, если мы сами заинтересовались «сравненіемъ» г. К. Л. и надѣемся заинтересовать имъ читателя, то не праздное любопытство лежитъ въ основѣ этого: разсматриваемая статья есть оружіе общественной партіи (которымъ та уже и пользуется), анализъ ея нельзя назвать борьбой съ вѣтрианными мельницами. Пусть читатель не смущается якобы частностью тѣмъ, насколько о ней можно судить по заглавію статьи; насауское и тамбовское хозяйства принимаются г. К. Л. не какъ таковыя, а какъ тишическіе представители двухъ распространенныхъ системъ: иттенсивной—нѣмецкой и отсталой—русской; поэтому и заключенія, сдѣланныя авторомъ, а также и тѣ, къ которымъ придемъ мы, носятъ не специально мѣстный характеръ, а должны быть распространены на болѣе обширную территорию.

Выше мы замѣтили, что статья г. К. Л. есть оружіе партіи; теперь мы скажемъ еще больше: самъ авторъ отнесся къ имѣющемуся у него матеріалу не какъ безпристрастный ученый, а какъ человѣкъ партіи (или, пожалуй, какъ узкій специалистъ). Онъ слишкомъ ужъ игнорировалъ все, что оправдываетъ существующее положеніе русскаго хозяйства и неупускаетъ изъ виду ни одного преимущества нѣмецкаго. Не говоря уже о томъ, что для автора соціальной обстановки земледѣльческаго промысла какъ-бы не существуетъ,—онъ пропустилъ безъ вниманія и то обстоятельство, что нассаускій крестьянинъ всѣ доходы имѣетъ исключительно отъ собственнаго хозяйства, тамбовскій-же, кромѣ своего надѣла, обрабатываетъ, въ качествѣ арендатора или наемника, и помѣщичью землю, а зимой занимается и другими промыслами. Такимъ образомъ, доходъ нассаускаго хозяйства есть результатъ годоваго труда крестьянской семьи, между тѣмъ, какъ выгоды отъ работы на собственномъ надѣлѣ тамбовскаго земледѣльца не обнимаютъ и половины возможнаго для него заработка. Поэтому, съ перваго взгляда, не проанализировавъ приводимыхъ авторомъ цифръ, можно дѣйствительно подумать, что нассаускій крестьянинъ въ области своего труда создалъ нѣчто въ родѣ эдема, а русскій мужикъ копошится во тьмѣ кромѣшной!

Въ самомъ дѣлѣ, первый съ девяноститиного участка получаетъ 2½ тыс. рублей валоваго дохода, а второй—съ 12 десят. имѣетъ только 275—80 р. (а не 242, какъ приводитъ авторъ, упуская изъ виду, что при расчетѣ доходовъ не принята во вниманіе стоимость сѣмянъ для посѣва) т. е. почти въ 10 разъ меньше. Это приводитъ къ тому, что тамбовскій крестьянинъ, хотя и владѣетъ участкомъ на $\frac{1}{3}$ болѣешимъ нассаускаго, долженъ однако еще арендовать (и имѣетъ возможность сдѣлать это по рабочему составу своей семьи) 3½ дес. помѣщичьей земли и затѣмъ обрабатывать по найму 2 дес. владѣльческаго поля¹⁾. Обитатель же нѣмецкаго эдема «не только не нанимается на работы къ землевладельцамъ, но еще самъ держитъ постояннаго работника и въ извѣстные періоды нанимаетъ кромѣ того еще поденщиковъ, по-

¹⁾ Данныя о тамбовскомъ хозяйствѣ мы почерпнули изъ одного источника съ авторомъ, именно изъ Сб. Стат. Свѣд. по Тамб. губ. т. I, а свѣдѣнія о нассаускомъ хозяйствѣ дасть намъ самъ г. К. Л.

могающихъ ему и членамъ его семьи производить спѣшныя работы по уборкѣ».

Очарованіе, однако, нѣсколько ослабѣваетъ, когда отъ доходовъ обѣихъ семей мы перейдемъ къ хозяйственнымъ расходамъ: русскій земледѣлецъ тратитъ на производство около 90 руб., за вычетомъ которыхъ у него остается 185 руб. на удовлетвореніе потребностей семьи; нѣмецъ ежегодно вкладываетъ въ свой промыселъ 1,600 р., и на себя изъ двухъ съ половиною тысячнаго дохода у него остается всего 900 р. Отношеніе между доходами обѣихъ семей, выразившееся раньше 1:10 измѣнилось теперь въ пользу русскаго крестьянина вдвое; а если принять во вниманіе, что доходъ тамбовскаго земледѣльца нужно еще увеличить на 66 руб.,—получаемыхъ работой внѣ своего пахѣла, каковаго заработка не можетъ имѣть пассаускій крестьянинъ, все свое время посвящающій собственному участку—то разница между доходами обѣихъ семей уменьшится еще болѣе.

Какъ-бы то ни было но все-таки 250 р., вотъ чистый доходъ (не вычитая изъ него содержанія семьи) русскаго земледѣльца отъ его экстенсивнаго хозяйства и 900 руб. вложенныхъ въ карманъ мелкаго нѣмецкаго хозяина практикуемой имъ болѣе интенсивной культурой. Разница настолько значительная, что стоитъ позаботиться о ихъ уравненіи, стоитъ русскому земледѣльцу перенять приемы нѣмецкаго хозяина. И «мнѣ кажется, говорить г. Б. Л., что совершенно возможно организовать травосѣяніе и разведеніе кормовой свеклы и въ хозяйствахъ борисоглѣбскихъ и другихъ русскихъ крестьянъ, владѣющихъ 10—12 десятинами. А если при этомъ еще научить ихъ современной рациональной обработкѣ, посредствомъ хорошихъ орудій и съ помощью хорошаго рабочаго скота, научить ихъ правильно удобрять землю и правильно хозяйничать со скотомъ, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы они не получили съ своихъ двѣнадцати десятинъ такого-же дохода, какой получаетъ пассаускій крестьянинъ съ десяти гектаровъ. Но какъ все это сдѣлать? Для того, чтобы крестьянинъ могъ приобрести хорошей рабочей скотъ и земледѣльческія орудія, нужны, конечно, деньги, которыхъ у него, очевидно, нѣтъ. Но для того, чтобы онъ съумѣлъ извлечь пользу изъ этихъ орудій и скота, и извлечь съ ихъ помощью изъ своихъ двѣнадцати десятинъ наибольшій возможный доходъ, подобный доходу пассаускаго крестьянина, нужно,

чтобы нашъ крестьянинъ получилъ знаніе и умѣнье, помимо денежныхъ средствъ. Для этого должны быть устраиваемы образцовые хутора съ 10 или 12 десятинами земли, на которыхъ организовалось-бы хозяйство, долженствующее служить примѣромъ для крестьянъ. Безъ этого никакая сила не заставитъ борисоглебскихъ крестьянъ измѣнить ихъ способы хозяйничанья и обработки ихъ надѣла, никакое краснорѣчіе не убѣдитъ ихъ въ возможности получения иныхъ суммъ дохода отъ этого надѣла».

Рецептъ, какъ видите, очень простъ! «Выпейте стьянку, другую — утѣшаетъ врачъ пациента, — и вы будете здоровы». Къ сожалѣнію, врачъ понимаетъ всю мизерность значенія въ дѣлѣ оздоровленія населенія рецептовъ и если утверждаетъ въ лицо больному противное, то дѣлаетъ это съ единственной цѣлью не дать упасть ему духомъ, поддержать его жизненную энергію въ борьбѣ съ недугомъ. Нужно полагать, что и г. К. Л. даетъ свой рецептъ съ той же тайною цѣлью, хотя явно и утверждаетъ иное; по крайней мѣрѣ въ его же статьѣ приведены факты, доказывающіе, какъ мало надежды на перенесеніе въ Россію порядковъ нѣмецкаго хозяйства.

Авторъ, что естественно для агронома, прельстился агрикультурной высотой нассаускаго хозяйства. Но въ этомъ дѣлѣ есть и экономическая сторона, на которую ученый, трактующій о судьбахъ своего отечества, долженъ обратить не меньше вниманія. Къ сожалѣнію, эта то сторона дѣла и упущена г. К. Л. изъ виду, а, по надлежащемъ ея освѣщеніи, вся картина представляется уже не столь яркой. Сдѣлаемъ за автора то, что онъ упустилъ, проанализируемъ социально экономическую обстановку крестьянскаго хозяйства въ Россіи и Германіи.

Въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ, разсматриваемомъ разносторонне, нужно различать производительность земли и производительность труда. Поговоримъ сначала о первой. Она измѣряется валовымъ доходомъ отъ промысла, т. е. количествомъ продуктовъ, получаемыхъ съ единицы пространства. Въ различныхъ странахъ производительность земли неодинакова, и въ сравниваемыхъ нами мѣстностяхъ это различіе выступаетъ крайне рѣзко: нассауская десятина даетъ своему хозяину почти на 300 рублей продуктовъ, тамбовская ограничивается 25-ю рублями; если денежное выраженіе валовой доходности земли обѣихъ мѣстностей можетъ служить мѣриломъ ея реальной продуктивности (а это, какъ мы увидимъ ниже, невѣрно

по причинѣ неодинаковости цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты въ обѣихъ странахъ), то слѣдуетъ признать, что производительность земли въ Германіи въ 10—12 разъ превосходитъ такую-же въ Россіи. Съ агрономической точки зрѣнія это различіе обусловливается разницей въ способахъ ухода за землей; съ измѣненіемъ послѣднихъ можетъ исчезнуть и первое. Съ этой точки зрѣнія отнесся къ вопросу и г. К. А., и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ пришелъ къ заключенію о необходимости измѣнить нашу сельско-хозяйственную культуру на нѣмецкій ладъ. Но существуютъ и общественныя причины указаннаго явленія, безъ измѣненія которыхъ также напрасно будетъ ожидать возвышенія производительности русской почвы, какъ тщетно надѣяться на это, оставляя нетронутыми агрокультурныя приемы нашего хозяина.

Въ числѣ этихъ не агрономическихъ причинъ различія производительности земли разныхъ мѣстностей, на первомъ планѣ стоитъ степень густоты населенія. Если вся земля находится подъ культурой, то производительность ея должна быть такова, чтобы ею прокормилось все населеніе области; при извѣстной густотѣ населенія, поэтому единица пространства даетъ столько то продуктовъ, по размноженіи населенія таже единица должна дать пропорціонально больше. Сравнивая, въ этомъ отношеніи, одно только земледѣльческое населеніе Россіи и Германіи, мы увидимъ, что тогда какъ четыре рабочихъ въ Нассау все свое время посвящаютъ 9 десятинамъ, 3, 3 рабочихъ Тамбовской губерніи управляютъ съ 18 десятинами (12 своихъ и 5½ чужихъ); т. е. на одного земледѣльца въ Нассау^е приходится 2¼ десятины эксплуатируемой земли, а на русскаго рабочаго (беря за типъ его тамбовскаго хозяина) 5, 5 десяти или почти въ 2½, раза больше. Слѣдовательно, если земля въ обѣихъ странахъ кормитъ одно только земледѣльческое населеніе, то и въ такомъ случаѣ она должна въ Германіи давать въ 2½, раза больше продуктовъ, нежели въ Россіи. Но здѣсь мы подходимъ еще къ новому соціальному несходству обѣихъ разсматриваемыхъ странъ—именно, къ распредѣленію рабочаго населенія между земледѣльческимъ и промышленнымъ трудомъ—оказывающему также огромное вліяніе и главнымъ образомъ на производительность земледѣльческаго труда въ той и другой мѣстности, т. е. на количество продуктовъ, добываемыхъ каждымъ отдѣльнымъ хозяиномъ.

Нашъ авторъ подчеркиваетъ ту особенность бюджета нассаускаго хозяина, что «расходъ на содержаніе семьи составляетъ только небольшую часть общей сумми расхода, большая часть которой идетъ на самое хозяйство». Въ самомъ дѣлѣ, изъ 2¹/₂ тысячъ рублей дохода на содержаніе семьи тратится 360 рублей, а на хозяйство около 1600 р. (600 р. откладывается ежегодно въ кубышку), т. е. въ 3—4 раза больше; нашъ-же тамбовецъ проѣсть 160 р., а въ хозяйство вложить 90 р., т. е. сравнительно съ нѣмцемъ въ 5—6 разъ меньше. Обусловливается ли такое различіе исключительно агрономической отсталостью Россіи или для него существуютъ уважительныя историко-соціальныя причины?

Если нѣмецъ, нуждаясь лично въ земледѣльческихъ продуктахъ цѣнностью въ 360 р., добываетъ ихъ однако на 2¹/₂ тыс., т. е. въ 6 разъ больше, и, при этомъ избытки у него не гниютъ въ амбарахъ да погребахъ, а своевременно превращаются въ деньги, значить есть около земледѣльца цѣлая масса лицъ, не занимающихся тѣмъ же производствомъ, а добывающихъ средства жизни инымъ путемъ. Чтобы русскій земледѣлецъ очутился въ аналогичномъ положеніи, т. е. могъ бы добывать земледѣльческихъ продуктовъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ нужно ему самому, необходимо, чтобы и въ Россіи распредѣленіе населенія по занятіямъ было подобно существующему на западѣ. Находимъ ли мы это въ настоящее время и мыслимо ли что либо подобное при нашихъ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ? Не имѣя данныхъ о распредѣленіи населенія по занятіямъ собственно въ территоріи нашей, мы приведемъ изъ статистики Янсона соотвѣтствующія данныя для Пруссіи и Германіи. Оказывается, что въ первой земледѣльческой классъ составляетъ около половины, а въ цѣлой Германіи даже только треть всего населенія; тогда какъ въ Россіи земледѣльскимъ трудомъ занято не менѣе 80% всѣхъ жителей. Т. е. каждая земледѣльческая семья въ Германіи должна добыть такую массу продуктовъ, чтобы ими можно было прокормить кромѣ своей еще 1—2 семьи; въ Россіи же всякая не земледѣльческая семья прокармливается четырьмя хлѣбопашцами. Иначе говоря, запросъ на сельско-хозяйственные продукты въ Россіи (не говоря о внѣшнемъ, все болѣе отъ насъ ускользающемъ рынкѣ) въ 2—3 раза меньше такового же на западѣ (тамъ одна семья добываетъ земледѣльческіе продукты для 2—3, у насъ для 1¹/₄ семей);

при прочих равныхъ условіяхъ (одинаковость потребностей) производительность русскаго земледѣльческаго труда должна быть въ 2—3 раза меньше производительности нѣмецкаго.

И такъ, нѣмецкій крестьянинъ обрабатывая въ 2—2½ раза меньше земли сравнительно съ русскимъ, долженъ однако прокормить ея въ 2—3 раза больше народу, т. е. производительность единицы пространства на западѣ должна быть въ 4—6 разъ больше таковой же въ Россіи. Мы дѣлаемъ этотъ расчетъ предполагая, что потребность въ продуктахъ земледѣлія въ обѣихъ странахъ относительно одинакова; но вѣдь и это не такъ: нѣмецъ больше русскаго ѣстъ мяса, масла, сыру, сахара, пьетъ больше спиртныхъ напитковъ; развитая промышленность Германіи въ свою очередь поглощаетъ больше нашей крахмала, масла, льна и другихъ продуктовъ земледѣлія. Т. е. вмѣстѣ съ скученностью населенія на западѣ выстукаетъ новый факторъ, возвышающій требованія, предъявляемыя землѣ—большая потребность въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ. Эта большая потребность вызываетъ увеличеніе производительности земли и труда.

Впрочемъ, выраженіе «производительность земледѣльческаго труда» мы здѣсь употребляемъ нѣсколько условно, не техническую успѣшность труда имѣемъ мы въ виду, а количество продуктовъ, добываемыхъ рабочимъ въ земледѣльческій сезонъ, независимо отъ продолжительности послѣдняго (которая въ различныхъ странахъ различна). Здѣсь, кромя того, мы можемъ различать валовую производительность труда, получаемую отъ раздѣленія валоваго дохода на число работающихъ и чистую, которую мы узнаемъ, если изъ первой вычтемъ расходъ производства (сѣмена, живой и мертвый инвентарь, удобрения и проч., но не трудъ). Первая будетъ въ Германіи 600 руб. (2½ тыс. дохода на 4 работающихъ), въ Россіи 120 руб. (около 400 руб. валоваго дохода съ крестьянской и владѣльческой земли, обрабатываемой крестьянской семьей въ 3,3 рабочихъ); чистая производительность труда въ Германіи 300 р. (затрата капитала составляетъ тамъ половину валоваго дохода), въ Россіи 90 руб. (не вся эта сумма остается у рабочаго; часть ея поступаетъ къ крупному владѣльцу, землю котораго, арендуя или по найму, обрабатываетъ крестьянинъ).

Сравнивая производительность почвы обѣихъ странъ съ валовой и чистой производительностью земледѣльческаго труда, мы чувству-

емъ, какъ понемногу исчезаетъ обаяніе, которому мы сначала невольно поддались. любяся изыщной картинкой нѣмецкаго хозяйства. Начали мы съ констатированія факта, что производительность нассаускаго земледѣлія превышаетъ русскую слишкомъ въ 10 разъ; по ближайшемъ-же изслѣдованіи вопроса оказывается, что эту разницу нужно уменьшить втрое. Но и этого еще будетъ много: денежное выраженіе производительности нѣмецкаго труда сравнительно съ русскимъ не соотвѣтствуетъ реальному ея содержанію, ибо цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на западѣ гораздо выше нашихъ. Чтобы составить себѣ правильное понятіе о занимающемъ насъ теперь вопросѣ, слѣдовало-бы знать массу продуктовъ, добываемыхъ русской и нѣмецкой семьями. Изъ данныхъ, заключающихся въ разбираемой статьѣ г. К. Л., мы можемъ въ этомъ смыслѣ съ приблизительной точностью учесть только результатъ полеваго хозяйства, по не скотоводства. Сдѣлаемъ-же хоть это.

Поле нассаускаго крестьянина даетъ ему 1,128 руб., слагающихся изъ 458 руб. дохода съ озимаго поля, 358 руб. съ яроваго и 270 руб. съ занятаго пара. Нашему тамбовцу паровое поле не даетъ никакого дохода, и 270 руб. нѣмца—абсолютный выигрышъ сравнительно съ русскимъ; остальные 816 руб. соотвѣтствуютъ 220 рублямъ дохода тамбовскаго крестьянина съ полеваго хозяйства его надѣла; отношеніе между ними почти 4:1. Сравнивая же реальные доходы обѣихъ семей, а не денежные, и принимая при этомъ въ расчетъ тѣ продукты, которые добудетъ тамбовецъ обрабатывая и чужую землю, мы получимъ уже нѣчто иное. Начать съ того, что урожайность нассаускаго поля не превышаетъ и вдвое урожайности тамбовскаго (первая—самъ 10—12, вторая—самъ 6¹/₂); затѣмъ, тамбовскій земледѣлецъ, кромѣ своихъ 12 десятинъ, успѣваетъ обработать около 6 десятинъ частновладѣльческой земли. Если съ 3¹/₂ десятинъ озимаго поля своего участка онъ собираетъ 21²/₃ четверти ржц, то съ 2 десятинъ сверхнадѣльной земли (предполагая, что онъ ее будетъ эксплуатировать по той-же трехпольной системѣ) онъ получитъ еще 18 четвертей, а всего озимое поле дастъ ему около 36 четвертей зерна, вмѣсто 30 съ небольшимъ, получаемыхъ нассаускимъ крестьяниномъ. Яровое поле тамбовскаго земледѣльца и теперь даетъ ему 367 мѣръ овса на ряду съ 356 пудами, получаемыми нассаускимъ хозяиномъ, а считая двѣ десятины сверхнадѣльнаго поля,—реаль-

ный доход прямого хлѣба у тамбовскаго крестьянина поднимется относительно таковога же на поляхъ пассаускаго земледѣльца безъ малаго вдвое. Правда, нѣмецкій земледѣлецъ имѣетъ еще 270 руб. съ пароваго поля, но это не уничтожить слѣдующаго вывода, логически вытекающаго изъ вышеприведенныхъ данныхъ: сравнивая реальный доход русской и нѣмецкой крестьянскихъ семей, полученный ими со всѣхъ обрабатываемыхъ полей (а не съ собственныхъ только участковъ), мы убѣдимся, что производительность полеваго труда въ обѣихъ странахъ почти одинакова, несмотря на то, что реальная производительность земли пассаускаго крестьянина превышаетъ почти вдвое производительность тамбовской почвы, а денежное выраженіе производительности земледѣльческаго труда въ обѣихъ странахъ относятся другъ къ другу, какъ 3,3 къ 1.

Мы не можемъ подвергнуть такому же сравненію результатовъ скотоводческаго хозяйства обѣихъ семей и вполне соглашаемся съ тѣмъ, что въ этой области пассаускій крестьянинъ достигъ гораздо большихъ успѣховъ, чѣмъ въ полевома хозяйствѣ (доходъ отъ скота составляетъ у него половину валоваго дохода отъ промысла, а у тамбовскаго крестьянина онъ еле доходитъ до $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$). Но и изъ вышесказаннаго не трудно вывести такое заключеніе, что огромные денежные доходы нѣмецкаго земледѣльца даны ему не столько большою производительностью его труда, сколько высокими цѣнами на сельско-хозяйственные продукты. Это и понятно, и естественно.

При большихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ почвѣ, послѣдняя становится очень упрямой и смягчается только послѣ огромныхъ затратъ на нее капитала, т. е. по мѣрѣ роста напряженія производительныхъ силъ земли, продукты ея должны доставаться человеку дороже и дороже. И такъ какъ эти продукты безусловно необходимы для человѣческаго существованія, то общество готово согласиться на всевозможные расходы, лишь-бы преодолѣть естественное упорство земли. Иначе говоря, съ возвышеніемъ интенсивности сельскаго хозяйства, растутъ и денежная стоимость его продуктовъ; этимъ способомъ земледѣлецъ вознаграждается за реальную убыточность промысла; высокими цѣнами продуктовъ своего хозяйства онъ восполняетъ незначительность чистаго реального дохода; а общество имѣетъ возможность вознаградить его указаннымъ способомъ, благодаря быстрому росту производительности обрабатывающей промышленности. Если съ теченіемъ времени жизненные продукты до-

стаются ему все дороже и дороже, то за тотъ же періодъ онъ много выигрываетъ на удешевленіи продуктовъ фабричнаго производства. Отсюда видно, что возможность высокаго развитія земледѣлія, кромѣ перечисленныхъ условій, находится въ зависимости еще отъ одного—отъ высоко развитой фабричной промышленности, оплачивающей убытки отъ земледѣлія. Зависимость эта выражается высокими цѣнами на сельско-хозяйственные продукты, дѣлающими возможными большія затраты на поднятіе земледѣлія.

Указанное обстоятельство (разница въ цѣнахъ жизненныхъ продуктовъ въ Россіи и на западѣ) тѣмъ болѣе должно быть извѣстно ученому сотруднику «Московскихъ Вѣдомостей», что указанія на него находятся и въ цитируемыхъ имъ источникахъ.

Считая доходы земледѣльческихъ семей въ Германіи и Россіи на деньги, мы видѣли, что въ первой они будутъ 2½ тысячи рублей, во второй—не больше 350. Но Германскія цѣны продуктовъ не русскія; и, чтобы показать выгоды интенсивнаго хозяйства въ Россіи, нужно и доходы отъ него считать по нашимъ цѣнамъ, а не по европейскимъ. Допустимъ-же, что тамбовскій мужикъ такъ увѣровалъ въ рецептъ ученаго мужа, что тотчасъ принялся за радикальное излѣченіе наследственнаго недуга, и, благодаря помощи свыше, организовалъ свое хозяйство по образцу нассаускаго, началъ затрачивать на свой надѣлъ и получать съ него такую-же массу продуктовъ, какъ и его нѣмецкій собратъ. Что же соберетъ-ли онъ и тѣ же денежные доходы, что и послѣдній; иначе говоря, каковы цѣны земледѣльческихъ продуктовъ въ Россіи, сравнительно съ нассаускими?

Овесъ нѣмецкій крестьянинъ продаетъ около 7 руб. четверть, нашъ тамбовецъ долженъ сбыть его за 2 руб. 25 к., слѣдовательно трое дешевле, и получить онъ поэтому вдвое меньше обѣщаннаго рецептомъ (цѣны ржи и пшеницы, по которымъ нассаускій крестьянинъ продаетъ эти продукты въ статьѣ не отдѣлены другъ отъ друга, почему мы и не можемъ сравнить ихъ съ русскими). Нассаускій крестьянинъ ежегодно продаетъ корову за 100 руб., а нашему тамбовцу дадутъ за нее не больше 40—50 руб.—въ 2—2½ раза меньше; теленокъ доставляетъ нѣмцу 9½ руб., русскому—3 руб.; валаховъ тотъ продаетъ по 10 руб. штуку, а нашъ крестьянинъ овцу по 2½ руб.—въ четверо дешевле; за пудъ масла нассаускому земледѣльцу даютъ 14 руб., нашъ крестьянинъ, если онъ не под-

горюдиш, врядь-ли выручить за него больше 8—9 руб. Словомъ, за каждый родъ продукта, тамбовецъ, прельстившійся доходами нассаускаго земледѣльца и организовавшій по его образцу свое хозяйство, получить въ 2—3 раза меньше; валовой доходъ его уже будетъ не 2,500 руб., а 1,250—900 руб. и на содержаніе семьи у него останется не 900 руб., какъ у нассаускаго крестьянина, а только 300—400 руб., всего 50—150-ю рублями больше, чѣмъ онъ получаетъ за свой трудъ нынче. Но вѣдь ему тогда придется и затратить на хозяйство капиталъ въ 500—750 руб. (умельшимъ расходы нассаускаго хозяина, какъ и его доходы, въ 2—3 раза), вмѣсто теперешнихъ 100 руб. и за это удовольствіе заплатитъ не менѣе 35—55 руб. процентовъ ($7\frac{1}{2}\%$), что понизитъ его дѣйствительный доходъ до 265—350 руб., т. е. почти до той же цифры, какую и онъ имѣетъ теперь и какую во всякомъ случаѣ получить, если совершатся необходимыя экономическія преобразованія.

Дѣйствительно, если агрономическая теорія восторжествуетъ и жизнь послѣдуетъ ея указаніямъ, то для занятія теперешняго земледѣльческаго населенія понадобится почти вдвое меньше земли, чѣмъ эксплуатируется народомъ нынче (мы видѣли выше, что нассаускій крестьянинъ, при своемъ интенсивномъ хозяйствѣ, успѣваетъ справиться съ количествомъ земли вдвое меньшимъ, сравнительно съ русскимъ). Тогда окажется достаточно однихъ только крестьянскихъ надѣловъ, а помѣщичья земля останется безъ обработки, почему владѣльцы рады будутъ сбыть ее за безцѣнокъ. Иначе говоря, цѣль, преслѣдуемая агрономической теоріей, вопреки стремленіямъ ея послѣдователей,—разъ только она удободостижима,—приведетъ къ неизбѣжному разоренію крупныхъ владѣльцевъ, которое можетъ быть предупреждено лишь скорѣйшей передачей ихъ земель въ руки крестьянъ на безобидныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. Т. е. агрономическая теорія прогресса, если ее развивать логически, сообразуясь съ условіями мѣста и времени, предварительно осуществленія прямой своей задачи (поднятія интенсивности крестьянскаго сельскаго хозяйства), потребуетъ такихъ же мѣропріятій, на какихъ настаиваетъ и экономическая теорія. Но если это послѣднее совершится своевременно — переустройство земледѣльческаго промысла опять отладывается въ долгій ящикъ. Ибо, если теперь, при маломъ надѣлѣ крестьянъ, мыслимо попытаться прельстить мелкаго производителя завести нѣ-

мецкіе порядки, рисуя ему въ перспективѣ свободу отъ работы на чужой землѣ, то не ради же поддержанія авторитета заботящихся о немъ агрономовъ, крестьяне, рѣшавшія забросить одну половину своей земли съ тѣмъ, чтобы на другой организовать интенсивное хозяйство. Они удовольствуются и тѣми выгодами, какія получаютъ отъ аграрной реформы: у каждаго изъ нихъ сохраняется тѣ 40 рублей, которые нынѣ онъ уплачиваетъ помѣщику за наемъ 3 десятины его земли, да кромѣ того, обработавъ тѣ двѣ десятины, которыя въ настоящее время онъ пашетъ издѣльно, вмѣсто 16 руб. онъ получитъ 60—70 руб. Такимъ образомъ, неизмѣняя господствующей экстенсивной системы хозяйства, добившись лишь требуемыхъ временемъ аграрныхъ преобразованій, мы возвысимъ доходы крестьянской семьи на 80—90 руб., послѣ чего они почти достигнутъ той суммы, какою она бы имѣла, введя у себя нѣмецкіе порядки. Но вѣдь поставленное въ болѣе благоприятныя экономическія условія крестьянское хозяйство не останется недоступнымъ для необходимыхъ агрикультурныхъ улучшеній: народъ нынѣ обрабатываетъ свою землю гораздо хуже, чѣмъ онъ умѣетъ, задача времени состоитъ въ организаціи трехпольной системы, по указаніямъ мужицкаго опыта, съ небольшими измѣненіями ея, при помощи агрономической науки. Приобрѣтя при участіи правительства землю, легко вынося тогда бремя платежей, сообразованныхъ съ его достаткомъ, крестьянинъ будетъ имѣть средства для заведенія лучшихъ орудій и время (которое онъ теперь заранѣе продаетъ) для тщательнѣйшей обработки почвы. Тогда и безъ ученаго рецепта, крестьянинъ возвыситъ урожайность своего поля, хотя, вѣроятно, и не до уровня доходности нѣмецкаго, и достигнетъ этого естественно, не ломая своего хозяйства и не утруждая начальство необходимостью устраивать хутора, которые все равно пропадутъ безъ толку, какъ пропадаютъ примѣры сельско-хозяйственныхъ фермъ, существующихъ на казенныя деньги въ настоящее время.

Групируя все, что мы до сихъ поръ говорили о различіи въ соціально-исторической обстановкѣ сельско-хозяйственнаго промысла въ Россіи и на Западѣ, мы перечислимъ слѣдующія положенія, опредѣляющія большую или меньшую интенсивность этой отрасли промышленности: основнымъ элементомъ здѣсь является густота населенія, которое должно быть прокормлено на территоріи его мѣстожителства; второстепеннымъ обстоятельствомъ служатъ

размѣры потребленія продуктовъ земледѣлія, что зависигь какъ отъ развитія потребностей народа, такъ и отъ высоты, какой достигла обрабатывающая промышленность. Последнее условіе имѣеть особую важность еще потому, что техническіе успѣхи общества дозволяютъ ему восполнить убытки, какіе оно несетъ, вслѣдствіе регрессивнаго вліянія почвы на развитіе производительности труда; при современной организаціи промышленности, эти убытки выражаются высокими цѣнами на сельско-хозяйственные продукты, побуждающими земледѣльца не бояться затрачивать на свой промыселъ много труда и капитала. Наконецъ, еще одно обстоятельство, хотя и произвольное, но тѣмъ не менѣе играющее огромную роль въ развитіи интенсивнаго земледѣлія на Западѣ, это—раздѣленіе труда между сельскимъ хозяйствомъ и другими промыслами. Мы видѣли, что въ Германіи земледѣлецъ долженъ кормить 3 семьи, въ Россіи же $1\frac{1}{4}$ —почти въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше; поэтому производительность земледѣльческаго труда на Западѣ можетъ и должна быть въ $2\frac{1}{2}$ раза выше таковой же въ Россіи. Увеличеніе производительности русскаго земледѣльческаго промысла за извѣстные предѣлы, далеко отстоящіе отъ того уровня, какого достигло нѣмецкое сельское хозяйство, не только,—какъ мы видѣли это при сравненіи цѣнъ продуктовъ въ обѣихъ странахъ,—невыгодно, но просто невозможно (на историческомъ языкѣ оба эти выраженія значать одно и то же). Почему это такъ, почему въ Россіи образовалась промышленная организація, обрекающая сельское хозяйство на столь печальную участь, ясно кажется и безъ особыхъ объясненій.

Начать съ того, что тогда какъ въ Германіи земледѣльческій сезонъ продолжается 8—10 мѣсяцевъ и сельское хозяйство можетъ поэтому занять все время хлѣбнаго года, въ Россіи въ такомъ положеніи находится только немногія южныя мѣстности, климатъ же средней и сѣверной части нашего отечества дозволяютъ посвящать земледѣлію гораздо меньше времени: въ Тамбовской губерніи, напримѣръ, земледѣльческій сезонъ равняется $6\frac{1}{2}$ мѣсяцамъ, въ Тверской, смотря по году 5— $6\frac{1}{2}$ мѣс., въ Московской—во Владимирской—5 и Костромской 5 мѣсяцевъ¹⁾, на сѣверѣ еще меньше.

¹⁾ Сб. Ст. Св. по Тамб. губ. Т. I. Матеріалы для статист. Костр. губ. в. III, 1871 г. Историко-статист. опис. Тверск. губ. Т. I.

По этому населеніе большей части Россіи, благодаря нашимъ климатическимъ условіямъ, не можетъ посвятить свои силы одному только хлѣбопашеству, а вынуждено заниматься и другими промыслами. Это ему необходимо какъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, такъ и для утилизированія свободнаго зимняго времени. Т. е. русскій земледѣлецъ не только добываетъ себѣ хлѣбъ, но и шьетъ сапоги, и ткеть холстъ, и куетъ гвозди. Тогда какъ на западѣ различныя отрасли неземледѣльческаго труда имѣютъ своихъ специальныхъ представителей; а земледѣлецъ въ нихъ не вступается, ограничиваясь хлѣбопашествомъ, въ Россіи самъ хлѣбопашецъ трудится и на другихъ поприщахъ. А по скольку это имѣетъ мѣсто, по стольку у насъ сокращается потребность въ спеціально-промышленномъ рабочемъ классѣ. Можно сказать безъ большой ошибки, что тогда какъ на западѣ промышленный классъ круглый годъ занятъ только однимъ спеціальнымъ дѣломъ, въ Россіи рабочей лѣтомъ воздѣлываетъ ниву, а зимой поступаетъ на фабрику или въ кустарную избу. Поэтому, тогда какъ въ Европѣ заботы о прокормленіи промышленнаго населенія лежатъ на спеціально-земледѣльческомъ классѣ, про Россію, хотя съ нѣкоторой утрировкой, можно всетаки сказать, что самъ промышленникъ для себя приготавливаетъ и хлѣбъ.

Естественнымъ результатомъ такого положенія является и неразвитость въ Россіи крупнаго капиталистическаго производства. Чтобы овладѣть рынкомъ, послѣднее должно доставлять покупателямъ продукты возможно дешевле, для чего между прочимъ требуется, чтобы фабрика работала круглый годъ безъ перерыва; но въ такомъ случаѣ населенію придется остаться безъ хлѣба, ибо на фабрикахъ работаютъ тѣже землепашцы въ свободное отъ полевыхъ работъ время. За невозможностью подобнаго исхода, крупное производство въ Россіи, вмѣсто того, чтобы руководиться принципами капиталистической экономіи, должно напротивъ того подчиняться условіямъ, истекающимъ изъ преобладающаго нашего промысла—земледѣнія. Пока принципъ конкуренціи игралъ въ организаціи русскаго промышленнаго строя ничтожную роль и крупное производство оберегалось и поддерживалось китайскими стѣнами и разнообразными подпорками, до тѣхъ поръ фабрика могла, принаравливаясь къ окружающей бытовой обстановкѣ, суживать и расширять свои обороты, сообразно лѣтнему отливу рабочаго населенія на поля и зим-

нему прилипу его обратно на фабрики. Но лишь только наше капиталистическое производство серьезно попытается выйти из дѣтскаго возраста, когда оно находилось под опекой, и сдѣлать своимъ руководителемъ, какъ тому и надлежитъ быть, конкуренцію—законы послѣдней сужаютъ его широкіе размахы до такихъ размѣровъ, при которыхъ фабрики могли бы работать непрерывно; рамки его въ такомъ случаѣ опредѣляются тѣмъ количествомъ рабочихъ, которые излишни для земледѣльческаго промысла и могутъ по этому и лѣто и зиму работать на фабрикахъ. Но доля такихъ рабочихъ, при благоустройствѣ земледѣльческаго промысла, ничтожна; ничтожны по этому будутъ и размѣры крупнаго производства.

Съ другой стороны, земледѣльческое населеніе, имѣя отъ $\frac{1}{3}$ до половины года свободныхъ отъ главнаго занятія, посвятитъ его обрабатывающей кустарной промышленности. Этимъ создается новое препятствіе развитію крупнаго производства, такъ какъ суживается рынокъ для сбыта его продуктовъ. Самое большее, что фабрика можетъ здѣсь сдѣлать, это—убить крестьянскіе промыслы; но чтобы подобное урѣзываніе доходовъ крестьянина не повлекло сокращенія потребленія продуктовъ фабричнаго производства, она должна дать побитымъ кустарямъ доходъ отъ себя, заставить ихъ зимою работать на своего патрона, а это значитъ—сокращать лѣтомъ собственное производство, что, какъ мы видѣли, для болѣе или менѣе развитаго капитализма невозможно. Но если бы онъ какъ нибудь и справился съ этимъ затрудненіемъ, на пути его развитія встали бы прежняго воздвигается новое препятствіе: кустарь, превратившись въ фабричнаго, сработаетъ въ два-три раза больше продуктовъ, но рынокъ для сбыта отъ этого не расширится. Если крупное производство, заставивъ замолчать напримѣръ одного кустаря, выработавшаго въ зиму продуктовъ на 50 рублей, уничтожило одного изъ своихъ конкурентовъ, то этимъ оно расширило возможность собственнаго прогресса не больше, какъ на 50 руб.; между тѣмъ, какъ давъ побитому сопернику работу на фабрикахъ, оно увеличитъ свой оборотъ на 100—150 руб. Кто-же потребитъ избытки продуктовъ? А не произвести ихъ нельзя: если не привлечь кустаря на фабрику, то онъ останется безъ заработка, т. е. вовсе перестанетъ быть потребителемъ продуктовъ крупнаго производства, суживаетъ запросъ на послѣдніе.

И такъ, благодаря климатическимъ условіямъ, у насъ невоз-

можно строгое разграниченіе занятій между земледѣльческимъ и промышленнымъ классомъ; первый по необходимости производитъ для себя не одинъ хлѣбъ, но и другіе уже несемедѣльческіе продукты. Вслѣдствіе этого, спеціально-промышленному классу въ Россіи дѣла мало; отъ этого и фабрика у насъ является несущественнымъ придаткомъ въ организаціи, построенной по иному типу, и чтобы расправитъ крылья ей нуженъ вѣншній сбытъ, за неимѣніемъ вѣншнаго. Насколько основательна надежда на указанный способъ поднятія акцій капитализма—мы говорили въ другомъ мѣстѣ¹⁾; теперь же замѣтимъ, что басно, какое крупная промышленность терпитъ на этомъ пути, служитъ причиной ея неподвижнаго состоянія, выражающагося въ томъ, что въ настоящее время она занимаетъ почти столько-же рабочихъ, какъ и 30—40 лѣтъ назадъ.

И такъ, климатическія условія Россіи, поведшія къ соединенію въ одномъ лицѣ земледѣльца и промышленника, вмѣстѣ съ другими историко-соціальными причинами, послужили препятствіемъ развитію въ Россіи капитализма съ его дифференцированіемъ населенія по занятіямъ. Результатъ этого отсутствія спеціального промышленнаго класса, будучи послѣдствіемъ земледѣльческаго строя Россіи, отражается въ свою очередь на хлѣбопашествѣ, предрѣшая ему пную судьбу, а не ту, какую оно имѣло на западѣ: отсутствіе для земледѣльца необходимости кормить кромѣ себя еще 1—2 человѣкъ дѣлаетъ излишнимъ развитіе производительности его труда, до размѣровъ, какихъ она достигла въ Европѣ. Русскій типическій земледѣлецъ, если бы и былъ богатъ, не могъ бы подобно нассаускому, продавать ежегодно двѣ пары воловъ, корову, телку, нѣсколько овецъ, 6 пудовъ масла и пр., зарабатывая такимъ образомъ на одномъ скотоводствѣ до тысячи рублей; а потому не можетъ онъ и въ своемъ хозяйствѣ дать широкое значеніе скотоводству вообще; не зачѣмъ ему значить и сѣять соотвѣтствующее количество травъ, кормовой свеклы, картофеля; не имѣтъ ему поэтому и удобренія въ размѣрахъ, употребляемыхъ нассаускимъ хозяиномъ, а слѣдовательно не достигнуть и сходныхъ урожаевъ. Развитіе русскаго земледѣлія зависитъ не отъ рынка; главная масса его продуктовъ бу-

¹⁾ См. книгу «Судьбы капитализма въ Россіи».

«устои», № 7, отд. II.

доть потреблена не другими, какъ въ Германіи, а самимъ земледѣльцемъ; поэтому, благосостояніе послѣдняго — вотъ главнѣйшее условіе для возвышенія сельско-хозяйственной культуры.

II.

И такъ, различіе русскаго и европейскаго крестьянскихъ хозяйствъ заключается въ томъ, что тогда какъ послѣднее работаетъ на запросъ со стороны другихъ классовъ, очень дорогой цѣной оплачивающихъ соотвѣтствующее напряженіе производительности земли, первое живетъ главнымъ образомъ своими собственными потребностями, количествомъ продуктовъ, уничтожаемыхъ самими земледѣльцами. На западѣ сельское хозяйство развивается сообразно измѣненію требованій рынка, въ Россіи руководителемъ и указателемъ направленія, какое ему надлежитъ принять, являются собственные потребности хозяина; нѣмецкій крестьянинъ работаетъ на другихъ, русскій — на себя. И дѣло можетъ измѣниться лишь въ случаѣ если мы завоюемъ огромный внѣшній рынокъ, что однако крайне сомнительно.

Въ силу того, что потребителемъ продуктовъ земледѣлія у насъ является то самое лицо, которое ихъ и добываетъ — производительность земледѣльческаго труда будетъ возвышаться пропорціонально росту потребностей мелкихъ хозяевъ, върнѣе, пропорціонально росту средствъ удовлетворенія таковыхъ. Въ продажу русскій мужикъ пуститъ лишь незначительное количество продуктовъ своего труда, а главную ихъ массу потребитъ самъ. При проектированіи плановъ организаціи крестьянскаго хозяйства (если только изъ подобнаго проектированія выйдетъ какой нибудь толкъ), это нужно непременно имѣть въ виду. Тѣ, кто руководится здѣсь главнымъ образомъ указаніями западно-европейской практики, кто строитъ новыя земледѣльческія системы, — долженствующія замѣнить нынѣ господствующія, — на предполагаемыхъ запросахъ рынка, искиваетъ способъ расширить сбытъ какого либо продукта, не трогая существующаго благосостоянія массы населенія, — тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ работаетъ не для всего народа, а для отдѣльныхъ единицъ, и, много-много, для небольшихъ районовъ. Ибо требованіе на наши сырые или переработанные продукты сельскаго

хозяйства, какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ земледѣльческихъ классовъ столь незначительно, что можетъ обезпечить специально для того построенную хозяйственную организацію сравнительно лишь небольшого числа лицъ. Пока число пионеровъ новыхъ культурныхъ системъ невелико, пока вводимая хозяйственная организація, построенная на добываніи какого либо продукта для продажъ, распространена очень мало, до тѣхъ поръ улучшение можетъ обезпечить производителямъ порядочный доходъ. Но какъ только новая организація распространится, какъ скоро извѣстное улучшение станетъ приобретать общественное значеніе—всѣ понесутъ убытокъ и возникшая недавно система провалится. Если, напримѣръ, маслодѣліе и сыровареніе въ Вологодской и Ярославской губерніяхъ идетъ, какъ говорятъ, хорошо и оказываетъ благотворное вліяніе на развитіе скотоводства, а слѣдовательно и полевого хозяйства, такъ это потому, что къ указанному промыслу привлечена сравнительно незначительная часть хозяевъ, и они пока не чувствуютъ затрудненія въ сбытѣ. Но представьте себѣ, что увлеченная ихъ примѣромъ масса крестьянъ нѣсколькихъ губерній кинется на маслодѣліе (въдѣ потребности сельскаго хозяйства повсемѣстно требуютъ подобной переработки его продуктовъ)—и рынокъ будетъ заваленъ товаромъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже теперь, при самомъ началѣ дѣла, чувствуется затрудненіе въ сбытѣ масла, и наши заводчики не мало тревожатся этимъ обстоятельствомъ. На это указываетъ прежде всего то явленіе, что цѣны на масло въ продолженіи года колеблются въ такнхъ широкихъ предѣлахъ, которые дѣлаютъ крайне затруднительнымъ непрерывный ходъ производства этого продукта. «Дорогія цѣны на масло держатся съ небольшимъ 5 мѣсяцевъ (съ сентября по февраль), и именно такихъ, когда скотъ на передоѣ, вслѣдствіе чего получается незначительное количество молока. Въ лучшее-же, самое обильное время года для молока цѣна на масло падаетъ почти на 36%. Такая несоразмѣрность цѣнъ образовалась на нѣкоторыхъ заводахъ смѣшаннаго производства, т. е. въ дорогое время на масло—выдѣлывается масло, въ дешевое—сыръ»¹⁾. Иначе говоря, уже и теперь, по временамъ, нашъ рынокъ оказывается заваленъ масломъ, уже и теперь въ извѣстные периоды

¹⁾ Арсеньевъ. Молочное дѣло въ Вологодской губерніи, с. 14—15.

является его перепроизводство, которое было-бы еще больше, если бы сами маслодѣлы не приостанавливали на время заводовъ. Другое обстоятельство, свидѣтельствующее о томъ-же, мы видимъ въ опасеніи возбуждаемомъ въ маслодѣлахъ конкуренціей нашего масла съ финляндскимъ. Въ послѣдней странѣ производство масла распчтано на заграничный сбытъ, но, такъ какъ и на западѣ эта отрасль промышленности развивается гигантскими шагами, при чемъ почти всѣ страны надѣются, главнымъ образомъ, на внѣшній сбытъ этого продукта, то вѣтъ ничего удивительнаго, что тамъ наконецъ наступило перепроизводство масла, вслѣдствіе чего финляндскій продуктъ вынужденъ искать себѣ иного помѣщенія; онъ и нашелъ его въ Россіи. «Мы сами думаемъ и хлопочемъ объ отправкѣ нашего масла за границу, жалуются русскіе маслодѣлы, а тутъ Финляндцы наводняютъ насъ своимъ масломъ. Обыкновенно внутреннія масла изъ губерній Новгородской, Тверской и сосѣднихъ идутъ въ Петербургъ, а какъ только Петербургъ наводняется финляндскими маслами, то всѣ эти ближнія масла остаются на мѣстахъ или направляются въ Москву. Нынѣшній (1879) годъ, напримѣръ, когда Петербургъ заваленъ финляндскими маслами, въ Москвѣ появились масла изъ Боровичей, Ржева и пр., никогда прежде не проникавшія въ Москву. Съ прошлой осени финляндское масло стало уже проникать въ Москву и нынче его и здѣсь уже много». Въ виду такого угрожающаго положенія, принятаго по отношенію къ русскому маслу финляндскимъ, московское общество улучшенія скотоводства въ Россіи постановило ходатайствовать о наложеніи на ввозное, въ томъ числѣ и финляндское, масло пошлины въ размѣръ 2 руб. на пудъ ¹⁾).

Мы не удивляемся такому рѣшенію нашихъ хозяевъ: какъ отрасль помѣщичьяго хозяйства, маслодѣліе въ извѣстныхъ предѣлахъ можетъ быть и имѣть будущее или по крайней мѣрѣ разсматривается съ этой точки зрѣнія самими помѣщиками. Въ этомъ смыслѣ, всякое, даже незначительное, расширение сбыта имѣетъ опредѣленный смыслъ, такъ какъ оно дозволяетъ открыть новую сотню-другую заводовъ; поэтому и устраненіе конкуренціи финляндцевъ принесетъ свою долю пользы развитію маслодѣлія. Но

¹⁾ Газета «Скотоводство» 1880 г., № 10.

ми въ своей статьѣ разсматриваемъ вопросъ съ точки зрѣнія народнаго производства; въ этомъ смыслѣ рынокъ для сбыта продукта долженъ быть столь обширенъ, что участіе въ торговлѣ маленькой Финляндіи пройдетъ совершенно незамѣтнымъ. Есть ли у насъ такой рынокъ? Мы знаемъ, что на мѣстѣ производства масло потребляется очень мало, а идетъ оно въ большіе города и главнымъ образомъ въ Петербургъ и Москву. Но что значать въ смыслѣ потребления наши города? Для всей страны ихъ значеніе ничтожно, даже въ томъ случаѣ, еслибы все населеніе городовъ представляло запросъ на этотъ продуктъ; принимая во вниманіе, что потребителями сливочнаго масла среди городскихъ жителей является только небольшая вучка людей достаточныхъ, ничтожность городовъ въ дѣлѣ развитія народнаго маслянаго производства сдѣлается для всѣхъ очевидной. Въ самомъ дѣлѣ, главнѣйшій потребительный пунктъ его—Москва «нѣсколько лѣтъ тому назадъ потребляла лишь сотни пудовъ сливочнаго масла, а теперь потребляетъ болѣе 3 тысячъ пудовъ его» ¹⁾. Такой ростъ потребления масла нашей столицей кажется г. Верещагину, заявившему этотъ фактъ, достаточно быстрымъ; и съ своей точки зрѣнія онъ можетъ быть и правъ; по нашему же мнѣнію это такая мизерность, которая отличается отъ нуля развѣ только въ ариѳметическомъ смыслѣ, но никакъ не въ промышленно-экономическомъ. Соотвѣтственно указанному рынку и наше черепашье движеніе маслянаго производства въ глазахъ хозяевъ является громаднымъ. «Едва ли гдѣ нибудь въ Россіи развивалась какая-либо промышленность съ такой поразительной быстротой и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ обработка молочныхъ продуктовъ въ южной и юго-западной части Вологодской губерніи» — славословитъ кто-то въ «Русскомъ Курьерѣ» ²⁾; «въ послѣднія десять или двѣнадцать лѣтъ наше молочное хозяйство, благодаря дружному содѣйствію правительства, сельско-хозяйственныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, сдѣлало огромные успѣхи въ сѣверной и средней Россіи», заявляетъ «Земледѣльческая Газета» ³⁾. Быстрота же эта заключается въ томъ, что въ продолженіи 9—10 лѣтъ въ Вологодской губерніи, главнѣйшемъ центрѣ

¹⁾ «Скотоводство», 1880 г.

²⁾ «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 85.

³⁾ «Земледѣльческая Газета», 1882 г., № 3.

этого производства, образовалось около сотни сырныхъ и масляныхъ заводовъ, выработавшихъ въ 1879 г. около 13,000 пудовъ сыра и 9,000 пудовъ сливочнаго масла ¹⁾). Если читатель пожелаетъ узнать съ какой быстротой должна развиваться переработка молочныхъ продуктовъ, чтобы она могла претендовать на серьезное значеніе для всей страны и послужить основаніемъ для переустройства сѣ земледѣльческаго хозяйства, то ми ему укажемъ на примѣръ Сѣ: еро-американскихъ штатовъ, гдѣ молочное дѣло почти такъ же ново, какъ и въ Россіи и гдѣ оно по словамъ американцевъ находится еще въ «младенческомъ состояніи». Въ концѣ семидесятихъ годовъ тамъ производилось въ годъ 350 милліоновъ фунтовъ сыра и 1,500 милліоновъ фунтовъ масла! Экономическимъ основаніемъ для такого огромнаго производства послѣдняго продукта служили Америкѣ не фантастическія надежды на внѣшній сбытъ, а реальный запросъ внутри страны; именно, изъ производимыхъ 1½ милліарда фунтовъ масла вывозили за границу всего 25 милліоновъ фунтовъ т. е. 2—3% ²⁾). Въ Россіи ничего подобнаго нѣтъ, да врядъ ли когда-либо и будетъ; у насъ нѣтъ для масла внутренняго рынка, хоть нѣсколько схожаго съ американскимъ: неземледѣльческіе классы составляютъ капли въ морѣ всего нашего населенія, да и изъ нихъ громадное большинство по своей бѣдности не въ силахъ въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ потреблять молочные продукты. Главнѣйшимъ ихъ потребителемъ должно явиться само сельское населеніе, но оно покупать масла не станетъ, такъ какъ имѣетъ его дома. Если развитіе этой отрасли производства серьезно считается необходимымъ въ интересахъ сельскаго хозяйства, то стараться о расширеніи потребленія молочныхъ продуктовъ нужно не удешевленіемъ перевозки, охранительными пошлинами и проч. какъ объ этомъ думаютъ наши хозяева, а поднятіемъ благосостоянія массы сельскаго населенія. До тѣхъ же поръ пока послѣдняя будетъ находиться на теперешнемъ экономическомъ уровнѣ, нашъ внутренній рынокъ не представитъ достаточнаго основанія для развитія маслодѣлія, и оно можетъ подняться лишь съ открытіемъ внѣшняго сбыта. Это понимаютъ и сами хозяева; такъ напримѣръ г. Верещагинъ, на засѣданіи Московскаго Общества улучшенія

¹⁾ «Молочное дѣло въ Вологодской губерніи».

²⁾ «Скотоводство», 1882 г., № 2.

скотоводства заявилъ, что «сбывать молочные продукты въ большомъ количествѣ можно лишь за границу», почему Россія должна зоботиться завоевать себѣ иностранный рынокъ ¹⁾. Насколько же мы приблизились къ этому желанному моменту? Отвѣтомъ служатъ цѣны масла у насъ и въ Англіи—главнѣйшемъ мѣстѣ сбыта этого продукта. По заявленію извѣстнаго торговца русскими молочными продуктами, г. Бландова, «цѣны на наше голштинское масло еще слишкомъ высоки даже для теперешняго низкаго курса, а когда нашъ курсъ поднимется, тогда и совсѣмъ будетъ невозможно» отправлять масло за границу. Дѣйствительно, высшая цѣна сливочнаго масла въ Англіи по номинальному курсу 12 руб. 23 кон.; у насъ же въ сентябрѣ сливочное масло стоитъ 15—16 руб., сыръ не мѣнѣе 9 руб. пудъ. «Единственное спасеніе въ скорѣйшемъ, сильнѣйшемъ развитіи нашего маслодѣлія», восклицаетъ г. Бландовъ,—за которымъ послѣдуетъ и удешевленіе продукта.

«Но возможно ли это при существующихъ средствахъ и условіяхъ?» спрашиваетъ его г. Верещагинъ ²⁾.

И если возможно, то не случится ли, что въ тотъ же періодъ времени удешевятся и продукты иностраннаго производства, напримѣръ, хотя бы нынѣ находящагося въ «младенческомъ состояніи» американскаго, такъ что и тогда намъ опять придется надѣяться на будущее? спросимъ въ свою очередь мы.

Во всякомъ же случаѣ, вѣрно одно, что безъ «скорѣйшаго и сильнѣйшаго развитія» производства масла, внѣшніе рынки для насъ закрыты, а чтобы развить эту отрасль промышленности съ надлежащей быстротою—требуется обильный внутренній сбытъ. Последняго-то въ Россіи и нѣтъ, и не будетъ его, пока не разбогатеетъ простой крестьянинъ-земледѣлецъ.

Недостаточность запроса рынка, какъ основанія для поднятія нашего хозяйства, рѣзко проявляется на примѣрѣ мѣстностей, находящихся вблизи большихъ городовъ и желѣзныхъ путей сообщенія. Такіе районы представляютъ удобнѣйшіе округа въ отношеніи сбыта продуктовъ, и если гдѣ поэтому можно искать высокаго состоянія земледѣльческой культуры, такъ это именно здѣсь; а по величинѣ площади, охватываемой вліяніемъ такихъ большихъ вну-

¹⁾ «Скотоводство», 1880 г., № 1.

²⁾ Ibid., № 10.

тренних рынковъ, можно судить, какъ широко въ состояніи раскинуться въ Россіи интенсивная культура, построенная на сбытѣ. Одинъ изъ подобныхъ центровъ есть Москва; она не только сама потребляетъ, относительно, громадное количество переработанныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, но и служитъ центромъ торговли ими. Въ Московской губерніи осуществлены многія условія, благоприятныя для улучшенія сельскаго хозяйства: скученность населенія, существованіе многочисленнаго промышленнаго класса, удобство путей сообщенія, легкость приобрѣтенія капиталовъ и пр. Можно поэтому сказать, что хозяйство этой губерніи въ отношеніи развитія его интенсивности находится въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ. Что же мы видимъ? Дѣйствительно, въ Московской губерніи встрѣчаются группы крестьянскихъ хозяйствъ, по своей продуктивности мало въ чемъ уступающихъ нассаускому образцу, но всѣ онѣ расположены около самаго города, откуда слѣдуетъ заключить, что вліяніе Москвы въ нашемъ смыслѣ распространяется всего на нѣсколько десятковъ—сотенъ деревень, т. е. что значеніе подобныхъ городовъ-монстровъ въ ходѣ сельско-хозяйственнаго дѣла цѣлой страны ничтожно.

Въ самомъ дѣлѣ, «не смотря на то, что въ Европѣ едва ли есть городъ съ еще болѣе высокими цѣнами на молоко, чѣмъ Москва, и не смотря на ея 700,000 населеніе, вліяніе, оказываемое ею, на хозяйство, ограничивается весьма тѣснымъ райономъ. Выгодными цѣнами на молочные продукты могутъ пользоваться только крестьяне самыхъ ближайшихъ селеній; уже въ какихъ-нибудь 18—20 верстахъ отъ города молоко оплачивается около 60 коп. за ведро, а въ 40—45 верстахъ оно не имѣетъ уже никакого сбыта и должно перерабатываться на топленое масло, которое продается не выше 8 руб. за нудъ. Поэтому, одна и таже корова, съ годовымъ удоємъ въ 100 ведеръ, даетъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ города 110—120 руб. воловаго дохода, версть за 20 дальше отъ города она даетъ уже 60—65 руб. и версть за 40 всего только 16—20 руб. воловаго доходу»¹⁾. Увеличивать количество скота при такихъ условіяхъ нѣтъ расчета, а безъ скота невозможны и другія

¹⁾ Сб. Стат. Свѣд. по Московской губерніи, т. I, вып. II «подмосковное сельское хозяйство», с. 50.

улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ. Составительъ цитируемой статьи въ Сборникѣ Московскаго земскаго статистическаго комитета, г. Вернеръ, надѣется поправить дѣло открытіемъ въ Московскомъ уѣздѣ маслодѣлень для переработки молока въ болѣе цѣнный продуктъ. Очень можетъ быть, что этимъ приѣмомъ мы улучшимъ хозяйство еще нѣсколькихъ десятковъ деревень, но врядъ-ли отъ этого поздоровится, напримѣръ, Вологодскимъ хозяевамъ, поставляющимъ свое масло въ Москву-же. Подобно тому, какъ московская капуста и картофель, съ развитіемъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, вытѣсняются съ Петербургскаго рынка конкуренціей продуктовъ развивающейся огородной культуры ближайшихъ къ нему мѣстностей (Финляндіи, Псковской губерніи и проч.), такъ точно и маслодѣліе подмосковныхъ хозяйствъ, разъ оно станетъ прочно на ноги, подорветъ это производство въ Вологодской и Ярославской губерніяхъ. Высшая цѣнность продуктовъ не только не гарантируетъ широкаго его распространенія, а напротивъ служитъ указателемъ не серьезности (въ общественномъ смыслѣ слова) самого производства. Это логически слѣдуетъ изъ той экономической обстановки, въ какой обращается наше сельское хозяйство и находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ-же трудѣ г. Вернера. «Какъ ни странно, говоритъ авторъ, но наше подгородное хозяйство, главнымъ образомъ, тормозится недостаткомъ выгоднаго сбыта. Германскій огородникъ работаетъ для обезпеченнаго потребителя, который не гонится за дешевизной, а требуетъ прежде всего доброкачественный и вкусный продуктъ. Нашъ-же огородникъ находится въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ: онъ работаетъ для недостаточнаго потребителя, которому требуется прежде всего дешевый продуктъ, на который не стоитъ затрачивать много труда». Что здѣсь говорится о производствѣ овощей, то приложимо и къ маслодѣлію; главнымъ потребителемъ продуктовъ послѣдняго въ городѣ явится тотъ же рабочій, который «не погонится за качествомъ продукта, но за то и не дастъ цѣны, ради которой можно было-бы непожалѣть труда». Восемь, пожалуй, десять рублей за пудъ коровьяго масла этотъ потребитель заплатитъ, но 12—16 рублевое голштинское и сливочное масло заводскаго приготовленія не по его карману и вкусу. А утранись съ рынка рабочій, останется небольшая кучка зажиточныхъ, потребляющая, какъ мы знаемъ, сливочнаго масла, напримѣръ, въ Москвѣ всего 3,000 пудовъ

въ годъ. На такомъ запросѣ рынка нельзя основать преобразование хозяйства цѣлаго обширнаго района.

То, что мы говорили о Москвѣ и ея вліяніи на возвышеніе земледѣльческой культуры, приложимо и къ другимъ большимъ городамъ ¹⁾, иначе говоря, ко всей совокупности потребителей рыночныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Требованіе съ ихъ стороны такъ незначительно, что не оказываетъ почти никакого вліянія на земледѣльческую культуру русскаго народа. Последняя находится на низкой ступени развитія, въ силу неизбѣжныхъ историко-экономическихъ законовъ. «Тутъ не недостатокъ знаній виновать, скажемъ еще разъ словами Вернера: крестьянинъ съумѣлъ-бы и лучше» походить за землей, «онъ всю ее обработалъ-бы лопатой, какъ германскій огородникъ, да расчету нѣтъ» ²⁾.

Московская губернія представитъ намъ еще образцы тѣхъ размѣровъ интензивнаго хозяйства, какіе возможны въ Россіи по ея экономическимъ условіямъ.

Читатель знаетъ, что важный шагъ въ дѣлѣ возвышенія сельско-хозяйственной культуры, есть введеніе въ сѣвооборотъ корнеплодовъ (свеклы, картофеля и т. п.). Подобныя растенія не представляютъ чего либо новаго для русскаго народа: картофель, напримѣръ, составляетъ постоянный предметъ его потребленія, а также культуры: на сколько нужно для семьи, крестьянинъ садитъ ее на своемъ надѣлѣ. Но почему-же онъ ее не вводитъ въ сѣвооборотъ и не пользуется тѣми выгодами, какія отъ того произойдутъ для всего его хозяйства? Съ точки зрѣнія г. К. Л. причина этого заключается въ невѣжествѣ крестьянина, непонимающаго законовъ плодосѣва; по нашему же мнѣнію суть дѣла кроется въ социальнo-экономическихъ условіяхъ нашей страны, изъ которыхъ мы здѣсь упомянемъ только о недостаткѣ сбыта. Въ самомъ дѣлѣ, выращивать картофель въ огородѣ для потребностей собственной семьи и ввести ее въ правильный полевой сѣвооборотъ—вещи совершенно разныя. Въ первомъ случаѣ: размѣры посѣва опредѣляются потребностями семьи, т. е. все выращиваемое количество продукта имѣетъ

¹⁾ Петербургъ напримѣръ, потребляетъ всего около 50,000 пуд. сыра, изъ числа которыхъ 3,500 пудовъ привозится изъ внутри Россіи (Землед. Газ. 1882, 3).

²⁾ Ibid., с. 34.

готовый сбытъ; этотъ послѣдній можетъ быть большихъ и меньшихъ размѣровъ, и это не нарушаетъ тина хозяйства, такъ какъ посѣвъ картофеля здѣсь не находится въ какомъ либо правильномъ соотношеніи съ культурой другихъ растений. Иное дѣло при плодосмѣнномъ сѣвооборотѣ.

Размѣры культуры каждаго ретенія должны быть здѣсь опредѣленны и не могутъ измѣняться часто безъ нарушенія сѣвооборота, т. е. безъ переустройства всего хозяйства. Мало того, посѣвъ растений не можетъ быть меньше извѣстныхъ размѣровъ, иначе не будетъ построено правильного сѣвооборота; т. е. введеніе плодосмѣна возможно лишь при условіи существованія извѣстныхъ минимальныхъ размѣровъ запроса рынка, между тѣмъ какъ культура тѣхъ-же растений въ поля будетъ имѣть мѣсто при самомъ маломъ запросѣ, даже когда онъ ограничивается требованіями только земли земледѣльца. И такъ, для введенія картофеля въ сѣвооборотъ нашего крестьянина необходимо существованіе большаго запроса на этотъ продуктъ. Есть-ли у насъ такой запросъ?

Потребителями продажнаго картофеля являются у насъ неземледѣльческіе классы, населяющіе города, и мы знаемъ, что требованія этихъ рынковъ вполне удовлетворяются огородной культурой картофеля самихъ мѣщанъ или окрестныхъ крестьянъ. Затѣмъ картофель употребляется для переработки въ другіе продукты, нужные для непосредственнаго потребленія челоука или для какихъ либо техническихъ производствъ. Если-бы наша промышленность достигла сколько нибудь значительныхъ размѣровъ, можетъ быть, ея требованія на картофельный крахмалъ представили-бы большому району Россіи возможность организовать полевое хозяйство на рациональныхъ основаніяхъ плодосмѣна. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что таковъ и будетъ путь, которымъ пойдетъ развитіе нашего хозяйства. Такъ, г. Вернеръ въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Московскій губерніи, говоря о необходимости крестьянскому населенію (нечерноземной полосы) реформировать свое теперь почти исключительно зерновое хозяйство, путемъ введенія въ сѣвооборотъ льна и картофеля для переработки ихъ въ волокно, масло и крахмалъ, относительно сбыта послѣдняго выражаетъ такіа радужныя надежды. «Постоянно возникающія новыя примѣненія фабрикатовъ изъ картофельной муки и непрерывныя ихъ усовершенствованія служатъ достаточной гарантіей выгодности

крахмального промысла и вполне обеспечивают сбытъ крахмала который, по выражению крестьянъ, занимающихся производствомъ его, идетъ на 70 предметовъ. Это разнообразіе технического при-
мѣненія и непрерывное возникновеніе новыхъ фабрикъ въ запад-
ной Европѣ ясно указываетъ на существованіе значительнаго спроса
на эти продукты¹⁾.

Насколько здѣсь проглядываетъ надежда автора на сбытъ на-
шего крахмала за границу — мы это оставимъ въ сторонѣ, а на-
сколько наша собственная промышленность представляетъ основа-
ніе для желательной реорганизациіи земледѣлія — тому мы приведемъ
примѣръ изъ работы г. Вернера-же, описывающаго производство
картофельнаго крахмала и патоки въ Московской губерніи. Не смо-
тря на то, что эта мѣстность одна изъ наиболѣе промышленныхъ
въ Россіи, ея запросъ на крахмалъ и патоку удовлетворяется всего
70,000 четвертями картофеля, что соотвѣтствуетъ 700—1000 де-
сятинамъ посѣва этого растенія²⁾. Предполагая, что здѣсь орга-
низуется 4-хъ польная система (предлагаемая г. Вернеромъ какъ на-
иболѣе удобная для Московской губерніи), существующій въ Мо-
сковской губерніи запросъ на картофель дастъ возможность пре-
образовать по новому 3—4000 дес. пахатной земли!.. Не знаю, какъ
по вашему, читатель, но мнѣ кажется, что кромѣ игры въ интен-
сивное хозяйство фабричная промышленность не въ состояніи ни-
чего другаго вызвать въ Россіи.

Какъ-бы ни было необходимо преобразование нашего полевого
хозяйства, введеніе большаго разнообразія растеній въ сѣвооборотъ,
посѣва корнеплодовъ и проч., но коль скоро некуда потребить всю
массу имѣющихся получиться продуктовъ — ни какими измышленіями
ничего здѣсь не подѣлаешь.

Относительно картофеля могутъ впрочемъ замѣтить, что его
естественное назначеніе у насъ служить для винокуренія, и что
когда дѣло направится по этому пути, то не только получится воз-
можность возвысить интенсивность хозяйства, но и освободится
хлѣбъ, столь необходимый для пополненія недостаточнаго питанія
народа. Посмотримъ-же какъ великъ запросъ на картофель, съ ка-

¹⁾ Сб. Стат. Св. по Московской губ. т. VII, вын. I, с. 3.

²⁾ Въ сельско-хозяйственномъ календарѣ урожай картофеля показанъ 700—
1000 четвертик. съ десятины; мы беремъ minimum.

кимъ обратится къ нашему хозяйству винокурению, основанное на этомъ продуктѣ, какая часть территоріи Россіи можетъ быть преобразована по плану интенсивнаго сѣвооборота, работа на винокуренные заводы?

По свѣдѣніямъ ежегодника Министерства Финансовъ, въ Велико-россіи ежегодно выкуривается спирта $14\frac{1}{2}$ милліоновъ ведеръ, въ остальной Россіи (за исключеніемъ Польши и остзейскихъ губерній) 7, 6 мил. ведеръ. Теперь главная масса спирта добывается въ Великороссіи изъ муки, которой потребляется при этомъ до 30 мил. пудовъ, картофеля же всего $4\frac{1}{4}$ мил. пуд.; въ западномъ и южномъ краѣ (бывшихъ привилегированныхъ губерніяхъ) картофель употребляется на винокурению въ большихъ размѣрахъ (на 11 мил. пуд. муки $6\frac{1}{2}$ мил. картоф.). Допустимъ, что все вино будетъ выкуриваться изъ картофеля, какую пережѣну повлечетъ это за собой въ сельскомъ хозяйствѣ?

По календарю г. Баталина, десятина картофеля, при среднемъ урожаѣ 750 пуд., даетъ спирту 8190 градусовъ или около 82 ведеръ. По этому расчету все количество спирта, выкуриваемаго въ 30 Великороссійскихъ губерніяхъ, потребуетъ посѣва картофеля на 180000 десятинахъ, а въ 14 бывшихъ привилегированныхъ—половину этого количества. Достаточно-ли такого запроса на картофель, чтобы возможно было преобразование нашего сельскаго хозяйства? Да, достаточно, если имѣть при этомъ въ виду двѣ три губерніи. Такъ, если-бы $14\frac{1}{2}$ милліоновъ ведеръ, нынѣ выкуриваемыхъ въ Великороссіи, стали добываться въ одной Московской губерніи, то запроса на картофель, созданнаго этимъ производствомъ вмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими требованіями на тотъ-же продуктъ (крахмальныхъ и другихъ заводовъ), было-бы почти достаточно для преобразования крестьянскаго трехпольнаго хозяйства напримѣръ, въ четырехпольное: крестьянской запашки въ губерніи около 800,000 дес. ¹⁾; четвертая часть ея, образующая поле, занятое картофелемъ, составитъ приблизительно 200,000 десятинъ—почти таже цифра, какая требуется винокурениемъ.

И такъ, при тѣхъ размѣрахъ потребленія вина, какое имѣетъ мѣсто въ Россіи, невозможно сколько нибудь значительное пре-

¹⁾ Сб. Стат. св. по Моск. губ. т. III, Сводная таблица.

образование нашего полевого хозяйства; запроса винокуренных заводов на картофель достаточно, для организации хозяйства одной-двух губерний, но и то при условии если все винокурение сосредоточится здесь-же, будучи же раскинутыми по всей России заводы совершенно теряются на огромном ее пространстве. Вместо общего влияния на сельско-хозяйственную физиономию страны, винокурение приобретает чисто местное значение, и то, нужно сказать, очень неопредѣленное. Даже ближайшіе къ винокуреным заводамъ районы вряд-ли рѣшатся ради нихъ преобразовывать свои хозяйства по правиламъ плодосѣва, ибо всегда можетъ случиться, что заводъ, на который они расчитывали, закроется, а новый станетъ работать уже въ другомъ мѣстѣ, куда доставлять картофель отсюда неудобно и гдѣ поставщикамъ его явятся новыя лица. Дабы повліять на земледѣліе, винокурение должно быть тѣснѣе связано съ сельскимъ хозяйствомъ, для чего ему слѣдуетъ превратиться въ мелкое, артельное производство. Важность мелкаго винокурения (позволяющаго утилизировать барду, питая ею скотъ и замѣнить матерьялъ, изъ котораго нынѣ гонится спиртъ, муку, картофелемъ, невыдерживающимъ перевозки на дальнія расстоянія), составляетъ битое мѣсто въ литературѣ; необходимость превращенія его изъ капиталистическаго въ артельное кажется намъ не менѣе очевидной. Только въ этомъ случаѣ крестьяне-поставщики матерьяла могутъ быть увѣрены въ прочности его сбыта на мѣстѣ и рѣшатся на дорого стоящій процессъ преобразованія земледѣльческаго промысла. Артельная форма послужитъ дѣлу возвышенія крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ капиталистическія предпріятія естественно возникнутъ въ крупныхъ имѣніяхъ и работаютъ, главнымъ образомъ, для крупной культуры.

И такъ, главная причина недостаточнаго влияния винокурения на сельское хозяйство заключается въ маломъ производствѣ спирта, зависящемъ отъ недостаточнаго его потребленія народомъ, что въ свою очередь обуславливается бѣдностью послѣдняго. Пока народъ не разбогатѣетъ, доколѣ потребленіе спирта будетъ у насъ развиваться тѣми черепашьими шагами, какъ въ послѣдніе годы, до тѣхъ поръ тщетно будетъ ожидать скольконибудь замѣтнаго влияния на народное хозяйство и отъ измѣненій въ фискально-акцизномъ управленіи, на что такъ надѣются наши хозяева и экономисты. Измѣненіе это, быть можетъ, благотворно подѣйствуетъ

на помѣщичьи имѣнія, такъ какъ дастъ возможность соединить винокурение съ сельскимъ хозяйствомъ даже въ экономіяхъ не особенно крупныхъ; но для массы народа оно придетъ почти безслѣдно. Это явствуетъ не только изъ предъидущихъ соображеній, но и изъ того значенія, какое поставленное правильно винокурение будетъ имѣть для скотоводства; по расчету г. Кокорева, одного изъ защитниковъ централизаціи этого производства, въ интересахъ развитія нашего скотоводства, барда, получаемая отъ выкуриваемаго въ настоящее время въ Россіи вина, даетъ возможность прокормить 200,000 штукъ рогатаго скота ¹⁾, т. е. ровно столько, сколько его находится у крестьянъ Московской губерніи ²⁾. Неспоримъ, что возможность увеличить количество скота на 200000 головъ представляетъ пріятную перспективу нашему мелко плавающему помѣщичьему земледѣлю; но чтобы это оказало болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на сельское хозяйство цѣлой страны—надѣяться на это можно развѣ только по недоразумѣнію.

Сельско-хозяйственное значеніе нашего винокуренія, даже при самыхъ раціональныхъ акцизныхъ правилахъ, было бы ничтожно: если-бы оно и могло оказать замѣтное благотворное вліяніе, сосредоточившись въ 3—4 губерніяхъ, то пельзы этого сказать, когда оно, какъ теперь, раскинуто по огромному пространству цѣлой Россіи. Нѣсколько въ иномъ положеніи находится свеклосахарное производство: произростаніе свеклы возможно не всюду, добываніе изъ нея сахару сосредоточено въ настоящее время, главнымъ образомъ; въ юго-западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ. Но и въ первой области сколько нибудь значительное распространеніе, способное оказать замѣтное вліяніе на сельское хозяйство, оно получило въ двухъ губерніяхъ: Кіевской и Подольской. Въ первой употреблено матерьяла 6 мил. берковцевъ, во второй 3 мил. берковцевъ; это соотвѣтствуетъ 60,000 дес. посѣва свеклы въ Кіевской губерніи и 45,000 въ Подольской. На такомъ запросѣ рынка, можетъ быть преобразовано хозяйство 200—300 тысячъ десятинъ. И дѣйствительно, мы знаемъ, что покрайней мѣрѣ имѣнія сахарозаводчиковъ находятся на высшей ступени развитія, сравнительно съ другими. Въ остальныхъ губерніяхъ, собственно Россіи, количество перера-

¹⁾ «Новое Время», 1880 г. № 1610.

²⁾ Сб. ст. свѣд. по Моск. губ. т. III.

батываемой на заводах свеклы колеблется от нѣсколькихъ десятковъ до сотенъ тысячъ берковцевъ, и лишь въ двухъ губерніяхъ поднимается выше 1 милліона ¹⁾). Но если и свеклосахарное производство въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ оказываетъ незначительное вліяніе на сельско-хозяйственную культуру страны, то этому причина—мизерное потребленіе населеніемъ сахара. Пусть послѣднее возрастетъ въ нѣсколько разъ, и это послужитъ основаніемъ для преобразованія земледѣлія въ цѣлой юго-западной и частью южной области. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая потребленіе сахара въ Россіи и Европѣ, мы узнаемъ, что тогда какъ французъ въ среднемъ расходуетъ 20 фунтовъ сахару въ годъ, итальянецъ—23 ф., а англичанинъ—70 ф., русскій потребляетъ всего 6 фунтовъ въ годъ ²⁾). Пусть наше потребленіе подымется до высоты англійскаго, и преобразованіе земледѣлія по правиламъ плодосѣва охватитъ нѣсколько милліоновъ десятинъ.

Мы бѣгло осмотрѣли главнѣйшія техническія производства, связанныя съ земледѣіемъ: маслосѣдательное, винокуренное и свеклосахарное. Обзоръ этотъ показалъ намъ, какъ незначительно можетъ быть ихъ вліяніе на сельское хозяйство, что зависитъ отъ недостаточнаго потребленія этихъ продуктовъ населеніемъ. Создать обстановку для интенсивнаго земледѣлія возможно лишь увеличивъ потребленіе народомъ масла, спирта, сахара и проч. А такъ какъ главную массу населенія составляютъ у насъ земледѣльческіе классы, то въ развитіи ихъ потребленія, или, что тоже, благосостоянія, и заключается залогъ лучшаго будущаго нашего сельско-хозяйственнаго промысла: кто хочетъ poradѣть послѣднему, долженъ сначала поработать въ пользу перваго; кто заботится о возвышеніи интенсивности земледѣлія, долженъ прежде всего возвысить богатство массы хлѣбопашцевъ. Въ этомъ весь законъ сельско-хозяйственнаго прогресса.

Изъ вышензложеннаго ясно, что экономическую основу земледѣльческаго промысла составляетъ потребность самого же земледѣльца въ различныхъ продуктахъ и запросъ рынка. Такъ какъ послѣдній образуется у насъ главнымъ образомъ требованіями того же земледѣльца (вино, сахаръ и пр.), то мы можемъ сказать, ин-

¹⁾ «Ежегодникъ» Министерства финансовъ, вып. XI.

²⁾ Газета «Всероссійская Выставка» 1882 г., № 3.

тенсивность русскаго хозяйства будетъ прямо пропорціональна зажиточности сельскихъ классовъ. Въ этомъ заключается довольно видное различіе нашего сельскаго хозяйства отъ западно-европейскаго, гдѣ, благодаря широкому развитію промышленности, земледѣльческій рабочій можетъ добывать очень много продуктовъ и очень мало потреблять ихъ самъ, гдѣ, напротивъ того, сельскій рабочій классъ составляетъ даже бѣднѣйшую часть населенія, что однако ни мало не подрываетъ высокаго состоянія его промысла. Въ Россіи, доколѣ, по крайней мѣрѣ, сохранятся ея теперешніе экономическіе устои, такая дисгармонія между положеніемъ промысла и промышленника, къ нашему счастью, невозможна. Я говорю «къ счастью» потому, что указанное обстоятельство должно соединить воедино всѣхъ мыслящихъ поборниковъ какъ развитія промышленности) это относится не къ одному земледѣлію, но и къ другимъ отраслямъ производства), такъ и развитія благосостоянія рабочаго—промышленника. На западѣ эти двѣ группы лицъ составляютъ враждебныя партіи, вслѣдствіе чего то, что выиграетъ въ жизни одно изъ нихъ наноситъ ущербъ интересамъ другаго. У насъ безпристрастные представители обѣихъ партій должны непременно дѣйствовать вмѣстѣ, и,—что особенно интересно—главная общественная сила, правительство должно неуклонно и постоянно заботиться о благосостояніи массы населенія. Если бы власть относилась къ народу даже исключительно съ фискальной точки зрѣнія, то и тогда она у насъ не могла-бы оставаться равнодушной къ его матеріальному благосостоянію, такъ какъ имъ-то и обусловливаются финансовыя средства государства. Тамбовскій крестьянинъ, владѣя двѣнадцатидесятинымъ надѣломъ, платитъ сборовъ 26 руб. и изнемогаетъ подъ ихъ тяжестью; нассаускій крестьянинъ отдаетъ съ 9 десятинъ 40—50 руб. (см. статью г. К. Л.) и еще откладываетъ ежегодно нѣсколько сотъ рублей на черный день. Такая разница въ размѣрахъ податей обѣихъ странъ и ихъ тяжести для населенія зависитъ отъ различія въ производительности ремесла тамъ и здѣсь: нассаусскій крестьянинъ получаетъ съ своего участка въ нѣсколько разъ больше русскаго земледѣльца, что даетъ ему возможность больше отдавать и государству. Чтобы поставить въ сходное положеніе русскаго крестьянина, нужно позаботиться о возвышеніи производительности его труда. Нассаусскій земледѣлецъ можетъ безъ убытка добывать много продуктовъ съ своего участка по той при-

чить, что высоко развитая обрабатывающая промышленность страны и многочисленный неземледельческий классъ представляютъ достаточный запросъ на разнообразныя сельско-хозяйственныя продукты; то и другое условіе интенсивнаго хозяйства весьма мало развиты въ Россіи. почему запросъ со стороны обрабатывающей промышленности на рабочихъ не представляетъ достаточнаго основанія для преобразованія нашего сельскаго хозяйства; черало болѣе важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ потребности самихъ земледѣльцевъ, развитіе которыхъ составляетъ первое условіе сельско-хозяйственнаго прогресса въ Россіи. Поэтому и государственно,—растущіе расходы котораго требуютъ и соотвѣствующаго увеличенія доходовъ страны, каковое можетъ быть результатомъ лишь прогрессирующей промышленности,—неминуемо должно обратитьъ всѣ заботы на возвышеніе матеріальнаго благосостоянія тѣхъ классовъ населенія, которые своимъ запросомъ и создаютъ условія, необходимыя для прогресса земледѣлія; а изъ такихъ классовъ самую важную роль играетъ классъ крестьянъ-земледѣльцевъ.

И такъ, характеристическую черту сельско-хозяйственнаго прогресса въ Россіи составляетъ то обстоятельство, что онъ почти всецѣло обусловливается развитіемъ благосостоянія земледѣльческаго класса. Этимъ опредѣляется и раціональная экономическая политика Россіи: заботиться нужно не столько о развитіи промышленности, сколько о благосостояніи населенія, ибо если мы достигнемъ послѣдняго, то за этимъ неминуемо явится и первое. Особенно нецѣлесообразными кажутся намъ заботы о процвѣтаніи торговли, такъ какъ наше земледѣльческое производство въ отличіе отъ западно-европейскаго характеризуется и другой чертой: оно не товарное, а домашнее, натуральное (или по крайней мѣрѣ должно быть таковымъ).

Въ самомъ дѣлѣ, мы раньше говорили, что тогда какъ на западѣ земледѣлецъ кормитъ 2 лицъ иныхъ классовъ, у насъ 4 земледѣльца добываютъ продукты для одного неземледѣльца; иначе говоря, тогда какъ на западѣ сами хлѣбопашцы потребляютъ половину трети производимаго ими, у насъ на ихъ долю выпадаетъ $\frac{1}{4}$ годоваго дохода земледѣлія. Это одно не помѣшало бы раздѣленію между производителями труда и вытекающей отсюда работѣ ихъ на рынокъ, для продажи (товарное производство), если бы не другое обстоятельство: особенности сельско-хозяйственнаго про-

мысла, недопускающаго чрезмѣрной спеціализаціи производства. Такъ какъ эта отрасль человѣческаго труда распадается на два большихъ отдѣла: скотоводство и полеводство, то естественно предположить, что раздѣленіе труда произойдетъ прежде всего между этими двумя отраслями, что одна часть населенія займется преимущественно производствомъ мяса, масла и пр. для всей страны, а хлѣбъ для нея будетъ приготовляемъ другими. Такое предположеніе однако не оправдывается современнымъ состояніемъ земледѣлія въ Россіи: почти всѣ согласны въ томъ, что уже пастушилъ моментъ введенія удобренія полей даже въ нашей черноземной полосѣ и что недалеко то время, когда нужно будетъ удобрять и степи. А это значитъ, что скотоводство не можетъ сосредоточиться въ какой либо одной мѣстности; оно должно быть распространено повсюду, по крайней мѣрѣ, насколько это требуется полевымъ хозяйствомъ. Какъ бы малы ни были эти требованія, но содержания ради нихъ скота достаточно для удовлетворенія потребностей въ продуктахъ скотоводства семьи самого земледѣльца; онъ, поэтому, не представитъ значительнаго запроса на нихъ на рынокъ; послѣдній образуется почти исключительно требованіями неземледѣльческихъ классовъ, которые составляютъ лишь $\frac{1}{3}$ часть населенія страны. Въ этихъ предѣлахъ производство животныхъ продуктовъ можетъ быть поставлено на товарную ногу, чѣмъ и воспользуются хозяйства, находящіяся въ особенно благоприятныхъ для этого условіяхъ. Но такое производство на рынокъ, какъ видитъ читатель, будетъ незначительно; остальная, главная масса продуктовъ скотоводства станетъ добываться домашнимъ путемъ; господствовать въ этой отрасли сельской дѣятельности будетъ не денежное, товарное, а натуральное хозяйство.

Тоже самое можно сказать и о добываніи хлѣба. Законы земледѣльческой культуры препятствуютъ узкой спеціализаціи въ дѣлѣ воздѣлыванія различныхъ растений и требуютъ разнообразія культивируемыхъ породъ. Если даже почвенныя и климатическія условія мѣстности особенно благоприятствуютъ произрастанію одного какого нибудь, очень цѣннаго, хлѣба, то и въ этомъ случаѣ земледѣлецъ получить должное возмездіе, если, руководствуясь исключительно карманными интересами, нарушитъ выше упомянутый законъ производительности земли. Такому возмездію подвергся, на примѣръ, нашъ степнякъ, многіе годы подрядъ воздѣлывавшій

только дорогую пшеницу; онъ достигъ на указанномъ пути того, что на своемъ полѣ воспиталъ цѣлую массу враговъ, охотниковъ до лакомаго растенія, и теперь вынужденъ преобразовывать свое хозяйство при крайне неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ. При нормальномъ же ходѣ земледѣльческаго промысла нашъ крестьянинъ, эксплуатирующій степи, равно какъ и земледѣлецъ нечерноземнаго центра, одинаково будутъ производить озимъ, яровое и корнеплоды; и тотъ и другой вырастутъ для себя рожь, овесъ, картофель. Разница окажется можетъ быть въ томъ, что въ однихъ мѣстахъ нѣсколько болѣе добудутъ пшеницы, въ другихъ—овса или ячменя. Во всякомъ случаѣ, сходство культуръ въ различныхъ районахъ будетъ настолько значительно, что крестьянину одной мѣстности не придется за большей частью продуктовъ обращаться въ другую; онъ ихъ найдетъ по близости, даже больше того—въ своемъ собственномъ хозяйствѣ и лишь за немногимъ, такъ сказать, за приваркомъ, обратится на рынокъ. Слѣдовательно, и полевая культура у насъ должна быть основана, главнымъ образомъ, на потребностяхъ.

До сихъ поръ мы говорили о такихъ продуктахъ земледѣлія, которые, или сами по себѣ, безъ дальнѣйшей технической переработки, способны быть потреблены человекомъ, или приобрѣтаютъ нужную форму послѣ переработки, доступной всякому крестьянину (масло). Но народу нужны и такіе продукты, которые составляютъ уже результатъ сложной технической переработки различныхъ растеній (вино, сахаръ, постное масло и проч.), наконецъ наша промышленность въ свою очередь нуждается въ нѣкоторыхъ веществахъ этого рода (крахмалъ, ленъ и проч.). Насколько въ Россіи имѣетъ мѣсто подобный запросъ рынка, настолько здѣсь возможно и товарное сельско-хозяйственное производство. Но выше мы приводили расчетъ, изъ котораго явствуетъ, что соответствующія отрасли техническихъ сельско-хозяйственныхъ производствъ, за недостаткомъ потребления, развиты у насъ такъ мало, что главнѣйшія изъ нихъ—винокурение и сахароварение вмѣстѣ могутъ послужить основаніемъ для преобразованія земледѣлія развѣ только 4—5 губерній Россіи.

И такъ, сельское хозяйство Россіи держится главнымъ образомъ потребленіемъ его продуктовъ земледѣльческими классами; законы же этого производства вмѣстѣ съ однообразіемъ нашихъ

климатическихъ условій приводятъ къ однообразной организаціи промысла во всѣхъ полосахъ Россіи, вследствие чего большую часть продуктовъ питанія земледѣлецъ получить отъ собственнаго хозяйства т. е. большая доля продуктовъ его труда будетъ потреблена его собственной семьей. На рынокъ поступитъ поэтому лишь незначительная часть сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, что приближаетъ нашу организацію земледѣлія къ типу натуральныхъ хозяйствъ, въ отличіе отъ товарнаго западно-европейскаго производства. Отсюда ясно, что торговля продуктами земледѣлія въ общей экономической дѣятельности страны должна играть болѣе чѣмъ второстепенную роль и что заботы о ея развитіи составляютъ, по крайней мѣрѣ, не расчетливую трату народныхъ средствъ. Ясно и то, что преимущественныя заботы о развитіи сельско-хозяйственнаго промысла, несвязанныя съ соотвѣствующимъ возвышеніемъ народнаго благосостоянія, болѣею частью также пропадутъ втуне. Это, напримѣръ, нужно сказать о нашемъ маслодѣлательномъ производствѣ, о тѣхъ надеждахъ, какія возлагаются на преобразованіе акцизныхъ правилъ, относящихся до винокуренія, о развитіи производства крахмала и проч. Большая часть проектируемыхъ улучшеній крестьянскаго земледѣлія получить общее значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда они будутъ основываться не на запросѣ рынка, а на собственныхъ потребностяхъ производителей. Но чтобы это сдѣлалось возможнымъ, нужно, чтобы послѣдніе не были принуждены биться изъ-за лишней копѣйки, которую сейчасъ же придется положить въ тотъ или другой чужой карманъ, а вмѣсто того заботились о лишнемъ кускѣ мяса, масла, о чаркѣ водки, стаканѣ чая и проч. Иначе, говоримъ, невозможно общее и прочное улучшеніе земледѣлія.

При господствѣ у насъ натурального хозяйства, работа земледѣльца на рынокъ не только весьма ограничена, но и крайне не обезпечена. При обширности нашей страны, существующій незначительный спросъ на земледѣльческіе продукты со стороны промышленныхъ классовъ и вообще рынка не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для преобразованія даже части хозяйствъ, какая могла бы реорганизоваться, судя по величинѣ сбыта; даже тѣ хозяйства, которые нынѣ и приварились къ рынку, должны постоянно опасаться за будущее, ибо достаточно небольшого измѣненія въ экономической жизни страны—проведенія новой вѣтви желѣзной

дороги, увеличенія акциза, перенесенія завода изъ одной мѣстности въ другую, распространенія добыванія того же продукта на нѣсколько новыхъ хозяйствъ, — чтобы заставить ихъ бросить культуру такого-то растения и обратиться къ воздѣлыванію другаго. Какъ ни значительна, напримѣръ, культура картофеля въ Московской губерніи для переработки его въ крахмалъ и патоку, какъ ни прочно, повидимому, она утвердилась, имѣя на мѣстѣ готовый рынокъ для продуктовъ, въ которые превращается картофель, но тѣ измѣненія въ промышленной жизни Россіи, какія произошли въ послѣдніе годы, оказали уже свое разрушающее вліяніе на эту попытку возвышенія интенсивности земледѣлія, основанную на требованіяхъ рынка. Тогда какъ, до половины семидесятихъ годовъ, производство крахмала и патоки въ губерніи (а слѣдовательно и культура картофеля), непрерывно возрастало, «послѣ 1875 года новыя заведенія почти не открывались; рядомъ съ этимъ можно указать и на то, что за послѣдніе 8 лѣтъ въ одномъ Бронницкомъ уѣздѣ закрылось до 20 заводовъ. Очевидно, что въ концѣ семидесятихъ годовъ крахмально-паточный промыселъ переживалъ кризисъ, который, вѣроятно, обусловливается значительнымъ наплывомъ крахмала изъ южныхъ и восточныхъ губерній, гдѣ картофель дешевле»¹⁾. Просматривая затѣмъ, напримѣръ, «Свѣдѣнія о видахъ на урожай за весенній періодъ 1881 г.», мы найдемъ не мало подтвержденій тому, какую шаткую опору представляетъ рынокъ для земледѣльца, руководящегося въ своей дѣятельности не реальными потребностями своего организма, а необходимостью приобрести лишній рубль. Крестьяне Елисаветградскаго уѣзда Херсонской губерніи, напримѣръ, до прошедшаго года разводили въ большомъ количествѣ рапсъ и горчицу, но въ 1881 г. начали отдавать предпочтеніе хлѣбамъ, «вслѣдствіе ослабѣвшаго спроса на масляныя растенія». Также въ Полтавской губерніи въ послѣдніе годы, а въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ южныхъ уѣздовъ и въ этомъ году, введенъ посѣвъ рапса; но вслѣдствіе ненадежности его урожая и сильнаго колебанія цѣнъ мѣстами уже начали уменьшать его посѣвы». Между тѣмъ, какъ въ то же время начали разводить рапсъ въ Бессарабіи, Харьковской, Кіевской (по причинѣ

¹⁾ «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи», т. VII в. 1, стр. 14.

высокой цѣны»), Подольской губерніяхъ. Въ Симферопольскомъ уѣздѣ значительно сокращены табачныя плантаціи, такъ какъ по случаю перемѣны въ условіяхъ обложенія акціями «на табакъ почти вовсе въѣзъ облага». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Борженскаго уѣзда (Черниговской губерніи), крестьяне совершенно почти бросили рапсъ, который въ послѣдніе годы давалъ плохіе урожан, и принялись съѣзъ за табакъ, цѣны на который стоятъ высоко; тоже произошло и въ крестьянскихъ хозяйствахъ Городнянскаго уѣзда. Въ Констанскомъ уѣздѣ замѣчается обратное явленіе: большинство сель, особенно въ южной части уѣзда, табакъ замѣнили ячменемъ». «Въ Пиратинскомъ уѣздѣ (Полтавской губерніи) увеличился посѣвъ табаку, а съ Лубенскомъ, по немногу, исчезаютъ посѣвы льна». Въ Казанской губерніи «мѣстами стали сѣять больше овса въ ущербъ гречи, и мѣстами—на сборотъ, что главнымъ образомъ зависитъ отъ наиболее выгодной цѣны, которая стоитъ въ данной мѣстности на тотъ или другой хлѣбъ» и т. д.

В. В.

2 июля 1882 г.

По поводу одной смерти.

«Недѣля» напечатала недавно ¹⁾ нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ «Изъ предсмертной переписки» молодого, двадцатичетырехлѣтняго офицера въ отставкѣ, Шульца, застрѣливагося въ Ковенской губерніи 27 іюня нынѣшняго года, вскорѣ послѣ того, какъ въ Смоленской губерніи покончилъ съ собою другъ и сослуживецъ его, двадцати же четырехлѣтній отставной офицеръ Хржановскій. По словамъ редакціи «Недѣли», въ судьбѣ обоихъ самоубійцъ не мало было общихъ чертъ:

«Шульцъ и Хржановскій служили въ одномъ и томъ же полку и были друзьями. Въ 1880 году, по чьему-то доносу, они были заподозрены въ неблагонадѣжности и подвергнуты аресту на гаунтвахтъ, гдѣ и содержались девять мѣсяцевъ, пока шло ихъ дѣло. Слѣдствіе о нихъ было поручено весьма опытному по этой части чиновнику, д. с. с. Нейлову, но онъ ничего преступнаго въ дѣйствіяхъ Шульца и Хржановскаго не нашелъ, вслѣдствіе чего обвиняемыхъ изъ-подъ ареста освободили; при этомъ имъ было объявлено, что по волѣ Государя Императора (покойнаго), они оставляются на службѣ въ томъ же полку. Но такъ какъ ближайшему начальству это видимо не нравилось, то Шульцъ и Хржановскій предпочли выйти въ отставку».

Никакихъ другихъ фактическихъ свѣдѣній о друзьяхъ-самоубійцахъ не даютъ намъ ни предсмертныя письма Шульца, ни редакціонное примѣчаніе, предпосланное къ нимъ. Сама «Предсмертная переписка» покойнаго Шульца заключаетъ въ себѣ лишь нѣ-

¹⁾ № 33, отъ 15-го августа 1882 г.

сколько штриховъ къ уясненію облика погибшихъ юношей и къ уразумѣнію ихъ печальной участи. За то штрихи эти вполнѣ характерны и заслуживаютъ всеобщаго вниманія.

Прочтите эти немногія письма, очевидно ничуть не предназначавшіяся для печати, и вы сразу убѣдитесь, что имѣете дѣло съ произведеніемъ не перваго встрѣчнаго, а талантливой личности, изъ ряда вонъ выходящей даже и въ литературномъ отношеніи. Очень немногіе изъ нашихъ записанныхъ беллетристовъ могутъ такъ хорошо писать, какъ писалъ Шульцъ, отъ каждой строчки котораго вѣетъ свѣжестью, силой и самобытностью таланта. Но что значать достоинства стilia въ сравненіи съ искренностью тона и въ особенности съ нравственною чистотою, поражающею васъ въ «Предсмертной перепискѣ!..» Судите, лучше, сами, по слѣдующимъ отрывкамъ, наудачу приводимымъ:

Вотъ первое впечатлѣніе, произведенное на Шульца очевидно запоздалымъ пзвѣстіемъ о самоубійствѣ его друга:

«Іюль, 1862.

«Какъ ударъ грома, поразило меня страшное извѣстіе. Мой другъ, самый близкій мой товарищъ, Хрмановскій, застрѣлился 27-го апрѣля. До сихъ поръ не могу оправиться отъ этого удара. Теперь никакое несчастье, никакое горе не взволнуетъ меня. Хожу точно деревянный какой. Этотъ человѣкъ, такой чуткій къ правдѣ, высоко развитой нравственно, не могъ вывести грязи и пустоты нашего общества, живущаго почти только животной жизнью. Страстный и пламенный, невѣроятно брезгливый ко всему нечистому, онъ постоянно страдалъ, постоянно чувствовалъ себя несчастнымъ. Провлѣтіе тому обществу, лучшіе люди котораго должны кончать самоубійствомъ!

«Тяжело, страшно тяжело ва душѣ, такъ и тянетъ покончить съ этой ерундой, которой милліоны такъ дорожатъ и которая называется жизнью. Еслибы не обязанности, не долгъ, давно бы покончилъ съ собой. И не страдается же разная шваль, ей же ния—дегіонъ, хотя величайшая польза, которую она могли бы оказать—это перестать жить».

Въ другомъ письмѣ—къ своей «дорогой Любѣ»—Шульцъ говорить о томъ же предметѣ:

«Пока живу, но какъ — не спрашивай. Тяжело на сердцѣ, жизнь оцѣтыла. Лучшій изъ людей, мой другъ и пріятель Хрмановскій, застрѣлился изъ ружья. Надоѣла пустая жизнь; надоѣло постоянно кидать вокругъ лопъ вопиющую и ужасающее невѣжество, понимать насквозь всѣ побужденія людей и находить въ порядочныхъ, повидному, людяхъ — подлецовъ или дураковъ. Плохо жить только животной жизнью, но тяжелѣе иногда жить умственно. Крѣпкіе нужны нервы, чтобы, понявъ наше образованное общество, жить

въ немъ безъ крайняго отвращенія, а смотрѣть на все холоднымъ и внимательнымъ взглядомъ доктора. Хржановскій былъ слишкомъ страстенъ въ любви, но не умѣлъ глубоко и холодно ненавидѣть, а это большой недостатокъ. Жаль этого человѣка: одинъ борцомъ за вѣчную правду, за свѣтъ—честь. Пожалѣй и ты о немъ, штатсечка моя. Это былъ честный, нравственный человѣкъ, вполне достойный любви. Ты его почти совершенно не знала, а и многіе изъ его лучшихъ знакомыхъ въ сущности не знали его вовсе. Его знакомство тебѣ, можетъ быть, принесло бы несравненно болѣе пользы, чѣмъ мое. Но что совершилось, то уже фактъ. Вѣчна ему память на вѣчныхъ временахъ!»

Возвращаясь еще разъ къ памяти Хржановскаго, Шульцъ пишетъ къ другому пріятелю:

«Однимъ честнымъ, славнымъ человѣкомъ меньше, слѣдовательно другимъ, оставшимся, надо за него исполнить работу. Не забывай этого. Мнѣ самому давно хочется сдѣлать такъ же, какъ Хржановскій, но теперь я этого не сдѣлаю. Буду держаться до послѣдней возможности и не спать».

Наконецъ, вотъ послѣднія строчки «Предсмертной перенески»:

«Тяжело переживать близкихъ и дорогихъ себя людей, лучшихъ людей въ полномъ значеніи слова. Легче бы самому умереть; но пока возможно, пока есть хоть нѣсколько силы, не прибѣгну я къ этому исходу. Потому—дало десятое, но теперь не хочу, не сиѣю. Не «для звуковъ сладкихъ и молитвъ» мы на свѣтъ родились. Бей меня судьба, а самъ себя я бить пока не буду. Но довольно объ этомъ. До свиданія (на томъ свѣтѣ?). Будьте сильны и счастливы, служите Богу правды неустанно».

Эти строки писаны были въ іюль, а Шульцъ застрѣлился 27 числа того же мѣсяца. Не на долго, какъ видите, хватило силъ и возможности!

Послѣ этихъ отрывковъ трудно, бажется, повторить стереотипную фразу полицейскихъ протоколовъ: «причины самоубійства произведеннымъ дознаніемъ не выяснены». Не менѣе трудно прибѣгнуть также и къ другой формулѣ тѣхъ же протоколовъ: «дознаніемъ обнаружено, что самоубійца страдалъ меланхоліею». Нѣтъ. Уяснить и обнаруживать тутъ нечего: все и безъ того достаточно ясно и обнаружено. Самъ Шульцъ открылъ причину, и ткнулъ въ нее пальцемъ, котораго ужъ не отдернешь, ибо онъ закоченѣлъ... «Такія чуткія и страстныя натуры—пишетъ Шульцъ о Хржановскомъ—могутъ жить только въ средѣ своей, родной. Въ ея онѣ страдаютъ, чувствуютъ себя безсильными, преувеличиваютъ слою дѣйствитель-

ную слабость и силу препятствій, и въ результатѣ всего этого—смерть».

«Въ результатѣ всего этого—смерть», та самая смерть, которая такъ сильно корюбитъ васъ, читатель, смерть въ видѣ раздробленнаго черена, окровавленныхъ покрововъ, присохшихъ къ стѣнѣ мозговъ.. И не безсмысленный, непредотвратимый случай какойнибудь причинилъ эту смерть, не лихень внезапный подмиль тутъ насыль, не печально доинувшій рельсъ свель съ пути поѣздъ... Вліяли тутъ не стихіи, не слѣпая судьба, а порядки, руками человѣческими выработанные и власти общественной подчиненные... И валяется предъ вами обезображенный трущъ не старухи встхозаветной, отжившей свой вѣкъ, не департаментскихъ сторожей, которыми хоть прудъ пруди, а молодой, талантливой природы, скошенной во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, раньше чѣмъ она успѣла принести своей родинѣ хоть каплю пользы, которую всѣ въ правѣ были ждать отъ нея... И такъ-то вотъ одна за другою истощаются въ искусственно созданной борьбѣ, падаютъ и гибнутъ безплодно лучшія, наиболѣе «чуткія и страстныя» природы, соль русской земли. Мы негодуемъ — негодуемъ справедливо, — и ужасаемся — ужасаемся искренно—узнавъ, что кугуевская катастрофа стоила жизни сорока двумъ лицамъ. А вѣдь этимъ молодымъ самоубійцамъ, этимъ до времени погибшимъ юношамъ, кости которыхъ, тоже перебитыя, разсѣяны по всему лицу нашей земли, давно и счетъ потерявъ. И того мы не знаемъ, что гибнуть не одни они. Чтобы содрогнуться на минуту, чтобы нюни распуснуть, чтобы придти въ ужасъ и негодованье, намъ нуженъ трескъ выстрѣла, нуженъ свѣжій трущъ съ зияющею раной на лбу, нужна кровь, и счетъ ведемъ мы только искалѣченнымъ трупамъ. Правда, и такихъ труповъ не мало, даже очень не мало для страны, вѣчно жалующейся, что нѣтъ у нея потребнаго количества ни честныхъ, ни дѣльныхъ, ни сильныхъ натуръ... Но что такое значить число этихъ труповъ, въ сравненіи съ количествомъ безъ треску и вѣсти погибающихъ у насъ созданий? Сколько ежегодно, ежедневно гибнетъ, во всѣхъ концахъ Россіи, глубоко честныхъ, богатоодаренныхъ натуръ, легко могшихъ, при иныхъ условіяхъ, составить славу, гордость и счастье своего отечества! Кто ихъ считалъ, и какъ считать?..

Мы считаемъ, говорю, только ружейные да револьверные ви-

стрѣлы, только признанныхъ, такъ сказать, флагрантныхъ самоубійць. Но вѣдь не одно ружье; не одинъ револьверъ подкашиваютъ лучшіе цвѣтки нашей народной нивы. Юноша, въ борьбѣ съ судьбою доведенный до сознанья, что плетью обуха не перешибешь, что водвореніе правды на землѣ—дѣло не нашего поколѣнія, и потому апатично скрестившій руки—развѣ этотъ юноша не потерянъ для родины, точь въ точь также, какъ и Шульць, схороненный въ сырой землѣ? Не такой же, развѣ, самоубійца, и не также точно потерянъ для «Бога Правды» другой, спившійся съ круга и на все махнувшій обезсиленной рукою? А всѣ эти павшіе подъ непосредственными ударами судьбы?.. Мы ихъ не помнимъ, потому что всѣ они погибаютъ и умираютъ потихоньку, помаленьку, не оставляя по себѣ лужъ крови. И хоронятъ ихъ не въ общей могилѣ, какъ кукуевскихъ жертвъ, на показъ и посрамленіе вивовниковъ ихъ страдальческой кончины, а въ разбродъ, въ розницу, въ никому невѣдомыхъ захолустьяхъ. Выпадетъ снѣгъ, подъ его сугробами одинокія могилы сравниваются съ матерью землею, а будущимъ лѣтомъ никто и не замѣтитъ, и не запомнитъ, что тутъ сгнили лучшія сердца и лучшіе мозги, которыхъ только произвела когда нибудь Россія..

Повсемѣстно гложутъ да гибнутъ представители всего, что имѣется лучшаго въ сердцѣ человѣческомъ, и не менѣе повсемѣстно торжествуетъ надъ ними трезну всякая мразь и бездарность, „шваль“, какъ ее называетъ Шульць. А мы благодушествуемъ, и въ усь себѣ не дуемъ. О, мы знаемъ и чувствуемъ, что всѣ эти самоубійства да погибели—печальное, въ высшей степени печальное явленіе, грустное дѣло. Но это дѣло, по нашему понятію, дѣло все-таки отдаленное отъ насъ, насъ не затрагивающее, на нашу собственную участь не влияющее. «Наша хата—и тутъ, какъ и во всемъ—съ краю», думается намъ. Судьба, безжалостная, слѣпая, бессмысленная судьба, бьетъ вѣдь не насъ съ вами, а другихъ. Чтожь за бѣда—для насъ-то—что гибнуть люди близкіе намъ по духу, по стремленіямъ, по убѣжденіямъ, по вѣрѣ, наконецъ. По плоти-то вѣдь они намъ чужды... Мы стыда нечувствуемъ—не то что позора,—когда падаетъ нашъ единомышленникъ, когда изнемогаетъ и погибаетъ собратъ нашъ. Если-бъ мы дѣйствительно и страстно любили ту самую «Правду», которой на словахъ служимъ, то развѣ убилъ хоть единого изъ ея служите-

лей—нашихъ сотоварищей—не отозвалась бы въ насъ жгучею сердечною болью?.. Въ бою, во время войны, когда ратникъ видитъ, что наль «честною смертию» товарищъ его, сраженный пулею общаго врага, онъ еще страстище прежнего напрягаетъ свои силы на торжество праваго дѣла. Онъ братъ, вѣрный товарищъ и мститель всякаго, кто стоитъ за одно съ нимъ дѣло. А мы, мы почти рады, что мимо насъ прошла чаша, отравившая существованіе ближняго... Мы не понимаемъ, что эта ядовитая чаша, мимо насъ идущая, рано или поздно задѣнетъ же насъ, наконецъ... Не понимаемъ, что «шваль», сегодня одолѣвшая «другаго» и уложившая его въ преждевременную яму самоубійцы, завтра подберется къ намъ самимъ, съ заносчивымъ требованіемъ—уподобиться ей, швали этой, или исчезнуть съ лица земли.

Каждое новое самоубійство, гибель каждой «чуткой и страстной натуры», приближаетъ мѣрными и роковыми шагами торжество этой швали, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наше собственное упраздненіе, либо превращеніе въ шваль-же. Въ интересахъ личнаго своего достоинства, своей собственной шкуры, должны были-бы мы озаботиться о томъ, чтобы не дать восторжествовать швали, а это можетъ быть сдѣлано только поддержкою ея страстныхъ ненавистниковъ, нынѣ одиночно гибнущихъ за ненахожденіемъ въ насъ поддержки и симпатій. Неужто даже за свои личныя выгоды, за свое благополучіе не способны мы стоять вѣрою и правдою? Вѣдь эдакъ придется, наконецъ, сообразить, что и сами-то мы, своимъ безучастіемъ, своею апатіей, оказываемъ нравственное содѣйствіе швали, пособляемъ ей и являемся вполне съ нею солидарными. А что такое значить эта солидарность, мы поймемъ всецѣло только тогда, когда въ одно злосчастное утро очутимся предъ трупомъ родныхъ дѣтей—отрады и опоры заката нашихъ дней—дѣтей, незамѣтно для насъ павшихъ жертвою торжествующей швали!

Какъ ни велико—для отдѣльныхъ членовъ общества—личное, такъ сказать частное значеніе всѣхъ этихъ самоубійствъ и погибелей, ихъ общественное, даже чисто государственное значеніе еще важнѣе. Сотни писателей и администраторовъ съ утра до вечера ломаютъ себѣ головы надъ измышленіемъ надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію и пресеченію сибирской язвы или желѣзнодорожныхъ несчастій. Задачи эти, безъ сомнѣнія, вполне серьезны и важны. Но задаетъ-ли кто себѣ вопросъ—не въ тысячу-ли разъ

опаснѣе или зловреднѣе для народа и государства вотъ эта моровая язва—постепенная и непрерывная гибель безспорно лучшихъ силъ страны? Вспомните, господа, что когда разгнѣванное божество избирѣвало вѣщескія казни, чтобы покарать согрѣшившій предъ нимъ египетскій народъ, оно въ концѣ концовъ, перебравъ всевозможныя бичи, ничего не могло придумать ужаснѣе десятой и послѣдней «египетской казни»—избіенія первенцовъ. Въ лицѣ современныхъ молодыхъ самоубійцъ великаго рода народъ нашъ теряетъ именно «первенцовъ», т. е. наиболее чуткихъ и страстныхъ, наилучшихъ сыновей своихъ. Постепенное истребленіе такихъ талантливыхъ натуръ—вещь просто опасная, непоправимо-вредная для будущихъ судебъ нашего отечества. «Изъ сотни лакеевъ, сказалъ однажды Генрихъ VIII, я въ одну секунду легко могу натворить сотню лордовъ, по даже изъ тысячи лордовъ не въ силахъ я создать ни одного Гольбейна». Мы этого не понимаемъ, ибо не знаемъ, что значитъ талантъ и что за сила въ страсти. Привыкнувъ къ мысли, что пѣтъ ничего легче, какъ испекать изъ сподручной глины неограниченное количество приставовъ, интендантовъ, прокуроровъ и генераловъ всякаго сорта, мы вообразили себѣ, что также безнаказанно можемъ швырять талантливыми и страстными натурами, какъ «безъ послѣдствій» увольняются въ отставку переставшіе правиться чиновники. Никогда не оскудѣетъ земля русская на чиновниковъ, сколько-бъ ихъ ни отпускалось на подножный кормъ. Но на таланты, на характеры, на страстныхъ и благородныхъ натуръ, на поклонниковъ «Бога Правды», урожай, увы, не великъ, и губить ихъ безъ разбора намъ куда какъ не слѣды!.. И діогеновское правило—«не отымай того, чего не можешь дать»—намъ не худо зарубить себѣ на носу. Поймите, вѣдь наша жизнь, жизнь и общественная, и народная, плѣсенью покроется и въ конецъ сгниетъ, если мы безсмысленно промотаемъ и растратимъ всю соль нашей земли, всѣ лучшіе всходы и отпрыски нашего народа...

Эти талантливыя натуры гибнутъ эпидемически, не одѣливъ своей страны ничѣмъ, не выказавъ ни силъ своихъ, ни мощи духовной. А на тѣхъ постахъ, гдѣ имъ слѣдовало стоять да работать, откуда онѣ могли пролить на свой народъ благодѣянія снѣга и правды, таланта и знанія, вмѣсто нихъ остаются... кто? Оглянитесь во-

вругъ себя и увидите, что, болѣе чѣмъ когда либо, теперь къ намъ примѣняемъ скорбинный възгласъ:

«Сколькокихъ славныхъ жизнь поблекла,
Сколько низкихъ рокъ падеть!»

«Не стрѣляется же разная шваль,» пишетъ передъ смертью несчастный Шульцъ. Да ей и незачѣмъ стрѣляться, ибо она въ своей средѣ, родной... «Живу въ страшно тяжелой обстановкѣ—жалуется дальне Шульцъ,—безъ настоящаго дѣла, безъ опредѣленныхъ занятій.» А у швали, что не стрѣляется, есть и «настоящее дѣло» и «опредѣленные занятія.» Почему же, скажите на милость, наша жизнь дастъ дѣло и занятія этой швали, а не талантливимъ личностямъ, задыхающимся безъ дѣла, алчущимъ и жаждущимъ занятій? Какъ вы полагаете, также-ли скверно и подло пошли-бы «настоящія дѣла» нашей жизни, какъ идутъ теперь въ рукахъ швали, еслибъ онѣ попали въ руки безъ дѣла погибающихъ честныхъ натуръ? Хорошо развѣ, что во всѣхъ областяхъ нашей жизни, куда ни оглянись, гдѣ должно бы было кипѣть «настоящее дѣло,» это самое дѣло, «настоящее дѣло,» предоставляется швали какойнибудь, а люди честные, сильные, знающіе, безкорыстные и правдивые должны гибнуть за неимѣніемъ опредѣленныхъ занятій? Развѣ народу нашему, въ его непрерывной борьбѣ съ суровою природою, въ его неровномъ соперничествѣ съ болѣе развитыми и счастливиѣе одаренными націями, не на каждомъ шагу нужны, ежедневно, способные труженники, готовые всю душу свою вложить въ дѣло, которому они служатъ? Нужны-то нужны, несомнѣнно, но дѣла они не находятъ, а дѣломъ этимъ вѣдаютъ бездушные и ничтожные эксплуататоры повальнаго народнаго невѣжества, «подлецы или дураки,» «живущіе животною жизнью,» какъ о нихъ свидѣтельствуетъ Шульцъ... Такъ и вездѣ: возьмемъ хоть земство, городское самоуправленіе, частныя общества, отдѣльныя хозяйства. Посмотрите пристально, въ чьихъ тутъ рукахъ «дѣло?» Отчего повсемѣстно жизнь наша, общественная, дѣловая слагается такъ пакостно, что нѣтъ въ ней вовсе мѣста, ни работы лучшимъ силамъ страны? Отчего, въ силу какаго роковаго проклятія, систематически отталкиваются отовсюду наиболѣе чистыя натуры, а притягиваются лишь бездушные себялюбцы?

Далеко-ль можетъ пойдти народъ при такихъ жалкихъ услови-

яхъ? Вѣдь онъ силенъ бываетъ не одною своею численностью, не одними добрыми своими качествами, а разумнымъ подборомъ своихъ совѣтниковъ и дѣателей, задача которыхъ—толково и честно направлять его силы, къ его же, а не своему, благополучію. Не свекорыстныя же бездарности могутъ двигать впередъ этотъ народъ, приближая его къ свѣту и счастью... Каковъ попъ, таковъ и приходъ,» говоритъ мудрость народная. Какъ же можетъ совершенствоваться и преуспѣвать народъ, лучшіе сыны котораго томится въ бездѣйствіи, и у котораго роль дѣателей предоставляется ничтожеству и низости? Вѣдь не только у насъ, но и вездѣ на свѣтѣ, лучшими, свѣтлѣйшими періодами народной и общественной жизни всегда были тѣ, когда къ общественной дѣятельности открытъ бывалъ широкій доступъ и просторъ для страстныхъ и талантливыхъ натуръ. Да и великіе люди, резюмирующие собою эти лучшіе періоды народной жизни, велики бывали не только своею гениальностью, но и усерднымъ подборомъ, себѣ на помощь, всего, что было въ ихъ время способнаго и выдающагося въ ихъ странѣ. И совершенно напрасно посылаетъ покойный Шульцъ страстныхъ проклятыя «тому обществу, лучшіе люди котораго должны кончать самоубійствомъ.» Его незачѣмъ проклипать, потому что оно уже проклято и находится подъ тяготѣнъемъ проклятія: развѣ можно придумать себѣ что нибудь ужаснѣе судьбы общества, изолировавшагося отъ лучшихъ своихъ людей?

И когда подумаешь—какая-бъ вышла роскошь, какъ чудесно потекла-бъ общественная жизнь и какіе богатые получились-бы результаты, если собрать со всего лица русской земли всѣ эти невѣдомо глоснущіе таланты, и, поднявъ въ нихъ колеблющееся довѣріе въ силу правды, обратить ихъ на дѣятельное служеніе родинѣ.. Нѣтъ, это—маниловская мечта. Не родился еще, видно, тотъ объединяющій всѣхъ, все и вся вдохновляющій гений, который могъ-бы сотворить такое чудо. Да и швали слишкомъ много наплодилось, и расхрабрилась-же она при томъ... Она этого не допуститъ, потому что ей «жрать» надо, аппетитъ у нея разросся въ волю, а жрать она можетъ не иначе, какъ станувъ чужое добро, ибо производительныхъ, творческихъ силъ ей отъ Бога не дано. И вотъ почему ей нуженъ мракъ, излюбленный татями и хищниками, нужно невѣжество, нужно-упраздненіе и истребленіе всѣхъ стойкихъ служителей Бога правды и справедливости... Google

И вотъ почему она, эта самая шваль, развязно и нагло выступаетъ, даже и въ печати, съ проповѣдью о томъ, что народъ можетъ существовать, что государство можетъ держаться, объявивъ унизительную войну всей своей интеллигенціи. Она знаетъ, шваль, куда идетъ и чего добивается, и дѣлаетъ свое дѣло. А мы слушаемъ ее, развѣся уши, и равнодушно хоронимъ чуть ли не лучшія свои «чуткія и страстныя натуры.» Это-ль еще не позоръ?

Н. Николаевъ.

НОВЫЯ КНИГИ

А. И. Бородинъ. Периодическая печать по поводу катастрофы на Московско-курской желѣзной дорогѣ. Кіевъ, 1882 г.

Брошюру г. Бородина можно было предвидѣть заранѣе... И для предвидѣнья такого вовсе не нужно было быть ни пророкомъ, ни какимъ нибудь особенно прозорливымъ человекомъ. Печать, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страшнаго несчастія, обрушившаяся можетъ съ нѣскольکو излишнею запальчивостью на желѣзнодорожниковъ, должна была получить реваншъ со стороны взбудораженнаго ею мірка; изъ этого мірка должны были выѣхать на Росинантахъ ламанчскіе рыцари для преломленія коній за ихъ чугунную Дульцинею. Одного такого ламанчскаго рыцаря, съ его Санчо-Пансо, мы уже видѣли въ лицѣ г. Свѣнтицкаго и г. Узембло. Должны были появиться и ламанчскіе адвокаты, столь же краснорѣчивые, сколько и убѣдительные. Можно было предвидѣть даже всѣ доводы, какіе ими будутъ сдѣланы, а именно: что виною всего былъ дождь, что пи алчность, ни хищничество строителей тутъ не при чемъ, что дорогу строила казна (нужно же было быть такому грѣху, и грѣхъ этотъ, надо полагать, долго будетъ приводиться противниками государственной постройки и эксплуатации дорогъ), что труба была положена сознательно, въ полномъ убѣжденіи достаточности ея и «никакой очевидной, бросающейся въ глаза, целиности собою не представляла» (5); что ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ безопаснѣе, чѣмъ по грунтовымъ, но что за всѣмъ тѣмъ, вслѣдствіе техническихъ несовершенствъ и природы

человѣческой, извѣстный процентъ несчастій долженъ происходить и на нихъ, что упущенія и промахи дѣлались и будутъ дѣлаться десятками тысячъ (?) пока люди существуютъ (9); что газеты не понимаютъ дѣла и говорили все время только глупости, что вмѣсто того, чтобы «успокоинать умы публики», онѣ только каркали и распространяли нелѣпости и ипсинуаціи (6), и т. д. Въ особенности вѣльными показались г. Бородину слѣдующіи мѣры, предложенныя газетами: 1) бить безпощадно по карм: намъ > разжирѣвшихъ желѣзнодорожныхъ воротилъ «за каждаго увѣчнаго или убитаго», что «въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ виду правительственной гарантіи, оказалось (бы) равносильнымъ битью по карману казны, а слѣдовательно народа; 2) «отобрать дороги въ казну», что является общею мѣрою, «которая предлагается не сильными умами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не знаютъ, что предложить для уврачеванія извѣстнаго зла; въ данномъ случаѣ эта мѣра потерпѣла очень быстрое фіаско, лишь потому что, какъ на грѣхъ, Московско-курская дорога строилась именно казною. 3) Привлекать къ строжайшей отвѣтственности дѣйствительныхъ виновниковъ провсшествій, при чемъ дѣйствительными непремѣнно должны быть или тузы или инженеры, съ многотысячными окладами». (7) Отъ всѣхъ этихъ нелѣпостей, предлагаемыхъ не сильными умами, «людя, понимающіе какой либо толкъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по словамъ г. Бородина, разводятъ только руками». (8) А, разводя руками, конечно, забываютъ о существованіи большихъ вознагражденій, выдаваемыхъ пострадавшимъ и ихъ семействамъ, напр., английскими желѣзными дорогами, о томъ, что рѣчь о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ правительствомъ заходитъ все чаще и чаще въ Европѣ, что объ этомъ теперь разговариваютъ не только экономисты, но и кв. Бисмаркъ, и умалчиваютъ, конечно, о томъ, что большинство нашихъ желѣзныхъ дорогъ строились на казенныя же деньги и находятся въ огромномъ неоплатномъ долгу у казны. Сильные умы, какъ видите, не особенно сильны памятью, или, вѣрнѣе, безпристрастіемъ. Г. Бородинъ объясняетъ поднявшійся въ газетахъ шумъ и тревогу отсутствіемъ «возможности обсужденія вопросовъ, болѣе важныхъ и вопіющихъ, и въ полнѣйшей свободѣ, предоставленной печати въ желѣзнодорожныхъ вопросахъ» (3), изъ чего, конечно, слѣдуетъ, не необходимость предоставленія печати возможности свободнаго

обсужденія вопросовъ болѣе важныхъ и вопіющихъ, а необходимость сократить ся не въ мѣру длинный языкъ, произносящій только пелѣности, и по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. И въ самомъ дѣлѣ: если въ вопросѣ столь ясномъ и элементарномъ, какъ желѣзнодорожный, газеты, кромѣ пелѣностей, отъ которыхъ оставалось только разводиться руками, ничего сказать не могли, то какъ вы предоставите имъ свободу въ вопросахъ болѣе сложныхъ, темныхъ и запутанныхъ? Ясное дѣло, что тутъ поднялось бы такое карканье, отъ котораго людямъ сильнаго ума оставалось бы только заткнуть уши и бѣжать вонъ. Мы сознаемъ, что газеты съ запальчивостью напустились на желѣзнодорожниковъ, какъ и сказали это въ началѣ замѣтки, сознаемъ, что тутъ могло быть мѣсто и преувеличеній, и ошибокъ, и увлеченій, что объясняется силою перваго впечатлѣнія и тяжестью самаго факта катастрофы, но чтобы гг. желѣзнодорожники, гг. строители и инженеры, получающіе тысячные оклады, такъ ужъ ни въ чемъ не были виноваты, какъ это доказываетъ г. Бородинъ, не согласны. Положимъ, менѣе дожда виноваты они, но виноваты хоть настолько же, насколько виноваты стрѣлочники и машинисты, до сихъ поръ отвѣчавшіе за всѣ желѣзнодорожныя несчастія, виноваты, по крайней мѣрѣ, хоть настолько, чтобы платить изъ своихъ огромныхъ доходовъ, тысячныхъ окладовъ и чистыхъ приплатъ казны штрафы и вознагражденіе въ пользу увѣчныхъ и сиротъ. Но все это, говоримъ мы, можно было предвидѣть заранее. Нельзя было предвидѣть только одного, что выѣдетъ на защиту желѣзныхъ дорогъ именно г. Бородинъ, а не другой какойнибудь столь же мало извѣстный Санчо-Пансо. Нельзя было, пожалуй, предвидѣть еще нѣкоторыхъ разсужденій, въ родѣ слѣдующаго: «Было высказываемо, говорить г. Бородинъ, что никакія деньги и ничто въ мірѣ не въ состояніи вознаграждать тѣ человѣческія жертвы, то горе родственникамъ и знакомымъ, которые причинила катастрофа, что де жизнь человѣческая, выше всякихъ матеріальныхъ пожертвованій и на деньги оцѣниваема быть не можетъ; и въ поясненіе этого приводились различныя раздирающія душу сцены и картины того горя и несчастія, которыя внесла катастрофа». (13) Но «всѣ эти заявленія о неоцѣнимости человѣческой жизни, говорить г. Бородинъ, все это—фразы и неправда», «людская жизнь всегда оцѣнивается на деньги», въ чемъ человѣчество не любитъ только

сознаваться, «не любить съ карандашомъ въ рукахъ выводить, во сколько рублей и копѣекъ оно цѣнить эту жизнь, сбереженіемъ сколькихъ алтынъ оно покупаетъ горе и слезы окружающихъ умершаго» (il'ideni). Г. Бородинъ приводитъ и способъ для оцѣнки человѣческой жизни (хотя точнаго расчета и не дѣлаетъ): возьмите, говоритъ онъ, статистику смертности любого большого города, съ дурными гигиеническими условіями и затѣмъ улучшите гигиеническія условія, дайте «хорошую здоровую воду, устройте правильную канализацію, дайте возможность рабочему классу имѣть здоровыя дешевыя помѣщенія, а не притоны князя Вяземскаго» и т. д., и «вы на цѣлыя сотни уменьшите ежемѣсячное число безвременныхъ смертей» (14). А этого между тѣмъ не дѣлается. Вы можете съ большою достовѣрностью, говоритъ г. Бородинъ, высчитать изъ примѣра другихъ странъ и городовъ, на какой процентъ уменьшится смертность со введеніемъ той или другой гигиенической мѣры, стоимость которой также можетъ быть опредѣлена заранее. Возьмите же теперь «карандашъ въ руки, раздѣлите эту стоимость на число спасаемыхъ жизней и вы получите, сколько рублей и копѣекъ требуется для спасенія одной средней человѣческой жизни». (14) Нельзя сказать, чтобы предложенный методъ былъ особенно опредѣлененъ и чтобы по этой формулѣ могли получиться особенно точныя вычисленія; но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Можно придумать и другія формулы: взять, напр., стоимость негровъ, или среднюю стоимость крѣпостнаго человѣка въ началѣ нынѣшняго столѣтія (доходившую иногда до 10 р. ассигнаціямъ, какъ это можно видѣть изъ сохранившихся купчихъ крѣпостей), перевести стоимость тогдашнихъ ассигнацій на нынѣшнія деньги, накинуть даже извѣстный процентъ для великодушія, вотъ вамъ и другая стоимость человѣка, отъ уплаты которой гг. желѣзнодорожники, конечно, не откажутся. Все дѣло здѣсь въ остроуміи, находчивости и въ постановкѣ вопроса: вы не дѣлаете гигиеническихъ улучшеній, не смѣете говорить и слова желѣзнодорожникамъ. Совѣтъ не складно выходитъ, но что же дѣлать, если такова ужъ бородинская логика, столь же прямолинейная, какъ чугунные рельсы, и столь же неожиданная, какъ кукуевская катастрофа. Мало того, что не смѣете ни слова говорить, но не смѣете даже указывать на то, что дѣйствительно плохо и на что сами гг. Бородинны указываютъ. Такъ, наприм., на многихъ степныхъ пунктахъ

нашихъ желѣзныхъ дорогъ, мастеровые, машинисты, кондукторы и рабочіе живутъ «десятки лѣтъ съ женами и дѣтьми въ старыхъ вагонныхъ кузовахъ и землянкахъ» въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ, образуя цѣлыя населенія, цѣлыя колоніи. «Обратитесь, говоритъ г. Бородинъ, къ статистикѣ этихъ колоній и вы увидите, сколько жизней преждевременно погибаетъ, сколько дѣтей не выживаетъ отъ этихъ антигигіеническихъ невозможныхъ условій». «Кто не знаетъ о существованіи этихъ безобразій, осмотрѣнныхъ и представителями разныхъ министерствъ, и министрами, и подкомиссіями графа Баранова, въ одинъ голосъ признавшими ихъ невозможными для человѣческаго жилья». (15) Между тѣмъ, желѣзнодорожники ничего тутъ подѣлать не могутъ и вотъ на какомъ основаніи: «дороги, на которыхъ такія безобразія творятся, гарантированы правительствомъ, въ долгу у него и не имѣютъ права строить новыя постройки на счетъ смѣтныхъ расходовъ, увеличеніе же облигаціоннаго капитала считается правительствомъ преждевременнымъ». (16) «Возьмите же карандашъ въ руки» опять вопитъ г. Бородинъ, но мы не послѣдуемъ его совѣту и положимъ даже свое перо, такъ какъ полагаемъ, что достаточно уяснили сущность его брошюры. Прощайте г. Росинантъ, виновать: г. новѣйшій и благороднѣйшій рыцарь.

А. Бѣляевъ, «Воспомянія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ». (1805—1850 г.) Спб. Изданіе А. С. Суворина 1882 г.

Г. Бѣляевъ человѣкъ одумавшійся. Когда то онъ въ «несчастномъ происшествіи 14 декабря 1825 г., къ несчастію, былъ самымъ фанатическимъ участникомъ». Теперь же на немъ «лежитъ священныи долгъ искренней исповѣди предъ отечествомъ и исторіей въ тѣхъ дѣйствіяхъ и заблужденіяхъ, которыя причинили столько несчастій, осиротили столько семействъ и, можетъ быть, прихѣромъ своимъ увлекли и погубили столько молодыхъ людей, заразившихся жалкой игрою въ революцію». «Страсти» г. Бѣлева еще въ тридцатыхъ годахъ «улеглись, а разумъ настолько просвѣтился истинною вѣрою, размышленіемъ и безпристрастнымъ изученіемъ религіозно-философическихъ вопросовъ, что уже ясно видѣлъ всю пагубу» своихъ прежнихъ воззрѣній.

Да не подумаетъ г. Катковъ, что мы намѣрены защищать «несчастное происшествіе» 14 декабря. Ни защищать его, ни критиковать мы не считаемъ нужнымъ и возможнымъ въ краткой рецензій. Пусть историки, взвѣсивши всѣ данныя, придумываютъ надлежащее названіе этой своеобразной революціонной вспышкѣ, въ которой такую значительную роль играли легитимныя чувства. Намъ же больше интересуетъ психологія «искривныхъ раскаяній». Любопытно до какихъ несообразностей доводитъ кающихся грѣшниковъ желаніе очиститься отъ прежней скверны. Мы только что были зрителями эпергичнѣйшаго біенія г. Бѣляевымъ себя въ грудь за прежнія «заблужденія». Кромѣ приведеннаго мѣста каждая строчка его объемистыхъ записокъ пропитана раскаяніемъ въ прежнихъ своихъ убѣжденіяхъ. А между тѣмъ, почитаемъ у него же, откуда они взялись. «Не одно тайное общество, а много другихъ обстоятельствъ производили въ русскомъ обществѣ той эпохи то педовольство и то броженіе, которое выразилось въ происшествіи 14 декабря. Можно сказать даже, что самъ покойный великодушный императоръ Александръ Павловичъ, какъ бы косвенно положилъ ему основаніе». Итакъ, Александръ I былъ косвеннымъ революціонеромъ. Что же сказать о послѣдующей эпохѣ, о которой самъ же г. Бѣляевъ неоднократно заявляетъ, что она осуществила самыя завѣтныя желанія декабристовъ. Ахъ, г. Бѣляевъ, можно, конечно, отказаться отъ своихъ прежнихъ «заблужденій», но нельзя же отказаться отъ здраваго смысла.

Раскаившись въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ, г. Бѣляевъ, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ истиннымъ патриотомъ. Такъ, напр. онъ «убѣжденъ, что могущественнѣе Россіи и мужественнѣе ея сыновъ не было въ мірѣ народа; исключая изъ народа офранцузившихся и онѣмечившихся русскихъ» (стр. 31). Кромѣ того, онъ и патриотъ своей вѣры. Такъ напр. повѣствуя о томъ, какъ Александръ I поддакъ мистицизму, г. Бѣляевъ говоритъ: «ставши христіаниномъ по образцу Крюднеръ, конечно, онъ болѣе уже склонялся къ религіи реформатской, нежели къ своей, православной и единой истинной» (66). Въ другомъ мѣстѣ г. Бѣляевъ констатируетъ, что, «къ сожалѣнію, одна часть нашей интеллигенціи по религіи, жизни и понятіямъ почти стала реформатскою; вотъ причина холодности и даже презрѣнія ея къ своей православной церкви; единой и истинной святой и неогрѣшимой наставницѣ на-

путь истинный къ добру и счастію» (158). «О если бы», высказываетъ г. Бѣляевъ свое *pium desiderium*, «всѣ мы русскіе, шли подъ водительствою огненнаго столпа нашей православной апостольской церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истинны, то какое благоденствіе водворилось бы между нами» (266).

Сохрани насъ Богъ смѣяться надъ чѣмъ бы то ни было убѣжденіями, въ особенности религіозными. Но въ томъ то и дѣло, что въ пламенныхъ увѣреніяхъ г. Бѣляева, въ его глубокой преданности православію не столько дѣйствительной преданности слышится, сколько желанія загладить прошлое и не столько истиннаго благочестія, сколько постнаго масла. Чѣмъ напр. можетъ быть объяснена слѣдующая характеристика пѣвкоаго золотопромышленника: «предо мной стоялъ человѣкъ съ окладистой черной съ просѣдою бородой, крѣпкаго сложенія, съ умнымъ выраженіемъ лица, горячій патриотъ чисто русскаго закала, безъ малѣйшей примѣси чего-либо чуждаго; правда, нѣсколько старой Руси, но гораздо больше новой, по идеямъ прогресса свободы, по свободы въ строгорусскомъ православномъ духѣ». Новый сортъ свободы.

Усиленное стремленіе проявить свое глубочайшее раскаяніе составляетъ самую выдающуюся сторону записокъ г. Бѣляева. А затѣмъ *an und für sich*, какъ историческій матеріалъ, онѣ собственно очень малый интересъ имѣютъ. Новаго противъ того, что уже извѣстно изъ до сихъ поръ изданныхъ записокъ декабристовъ, у г. Бѣляева почти нѣтъ. Притомъ же собственно декабрьскому движенію г. Бѣляевъ удѣлилъ очень мало мѣста. Изъ 500 стр. цѣлая половина посвящена пребыванію автора на Кавказѣ, рѣшительно никакого отношенія къ декабрьскому возмущенію не имѣющему. Изъ другой половины декабристамъ удѣлено не больше 100 стр., на которыхъ крайне бѣгло и поверхностно излагается ходъ мятежа. За то съ какою старательностью выписываетъ г. Бѣляевъ фамиліи всѣхъ своихъ знакомыхъ, какъ кого звали по имени и отчеству, кто на комъ былъ женатъ, кто съ кѣмъ въ родствѣ стоялъ. Старческая болтливость г. Бѣляева превосходитъ всякія границы. Обрисовывая декабристское дѣло только самыми крупными штрихами, г. Бѣляевъ съ необыкновенною тщательностью сообщаетъ самыя пустѣйшія подробности о вещахъ рѣшительно никому не интересныхъ. Такъ напр. мы узнаемъ, что отецъ г. Бѣ-

ляевъ «посиль маленькую накладку на самое темя, гдѣ была небольшая лысина. Ни бакенбарды, ни усы онъ не носилъ». Въ дѣтствѣ съ г. Бѣляевымъ произошли слѣдующія два замѣчательныя событія: «слѣтомъ я носилъ красный сафьяновый картузь, а какъ красный цвѣтъ не любятъ павлины, которыхъ много было въ нашемъ саду, то, однажды, когда матушка послала меня зачѣмъ-то въ оранжерею, они, завидѣвъ мой красный картузь, погнались за мною. Я пустился бѣжать, какъ-то упалъ, и павлины налетѣли на мой картузь, который съ меня свалился; я вскочилъ на ноги и оставилъ въ ихъ власти картузь, перепуганный и изцарапанный прибѣжалъ домой. Помню также, какъ однажды меля преслѣдовалъ козелъ, котораго я имѣлъ обыкновеніе дразнить; отъ него я успѣлъ едва убѣжать до дома и запереть за собою дверь» (29). Когда г. Бѣляевъ былъ въ Тамбовѣ, то ему «за обѣдомъ подали огромной величины астраханскій арбузъ, какого еще не случалось видѣть». Видѣлъ разные виды г. Бѣляевъ и за границею. Такъ напр. когда корабль, на которомъ служилъ авторъ, былъ въ Брестѣ, то «мэръ города давалъ намъ вечеръ, пригласивъ насъ на пуншъ. Этотъ пуншъ подавали въ рюмкахъ и онъ былъ, дѣйствительно, очень вкусенъ».

Помимо старческой болтливости, записки г. Бѣлева въ такой же мѣрѣ изобилуютъ и старческимъ шинѣишемъ на безбожный нынѣшній вѣкъ. Все въ старину было лучше. Педагогія была превосходная: «насъ тогда еще не баловали безчисленными новѣйшими изобрѣтеніями, какъ занимаютъ нынѣ дѣтскія головы разными научными исторіями, а иногда и бреднями». Оттого-то, должно быть, направленіе тогдашнихъ молодыхъ людей и «не доходило еще до нынѣшней уродливости и безумія». Очень хороши были «романы той эпохи, настолько же идеальные по добродѣтелямъ ихъ героевъ, насколько вышѣшніе матеріальны и безвравственны». А уже что говорить о мазуркѣ того времени: «тогдашняя мазурка была не то, что нынѣшняя; это былъ живой, молодецкій танецъ для кавалера и очаровательный для граціозной дамы».

Очень интересенъ бываетъ г. Бѣляевъ, когда отъ перечисленія по именамъ и отчествамъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и описанія удивительныхъ арбузовъ, онъ переходитъ къ матеріямъ высокимъ. Вообще, онъ очень любитъ пофилософствовать и не пропускаетъ случая кстати и не кстати этимъ позаняться. Вотъ, напримѣръ,

разсужденіе о различнаго рода слезахъ: «какая разница между этими двумя явленіями въ природѣ человѣка: слезами радости и слезами печали! Кто разгадаетъ, гдѣ сокровенъ этотъ источникъ, изливающий въ одно время горькое, въ другое сладкое? Въ природѣ источники не перемѣняютъ своего свойства, а здѣсь, напротивъ, сердце удручено, сжато скорбью и вотъ изливается источникъ горькій, оно расширено, возбуждено радостью и опять изливаетъ источникъ слезы радости; слезы все тѣже, но какая странная разница между ощущеніями, ихъ производящими! Но есть слезы не столь благородныя, какъ слезы радости и горя. Есть слезы безсильней злости, слезы мщенія, лукавства, своееранія и эти изливаются различными движеніями и ощущеніями души и это все изъ одного и того же источника. Сколько же ощущеній въ душѣ человѣка? Какъ опредѣлить число ихъ, объемъ этого чуднаго внутренняго міра? Неоспоримо, что онъ неизмѣримъ, а между тѣмъ помѣщается всецѣло въ этомъ маленькомъ организмѣ, называемомъ человекомъ, и, не смотря на эти и другія безчисленныя психическія явленія, столь же чудесныя, есть люди, не признающіе души, а безумно приписывающіе безразумной матеріи весь этотъ необъятный по разуму, по чувствамъ, по ощущеніямъ и соображеніямъ міръ».

Но по истинѣ высокаго коммизма достигаетъ г. Бѣляевъ, когда пускается въ философію историческую, на тему еслибы да кабы. Оказывается по ней, что г. Бѣляевъ есть причина декабрьскаго возмущенія. «Когда Каховскій, испытывая рѣшимость офицеровъ, между прочимъ, сказалъ: «можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени», то въ безумномъ энтузіазмѣ я сказалъ ему: «нѣтъ лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе; другого такого случая, быть, не будетъ». «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ, станемъ дѣйствовать». Такимъ образомъ, рѣшено было дѣйствовать. Если же я сказалъ бы «да, конечно, лучше отложить дѣйствіе» и предложилъ бы это другимъ, то, «кто знаетъ, можетъ быть, оно и не случилось бы и не было бы пролито столько крови! (169) Разсужденіе безусловно достойное Кифы Мокіевича, ст. тою только разницею, что оно дѣлаетъ честь доброму сердцу г. Бѣяева, такъ какъ изъ дальнѣйшаго изложенія мы узнаемъ, что онъ сильно терзался угрызеньями совѣсти, когда узналъ, что Каховскаго повѣсили. Онъ считалъ себя причиною его гибели.

Читатель сильно ошибется, если не только что приведенной сценѣ заключить обо всей декабристкой дѣятельности г. Бѣляева. Въ дѣйствительности она была далеко не такого характера. Изъ многихъ эпизодовъ этой дѣятельности, возьмемъ для примѣра слѣдующіе. Утромъ 14 декабря г. Бѣляевъ бунтовалъ, а вечеромъ «экипажъ нашъ возвратился въ казармы, гдѣ люди были приведены къ присягѣ уже силою, а для офицеровъ присяжный листъ былъ разложенъ въ одной изъ казармъ для желающихъ подписаться, и помнится, что я также былъ изъ числа тѣхъ малодушныхъ, которые не выдержали характера и подписали этотъ присяжный листъ, въ чемъ и сознаюсь къ стыду своего геройства. Многие, однакожъ, какъ я узналъ впоследствии, не подписали». Когда г. Бѣляевъ сидѣлъ въ петропавловской крѣпости во время производства предварительнаго слѣдствія, ему дали вопросный листъ. «Въ одномъ изъ вопросовъ пункта меня спрашивали, отъ кого я заимствовалъ республиканскія идеи. Къ стыду своему, сознаюсь, я написалъ, что Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ имѣлъ большое вліяніе на мои убѣжденія; я сказалъ правду, но все же я до сихъ поръ краснѣю, когда вспоминаю это низкое малодушіе, потому то и свидѣтельствую о немъ и исповѣдую».

Въ заключеніе небольшая догадка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ газетахъ было сообщено, что Левъ Толстой собирался писать романъ «Декабристы», но, ознакомившись съ нѣкоторыми, еще неизданными записками участниковъ 14 декабря, отложилъ свое намѣреніе, такъ какъ изъ этихъ неизданныхъ записокъ убѣдился, что движеніе было не серьезно и слѣдовательно предметомъ романа его брать не стоило. Въ предисловіи же къ «Запискамъ» г. Бѣляева говорится, что онѣ «были читаны въ рукописи извѣстнымъ нашимъ писателемъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ». Ужъ не онѣ ли и измѣнили намѣреніе романиста? Если это такъ, то тутъ, конечно, ошибка. По сентенціи суда г. Бѣляевъ былъ зачисленъ въ 4 разрядъ виновныхъ, но онъ могъ бы быть помѣщенъ еще дальше, онъ почти случайно попалъ въ движеніе, о чемъ достаточно свидѣлствуютъ записки; онъ даже не былъ знакомъ съ главными его дѣятелями, а потому судить по немъ обо всѣхъ декабристахъ все равно, какъ по Кельсіеву, на примѣръ, судить объ общественномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ.

И. С. Лѣсковъ. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ. (Цѣховая легенда).

Въ предисловіи къ этой маленькой книжкѣ г. Лѣсковъ увѣряетъ, что «записалъ эту легенду въ Сестрорѣцкѣ по тамошнему сказу отъ стараго оружейника, тульского выходца». Всякій, кто прочтетъ «сказъ», пойметъ, что какъ выпсанная фраза, такъ и весь «сказъ» составляютъ чистую выдумку автора. Существуетъ, правда, фраза, что «англичане блоху стальную сдѣлали, а мы, туляки, ее подковали», по никакой легенды, какъ выражается г. Лѣсковъ, объ этой блохѣ нѣтъ. Поговорку о блохѣ авторъ развилъ въ цѣлѣмъ бойко написанный рассказъ, въ которомъ фигурируютъ и императоры, и генералы, и тульскіе оружейники, и англійскіе инженеры, мастера и моряки. Когда Александръ I былъ въ Англіи, между прочими диковинками, ему показали тамъ стальную блоху, которая заводилась ключикомъ и прыгала. Государь увезъ ее въ Россію. Николай Павловичъ поручилъ Платову свезти блоху въ Тулу, чтобы тамошніе оружейники сдѣлали чтонибудь подобное. Туляки подковали блохѣ ноги и, мало того, вырѣзали на каждой подковкѣ свои имена. Государь приказалъ отослать подкованную блоху въ Англію въ видѣ подарка; съ блохой поѣхали курьеръ и одинъ изъ мастеровъ-туляковъ, хромой лѣвшя. Послѣ изумленія англичанъ, не смотря на почести, съ какими они принимали русскаго слесаря, лѣвшя затосковалъ по родинѣ, поѣхалъ назадъ на корабль и, няяцствуя всю дорогу, дошелъ до того, что въ Петербургѣ его безъ чувствъ свезли въ участокъ; оттуда повезли по больницамъ, при чемъ постоянно роняли и, по счастливому выраженію автора, подымали за «ухи». Избили лѣвшу всего, и онъ умеръ, велѣвъ передъ смертью сказать государю, что въ Англіи ружей кирпичемъ не чистятъ и что не слѣдуетъ чистить ихъ кирпичемъ и у насъ. Этихъ лѣвшиныхъ словъ до государя не довели, — «а доведи они лѣвшины слова въ свое время до государя, въ Крыму на войнѣ съ непріателемъ совѣмъ бы другой оборотъ былъ».

Таково вкратцѣ содержаніе «сказа» г. Лѣскова. Невольно рождается вопросъ: что это? рассказъ, написанный съ чисто художественными цѣлями или же аллегорическое изображеніе характера русскаго рабочаго человѣка? «Сказъ» г. Лѣскова ни то ни другое. Несмотря на болкость пера, вообще свойственную автору,

его разсказъ производитъ крайне отталкивающее впечатлѣніе. Съ удивительнымъ хладнокровіемъ и даже какимъ то цинизмомъ авторъ разсказываетъ, какъ «два свистовые (вѣстовые) казака съ нагайками по обѣ стороны ямщика сѣдлись и такъ его и поливали безъ милосердія, чтобы скакать», какъ, затѣмъ, «казакъ сдѣйствовалъ надъ ямщикомъ въ обратную сторону». Какъ Платовъ «словилъ лѣвшу за волосы и началъ туда-сюда трепать такъ, что ключья полетѣли»; какъ лѣвшу «подымать стануть—ухи рвутъ, чтобы въ память пришесть». «Лѣвшя уже скончался, потому что у него затылокъ о парать (?) раскололся», спокойно сообщаетъ г. Лѣсковъ. Видно, что всѣ эти выдиранья волосъ, нагайки, расколотые «о парать» затылки нисколько не шевелятъ въ душѣ автора человѣческаго чувства. Онъ смотритъ на нихъ, какъ на украшенія разсказа, удобныя и пристойныя для дѣйствія на его публику. Той же публикѣ, на которую разсчитываетъ г. Лѣсковъ, безъ сомнѣнія, понравится и безмысленныя извращенія русскихъ и иностранныхъ словъ, влагаемая авторомъ въ уста разсказчика сказа. «Духсѣстная карета» вмѣсто «двухмѣстная», ахъ, какъ смѣшно, г. Лѣсковъ! «Керамида» вмѣсто «пирамида», какъ остроумно! «Мелкоскопъ» вмѣсто «микроскопъ», какъ оригинально! Всѣ эти «вѣрояціи», «тугаменты», «каврили», «презамуты», «укушетки», «графы КисельврODE», «долбицы умноженія», «нимфозоріи», «буреметры», «трепетирь», какъ все это... глупо и пошло, г. Лѣсковъ!

Еслибы авторъ потрудился присмотрѣться къ тому классу русскаго народа, который онъ, сидя въ кабинетѣ, предалъ глумленію своей книжкой, классу изъ котораго выходили, выходятъ и будутъ выходить замѣчательные люди, онъ оставилъ бы въ покоѣ старую поговорку о подкованной блохѣ. Не на то только годенъ русскій умъ, русская душа и энергія, чтобы чужихъ блохъ подковывать...

Крестьянскій вопросъ. Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. С.-Петербургъ. 1882 г.

Книга г. Кавелина касается злобы дня — одного изъ наболѣвшихъ вопросовъ русской жизни, — такъ называемаго крестьянскаго

вопроса. Читатель, задумывающийся надъ явленіями жизни, не пройдетъ мимо этой книги, она привлечетъ его вниманіе и удвоитъ интересъ еще и тѣмъ, что принадлежитъ перу извѣстнаго писателя, много потрудившагося въ этомъ направленіи. Крестьянскому вопросу г. Кавелинъ отводитъ почетное мѣсто. Въ концѣ своего предисловія онъ говоритъ: «пока у насъ не выработается опредѣленныхъ, ясныхъ понятій о крестьянствѣ и крестьянскомъ вопросѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ шататься изъ стороны въ сторону, подвергая массы народа самому тяжелому, незаслуженному испытанію, а весь нашъ бытъ—серьезной опасности». Къ устройству крестьянскаго быта, по мнѣнію автора, должны быть направлены всѣ усилія правительства и общества. Какими же мѣрами поднять упавшее благосостояніе крестьянъ? Г. Кавелинъ находитъ этотъ вопросъ о мѣрахъ уже достаточно исчерпаннымъ: въ литературѣ особенно за послѣднее время высказано очень «много дѣльнаго и толковаго» и прибавить что нибудь новое къ этому онъ не берется; онъ хочетъ только подвести итоги всему высказанному, и, сдѣлавъ изъ нихъ общіе выводы, освѣтить эти выводы одною общою мыслью. Мы думаемъ, что желаніе автора увѣнчалось успѣхомъ, хотя со многими предложеніями его можно не соглашаться. Мѣры для улучшенія положенія крестьянъ, по мнѣнію автора, должны обнимать всѣ стороны ихъ быта — матеріальную и умственную и нравственную. Было бы большою ошибкой думать, замѣчаетъ онъ, что одно матеріальное улучшеніе въ состояніи поднять умственный и нравственный уровень крестьянина, или что «одни уроки нравственности или грамотности» могутъ повести къ матеріальному довольству. Тутъ нужно совокупное дѣйствіе того и другаго (стр. 35). Прежде всего, какъ на одну изъ главныхъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства, указываютъ на недостаточность во многихъ губерніяхъ крестьянскихъ надѣловъ, что теперь признано и о чемъ теперь толкуютъ въ правительственныхъ сферахъ, устроивая съ этою цѣлью особый земельный банкъ для покупки крестьянами земель. Въ изслѣдованныхъ статистическимъ комитетомъ восьми центральныхъ губерніяхъ крестьянскихъ надѣловъ въ 1—2 десят. оказалось 21%. Г. Кавелинъ признаетъ фактъ недостаточности надѣловъ, но смотритъ «на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія какъ на мѣру временную, вызываемую не общими теоретическими или социаль-

ными соображеніями, а единственно настоящимъ положеніемъ известной части крестьянъ-землевладѣльцевъ (стр. 52—53). Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія — не дѣло государства и правительства, говоритъ г. Кавелинъ, а самихъ крестьянъ, ихъ трудолюбія и бережливости (sic!). Государство можетъ и должно предохранить земледѣльческое населеніе только отъ совершеннаго упадка и разоренія вслѣдствіе недостаточности земельныхъ надѣловъ. Логическимъ слѣдствіемъ такого взгляда на падѣленіе крестьянъ землею является и слѣдующее практическое предложеніе: за мѣрило достаточности надѣла считать высшіе размѣры душеваго надѣла, установленные положеніемъ 19 февраля 1861 г., а размѣръ землевладѣнія опредѣлять не по личному числу душъ мужскаго пола, а по числу ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ селенію съ правомъ на надѣлъ землею ¹⁾ (стр. 51). Но число ревизскихъ душъ мужскаго пола теперь чуть ли не вдвое превышаетъ число ревизскихъ душъ 10 ревизіи, послужившей основаніемъ для положенія 19 февраля 1861 г., да и въ самомъ положеніи и въ особенности въ примѣненіи его, какъ это доказано теперь многими статистическими изслѣдованіями и официальными комиссіями, вкрались погрѣшности и ошибки, которыя нуждаются въ исправленіи. Г. Кавелинъ предвидитъ эти возраженія, но все-таки стоитъ на своемъ. Къ этому его побуждаютъ «совершенная невозможность» опредѣлить въ короткое время потребность крестьянина въ землѣ, очевидная для него нелѣпость принципа, что по мѣрѣ умноженія народонаселенія долженъ быть увеличиваемъ и земельный крестьянскій надѣлъ, и своеобразное мнѣніе, что расчетъ на полученіе новыхъ надѣловъ поощрилъ бы, косвеннымъ образомъ, крестьянъ оставаться при теперешнихъ безобразныхъ порядкахъ и способахъ пользованія землей, не заботясь объ улучшеніи земледѣлія. Последнее предположеніе автора кажется нѣсколько тенденціознымъ. Не является ли недостаточность надѣловъ скорѣе одною изъ причинъ существованія хищнической обработки земли? Будь у крестьянина отъ хозяйства какой-нибудь остатокъ, онъ навѣрное употребилъ бы его на улучшеніе земледѣльческихъ орудій. Въ этомъ его прямая выгода, и крестьянинъ

¹⁾ Курсивъ автора.

не на столько глушь, чтобы не понимать этого. Развѣ у нас нѣтъ примѣровъ, напр. въ Малороссіи, гдѣ крестьяне вводятъ новыя орудія производства, убѣдившись на опытѣ помѣщиковъ въ ихъ несомнѣнной пользѣ. Въ какомъ же, однако, видѣ могло бы быть оказано пособіе крестьянамъ? Тутъ могутъ быть три способа:

1) отводъ земель изъ сосѣднихъ незаселенныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей; 2) пособіе казны на покупку земли крестьянами, и 3) добровольное переселеніе крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ казны. Г. Кавелинъ подробно разбираетъ всѣ эти три положенія, но мы не будемъ ихъ касаться, такъ какъ въ литературѣ уже довольно говорилось объ этомъ. Лучше познакомимъ читателя съ предложеніемъ Кавелина, которымъ онъ думаетъ устранить всѣ невыгодныя послѣдствія те-першняго общиннаго землевладѣнія, какъ-то: черезполосицу, частые передѣлы земли и т. п. Онъ предлагаетъ земли, отведенныя въ надѣль крестьянамъ, признать за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставить членамъ обществъ лишь право наследственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее завладѣвать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности ¹⁾ (стр. 80). Этими онъ думаетъ создать «крестьянскую землю, изъятую изъ обращенія, не подлежащую куплѣ и продажѣ, и такимъ образомъ устранить всѣ опасности обезземеленія крестьянъ черезъ скупку ихъ надѣловъ непогими лицами. Главною причиною жалкаго положенія нашего сельскаго хозяйства, Кавелинъ считаетъ «тягость налоговъ, нашу финансовую политику». «Въ какихъ нибудь тридцать лѣтъ, говоритъ онъ, государственный бюджетъ устроился, денежные земскіи повинности учетверились». Крупная промышленность всегда пользовалась у насъ покровительствомъ и поддержкой, а мелкое и крестьянское хозяйство было оставлено на произволь судьбы. Тяжкое бремя подати, взваленное на крестьянъ, вынудило ихъ сбывать, за что попало, не только свои произведенія, но и необходимыя орудія производства—рогатый скотъ и лошадей. Словомъ, нужда стала за спиной крестьянина, придавила его къ землѣ, отдала въ руки ку-

¹⁾ Курсивъ автора.

лаковъ, и лишила всякой возможности прийтись за какое либо улучшение земли. Пока бремя податей не будетъ облегчено, говорить Кавелинъ, и съ нимъ пельзя не согласится, и финансовая политика не измѣнится, до тѣхъ поръ нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній предлагается устроить простыя, незатѣйливыя сельско-хозяйственныя школы, гдѣ-бы 15-ти лѣтній паренъ, хотя безграмотный, могъ практически, «съ наглядки», ознакомиться съ простѣйшими улучшенными сельско-хозяйственными приемами, орудіями, сѣменами и т. п. Такія школы должны быть сотнями разбросаны по лицу земли русской. Рядомъ съ ними должны быть устроены сельско-хозяйственныя фермы, тоже не хитрыя, которыя могли бы показать крестьянину, какъ съ малыми затратами вести хозяйство при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Такія фермы, по мнѣнію автора, были бы живымъ, нагляднымъ и близкимъ примѣромъ, и пріохотили бы крестьянина къ правильному хозяйству. Наконецъ, «могучимъ распространителемъ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній могли-бы быть опять-таки «простыя, незамысловатыя», дешевыя книжки съ чертежами... Всѣ эти предложенія на сколько хороши, на столько и фантастичны при настоящихъ условіяхъ. Впрочемъ, самъ авторъ говоритъ, что «всему свое мѣсто и свой чередъ», и что при теперешнихъ условіяхъ улучшение крестьянскаго быта надо начинать дѣло съ земли и податей (стр. 105).

Внутреннее обозрѣніе.

Мы хотѣли поговорить объ имѣющемъ въ непродолжительномъ времени учредиться новомъ земельномъ банкѣ для покупки крестьянами земель, положеніе о которомъ было напечатано въ позапрошломъ № «Устоевъ». Наше поземельное устройство, вслѣдствіе прискорбныхъ ошибокъ, вкравшихся въ положеніе 1861 года, прироста населенія и еще болѣе вслѣдствіе господствовавшего до самаго послѣдняго времени номѣстно-бюрократическаго отношенія къ казеннымъ землямъ и къ интересамъ крестьянскаго землевладѣнія, пришло, въ особенности мѣстами, въ крайне непріятное состояніе и нуждается, если не въ переустройствѣ, то въ немедленной и основательной коррективкаціи. Что учрежденіе земельного банка, какъ средства для такой коррективкаціи и большаго или меньшаго регулированія поземельныхъ отношеній въ будущемъ, является въ высокой степени желательнымъ,—объ этомъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Объ этомъ такъ много говорилось. Объ этомъ говорятъ теперь развѣ только «Московскія Вѣдомости», которымъ это вновь и которая, нельзя не замѣтить, при всемъ своемъ умѣ и патріотизмѣ, повторяютъ теперь только то, что «мопешиники пера и разбойники печати» говорили 10—15 лѣтъ тому назадъ. Но сознаніе необходимости земельного народнаго кредита есть только первый шагъ, есть только одна сторона дѣла, и сторона меньшая; остается еще приведеніе этого сознанія въ исполненіе — роковая практика, т. е. выработка самаго кредитнаго плана и организація банка и практическое ихъ примѣненіе. Тутъ возможны и ошибки,

и непредусмотрительность, и заблужденія, и наконецъ искаженію самой законодательной мысли. Можно сдѣлать и дѣйствительно кое-что, можно и свести все на нѣтъ, чтобы только провести время. А зависеть это не только отъ степени искренности самаго желанія разрѣшить вопросъ и принести странѣ пользу, но и отъ степени предусмотрительности, широты экономическихъ и политическихъ возрѣній и внимательности къ знанію и опыту другихъ народовъ, которыми будутъ располагать и руководиться исполнители.

Въ печати уже высказывалось, что если положеніе о банкѣ и не вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, которыя высказывались въ разное время печатью и земствами, ставя дѣятельность банка въ нѣсколько тѣсныя рамки, то, вникая въ смыслъ положенія, можно думать, что рамки эти поставлены не навѣки вѣчныя и что расширеніе ихъ частью предусмотрено, а частью будетъ зависѣть отъ инструкцій, которыя еще не утверждены. Такъ, напримеръ, мы указывали уже, что выдаваемыхъ банку на первое время 500,000 руб. и назначеннаго ежегоднаго выпуска свидѣтельствъ крестьянскаго банка въ размѣрѣ до 5.000,000 руб. недостаточно; но то и другое можетъ быть увеличено. Министру финансовъ § 10 положенія, въ случаѣ если бы потребовалось произвести выпускъ свидѣтельствъ свыше указаннаго размѣра, предоставляется «испрашивать на сіе, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее разрѣшеніе». Это несомнѣнно неудобство, которое неминуемо съузятъ дѣятельность банка и ограничить его полезность, но неудобство поправимое. «Русскія Вѣдомости», говоря, что для предупрежденія необходимости слишкомъ частаго испрашиванія дополнительныхъ выпусковъ, слѣдовало бы поднять высшій нормальный размѣръ оборотовъ, по крайней мѣрѣ, вдвое, высказываютъ слѣдующее: «Положимъ, учрежденіе банка не можетъ имѣть въ виду надѣленіе землею всѣхъ желающихъ: банкъ можетъ помочь только такимъ крестьянамъ, которые уже имѣютъ земельные надѣлы, да и имъ только въ такомъ случаѣ, когда, при недостаточности надѣловъ, по близости оказывается продажная земля; слѣдовательно, операціи подобнаго учрежденія не могутъ быть особенно широки. Съ другой стороны, щедрые выпуски закладныхъ листовъ и слишкомъ легкая доступность кредита для покупки земель могли бы искусственно увеличить спросъ на землю и поднять на нее цѣны. Наконецъ,

значительные выпуски, при настоящемъ состояніи государственнаго кредита, могли бы уронить цѣну закладныхъ листовъ. Поэтому осторожности требуетъ, чтобы банкъ, особенно въ первые годы, не легко расширялъ свои операціи. Но пяти милліоновъ рублей — слишкомъ мало для громадной страны и громаднаго земледѣльческаго населенія. Едва-ли найдется губернія, гдѣ крестьяне не нуждались бы въ прикупкѣ земли для тѣхъ или другихъ цѣлей; во многихъ губерніяхъ такая прикупка выгодна силою для всего крестьянскаго населенія, потребность же въ банковыхъ ссудахъ будетъ опредѣляться не потребностью въ землѣ, а наличностью продаваемыхъ земель. Между тѣмъ изъ пяти милліоновъ на каждый уѣздъ доставятъ лишь столько, сколько нужно на покупку одного ивѣнія съ количествомъ земли, едва достаточнымъ для селенія среднихъ размѣровъ. Поэтому десять, даже двадцать милліоновъ въ годъ было бы не слишкомъ много. Пяти милліоновъ не хватитъ даже на приобрѣтеніе того количества земли, необходимость въ которомъ вызывается ежегоднымъ приростомъ земледѣльческаго населенія (№ 153).

Насколько замѣчанія эти не лишены основанія, можно видѣть изъ фактовъ совершающихся уже тамъ и сямъ покупокъ земли. Такъ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, при посредствѣ 8 земельныхъ банковъ: донскаго, полтавскаго, ярославско-костромскаго, харьковскаго, нижегородскаго, херсонскаго, московскаго и виленскаго, лицами крестьянскаго происхожденія до 1 марта 1882 г. было куплено 215,159 десятинъ земли, и, кромѣ того, по добровольной сдѣлкѣ съ землевладѣльцами и съ публичныхъ торговъ при окружныхъ судахъ, было куплено 305,000 дес. («Р. В.» № 94). Это, конечно, сравнительно, немного, но, надо замѣтить, что земельные наши банки и не занимались выдачею крестьянамъ ссудъ, ссуды эти произведены ими только между прочимъ, и, конечно, не все крестьянамъ, а лицамъ только крестьянскаго происхожденія, которыя на крестьянъ можетъ быть уже очень мало похожи. Земствъ, сознавшихъ необходимость прийти на помощь крестьянству и могущихъ засвидѣтельствовать о размѣрахъ этой необходимости, не мало. Такъ, напримѣръ, тверское земство начало выдавать крестьянамъ ссуды для покупки земель еще въ 1875 году. Таврическое земство тоже постановило ассигновать изъ земскихъ суммъ для этой цѣли 50,000 рублей и гарантировать исправность крестьянскихъ уплатъ при

такихъ покупокъ до 150,000 руб. Земства костромское и херсонское также ассигновали известныя суммы для этого, а исковское полагаю отчислить въ основной капиталъ крестьянскаго банка 20,000 р. и просило у правительства ссуду въ 200,000 руб. Ярославское земство полагало выдавать ссуды закладными листами, которыхъ предполагалось выпустить на сумму въ 10 разъ большую собственнаго капитала, а капиталъ этотъ предполагалось образовать посредствомъ отчисления 250,000 руб. изъ фонда богоугодныхъ заведеній земства и 250,000 руб. изъ губернскаго продовольственнаго капитала. Новгородское земство обсуждало проектъ выпуска закладныхъ листовъ съ правительственною гарантіею, принимая на себя отвѣтственность въ исправности платежа процентовъ, и т. д. Изъ Повочеркасска недавно писали въ «Русскій Курьеръ», что слухъ проникшій въ среду крестьянъ, объ учрежденіи поземельнаго банка, вызвалъ цѣлое движеніе: «Въ областное крестьянское присутствіе. говоритъ корреспондентъ, поступило и продолжаетъ поступать отъ крестьянъ области войска донскаго очень много заявленій о ссудѣ денегъ для покупки земли». Въ редакцію «Сельскаго Вѣстника» и въ министерство финансовъ уже стало поступать столько заявленій о выдачѣ ссудъ, что на дняхъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» появилось слѣдующее объявленіе:

«Въ министерство финансовъ уже поступаютъ ходатайства какъ отъ землевладѣльцевъ, предлагающихъ въ продажу крестьянамъ свои земли и указывающихъ при этомъ крестьянъ, желающихъ купить оныя, такъ и отъ крестьянъ, просящихъ о выдачѣ имъ, подзоторгованныя ими земли, ссудъ изъ крестьянскаго поземельнаго банка. Министерство финансовъ, не имѣя въ настоящее время возможности удовлетворить эти ходатайства, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующее:

1) 18 мая Высочайше утверждено положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, но прежде введенія его въ дѣйствіе, министръ финансовъ, по соглашенію съ другими министрами, долженъ былъ составить и представить на высшее утвержденіе правила о совершеніи крѣпостныхъ актовъ на покупку и залогъ земельныхъ участковъ, приобретаемыхъ съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка. Эти правила уже составлены и представлены въ государственный совѣтъ, но могутъ получить утвержденіе лишь въ концѣ настоящаго года.

2) По статьѣ 18 положенія о крестьянскомъ поземельномъ бан-

къ, министр финансовъ, по соглашенію съ другими министрами, долженъ назначить для каждой мѣстности размѣръ ссудъ подъ земельные участки, какія могутъ быть выдаваемы изъ банка.

Для этого необходимо было собрать свѣдѣнія по губерніямъ о цѣнности земли и другія тому подобныя. Эта работа и производится въ настоящее время по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ предположено открыть отдѣленія крестьянскаго банка. Затѣмъ открытіе какъ банка, такъ и его отдѣленій по губерніямъ, возможно будетъ лишь по окончаніи этой работы и по утвержденіи высшею властью вышеупомянутыхъ правилъ. Предполагается, что открытіе сіе можетъ послѣдовать не ранѣе января 1883 года. (№ 34, 1882). О времени открытія дѣйствій банка, добавляетъ сообщеніе, будетъ «публикуемо во всеобщее свѣдѣніе, и только послѣ того желающіе могутъ начинать ходатайствовать о ссудахъ на покунку земельныхъ участковъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ будутъ открыты банковыя отдѣленія».

До января будущаго года, конечно, не далеко, только не разстронгъ-ли это нѣкоторыхъ сдѣлокъ и не лучше-ли было-бы сосредоточить до открытія банка всѣ поступающія заявленія, если не въ министерствѣ, то въ какомъ-нибудь другомъ учрежденіи. Время и продавецъ нерѣдко не ждутъ, не говоря уже о такой, сравнительно незначительной потерѣ, какъ потеря возможности озимаго посѣва въ нынѣшнемъ году. Въ «Смол. Вѣстн.», напр., писали изъ Юхновскаго уѣзда, что крестьяне дер. Сазонова, Митковской волости, хотѣли было купить 243 дес., прилегающихъ къ ихъ усадьбѣ и которыя они постоянно арендовали, такъ какъ обойтись безъ этой земли имъ нельзя. Выборные отъ общества отправились къ г. К. и сторговались на 8000 руб. Сколотили 3000 руб. и снесли ихъ въ задатокъ, но нужно было уплатить еще 5000 руб., которыхъ не было. «Кидались, какъ говорятъ, туда сюда и нигдѣ ничего не достали!» А тѣмъ временемъ мѣстный крезъ не дремалъ и перебилъ у нихъ землю. «Хорошо еще, говоритъ корреспондентъ, что г. К. задатокъ крестьянамъ возвратилъ. А то и этого не дѣлаютъ». Еще того хуже поступаетъ, по сообщенію новочеркасскаго корреспондента «Русск. Курьера», мѣстное областное крестьянское присутствіе: оно, какъ слышно, не даетъ заявленіямъ крестьянъ о ссудѣ денегъ ходу и всѣ таковыя прошенія сваливаются въ присутствіи въ кучу (№ 182).

Недостаточность и замедление перваго выпуска облигацій крестьянскаго банка, повидимому, признаны уже многими, какъ частными лицами и земствами, такъ и высшими сферами. Объ этомъ можно думать изъ проникшихъ въ печать слуховъ и нѣкоторыхъ уже осуществившихся въ законодательномъ порядкѣ дополнительныхъ кредитныхъ мѣръ. Такъ напр. недавно трубочевское общество взаимнаго кредита возбудило ходатайство о выдачѣ краткосрочныхъ денежныхъ ссудъ сельскимъ обществамъ и товариществамъ изъ крестьянъ, не состоящихъ членами обществъ, и государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе объ этомъ министра финансовъ, разрѣшилъ это трубочевскому обществу взаимнаго кредита и предоставилъ министру финансовъ разрѣшать тоже самое и другимъ обществамъ взаимнаго кредита, дополняя ихъ уставы соответственными правилами. Но это, конечно, не земельный кредитъ. Главною цѣлью своего ходатайства трубочевское общество взаимнаго кредита выставило — избавленіе крестьянъ отъ раззорительныхъ займовъ у мѣстныхъ ростовщиковъ. Это скорѣе дополненіе къ кредиту краткосрочному, которымъ для земельныхъ покупокъ могутъ воспользоваться крестьяне развѣ только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, въ надеждѣ на открытіе земельного банка, когда можно будетъ перенести въ него краткосрочную ссуду, для замѣны ея долгосрочною ссудою, или-же будутъ прибѣгать къ нему для дополнительныхъ займовъ, такъ какъ земельный банкъ будетъ выдавать ссуды не полностью, по спеціальной оцѣнкѣ, а въ размѣрѣ 75% таковой, или-же по оцѣнкѣ нормальной, опредѣленной для каждой данной мѣстности заранѣе г.г. министрами финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и которая, конечно, будетъ еще ниже. (§§ 18 и 20). Да, наконецъ, соприкосновеніе, а тѣмъ подавно слитіе операций крестьянскаго земельного банка съ операциями общества взаимнаго поземельнаго кредита и акціонерныхъ земельныхъ банковъ, и нежелательно, такъ какъ дѣла ихъ чрезвычайно запутаны и кромѣ того они, по самой природѣ своей, отличаются нескоро-нимомъ склонностью къ спекуляціи, отъ которой крестьянская земля должна быть ограждена. Весною проникъ въ газеты слухъ, что будто само министерство финансовъ обращалось къ обществамъ взаимнаго поземельнаго кредита и акціонернымъ земельнымъ бан-

камь «съ предложеніемъ обсудить возможность принятія на себя операций по выдачѣ ссудъ крестьянамъ на покупку земель» (Собр. изв. № 51); но это было-бы совѣтъ ужъ ни на что не похоже. Банки были-бы, конечно, очень довольны переложить проероченія ижѣнія, подъ которыя ими выданы значительно превышающія ихъ дѣйствительную цѣнность ссуды, на крестьянскія плечи, но что это не привело бы ни къ чему путному, то въ этомъ врядъ ли могутъ быть какія нибудь сомнѣнія. Кто самъ виноватъ, тотъ пускай самъ и расплачивается, и содѣйствіе перенесенію ошибокъ и убытковъ на крестьянство, разумѣется, не можетъ входить въ дѣятельность министерства финансовъ. Закладные листы, разумѣется, могутъ опять временно заиграть въ цѣнѣ и появиться въ усиленномъ движеніи на биржѣ, но это будетъ, конечно, не долго, такъ какъ крестьянство въ концѣ концовъ не осилитъ банковыхъ платежей, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ достаточно обстоятельно доказывалось въ нашей литературѣ. Крестьянскій банкъ долженъ быть учрежденіемъ совершенно особымъ, земля, которую будетъ приобрѣтать крестьянство, не должна быть выноσιма на биржу и не должна дѣлаться предметомъ игры. Къ этому и теперь придется приложить не мало хлопотъ и заботъ министерству финансовъ, такъ какъ свидѣтельства крестьянскаго банка, вѣроятно, найдутъ охотниковъ на биржѣ. Но мы уклоняемся въ сторону. Есть слухи и свѣдѣнія и о другихъ болѣе близкихъ дополнительныхъ къ земельному банку кредитныхъ попыткахъ. Такъ, напр., «Русск. Курьеръ» шаль, что, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, губернскимъ земскимъ управамъ предложено внести на разсмотрѣніе предстоящихъ земскихъ собраній проектъ учрежденія крестьянскихъ земельныхъ банковъ. Возникло же настоящее предложеніе въ виду того, что нѣкоторыми земствами, какъ харьковскимъ, екатеринославскимъ и полтавскимъ, предложено было учрежденіе у себя крестьянскихъ земельныхъ банковъ, а цѣлью предложенія, служить, будто бы, и какъ-то «между прочимъ», разграниченіе области вѣденія крестьянскаго банка и земскаго (№ 122). Не всякому газетному слуху, разумѣется, можно вѣрить, тѣмъ болѣе, что земство привласается къ участию въ мѣстныхъ отдѣленіяхъ государственнаго банка; но рядомъ съ этими отдѣленіями можно допустить существованіе и особыхъ земскихъ банковъ.—Затѣмъ, независимо отъ поземельныхъ банковъ, какъ писали въ «Русскихъ Вѣдо-

мостях», проектируется въ правительственныхъ сферахъ еще устройство особыхъ сельскихъ банковъ. Газета говоритъ, что «по вниманію къ многочисленнымъ на этотъ счетъ ходатайствамъ земствъ и губернаторовъ различныхъ губерній, министерство финансовъ выработало слѣдующія главные основанія будущихъ этого рода учреждений. Въ основныя капиталы сельскихъ банковъ могли бы быть обращаемы суммы, жертвуемыя для этого частными лицами, а также свободныя мірскія капиталы. Въ томъ и другомъ случаѣ, разрѣшеніе будетъ даваемо лишь тогда, когда капиталъ составитъ не менѣе 1,000 руб. Сельскимъ банкамъ будетъ разрѣшено лишь принимать вклады, заключать займы и выдавать ссуды съ тѣмъ, чтобы совокупность обязательствъ банка по вкладамъ и займамъ не превышала болѣе, чѣмъ въ пять разъ, собственный его капиталъ и чтобы вкладами въ сельскій банкъ не могли быть поимѣщаемы свротскія деньги. Дѣятельность сельскаго банка по выдачѣ ссудъ предположено ограничить крестьянами того сельскаго общества или той волости, гдѣ учрежденъ банкъ. Ссуды будутъ выдаваемы какъ подъ благонадежныя залоги, такъ и подъ обезпеченіе поручительствомъ, или на срокъ до 9 мѣсяцевъ, или на болѣе продолжительныя сроки до 3-хъ лѣтъ; опредѣленіе высшаго размѣра самихъ ссудъ въ однѣ руки будетъ предоставлено сельскому или волостному сходу, по соображенію съ суммою основнаго капитала банка и принятыхъ имъ вкладовъ» (№ 139). Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ сообщалось, что выборъ должностныхъ лицъ по управленію сельскими банками предполагается предоставить сельскому или волостному сходу изъ среды лицъ, принадлежащихъ къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ, но съ тѣмъ необходимымъ ограниченіемъ, чтобы завѣдываніе банками и назначеніе ссудъ не были возлагаемы на должностныхъ лицъ сельскаго общественнаго управленія. Въ видѣ исключенія предполагается допустить къ участию въ завѣдываніи банкомъ и лицъ постороннихъ, но не иначе, какъ по особому ходатайству крестьянскаго общества и съ разрѣшенія губернатора. Ревизія сельскихъ банковъ будетъ производиться лицами, для этого назначенными министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ случаѣ, когда основной капиталъ сельскаго банка будетъ пожертвованъ частнымъ лицомъ, жертвователю будетъ принадлежать право опредѣлять назначеніе, которое должны получить прибыли банка; если

же со стороны жертвователя распоряженія въ этомъ смыслѣ не послѣдовало, а равно въ томъ случаѣ, когда сельскій банкъ учрежденъ на мірскія суммы, то употребленіе прибыли будетъ зависѣть отъ крестьянскаго общества (*ibid.* № 140). Все это, конечно, пока только еще слухи, слухи официально хотя и не подтвержденные, но и не опровергнутые. Очень возможно, что въ административныхъ сферахъ и есть сторонники волостныхъ кассъ, столь прекрасныхъ по принципу и совершенно неудавшихся на практикѣ, исключительно вследствие неумѣлаго ихъ примѣненія. Но у самого принципа этихъ кассъ есть многочисленные и сильные противники, которые, къ сожалѣнію, никакъ не могутъ понять, что узко индивидуальный кредитъ, творя добро, творитъ въ то же время и неизмѣримо больше зла, которое сказывалось, сказывается и будетъ и впредь сказываться въ экономической жизни самыми печальными послѣдствіями—обогащеніемъ меньшинства на счетъ большинства, поддержкой болѣе сильнаго и угнетеніемъ болѣе слабаго, спекуляціей, кризисами и т. д. А затѣмъ тутъ неминуемо должно встрѣтиться чисто практическое затрудненіе относительно необходимаго капитала. Частныхъ жертвователей, по всей вѣроятности, будетъ немного, а мірскіе капиталы въ большинствѣ случаевъ существуютъ только на бумагѣ. Вотъ что писали, напр., недавно въ «Голосѣ» изъ Чернигова: мірскіе капиталы, образовавшіеся въ довольно значительныхъ размѣрахъ у государственныхъ крестьянъ и казаковъ въ то время, когда сословія эти состояли въ вѣденіи палаты государственныхъ имуществъ, были въ 1866 г. слиты съ мірскими капиталами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и перешли затѣмъ въ вѣденіе волостныхъ сходо́въ. Сходы составили, разумѣется, приговоры о раздачѣ всего капитала «въ ссуду для приращенія процентовъ». Такимъ образомъ создались сельскія кредитныя учрежденія, но... и это «но» такого рода, что съ нимъ ничего не подѣлаешь. Въ настоящее время, говоритъ корреспондентъ, «по 13-ти уѣздамъ Черниговской губерніи такого капитала насчитывается 629,159 руб.; сверхъ того, имѣются капиталы, принадлежащіе малолѣтнимъ. Такихъ капиталовъ въ 13-ти уѣздахъ насчитывается до 150,000 руб. Значитъ, всѣхъ суммъ, предназначенныхъ для удовлетворенія потребности въ мелкомъ сельскомъ кредитѣ, около 779,000 руб. Казалось бы, что крестьяне Черниговской губерніи должны пользо-

ваться мелкимъ кредитомъ и не приобѣгать къ ростовщикамъ, а на самомъ дѣлѣ отсутствіе кредита, главнымъ образомъ, составляетъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ экономическихъ условій быта сельскаго населенія губерніи. Причина этого, повидимому, страннаго явленія заключается въ томъ, что вспомогательныя кассы, гдѣ должны находиться сказанные капиталы, вслѣдствіе неправильной постановки дѣла, находятся нынѣ въ такомъ положеніи, что обороты ихъ совершенно прекратились. Изъ официальныхъ, напимѣръ, источниковъ извѣстно, что громадная часть ссудъ, выданная болѣе десяти лѣтъ назадъ, не возвращается и по настоящее время, да сверхъ того, часть ссудъ причислена къ безнадежнымъ, вслѣдствіе смерти, обѣдненія заемщиковъ и т. п. причинъ». Ясное дѣло, что не только полностью, но и врядъ ли даже отчасти можно будетъ собрать съ крестьянъ, у которыхъ такъ много другихъ, текущихъ платежей, всѣ эти ссуды; а потому придется либо снести ихъ въ счетъ недоимокъ и приступить къ припудительному взысканію, совершенно бесполезному и не поддѣржленному никакимъ правомъ, либо ждать, пока экономическое положеніе заемщиковъ поправится и они сами внесутъ, что брали.

Затѣмъ, помимо всѣхъ этихъ проектовъ и предположеній, газеты сообщали еще, что предполагается устроить для крестьянъ еще особый видъ движимаго кредита, который будетъ оказываться подъ залогъ хлѣба. Вотъ ужъ именно—не было ни гроша, да вдругъ алтынъ, и не алтынъ даже, а пѣльмй, можно сказать, амбара де рипешь. Вотъ что по этому поводу можно прочесть въ № 118 «Совр. Извѣстій», который, считая движимый кредитъ вообще не только вещью въ существѣ основательною, но даже нужнѣе поземельнаго кредита, отнеслись, однако, къ данному проекту весьма скептически: «крестьянинъ съ осени продаетъ хлѣбъ, а весной онъ ему самому бываетъ нуженъ, и крестьянинъ покупаетъ свой же хлѣбъ болѣе дорогою цѣною. Въ виду этого предполагается выдавать осенью денежную ссуду подъ залогъ хлѣба, съ тѣмъ, чтобы весной выкупаемъ онъ былъ обратно». Говоря, что у земства нѣтъ денегъ для такого кредита и что если оно будетъ выдавать въ ссуду казенныя деньги, получаемыя съ тѣхъ же крестьянъ, то это будетъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, предлагая какое-то мало-выясненное всеобщее застрахованіе народнаго продовольствія, для устраненія колебанія цѣнъ

на хлѣбъ и прекращенія спекуляціи и распространяясь о необходимости для села движимаго кредита, основаннаго на правильномъ кадастрѣ и оказываемаго не подъ одинъ только хлѣбъ, но и подъ скотину, подъ телѣгу, подъ всякій движимый капиталъ. для чего, какъ понятно, тоже нуженъ капиталъ, газета высказываетъ противъ проекта слѣдующія интересныя и небезосновательныя соображенія. «Крестьянинъ продаетъ хлѣбъ съ осени или по зимѣ. Почему онъ продаетъ? Лишній ли онъ ему, или ненужный для собственнаго пропитанія? Если продаетъ то, что остается свыше размѣра, необходимаго для собственнаго пропитанія,—сеуда не нужна. Сеуда будетъ тогда только поощреніемъ барышничеству: богатый мужикъ заложитъ осенью или зимой излишекъ хлѣба, сдѣлаетъ на деньги за зиму оборотъ, а весной выкупаетъ хлѣбъ, чтобы продать его на рынокъ дорогой цѣной. Пожалуй, пусть мужикъ и наживается, отчего ему не наживаться, когда наживаются другіе. Но не для такихъ же предполагается кредитъ, а для тѣхъ, которые для продажи отрываютъ хлѣбъ, необходимый для собственнаго пропитанія. И видитъ бѣднякъ, что хлѣба ему самому не хватитъ не только до слѣдующей жатвы, но даже до поспѣва; знаетъ что придется потомъ покупать свой же хлѣбъ за дорого, и однако продаетъ. За чѣмъ же бы это? Что за странная неразсчетливость? А должно быть наступаетъ какая нибудь другая нужда, такая сильная, что при ней забывается о предвидимыхъ опасностяхъ если не умереть съ голода, то нищенствовать. Нужда эта — взносъ податей; другой такой и не можетъ быть, чтобы заставила отрывать собственный кусокъ. Предстоящая зимой свадьба или другое обстоятельство въ этомъ родѣ, все это явленія случайныя, а всеобщимъ закономъ остается, что хлѣбъ идетъ съ осени въ продажу для уплаты податей и повинностей. Къ чему же употреблять такой длинный обходный путь для облегченія маломощнаго мужичка? Прямѣе: стало быть надобно облегчить его подати; иными словами,—съ того не брать, кто для уплаты вынужденъ отдавать послѣдній кусокъ. Продавая кусокъ, мужикъ надѣется, что онъ заработаетъ его въ зиму чѣмъ нибудь другимъ. Можетъ быть онъ заработаетъ, а можетъ и ошибиться въ расчетѣ. И такъ, ищите возмѣщенія утрачиваемыхъ въ деревнѣ податей тамъ, гдѣ онѣ зарабатываются. Зарабатываются онѣ промыслами, отчасти на сторонѣ, отчасти домашними. Но на сторонѣ мужикъ идетъ въ ра-

бочіе и получаетъ немногимъ болѣе, чѣмъ ему нужно для про-
кормленія, по извѣстному экономическому закону заработной платы,
И такъ, подать должна быть пермиссена на тѣхъ, кто пользуется
прибылью отъ рабочаго».

Представимъ себѣ, продолжаютъ «Совр. Изв.», что ссуда подъ
хлѣбъ дана, и благодаря тому подати своевременно уплачены.
Чтобы выкупить заложенный хлѣбъ, мужикъ долженъ промыслить—
отправиться на заработки или дома заняться ремесломъ.

«Все облегченіе будетъ въ томъ, что за казенную ссуду упла-
тить онъ вѣроятно меньшіе проценты, нежели потерять на раз-
ницѣ цѣны хлѣба, осенней и весенней. Между тѣмъ «можетъ слу-
читься: 1) что не смотря на поиски, онъ все-таки не заработаетъ
столько, чтобы выкупить свой хлѣбъ; и 2) не смотря на разницу
цѣнъ осенней и весенней, ему все-таки можетъ оказаться выгод-
нѣе получить полную сумму за осенній хлѣбъ, нежели только
часть ея, какъ это бываетъ неизбежно при ссудахъ. Вмѣсто де-
сяти рублей, онъ получитъ семи; по ему нужно именно десять, и
ему выгоднѣе весной заплатить двѣнадцать за весенній хлѣбъ, не-
жели отсрочить дополучку трехъ рублей».

Все это, конечно, можетъ случиться при настоящихъ условіяхъ
и со всякаго рода ссудами подъ другое движимое имущество, чего
газета, основательно разсудившая въ одномъ случаѣ, почему то не
предполагаетъ въ другомъ; все это, наконецъ, также нуждается въ
капиталѣ, котораго врядъ ли много прибудеть отъ предлагаемой
ею комбинаціи: тутъ нужны, говоритъ она, «не земскіе, а просто
сельскіе банки, основаннымъ фондомъ которыхъ могутъ служить ча-
стію закладные листы, а частью и денежные вклады».

Газета думаетъ, что тогда мірофды вынуждены будутъ
обратиться въ банковыхъ вкладчиковъ и будутъ довольствоваться
за свои ссуды меньшими процентами; но насколько расцѣтъ этотъ
вѣренъ можно видѣть изъ того, что сама же газета сочла нужнымъ
прибавить къ этому слово отчасти, т. е. что все это будетъ
имѣть мѣсто только отчасти. Последнее несомнѣнно, также, покрайней
мѣрѣ, несомнѣнно, какъ и то, что устройство движимаго городского
кредита только отчасти парализуетъ и сокращаетъ число ростов-
щиковъ; а мірофды, какъ извѣстно, дѣйствуютъ не въ одной только
кредитной области, а и въ другихъ областяхъ распределенія, на-

коллекция, передвижения и производства богатствъ, при условіяхъ самыхъ разнообразныхъ и въ моменты самые различныя.

Затѣмъ, есть еще проектъ хлѣбнаго банка, составленный однимъ изъ петербургскихъ торговцевъ на Калашниковской пристави, цѣлю котораго выставляется—снабжение нуждающихся землевладѣльцевъ и крестьянъ хлѣбомъ для обмена полей, съ условіемъ возврата ссуды по снятіи урожая. Это съ одной стороны, а съ другой проектируемый банкъ имѣетъ въ виду облегчить крестьянамъ и землевладѣльцамъ сбытъ ихъ продуктовъ на заграничныхъ и внутреннихъ рынкахъ. Выдачу же ссуды подъ залогъ хлѣба проектъ «безусловно отрицаетъ, находя, что это въ конецъ раззорило бы мелкое хозяйство и оставило бы крестьянъ безъ хлѣба на зимнее время». (Русск. Вѣд. № 212).

Это обиліе и разнообразіе проектовъ, не смотря на ихъ различіе и иногда даже прямую противоположность точекъ отправленія, указываетъ только, что крестьянское хозяйство какъ бы расходится по всѣмъ швамъ и нуждается въ немедленной помощи, что многообразныя крестьянскія нужды требуютъ всесторонней помощи, которую откладывать въ долгій ящикъ нельзя, что нужно кореннымъ образомъ вникнуть и измѣнить натянутое положеніе, или по крайней мѣрѣ, хоть кое какъ заметать швы и наложить гдѣ нужно заплатокъ, авось, молъ, еще постоитъ нѣсколько, а можетъ быть и такъ обойдется. Кредита ссудо-сберегательныхъ товариществъ, не смотря на быстроту ихъ распространенія и развитіе ихъ операций до миллионныхъ оборотовъ (о чемъ мы скажемъ ниже), оказывается далеко недостаточно, и, мало того, что недостаточно, но становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что такого рода кредитъ не только не охватываетъ всѣхъ сторонъ крестьянской нужды, но не касается именно той самой стороны жизни и той части населенія, которая больше всего нуждается въ поддержкѣ. Обиліе кредитныхъ проектовъ, появившихся за послѣднее время, исходитъ именно изъ сознанія всѣми очевидной недостаточности мелкаго краткосрочнаго кредита и несоотвѣтствія его съ размѣрами и свойствомъ нужды. Это сознаніе дѣлаетъ, конечно, честь русскому добросердечію; но не дѣлаетъ, къ сожалѣнію, чести русской предусмотрительности и дальновидности, такъ какъ прійти на помощь къ крестьянскому хозяйству надо было бы уже давнымъ давно. А великодушныя сердца, звившіяся теперь съ иголками и

заплатами, съ рѣцентами какъ при помощи казни, міроѣдскихъ вкладовъ или какихъ то особенныхъ закладныхъ листовъ, пущенныхъ на биржу и способныхъ породить игру на народное достоиніе, прекратить скупку хлѣба міроѣдами и дать возможность обмѣнять поля, совершенно игнорировали столь важный вопросъ и добрыхъ 15 лѣтъ занимались участіемъ и содѣйствіемъ чисто спекулятивнымъ предпріятіямъ, похитившимъ у насъ огромные капиталы, которые отчасти ушли за границу, а отчасти были совершенно непроизводительно израсходованы дома. Мы совершенно, повидимому, забывали, что отчужденіе отъ своей страны никогда не проходитъ даромъ, что поощреніе промышленности, не приуроченной къ народнымъ нуждамъ, при неизбѣжной вѣншихъ рынковъ для сбыта, никогда не приведетъ промышленность къ процвѣтанію, что поощреніе крупнаго землевладѣнія, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, несклонности къ хозяйству и отсутствіи владѣльцевъ, прожигавшихъ на заграничныхъ курортахъ и минералкахъ закладные листы земельныхъ банковъ, не создастъ интенсивнаго хозяйства и высокой сельско-хозяйственной культуры.

Мы твердили: земля—тотъ же капиталъ, фабричное зданіе, въ особенности съ паровиками и машинами, также капиталъ, кредитъ значитъ обезпеченъ, и совершенно, повидимому, упустили изъ виду, что вся обезпеченность кредита покоится въ дѣйствительности на трудѣ, а не на вещественныхъ предметахъ залога, что трудъ и его производительность являются главною гарантіею даже государственнаго кредита, даже вѣншихъ нашихъ займовъ. Слава Богу, конечно, если теперь роковыя ошибки начинаютъ, сознаваться. Лучше поздно, чѣмъ никогда, говорить пословица; но пословица эта, весьма, можетъ быть, глубокая въ области морали, въ области нравственнаго исправленія и покаянія, не всегда, однако, оказывается столь же глубокою и утѣшительною въ области экономическихъ явленій, по крайней мѣрѣ слово поздно здѣсь настолько усложняетъ иногда дѣло, что совершенно уничтожаетъ всякій смыслъ пословицы или усложняетъ задачу настолько, что она для своего разрѣшенія требуетъ уже и средствъ и времени неизмѣримо больше. Если я сегодня хочу, напр., ѣсть, а вы черезъ мѣсяцъ придете къ сознанию, что лучше поздно чѣмъ никогда принести мнѣ хлѣба, то меня, можетъ быть, и въ живыхъ то уже не будетъ, а если Господь меня и помиловать, то я ослабѣю какъ д—ръ Таннеръ и

буду нуждаться ужъ не въ одномъ хлѣбѣ, а и въ уходѣ и въ помощи врача. Все кредитныя проекты: для болѣе выгодной продажи хлѣба и воспринятыванія скупщикамъ скупать его за безцѣнокъ, для покупки машинъ, обмѣненія полей и т. п., будучи въ состояннн принести несомнѣнную пользу при извѣстныхъ условіяхъ и при расположеннн ихъ въ видѣ цѣлой связанной системы, теперь, при разнрзненности своей и усложненнн обстоятельствъ, будутъ полезны, вѣроятно, только отчасти, а пожалуй не только пользы никакой не принесутъ, но и породятъ еще новыя усложненія. Такого рода усложненнн несомнѣнно можно ожидать, напр., отъ движимаго кредита, проектированнаго «Современными Извѣстіями», къ которому несомнѣнно успѣютъ пристроиться не только мелкіе, но и крупныя спекулянты и не замедлятъ, конечно, создать изъ него нѣчто худшее, чѣмъ было въ Франціи.

Изъ всѣхъ предложенныхъ и предполагаемыхъ къ устройству банковъ самый важный и могущій принести наибольшую пользу, разумѣется, есть земельный банкъ, который къ тому же и поставленъ въ правильную принципиальную связь съ государственною помощью; но, къ сожалѣнію, врядъ ли и его польза будетъ соответствовать возлагающимся на него ожиданіямъ, размѣрамъ дѣйствительныхъ потребностей въ землѣ и государственнымъ задачамъ будущаго. Это можно предполагать какъ на основаннн чисто практическихъ препятствій, которыя должны у него вырости на пути, такъ и изъ того направленія, какое можетъ принять кредитъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ началъ, положенныхъ въ основаннн самой его организаціи. Мы уже указывали на одно изъ практическихъ препятствій—на выдачу ссудъ не въ полномъ размѣрѣ покупной цѣны, что должно заставить крестьянъ обращаться за дополнительными ссудами къ частнымъ листамъ, къ краткосрочному кредиту и къ общимъ кредитнымъ учрежденіямъ, доступъ къ которымъ предполагается открыть. Это возложить на покупателей двойныя, а можетъ быть и тройныя долговыя обязательства, изъ которыхъ каждое будетъ угрожать потерей земли. Чѣмъ крестьяне бѣднѣе и больше нуждаются въ землѣ, тѣмъ труднѣе имъ будетъ приобрести таковую безъ дополнительныхъ займовъ и тѣмъ труднѣе будетъ ее удержать. Неуплата въ срокъ капитала и процентовъ будетъ, вѣроятно, нѣкоторое время сопровождаться приписываніемъ процентовъ и пеней за просрочку къ долгу, сумма котораго будетъ

такимъ образомъ возрастать; пока самъ кредиторъ или какое нибудь предприимчивое частное лицо не пожелаетъ воспользоваться задолженнымъ положеніемъ заемщика. Очень возможно, что во многихъ случаяхъ земля, купленная крестьянами, послѣ того, какъ они въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проплатятъ за нее въ банкъ и значительно уменьшить сумму капитальнаго долга, будетъ доставаться скупщикамъ, за сдѣланную ими дополнительную ссуду крестьянамъ, при чемъ всѣ сдѣланные послѣдними въ банкъ платежи легко могутъ пропадать безвозвратно. Это, конечно, будетъ не безвыгодно какъ для частныхъ лицъ, такъ и для банковъ. Невыдача банкомъ полного размѣра оцѣнки имѣетъ, однако, за себя нѣкоторыя основанія, изъ которыхъ, если одни не заслуживаютъ вниманія (въ родѣ того, напр., что приплатою недостающей суммы выражается твердое желаніе покупателя удержать участокъ, что приплата опредѣляетъ кредитоспособность человѣка, служитъ побужденіемъ къ дѣланію сбереженій и т. п.), то другія не лишены значенія. Такъ, напр.: банку, нужно гарантировать себя отъ потерь. Это, положимъ, въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ крестьянамъ, только одна банковая формальность, но формальность эту банкъ долженъ будетъ волею-неволею соблюдать, въ виду исключительныхъ условій земельной продажи. Земля крестьянамъ очень нужна, въ особенности если она образуетъ отрѣзки, придется межа къ межѣ, входитъ какъ нибудь въ ихъ землю клиномъ, образуетъ водопой и т. п.; цѣны на землю, благодаря не нормальному спросу, и безъ того вздуты гораздо выше ея дѣйствительной стоимости; а, при возможности купить ее, покупатель, вѣроятно, еще надобавитъ, такъ какъ это все таки будетъ для него выгоднѣе, чѣмъ платить ежегодно высокую аренду, превышающую нормальный размѣръ процента съ продажной цѣны. Очень возможно, что невыдача полной ссуды заставитъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ торговаться и выторговать въ свою пользу у покупателя нѣкоторую толику. Мы видѣли выше изъ официальнаго заявленія, что есть землевладѣльцы желающіе, и, повидимому, даже очень желающіе продать ихъ землю; да какъ ихъ и не быть, при столь неправильныхъ условіяхъ хозяйства и поземельныхъ отношеній, въ особенности если за землю можно будетъ благовоистить хорошую цѣну, какою не дастъ частное лицо. Но могутъ быть случаи, когда землевладѣлецъ и не пойдетъ на уступку, упрется въ цѣнѣ и

крестьяне должны будут отказаться отъ земли, и случаетъ этихъ можетъ быть не мало. Намъ кажется, что гораздо правильнѣе было бы организовать государственный выкупъ земель и затѣмъ уже производить продажу ихъ крестьянамъ, чтобы такимъ образомъ крестьянинъ былъ избавленъ, какъ отъ переплатъ продавцамъ, такъ и отъ необходимости искать дополнительнаго кредита у ростовщиковъ и частныхъ акціонерныхъ банковъ. Затѣмъ, цѣны на землю, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до того поднялись, что къ нимъ крестьянину нельзя и приступить. Вотъ что, наир., писали недавно изъ за Кубани «Русскимъ Вѣдомостямъ»: говоря, что тамошніе крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ утверженія устава поземельнаго банка, корреспондентъ сообщаетъ, — что въ Курской губерніи, гдѣ онъ былъ и разговаривалъ со многими крестьянами, напротивъ, относится къ учрежденію банка довольно равнодушно.

«Дѣло въ томъ, поясняетъ онъ, что въ Курской губерніи земли вздорожали до того, что новый земельный банкъ едва ли сможетъ принести тамъ существенную пользу. Учредись этотъ банкъ пятью или шестью годами ранѣе, нѣтъ сомнѣнія, что большинство имѣній, попавшихъ въ этотъ срокъ въ руки кулаковъ, были бы въ рукахъ земледѣльцевъ. Въ то время лучшія имѣнія Курской губерніи съ постройками, скотомъ и посѣвомъ продавались не дороже ста рублей за десятину. Теперь цѣна дошла уже до 200 руб., и арендная плата въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повысилась до 14 р. за десятину удобной и неудобной земли цѣлаго имѣнія». (№ 114).

Между прочимъ тотъ же корреспондентъ даетъ слѣдующія не лишнія интереса соображенія и указанія для направленія дѣятельности банка: причиною повышенія цѣны на землю, въ столь короткое время, говоритъ онъ, «были очевидно главнымъ образомъ чуть не удвоившіяся цѣны на хлѣбъ. Мало сомнѣнія въ томъ, что цѣны рано или поздно должны будутъ упасть, что мы уже и видимъ въ Азовскихъ портахъ и въ особенности на Кубани, гдѣ цѣна пшеницы съ 12 руб. въ прошломъ году понизилась до 6 р. и даже 5 въ нынѣшнемъ. Очевидно, что лишь только упадутъ цѣны на хлѣбъ, послѣдуетъ сильное пониженіе цѣны на землю. Земледѣльцы, привыкшіе за послѣднее время проживать вдвое противъ того, что они проживали пять лѣтъ раньше, очутятся почти въ томъ же положеніи, въ какомъ они находились во время освобож-

денія крестьянъ, и многіе принуждены будутъ продавать земли. Вотъ потому то для земельного банка будетъ сопряжено съ большимъ рискомъ выдавать ссуды въ густо населенныхъ губерніяхъ, а волей-неволей придется сосредоточить свою дѣятельность на окраинахъ; тамъ онъ можетъ еще сдѣлать то, что давно упущено въ средней Россіи.

Въ Кубанской области, какъ въ Уфимской губ., а также и Ставропольской, вся земельная собственность перешла въ руки гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, нужно еще замѣтить, людей пришлыхъ, живущихъ за тысячи верстъ отсюда, главное помышленіе которыхъ сосредоточено, конечно, на томъ, чтобы поскорѣе превратить участокъ въ капиталъ. Большая часть участковъ заселена, а между тѣмъ постоянно приходится слышать, что то тотъ, то другою заселенный на арендномъ правѣ участокъ продается въ другія руки, по большей части богатымъ крестьянамъ, вновь переселяющимся на купленную землю. Послѣ продажи участка, бывшіи арендаторамъ приходится убраться на всѣ четыре стороны. Теперь они еще кое-какъ находятъ себѣ мѣсто, но нѣтъ сомнѣнія, что положеніе ихъ будетъ становиться съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе. Вотъ поэтому то единственная надежда у нихъ теперь на земельный крестьянскій банкъ... Хотя цѣны на землю, продолжаетъ корреспондентъ, сильно повысились и здѣсь, но за 30 р. десятину можно купить лучшіе участки и теперь; между тѣмъ масса переселенцевъ, нуждающихся въ землѣ, лишены денежной помощи для покупки. «Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ продающіеся въ настоящее время участки будутъ въ самое короткое время прибраны къ рукамъ, а тогда, земельному банку будетъ здѣсь также мало дѣла, какъ въ настоящее время въ курской губерніи». Корреспондентъ совѣтуетъ обратить вниманіе на населеніе такихъ городовъ, какъ Екатеринодаръ и Майкопъ, гдѣ всѣ жители живутъ почти чительно хлѣбопашествомъ, арендуя населенные участки. «Всѣ они и пришли то сюда лишь въ надеждѣ, что имъ надѣлать казенную землю. Но не одни города—всѣ станицы заселены въ половину такими горемыками». Все это легко поправить въ настоящее время съ помощью банка. «Если банкъ будетъ взимать даже 8% годовыхъ, то это будетъ благодатью Божіей для крестьянина, такъ какъ «въ настоящее время, при займѣ денегъ, онъ уплачиваетъ 8% въ мѣсяцъ». Если не со всѣми соображеніями корреспондента

можно согласиться безусловно, то нельзя отказать многимъ изъ нихъ въ справедливости.

Но едва ли не самую слабую стороною земельного банка слѣдуетъ считать слѣдующее, съ виду незначительное и не бросающееся въ глаза обстоятельство, легшее въ основу кредита, придающее ему тенденціонный характеръ и могущее придать ему совсѣмъ неоправданное высшими государственными соображеніями направление. Ссуды для покупки земли выдаются какъ цѣлымъ сельскимъ обществамъ и товариществамъ, въ числѣ не менѣе трехъ лицъ, покупающимъ землю въ общую собственность или въ отдѣльное каждого участника вѣдѣніе, и отдѣльнымъ крестьянамъ. Вопросъ о порядкѣ и формахъ землевладѣнія и хозяйства, повидимому, не предпринимается, такъ какъ предоставляется всѣмъ пользоваться кредитомъ, въ какой бы формѣ они ни пожелали владѣть землей, т. е. въ формѣ ли общины, свободного товарищества или отдѣльнаго личнаго владѣнія; но, при ближайшемъ ознакомленіи съ будущими операціями банка, вы видите, что личной формѣ владѣнія оказывается преимущество, предпочтеніе. Размѣръ ссудъ при общинномъ пользованіи опредѣляется—на каждую наличную въ сельскомъ обществѣ или товариществѣ крестьянъ мужескаго пола въ 125 р., а при владѣніи подворномъ въ 500 р. (§ 17). Такимъ образомъ банкъ имѣетъ выдавать крестьянину-собственнику вчетверо больше, чѣмъ крестьянину-общиннику. Предпочтеніе это не замедлитъ, разумѣется, обнаружиться и на практикѣ. Почему же эта форма личная, подворная, будетъ пользоваться преимуществами передъ формою общинною, передъ формою освященною вѣками и составляющею едва ли не самое главное содержаніе нашей народности, о которой такъ много за послѣднее время говорилось. Проектъ банка былъ выработанъ въ самый что ни на есть разгаръ нашей народной политики, при министерствѣ гр. Игнатьева, и тѣмъ страннѣе встрѣтить въ немъ такое недоумѣніе. Если что насъ въ положительномъ смыслѣ и отличаетъ отъ народовъ запада, если что насъ и гарантируетъ отъ пролетаріата и даетъ надежду на лучшее общественное устройство, такъ это именно община, къ которой, какъ извѣстно, склоняются теперь и въ Европѣ не только ученые, но и государственные люди. Поощреніе подворнаго владѣнія неслучайно вызоветъ крайнюю мобилизацію земли, въ особенности при земельной задолженности, что несомнѣнно должно будетъ отражаться

на усиѣхахъ самого хозяйства: вводить интензивную систему, машины и вообще производить въ хозяйствѣ улучшения не только будетъ не на что, но и не будетъ стремленія, въ виду неувѣренности въ возможности удержать землю. Эта неувѣренность, конечно, составитъ препятствіе гораздо болѣе серьезное, чѣмъ выставляемое противниками общины опасеніе передѣловъ полей, происходящихъ вовсе не каждый годъ, производимыхъ вовсе не для наказанія трудолюбивыхъ въ пользу лѣннихъ и могущихъ, напротивъ, скорѣе всего побудить лѣннихъ также удобрить ихъ поля, чтобы никто не страдалъ отъ акта общественной справедливости.— Мобилизаціи земли, въ особенности при задолженности таковой, какъ мы уже отчасти указывали на это выше, легко можетъ повести къ сосредоточенію земли въ немногихъ рукахъ, къ образованію новыхъ латифундій и къ обезземеленію народа, противъ чего собственно и направленъ кредитъ. Мы можемъ такимъ образомъ описать совершенно безплодный кругъ и очутиться еще дальше отъ болѣе или менѣе правильнаго аграрнаго порядка.— Государство имѣютъ въ виду общее благо, личное землевладѣніе и личная предприимчивость имѣютъ у насъ свой кредитъ, въ видѣ земельныхъ, коммерческихъ и промышленныхъ банковъ и ссудосберегательныхъ товариществъ; община же и общинное землевладѣніе кредита не имѣетъ, слѣдовательно было бы гораздо справедливѣе оказать предпочтеніе послѣднему, а не первому. Мобилизаціи земли имѣетъ противъ себя такихъ авторитетныхъ противниковъ, какъ напр. Л. Штейнъ, которые доказываютъ, что она не должна быть предметомъ торга, предметомъ спекуляціи и игры на повышеніе и пониженіе и должна быть изъята изъ обращенія выкупомъ ея въ государственную собственность. Пусть защитники мобилизаціи считаются съ Л. Штейномъ, взглядъ котораго мы вносишь раздѣляемъ и за широкую спину котораго уходимъ.

Недавно появился седьмой отчетъ комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, съ которыми вкратцѣ мы и считаемъ не лишнимъ познакомить читателя. Первое рождественское ссудо-сберегательное товарищество у насъ было открыто г. Лугининимъ въ Костромской губерніи въ 1866 году. Съ 1869 по 1871 годъ были устроены 3 товарищества въ Петер-

бургской губернии, 8 въ Новгородской, 1 въ Тульской, 1 въ Рязанской, 1 въ Лифляндской и 1 въ Полтавской губернии. Въ 1871 году были утверждены уставы 45 товариществъ.

Въ 1872 году	100	товар.
» 1873 »	168	»
» 1874 »	123	»
» 1875 »	129	»
» 1876 »	174	»
» 1877 »	140	»
» 1878 »	50	»
» 1879 »	45	»
» 1880 »	79	»
» 1881 »	65	»
» 1882 » (по 15 июня)	33	»

Всего утвержденныхъ правительствомъ уставовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ было 1,263, но изъ нихъ 128 товариществъ не осуществились 101, просуществовавъ нѣкоторое время, закрылись по разнымъ причинамъ и объ открытїи 67 не имѣется свѣдѣній. Такимъ образомъ по 15 июня въ дѣйствительности было 967 товариществъ. Изъ этого числа наибольшее число приходится на Тобольскую губернію (57 товар.), затѣмъ слѣдуетъ Тверская (51), Новгородская (49), Пермская (47), Петербургская (45), Екатеринбургская (37), Псковская, Таврическая и Херсонская (36), Ковенская (35), Черниговская (32) и т. д. При содѣйствїи земствъ основано нѣсколько сотъ товариществъ; 25 губернскими и 38 уѣздными земствами отпущено 385 товариществамъ 389,910 руб. (изъ которыхъ $\frac{1}{3}$ уже возвращена земствамъ).

Общая сумма оборотовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ равнялась въ 1880 году 61.392,139 руб. (729 товариществъ, представившихъ отчеты въ комитетъ). Но все это образуетъ настоящую каплю въ морѣ. Въ отношенїи населенїя, гдѣ дѣйствуютъ товарищества, число ихъ членовъ составляетъ только 1,71‰. Въ 1880 г. въ 722 товариществахъ считалось 183,166 членовъ, которые распределялись по товариществамъ довольно неравномѣрно, отъ 20 и до 3725 чел., какъ, напримѣръ, въ гребневскомъ товариществѣ Опочскаго уѣзда. Паевой капиталъ увеличивается и отношенїе между владѣльцами полевыхъ паевъ и паевыхъ долей за послѣдніе

5 лѣтъ увеличился съ 19 до 22⁰/₀. Запасный капиталъ также увеличивается и возросъ за этотъ періодъ въ 5¹/₂ разъ. На пай приходится около 10⁰/₀ дивиденда; ссуда обходится въ 7¹/₂⁰/₀ (въ 1879 году); средний размѣръ ссудъ около 115 и вкладовъ около 122 р.

Въ 1871 году въ ссудахъ числилось около 157,000 руб., а въ 1880 г. 25.049,872 р., кассовый же оборотъ достигъ 48 327,204 р. Когда-то гг. устроители ссудо-сберегательныхъ товариществъ, доказывая несостоятельность волостныхъ кассъ и общиннаго кредита вообще, въ особенности указывали на фактъ поголовнаго раздѣла крестьянами оборотнаго капитала и невозвращенія ссудъ, относя этотъ фактъ не къ крестьянскому недостатку и несовершенству кредитной практики, а къ самому принципу такого рода кредита. Возражать имъ на это тогда приходилось только голословно. Теперь же у нихъ замѣчается и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ затрудненіе по взысканію долговъ съ неисправныхъ плательщиковъ (были факты и раздѣла капитала поровну): убытокъ, который они несутъ при этомъ, выражался въ 1875 году 1 руб. на 5,000 руб. паеваго капитала, въ 1879 году 1 руб. на 1,250 руб. и въ 1880 году 1 руб. на 520 рублей. Если убытокъ этотъ будетъ продолжать возрастать все въ той же прогрессіи, то товариществамъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ грозить серьезная неприятность. Комитетъ объясняетъ это отсутствіемъ опредѣленнаго законоположенія (надо полагать достаточно строгаго) для взысканія долговъ, о которомъ петербургское отдѣленіе комитета тщетно хлопотеть вотъ уже 9 лѣтъ; но врядъ ли дѣлу поможетъ такое законоположеніе, такъ какъ истинная причина лежитъ, разумѣется, въ бѣдности населенія, въ экономическихъ условіяхъ, не позволяющихъ быть аккуратнымъ. Отсюда же происходитъ и еще болѣе распространенное явленіе переписыванія ссудъ, т. е. показыванія или внесенія денегъ на какойнибудь день и затѣмъ полученія ихъ обратно. А ссудо-сберегательныя товарищества между тѣмъ, совершенно вѣдь устранили деревенскую бѣдноту отъ участія въ кредитъ и дѣйствуютъ среди крестьянства болѣе или менѣе достаточнаго, что доказывается теперь также не на основаніи однихъ только «теоретическихъ соображеній», въ чемъ наши Шульце-Деличи хотѣли изобличить своихъ литературныхъ противниковъ, а и фактически—количествомъ и величиною паевъ, размѣрами ссудъ и вкладовъ. Не всѣ товарищества состоятъ, разумѣется, изъ людей до-

статочныхъ (и они то именно и недоплачиваютъ, вѣроятно, сеудь), но что подборъ достаточныхъ происходитъ это несомнѣнно. Такова ужъ природа самихъ сеудо-сберегательныхъ товариществъ, а отъ природы, какъ извѣстно, не убѣжишь.

Некоторые товарищества, въ особенности дѣйствующія въ городахъ, пригородныхъ мѣстечкахъ и дальнихъ селахъ, обратились уже, какъ по составу членовъ, такъ и по свойствамъ и размѣрамъ своей дѣятельности, въ совершенныя коммерческіе банки для людей достаточныхъ. Тоже самое, вѣроятно, будетъ съ теченіемъ времени и съ другими товариществами—въ нихъ засядетъ деревенская зажиточность и тѣ немногіе, кто къ ней стремится и кто ей нуженъ, а масса останется безъ кредита и будетъ служить для дальнѣйшаго ея обогащенія. Вотъ почему и нуженъ какъ можно скорѣе земельный кредитъ, припоровленный къ общинѣ, и рядомъ съ нимъ кредитъ краткосрочный, также припоровленный къ общинѣ.

Журналъ «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Ведостѣвецъ), М. Н. Амбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Мнискій, Н. И. Наумовъ, М. А. Протопоповъ (Н. Морозовъ). Редакторъ-издатель С. Венгеровъ.

Въ конторѣ «Устоевъ» продается по уменьшенной цѣнѣ небольшое число экземпляровъ изданнаго студентами С.-Петербургскаго университета, въ пользу нужд. товарищей, литературнаго сборника

„ОТКЛИКЪ“

Содержаніе: I. Отъ издателей-студентовъ. — II. Утесъ. Стихотвореніе Н. Никифорова. — III. Старая крыса. Очеркъ А. Михайлова (Шеллера). — IV. Разладъ. Стихотвореніе П. Я. — V. Прогрессъ. Стихотвореніе Н. Минскаго. — VI. Далила. Разсказъ Максима Бѣлинскаго. — VII. Коздунъ. Повѣсть Н. Никифорова. — VIII. Къ свѣту. Стихотъ. П. Я. — IX. Успѣхи рационализма въ древней Греціи. Истор. очерки Ѳ. Мищенко. — X. Одни. Очеркъ К. Баранцевича. — XII. Физиологическое и общественное значеніе пищи. М. Антоновича. — XIII. Прометей. Стихотвореніе Я. Полонскаго. — XIV. Очеркъ поземельной собственности въ Англіи и проектовъ ея переустройства. И. Ш. — XV. Шекспиръ и Пушкинъ. В. Чуйко. — XVI. Брутъ. Драматическія сцены А. Михайлова. (Шеллера). — XVII. Старый грѣшникъ. Разсказъ Н. Златовратскаго. — XVIII. Народу. Стихотвореніе К. Барыковой. — XIX. Достоевскій и его популярность въ послѣдніе годы. С. Венгерова. — XX. Подъ снѣгомъ. Стихотвореніе. П. Я. — XXI. Объ изученіи народнаго быта. А. Григорьева. — XXII. — XXIII. Два стихотворенія А. Плещеева. — XXIV. На пути въ деревню. Разсказъ В. Метелицы. — XXV. Призывъ. Стихотвореніе П. Я.

Цѣна 1р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

A

ЖУРНАЛЪ „УСТОИ“

Будеть выходить въ 1882 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Г. Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

	Безъ доставки:	Съ доставкою въ Петербургъ:	Съ пересылкою:
На 1 годъ . . .	10 р.	11 р.	12 р.
» полгода . . .	5 »	5 » 50 к.	6 »
» 3 мѣсяца . . .	2 » 50 к.	2 » 75 »	3 »
» 1 мѣсяць — . . .	80 »	— » 90 »	1 »

Журналъ «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Федосѣевецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минскій, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопоповъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слонимскій. Редакторъ-издатель С. А. Венгеровъ.

У С Т О И

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. Философія Степи. Флеровскаго	1
II. Древнерусскія солонаренныя товарищества (Бъ исторіи русской промышленной общины). Остроумова	49
III. Бессовица. (Стихотвореніе). В. С. Лихачева	85
IV. Бъ исторіи увлѣлыхъ людей С. Ематьевскаго	86
VI. Послѣ битвы. Памъ Алексиса	121
VII. Зимняя вьюга (Стихотвореніе). С. Козганкина	152
VIII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (Приложеніе)	273—320
—	
XII. Новыя книги: I. А. В. Погожевъ, Фабричный бытъ Германіи и Россіи.—II. Н. Неплюевъ, Мысли и совѣты искренняго друга и Россіи.—III. В. Чичеринъ, Собственность и государство.—А. С. Г.	70
XIII. Воспоминанія изъ времени послѣдней нашей войны У.	82
XIV. Объявленія	112

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевва, Средняя Подъяческая, № 1.

1882.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ

Содержаніе: Отъ автора.—Типъ «средней» деревни.—Крестьянскія дѣти.—Перехоже учителя.—Схемы народно-бытовыхъ основъ.—Семейныя раздѣлы.—Распределение общинной земли.—Сходы.—Передѣлы.—Помощь.—Товарищества.—Типъ общины «хозяйственного» мужика.—Атмосфера двоедушія и двуличія.—Организація «мыти».—Нѣчто объ наученіи деревни и проч.

Стр. 254 in 8°. Цѣна 1 р. 25 к.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору, Сиб., Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, цѣна 1 р. съ пересылкою.

— Того же автора: «СРЕДИ НАРОДА» (разсказъ). Ц. 1 р. 50 к. «ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА» (повѣсть). Ц. 50 к.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

РАЗСКАЗЫ.

Четыре дня.—Проншествіе —Трусъ.—Встрѣча.—Attalea princepsa.—Художники.—Ночь.—То, чего не было.

Цѣна 1 руб.

Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ», обращающихся въ контору журнала, пересылка безплатно.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «УСТОМ» ПРОДАЮТСЯ:

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

ВИКТОРА ГЮГО.

Цѣна 2 р., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

НАНА

Романъ Э. ЗОЛА.

Цѣна 1 р. 50 к., для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р. 25 к. съ пересылкой.

РАЗСКАЗЫ МАКСИМА БЪЛИНСКАГО.

Цѣна 1 р. 25 к. Для гг. подписчиковъ «УСТОЕВЪ» 1 р.

У С Т О И

D

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 8.

СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
I. Философія Штепи. Флеровскаго	1
II. Древнерусскія солеваренныя товарищества (Къ исторіи русской промышленной общины). Остроумова	49
III. Безсонница (Стихотвореніе). В. С. Лихачева	85
IV. Къ исторіи умныхъ людей С. Елнатъевскаго	86
VI. Послѣ битвы. Пола Алексиса	121
VII. Зимняя вьюга. (Стихотвореніе) С. Ковганкипа	153
VIII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (Приложеніе)	273—320
XII. Новыя книги: I. А. В. Погоженъ, Фабричный бытъ Германіи в Россіи.—II. П. Неплюевъ, Мысли и совѣты искренняго друга.—III. Б. Чичеринъ, Собственность и государство.—Л. С.	70
XIII. Воспоминанія изъ времени нашей послѣдней войны. У	82
XIV. Объявленія	112

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая. № 1.
1882.

Средняя Подьяческая, № 1.
2397.

I

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„УСТОИ“

Литературный, научный и политический журнал «УСТОИ» будетъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: Общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденція, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обзоръ жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) Объявленія.

Въ журналъ будутъ участвовать: К. Баранцевичъ, А. Л. Боровиковскій, С. А. Венгеровъ, Ф. Ф. Воропоновъ, В. В.,

проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, А. Ефименко, Н. Н. Злато-
вратскій, проф. П. П. Иванюковъ, проф. Пв. Лучицкій, проф.
В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, Н. С. Курочкинъ,
П. Лафаргъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. Карѣевъ, Н. В.
Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Моро-
зовъ, П. П. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. П. Орловъ, А. В.
Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. П. Семевскій,
Л. З. Слонимскій, проф. Н. П. Стороженко, проф. К. А. Ти-
мирязевъ, Г. П. Успенскій, О. А. Щербина, О. О. Эрисманъ,
проф. П. П. Япжувъ, Я. В. Федосъевецъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петер-
бургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книж-
номъ магазинѣ г. *Цинзерлина*, Невскій проспектъ, противъ
Гостиннаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: *на годъ* безъ
доставки 10 руб., съ доставкою въ Петербургъ 11 р., съ пере-
сылкою въ другіе города 12 р.; съ разсрочкою *на полгода*:
безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к.,
съ пересылкою въ другіе города 6 р. Деньги за второе полу-
годіе вносятся къ 15 мая.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ
мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ сво-
ихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно
было-бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ не-
исправной высылки журнала заявлять объ этомъ *не позже*
выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основа-
ніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная
Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.
Жалобы и извѣстія о перемѣнахъ адресовъ адресуются исклю-
чительно въ контору «УСТОѢВЪ».

Лица, желающія получить отъ редакціи какія-либо письмен-
ныя извѣщенія, благоволятъ прилагать къ своимъ письмамъ
почтовые марки.

Рукописи, признанныя редакціею неудобными къ напечата-
нію, возвращаются авторамъ въ конторѣ журнала «УСТОИ» по
личному ихъ востребованію: пересылаются же въ другіе города
лишь по высылкѣ въ контору впередъ полныхъ почтовыхъ
расходовъ; рукописи же, не вытребованныя въ теченіи годо-
ваго срока съ ихъ присылки, уничтожаются. Мелкія статьи и
стихотворенія не возвращаются, и редакція не отвѣчаетъ за
ихъ сохраненіе.

Философія Стеши¹⁾.

14 сентября. Теперь все кончено, я опять могу писать. Я рѣшила написать все, ничего не умолчать, пусть это будетъ для меня урокомъ. Каждый мѣсяць я буду перечитывать свой дневникъ, плакать и думать... Нѣтъ, я сегодня не могу рѣшиться, отложу до завтра.

15 сентября. Сегодня была прекрасная погода, на небѣ ни одного облачка, тепло и тихо; въ моей душѣ также было тихо, я чувствовала какую то твердость, необыкновенное спокойствіе, у меня было очень много силы, такъ много, что я прошла тѣнистой тропинкой, вышла на то мѣсто, обставленное прекрасными липами и сѣла на большой пенъ. Лишь только я сѣла, я сдѣлалась точно сумашедшая, большія деревья стали мнѣ казаться живыми, и я стала съ ними говорить: «Вы нѣмые свидѣтели, вы будете вѣчно молчать, молчите же. Здѣсь онъ взялъ у меня все, чѣмъ гордится дѣвушка, взялъ силой, не спросилъ моего согласія, онъ никогда не спрашивалъ моего согласія, а всегда дѣлалъ, какъ хотѣлъ; молчите же». —... Вотъ я и рассказала, теперь мнѣ нечего больше скрывать, я могу написать все, какъ было; я напишу подробно, такъ, чтобы

¹⁾ См. «Устонъ» № 7.

«Устонъ», № 8, отд. 1.

было полезно для меня на всю жизнь. Хотя я и дѣлаюсь еще иногда точно сумасшедшая, но я чувствую, что я могу все рассказать, ничего не умолчать, и на меня ничего не пайдетъ. Николай Кузьмичъ пріѣхалъ изъ городу, на другой день меня позвали шить въ павильонъ. Я шла и не знала, иду ли я или улица идетъ мимо меня; я думала, что я все перепорчу, а шла хорошо, только все вздрагивала, мнѣ казалось, что Николай Кузьмичъ идетъ, но онъ не шелъ долго, до самаго вечера. Я думала, что онъ не придетъ, и мнѣ хотѣлось плакать, но я не плакала. Когда я пздали увидала, какъ онъ идетъ со мной сдѣлалась лихорадка, зубы стучали. Я глядѣла на него въ окошко, старалась угадать, что у него на душѣ; я знала, что онъ не можетъ меня видѣть, и не сводила съ него глазъ; то онъ мнѣ казался спокойнымъ, то встревоженнымъ, то блѣднымъ, то пополнѣвшимъ, всякимъ; наконецъ я поняла, что я вовсе не могу его видѣть, а вижу то, что я думаю. Когда онъ вопелъ, я почувствовала, что я ужасно покраснѣла, а онъ смотрѣлъ на меня совсѣмъ съ любовью. У меня сердце сильно билось отъ радости; я не могу припомнить, я ли сначала покраснѣла, или онъ сначала сталъ смотрѣть на меня съ любовью, но я была очень рада и сразу всѣ свои тяжелыя думы забыла. Онъ заговорилъ со мной торопливо, шопотомъ, какъ онъ говорилъ послѣ отъѣзда Павлова, когда онъ изъ всего дѣлалъ тайну. «Только два слова сказалъ онъ, завтра утромъ приходи въ лѣсъ, на дальнее мѣсто, какъ начнутъ звонить въ обѣднѣ, выходи, я тебѣ все расскажу».—Онъ повернулся и пошелъ, сдѣлалъ два шага, опять повернулся, остановился и долго смотрѣлъ на меня. Будто не могъ оторваться, потомъ сказалъ: «сердце ты мое»,—онъ это такъ сказалъ отъ всей души, никогда ничего онъ такъ не говорилъ; онъ говорилъ прежде такія вещи какъ то наставительно, а теперь сказалъ такъ просто отъ всей души, будто и самъ не звалъ, какъ сказалось. Я сдѣлалась совсѣмъ дурочкой, хотѣла прямо кинуться ему на шею изо всѣхъ силъ, едва удержалась на мѣстѣ; когда онъ ушелъ, я съ мѣста сойти

не могла, столько мнѣ нужно было силы. чтобы удержаться. Я вся обезсилила, сердце у меня билось, ноги припаялись къ полу, я шевельнуть ихъ не могла, думала, тутъ и упаду. Я была счастлива, точно въ раю, только объ одномъ и думала, какъ бы мнѣ опять не сдѣлать глупости, какъ тогда, когда онъ былъ боленъ, а то онъ навсегда меня будетъ презирать. Я рѣшалась думать объ этомъ каждую секунду, никогда не забывать; я чувствовала, что если я буду всегда думать, то этого со мной не случится. Только тогда, когда я пришла домой, я вспомнила: чему я радуюсь, какъ дурочка, вѣдь я еще ничего не знаю, что случилось, вѣдь мнѣ объ этомъ надо подумать; можетъ быть, великое несчастье случилось, а я такъ порхаю. Я стала думать, мнѣ сдѣлалось страшно. Что это значитъ, что онъ не можетъ видѣться со мною, что онъ пришелъ въ павильонъ только на одну минуту? Думала долго, ничего не придумала и опять себя поймала на другомъ. «Онъ мнѣ говорилъ «ты», можетъ быть мы теперь все будемъ говорить другъ другу «ты», — мечтала я, размечталась, стало такъ темно, что я не вижу ничего; я старалась припомнить, когда сдѣлалось темно, и припомнить не могла; я поняла, что я долго мечтала объ этомъ «ты», — а не все ли равно «ты» или «вы», — сердце тоже останется. Когда я легла спать, во мнѣ опять была цѣлая гонка, и то, и другое, и все вмѣстѣ. Съ чего то мнѣ стало представляться, что теперь за нимъ очередь, что теперь онъ покажетъ слабость, и я его остановлю. Я что то такое припоминала, отъ чего получила полную въ этомъ увѣренность. «Мы такъ сравняемся», — думала я, и собиралась изъ всѣхъ силъ. Это засѣло во мнѣ и не выходило изъ головы. На другое утро я глупила такъ, что больше нельзя. Только убралась, не могла дожидаться обѣдни, скорехонько схватила корзинку, будто иду за грибами, и побѣжала, точно за мною кто вибудь гонится. Выдумала хитрить и для чего, сама не знаю, понеслась въ другой лѣсъ; а потомъ мнѣ показалось, что обѣдня ужъ давно, что я пропустила, стала торопиться; пришла къ липамъ, едва дышу, ни-

кого нѣтъ и ничего не звонять; посмотрѣла на солнце, еще рано. Мнѣ стало стыдно, что я такая красная и усталая, спряталась въ лѣсу; стала выжидать, когда Николай Кузьмичъ выдетъ на поляну; мнѣ непременно захотѣлось на него сначала посмотреться, а потомъ выйти. Посидѣла и стала припоминать прошлое, подумала, нѣтъ теперь не онъ, а я опять слабость покажу; прежде ни разу не случалось, что я сначала приходила, а онъ потомъ, онъ всегда меня ждалъ. Когда я услышала, какъ ударили въ обѣднѣ, и въ моей головѣ сдѣлался трезвонъ; его еще нѣтъ, да, навѣрное я опять покажу слабость, онъ начнетъ меня презирать. Я вспомнила, что я все объ этой глупости думаю, вѣдь мнѣ нужно думать о томъ, изъ за чего тревога произошла. Только собралась думать, идетъ Николай Кузьмичъ; я смотрѣла на его лицо, какъ онъ искалъ меня глазами и опять глупо разбойчилась; нѣтъ, сегодня онъ покажетъ слабость, я его остановлю, мы сравняемся. Когда я собралась выйти къ нему, я опять вспомнила, о чемъ онъ мнѣ будетъ говорить и похолодѣла. Онъ меня увидалъ, сконфузился ужасно, не могъ сойти съ мѣста, и я чувствовала, какъ я покраснѣла; мы не могли сказать ни одного слова. Я думала, какой онъ странный; но вѣдь и я странная. Онъ ни слова не говорилъ о томъ, что случилось, а все постороннее; я даже понять не могла, что онъ говорить и къ чему онъ вѣдетъ. Наконецъ я стала просить его рассказать, что случилось, а онъ отвѣчаетъ: «Послѣ все расскажу, сначала ты должна рѣшиться, теперь нельзя иначе», — потомъ заговорилъ темно и непонятно, и опять: «мы должны окончательно рѣшиться, больше нечего дѣлать». — Я стала дрожать всѣмъ тѣломъ и растерялась. «О чемъ онъ говорить», думаю я и дрожу, а онъ старается мнѣ руку положить на плечо и не можетъ осмѣлиться; мнѣ было холодно, я на него смотрѣла и во мнѣ чувство, будто я у него прошу пощады, а онъ будто это понялъ и говорить: «не опасайся ничего, это будетъ для насъ счастьемъ на всю жизнь». — Какъ онъ это сказалъ, я вся вспыхнула, мнѣ сдѣлалось жарко и душно, я едва стояла;

вдругъ онъ крѣпко обнялъ меня, точно желѣзными руками и я упала съ нимъ вмѣстѣ. «Что это... что со мною... что онъ»... мѣшались у меня мысли. Я почувствовала себя въ такомъ видѣ, будто я совсѣмъ безстыжая. Мнѣ показалось, что деревья кругомъ стоятъ живыя и смотрять, мнѣ сдѣлалось такъ ужасно стыдно, во мнѣ говорить кто-то: стыдно, стыдно, стыдно; я хотѣла кричать и вмѣгъ подумала: придуть, увидятъ меня такой; голосъ во мнѣ задушился, сдѣлалось темно, я думала, что я вижу сонъ, вырвалась отъ него и убѣжала. Николай Кузьмичъ кричалъ мнѣ въ слѣдъ: «куда бѣжишь, останься, воротись, все кончено, я тебѣ все расскажу, все объясню». — Онъ погнался за мною, я бѣжала изъ всѣхъ силъ, онъ не могъ меня догнать и отсталъ. Я знала, что онъ отсталъ и все таки мнѣ казалось, что онъ бѣжить за мною. Я выбѣжала изъ лѣсу и опять кинулась въ лѣсъ; думала, ну увидятъ, что онъ бѣжить за мною. Когда я опомнилась, я увидала, что я совсѣмъ въ другомъ лѣсу, въ другой сторонѣ, за семь верстъ. Силы у меня не было, я легла на землю и лежать не могу, мнѣ все чудилось, что онъ идетъ. Пришли дѣвушки собирать ягоды и грибы, я съ ними пошла, страхъ сталъ у меня проходить. Я съ ними собирала, была сама не своя, и какъ я отъ нихъ все это могла скрыть, какъ онѣ ничего не замѣтили, я не понимаю. Вечеромъ мы воротились вмѣстѣ домой, и я собрала не меньше другихъ, я ясно видѣла, что когда волнуясь, это мнѣ не мѣшаетъ дѣлать. Какъ легла спать, я вспомнила, что завтра мнѣ надо идти въ павильонъ, сколько не думала объ этомъ, а все понимала, что нельзя не идти, что же подумаютъ если я не пойду; что я скажу, если мама спроситъ. Такъ я и день, и ночь разное думала, а о томъ, что со мною случилось, и что теперь будетъ, и какъ мнѣ быть, ничего не думала. Утромъ пришла въ павильонъ, шью, сижу одна и размышляю: «со мной случилось такое ужасное, надо же мнѣ понять, надо же мнѣ обдумать»,—а думать ничего не могу, только все это и повторяю. Вижу время идетъ, скоро двѣнадцать часовъ, я рѣшительно ничего не

придумала. Мнѣ приходитъ въ голову: «время идетъ, какъ же я ничего не обдумала». — Все таки никакъ не могла думать, мнѣ только хочется, чтобы со мной случилась какаянибудь болѣзнь и я бы лишилась памяти. Вижу изъ дому идетъ Николай Кузьмичъ и съ нимъ другой господинъ. Я уже знала, что вчера кто то прѣхалъ изъ города, а кто неизвѣстно. Я говорю: «ну теперь, по крайней мѣрѣ, мнѣ надо придумать». — а смотрю на Николая Кузьмича, будто ничего; дорожка внизу, а они будто идутъ по воздуху, и тамъ другая дорожка, воздушная. Они вошли, я и не успѣла замѣтить; въ павильонѣ сдѣлался сильный аромать, оба раздушенные. Я почувствовала, какъ вся покраснѣла, въ ушахъ у меня звонъ, ничего не могу разобрать. Слышу гость что то обо мнѣ говорить, я не могу удержаться, хочу вскочить и убѣжать, Николай Кузьмичъ ему что то сказалъ серьезно, онъ замолчалъ. Я думала, что я убѣжала; вижу, нѣтъ, я сижу тутъ же и шью; а они сѣли въ сторонѣ и говорятъ. Я только, какъ севозъ сонъ, слышу слова и почти не понимаю; узнала все таки, что они говорятъ о Павловѣ, говорятъ, что Павловъ попался. — Вдругъ Николай Кузьмичъ говоритъ: «мерзавецъ, негодяй, самъ виноватъ, нечего жалѣть такихъ людей». — Мнѣ кажется, будто меня ктонибудь бьетъ палкой по головѣ, а я сижу и уклониться не могу. Николай Кузьмичъ что то говорить, мнѣ кажется, что не онъ говорить, а кто другой; я знаю, что онъ говорить и все таки, нѣтъ, это кто то другой говорить. Онъ рассказываетъ такъ развязно; я думаю, отъ чего онъ такъ развязенъ, развѣ ничего не случилось, развѣ я не мученица? Я понимаю, что онъ говорить о томъ, какъ они сдѣлали вдвоемъ у губернатора въ его кабинетѣ. «Мы болтаемъ, рассказываетъ онъ, входитъ полковникъ» — и опять я слышу точно севозъ сонъ: полковникъ передаетъ губернатору бумагу объ арестѣ Павлова, а губернаторъ Николаю Кузьмичу, полковникъ удивляется, а губернаторъ вдругъ взялъ и поцѣловалъ Николая Кузьмича, полковникъ сдѣлался очень

любезень и все жаль ему руку. Я совсѣмъ поглупѣла, а то слышу, то ничего не слышу. Николай Кузьмичъ идетъ отъ губернатора, видитъ на мосту стоитъ Павловъ, думаетъ: «не долго тебѣ осталось гулять».—если бы ктонибудь другой зналъ то, что онъ знаетъ, и предупредилъ бы его, тогда бы полиція напрасно себѣ отбѣгала ноги. Гость захохоталъ такъ громко, точно онъ сидѣлъ у меня въ головѣ и близъ меня въ уши. Николай Кузьмичъ прищурился и прибавилъ важно: «онъ не могъ уйти, я присмотрѣлся и увидалъ въ сторонѣ, что за нимъ наблюдаютъ. Только оригинально знать, что будетъ съ человѣкомъ, и видѣть его такимъ безопаснымъ».—Гость кивнулъ головою. Все это было точно театральное представленіе, которое передо мной разыгрывали, не сонъ ли это, и вдругъ они исчезли. Голова моя сдѣлалась деревянная, она ничего не можетъ думать, только шью, все шью. Я знаю, что вечеромъ мнѣ надо кончить работу и уйти; но когда же будетъ вечеръ какъ бы не пропустить, утро теперь, вечеръ, что теперь?—Я вижу, Николай Кузьмичъ идетъ къ павильону одинъ, и ничего не думаю, ничего не чувствую, будто ничего не случается, только стараюсь припомнить, давно онъ отсюда ушелъ или недавно. Онъ сѣлъ ко мнѣ, и мнѣ кажется, онъ такой, гладкій, отворотительный, улыбающійся, я думаю: «давно ли онъ сталъ такой гладкій, это, должно быть, не онъ, это чья-то натянутая кожа».—Я стараюсь его не видѣть, глазъ не отвожу отъ работы: слышу, какъ онъ мнѣ говоритъ, что я теперь должна совсѣмъ иначе думать, я теперь его любовница. «Я тебя сдѣлаю счастливой, говоритъ онъ, это для тебя рѣдкое счастье, что ты попала на такого человѣка. Я бы на тебѣ женился, если бы не моя семейка; оно все равно, мужъ можетъ быть хуже не мужа; дѣло въ человѣкѣ, ты должна». . . Что онъ дальше говорилъ, я не слыхала; мнѣ было не до того, я думала о томъ, какъ бы уйти отъ него; но это было очень трудно, меня всю заковало, я не могу шевельнуться, только могу сидѣть и шить. «Оставьте меня», сказала я тихо, громче не

могла, мнѣ очень трудно было говорить; и будто ушла въ землю. Изъ подъ земли я опять сказала: «оставьте меня»,— и еще глубже ушла, оттуда опять сказала тоже въ третій разъ. Слышу онъ мнѣ говорить: «ты все не можешь опомниться; ну опомнись, одумайся, подумай». Сдѣлалось тихо, только тогда я подняла глаза и увидала, что Николая Кузьмича нѣтъ. Я все забывала, что со мной случается; вижу, я дома, думаю, какъ я пришла домой? Всѣ ложатся спать, и я легла, сдѣлалось темно, тихо, я все лежу на одномъ боку съ открытыми глазами и не трогаюсь, спать и не думаю, слышу каждый звукъ, и все хочу подумать о своемъ положеніи, а думать не могу; мнѣ кажется, что у меня не только голова деревянная, я вся деревянная, а потому и шевельнуться, и думать не могу; но лежу съ открытыми глазами и все такъ ясно слышу. Я даже время замѣчаю, знаю, что уже глубокая ночь, должно быть два часа; свистить вѣтеръ, протяжно, точно человѣческимъ голосомъ покойника отпѣваетъ. Вдругъ я вижу среди вѣтра сталъ передо мною Николай Кузьмичъ, лоснящійся, гладкій, развязный, совсѣмъ такой, какимъ онъ рассказывалъ о губернаторѣ; я думаю: «вотъ злодѣй»,—а онъ все стоитъ передъ мной, и я спрашиваю: «почему же онъ злодѣй?»—и отвѣчаю кому то: «онъ убилъ Николая Кузьмича, моего учителя». Тутъ же, вижу, лежитъ убитый Николай Кузьмичъ, лежитъ точно такимъ, какъ онъ лежалъ на диванѣ больной, блѣдный, худой, глаза закрыты и по щекамъ течетъ слеза. Я сдѣлалась ужасно злая, думаю: «убью его за это»,—и кинулась убивать. Чѣмъ я его убиваю—не знаю, а убиваю. Слышу, кто то протяжно застоналъ; я опомнилась, разобрала, что это моя мама стонетъ во снѣ за перегородкой. Кругомъ меня темно, я стою среди комнаты въ одной рубашкѣ, и какъ я сюда попала, не знаю. Я легла на прежнее мѣсто и думаю: «я непременно сдѣлаюсь больна, и тогда я буду бредить, и въ бреду расскажу все, что со мной случилось». Мнѣ сдѣлалось такъ страшно, что я рѣшилась ни за что не быть больной. Все только это повторяла, ни о чемъ больше не думала.

Утромъ когда я шла въ павильонъ, я опять таки только объ этомъ и думала; то мнѣ казалось, что я могу это сдѣлать, а потомъ опять, что я въ болѣзни не властна, что она придетъ сама собой. Я совершенно забылась, погрузилась въ эти мысли; вдругъ чувствую, что кто то меня трогаетъ. Я отскочила, стулъ полетѣлъ, грохнулся о полъ, передъ мной стоитъ Николай Кузьмичъ, отвратительный, развязный, совсѣмъ такой, какъ я его видѣла ночью злодѣемъ. Я чувствовала, какъ я дѣлалась злая, и все больше, настоящая змѣя; я хочу его убить, совершенно хладнокровно ищу кругомъ глазами, чѣмъ бы я могла его убить, мнѣ и въ голову не приходитъ, какъ ужасно убить человѣка хладнокровно. Я спокойно рассчитываю: «вотъ такъ я его убью», я вижу, онъ блѣдный, какъ смерть, и глаза у него остановились, вдругъ исчезъ. Я чувствую, что я нисколько не боюсь, сажусь и начинаю шить съ полной увѣренностію. Теперь я понять не могу, какъ я могла быть тогда такой храброй; я теперь припоминаю и никакъ не могу припомнить, что у меня было тогда въ рукахъ, и было ли что, и какъ все было, почему онъ такъ поблѣднѣлъ. Я долго шла такой храброй, наконецъ у меня на сердцѣ стало дѣлаться будто легче; только кто то глядитъ на меня страшными глазами, во мнѣ все перевертывается, я начинаю дрожать отъ страху. Смотрю, стараюсь понять и разглядѣла, что это я сама въ зеркалѣ. Лицо у меня блѣдное, глаза такіе ядовитые, злые, что я все трепещу, когда они на меня глядятъ; я точно вѣдьма, волосы у меня разстрепались, точно змѣи извиваются. Я стала шить, отъ работы не отрываюсь, въ зеркало взглянуть боюсь. Долго шла, потомъ захотѣла посмотрѣть, все ли я такая, взглянула и назадъ. «Это не я, это вѣдьма, она меня убьетъ», завертѣлось у меня въ головѣ. Я опять стала шить и все успокаивала себя, успокоилась и опять взглянула, опять испугалась, и опять во мнѣ вертится: «она меня убьетъ.»—Я стала думать, что теперь я непременно сойду съ ума, не мнотать. Къ вечеру однакоже мнѣ сдѣлалось легче, только голова сильно заболѣла.

16 сентября. Со мной ничего не случилось, на меня ничего не нашло, я только плакала; я вижу, что я теперь здорова; голова все таки сильно разболѣлась, но больше ничего. Буду писать дальше. Когда я начала бредить и забываться, стали говорить мамѣ, что со мной случилось отъ глазу, что меня испортили изъ зависти. Я притворилась, будто и я такъ думаю, я хотѣла избавить себя отъ распросовъ, мнѣ казалось ужаснымъ, если будутъ меня спрашивать. Мамѣ предлагали разныхъ знахарокъ для моего излеченія, но она находила всѣхъ ихъ дурами и никакъ не могла выбрать по своему вкусу. Однажды я пошла за водой, возвращаюсь и вижу, что на дорогѣ лежитъ письмо. Я подняла его, адресу не было никого, а было написано на немъ: «читайте и никому не показывайте». Я сейчасъ узнала руку Николая Кузьмича, спрятала письмо въ карманъ, мнѣ даже и въ голову не пришло, что оно можетъ быть не ко мнѣ. Думала: читать его или что съ нимъ сдѣлать; рѣшила читать. Оно начиналось такъ. «То, что я напишу въ этомъ письмѣ, я никому не могу повѣрить, кромѣ тебя, а потому я никому не поручу его передать, а брошу его тебѣ на дорогу». Я подумала, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ это очень хитро. Я пришла въ сильное волненіе, руки мои дрожали, когда я читала. Дальше было написано: «Я пишу это письмо, чтобы объявить тебѣ, что я рѣшился на тебѣ жениться. Хотя и не слѣдовало бы дѣлать такой уступки твоимъ предразсудкамъ, потому что для тебя это все равно, а для меня это большое неудобство; кромѣ того, я бы могъ видѣть въ этомъ недоувѣріе ко мнѣ, на которое ты не имѣешь никакого права, но я хочу, чтобы ты убѣдилась, что если я отъ тебя требую необходимое, то я всегда готовъ уступать твоимъ слабостямъ, даже когда это для меня затрудненіе. Ты, разумѣется, должна вполне отказаться отъ твоего образа мыслей; ты видишь, что я это сдѣлалъ, значитъ иначе нельзя. Я совершенно искренне увлекался, такъ же какъ и ты, однакоже я могъ перемѣниться, когда оказалось нужнымъ, значитъ и ты должна перемѣниться. Ты увлекла меня на этотъ ложный путь:

изъ того, что ты могла увлечь даже меня, я увидалъ, что ты выдающаяся личность, и только потому я рѣшился на тебѣ жениться. Ты должна однако же помнить, что когда ты будешь моею женою, ты должна быть у меня, какъ у мужа, въ полномъ повиновеніи; ты еще ребенокъ и не умѣешь управлять собою, твое послушаніе будетъ для твоего же счастья, потому что я тебя сдѣлаю счастливой. Ты видишь сама, что когда я былъ до того увлеченъ тобою, что ты распорядилась мною, кончилось очень худо. Мы попали съ тобою въ самое затруднительное положеніе, даже отецъ мой торжествовалъ надъ мною и пытался отнестись ко мнѣ, какъ къ неопытному мальчишкѣ, способному попасть въ просакъ; однакоже я ему показалъ, что я умѣю его. Я теперь директоръ банка и имѣю десять тысячъ содержанія въ годъ. Ты знаешь и прочее, къ чему меня принудило твое увлеченіе; я тебя долженъ былъ сильно напугать,—ты понимаешь, на что я намекаю,—и причинить тебѣ много нравственныхъ страданій. Если бы ты не вовлекла меня въ ошибку, такой крутой поворотъ былъ бы излишнимъ. Кончаю; если ты умѣешь что нибудь, что тебѣ легче написать, чѣмъ сказать, то вотъ тебѣ случай; въ наружной стѣнѣ вашей бани есть глубокая щель, прикрытая кустомъ, въ этой щели лежитъ бѣлый листъ почтовой бумаги; на это самое мѣсто положи свой отвѣтъ не позже, чѣмъ завтра утромъ». Тутъ кончалось и не было ни подписи, ничего болѣе; я вертѣла письмо въ рукахъ и чувствовала сильную боль въ сердцѣ, когда замѣтила, что на послѣдней страницѣ опять что то написано его же рукой, я хотѣла чашу свою выпить до конца и прочесть все. Тамъ было вотъ что: «Слѣдовало бы кончить это письмо такъ, какъ я его кончила, но я не въ силахъ удержаться, я имѣю къ тебѣ настоящую страсть, я просто не могу жить безъ тебя, тоска меня одолеваетъ и ночи я не сплю; одна мысль, что могутъ помѣшать моей страсти къ тебѣ мнѣ ненавистна. Я ненавижу и свою семью, и твои предрасудки. Я не могу бороться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое ты на меня производишь; я слишкомъ сильно тебя желалъ, чтобы подавить

въ себѣ это желаніе. Я только о тебѣ и думаю, мнѣ кажется, что для моего счастья все другое ничего не значитъ передъ тобою. Я понимаю: чѣмъ сильнѣе человекъ, тѣмъ сильнѣе и его слабости, вотъ почему моя слабость къ тебѣ такъ сильна. Я и подумать не могу о другой женщинѣ, ты, одна ты, непременно ты. Я умоляю! Понимаешь ли ты, что стоитъ для меня умолять?»—Когда я все это прочла, я вскочила и побѣжала, искала самого темнаго угла, нашла его въ пустомъ стойлѣ въ сараѣ, встала въ немъ посомъ къ углу, какъ маленькая, наказанная дѣвочка и ревѣла. Слезы все сильнѣе душили меня, я побѣжала домой взяла тотъ почтовый листъ, который онъ мнѣ оставилъ и написана на немъ: «Зачѣмъ мѣняться, развѣ мы что нибудь дурное дѣлали? Умоляю, согласитесь».—Я хотѣла написать, что я выйду за него за мужъ, если безъ этого нельзя, и потеряла перо. Оно выпало у меня изъ рукъ и дѣвалось куда то. Я никакъ не могла его искать, во мнѣ было столько мыслей и чувствъ, которые мнѣ мѣшали, что совсѣмъ не могла. Во мнѣ дѣлалось такое сильное напряженіе, что я и подумать не могла писать, а потомъ я начинала плакать и мечтать. «Если бы бы онъ согласился не мѣняться, если бы мы все также жили и такими же были, тогда зачѣмъ же ему страдать? Если онъ отъ этого страдаетъ, я могла бы его утѣшить, быть его женой».—Когда я такъ помечтаю и поплачу, для меня дѣлалось возможнымъ думать, я думала о томъ, какъ онъ способенъ быстро дѣлаться совсѣмъ другимъ, я смотрѣла на письмо и разсуждала: «такой онъ именно и есть, какъ это письмо;—одна сторона и другая сторона».—Потомъ мнѣ пришло снова на умъ, что у него нѣтъ характеру, и мнѣ стало казаться, что это совершенно справедливо. Если бы меня не ослѣпила любовь, и я бы не начала ошибаться, можетъ быть, никакого бы несчастья не случилось. Я вѣрно думала, безъ меня онъ измѣнится, онъ не останется такимъ, какимъ онъ желалъ быть. Я много еще размышляла и стала говорить себѣ: «Я слишкомъ слабая, я не могу на него имѣть вліянія, онъ сильнѣе меня».—Я рыдала при этомъ

такъ, что меня трясло, точно я не имѣю никакой власти надъ обою. Мнѣ представлялось, что онъ сдѣлается такимъ, какимъ я его видѣла съ гостемъ, и онъ будетъ ко мнѣ подходить, и я должна его любить. Я вспомнила, что я чувствовала, когда онъ подошелъ ко мнѣ незамѣтно и я вскочила. «Я хочу мыслить, я не хочу вести пошлую жизнь, пришло мнѣ въ голову: не хочу имѣть мужа, я не могу видѣть, чтобъ онъ дѣлался такимъ человѣкомъ, какого я любить не могу». — Мысли мои сдѣлались такой пыткой, что я стала повторять: «Кончу, скорѣе кончу», — взяла, написала: «Я не могу быть вашей женой» — и снесла письмо. Мнѣ даже ни разу не пришло въ голову взять его назадъ. Я сначала думала: «Онъ пишетъ; отвѣтъ завтра утритъ; легко сказать, я въ недѣлю не рѣшусь», — и такъ скоро рѣшилась. Что послѣ этого было, я описать не могу, плохо помню, было скверно, вотъ и все. Я услышала, что Николай Кузьмичъ уѣхалъ. На меня все по временамъ находило, я будто мѣшалась, жизнь моя казалась мнѣ не мила, и жить мнѣ было не для чего, и мыслить я будто разучилась; только во мнѣ осталось: я хорошо сдѣлала, что не пошла замужъ за Николая Кузьмича, и всегда буду такъ думать. Я все это написала и думала, что я себѣ помогу, что мнѣ придутъ какія нибудь полезныя мысли, а вижу, что мнѣ по прежнему никакихъ мыслей не приходитъ. — Я несчастная, пусть я буду несчастная, а все таки я не хочу сама изъ себя сдѣлать пошлую. Можетъ быть опошлюсь, не замѣчу, а все же не сама сдѣлала.

29 декабря. Перечитала свой дневникъ. Сколько случилось съ того времени, какъ я написала въ немъ послѣднее слово. Буду продолжать, теперь это единственное мое сокровище; можетъ быть, сердцу будетъ легче, если напишу; вмѣсто того, чтобы все въ себѣ носить. Николай Кузьмичъ уѣхалъ, жизнь моя сдѣлалась однообразная, мрачная. Дни тянулись безъ конца, я думала: «неужели вѣкъ такъ будетъ?» — Разъ мама пришла домой изъ гостей поздно ночью. Я отворила дверь, отъ ней сильно пахло виномъ. «Это ты дѣвка, сказала

она мнѣ, ладно намъ сдѣлала. Погодя ужю, отецъ съ братомъ сведуть тебя въ баню, и такую память по тебѣ распинуть...» — Она прошла мимо, тяжело повалилась на постель и заснула. Я стояла у сѣны и слушала, все было тихо, все спало. Я осторожно стала одѣваться, одѣлась, взяла съ собой свой дневникъ, еще разъ остановилась у дверей и вдруго слушала. Все было спокойно, я отворила дверь безъ всякаго шума, въ сѣняхъ захватила веревку и пошла. Я вошла въ лѣсъ, остановилась на полянѣ передъ сосною и посмотрѣла на нее. На ней дѣйствительно было очень удобно повѣситься, крѣпкій сукъ, и не низко, и не высоко. Я подумала: «неужели черезъ часъ я не буду существовать на свѣтѣ?—Я не хотѣла вспоминать ни о чемъ, хотѣла только одну минуту взглянуть кругомъ. Дождя не было, было сухо, но стояла настоящая осенняя ночь, вѣтеръ свистѣлъ, тучи неслись по небу, я глядѣла и поглощалась этимъ. Потомъ влѣзла на дерево, встала на сукъ на колѣна, онъ былъ очень крѣпкій, привязала веревку, какъ нельзя лучше, и сдѣлала петлю, выпрямилась на колѣнахъ и еще разъ посмотрѣла на небо и кругомъ; сердце мое сильно забилось, я нагнулась, сердце билось у меня жестоко, продѣла голову въ петлю и неловко спрыгнула. Меня ужасно рвануло и я упала на землю; оказалось, веревка оборвалась, я не знала что она въ одномъ мѣстѣ была потерта. Кровь сильно пошла у меня носомъ. Я осмотрѣла веревку; конецъ былъ очень крѣпкій. Я остановилась и смотрѣла на дерево, вѣти домой для меня было невозможно. Что я почувствовала въ эти минуты, я не знаю, кажется я ничего особеннаго не почувствовала, но для меня было невозможно повторить. Я вспомнила мою тетю, которая живетъ въ городѣ, она не позволитъ ни за что не позволить; съ ней разъ это сдѣлали, когда она была молода, она до сихъ поръ этого вспомнить не можетъ. До городу было версть 60. Я пошла и вспомнила свой дневникъ. Я его зарыла около дерева, я хотѣла, чтобы онъ остался тутъ же на вѣки со мною. Я воротилась, отрыла его, взяла къ себѣ и опять пошла. Я думала: «Можетъ быть прощай,

такъ подъ городомъ у меня хватилъ силы повторить, а то у тети». Я бѣжала сколько у меня было силъ, и не могла себя остановить; началъ накрапывать дождь, пошелъ сильный, проливной, сдѣлалось совсѣмъ темно, грязь стала непроходимая, ноги мои прилипали къ землѣ, и я едва могла ихъ оттирать, я сняла все и побѣжала босая. Вдругъ передъ мной деревня, я испугалась: меня увидятъ, скажутъ дома. Я бѣжала кругомъ по задамъ, торопилась изо всѣхъ силъ, и побѣжала опять по большой дорогѣ. Мои ноги то скользили, то прилипали, но я все бѣжала, я хотѣла такъ добѣжать до самаго города. Я думала: «Какая я малодушная, что не могу умереть». — Потомъ: «Лишить жизни себя нельзя. Да, нельзя, но я должна сама умереть, такъ просто умереть». Потомъ: «Я непременно должна умереть, мнѣ жить нельзя. Ясно, что нельзя». — И я бѣжала изо всѣхъ силъ. Дождь все лилъ сильный, я ничего не могла видѣть, спотыкалась, попадала въ ямы и наконецъ упала въ большую яму съ водой. Платье мое промокло насквозь, вода лилась по моему тѣлу, но отъ этого мнѣ было еще легче бѣжать. Когда вѣтеръ пронизывалъ меня насквозь, мнѣ казалось, что я будто летѣла. «Ну, теперь я непременно умру, всего этого нельзя перенести», — думала я. Стало дѣлаться свѣтло, я увидала, что я уже далеко, кругомъ были совсѣмъ неизвѣстныя мѣста. Я опять стала бояться, чтобы меня не узнали, сняла пальто, надѣла на голову и закуталась такъ, что лица не было видно, кромѣ одного глаза, будто отъ дождя. Я все смотрѣла подъ ноги, ничего не видѣла кругомъ; даже едва замѣчала, когда проходила деревней. Я знала, что уже давно день, но шла и не думала остановиться. «Что это? Жива ли я, приходило мнѣ въ голову: отчего мнѣ не холодно, хотя такой вѣтеръ, а я вся мокрая; отчего я не устала, я должна бы устать, я такъ много прошла? — Отъ чего я спокойна и ничего не могу чувствовать, я должна была бы ужасно страдать, со мной случается такое ужасное? Отъ чего я не хочу ѣсть, я должна бы быть голодна?» — Я шла, все только шла, все только смотрѣла на тропинку и ничего кругомъ не видала. Мнѣ ка-

залось, что это безконечный день. «Я буду вѣчно такъ идти?»—спрашивала я себя. «Я и думать неспособна, я только иду», замѣтила я. Мнѣ стало казаться, что теперь для меня даже все равно, чтобы со мной ни сдѣлали, я стала совсѣмъ безчувственная. Я шла. Замѣчаю, дѣлается темнѣе, потомъ совсѣмъ темная ночь. Я думаю: «такъ лучше, гораздо лучше, когда темно».—Дождь все льетъ, вѣтеръ все воетъ. Я думаю: «иду ли я, отчего я не могу различить, иду я или стою?—Нѣтъ, я иду, лужи хлябаютъ у меня подъ ногами».—И все ничего, все тоже, все ночь, вдругъ что то дѣлается, я напрягаюсь, стараюсь разобрать, и не могу; наконецъ догадалась: это снѣгъ идетъ, бѣлое передъ глазами, я подставила руку и разглядѣла, на нее упали снѣжинки. Дорога сдѣлалась совсѣмъ бѣлая; я чувствую, что я иду босыми ногами по снѣгу, и думаю: «Это хорошо, я значить еще способна чувствовать».—Платье на мнѣ замерзло, торчитъ, и это я замѣтила. Сдѣлалось свѣтло, я подумала: «Зачѣмъ это свѣтло, лучше бы ночь».—Я смотрю, вижу, что свѣтло, а ничего не вижу, думаю: «Какъ бы мнѣ не пройти мимо города, я пожалуй, не замѣчу».—Городъ, однакоже, я замѣтила, пришла на чей то дворъ и понимаю, что я потому вошла, что тутъ живетъ тетя; но дверь, какъ къ ней взойти, никакъ разглядѣть не могу. Кажется свѣтло, а я ничего не вижу, ощупью вошла говорю: «тетя... мама...»—Стою посреди комнаты, гляжу кругомъ, и зачѣмъ я сюда пришла, и что мнѣ надо говорить, не могу понять. Какой то голосъ кричитъ: «Полѣзай, скорѣй полѣзай на печь». Я думаю: «дѣйствительно мнѣ надо лѣзть на печь»—и полѣзла. Опять говорить какой то голосъ: «Раздѣвайся, ложись, несчастненькая».—Я думаю: «Почему меня раздѣваютъ, почему мнѣ говорить, ложись несчастненькая, развѣ меня теперь будутъ сѣчь?»—Послѣ этого я ничего болѣе не помню. Когда я очулась я увидала, что я въ больницѣ, узнала, что у меня была горячка. Я много помнила изъ этого времени, ужасныя видѣнія; я помню, что меня казнили; я помню, что меня истязали, на площади раздѣвали, и стыдъ, и ужасъ. Я помню, что изъ меня текла кровь,

лужи крови, все было въ крови, мнѣ затыкали ноздри. Но когда я хочу повяты, что было со мною въ бреду и что на самомъ дѣлѣ, я сейчасъ мѣшшаюсь. И и теперь чувствую, что я не могу объ этомъ писать, я сейчасъ сдѣлаюсь опять больна, переставу понимать себя. —

20 февраля. Наконецъ я могу дышать свободно; сколько мнѣ нужно было времени, чтобы придти въ себя; теперь я могу все писать. Когда я опомнилась и узнала, что я умпраю, мнѣ такъ сильно хотѣлось жить, что я и выразить этого не могу. Почему мнѣ такъ хотѣлось жить, я не понимаю, но я и теперь живо помню, какъ мнѣ тогда хотѣлось. Какъ только поправилась, изъ больницы я перешла къ тетѣ и ходила въ люди работать. Когда я гдѣ нибудь работала, я будто забывала; пойду домой, только стану подходить къ дому тети, и не знаю, что со мною дѣлается. Дома у ней мнѣ все душно, я все вспоминаю, что со мною было, мнѣ кажется, или меня потолокъ придавить, или я просто отъ мыслей своихъ умру. Пришла къ тетѣ гостя, предлагаетъ мнѣ работу. «Тютчевъ есть господа, говоритъ она, у нихъ шить». — «Не дай Богъ, говоритъ теть, лучше безъ работы сидѣть». — «Это сынокъ, отвѣчаетъ гостя: они господа обходительные, ну, разумѣется, также въ долгахъ, вѣдь хорошей то работы гдѣ найдешь?». — Въ большомъ городѣ новому человѣку трудно найти работу. Я думаю: «нечего тутъ разбирать», и пошла. Квартира небольшая, не торгуются, заплатятъ ли? можетъ заплатятъ. Я взялась, меня посадили въ маленькую комнатку къ окошку. Шила я съ часъ не больше, подходить ко мнѣ барыня, теперь то я ее знаю, а тогда не знала, и говоритъ: «мнѣ манера ваша понравилась, мнѣ надо идти на урокъ, посмотрите за дѣтьми», — и ушла. Тутъ двое маленькихъ дѣтей играютъ; наружная дверь отперта, никого нѣтъ; я думаю: «Я вѣдь могу уйти, а кто нибудь придетъ и возьметъ, что захочетъ, хоть ребенка. Какъ это они такъ живутъ; теть бѣднѣ ихъ, да и та такъ не сдѣлается». — Часу въ седьмомъ пришелъ какой то старикъ и гим-

назисть лѣтъ четырнадцать, заглянулъ ко мнѣ, кивнулъ мнѣ головой; они взяли по книгѣ и сѣли читать. Я думала, это хозяйка, оказалось гости. Минуть черезъ десять пришла хозяйка, они стали разговаривать, разговаривали интересно, я прислушивалась. Вдругъ гимназистъ говорить старику: «Какой ты враль, шапка, не вѣрьте ему, онъ все вретъ». — Я подумала; мальчикъ, кажется, скромный, а такъ говорить отцу. И вѣдь старикъ совсѣмъ кажется не враль; это, должно быть, какіе нибудь особенные люди. Гости ушли, въ восемь часовъ стали пить чай, съ вышней сошелъ хозяинъ, очень еще молодой, что онъ тамъ дѣлалъ, спалъ, читалъ, не знаю. Меня пригласили чай пить; на столѣ лежить журналъ, я говорю: «я давно книгъ никакихъ не читала». — «А вы любите читать?» — спросилъ меня хозяинъ. «Я хотѣла то очень много, мыслить, учиться, да не удалось», — отвѣтила я. Съ этого мы разговорились и познакомились въ два часа, разомъ узнали другъ друга. Они мнѣ предлагаютъ: «будьте народной учительницей, поступайте въ семинарію, тамъ вамъ дадутъ стипендію, переѣзжайте къ намъ, вы будете смотрѣть за дѣтьми, у васъ будетъ пять часовъ свободныхъ въ день, и мы васъ приготовимъ. — На другой день я пришла къ нимъ навсегда и разсуждаю: «вѣдь и я также странно поступаю, какъ они. Взяла мѣсто и безъ жалованья, а у самой одно платье, юбка и рубашка, чулки трапичками заштопаны, ботинки на износѣ, загрязнятся, развалятся, что я тогда буду дѣлать? А какъ мнѣ иначе быть? Кто меня будетъ даромъ учить. Имъ нянькѣ нечѣмъ платить, мнѣ учителю нечѣмъ платить; разумѣется, у насъ бѣдныхъ людей все такъ».

21 февраля. Хотя я и не знаю, какъ я буду жить, а очень рада, что попала сюда; сегодня я прелестный день провела. Уже почь, два часа, а мнѣ спать не хочется, такъ мнѣ хорошо; я дѣлаю здѣсь все, что хочу. Хозяинъ, Антонъ Петровичъ, занимается наверху, хозяйка, Анна Васильевна, спитъ, и мнѣ кажется, что я тоже хозяйка, я сижу здѣсь и пишу.

Все говорили, что я у мамы балованная, а я мамы боялась, а здѣсь никого не боюсь, въ одинъ день привыкла. Утромъ всѣ ушли, и вечеромъ до восьми часовъ я все была одна съ дѣтьми, только пообедали вмѣстѣ. И все читала съ такой жаждою, я такъ давно уже не видала книгъ; разумеется по минутно отрывалась для дѣтей, но все-таки много прочтала, здѣсь хорошия книги. Вечеромъ нашло гостей; я подумала, гдѣ же они всѣ сядутъ; и все дѣвушки, только одинъ мужчина, братъ Антона Петровича. Я замѣтила, что не было ни одной дѣвушки, которая бы жила такъ у родителей, какъ живутъ барышни; однѣ учились, другія были народными учительницами, была одна фельдшерница, одна учительница семинаріи. Я подумала: «вотъ и я буду такая же, какъ эти». — Онѣ всѣ мнѣ нравились, никогда я еще не видала такъ много мыслящихъ людей вмѣстѣ, какъ эти. Разговоръ былъ веселый, одна пѣла, мнѣ очень понравилось.

24 февраля. Вотъ тебѣ и разъ, что со мною случилось! Что только со мной случилось, такъ я и не знаю, что со мной будетъ. На другой день вечеромъ наши ушли въ гости, я осталась одна съ дѣтьми. Пришелъ братъ Антона Петровича и остался сидѣть; не читаетъ, ничего не дѣлаетъ, не говоритъ, только сидитъ около меня, и мнѣ дѣлать ничего не даетъ, насилу ушелъ. Наши воротились поздно, я имъ рассказываю. «Значитъ онъ въ васъ влюбился, говоритъ Анна Васильевна, не считайте себя польщенной, вы не первая. Я вамъ совѣтую, не обращайтесь на него вниманія, иначе и водой его отъ васъ не оголеть». На другой день послѣ обѣда, Антонъ Петровичъ спалъ, Анна Васильевна была на урокъ, опять приходитъ братецъ. Я продолжала читать книгу, будто его и нѣтъ; онъ посидѣлъ, помолчалъ, и говоритъ: «братъ спитъ, ну все равно, дайте мнѣ ключъ отъ шкафу». — Я дала, онъ отперъ шкафъ; взялъ новыя сапоги, падѣлъ и прощается со мной. Скажите брату, что мнѣ надо идти къ Перфильеву, не хорошо въ изорванныхъ сапогахъ, я взялъ его», — и ушелъ. Онъ только вы-

шелъ за дверь. мальчикъ ходитъ по комнатѣ и повторяетъ: «Дада взялъ панни сапоги, онъ ихъ пропъетъ, папа будетъ безъ сапогъ ходить». — Я говорю: «Полноте, что вы за глупости твердите», — а онъ: «пѣтъ, не глупости, у папы нѣтъ сапогъ». — Полѣзъ подь кровать, вытащилъ старшій сапогъ, показываетъ мнѣ дыры: «эти негодятся». — Я пришла въ большое волненіе, думаю: «да не можетъ же этого быть, что же это такое?» — Однакоже стала размышлять, что будетъ, если это дѣйствительно такъ; неужели мнѣ придется уйти отсюда изъ за этого? — Антонъ Петровичъ проснулся, сошелъ внизъ, я ему рассказываю. «Это правда, подтверждаетъ онъ, теперь я безъ сапогъ, онъ пропъетъ непремѣнно», — и ушелъ опять наверхъ. Онъ такъ это сказалъ, что я ничего не понимаю, сердится онъ, извиняетъ онъ меня? Я заволновалась еще больше; что будетъ, когда придетъ Анна Васильевна, и желаю, чтобы она скорѣй пришла. Она еще въ передней, я къ ней вышла и понимаю, что у меня лицо виноватое, рассказала, а она: «о, непремѣнно пропъетъ», и прошла наверхъ къ мужу. Я не могла болѣе выдержать, разревилась. Они сошли внизъ чай пить, мальчикъ показываетъ на меня пальцемъ и говоритъ матери съ разстановкой: «вотъ ты что сдѣлала, вотъ она плачетъ». — Анна Васильевна подошла ко мнѣ съ участіемъ: «вы плачете, полноте, мы сами виноваты, мы вамъ не сказали». — «Какъ же вы теперь сдѣлаете?» спрашиваю я. — «Ну ужъ это извините, мы не знаемъ», отвѣчаетъ Антонъ Петровичъ, въ кассѣ пятнадцать копѣекъ, заложить печего, занять негдѣ, всѣ извѣрились въ насъ». — На другой день мы стали хитрить, зашили старые сапоги черными нитками, обернули ноги Антона Петровича черными лоскутьями и сдѣлалось будто незамѣтно. Однако, когда онъ возвратился домой, онъ нашелъ, что северно, такъ больше ходить нельзя. Теперь на одно только и надѣемся, масляница, четыре дня онъ можетъ просидѣть дома, авось, что нибудь придумается. А я все думаю, какъ же быть, вѣдь я виновата, какъ я заглажу? Хочу имъ сказать: «вы по-

братите меня, вы прибежите меня, мнѣ будетъ легче»,—и понимаю, что это глупо.

15 марта. Наконецъ все устроилось, и опять я не знаю, что мнѣ подумать, и какъ мнѣ быть. Я жила у Тютчевыхъ, проходить день за днемъ, никто меня ничему не учитъ. Напомнить я не смѣла, все эта несчастная исторія съ сапогами у меня въ головѣ, я думала: «я сама заслужила, какъ еще тутъ напоминать». И когда они мнѣ будутъ уроки давать, я представить себѣ не могла; до восьми часовъ вечера я одна съ дѣтьми, а тутъ, то у нихъ гости, то они въ гостяхъ; все народъ наработавшійся, усталый, рады отдохнуть. Какъ-то мы обѣдали, Анна Васильевна обратилась ко мнѣ и спросила: «Каковы ваши успѣхи, много ли вы прошли?»—Я глаза опустила, что я буду отвѣчать на такой вопросъ? Антонъ Петровичъ отвѣчаетъ: «Мы еще не начинали». Взъялась на него Анна Васильевна, онъ смѣется, говоритъ: «дѣйствительно непростительно, я, мамочка, большой подлецъ». Потомъ: «серьезно, Степанида Семеновна, сегодня непременно начнемъ заниматься». Во восемь часовъ пришли гости, ушли ночью въ два, а онъ не забылъ, говоритъ мнѣ: «пойдемте заниматься». Я такъ обрадовалась, что сначала у насъ шло отлично, но въ четвертомъ часу мнѣ такъ захотѣлось спать, что я рѣшительно ничего не понимала, я съ шести часовъ утра была на ногахъ. На другой день Антонъ Петровичъ мнѣ говоритъ: «Васъ нечего готовить, вы больше знаете, чѣмъ надо, васъ надо только съ приѣмами познакомить, какъ отвѣчать, это въ одинъ день можно сдѣлать». Съ того времени наши уроки прекратились. Я жила между небомъ и землею, сама не знала, что со мной будетъ и на что рѣшиться. Прошло больше недѣли, вечеромъ въ двѣнадцатомъ часу прѣзжаетъ въ гости какой-то старикъ, говоритъ Аннѣ Васильевнѣ «ты», а на Антона Петровича не смотреть и не говорить съ нимъ. Оказывается, это отецъ Анны Васильевны, предводитель дворянства, живетъ въ своемъ уѣздѣ, прѣхалъ на два дня по дѣламъ. Поговорилъ, показы-

насть на меня и спрашиваетъ: «Что это такой у васъ?» Анна Васильевна назвала меня и прибавила: «Степаннида Семеновна живетъ у насъ, готовится поступить въ семинарію». Онъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «Напрасно беспокоитесь, васъ не примутъ; вѣдь вы нигилистка, подлая дѣвка, въ Бога не вѣрите; такихъ надобно розгами сѣчь, а не мѣста имъ давать. Я къ себѣ уѣздѣ или одной учительницы не терплю». И вскочила не помня себя, вѣбѣжала въ другую комнату, и со мной сдѣлалась конвульсія. Когда я пришла въ себя, его уже не было, передо мной извивался, говорили, что онъ зачитался Каткова и дошелъ до сумасшествія. И желала себѣ смерти, я думала: «Даже здѣсь знаютъ, что со мной случилось». Я спрашивала Тютчевыхъ: «Какъ онъ меня знаетъ, что обо мнѣ слышалъ?» Мнѣ отвѣчали: «Онъ васъ совсѣмъ не знаетъ, въ первый разъ услышалъ вашу фамилію». — «Здѣсь консерваторы всѣ такіе дерзкіе, сказала Анна Васильевна:— онъ разъ въ годъ у меня бываетъ, десять минутъ посидитъ, и выйдетъ исторія». — «Ну, матушка, возразилъ Антонъ Петровичъ, — такого, какъ тѣой папаша, положимъ, вѣтъ». Я не слушала, я плакала. На другой день собрались вечеромъ гости, было трое молодыхъ людей. Когда узнали о вчерашнемъ происшествіи, поднялся страшный шумъ, кричали, зачѣмъ позволили въ ночь ему уѣхать изъ города. Я не слушала, сидѣла одна въ темной комнатѣ, у меня страшно болѣла голова. Шумѣли долго и потомъ начали упрекать Антона Петровича, зачѣмъ онъ меня не учитъ. Стали говорить, что онъ совсѣмъ не способенъ учить, чтобы онъ лучше не брался. «Я буду учить», — кричалъ одинъ голосъ. Шумѣли до трехъ часовъ ночи, я ничего не могла разобрать, и не спала, и не выходила; кажется, порѣшили на томъ, чтобы меня училъ не Антонъ Петровичъ, а кто-то другой. На другой день утромъ Антонъ Петровичъ говоритъ мнѣ: «Настаиваютъ, чтобы васъ училъ Велеписцевъ; сегодня воскресенье, мнѣ свободно, пойдемте». — «Я не хочу, чтобы вы за меня платили», говорю я. «Мы не будемъ платить, будьте покойны», возразилъ онъ. — «Вы не

знаете, какъ у насъ эти дѣла дѣлаются, совсѣмъ иначе, чѣмъ вы думаете, идите только», вступила Анна Васильевна. Мы пришли на конецъ города къ двухэтажному дому, верхъ былъ пустой, мы спустились въ подвальный этажъ и вошли въ полутемную комнату; полъ я едва могла отличить, земляной онъ или досчатый? вдоль стѣны лавка, доски на ножкахъ вмѣсто стола, ни мебели, ни посуды; въ комнатѣ холодно, сидятъ два молодыхъ человѣка въ теплохъ платьѣ. Одинъ изъ нихъ красивый, кудрявый и лучше одѣтъ, другой одѣтъ очень плохо, весь въ заплаткахъ, рябой, здоровый, дурень, какъ смертный грѣхъ. Когда я вошла, онъ смотрѣлъ прямо на меня, мнѣ бросилось въ глаза его смѣлое выраженіе, я люблю смѣлыя лица, у него это было даже что-то особенное. Онъ намъ не поклонился, а прямо говоритъ: «Это, Степанида Семеновна, хорошо, будемте учиться, Степанида Семеновна». — «Какъ же это будетъ? занулась я, но онъ зажалъ мнѣ ротъ словами: «Для васъ это все равно, вы приготовитесь со мною, поступите въ семинарію, будете учительницей, довольны вы?» — «Нѣтъ, не довольна», отвѣтила я. «Вы хотите или не хотите быть полезнымъ человѣкомъ?» крикнулъ кудрявый съ раздраженіемъ. «Хочу», сказала я. «Ну, такъ нечего и толковать». — «Полноте, не спорьте, просилъ Антонъ Петровичъ,—видите, они и мной распоряжаются, какъ хотятъ». Я перестала спорить. «У васъ никакимъ образомъ нельзя заниматься», сказалъ Веленищевъ,—я догадалась, что уродливый—Веленищевъ. «У васъ вѣчно ярмарка, продолжалъ онъ,—приходите сюда въ восемь часовъ вечера, каждый денъ, кромѣ воскресенья; въ воскресенье меня не найдете дома».

Пришелъ часъ идти къ Веленищеву. Мнѣ говорятъ: «вы свѣчу съ собой не забудьте захватить, у него, должно быть, нѣтъ». Одинъ изъ гостей прибавляетъ: «возьмите лучше стеклянку съ керосиномъ, у него тамъ есть лампочка». Улицы темныя, но я привыкла, по улицамъ хожу вечеромъ смѣло; а теперь вся дрожу, думаю, что-то будетъ тамъ; оно глупо, а я каждый разъ дрожу, когда иду. Если разъ человѣкъ былъ не-

счастливы, на всю жизнь на немъ печать останется. Вхожу, а тамъ темно. «Это вы, Степанида Семеновна», говоритъ голосъ изъ глубины; и, трахъ, кто-то брякнулся съ печи на полъ; я отскочила, дверь захлопнула, чуть не закричала благимъ матомъ. Очень мнѣ было совѣстно, что я такъ сглупила, сейчасъ же опять вошла. Велеписцевъ зажигаетъ лампочку, а она не горитъ. Я говорю: «въ ней керосину вѣтъ». — «Должно бы быть», отвѣчаетъ Велеписцевъ. «У меня есть, позвольте я налию». Я налила, лампа стала горѣть. Лампа экономная, свѣту мало, но все равно, мы занимались отлично. Онъ меня всю выспросилъ, я удивлялась, какъ онъ искусно умѣетъ спрашивать, думаю: «вотъ у кого мнѣ надо перенять, какъ спрашивать ученика». У насъ шло скоро, точно потокъ меня увлекалъ. Мы кончили, онъ говоритъ: «Вамъ нечего поступать въ семинарію, держите прямо на народную учительницу. Все равно, до осени вы не поступите, а къ осени я васъ приготовлю на учительницу». Когда мы кончили, была поздняя ночь; онъ говоритъ: «Я васъ провожу, вы молодая дѣвушка, все же не хорошо идти одной такъ поздно». — «А съ молодымъ человѣкомъ лучше? смѣялась я:—куда намъ о репутаціи своей заботиться; что хотять, то и будутъ говорить; вонъ папаша Анны Васильевны». — «Разговоры, это глупости, отвѣтилъ онъ, а не хорошо вводить въ соблазнъ; идетъ пьяный, онъ и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ; ко мнѣ все же подумаетъ прежде, чѣмъ подойти». Мы вышли, дверь осталась не запертою, это дѣйствительно было совершенно лишнее. Съ того времени я хожу къ нему каждый день, учусь у него часовъ четыре, пять и дольше; это самый основательный и искусный учитель, у него нельзя не дѣлать успѣховъ. Мнѣ говорятъ: «Будьте увѣрены, что онъ васъ превосходно приготовитъ», и мнѣ не надо этого говорить, я сама вижу. Не все время онъ меня учитъ; мы учимся часа два, а потомъ онъ меня оставляетъ. «Сидите, говоритъ,—учитесь, дома вамъ не дадутъ». Я понимаю, что онъ говоритъ правду и очень ему благодарна. Я учусь, а онъ читаетъ; разъ пошутилъ: «Вы мнѣ удобство

доставляете, могу чптать ночью, а то безъ огня нельзя». Около часу они меня провожаютъ домой, или его товарищъ, или онъ, или оба вмѣстѣ.

3 мая. Не все коту масляница, хорошо намъ теперь приходится, одно мясо ѣдимъ; въ карманѣ фу, въ долгъ никто не вѣрнть, одинъ только и остался вѣрующей мясникъ. Сегодня даже ни чаю, ни хлѣба не было, какъ есть одно мясо: только не унываемъ, а то было бы совсѣмъ плохо. Антонъ Петровичъ сталъ безъ мѣста. Предсѣдателью управы денегъ много надо было, онъ хозяйственную часть и доллъ. Какъ-то членъ спрашиваетъ Антона Петровича: «можете выбрать тѣ бумаги, по хозяйственной части, на которыхъ предсѣдатель писалъ: «оставить безъ доклада». Антонъ Петровичъ повая въ чемъ дѣло и выбралъ. На собраніи вышелъ скандалъ, комиссія за предсѣдателя, гласные за предсѣдателя, дали ему довѣріе, а все-таки члена опять выбрали. Съ тѣхъ поръ, каждый день грызлись въ управѣ, члену надоѣло, онъ вышелъ; тогда предсѣдатель вытурилъ Антона Петровича, онъ сталъ проситься на государственную службу, а ему говорятъ: «въ земствѣ не умѣли удержаться, такъ о службѣ вамъ и думать нечего». Осталась одна надежда на Анну Васильевну, а у ней одинъ урокъ прекратился, мы и сѣли на мель. Все заложено, занять негдѣ, я просто бы въ уныніе пришла, а какъ вспомню, изъ-за чего Антонъ Петровичъ страдаетъ, мнѣ и весело. Мы мыслящіе люди, мы всегда должны такъ жить, разумѣется, намъ трудно; намъ говорятъ, вы лучше всѣхъ хотите быть, всѣхъ исправлять желаете, васъ потому и прихлопываютъ; а я все-таки хочу мыслить и изъ всей силы лучше всѣхъ быть. Я очень рада, что не вышла за Николая Кузьмича, я бы тогда не попала сюда, а была бы дама; ничего бы не понимала, что теперь понимаю. По-ихнему не мыслящіа люди лучше; ну да, лучше; куда, лучше, вотъ у насъ на фабрикѣ рабочій народъ, вотъ чиновники; что тамъ дѣлаютъ люди съ такимъ безопаснымъ и веселымъ характеромъ, какъ Антонъ Петровичъ? пьян-

ствують, воруютъ; и также ихъ отовсюду вытуриваютъ, и также ихъ семьи безъкуска хлѣба сидятъ, и также кричатъ объ нихъ «негодянъ». Сколько разъ я ни гляжу на Антона Петровича, я всегда думаю, не будь онъ мыслящимъ человѣкомъ, онъ былъ бы негодяемъ изъ негодяевъ; вспомню у насъ на фабрику Кузьку, ну точь-въ-точь такой же впечатлительный, скажетъ—всѣхъ разсмѣшитъ, улынется — рублемъ подарить; а панаша, а братецъ Антона Петровича, они стоятъ Кузьки. Теперь его душа загорится къ добру, онъ дѣлаетъ, не думаетъ, что будетъ дальше, а тогда бы его душа загорѣлась выпить и онъ также бы дѣлать, не думалъ, что будетъ дальше. Теперь мы голодаемъ и разсуждаемъ, какъ на свѣтѣ жить, чтобы не промахнуться, чтобы злая сила не одолѣла, и упрямство на своемъ стоять у насъ является. Сегодня сидимъ втроемъ, ѣдимъ и повторяемъ: «ну что же, и мясо одно будемъ ѣсть, и мясомъ можно питаться»,—точно будто мы кому нибудь показать хотимъ, наконецъ расхохотались. «Ага, проняло таки», говоритъ Антонъ Петровичъ. А я думаю, все же лучше, все изъ этого что нибудь да выйдетъ. Отъ этого мяса во мнѣ желчь разыгралась, все сержусь, все съ кѣмъ-то про себя говорю; доказываю, что я хорошо сдѣлала, что за Николая Кузьмича не пошла; я тогда была бы дура, филантропка, откормленная скотинка, на чужомъ бы огородѣ паслась, чужимъ бы умомъ жила. Гдѣ бы кусочекъ хлѣба достать? я бы хлѣба поѣла, успокоилась.

4 мая. Я замѣчаю, что мнѣ вчера было очень скверно, даже глупости начала писать, и напрасно, вотъ сегодня и легче. Пришли гости, чаю и запасу своего принесли, должно быть что нибудь прознали; намъ было очень весело, до поздней ночи болтали и хохотали; вѣдь мы птицы небесныя, о завтрашнемъ днѣ не помышляемъ, и, разумѣется, такъ и надо; мясомъ пищевареніе себѣ испортишь, заботой голову себѣ испортишь, такъ что же изъ этого будетъ хорошаго?

6 мая. Устроилась прелестно, къ намъ три семинарки съ учительницей будутъ обѣдать ходить; вчера же шесть рублей впередъ получили; ѣдимъ и веселимся, что намъ дѣлается.

15 мая. У Велеписцева теперь другая бѣда, жара невыносимая. Его хозяйка-пекарка, зимой у себя пекла хлѣбы; только рѣдко, когда у ней печи не хватало, она пекла у Велеписцева и тогда только топила, а теперь она каждый день у него печетъ. Выносливый овъ, на себѣ не замѣчаетъ, а на мнѣ сейчасъ замѣтилъ. Разумѣется, столько времени, на мнѣ все сгнило; я платье зачинила, оно сейчасъ тутъ же рядомъ и разорвалось на мнѣ. Онъ замѣтилъ, говорить: «вамъ надо работу брать». — «Какъ возьмешь? отвѣчаю я, — теперь у насъ и кузарки вѣтъ, минуточки свободной не выберешь, и стряпать, и чинить, и на рынокъ ходить, и за дѣтьми смотрѣть, читать, и то едва урвешь. — Переѣзжайте къ Гриневой, у ней машинка есть, работать будете, но крайней мѣрѣ, себя одѣнете, вѣдь безъ этого нельзя же». Я стала думать, въ самомъ дѣлѣ надо переѣхать. На другой день, мы пьемъ чай утромъ, и мнѣ съ ними со всѣми такъ пріятно, никогда такъ не бывало. Днемъ свжу, чиню дѣтскія рубашки, дѣти тутъ же играютъ, я думаю: «до осени протаскаю, а тамъ учительницей поступлю, все заведу; дома почти все босая бѣгаю, обувь у меня мало носится, все еще съ ногъ не свалилась». Поймала я себя на этихъ мысляхъ и захохотала, стала разсуждать почему я съ ними разстаться не могу? вѣдь во всемъ виновникъ Антонъ Петровичъ, мы всѣ къ нему, какъ къ какому-то центру стекаемся. Онъ такой веселый, такой остроумный, онъ насъ всѣхъ къ добру одушевляетъ.

2 іюня. Вотъ и поворотъ, мама у меня была, теперь у меня все есть. Платье и прочій хламъ на тряпки пошли; мама мнѣ три платья оставила и что нужно. Мама будетъ сердиться, если узнаетъ, а все-таки одно платье продамъ и сдѣлаю для Велеписцева. Кремьень же снъ! Прежде голову изломаешь,

чѣмъ придумаешь. какъ ему всучить. Онъ со мной, какъ нянька съ ребенкомъ пяньчится, и никакъ я отъ этого уйдти не могу. Мнѣ совѣстно, я думала хотя сколько нибудь у другаго бы поучиться; учителей сколько хочешь, всякій беретъ даромъ учить, а никакъ изъ этого ничего путнаго не выходитъ; иной урока два, три дастъ и видишь, что ему въ тягость. Чего напр. лучше Флегонтова, но къ нему ходить нельзя, вечеромъ у насъ нельзя, пытался онъ рано утромъ ходить; придетъ, у насъ спать, самоваръ надо ставить, одна свободная комната и тамъ гостя почуетъ, такъ и броситъ. Какъ не вертись, а остается опять одинъ Велеписцевъ.

5 июня. Продала платье, отлично вышло, отличилась. Купила его у меня учительница семинаріи, пять рублей дала, я была очень рада. Антонъ Петровичъ снесъ къ ней, возвращается съ деньгами и спрашиваетъ: «вамъ сейчасъ нужны эти деньги?»—А что? отвѣчаю я. «Кудрявцева безъ хлѣба сидитъ, я ей должень, я бы ей отдалъ, а черезъ нѣсколько времени я достану и вамъ возвращу.» Я очень сочувствовала Кудрявцевой. Ну, да это кто ихъ тамъ знаетъ, а непременно хотѣла ей помочь и согласилась. Черезъ часъ онъ возвращается съ Кудрявцевой и съ ними барыщенъ цѣлая толпа, веселья, кричатъ: «собирайтесь, гулять идемъ на дачу, и дѣти съ нами, лошадь есть, скорѣй, живѣй,—смотрите». Гляжу, они натащили; думаю: «откуда деньги?» Ивановъ хохочетъ и говоритъ: «Вотъ денежки-то ваши куда пошли, а вы что думали?» Я такъ обозлилась, что удержаться не могла, кинулась въ маленькую комнату, затворилась, злюсь и повторяю: «и они думаютъ, что я съ ними гулять пойду». Слышу Погорѣльцевъ говорить:—Степанида Семеновна въ обморокъ упала. Я хотѣла вскочить и глаза ему выцарапать за это. Антонъ Петровичъ ему отвѣчаетъ: «Напрасно вы это сказали; я вижу, что я виноватъ, кругомъ виноватъ». Онъ входитъ ко мнѣ и говоритъ съ такимъ испугомъ:—Неужели вамъ эти деньги были нужны? Простите ради Бога, зачѣмъ я глупецъ васъ не спросилъ прежде, чѣмъ истратить!»

И молчу, смотрю въ окошко, отъ злости слова сказать не могу, онъ ушелъ. Входитъ Кудрявцева, начинаетъ меня уговаривать: «Что съ ними будешь дѣлать, рассказываетъ она:— пришелъ ко мнѣ Антонъ Петровичъ съ Погорѣльцевымъ, спрашиваетъ, какъ я поживаю; я говорю: не дурно, сегодня 75 копѣекъ за работу получила. «А, восклицаетъ онъ, — такъ у васъ деньги, а я вамъ принесъ долгъ, пять рублей, теперь мы ихъ употребимъ». — «Гулять надо, барышня, подхватилъ Погорѣлецъ, тоска сдѣлалась смертная, идемте на дачу», подсѣлъ ко мнѣ, смотритъ на меня умилно, говорить: «вы самый милый и снисходительный человѣкъ, моя прелестная». И вижу, что имъ такъ ужасно хочется, не въ страхъ была отказать, и наши-то всѣ зашумѣли, всеобщій восторгъ; идите съ нами, не разстранжайте». Я согласилась, собрались въ полчаса, провизію и дѣтей въ телегу, сама пошла пѣшкомъ, говоръ, смѣхъ, точно цыганскій таборъ. Я хотя пошла, а мнѣ все не до того, иду сзади и плачу тихонько про себя, они на меня и вниманія не обращаютъ, такое у нихъ веселіе идетъ. Здѣсь я опять увидала, какой я еще поверхностный человѣкъ. Плакала, грустила и вдругъ развеселилась, хохотала, дурачилась, согласилась выпить стаканъ вина, послѣ этого такая сдѣлалась развеселая, съ барышнями и съ Анной Васильевной мы такъ дурили, что теперь стыдно вспомнить. Даже сегодня еще я разсуждала, что это было совершенно необходимо, а то бы намъ впасть въ уныніе и озлобленіе; и такъ глупо случаться, что сойдемся и молчимъ, языкъ не шевелится. Да, хорошо, а Велиписцевъ-то, о немъ я и забыла!

12 июня. «Ну вотъ, теперь мы подкованы», сказала мнѣ вчера Велеписцевъ. Только тогда я поняла, и тутъ же подумала: «какая я еще дура, мною можно играть, какъ шарикомъ;» я, однакоже, очень довольна, что онъ все это со мною продѣлалъ. Началось оно съ перваго дня нашего знакомства, а вотъ когда только разъяснилось. Сидимъ мы съ Велеписцевымъ и учимся, я гляжу на него и стараюсь отгадать, что онъ думаетъ обо мнѣ и успокоиться не могу, и никакъ угадать не могу. На утро опять это у меня въ головѣ; положимъ, онъ мнѣ сказалъ, что мнѣ можно прямо на учительницу готовиться, но что же изъ этого, все-таки я не знаю, что онъ обо мнѣ думаетъ. На другой вечеръ мы опять сидимъ съ нимъ, онъ мнѣ кажется такимъ замкнутымъ, ничего не узнаешь, мнѣ смертельно захотѣлось показаться передъ нимъ въ самомъ лучшемъ своемъ свѣтѣ, я вдругъ лягнула: «я хочу мыслить... я хочу приносить пользу». Сказала и сконфузилась до слезъ, а онъ все такой же и ничего узнать нельзя. «Какая я дура, какая я великая дура!» стала я повторять про себя. На слѣдующій день онъ вспомнилъ мои слова и сталъ о нихъ спрашивать. Опять я ужасно смутилась, я попалась, какъ вороватая дѣвчонка, и не знала, что ему отвѣчать; въ своемъ отчаяньи я заговорила объ Овенѣ, путала, перепутала, и была очень рада, когда наконецъ нашла сказать: «это очень трудно, совѣмъ не знаешь, какъ взяться, а съ какимъ энтузіазмомъ я бы старалась приносить пользу, если бы только нашла случай». — Вы полагаете, что съ энтузіазмомъ можно служить только великому дѣлу? спросилъ онъ. «Разумѣется», отвѣтила я. Затѣмъ мы начали разсуждать о томъ, какъ люди боролись за великое, и вѣчно вы-

ходило какъ нельзя хуже; чѣмъ больше люди госкищались. Тѣмъ больше они творили зла, вмѣсто добра. Гдѣ тотъ идолъ, который не былъ бы сверженъ, какъ рука зла и шарлатанства. Онъ приводилъ меня въ совершенное отчаянье, потому что разрушалъ все, во что я вѣрила; я напрасно ломала себѣ голову, чтобы противустать этимъ словамъ, которыя онъ говорилъ такъ разсудительно и такъ спокойно; сила явилась мнѣ кошмаромъ, отъ котораго нѣтъ спасенія; вездѣ она поворится, всѣмъ она завладѣетъ и все оборотитъ въ свою пользу. Однажды онъ говорилъ мнѣ о своихъ идеяхъ, которыя онъ отъ другихъ тщательно скрывалъ и отъ которыхъ я пришла въ восхищеніе.

28 іюня. Я вчера разсердилась на всѣхъ, раскричалась; разшумѣлась, чуть не разбранилась. И въ самомъ дѣлѣ, какъ это до сихъ поръ никто не можетъ принесть для Велеписцева работы; говорятъ, никакъ нельзя, такой на него взглядъ здѣсь. «Да почему же именно на него», спрашиваю я.—«Объ этомъ мало ли было рѣчи, отвѣчаютъ мнѣ, — никто вамъ не скажетъ почему, но это такъ. Стоить только назвать Велеписцева, кричать: «нѣтъ, не его»; хочешь чтонибудь сказать въ его пользу и слушать не хотятъ». Мнѣ такъ часто это повторяли, что я терпѣнья лишилась слушать. Чтаетъ онъ цѣлые дни, почти нигуда не ходитъ, сапогъ себѣ достать не умѣетъ, а книги всегда добываетъ, думаешь и никакъ придумать не можешь, чѣмъ могъ озлобить противъ себя такой человекъ. Говорятъ, ему надо уѣхать отсюда, здѣсь онъ ничего не дождется, а снѣ человекъ не практическій, отвѣчаетъ: мнѣ

пельзя уѣхать, книгъ не будетъ, мнѣ развиваться надо, я къ экзамену готовлюсь, можетъ и удастся». Рассказываютъ про него такую чепуху, и все разное, безъ конца; немного его узнаешь и сейчасъ видишь, что все это вздоръ; но отчего именно про него? И, пожалуй и знаю отчего, только это ужасная чушь. «Какъ вы все это можете выносить, удивляюсь вашему терпѣнію!» сказала я ему какъ-то. — «Нѣтъ-съ, у меня терпѣнія не всегда хватаетъ, отвѣтилъ онъ, и рассказалъ о себѣ, должно быть я въ слабую минуту попала. Было волненіе въ семинаріи. На совѣтѣ инспекторъ догадался, что Велеписцевъ корень, учителя закричали на него: «Да почему вы думаете?» спрашиваютъ они. — «Онъ умный человѣкъ», отвѣтилъ инспекторъ. Ректоръ рѣшилъ, что этого мало, нужно что нибудь положительное. Съ тѣхъ поръ инспекторъ дѣлалъ Велеписцеву постоянно ядовитые намеки, преслѣдовалъ всѣхъ, кто съ нимъ былъ близокъ, ожесточилъ его своими придирками и вывелъ изъ терпѣнія. Велеписцевъ любилъ читать книги. Инспекторъ рылся въ его отсутствіе у него въ столѣ и нашелъ книгу; онъ тотчасъ закричалъ, что нашелъ; черезъ часъ вся семинарія говорила, что у Велеписцева нашли. Что книга эта была дозволенная, что ее далъ ему учитель, этого никто не зналъ, всѣ думали невѣсть что. На совѣтѣ шумѣли и спорили, даже всѣ до единаго человѣка въ семинаріи объ этомъ узнали. Велеписцева исключили, только въ поведеніи дали ему четверку. Кажется не сильно наказали, а оказались ужасно. Въ городѣ такъ его разславили, такая противъ него злоба пошла, землю изъ подъ ногъ и ту бы у него выдернули, если бы могли. Только одинъ еврей и оказался, который ему урокъ далъ на три рубля, да и тотъ его жалъ и толкъ какъ дуранду. Онъ

все терпѣть, худо ли, хорошо ли ему,—не узнать, только все читаетъ; ему и то, и другое говоришь, а онъ все одно: «развиваться надо, мнѣ курсъ надо кончить». Не по силамъ онъ на себя принимаетъ. Вспомню и повторяю: «Къ чему эта слѣпая злоба у людей существуетъ? Понять—ничего не пойму, вникнуть—ни во что не вникнуть, закричатъ, закаркаютъ, какъ вороны надъ раненой вороной; заклюютъ, и чѣмъ больше заклюютъ, тѣмъ больше злость свою раззадориваютъ». И плачу я отъ этого, да толку мало, хоть разорвись, не можешь, таковы ужъ у насъ люди. Непремѣнно всякій долженъ имъ поклониться; поклонись, они и смягчатся, а развѣ всякій это можетъ? Они же ему зло сдѣлали, а онъ же долженъ имъ поклониться! Вонъ онъ какой: чѣмъ больше его жмутъ, тѣмъ больше онъ дичится; теперь и къ Тютчевымъ его затащить съ трудомъ; только и заманишь, если онъ гдѣ нибудь книгу словить можетъ.

28 сентября. Вотъ я и стала семинаркой: у Тютчевыхъ живу, стипендію получаю, въ семинарію бѣгаю. Какъ-то я пришла къ Арсеньевой, учительницѣ семинаріи; она мнѣ рассказала, что у ней будетъ Клабуковъ. Наша губернія Клабуковымъ гордится, какъ только возможно: извѣстный онъ литераторъ, земскій коноводъ и чудакъ. Я въ жизни своей не видала извѣстнаго человѣка, мнѣ очень хотѣлось съ нимъ поговорить. Наши его ругаютъ всячески: продажный либераль, циникъ, а все же онъ очень умный и ученый, мнѣ очень хотѣлось его увидеть. Онъ и пришелъ, сидѣлъ долго, много со мной говорилъ, мнѣ было весело. «Вы очень развиты, говорить онъ мнѣ: но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло, надо посмотреть, знаете ли вы то, что требуется. Я и извѣстный писатель, а если бы меня теперь въ шестой классъ гимназіи экзаменовать, я бы спасовалъ». Сталъ онъ меня выспрашивать, и выспрашивалъ часть времени, по крайней мѣрѣ. «Кажется, сказалъ онъ, вы на учительницу держать можете; ручаться не могу, я хотя и экзаменую, да у нихъ тамъ свое, кто ихъ тамъ знаетъ.

Мой совѣтъ, поступайте къ намъ въ семинарію, вы будете отличная ученица, на васъ обратятъ вниманіе, васъ узнаютъ, вы улучшите свой слогъ, въ образцовой школѣ научитесь преподавать, и весьма вѣроятно, получите одну изъ лучшихъ школъ». Я такъ и сдѣлала. Пришла въ семинарію, точно съ неба упала;—я думала, что тамъ все такія, какъ наши,—куда!—Десять, пятнадцать такихъ какъ мы наберется, у всѣхъ же только и мечта дамой быть, въ шелковомъ платьѣ ходить. Бантикъ бы пришили, пойдти танцовать на балъ съ кавалерами; и балу нѣтъ, и кавалеровъ нѣтъ, а все-таки объ этомъ только и мечта. Семинарію проклинали, о томъ, какъ имъ среди мужичья въ деревнѣ жить придется, и подумать имъ страшно. Говорятъ: «здѣсь и сама въ гробу, а хоть посмотришь, какъ другіе люди живутъ, веселятся, мило глядѣтъ; днемъ вздыхаешь, хоть во снѣ себя такой увидишь, хоть надѣнешься, думаешь, авось и мнѣ попадетъ счастье, а тамъ ничего, ни во снѣ, ни на яву».

4 апрѣля. Я дневникъ свой совѣмъ забываю, какъ то нѣтъ охоты за него приниматься. Все же онъ мнѣ милъ; когда со мной случится что нибудь необыкновенное, когда моя душа потрясена, я снова обращаюсь къ нему и начинаю писать. Велеписцевъ, гдѣ ты теперь, что съ тобою? Гдѣ бы ты ни былъ, я никогда тебя не забуду; то, что ты посѣялъ во мнѣ, возростетъ и всегда будетъ мнѣ напоминать о тебѣ. Онъ болѣе одного урока не имѣлъ и болѣе трехъ рублей въ мѣсяцъ не получалъ до послѣдняго дня. У него была одна рубашка, и та сгнила на его тѣлѣ, подушки у него не было, платье у него было заштопано и перештопано сверху до низу, сапоги зашиты бѣлыми пятами. Все онъ по прежнему жилъ и по прежнему читалъ. Я ходила къ нему учиться, училась у него алгебрѣ не потому, что это было для меня необходимо, а потому, что онъ сдѣлался полнымъ затворникомъ, нигдѣ нельзя было его видѣть. Я хотѣла его видѣть; сразу на разъ я замѣчала, какъ онъ мѣняется. Много мнѣ надо было о

немъ думать для того, чтобы понять, какъ слѣдить за нимъ. Сначала я къ нему ходила, и мнѣ казалось, что онъ все одинъ и тотъ же; никогда онъ не бывалъ ни веселъ, ни грустенъ, ни раздраженъ, ни ожесточенъ, и лицо у него всегда было одно и то же, — смѣлое и спокойное, и поведеніе одно и то же, — энергическое и спокойное. Онъ говоритъ, какъ чеканить; говоритъ ли онъ, учить ли онъ, съ нимъ не заснешь, голоса онъ никогда не возвыситъ и вялости въ немъ никогда не замѣтишь, все онъ будто будить, а не раздражаетъ. Однако же я выучилась такъ читать въ его душѣ, какъ въ книгѣ. Сначала я замѣтила, что когда ему скверно, онъ сейчасъ за урокъ принимается; кончить учить, никогда ни о чемъ не станетъ разговаривать, будетъ читать или пойдетъ меня провожать, заговоришь съ нимъ, онъ отвѣчаетъ, какъ всегда, но разговора продолжать не будетъ, будешь молчать все время, онъ ни слова не скажетъ. Пригласишь его: «Приходите къ намъ», если ему сносно, онъ придетъ; а если скверно, не придетъ. Затѣмъ я стала замѣчать, что онъ никогда не говоритъ о томъ, что его мучитъ или раздражаетъ; если его какойнибудь чловѣкъ оскорбилъ, онъ слова о немъ не скажетъ; если онъ опять объ немъ заговорилъ, значитъ онъ забылъ. Мы говоримъ объ обществѣ, о какомънибудь вопросѣ, если онъ начинаетъ заминать разговоръ, значитъ его чтонибудь возмутило, онъ опасается выйти изъ себя. Если онъ развязенъ, значитъ ему хорошо, но если онъ чемунибудь обрадовался, онъ опять сдержанъ. Такъ я за нимъ наблюдала и не переставала наблюдать; я получила ключъ и чѣмъ внимательнѣе и дольше я за нимъ слѣдила, тѣмъ яснѣе я видѣла, сколько у него накопляется на душѣ. Все больше было предметовъ, о которыхъ онъ заминалъ разговоръ, все чаще онъ прямо приступалъ къ ученью и послѣ урока не разговаривалъ ни о чемъ, все рѣже онъ выходилъ изъ дому. Иногда заговоришь съ нимъ о тѣхъ или другихъ людяхъ, возмущаешься, выражаешь свое негодованіе противъ нихъ, онъ скажетъ: — «это требуетъ разъясненія», и ни за что не станетъ продолжать

разговора. Это значить, что онъ раздѣляетъ ваше негодованіе и ищетъ чего нибудь, чѣмъ бы можно было смягчить впечатлѣніе и перейти къ спокойному тону. Если онъ найдетъ, онъ сейчасъ скажетъ и будетъ продолжать разговоръ. Если я хотѣла знать, возбужденъ онъ противъ кого нибудь, смотреть онъ на него съ мрачной стороны или нѣтъ, я заговаривала о недостаткѣ этого человѣка, возмущалась этимъ недостаткомъ: если онъ не продолжалъ разговора, не начиналъ рисовать его съ свѣтлой стороны, значить этотъ человѣкъ наведенъ въ его душѣ тѣнью. Такъ я узнавала, что на все и на всѣхъ въ его душѣ все болѣе набрасывалось тѣней, все болѣе міръ представлялся ему съ мрачной своей стороны и думала: «могутъ ли быть иначе?» Я чувствовала въ своей душѣ, что я только тогда могу быть счастлива и довольна, когда буду въ состояніи жить и работать для пользы людей; я помнила, какъ мнѣ было тяжело, когда мнѣ всѣ пути отрѣзали, я понимала Велеписцева. Я понимала, почему онъ ведетъ свою борьбу во что бы то ни стало; я понимала, почему онъ все строже судить тѣхъ, которые его такъ пригибали. Я мысленно говорила имъ: «мало у васъ людей, которые живутъ для однихъ только денегъ, себѣ и другимъ на погибель, вы хотите заставить всѣхъ быть такими, и для этого не отступаете ни передъ какой жестокостью». Я училась у него только два раза въ недѣлю, я не могла учиться чаще, каждый разъ я уходила отъ него все болѣе печальная, это наводило тоску на мою жизнь.

Въ послѣднее время у меня и надежда всякая пропала: отъ всѣхъ онъ удалился, всѣ его оставили, даже книги я должна была ему доставать, гдѣ же могъ оказаться выходъ? У насъ къ нему совсѣмъ охладѣли, даже бранили его. У насъ всегда много народу; кто ходитъ, о томъ помнятъ; перестанетъ ходить, его забываютъ; но Велеписцева забыть не могли, объ немъ стали говорить съ раздраженіемъ, иногда мнѣ казалось, что и они присоединяются ко всему городу. Я даже понимала ихъ. Если бы у другаго учителя я пришла и ушла безъ слова, я бы и не вспомнила объ этомъ, а Веле-

писцевъ меня этимъ поновалъ. Какъ объяснить почему, а я не могла переносить его равнодушія; я бы навѣрное сильно разсердилась на него, если бы я себя не уговаривала постоянно. Я повторила себѣ: «никогда не оставлю Велеписцева, никогда, и ни за что». Я понимала, что онъ переноситъ меня только потому, что невозможно жить, не имѣя около себя хотя одного человѣка для сношенія съ міромъ, и хотѣла оставаться этимъ однимъ человѣкомъ. Недавно я пришла къ нему и нахожу у него письмо.—«Вы получаете письма?» спросила я.—«Одно получилъ, отвѣтилъ онъ,— намъ уроки придется переплатить, я иду въ Петербургъ».—«Вы получили деньги?»—«Нѣтъ, денегъ не получилъ, такъ иду». Мы перебросились нѣсколькими словами, и этого было достаточно, чтобы холодный потъ выступилъ у меня на лбу; столько времени я видѣла его въ отчаянномъ положеніи, могла привыкнуть къ мысли, что непременно дойдетъ до отчаяннаго исхода, а когда наступила страшная минута, я трепетала какъ въ аду.—«Погодите, я вамъ денегъ соберу на дорогу», просила я.—«Некогда, я сейчасъ иду». Онъ взялъ палку, протянулъ мнѣ руку и произнесъ:—«Ну, прощайте, спасибо». Я помертвѣла, схватила его за платье.—«Я васъ не пущу», повторяла я. Онъ перемѣнился въ лицѣ, въ первый разъ въ жизни я увидела, что онъ перемѣнился въ лицѣ, и первый разъ онъ заговорилъ такимъ мягкимъ голосомъ.—«Прошу васъ, постарайтесь придти въ себя, мнѣ необходимо идти». Я однако же настояла на томъ, что онъ меня подождетъ, что я сбѣгаю домой и принесу, сколько тамъ окажется денегъ; онъ соглашался взять только полтора рубля.—«Я долженъ хозяйкѣ, лучше съ ней расплатиться, вамъ задолжать». Когда я возвратилась, и онъ отправился въ путь, я пошла его провожать. Дома я наскребла четыре рубля, полтора отдала его хозяйкѣ, а два съ полгиной всучила такъ ему. Сначала мы шли и молчали, я не могла придти въ себя, такъ все это совершилось неожиданно. Когда мы вышли изъ города, онъ остановился и протянулъ мнѣ руку; онъ думалъ, что настало время намъ разстаться,

но я не взяла его руки. Мы пошли далѣе. Все это произошло среди молчанія, я не могла говорить. Мы шли другъ за другомъ по тропинкѣ вдоль полотна желѣзной дороги. Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ возвратилась возможность разсуждать. Я рѣшилась во что бы то ни стало уговорить Велеписцева отказаться отъ своего отчаяннаго намѣренія. Довольно долго я придумывала, какъ это сдѣлать, никто и ничто не развлекало меня. Всѣ деревни оставались въ сторонѣ, ни одинъ человѣкъ не встрѣчался намъ на пути, Велеписцевъ шелъ не скоро; мнѣ показалось, что онъ нарочно замедлилъ шагъ, чтобы я могла за нимъ слѣдовать. Мы шли шестую версту, когда я все окончательно обдумала. Оставалось говорить. Но какъ и почему, а я не въ состояннн была начать. Я все себя побуждала, опустила голову внизъ, смотрѣла себѣ подъ ноги, молчала и шла. «Боже мой, ужъ десять верстъ», подумала я, взглянувъ на верстовой столбъ. Я пошла съ нимъ рядомъ. Ротъ у меня открывается, чтобы произнести слово и опять замыкается. Я смотрю на него; стараюсь узнать, что онъ думаетъ, что онъ чувствуетъ; ничего нельзя понять. Онъ идетъ, и я вижу только одно, что мы будемъ идти рядомъ безконечно, и онъ не начнетъ говорить, онъ все только будетъ идти медленнымъ шагомъ, чтобы я могла не отстать отъ него. Проходитъ верста, во мнѣ ёкнуло сердце; проходитъ другая, вотъ и третья; я не выдержала и зарыдала. Я слышу онъ говорить: «полноте, зачѣмъ плакать, дѣлать тутъ нечего», — и опять у него мягкій голосъ. Я взглянула на него, у него глаза полны слезъ, я зарыдала пуще прежняго и разразилась: «Позвольте, прошу васъ, позвольте мнѣ говорить, васъ убѣдить». Теперь я говорила и не могла умолкнуть, точно также какъ прежде не могла разомкнуть рта. Онъ мнѣ что-то отвѣчалъ, но я ничего не слыхала, ничего не могла понять; только онъ начиналъ говорить, только я слышала звукъ его голоса, я начинала неудержимо рыдать и уже ничего не могла ни слышать, ни сообразить. Я все твердила свое на тысячу ладовъ и полагаю, онъ не могъ не замѣтить, что я возраженій его совсѣмъ не

слушаю. И только тогда обратила вниманіе на ея слова, когда замѣтила, что оны однообразно повторяетъ: «успокойтесь, прошу васъ, успокойтесь, сколько нибудь успокойтесь». И я стала также однообразно повторять: «воротитесь, пойдите назадъ». И лишилась всѣхъ силъ отъ волненія, едва плелась, спотыкалась, опять не могла говорить и стала молчать. Все таки я и подумать не могла о томъ, чтобы разстаться съ нимъ; я или ворочусь съ нимъ обратно въ городъ, или не знаю, что со мною будетъ. И плелась безъ надежды въ душѣ одну версту за другой, не знала, что мнѣ еще говорить и какъ мнѣ еще взяться за дѣло. Мы дошли до первой станціи и молча прошли черезъ нее. Дѣлалось все темнѣе, стало совсѣмъ темно; холодный вѣтеръ пронизывалъ меня до костей, холодъ увеличивался, я коченѣла, я едва терпѣла. Что изъ всего этого будетъ? И чувствовала, что мнѣ надо сдѣлать какое нибудь отчаянное усиліе. Мы вошли въ лѣсъ, небо заволокло со всѣхъ сторонъ и сдѣлался такой мракъ, что едва можно было видѣть, что мы идемъ лѣсомъ. Велеписцевъ, какъ черная тѣнь, мелькалъ предъ мною; идти было очень неудобно, но я все не отставала. Пошелъ сильный дождь, я промокла насквозь до костей, и когда порывъ вѣтра пронизывалъ меня, я не въ состояніи была держаться на ногахъ, я падала. Тѣнь Велеписцева сейчасъ же ускользала отъ меня, я собиралась съ послѣдними силами, вскакивала и догоняла его. Наконецъ я упала и не могла болѣе встать, положеніе мое показалось мнѣ ужаснымъ, я крикнула: «погодите». — Велеписцевъ вернулся, помогъ мнѣ встать и сказалъ: «Я сдѣлалъ большую глупость, я не сообразилъ. Посидите, я посмотрю, гдѣ бы намъ можно было отогрѣться». — «Воротитесь», прошептала я умоляющимъ голосомъ, я не могла произнести ничего болѣе, оны исчезъ. Черезъ нѣкоторое время оны подвелъ меня къ дырѣ, вырытой въ землѣ и заставилъ меня туда войти. Тамъ было сухо, это была пещерка, вырытая рабочими, насыпавшими полотно, они въ ней когда-то ночевали. Велеписцевъ накидалъ на очагъ сухой земли и развелъ огонь, была даже выводная труба и

въ пещерѣ оставалось мало дыму. Сухаго мѣста было такъ мало, что мы могли только тѣсно сидѣть одинъ около другаго. Скоро мы не только отогрѣлись, но намъ сдѣлалось даже невыносимо жарко. Я опять могла говорить, и все таки мы сидѣли рядомъ и молча глядѣли въ огонь; я высказала все, что могла сказать, я ничего не могла придумать болѣе, я могла дѣйствовать одной только рѣшимостью, я объявила ему, что я не отойду отъ него, не буду ни ѣсть, ни пить и умру отъ голоду и усталости около него, если онъ не воротится. Я чувствовала, что это очень глупо, но никакъ не могла придумать ничего другаго. Я думала, что я наконецъ таки выведу его изъ себя, но не вывела, мы только сидѣли рядомъ и молчали. Мнѣ было очень горько, я думала даже, что лучше бы мнѣ было теперь идти по вѣтру и по дождю и коченѣть отъ холоду; тогда хоть забываешь о томъ, что дѣлается на душѣ. Я грызла и перегрызала свое горе и вдругъ заснула. Когда я проснулась, костеръ потухалъ и слабо освѣщалъ насъ, Велеписцевъ лежалъ головой у меня на колѣнахъ и спалъ безпокойнымъ сномъ, его будто что-то душило во снѣ, его подергивало. Я не могла глядѣть на это некрасивое, позеленѣвшее отъ утомленія лицо, оно производило слишкомъ тяжелое впечатлѣнiе. Я набросала на очагъ сухихъ вѣтвей; костеръ запылалъ, сдѣлалось жарко. Я стала глядѣть въ огонь и предавалась своимъ мыслямъ до тѣхъ поръ, пока не расплакалась. «Не чистая ли это душа, думала я про Велеписцева: съ кѣмъ, кромѣ его, такая дѣвушка, какъ я, могла бы рѣшиться переночевать вдвоемъ, въ такой глуши, въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ, и даже несколько не опасаться и не думать,— сильная и чистая душа,—и себя-то чувствуешь сильной около него». Я припоминала все прошлое, какъ онъ думаетъ, какъ онъ чувствуетъ, и обо всемъ. Чѣмъ больше я думала, тѣмъ сильнѣе волновалось мое чувство къ нему. «Этотъ человекъ не можетъ погибнуть, сказала я себѣ, я не дамъ ему погибнуть, я не могу дать ему погибнуть, я слишкомъ глубоко чувствую его цѣпу».—Я вовсе не страдала, во мнѣ была такая

твердая увѣренность, что я скорѣй мечтала. Что я отъ него не отстану, пока онъ не откажется отъ своего намѣренія, мнѣ казалось, это дѣло вполне рѣшенное, невозможно иначе; что я буду имѣть успѣхъ, — это также несомнѣнно. Въ этой увѣренности я только и дѣлала, что припоминала прекрасныя его черты, его глубокія и здравыя мысли, и мнѣ до того правилось все это припоминать, что я все время тихо и сладко плакала. Я была въ прекрасномъ настроеніи, я чувствовала безпредѣльную нѣжность къ этой высокой и мужественной душѣ. Я думала и мечтала, и убѣдилась, что онъ лучше всѣхъ, кого я когда нибудь знала, и такого человѣка я удержу отъ гибели. Эта мысль приводила меня въ восторгъ. Я погрузилась въ созерцаніе, и мнѣ такъ было хорошо, что я не хотѣла ничѣмъ испортить себѣ эту минуту; горя и борьбы еще много впереди, наберусь силъ. Я и не испортила; припоминая мысли Велеписцева, которыя мнѣ всего болѣе нравились, я заснула. Когда я проснулась, я была одна. Я вскочила, какъ безумная, выбѣжала наружу; свѣтало, было уже такъ свѣтло, что можно было видѣть далеко кругомъ; Велеписцева ни слѣда; онъ снова пустился въ путь въ то время, когда я спала. Я зарыдала и побѣжала за нимъ слѣдомъ, бѣжала болѣе двухъ верстъ и потеряла надежду. Я понимала слишкомъ ясно, что онъ не позволитъ мнѣ себя догнать. Я сѣла при дорогѣ, и мнѣ было такъ больно и горько, что мнѣ хотѣлось вѣкъ такъ просидѣть и не трогаться съ мѣста. Я сидѣла и думала, и думать мнѣ было не о чемъ, что пользы думать? Я очнулась, когда меня испугалъ загрохотавшій надомною поѣздъ. Я встала, смотрѣла вслѣдъ по тому направленію, куда долженъ былъ уйти Велеписцевъ; тихо, горько, долго плакала; слезы падали изъ моихъ глазъ и оставляли холодный слѣдъ на моихъ щекахъ. «Прости», говорила я, и опять повторяла «прости». — Когда я увидала другой поѣздъ, который бѣжалъ мнѣ на встрѣчу, я не хотѣла, чтобы изъ вагоновъ увидали мои слезы, повернулась и пошла домой. Я шла и смотрѣла сначала на то мѣсто въ горѣ, гдѣ мнѣ про-

вели ночь вмѣстѣ съ Велеписцевымъ, его далеко было видно. Оно было красивое, обрывомъ спускалось къ рѣчкѣ, и лѣса были кругомъ, дорога проходила подъ горой. Смѣло возносився обрывъ вверхъ, стойко и спокойно смотрѣлъ онъ на долину, онъ былъ точно самъ Велеписцевъ, такой же стойкій и спокойный. Когда я прошла мимо его, я горько зарыдала, я будто во второй и послѣдній разъ разставалась съ Велеписцевымъ. Я шла и смотрѣла кругомъ и на лѣса, и на поляны, на все; — думала: тутъ мы проходили вчера. Мнѣ такъ было горько, что я шла тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше вспоминала, вгдѣ даже не присѣла; пришла домой передъ вечеромъ и только тогда вспомнила, что я такъ долго не ѣла. На другой день у меня такъ страшно болѣла голова, что я даже горе свое забывала... Я сѣла писать и хотѣла написать все, что я передумала и перечувствовала съ тѣхъ поръ, а теперь я просто не въ силахъ продолжать, мнѣ скверно ужасно, начать съ чего не знаю, сейчасъ такъ горько сдѣлается, что и мысли никакія на умъ нейдутъ.

8 іюля. Спросишь его бывало: «какъ ваше здоровіе», все одинъ отвѣтъ: «ничего, я, кажется, скоро выздоровѣю», и накануне смерти я его спросила, и онъ отвѣтилъ мнѣ тоже. Когда Погорѣльцевъ намъ сказалъ, что Велеписцевъ въ больницѣ, когда мы побѣжали туда съ Анной Васильевной и увидели его, онъ былъ такъ ужасно худъ, кожа да кости, тѣнь, а не человѣкъ. Я никогда бы не повѣрила, что человѣкъ способенъ такъ сильно похудѣть и измѣниться. Какъ только я его увидела и узнала, я не поздоровалась съ нимъ, ни слова не сказала, выбѣжала, кинулась на окно и зарыдала. Со мной стали возиться, лечили, мудрили, привели въ себя. Я знала, что меня ожидаетъ, вошла къ нему, сѣла на кровать и, какъ слѣдуетъ быть, спросила: что съ нимъ? Онъ отвѣтилъ такъ просто: «желудокъ не дѣйствуетъ, машина отказывается», Анна Васильевна съ нимъ разговаривала; больше впрочемъ молчала, а я взяла его руку, она была очень легка; держала

се и думала: «вотъ эта рука». На другой день, когда я вошла къ нему, онъ лежалъ съ закрытыми глазами и не замѣтилъ насъ; это былъ настоящій мертвецъ; я испугалась, спросила: «неужели ему такъ сдѣлалось худо со вчерашняго дня?» Мы отвѣтили: «Нѣтъ, онъ давно такой; вчера, когда вы у него были, онъ вамъ обрадовался, и жизнь появилась у него въ лицѣ, а теперь онъ такой же, какъ всегда». «Онъ, значитъ, очень плохъ, онъ можетъ умереть?» воскликнула я. «Это неизвѣстно, разумѣется, онъ плохъ», получила я въ отвѣтъ. Мое сердце сильно сжалось и такимъ оставалось, пока я была у Велеписцева. Съ тѣхъ поръ я постоянно вспоминала: «Неужели этотъ человѣкъ умретъ? Нѣтъ! зачѣмъ! онъ не долженъ умереть», и начинала плакать. Мы пошли къ нему на другой день, я замѣтила, что и въ этотъ день лицо его оживилось, когда мы сидѣли у него,—и потомъ это повторялось каждый разъ; я плакала, когда вспоминала объ этомъ. «Только теперь я узнала, что онъ насъ любитъ, говорила я про себя, а я то думала, что онъ къ намъ совсѣмъ равнодушенъ». Иногда я скажу это себѣ и всплачусь: «зачѣмъ именно теперь онъ умираетъ, когда я узнала, что онъ насъ любитъ; такой молодой и полный силъ, а умираетъ». Я ходила къ нему каждый день и каждый день его лицо оживлялось при нашемъ появленіи, никогда онъ не жаловался на страданія, всегда говорилъ такъ спокойно и увѣренно о томъ, что онъ будетъ дѣлать, когда будетъ здоровъ. Это повторялось такъ постоянно, что меня начало тревожить сомнѣніе и мучить, и утѣшать. «Не можетъ быть, чтобы онъ умеръ, размышляла я: отчего онъ такъ мало страдаетъ, развѣ можно не страдать и умереть?» Какъ-то я разговорилась съ ординаторомъ, который его лечилъ: «Это интересный субъектъ, сказалъ ординаторъ про Велеписцева,—онъ до того привыкъ скрывать свои страданія, что его лицо инстинктивно утрачиваетъ болѣзненные черты и дѣлается спокойнымъ, когда онъ смотритъ на людей. Сколько я его наблюдаю,—онъ не крикнуетъ, никакого выраженія внутреннихъ мукъ, а вѣдь онъ долженъ много страдать». Я приближала

домой растерянная послѣ этихъ словъ. Да, это именно Велеписцевъ, я припоминала всю его жизнь, жизнь безысходнаго страдальца; такъ вотъ до чего онъ привыкъ скрывать свои страданія. «Неужели онъ умретъ, такой человѣкъ умретъ?» произносила я, и если бы я могла, я бы дала свою жизнь за него. — такимъ онъ мнѣ казался великимъ и прекраснымъ послѣ этого. «А вѣдь дѣйствительно онъ можетъ умереть», вертѣлось у меня въ головѣ. И всѣхъ нашихъ постоянно уговаривала показывать ему любовь, я увѣряла, что онъ поправится, если со всѣхъ сторонъ ему будутъ показывать любовь. Я просила, чтобы мнѣ дозволили сидѣть у него ночи, но онъ просилъ, чтобы мнѣ этого не дозволяли. «Это лишнее, совершенно лишнее, сказалъ онъ мнѣ, я въ этомъ не нуждаюсь, я скоро буду здоровъ. Если вы около меня будете сидѣть, мнѣ будетъ казаться, что я смертельно больной, и это будетъ меня тревожить и мучить». Я проглотила свои слезы и заплакала только тогда, когда вышла на улицу. Онъ казался такимъ полнымъ надежды, когда онъ это говорилъ, что я первую минуту опять усумнилась, но зато тѣмъ больше мнѣ было потомъ... Какой человѣкъ!.. Я всѣ дни только и думала о немъ и удивлялась, и восхищалась этой бездной терпѣнія и деликатнаго чувства къ людямъ. Когда мы приходили къ нему, онъ говорилъ намъ съ лицомъ, на которомъ лежала печать какого-то тихаго, кроткаго сіянія: «не будьте скучны, не смотрите на меня такъ мрачно.» Онъ улыбался улыбкой утѣшеннаго страдальца и просилъ насъ съ мягкимъ, заигрывающимъ выраженіемъ: «пожалуйста не горюйте, мнѣ это тяжело; болтайте, веселитесь, смѣйтесь около меня; ѣшьте, пейте, какъ можно болѣе здоровья в жизни. Мнѣ надо видѣть здоровье, жизнь, я самъ тогда оживаю, а то тоска меня заѣдаетъ.» Нами овладало страстное желаніе угодить ему, мы бѣжали къ нему и старались настроить себя на веселый ладъ и хохотать, приносили разныя разности, ѣли, пили, говорили одно только веселое, входили и уходили съ веселыми лицами, заботились объ одномъ, чтобы наше веселье было не шумное. **Всѣ насъ въ**

этомъ поощряли, доктора говорили: «вотъ какъ надо отно- ситься къ больному; ничего не можетъ быть лучше, это на него прекрасно дѣйствуетъ». Когда же мы выходили отъ него на улицу, мы начинали говорить другъ другу:—какой онъ прекрасный человѣкъ, какое необыкновенное, тонкое чутье, и всѣ начинали плакать; мы плакали отъ нѣжнаго восторга и такъ сладко намъ было плакать, и такъ горько вмѣстѣ съ тѣмъ. Мы приходили домой и спрашивали другъ друга: «Неужели онъ умретъ?—нѣтъ, не можетъ быть». Мы кидались другъ другу въ объятія и рыдали одинъ у другаго на плечѣ; въ этихъ слезахъ была необъяснимая, задушевная сладость. Я говорила Аннѣ Васильевнѣ: «какой человѣкъ, и горе отъ него сладко»; а Анна Васильевна всхлипывала и повторяла только: «милая, дорогая моя Степанида Семеновна, онъ не умретъ, онъ не долженъ умереть». За нѣсколько часовъ до его смерти мы были у него веселыя, ушли утѣшенными и не ожидали ничего; передъ нами носилось это кроткое, худое, больное лицо, съ тихимъ сіяніемъ радости и надежды въ чертахъ и наполняло наши души сладкой, увлекающей симпатіей и надеждой. Погорѣльцевъ былъ вдвоемъ у его кровати въ то время, когда онъ умиралъ, и впоследствии рассказывалъ исторію его смерти. Онъ долго лежалъ неподвижно и смотрѣлъ на нихъ, и все будто хотѣлъ что то сказать, а ничего не говорилъ. Прошло, по крайней мѣрѣ, два часа, они удивлялись, лицо у него живое, точно здоровое, въ глазахъ не то вопросъ, не то мысль, которую онъ собирается выговорить, а онъ ничего не говоритъ. Вдругъ онъ быстро измѣнился, откинулся назадъ и застоналъ; они подбѣжали къ нему, онъ умиралъ, черезъ десять минутъ все было кончено. Это были мужчины и не нѣжнаго темперамента, а какъ они стояли, такъ оба упали на колѣна и зарыдали. Меня стали готовить къ его смерти и напрасно готовили, напрасно не сказали сейчасъ прямо,—было бы одно и тоже. Какъ только я догадалась, я выбѣжала изъ дому и бѣжала бѣгомъ вплоть до больницы по всѣмъ улицамъ. Лишь только я вошла въ покой-

ницкую и увидала его трупъ, я остановилась неподвижно, передо мной безконечной чередой проходили страданія этого человѣка и его нечеловѣческое терзаніе. Передо мной лежало мертвое и серьезное лицо и я сама сдѣлалась безпредѣльно серьезной, не плакала, стояла и смотрѣла, и глазъ не спускала съ него; я такъ серьезно думала: «вотъ человѣкъ, котораго замучили до смерти». И какъ я на него гляжу, мнѣ кажется и его лицо, и худыя руки, и весь онъ говорить: «вотъ человѣкъ, котораго замучили до смерти». Я не плачу и думаю: «Надъ этимъ нельзя плакать, — это слишкомъ серьезная вещь, чтобы плакать». Серiousная я стояла тамъ, seriousная шла домой и дома была такая же seriousная, какою была передъ трупомъ мученика. Я все молчала, я ни о чемъ не могла говорить, ни о чемъ не могла думать. Будто на всѣхъ я наложила печать своей seriousности, никто ни о чемъ не заговаривалъ со мною, всѣ дѣлались seriousными, когда видѣли мое seriousное лицо и молча проходили мимо. Если кто нибудь не понималъ что дѣлается и хотѣлъ заговорить со мною, другіе останавливали его и говорили шопотомъ: «оставьте ее, не говорите съ нею». Вдругъ кто-то сказалъ, что его будутъ хоронить, я вскочила: «Какъ, вѣдь послѣ этого его не будетъ, его нельзя будетъ видѣть!» — я зарыдала, какъ только могла рыдать. Не знали что со мною вдругъ сдѣлалось, и что со мною дѣлать. Съ тѣхъ поръ я, какъ только вспомню, что его зароютъ въ землю, и что его больше не будетъ, и что его нельзя будетъ видѣть, начинаю рыдать. Никто не могъ меня остановить, обезсилѣю, замолчу и опять закричу, кричала все громче, мнѣ начинало казаться, что я не достаточно громко кричу, я кричала какъ безумная, затѣмъ начинала визжать и наконецъ хрипѣть, пока не впадала въ полную апатію и окончательное безчувствіе. Я упорно смотрѣла на него до тѣхъ поръ, пока его образъ не врѣзывался мнѣ въ память и не стоялъ постоянно передъ моими глазами, точно на самомъ дѣлѣ. Одна и при людяхъ, днемъ и ночью, дома и на улицѣ, я смотрѣла на трупъ Веллепсцева, какъ онъ стоялъ передо мной въ покойницкой. Въ

тотъ день, когда его должны были хоронить, я встала очень рано утромъ и все ждала той минуты, когда можно будетъ пойти въ покойницкую и посмотреть на него въ послѣдній разъ: у насъ всѣ спали, на улицѣ было пусто, ворота и окна домовъ закрыты. Я сидѣла, думала и ждала, я такъ напряженно и долго ждала, что во мнѣ осталось одно напряженіе и больше ничего; я даже позабыла, что я жду. Стали вставать, стали ходить мимо меня, я ничего не замѣчала, во мнѣ было одно напряженіе. Кто-то называлъ Велеписцева, я очнулась, вижу всѣ встали, на улицѣ жизнь. «Боже мой, я не успѣю взглянуть на него», я вскочила и побѣжала въ больницу. Я остановилась передъ трупомъ, упорно смотрѣла на его лицо и думала: «огъ него нельзя оторваться, какое оно великое, серьезное, трогательное». Вся я погрузилась въ него, вся до глубины души. Изъ глазъ у меня выкатилась одна слеза, медленно текла по щекѣ и упала къ нему на грудь, я сказала шопотомъ: «прими эту жертву»... Одна горячая слеза... я смотрѣла и не могла оторваться. Меня отстранили, я не знала зачѣмъ, я ничего не понимала. Вдругъ я поняла, что въ покойницкой много людей, что его собираются хоронить, я вспомнила: «сейчасъ его не будетъ надъ землею». Въ одну минуту все явилось передо мною, и его страданія, и его терпѣніе, и это глубоко трогательное лицо, я не владѣла собою и закричала... Съ этого крику я ничего не могла съ собой сдѣлать; какъ только къ нему подойду, тронуть его, я вспомню: «сейчасъ его не (удетъ надъ землею» и зарыдаю. Когда его подняли въ гробу и понесли въ церковь, эта минута показалась мнѣ чрезвычайно торжественной; я мгновенно замолкла и тихо, съ опущенными глазами, шла за гробомъ. Его поставили въ церкви, я опять стала смотрѣть на его лицо, и пока служили, вся обстановка мнѣ казалась необыкновенно серьезной и торжественной. Блѣдная, неподвижная, я все время стояла и не спускала съ него глазъ, у меня выкатилась слеза и будто я ее остановила, она осталась на моей щекѣ и ни одной слезы болѣе не было... Это лицо мученика-

мертвеца и безпредѣльная скорбь, великая, торжественная, безпредѣльная скорбь въ душѣ... Я вижу, берутъ крышку, чтобы накрыть гробъ. «Послѣдняя минута» — мелькнуло у меня въ головѣ, я остановила и не дала. Необычайная сила овладѣла мной, потрясающимъ печеловѣческимъ голосомъ я закричала объ его судьбѣ. Окна задрезжали, что-то со мной сдѣлалось, я стояла съ поднятыми вверхъ руками въ невозможномъ положеніи и въ этомъ положеніи я могла оглянуться кругомъ. Я увидала все однѣ неподвижныя фпгуры, блѣдныя, серіозныя лица и глаза, полныя слезъ. Что было потомъ, какъ похоронили Велеписцева, я не помню, я пришла въ себя только тогда, когда была уже дома. Я сдѣлалась больна, я видѣла видѣнія, и до сихъ поръ не могу поправиться, все вижу въ темнотѣ Велеписцева и ощущаю прикосновеніе его мертваго тѣла. Когда я поправилась, Погорѣльцевъ мнѣ какъ-то говоритъ: «Знаете ли, что земцы хотѣли вамъ сдѣлать вопросъ на счетъ вашихъ отношеній къ Велеписцеву, рѣшили — не дѣлать. Признайтесь, Степанида Семеновна, вы были влюблены въ Велеписцева?» — Я не отвѣтила ему, не хотѣла, но подумала про себя: «Нѣтъ стыду моему — нѣтъ. Въ Николая Кузьмича я была влюблена, а въ Велеписцева — нѣтъ».

Флеровскій.

Древнерусскія солеваренныя товарищества.

(Къ исторіи русской промышленной общины).

IV 1).

Переходимъ теперь къ тому періоду солевареннаго промысла, отъ котораго сохранилось гораздо болѣе данныхъ, къ XVI и XVII столѣтіямъ, когда солевареніе все болѣе и болѣе расширялось и занимало новыя области. Соляныхъ источниковъ искали въ это время, точно золотоносныхъ россыпей, открывали новыя и новыя соляныя мѣста и получали концессіи отъ Царей и Великихъ Князей на право разработки этихъ соляныхъ источниковъ, получали право приглашать на новыя мѣста нетяглыхъ и неписменныхъ людей, т. е. тотъ остатокъ кочевыхъ группъ народа, которыя могли еще переходить съ мѣста на мѣсто безъ особенныхъ затрудненій. Въ это время солевареніе развивается въ широкихъ размѣрахъ въ Пермской области, еще мало колонизованной до этого времени и подвергавшейся съ нѣкоторыхъ сторонъ не рѣдкимъ непріятельскимъ нападеніямъ со стороны разныхъ финско-тюркскихъ народовъ, обитавшихъ въ сосѣднихъ мѣстахъ за Ураломъ и съ юга въ Оренбургскомъ краѣ; а поэтому и колонизація здѣсь началась около укрѣпленныхъ городковъ и отъ нихъ расширялась по радіусамъ. Въ дѣлѣ колонизаціи Пермскаго края видную роль играли

1) См. «Устонъ» № 5.
«Устонъ», № 8, отд. 1.

фамилія Строгоновыхъ, перебравшаяся сюда по сосѣдству изъ Сольвычегодска, гдѣ у ней уже имѣлись соляныя варницы еще въ началѣ XVI стол. Она строила городки, искала соляныхъ мѣстъ и получила въ вотчину громаднѣйшія пространства земель, въ послѣдствіи населенныхъ тысячами крестьянъ; кромѣ того, за разные услуги, особенно за помощь покорителю Сибири Ермаку и въ смутное время въ началѣ XVII ст. получила въ свое завѣдываніе соляныя мѣста и варницы, уже давно разрабатывавшіяся въ Московской Руси. Въ этотъ же періодъ времени выступаютъ на сцену новыя пункты соляной промышленности въ нынѣшней Вологодской и Архангельской губ., около Старой Руссы во Владимірской губ., въ Балахнѣ, и въ концѣ XVII ст. въ Слободской Украинѣ, въ нынѣшней Харьковской губерніи около Славянска. На крайнемъ сѣверѣ, около берега Бѣлаго моря и по системѣ рр. Двины и Онеги и въ многихъ другихъ мѣстахъ солевареніе развивается въ широкихъ размѣрахъ, представляя намъ примѣры крайне интересныхъ формъ организациі крестьянскаго солеваренія, развившагося на развалинахъ Новгородско-вотчиннаго солеваренія, какъ мелкаго, такъ и крупнаго, въ концѣ XV и къ началу XVI стол.

Солеваренная промышленность, наравнѣ съ рыболовствомъ, бортничествомъ и другими промыслами того времени, шла тою же дорогою, что и землевладѣніе; какъ въ удѣльное время соляныя мѣста, соляныя колодцы составляли «угоды» или составную часть земельного имущества, составную часть земельной вотчины, такъ и теперь солевареніе или соляныя мѣста были или на государственной землѣ, черной, тяглой и принадлежали на оброчномъ, арендномъ правѣ крестьянству, или жаловались въ монастыри и въ вотчину за извѣстный оброкъ въ пользу царской казны или отдавались какому нибудь боярину вмѣстѣ съ извѣстными землями и деревнями и селами, гдѣ, такимъ образомъ, солеварни уже составляли нѣчто въ родѣ вотчины или помѣстья, боторыя однако платили извѣстный оброкъ въ государеву казну. Въ то же время, государевы или государственные соляныя угоды и варницы для платежа податей росписывались въ сохи и составляли такую же принадлежность къ извѣстному двору, какъ и пахатныя поля, сѣнокосы и другія угоды, какъ это было на сѣверѣ, около моря, или же составляли отдѣльную податную статью, если промыселъ былъ въ какомъ нибудь городѣ или посадѣ, тутъ въ соху записывалось

известное количество дюрюетъ съ принадлежащими къ нимъ соляными варницами, такъ какъ подать въ то время раскладывалась «по животамъ и по промысламъ».

Начнемъ разсматривать географическое распространение солеваренія съ крайняго сѣвера, гдѣ въ XVI ст. оно велось въ широкихъ размѣрахъ: сѣверъ нашъ снабжалъ своею солью не только ближайшую мѣстность, но сюда прїѣзжали за солью и изъ другихъ далекихъ мѣстъ. Соль складывалась въ Холмогорахъ и отсюда перевозилась по Двинѣ и Сухонѣ до Вологды и затѣмъ въ Турга-совѣ и Каргополѣ по рѣкѣ Онегѣ и отсюда развозилась на Бѣлоозеро и далѣе по Новгородской области, снабжая въ изобилїи кромѣ того и Олонецкую область или такъ называемую Обонежскую Пятину, гдѣ впрочемъ производилось и мѣстное солевареніе, но не въ значительныхъ размѣрахъ, такъ что не удовлетворяло мѣстной потребности въ соли. Слѣдя за географическимъ распространеніемъ солеваренія на крайнемъ сѣверѣ Россїи въ XVI XVII стол. намъ, пришлось бы перебрать почти всѣ населенные пункты по побережью Бѣлаго моря, такъ какъ есть указанія на всѣ эти мѣста, какъ имѣвшія соляныя варницы, бѣольшая часть которыхъ варила соль изъ морской воды. Этотъ промыслъ былъ настолько здѣсь распространенъ, что привлекалъ сюда промышленниковъ изъ очень дальнихъ мѣстъ специально для солеваренія; между подобными промышленниками первое мѣсто занимаютъ монастыри, которые отрядивъ сюда своихъ прикащиковъ и прїобрѣтая покупкою и другими путями ближайшія села и деревни или только части ихъ, заводили здѣсь солевареніе въ широкихъ размѣрахъ; изъ такихъ отдаленныхъ монастырей здѣсь имѣли свои варницы Кирилобѣлозерскій, Троицко-Сергіевъ, Корнилекомельскій, Валаамскій и др. не говоря уже объ мѣстныхъ монастыряхъ, какъ уже существовавшихъ въ этому времени, каковы Соловецкій, Корельскій, Сійскій, Архангельскій, такъ и вновь возникавшихъ, каковы Печенгскій, Красногорскій, Крестный и многіе другіе мелкіе монастыри, которые въ настоящее время едва даже существуютъ, какъ монастыри. Кромѣ морской воды соль вываривалась изъ соляныхъ источниковъ, которыхъ тоже достаточно въ Архангельской губ. Такъ въ то время существовало солевареніе изъ соляныхъ рассоловъ, находящихся по Кулою, гдѣ и донинѣ существуетъ Кулойскій солеваренный заводъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ по Двинѣ, напр. въ Моржегорскомъ усольѣ; затѣмъ

съ древнѣйшихъ временъ солевареніе изъ разоловъ происходитъ и до настоящаго времени въ трехъ посадахъ Архангельскаго уѣзда въ Пеносѣ, Унѣ и Лудѣ. тамъ оно существовало и въ разсматриваемый нами періодъ времени. По рѣкѣ Онегѣ было въ то время нѣсколько пунктовъ, гдѣ соль варили изъ соляныхъ источниковъ, таковы были въ то время Владычинское усолье, гдѣ соль варилась и до самаго послѣдняго времени, въ Пиялѣ около Турчисова; это были одни изъ главныхъ пунктовъ, не говоря уже о многихъ другихъ, въ которыхъ солевареніе происходило изъ соляныхъ разоловъ или соляныхъ ключей, такъ напр. оно существовало на Пжмѣ, на рѣкѣ Юрьѣ въ Двинскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ. По побережью Бѣлаго моря также находилось по близости моря не мало соляныхъ источниковъ, какъ въ видѣ ключей, такъ и въ видѣ озеръ съ соленою водою, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ солевареніе производилось какъ изъ морской воды такъ и изъ соляныхъ колодезевъ или трубъ, а также соляныхъ ключей и озеръ ¹⁾.

Съ покореніемъ Новгорода и его областей великому князю московскому и всѣ новгородскія земли перешли во владѣніе новаго владѣльца-завоевателя, а отсюда въ грамотахъ мы уже встрѣчаемъ здѣсь не вотчины новгородскихъ магнатовъ или посадниковъ и другихъ лучшихъ мужей Новгорода, имѣвшихъ на сѣверѣ громаднѣйшія вотчины съ страдомыми деревнями; съ завоеваніемъ этихъ вотчинъ и вѣроятно съ экспроприаціею вотчинныхъ правъ у прежнихъ новгородскихъ владѣльцовъ—всѣ эти вотчины, за исключеніемъ

¹⁾ Начиная съ самаго крайняго сѣвернаго побережья Бѣлаго моря, если идти съ востока на западъ, мы встрѣчаемся съ солевареніемъ при р. Товѣ, впадающей въ Бѣлое море недалеко отъ Мезенской губы, затѣмъ или по зимнему берегу до Двинской губы, вездѣ встрѣчаемся съ существованіемъ солеваренія въ XVI и XVII ст., такъ напр. оно существовало въ Золотицахъ, а болѣе внутрь, вдали отъ моря по Кулою, до самой Двинской губы въ разныхъ мѣстахъ напр. въ Лапилахтѣ, Пушлахтѣ; затѣмъ намъ уже извѣстно, что оно существовало по Лодни еще въ XIII или XIV столѣтіяхъ; по другую сторону Двины по Корельскому берегу на разныхъ островахъ и по берегу, въ Солзѣ, Унѣ (при Унской губѣ), Лудѣ, а около самой Двины въ Лисестровской волости. Затѣмъ идя къ Онежской губѣ, найдемъ солевареніе въ Сумской волости, въ Колежемской, затѣмъ въ Кемской, Подужемской, Пезозерской, Малозерской—до самой Кандалакшской губы, гдѣ тоже было солевареніе на Керети, въ Ковдѣ, въ Поръегубекской волости и въ Кандалакшской до самой почти Жолы.

должно быть монастырскихъ. стали называться вотчиной царя и великаго князя московскаго. Такъ, большая часть южнаго побережья Бѣлаго моря (какъ видно изъ актовъ и грамотъ, даваемыхъ Маргою Борецкою), принадлежало роду Борецкихъ, посадниковъ новгородскихъ, имѣвшихъ свои вотчины, впрочемъ и по Вагъ рѣкѣ въ низишнемъ Шенкурскомъ уѣздѣ, а въ половинѣ XVI ст. нѣкоторые изъ этихъ вотчинъ составили государеву землю, а владѣние крестьянское, что напр. видно изъ выписи, данной Соловецкому монастырю, относящейся къ Сумской волости, гдѣ прямо пишется, что жалуются волость въ моей вотчинѣ, бывшая прежде Марфинская Псаковская (Псака жена); во многочисленныхъ другихъ грамотахъ XVI вѣка, относящихся къ побережью Бѣлаго моря мы уже не видимъ отчинниковъ, распорядившихся своею землею или отциною почти безконтрольно, но въ нихъ уже прямо заявляется, что «та земля государева, а нашего владѣнья», хотя сущность правъ владѣльцевъ неслишкомъ измѣнилась отъ подобной метаморфозы въ сферѣ землевладѣнія и долго еще мы видимъ, что крестьяне продаютъ и закладываютъ и отдаютъ въ монастыри свои участки въ угодыяхъ, селгахъ и деревняхъ; но все-таки верховное право на земли московскихъ государей имѣло свое вліяніе на складъ землевладѣнія и въ свою очередь своими постановленіями вотчинныхъ правъ на земли въ особенности монастырямъ съ платежомъ оброка въ казну, много способствовало народженію и укрѣпленію здѣсь крупныхъ монастырскихъ владѣній, съ позднѣйшимъ закрѣпощеніемъ крестьянъ за монастырями; въ особенности здѣсь вполнѣ въ концѣ XVI ст. появились крупнѣйшія владѣнія Соловецкаго и Кириллобѣлозерскаго монастырей. Въ XII ст. уже вполнѣ развилось здѣсь на крайнемъ сѣверѣ крѣпостное право, сосредоточенное въ рукахъ духовенства и монастырей, а землевладѣніе, кромѣ того, сосредоточивалось еще въ другихъ рукахъ—купеческихъ, но безъ обязательныхъ крѣпостныхъ отношеній между крестьянами, жившими на подобныхъ земляхъ и землевладѣльцами купцами; на подобныхъ земляхъ селились такъ называемые половники, существующіе и до сихъ поръ въ Вологодской губерніи, а въ XVII ст. они были въ Пермской и быть можетъ въ Архангельской губерніяхъ.

Теперь необходимо обратиться къ частному изслѣдованію положенія солеваренія на крайнемъ сѣверѣ Россіи и прослѣдить тотъ процессъ, который въ результатъ далъ отчасти монастырское соле-

вареніе и землевладѣніе, отчасти сосредоточилъ солевареніе въ немногихъ рукахъ, но преимуществу купеческихъ. Сосредоточеніе земель и солеварень, равно и другихъ угодій шло вѣсколькими путями; такъ мы видимъ, что немалую роль въ этомъ прогрессѣ играли великокняжескія пожалованія цѣлыхъ волостей въ вотчину монастырямъ; на ряду съ этимъ шла скупка монастырями по частямъ крестьянскихъ наевъ въ земляхъ и солеварняхъ; эта скупка практиковалась и частными людьми, богатыми купцами; затѣмъ шли приобрѣтеніе черезъ залoги, особенно просроченныя, за займы, пожертвованія или отказы крестьянами своихъ участковъ въ монастыри на поминъ души; подобному обезземленію крестьянъ и уничтоженію мелкаго крестьянскаго солевареннаго промысла способствовала и бѣдность ихъ въ связи съ невозможностью платить государевъ оброкъ и т. д. Такъ какъ до сихъ поръ не существуетъ даже приблизительныхъ статистическихъ данныхъ о томъ, напр., сколько было земель въ вотчинномъ владѣніи частныхъ лицъ и монастырей въ разные періоды времени XVI и XVII ст. и въ особенности послѣ завоеванія новгородскихъ областей, когда масса земель на крайнемъ сѣверѣ экспроприрована была у вотчинниковъ-посадниковъ и лучшихъ мужей новгородскихъ, въ пользу московскаго государя завоевателя, когда вся область сдѣлалась вотчиною царя и великаго князя московскаго, когда слѣдовательно масса крестьянскаго населенія очутилась безъ господъ на «государевыхъ земляхъ» черныхъ, то конечно, мы и не можемъ съ точностію говорить о размѣрахъ крестьянскаго собственно солеваренія на государевыхъ земляхъ, а можемъ только представить примѣры изъ многихъ мѣстъ, которыя сперва были государевыми землями, а потомъ, тѣмъ или инымъ путемъ, начали переходить въ руки монастырей и частныхъ лицъ. Такъ, напр., Сумская волость (нынѣ Сумскій посадъ съ окрестностію) во время новгородскаго владѣнства принадлежала въ концѣ XV ст. Марѣ Борецкой, а потомъ съ покореніемъ Новгорода, Москвѣ; здѣсь на первое время видимъ вотчину царя и великаго князя московскаго, и только въ 1555 году эта волость жалуется Соловецкому монастырю въ вотчину. Въ жалованной грамотѣ монастырю Сумы-волости приводится очень интересная выпись о количествѣ здѣшнихъ соляныхъ варницъ и о распредѣленіи ихъ по владѣльцамъ и товариществамъ, и о расширеніи солеваренія въ 60-ти лѣтній самостоятельный періодъ крестьянскаго соле-

варенія. Выпись эту приводимъ дословно, она приводится въ жалованной грамотѣ Юанна Васильевича Грознаго, въ такомъ видѣ: «пожаловалъ есмь въ своей отчинѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ Обонежской Пятицѣ, по старымъ писцовымъ книгамъ письма Юрья Константинова Сабурова, лѣта 1496 г. въ Спасскомъ погостѣ на Выгоозерѣ у моря на Сумѣ рѣкѣ, что въ той волости церковь Никола чудотворецъ, Маринскіе Псаковы-- волостными деревнями слѣдуетъ причисленіе деревень и угодій)... да своими же царя и великаго князя варницами пожаловалъ у моря на морскихъ островѣхъ: на усть Сумы р. на Мягъ островѣ варницами Матвѣевскими Пылина, да на Мяѣ островѣ варницею Матвѣевскою же Пылина, да подъ Медвѣжьею горою на острову варницею Лыткинскою да Федьковскою Омельянова съ товарищи; да въ манию островѣ въ Мандерѣ варницею Гридкинскою Шильникова съ товарищи; да на кулежѣ въ Мандерѣ варницею Гридкинскою-жъ Шильникова, да въ Мандерѣхъ варницею Олешки, да Петрока Поповыхъ, да на Колежѣ р. варницею Епифана съ товарищи» и т. д... И всего тридцатьма тремя (33) варницами. А тѣ де всѣ варницы Сумскіе волости, а не иныхъ волостей, а оброку съ нихъ шло въ государеву казну полъдевата рубли и 12 денегъ въ новгородское число (счетъ), и пожаловалъ есмь ихъ Государь тѣмъ своими обжами и варницами со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и варницамъ изстарини по тяглу, со всѣми угоды и своими царя и великаго князя оброки, съ денежными всякими доходы и съ волостелинными кормы, опричь царя и великаго князя обежны дани и посошныя службъ и городовыхъ дѣлъ и всякихъ пошлннъ». Эта выпись можетъ служить превосходнымъ образцомъ того солеваренія, которое производилось по берегу моря и на морскихъ губахъ и островахъ изъ морской воды, по преимуществу вымороженной зимними морозами и представлявшей въ силу этого болѣе концентрированный соляной растворъ, чѣмъ обыкновенная морская вода; кромѣ того, эта выпись можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, насколько распространено было въ волостяхъ товарищеское солевареніе; тутъ очень мало было варницъ, принадлежавшихъ одному лицу, а большая часть варницъ были товарищескія. Сумская волость вслѣдствіе жалованной грамоты Грознаго въ 1555 году переходитъ въ вѣдѣніе или въ вотчину Соловецкаго монастыря, значить, самостоятельное товарище-

ское крестьянское солеварение прекращается; сюда является монастырской прикащикъ съ большими правами, что впоследствии и укажемъ; самое солеварение регулируется монастырскими уставными грамотами, а впоследствии всецѣло переходитъ въ монастырскія руки, гдѣ на варницахъ уже работаютъ промышленные и работные люди, которые даже кормятся на монастырскій счетъ. Сдѣланная нами выписка изъ жалованной грамоты указываетъ только на товарищеское солеварение, не касаясь самой организаціи товариществъ, распредѣленіи насъ между товарищами, а потому намъ придется дополнять означенную выписку многими другими грамотами, въ которыхъ указывается на строй самого товарищества. Во многихъ жалованныхъ грамотахъ, даваемыхъ Соловецкому монастырю на разныя волости, не приводится никакихъ статистическихъ выписей, гдѣ бы указывалась принадлежность той или иной варницы одному лицу или цѣлому товариществу крестьянъ. Во всѣхъ грамотахъ, относящихся къ другимъ волостямъ, также только указывается общее количество варницъ въ волости, а иногда даже и количество-то не указано, а говорится, что жалуются такая-то волость со всѣми угодьями и съ соляными варницами. Такъ около 1550 года Соловецкому монастырю была пожалована Грознымъ сосѣдняя съ Сумою волость Колежемская «да тѣхъ же деревень (этой волости) 8-ю варницами и оброкомъ, что шло съ тѣхъ варницъ». Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что здѣсь соляныя варницы были иначе распредѣлены между крестьянами, чѣмъ и въ Сумской волости, сосѣдней съ нею; вѣроятно и тутъ были такія же солеваренныя товарищества, какъ и въ Сумской волости, имѣвшей часть своихъ варницъ и по Колежмѣ рѣкѣ, такъ что разница между сосѣдними волостями была только въ административномъ дѣленіи. Относительно другихъ приморскихъ волостей, отдававшихся въ Соловецкій монастырь, свѣдѣнія отъ того времени еще общіе, что касается соляныхъ варницъ. Изъ грамоты Федора Ивановича отъ 1591 года, данной тому же монастырю, видно, что владѣнія или вотчины Соловецкаго монастыря простирались по берегу Бѣлаго моря отъ Онеги до Кандалакши, быть можетъ и несплошною полосою, но всетаки по пространству представляли громадную часть побережья и замѣчательно здѣсь то, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ по берегу разбѣяны были соляныя варницы разныхъ волостей и по одному только перечисленію волостей можно предста-

вить себѣ число этихъ варницъ. по крайней мѣрѣ въ только что указанныхъ мѣстахъ до сотни (болѣе 40 было только въ Сумѣ и Колежмѣ), не говоря уже о многихъ другихъ варницахъ монастырскихъ во Владыченскомъ Усолнѣ, которые все было пожаловано въ 1635 и 1650 году Соловецкому монастырю; въ Унѣ, Неноксѣ, вѣроятно въ Кулоѣ; есть также извѣстіе, что у Соловецкаго монастыря были варницы въ Новгородскомъ уѣздѣ. такъ въ 1556 году въ грамотѣ на Суму волость между прочимъ говорится: «да ихъ же де и старинныхъ монастырскихъ въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Вимерской губѣ девять варницъ дають въ нашу казну по пять рублевъ по 8 денегъ на годъ». Идя по берегу Онежской губы, при устьѣ р. Онеги на о-вѣ Кіѣ въ XVII стол. былъ построенъ патриархомъ Никономъ Крестной монастырь, которому вскорѣ даны были въ вотчину разныя волости съ крестьянами, число коихъ простиралось до 4,537 душъ и со многочисленными угодьями какъ въ ближнихъ, такъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ въ морѣ и въ рѣкахъ семужьими и другими рыбными промыслами и ловлями, а также земельныя угодья и соляныя варницы (въ 1657 году). Отъ Онежской губы къ Двинской находились вотчины во многихъ мѣстахъ у Корельскаго монастыря (въ 34 верстахъ отъ Архангельска и въ 2 вер. отъ Бѣлаго моря), который былъ богато одаренъ въ XV ст. Марфою Посадницею разными угодьями и соляными варницами, впоследствии эти владѣнія были подтверждаемы и государями Московскими. Этотъ монастырь имѣлъ варницы въ Унѣ, Лудѣ, Неноксѣ, въ Солзѣ и на Ижмѣ; какъ приобретать эти угодья монастырь — это увидимъ впоследствии. Въ Унской губѣ возникъ въ самомъ концѣ XVI ст. монастырь Портоминскій, построенъ онъ былъ нѣкимъ старцомъ Мамонтомъ, бывшимъ здѣсь прикащикомъ на Унскихъ соляныхъ варницахъ отъ Троицко-Сергіева монастыря, какъ изъ сего видно имѣвшего и здѣсь соляныя варницы. Для полноты мы должны коснуться еще и маленькихъ монастырей, тоже имѣвшихъ свои варницы; такъ Кожеозерскій монастырекъ варилъ на полуостровѣ въ Пяльскихъ варницахъ около Тургасова по р. Онегѣ къ Каргополю. Кольскій-Печенгскій монастырь имѣлъ свои варницы въ Поръегубской волости — это уже вблизи Терскаго или Кольскаго берега Бѣлаго моря. Въ сосѣдней съ предыдущей волости Ковдѣ находимъ соляную варницу въ XVI ст. у Валаамскаго монастыря. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ въ

XVI ст. возникъ Антоніевъ-Сіиской монастырь, который не отстае-
 отъ другихъ монастырей по части приобрѣтенія разныхъ угодій и
 соляныхъ варницъ. Кирило-Бѣлозерскій монастырь имѣлъ варницы
 по другую сторону Двинской губы по Зимнему берегу въ Золотицъ
 волосткѣ, въ Ланалахтѣ. Пушлахтѣ и др. мѣстахъ и, кромѣ того,
 въ Пеноскѣ. Корниленово-Комельскій Вологодскій имѣлъ четыре вар-
 ницы на р. Кулоѣ (гдѣ Кулойскій соляной заводъ, въ Пинежскомъ
 уѣздѣ). Мы здѣсь перечебрали только тѣ мѣстности, въ которыхъ
 находились монастырскія соляныя варницы: варницы эти жалова-
 лись Московскими государями разнымъ монастырямъ изъ числа
 государевыхъ варницъ, находившихся въ крестьянскихъ рукахъ
 въ большинствѣ случаевъ на товарищескихъ основаніяхъ за плату
 извѣстнаго оброка и пошлинъ.

Грамоты московскихъ государей къ варницамъ и всевозможныя
 морскія, рѣчныя и земельныя угоды давались иногда не прямо,
 а такъ сказать, только уже освящали ранѣе приобрѣтенное мона-
 стыремъ многими другими путями и вотъ на эти-то пути приобрѣ-
 тенія монастырями разныхъ земель и угодій и соляныхъ варницъ
 и должны мы обратить вниманіе теперь, чтобы выяснить харак-
 теръ тогдашняго землевладѣнія на крайнемъ сѣверѣ и вмѣстѣ съ
 тѣмъ солевареннаго промысла. Не смотря на то, что промыселъ
 былъ организованъ на товарищескихъ началахъ, онъ не могъ долго
 держаться не только въ силу бѣдности товарищей, тягости оброка
 и пошлинъ и всевозможныхъ натуральныхъ поборовъ въ пользу
 «кормящейся» администраціи, но также въ силу и того обстоя-
 тельства, что организація товариществъ способствовала проникно-
 венію въ нее чуждаго начала, утопившаго и самаго товарищества;
 здѣсь мы разумѣемъ полное неограниченное распоряженіе паями
 въ товариществѣ каждымъ владѣльцемъ, чрезвычайная неравно-
 мѣрность паевъ въ промыслѣ: въ то время какъ одинъ владѣлецъ
 имѣлъ полварницы, другіе десять человекъ владѣли какою нибудь
 двѣнадцатою частію во всемъ промыслѣ; быть можетъ такая не-
 равномѣрность паевъ развивалась мало по малу и изъ вполне рав-
 ныхъ паевъ, но распоряженіе которыми было вполне свободно;
 только мы не можемъ представить примѣра подобнаго товарище-
 ства съ равными паями всѣхъ товарищей, тогда какъ примѣровъ
 другого рода можно представить очень много. Какъ бы то ни было,
 но со второй половины XVI ст. въ особенности наблюдается про-

мальный переходъ земель изъ рукъ крестьянства, сдѣланого на государевой землѣ, въ руки монастырей и богатыхъ крестьянъ, помянутыхъ въ этомъ случаѣ монастырямъ, а иногда и прямо отданныхъ эти приобретены во всемъ цѣлости или по частямъ въ монастыри на поминъ души еще при жизни семей или же продававшихъ ихъ. Съ такимъ древне-русскимъ Разумаемымъ встрѣчаемся въ купчей грамотѣ Кириллова монастыря на земли, рыбныя ловли и соляныя варницы въ Двинскомъ уѣздѣ отъ 1568 года: продавцемъ является Василій Григорьевъ сынъ Никитина, который продаетъ въ Кириловъ монастырь угодія отца своего и свои «въ Золотицѣ рѣкѣ и въ Пущлахтѣ и въ лѣсѣхъ и на морскомъ берегу пожни свои, и варницы, и варничныя мѣста и лѣсъ, чѣмъ владѣлъ отецъ мой и я, выдано по Яковлеву письму Ивановича Сабурова и въ оброкѣ по Никитину письму Григорьевича Яхонтова, по морскому берегу, и въ губѣ, и въ Пущлахты и т. д., на Дураковѣ, и на Угъ-Наволокъ, и въ Пермь-Наволокъ, и въ рѣкѣ Золотици... и съ варницами и съ варничными мѣстами, и съ трубами, и съ анбарами и т. д.». Въ числѣ угодій перечисляются и варницы. Всѣ угодья проданы Кирилову монастырю за восемьсотъ рублевъ «во вѣки, безъ выкупа»; большая часть угодій была разбросана небольшими кусками въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ пожня, гдѣ рыбной заколъ, гдѣ топя, гдѣ варницы и все это лежало «въ межахъ съ волощаны» или «промежь волощаны», такъ что можно думать, что всѣ эти угодья были въ разное время скуплены по мелочамъ у разныхъ волостныхъ крестьянъ и въ болѣе или менѣе короткое время составили довольно крупную поземельную единицу, хотя и разбросанную въ разныхъ мѣстахъ и небольшими кусками. Въ числѣ угодій оказалось 16 варницъ, изъ нихъ 4 пустыя, развалившіяся съ анбарами соляными и клѣтями, куда складывалась соль и съ соляными колодцами и трубами. Такимъ образомъ нужно понимать и тѣ грамоты, гдѣ говорится о старцахъ монастырскихъ, промышляющихъ въ той или иной волости вареніемъ соли на одномъ или двухъ цренахъ,—все это вѣроятно было или куплено, заложено или подарено въ монастырь волостными крестьянами; да-лѣе мы увидимъ, какимъ образомъ и монастыри иногда собирали свои вотчины, покупая угодья очень мелкими частичками. Представивъ примѣръ крупной покупки монастыремъ разныхъ угодій и соляныхъ варницъ, здѣсь же представимъ примѣръ и того, какъ

и мезочи попадали въ монастырь; такъ въ 1571 г. нѣкто Василій Шкуль — въ монашествѣ Вассилъ, изъ волостныхъ крестьянъ, въ своей духовной отказываетъ тому же Кириллову монастырю «въ Золотицѣ волостѣ» разныя угодья, въ томъ числѣ и варницы «за свой долгъ, что есмн займовалъ денги и хлѣбъ у Кирилловскихъ старцовъ, и по своей души за то, что имъ моя душа поминати» и, кромѣ того, варницу въ Сатаницахъ заложенную въ 8-ми рублѣхъ и съ колодеземъ на корчи и съ дворомъ съ варничнымъ, да и церенъ, да 4 мерины, а цѣна варницѣ и колодезю и двору и црену и мерному полтретьдцать рублевъ съ четвертью». Но всего характернѣе и типичнѣе для того времени обрисовываетъ положеніе землевладѣнія и владѣнія соляными варницами одно тяжелое дѣло Николаевскаго Корельскаго монастыря съ крестьянами Першею Трубинымъ и Онисимомъ Васильевымъ изъ-за деревни и полудвора въ Карзиной Курьѣ, описанное въ правой грамотѣ этому монастырю на означенныя угодья въ 1571 году. Земельныя частички и части въ соляныхъ варницахъ до того не долго держались въ однихъ рукахъ и въ концѣ концовъ переходили за монастырь или за богатыхъ крестьянъ, что въ теченіи 40 лѣтъ нѣкоторые участки побывали въ нѣсколькихъ рукахъ и очутились за монастыремъ, у котораго нѣкоторые изъ прежнихъ владѣльцевъ оказались уже простыми наемниками своей же прежней земли и на довольно тяжелыхъ условіяхъ рѣдившіеся на эту землю у монастыря. Исходнымъ началомъ, породившимъ это запутанное дѣло крестьянъ съ монастыремъ изъ-за угодій, нужно считать представленную въ числѣ доказательствъ на судъ дѣльную грамоту разныхъ крестьянъ деревни Карзиной Курьѣ. Эта дѣльная грамота настолько интересна, что мы приведемъ ее дословно; она гласитъ слѣдующее: «Се азъ Назарья Оеонасьевъ сынъ, да азъ Есипъ, да азъ Григорей, да азъ Варооломей, Филиповы дѣти, да азъ Елизаръ Оедоровъ сынъ, да азъ Василей, да азъ Павелъ, да азъ Иванъ Онеундиновы дѣти, да азъ Омосъ, да азъ Онтонъ, да азъ Иванъ Стефановы дѣти, да азъ Ларивонъ Стефановъ сынъ (въ числѣ 12 человекъ) роздѣлили есмя животи отцовъ своихъ, кони и коровы, и овцы, и хлѣбъ, и денги, и котлы и сковороды, и суды и сѣдла и весь животъ безъ вывѣта и земля въ Карзинѣ Курьѣ свое владѣніе, и серебряное (кутоинное). Вся земли роздѣлили въ Карзинѣ Курьѣ по третямъ, дворя и дворница. Дворъ Назарья да

Есипу съ братьемъ съ нижняго конца, Елизарю дворъ да Онкундиновымъ дѣтемъ средней, а Омосу дворъ съ братьемъ да съ Ларіоновъ верхней (по 4 человека на дворъ). Да подѣлили есмя црѣнь на людѣ: досталось Назарю да Есипу (первой трети) съ братьемъ четверть црена и съ росоломъ на углу, что цренъ вончей съ Иваномъ съ Бутирею да съ Ондреемъ Кондратьевымъ сыномъ да съ Мамоновъ; Елизарю досталось съ Онкундиновыми дѣтми четверть црѣна и съ росоломъ, что црѣнь вобчей съ Лукою Кондратьевымъ сыномъ да и кострица; а Омосу съ братьемъ да Ларивону досталось четверть црена и съ росоломъ, что съ Лукою же, да и кострица. Да и платье есмя роздѣлили. Не въ дѣлу у насъ осталось вобчего живота: на люди дворъ да лодья съ якоремъ, да шейма и вся снасть, да парусъ да меринъ, а въ Ислюхомъ концѣ деревни, Омосова купля, да въ Похтокурѣ польтони Назарьина купля, да на Ширшемской комки польтони Онтонова купля... да лодья дома и съ парусомъ, да два якоря. Да кабели вобчѣмъ недѣлены.. (1531 года или 7039 г.). По раздѣленіи этой довольно зажиточной или даже богатой ассоціаціи, состоящей изъ разныхъ степеней родственниковъ, мы можемъ прослѣдить по грамотамъ, приведеннымъ въ этой правой грамотѣ, какъ эти части переходили отъ владѣльца къ владѣльцу, такъ что къ 1571 году, черезъ 40 лѣтъ, всѣ эти участки почти всѣ были проданы или уступлены другимъ владѣльцамъ, а нѣкоторая часть перешла даже въ Корельскій монастырь, съ которима и вышла тѣжба изъ-за того, что два крестьянина, сидѣвшіе на своихъ прежнихъ участкахъ, родительскихъ, не знали того, что они сидятъ уже на чужой землѣ, а не на своей, что на ихніе участки они имѣли только права арендаторовъ, порядившихся у монастыря на эти земли, но не владѣльцовъ государственной земли. Въ томъ же 1531 году двое лицъ изъ Онкундиновыхъ дѣтей отступились своего владѣнья въ пользу дяди своего Елизара Федорова и брата своего Павла (такъ что во 2-й трети очутились уже два владѣльца), между прочимъ отступились «и на людѣ во дворѣ своего участка, да и въ цренѣ и въ росолѣ своего участка», «а что у насъ долгу отцова и своего, и по Елизарю, за тотъ животъ и за землю, долъгъ нашъ не платили весь», а къ 1537 году эти послѣдніе два владѣльца отступились Тимофію да Гаврилу Барсану Силверстовымъ дѣтемъ «Великого князя земли, а своего владѣнья, половины своего же..

ребья, да и тое изъ Елизарей половини отступилса земли, что имъ отступилса братни дѣти Анкиндинови Василей да Иванъ... а не змогли есмь Великого Князя служби служити и дани давати и всякихъ розрубовъ земскихъ», а потому и взяли себѣ «на носилье» у покушниковъ 8 рублей; а въ 1544 году тотъ же Елизаръ Федоровъ уже пишетъ порядную грамоту съ Тимофѣемъ и Барсаномъ на ту землю, которой имъ отступилса ранѣе, но взяли и еще столько же у нихъ изъ тѣхъ участковъ, которые перешли отъ Оптона и отъ Ивана, отъ ихъ же сродчевъ; послѣдніе отступилса отъ своихъ земель и участковъ еще въ 1537 году потому, какъ сказано въ отступной, что «не змогли съ тое земли дани давати Великого Князя, ни служби служити, ни волостныхъ розрубовъ», а за свои участки получили десять рублей денегъ московскихъ. Первая треть (изъ 4 человекъ) тоже отступилса своихъ участковъ въ 1537 году, изъ нихъ Назарья Обоносѣвъ сынъ отдалъ свой участокъ тѣмъ же Тимофѣю да Гаврилу Барсану Силверстовнимъ дѣтямъ за полвосма рублей и тоже въ силу того, что «не змогли Великого Князя служби служити и дани давати и всякихъ розрубовъ земскихъ. А трое Филиновыхъ дѣтей отступилса Ефиму Силверстову сыну (вѣроатно брату предидущихъ скупщиковъ) своихъ участковъ въ томъ же 1537 году и въ силу той же невозможности платити дани и подати и всякихъ розрубовъ земскихъ, а взяли за свои участки 8 рублей. Такимъ образомъ, всѣ почти участки въ разныхъ угодьяхъ раздѣленной въ 1531 г. семьи или ассоціаціи 12 родственниковъ въ первые же 10—15 лѣтъ перешли во владѣніе другихъ лицъ, скупившихъ эти участки у обѣднѣвшихъ крестьянъ, не «немогшихъ» платити податей и дани Государевыхъ и земскихъ розрубовъ, или задолжавшихъ другимъ лицамъ, а за всѣ свои участки получившихъ кто 8 р., кто полвосма рубли и т. д., какъ сказано, «на носилье», и въ заключеніе нѣкоторые изъ обезземеленныхъ членовъ принуждены были poradиться у новыхъ владѣльцевъ на свои же прежніе участки, которые продолжаютъ еще далѣе циркулировать и переходить въ другія руки. Такъ въ 1558 году Тимофѣй Силверстовъ, да Семень Родіоновъ, да Григорій Гавриловъ (послѣдніе два племянники перваго), отписали «три доли владѣнія своего въ Карзинѣ Курьи въ Корельскій монастырь; а въ 1566 году Семень Родіоновъ еще прибавляетъ тому же монастырю еще полдвора Омо-

совскаго, о которомъ не было писано въ прежней даници. Съ покупою Ефима Силверстова (участки трюхъ Филиповыхъ дѣтей) произошло слѣдующее: дѣти его Иванъ, да Михайло, да Иванъ отступились «Великого князя земли, отца своего брата, а своего владѣнья» въ Карзинной Курѣ, свою половину Онисиму Васильеву, потому что «не изнеогли съ той земли Великого Князя служби служить, и дани давати и хлѣба поспинного вжити ницу снати и всякихъ розрубовъ земскихъ», а за все это взяли на восиле три рубля денегъ да помѣры жита (въ 1559 году). Не будемъ здѣсь распутывать этого тяжёбнаго дѣла, ни приведемъ его здѣсь только для характеристики тогдашняго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи; оно показалось намъ до того типичнымъ, что избавить насъ отъ перечисленія многихъ грамотъ и ихъ толкованія, относящихся къ другимъ монастырямъ и къ другимъ мѣстностямъ. Тотъ же монастырь имѣлъ довольно обширныя владѣнія по Варзухѣ р. на Терскомъ берегу, а какъ онѣ приобретались — объ этомъ свидѣтельствуетъ связка въ 30 или болѣе грамотъ отказныхъ, правныхъ, кунчихъ и другихъ, хранящаяся въ Корельскомъ архивѣ: хронологической указатель этихъ актовъ (апрочемъ только отчасти еще разобранныхъ) отпечатанъ въ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ; тутъ мы видимъ то грамоту на полъ лука земли, то отказную на дѣлный лукъ, то дѣльную съ другими совладѣльцами и т. д., такъ что потребовалось почти столѣтіе для того, чтобы сосредоточить въ рукахъ монастыря большую часть угодій на Варзухѣ. Впоследствии укажемъ подобныя же исторіи и для другихъ мѣстностей, гдѣ дѣло идетъ о солеваренномъ промыслѣ. На только что приведенную нами Карзинскую деревню по переписи 1676 года имѣется въ Корельскомъ монастырѣ 32 пути или грамоты, какъ документы на право владѣнія этою деревнею, и видимо монастырь не скоро приобрѣлъ свои права на всю деревню, если имѣлось 32 грамоты, вѣроятно разныхъ данныхъ, отказныхъ, кунчихъ, правныхъ и т. под., навоплавившихся понемногу въ монастырь въ теченіи XVI и начала XVII стол. У Корельскаго монастыря значится во владѣніи еще въ XVI ст., р. Солаза и Солазовскій росоль, у котораго были устроены монастырскія варницы; на право владѣнія этими угодьями опять таки имѣются 57 грамотъ данныхъ, вкладныхъ и т. и. и всѣ они отъ XVI стол. На ряду съ подобными указаніями, фактъ показа-

ванія угодій и земель въ монастыри значительно блѣднѣетъ, такъ что трудно судить о томъ, какую роль въ приобрѣтеніи земель и угодій играло пожалованіе ихъ великокняжескою властью монастырямъ, и насколько монастыри успѣвали приобрѣтать селъ и деревень и угодій другими путями. Пожалованія великихъ князей монастырей нерѣдко ограничивались только тѣмъ, что освящали и закрѣпляли своею грамотою то, что уже монастыремъ приобрѣтено ранѣе; такъ напр. имѣется грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей въ 1683 г. Борельскому монастырю, въ которой велѣно монастырю по купчимъ, закладнымъ и отказнымъ владѣть пашнями, сѣбными покосами, рыбными ловлями и иными угодьями и вписать ихъ въ описанія монастырскихъ владѣній книги. Кромѣ показанныхъ путей монастыри выхлопывали себѣ право и на пусто-порожнія земли съ дѣлію искать тамъ соляннхъ пожилнхъ и заводить соляныя варницы и при открывшемся новомъ промыслѣ селить нестяганхъ и неписменныхъ людей, съ извѣстными льготами на извѣстное число лѣтъ отъ разныхъ помилнхъ; такъ напримѣръ, Борельскому монастырю дана была Грознымъ грамота отъ 1545 г. на Ижму по р. Шалгѣ, около Едомскаго озера, съ тѣмъ чтобы завести тамъ соляныя варницы и искать соляннхъ пожилнхъ, и здѣсь у монастыря впоследствии очутился соляной промыселъ.

На ряду съ монастырями, впрочемъ, получали концессіи на пусто-порожнія земли въ Двинскомъ краѣ и простые люди, вѣроятно изъ болѣе или менѣе состоятельныхъ лицъ, могущихъ устроить соляной промыселъ на свои средства, для чего иногда образовывались даже товарищества, примѣръ чего видимъ въ слѣдующей грамотѣ великаго князя Василя Іоанновича отъ 1524 года, давной, какъ сказано тамъ, Наумку Кобелю съ товарищи на дикіе лѣса, по случаю открытія ими соляннхъ ключей въ Двинскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Юрьѣ, съ дарованіемъ разныхъ льготъ: «пожаловалъ Двинянь Наумка Кобеля Савина сына, да Давидка Степанова сына, да Марка Матеева сына, да Оленка Ѳомина сына, да Саву Савина сына (5 человекъ), велѣлъ есмь имъ на тѣхъ мѣстахъ ключи соляныя чистить и лѣсъ сѣчи и дворы ставити и пашни пахати и пожни чистить и людей звати къ себѣ на тѣ мѣста нестяганхъ и непостояннхъ»... Такимъ образомъ, здѣсь передъ нами грамота на новое поселеніе, образующееся пока только изъ 5 человекъ, которымъ позволено заводить и варницы, и пашни пахать, и людей при-

зывать. Мы допускаемъ существованіе товарищескаго солеваренія на сѣверѣ и въ болѣе позднее время, на ряду съ развитыми вполне монастырскими и крупнымъ солевареніемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось не мало и черныхъ крестьянъ, продолжавшихъ варить соль на товарищескихъ или единичныхъ основаніяхъ и въ позднія времена, такъ какъ частныя и монастырскія вотчины не могли бы обнимать все пространство тогдашняго сѣвера, слѣдовательно могли существовать и оставаться даже до нынѣшняго времени такія мѣста, гдѣ крупное солевареніе не организовалось, а оставалось по прежнему крестьянскимъ, мелкимъ.

Обратимся теперь къ изученію солеваренія тоже на крайнемъ сѣверѣ, но производившагося изъ рассоловъ, извлекаемыхъ изъ нѣдръ земли или изъ трубъ и колодцовъ и сгруппированныхъ болѣе или менѣе въ извѣстной мѣстности, называемой солью или усольемъ, гдѣ солевареніе происходило на многихъ варницахъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовательно условія солеваренія были нѣсколько сложнѣе тѣхъ, которыя были на морскихъ островахъ и по берегу моря; тамъ морская вода была всѣмъ доступна, а здѣсь нужно было выкопать колодець въ нѣсколько сажень, а иногда десятокъ сажень, чтобы получить рассоль и затѣмъ нужно было этотъ рассоль провести въ варницы. Въ виду этого и самыя товарищества солеваренныя были сложнѣе по устройству и мельче по численности товарищей, по крайней мѣрѣ въ началѣ XVI ст. это было такъ, но здѣсь почти не наблюдалось того явленія, которое напр. существовало на Соликамскихъ, Тотемскихъ или Балахнинскихъ солеварняхъ, а именно раздѣльнаго владѣнія трубами соляными и варницами съ другой стороны, гдѣ составлялись товарищества для устройства соляной трубы или колодца, а съ другой стороны для солеваренія и устройства соляныхъ варницъ. Поговоримъ о солевареніи въ Неноксѣ, Унѣ, Лудѣ, Владыченскомъ и Куловскомъ усольяхъ. Здѣсь товарищи, владѣвшіе варницами, назывались сябрами. Терминъ, мало извѣстный въ настоящее время, но сохранившейся до сихъ норъ въ Олонецкой губ. для совладѣльцевъ, напр. общей рѣки или чего нибудь, тогда какъ въ Поволжьи слово сябрь или шабрь означаетъ сосѣда, т. е. потеряло свой опредѣленный и узкій смыслъ, какой ему придавался въ древнѣйшее время въ новгородской и псковской областяхъ. Сохранившіяся до сихъ норъ грамоты, относящіяся къ Ненокотскимъ, Унскимъ, Владыченскимъ варни-

дамъ, указывать на крайнюю дробность паевъ товарищей, и чѣмъ ближе мы къ началу XVI стол., тѣмъ эти мелкіе пая все болѣе и болѣе находятся и распредѣляются по рукамъ крестьянъ, а чѣмъ далѣе идемъ къ XVII стол., тѣмъ все болѣе видимъ сосредоточеніе этихъ мелкихъ паевъ въ рукахъ богатыхъ лицъ, иногда даже вногородныхъ и монастырей, т. е. наблюдаемъ тотъ же процессъ уничтоженія мелкаго крестьянскаго товарищескаго солеваренія крупнымъ монастырскимъ или купеческимъ, при неизмѣняющихся техническихъ условіяхъ солеваренія, что мы уже разобрали ранѣе, говоря о солевареніи сальскомъ и по берегу Бѣлаго моря. На счетъ солеваренія въ Неноксѣ было уже писано не мало; историческая часть все-таки не вездѣ полна, даже въ прекрасной статьѣ А. Ефименко, а потому мы и дополнимъ нѣсколько тѣ свѣдѣнія, которыя приведены ею, а изъ ея статьи «объ общественномъ солевареніи» воспользуемся пока писцовою книгою Ненокскихъ варницъ въ XVII ст. Варницы въ Неноксѣ были въ нѣсколькихъ мѣстахъ, носившихъ особенныя названія; такъ были варницы на Смердскихъ и Великихъ мѣстахъ, судя по грамотамъ самыхъ древнѣйшихъ солеваренныхъ мѣстахъ и на Чепурѣхъ и еще на Наволокѣ. Система дѣленія паевъ принималась различная, такъ въ иныхъ варницахъ существовала мелкая система двѣнадцатыхъ или шестнадцатыхъ частей, въ другихъ болѣе крупная четвертей, половинъ, осминъ, а въ иныхъ встрѣчаются и семия части общаго имущества, такъ что въ разныхъ мѣстахъ и варницахъ были разныя системы для дѣленія паевъ въ общемъ промыслѣ. Какими бы ни были пая, малы или велики, они составляли полную почти собственность владѣльца, переходили по наслѣдству, дѣлились, закладывались, продавались, отдавались въ монастырь на поминъ души, а иногда уступались другимъ лицамъ только на нѣсколько ночей. Каждая варница носила особое названіе, вѣроятно по имени основателя варницы, таковы были Орлиха, Ершиха, Костылиха, Григорьевская, Кологривова, Новая варница и проч. Осталось не мало купчихъ грамотъ, отказныхъ, дѣльныхъ и др., касающихся помянутыхъ Ненокскихъ соляныхъ варницъ. Изъ болѣе раннихъ грамота 1550 г. показываетъ намъ примѣръ отступной, гдѣ 7 человекъ, два сына Ивановы дѣти Сухова, да 5 вучать того же Сухова отступились «Семену Григорьеву Кологривову, на Великихъ мѣстѣхъ, росолу великаго князя въ варницѣ въ Григорьевѣ Кологривова, свою двѣнадцатую выть,

въ варницѣ и въ кострищахъ (дровяныхъ складахъ) и со всѣми угодьями тое варницы, и что изстари потягло угодья къ той варницѣ, по расчету, по тому другонадцатому сугребу въ варницѣ и росолу». Заплачено за эту часть 13 руб. московскимъ числомъ. Причина продажи обозначена также, что и въ прежнихъ грамотахъ, нами уже приведенныхъ: «не изнемогли съ того другонадцатого сугреба Царевни Государевни В. Князя дани и службы Государскіе потянути, некоторого потягла». Кому принадлежали другія выти и доли, въ этой варницѣ обозначено въ слѣдующихъ словахъ грамоты: «а въ сябрѣхъ товарища съ Григорьевыми Кологривова, да съ Туваемъ и съ Орломъ Ивановыми дѣтьми Дорофеева и съ ними сябры». Въ той же варницѣ Григорьевской Кологривова, на Великихъ мѣстахъ, уже утвердился Кирилловскій монастырь, который купилъ въ 1578 году у Павла Анашкина Ненокшанина «росолу три двѣнадцатыхъ сугреба, четверть варницы... что купивалъ тотъ росолъ у Терентія Григорьева сына Кологривова и по тому росолу по тремъ двѣнадцатымъ сугребамъ, вцрѣнѣ и въ варницѣ и въ кострищахъ и въ колодцѣ въ росольномъ, и во всемъ угодья варничномъ». Заключено монастыремъ за всю покупку сто рублей московскихъ. «А въ сябрѣхъ тотъ росолъ съ Семеномъ Григорьевымъ, да съ Васильевыми дѣтьми съ Ѳефилаемъ, да съ Яковомъ да съ Степаномъ и съ ними сябры». На тѣхъ же Великихъ мѣстахъ въ Неноксѣ было и еще нѣсколько варницъ съ другими названіями; такъ изъ заглавій неизданныхъ еще грамотъ Корельскаго монастыря, помѣщенныхъ въ описи актовъ, находимъ еще новыя указанія на тотъ же складъ товарищескаго здѣсь солеваренія; такъ одна изъ этихъ грамотъ гласитъ, что въ 1552 году «въ домъ Пречистой и Николая чудотв. въ Корельскій монастырь далъ старецъ Герасимъ Кологривовъ на великихъ мѣстѣхъ въ новой варницы свой другонадцатой сугребъ». Въ той же новой варницѣ въ 1572 г. было участниками въ паяхъ священникъ Павелъ да Яковъ Иванова дѣти Венрева, которые дали въ монастырь «на великихъ мѣстѣхъ въ новой варницы четверть другонадцатого сугребу въ росолѣ и въ црѣнѣ». Значитъ и въ новой варницѣ была система дѣленія паявъ въ общемъ варничномъ промыслѣ на двѣнадцатые доли, при чемъ даже одною такою двѣнадцатою вытѣю могли владѣть нѣсколько лицъ, очевидно, уже считавшихся

между собою въ дѣлѣ окончательнаго продукта—соли и соотвѣтственно этой своей доли отбывавшихъ и разныя повинности, равно какъ и участвовавшихъ въ общемъ имуществѣ и орудіяхъ промыслахъ. Изъ первой грамоты видно, что владѣльцовъ одной двѣнадцатой доли было 7 человекъ, такъ что еслибы эти владѣльцы раздѣлили свою вѣть и владѣли ея отдѣльно, тогда на каждого изъ нихъ пришлось бы по одной восемьдесятъ четвертой ($\frac{1}{84}$) долѣ въ общемъ предпріятіи. Другая грамота указываетъ на четверть двѣнадцатой доли или пая, т. е. на $\frac{1}{4}$ долю, которую два владѣльца Вепревы отдали въ Корельскій монастырь. Въ дѣльной грамотѣ Кологривовыхъ отъ 1555 года (изъ Корельскаго архива) упоминаются варницы: 1) на Чепурѣхъ, 2) четверть варницы на смердыхъ мѣстахъ, 3) полварницы на великихъ мѣстахъ и 4) въ новой варницѣ въ пятой двѣнадцатой сугребѣ. На Смердыхъ мѣстахъ по грамотамъ извѣстны три варницы подъ именами Ершихи, Костылихи и Орлихи, вѣроятно, что ихъ было болѣе, но въ актахъ извѣстныхъ намъ упоминаются только эти три, такъ въ снимкѣ съ данной Корельскому монастырю отъ 1546 г. говорится, что Николаю Чудотворцу въ домъ въ Корельскій монастырь игумену Ефрему дается «шестнадцатой сугребъ въ варницѣ Ершихи на смердыхъ мѣстахъ росолу великаго князя и въ цренѣ и въ варницѣ шестнадцатой участокъ»; въ другой грамотѣ отъ 1583 г. приводится, что Алексѣй Ганковъ продалъ Леонтью Иванову сыну Яковлева Кологривова, на смердыхъ мѣстахъ въ колодцы въ росольномъ полдвѣнадцатаго сугреба росолу, и по той полдвѣнадцатаго сугреба росолу участка въ Орлихи варницы и въ цренѣ и въ дугахъ и въ кострищахъ и во всѣхъ варничныхъ угодьяхъ по отца своего по старымъ купчимъ». За это участокъ получено три рубля денегъ. Въ обѣихъ грамотахъ не упоминается совсѣмъ о томъ, съ какими лицами въ сѣбрахъ были тѣ варницы, хотя послѣдняя грамота и приведена цѣликомъ, а первая только даетъ одно оглавленіе или содержаніе подлинной данной. Въ обѣихъ грамотахъ приводится, что и здѣсь доли или пая въ общемъ промыслѣ у товарищей были очень мелкіе и система дѣленія пая въ каждой варницѣ своя особая, въ одной приводится шестнадцатый сугребъ, а въ другой единцею дѣленія была двѣнадцатая часть. На счетъ Костылихи варницы имѣются двѣ купчія грамоты, изъ которыхъ видно, что здѣсь сн-

стена дѣленія пазвъ была на седьмыя части, такъ въ грамотѣ отъ 1596 года говорится, что Иванъ да Павелъ Костилевъ продали Ивану Кокочину «въ Ненокотскомъ усолы, на Смердыхъ мѣстахъ, въ Костылихи варницѣ, семью витъ варницы росолу, статки отца своего и потому росолу участки въ росольнемъ колодези и въ варничномъ мѣстѣ и въ кострищѣхъ и во всѣхъ варничныхъ угодьяхъ и потому росолу участокъ во всей въ копальной въ колодезной снасти, и конати ему тотъ колодезь по той семей вити, самому на себя». Получили за всѣ эти угодья «рубль денегъ Московскимъ числомъ, всѣ врутъ». «А въ сябрѣхъ тотъ росоль въ той варницы съ Мартемьяномъ Вешнякомъ, да съ Козмою съ Казьяниномъ, да и съ ними сябрами той Костылихи варницы». Въ числѣ грамотъ Корельскаго монастыря на варницы въ Неноксѣ находится одинъ списокъ съ купчей грамоты 1603 года, гдѣ монастырь покунаеть на смердыхъ мѣстахъ въ варничномъ мѣстѣ Костылихи варницы четырнадцатой сугребъ. Въ описяхъ монастырскихъ напиримѣръ отъ 1552 года упоминаются двѣ грамоты Мырины на смерды мѣста, да грамота отступная Григорья Чернаго на смерды мѣста; да данная грамота Марка Шунгина на полварницы въ Неноксѣ на Наволокѣ. Въ дѣльной грамотѣ Кологривовыхъ отъ 1555 года упоминаются варницы на Чепурѣхъ. Вотъ всѣ грамоты изъ болѣе или менѣе известныхъ и въ разныхъ мѣстахъ напечатанныхъ или упомянутыхъ только, но это только одна сотая или тысячная часть того, что было на дѣлѣ, т. е. тысячная часть тѣхъ грамотъ и документовъ, которые до сихъ поръ еще гдѣ то гниютъ и вѣроятно никогда не увидать свѣту; только одинъ Корельскій монастырь, имѣвшій здѣсь двѣ-три варницы въ XVII ст., имѣеть въ своемъ архивѣ (котораго только частичка еще разобрана) до 74 грамотъ, относящихся къ Ненокотскому усолы; въ описи отъ 1676 года значится 74 пути Ненокотскаго усолы, 34 пути на смерды мѣста и закладныя на смерды мѣста. По этому количеству грамотъ можно судить, какими маленькими кусочками монастырь прибрѣталъ участіе въ варницахъ и притомъ мало по малу, такъ чтобы имѣть на смердыхъ мѣстахъ Ершику варницу потребовалось сдѣлать 34 пути или написать 34 грамоты купчихъ, закладныхъ, данныхъ, отступныхъ и т. д., покупая иногда по одному четырнадцатому сугребу, а иногда, вѣроятно и гораздо меньшіе кусочки.

Къ чему же привела эта необычайная подвижность участковъ, переходящихъ изъ рукъ въ руки въ короткое время, участковъ, дробившихся на микроскопическія части посредствомъ раздѣловъ при увеличеніи и варостаніи семействъ владѣльцовъ и при обѣднѣніи ихъ вслѣдствіе отчасти и этихъ раздѣловъ и отъ тягости податей и всякихъ разубовъ земскихъ. Результатъ всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ выказывается отчетливо въ XVII ст., а именно въ писцовыхъ книгахъ писма и мѣры писца Мирона Вельяминова, составленныхъ по повелѣнію Михаила Θεодоровича въ 1622—1624 годахъ. Въ это время въ Неновскѣ находилось нѣсколько варницъ и значительное число варничныхъ мѣсть, т. е. мѣсть, гдѣ раньше были варницы. Въ писцовыхъ книгахъ упоминаются три группы варницъ: на Наволокѣ въ Великихъ мѣстахъ и на Чепурѣхъ, гдѣ варили только лѣтомъ: въ первой группѣ 5 дѣйствующихъ варницъ, во второй 3, въ третей 2. Владѣніе и пользованіе этими варницами распредѣлялось между монастырями: Соловецкимъ, Кирилловскимъ, Сійскимъ, Корельскимъ, Архангельскимъ, двумя мѣстными церквами, неновскими посадскими людьми и однимъ устюжаниномъ. Распредѣлялось это владѣніе и пользованіе такъ: варница каждой изъ группъ раздѣлялась на извѣстное число вытей, каждая наволоцкая варница на «13» вытей, великомѣстная на 20, очепурская на 24. Двѣ изъ наволоцкихъ варницъ цѣликомъ принадлежали монастырямъ, одна Сійскому, другая Кирилову. Въ остальныхъ варницахъ совладѣльцы, т. е. монастыри, церкви и посадскіе люди, владѣли нѣсколькими вытами или долями вытей, при этомъ обыкновенно часть вытей принадлежала нѣсколькимъ посадскимъ людямъ и церквамъ, а часть тому или другому монастырю, иногда два-три монастыря имѣли выти въ одной и той же варницѣ. Уравненіе въ числѣ вытей между совладѣльцами не было никакого.

Солеваренныя выти или пая по большей части находились уже въ рукахъ монастырей, а большая часть посадскаго люда, владѣвшего во время оно разными другонадцатыми и семью сугребами во всѣхъ угодьяхъ, что изстари потягли къ варницѣ, лишились своихъ участковъ то отъ немоготы службы служить и дани давати и разубовъ земскихъ, то отъ закладовъ и продажи ихъ въ монастыри и частнымъ лицамъ, скупавшимъ при случаѣ участки разнѣхъ слабосильныхъ экономически соловаровъ-сябровъ. Въ то время

какъ простые сабры бросали и продавали свои участки въ варницахъ отъ податной тяготы, монастыри освобождаются отъ разныхъ сборовъ, кромѣ, вѣроятно, оброковъ, слѣдовательно — обездоленіе народа получаетъ новую подмогу, сильному, постепенно уничтожающему слабого, придавленнаго вдобавокъ податною тяготою, даются льготы; пани подобныя скупщиковъ освобождаются отъ дани, хотя и не всегда; краснорѣчивымъ примѣромъ можетъ быть въ данномъ случаѣ слѣдующая грамота Никол. Корельскому монастырю отъ 1578 года, «дау нихъ же де монастырской промысель въ Унѣ и Неноксѣ, росольные вытки въ варницахъ и дворы и къ тѣмъ де и къ промысламъ сѣкутъ дрова монастырскими людьми и наймиты... и тѣ де и уняне и ленокшане тѣ ихъ росольные вытки цѣнять въ животы, какъ у черныхъ людей, за съ тѣхъ соленыхъ вытокъ емлютъ нашу дань... и всякіе разметы...»; далѣе тянется жалоба, что молъ эти вытки даны въ монастырь «разными богомольцами» по душѣ и въ результатѣ получается грамота о томъ, чтобы съ монастырскихъ варницъ въ Неноксѣ, Варзухѣ, Унѣ и Солзѣ соляныхъ варницъ и рыбныхъ въ Кудмоозерѣ и Малокурѣ денегъ, какъ съ черныхъ крестьянъ не взимать. На упомянутыя варницы, пріобрѣтеныя въ теченіи довольно долгаго времени разными путями и по очень маленькимъ кусочкамъ, въ томъ же 1578 году Корельскому монастырю Грознымъ дана грамота жалованная, т. е. въ сущности только освятившая стяжанія долговременныя монастырскія. Иногда, впрочемъ, монастырскія вытки, разными путями пріобрѣтеныя у крестьянъ, не освобождались отъ разныхъ налоговъ и поборовъ и шли въ розрубъ и разметы волостные наравнѣ съ крестьянскими, но это явленіе, вѣроятно, было гораздо рѣже, чѣмъ противоположное.

Выше мы видѣли, какъ Корельскій монастырь былъ удовлетворенъ по его просьбѣ, чтобы не считали монастырскія солеваренныя вытки наравнѣ съ черными, крестьянскими по части отбыванія дани и службъ царскихъ и земскихъ разметовъ, а теперь представимъ противный примѣръ, гдѣ крестьяне жалуются на старцовъ Соловецкаго и Печенгскаго монастырей, промышляющихъ въ Поръегубской волости, первые на двухъ цѣнахъ, а вторые на одномъ «и тѣ де старцы Соловецкаго и Печенгскаго монастырей и вподводи и въ кормы не таянутъ...» такъ что монастыри и безъ грамотъ насильно обѣляли свои уголья отъ разныхъ повинностей, а потому

на просьбу крестьянъ была дана грамота, въ которой монастырямъ писалось, «чтобъ они по прежнему съ Ковдяны и Поръегубцы (а также съ волостями Корецкой и Кандалакшской) во всемъ считались и подати всякія платили и подводы давали и т. д.» Но видимо, что такая благодать не часто сходилась на крестьянъ; монастыри продолжали вымаливать себѣ жалованныя грамоты у московскихъ князей объ освобожденіи ихъ отъ податей и сборовъ и получали ихъ; тотъ же Соловецкой монастырь въ 1592 году получаетъ грамоту, въ которой говорится: «да уморажъ въ Двинскомъ уѣздѣ на Лудѣ съ дву црѣновъ и съ двора и съ полусошки и съ сѣбныхъ покосовъ и въ Неноксѣ съ двора и съ варницъ и съ вобаровъ и съ полянокъ. . оброку не имати». Подобныя льготы иногда продолжались не долго; какъ легко давались, такъ же легко и отнимались, хотя монастыри иногда не смотря на подобныя грамоты не платили и сваливали всю тяготу на крестьянъ, оставшихся при промыслѣ. Изъ-за этого происходили и ссоры и тяжбы между сильными и слабыми совладѣльцами, повидимому иногда дѣло кончалось и мировой, такъ напримѣръ, въ описи Корельскаго монастыря находится мировая записъ о томъ, чтобы платить въ Неноксѣ съ черныхъ промысловъ въ государевы подати; эта записъ относится къ 1584 году, а мы ранѣе приводили грамоту 1578 года, освобождавшую отъ платежа съ монастырскихъ промысловъ наравнѣ съ черными разныхъ повинностей. Подобныя привиллегіи, дававшіяся на ряду съ податною тяготою простого черного люда, разбредавшагося розно и бѣжавшаго иногда отъ правеза «куда глаза глядятъ», разнымъ монастырямъ конечно не мало помогали къ сосредоточиванію черныхъ угодій въ монастырскія руки.

Мы должны еще послѣ Неноксы взглянуть на солеваренныя товарищества въ Унѣ, Лудѣ, Владыченскомъ усольѣ, Кулойскомъ, насколько позволятъ намъ имѣющіяся подъ руками данныя. Мы уже ранѣе приводили въ другихъ грамотахъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно вышеозначенныхъ мѣстностей, но только такого рода, гдѣ уже говорилось о монастырскомъ солевареніи; къ концу XVI ст. въ Унѣ были варницы Корельскаго монастыря, Соловецкаго, Сійскаго и существуетъ косвенное указаніе на то, что здѣсь варилъ соль даже Троицко-Сергіевъ монастырь. Изъ подобныхъ указаній можно заключить, что солевареніе здѣсь велось въ довольно широкихъ размѣрахъ. На счетъ товарищескаго солеваренія здѣсь суще-

ствуютъ немногія только изданныя грамоты, а объ неизданныхъ нѣсколько словъ можно найти въ статьѣ Ефименко, а мы въ свою очередь немного дополнимъ эти свѣдѣнія также нѣсколькими грамотами, находящимися въ архивѣ Корельскаго монастыря, описъ актовъ котораго приводится въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 года. А. Ефименко говоритъ, что «въ Унѣ продаются и покупаются болѣе крупныя доли, чѣмъ въ Неноксѣ, четверти и половины». Очевидно, у автора имѣлись въ рукахъ акты позднѣйшаго времени, когда процессъ сосредоточенія маленькихъ долей въ рукахъ крупныхъ и богатыхъ промышленниковъ уже продвинулся значительно впередъ, а потому и акты говорятъ о крупныхъ доляхъ, а такъ какъ Ефименко говоритъ о неизданныхъ купчихъ грамотахъ на Унскія варницы конца XVI ст., то и въ этомъ случаѣ она ошибается, конечно, въ силу малаго количества грамотъ, такъ какъ въ корельскомъ архивѣ напримѣръ находится грамота, прямо говорящая о существованіи и въ концѣ XVI ст. маленькихъ долей въ товарищескихъ солеварняхъ въ Унѣ; такъ существуетъ данная Корельскому монастырю отъ 1588 году, гдѣ даются въ монастырь» въ Унѣ три доли осмины въ средней варницы и въ прѣнѣ на долгихъ жолобахъ и въ дугахъ цѣренныхъ три доли осмины». Здѣсь приводится только заглавіе грамоты, слѣдовательно нельзя видѣть изъ нея никакихъ подробностей, напримѣръ сколько лицъ было владѣтелями этихъ трехъ долей осмины. Настоящая грамота прямо указываетъ на здѣшнюю систему дѣленія товарищескихъ паевъ, на осмины, половины и четверти, послѣднія двѣ уже явились позднѣе, какъ собраніе осминъ въ однѣ руки. Ранѣе мы привели уже грамоту, въ которой говорится, что монастырь Корельскій имѣетъ «росольные вытки» въ варницахъ въ Унѣ и Неноксѣ; въ XVII ст. Корельскій монастырь имѣлъ здѣсь кажется только двѣ варницы: а) приставочную и б) на долгихъ жолобахъ; откуда же могла появиться такая масса документовъ на двѣ только варницы, если по описи 1676 г. въ монастырѣ хранилось: «путь Унскаго Усоля на дворѣ монастырскіе и наварничные мѣста и на варницы и на сѣнные покосы 2 крѣпости да 6 новыхъ», а въ числѣ разобранныхъ документовъ находилось связокъ бошій на Унскія и Лудскія варницы и угоды 10 документовъ. Невольно приходишь къ заключенію, что нужно устранивать десятки сдѣлокъ, чтобы сколотить въ однѣхъ рукахъ

какуюнибудь варницу. Въ числѣ копій, есть копія съ данной игум. Александру «у Васильевского колодезя варница полевая» отъ 1566 года. Изъ купчихъ, приводимыхъ А. Ефименко, видно, что напр. одинъ владѣлецъ продалъ «четверть варницы и црена четверть съ дугами и въ росоли и въ колодези и въ жаровцѣ и въ кострицахъ въ горнихъ и въ бережныхъ на большихъ мѣстахъ четверть» (продажная цѣна четверти отъ 5 до 12 рубл. московск.). Въ силу такого дѣленія и совершившагося сосредоточенія мелкихъ долей въ однихъ рукахъ и вышло то, что и меньшее число лицъ, чѣмъ въ Неноксѣ, состояло между собою «въ сябрѣхъ», или «въ складствѣ» для совмѣстнаго владѣнія и общаго веденія дѣла; обыкновенно такихъ совладѣльцовъ было трое: между ними встрѣчается и Сійскій монастырь. Въ одномъ изъ юридическихъ актовъ, относящихся до Унѣ, есть указаніе на нѣкоторую своеобразность въ общемъ владѣніи и пользованіи, а именно, нѣкоторыя изъ орудій производства находятся въ складствѣ однихъ совладѣльцовъ, другія другихъ, напр. «четверть црѣна и варницы и со всѣми варничными угодья въ складствѣ съ Корманомъ да съ Васильемъ», а «бадя и жаровець въ складствѣ съ Корманомъ Ивановымъ Іаслонова и съ Троицкими старцы Сійского монастыря». Система дѣленія паевъ уже настолько упростилась, что въ каждой варницѣ осталось по два-три владѣльца, да нѣсколько владѣльцовъ отдѣльных орудій промысла. На счетъ Лудскихъ варницъ нами приведено нѣсколько извѣстій въ связи съ другими данными о варницахъ въ Унѣ и Неноксѣ, быть можетъ, рѣчь шла объ этихъ варницахъ, когда мы приводили дѣльную грамоту крестьянъ Карзиной Курьи въ количествѣ 12 человекъ, которые подѣлили цренъ на лудѣ, изъ коей было видно, какъ мелко организовано было солевареніе къ 1531 году, и какъ къ концу XVI ст. превратилось уже въ крупно-вотчинное; въ 1591 году Соловецкій монастырь имѣлъ здѣсь уже два црѣна, которые освобождались отъ пошляны. На счетъ Владыченскаго Усолья, расположеннаго по р. Онегѣ, имѣется нѣсколько данныхъ, указывающихъ какъ будто на особый способъ общаго владѣнія, такъ изъ одной купчей грамоты 1583 г. видно, что одинъ владѣлецъ продаетъ другому «владѣнья свое, во Владыченскомъ Усольи въ ... колодезѣ, полночи, росолу Шиханова црена и съ варничнымъ мѣстомъ, и съ костричными мѣсты, и съ плотовымъ пристащи что на ту полночи доведетца (а ту полночи

росолу отецъ мой купливалъ у старца Юли Кенского монастыря). Покупка совершилась за 20 алтынъ московскихъ. Въ условіи продажи еще замѣчено; что въ случаѣ новой продажи этого участка, на сторону его не продавать, помимо продавца теперешнего. Здѣсь встрѣтились съ новою системою распредѣленія пашень въ общихъ солеваренныхъ угодьяхъ; продается волночи въ колодцѣ и въ другихъ угодьяхъ; быть можетъ, эта система есть остатокъ старѣйшей, существовавшей и въ Неноксѣ въ XV ст., на что указываетъ одна духовная Двинская грамота, гдѣ сказано: «А взятомъ у Филимона... два рубли денегъ; а варилъ на Великомъ мѣстѣ мой цѣренъ и дрова той же Филимонъ пять ноцей». Въ другой купчей грамотѣ 1572 г. семь совладѣльцовъ продаютъ Соловецкому монастырю на Владычнѣ (т. е. во Владыченскомъ Усолѣ) колодезь, цренъ, разсолъ, варничное мѣсто и кострища», но какъ тутъ владѣли эти семеро, по какой системѣ дѣлили общій промыселъ — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ становится несомнѣннымъ то, что здѣсь существовало товарищеское, самостоятельное и мелкое солевареніе до XVII стол., когда это Усолѣ жалованными грамотами въ 1635 и 1650 г. было отдано Соловецкому монастырю, но для насъ здѣсь важны указанія на то, что Соловецкій монастырь въ XVI ст. здѣсь скупалъ варницы и части въ нихъ, такъ что грамоты XVII стол. уже только освятили и укрѣпили за монастыремъ ранѣе приобретенное имущество разными путями, съ чѣмъ мы уже и встрѣтились не однажды ранѣе, такъ что это явленіе для насъ вполне понятно и естественно, съ нимъ же мы встрѣчались и въ Солигаличѣ еще въ XIV и XV стол., когда Троицкому монастырю давались грамоты на цѣлыя варницы, приобретенныя по мелочамъ у разныхъ лицъ, владѣвшихъ ими на товарищескихъ основаніяхъ. Необходимо помнить постоянно, что приобретенныя разными путями варницы монастырскія въ древности были мелкими товарищескими варницами, хотя бы при дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ и не было примѣровъ для доказательства этого положенія. На счетъ Кулойскаго Усолья намъ извѣстны только данныя, уже указывающія на монастырское солевареніе, такъ въ царствованіе Грознаго здѣсь имѣлъ четыре варницы отдаленнѣйшій отъ Усолья Корнилиево-Комельскій монастырь, вблизи Вологды находящійся; а Чубинскій говоритъ, что здѣсь солевареніе издавна существовало и принадлежало разнымъ монастырямъ, вѣроятно и многимъ мѣст-

нимъ. Съ нашей стороны, конечно, не будетъ ошибкою предположеніе, что и здѣсь процессъ водворенія монастырскаго солеваренія совершался такимъ же образомъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ крайняго сѣвера, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній Кулойское Усолъе дѣлать какииъ-то исключительнымъ мѣстомъ, гдѣ существовали свои особые способы народженья монастырскаго вотчины. Въ специальной статьѣ, посвященной Кулойскому солеваренному заводу въ «Архангельскихъ губ. вѣдом.» 1853 г., исторія этого завода начинается со второй половины XVIII стол., когда монастырскія солеварни здѣсь уже перешли въ вѣдѣніе Коллегіи экономіи.

Изъ жизни солеваренныхъ товариществъ крайняго сѣвера, кромѣ движенія собственности или паевъ и постепенномъ сосредоточиваніи этихъ паевъ въ монастырскихъ рукахъ, кромѣ права неограниченнаго распоряженія паями хозяевъ ихъ, покупки, продажи въ постороннія руки, передачи по наслѣдству, дачи въ монастырь на поминъ души, однимъ словомъ, кромѣ передвиженія собственности, мобилизаціи ея, мы имѣемъ мало свѣдѣній о другихъ сторонахъ подобныхъ солеваренныхъ товариществахъ. Среди грамотъ существуетъ нѣсколько грамотъ дѣльныхъ; причемъ дѣлежъ паевъ въ варницахъ происходилъ по большей части между родственными группами товарищей, такъ мы привели дѣльную грамоту 12 крестьянъ Карзиной Курьи отъ 1531 года, причемъ дѣлежу подлежалъ одинъ црень на лудѣ, который находился вѣроятно не въ одной варницѣ, такъ какъ всѣмъ тремъ группамъ подѣлившимся приходится различныя четверти, т. е. четверти общія съ разными лицами для каждой четверти; это товарищество изъ 12 челоуѣкъ имѣло свои пай въ разныхъ четвертяхъ црена, къ которымъ и перечислялись теперь трети или группы раздѣлившимся по третямъ товарищей. Кромѣ этой дѣльной, въ архивѣ Корельскаго монастыря находится дѣльная грамота Кологривовыхъ (не изданная), въ коей упоминаются варницы: 1) на Чепурехъ, 2) четверть варницы на смердскихъ мѣстахъ, 3) въ новой варницѣ въ пятой двѣнадцатой Сугребѣ. Эта грамота относится къ Нейкотскимъ варницамъ и писана въ 1555 году и касается только варницъ, гдѣ имѣли свои части Кологривовы, но такъ какъ въ подлинникѣ эта грамота не издана, то и неизвѣстно, сколько тутъ было дѣлившимся Кологривовыхъ—семьи, обладавшей многочисленными варницами и въ другихъ мѣстахъ,

кромѣ Неноксы, такъ напр. въ числѣ купчихъ грамотъ Корельскаго монастыря находится по описи 1552 года и грамота на росоль Солзовской Мих. Кологривова. Изъ этихъ нѣсколькихъ указаній можно заключить, что фамилія эта въ XVI ст. играла роль скупщиковъ и принадлежала къ числу богатыхъ; мы и ранѣе уже привели нѣсколько грамотъ, касающихся этой фамиліи. Въ числѣ грамотъ Корельскаго монастыря еще находится снимокъ съ дѣльной трехъ варницъ мѣжду сябрами отъ 1622 года, этотъ снимокъ тоже не изданъ въ подлинникѣ, а потому и не даетъ никакихъ указаній подробныхъ на дѣлежъ варницъ между сябрами, кромѣ одного заглавія, констатирующаго только фактъ дѣлежа. Изъ многочисленныхъ грамотъ, приведенныхъ нами ранѣе относительно системъ распредѣленія паевъ въ варницахъ трудно дать общую схему дѣлежа продукта — соли и вообще всего, что относится до внутренней жизни самихъ товариществъ. Мы видѣли, что павое участіе въ общемъ промыслѣ каждаго товарища представляетъ много системъ; въ одной варницѣ принято было дѣлить участки по двѣнадцатымъ долямъ, въ другой — по осьмиимъ, въ третьей — семьюмъ; далѣе — по четвертямъ, по половинамъ, по шестнадцатымъ; вся эта дробность паевъ еще усложнялась тѣмъ, что иногда одною какою нибудь частью или вытєю владѣла цѣлая группа лицъ, тогда какъ на ряду съ ними являлось одно лицо, владѣвшее нѣсколькими вытями, иногда половиною, иногда четвертью всей варницы и всякихъ угодій, къ ней тянувшихъ. Но какова бы ни была эта система дѣленія паевъ, долженъ же быть какой нибудь порядокъ въ распредѣленіи работъ по солеваренію, по ремонту трубъ и варницъ и цѣбовъ, по доставкѣ дровъ, по дѣлежу соли и т. д. Почти никакихъ данныхъ о подобныхъ порядкахъ въ солевареніи нѣтъ въ настоящее время. А. Ефименко приводитъ одну челобитную грамоту XVII ст. (1642 г.) монаховъ Кирилова монастыря на монаховъ Сійскаго царю Михаилу Федоровичу, изъ которой видно, что совладѣльцы и въ этомъ столѣтіи назывались сябрами, что они «по общему совѣту всѣхъ сябровъ» чистили свой соляной колодезь, что безъ этого общаго совѣта отдѣльный владѣлецъ не могъ распоряжаться колодеземъ, хотя бы этотъ владѣлецъ былъ монастырь, владѣвшій «большою vareю», а остальные владѣльцы мірскіе люди, владѣющіе «малыми дольками». Такимъ образомъ, внутренняя жизнь солеваренныхъ товариществъ отъ насъ скрыта, нѣтъ данныхъ, по

которымъ бы можно судить о внутреннихъ распорядкахъ въ каждой солеваренной сѣбрѣ.

Въ какомъ же положеніи очутился тотъ обезземеленный людъ и лишонный товарищескихъ паевъ въ общихъ солеварняхъ, когда ихъ мѣста заступили монастыри? Мы уже видѣли нѣкоторые примѣры этого положенія: такъ, въ Карзиной Курьѣ нѣкоторые изъ продавцовъ сѣбровъ рѣдился съ монастыремъ на землю въ половинѣ XVI ст., точно также какъ и на варничныя работы; на счетъ другой деревни сохранилась еще порядная грамота отъ 1602 г., гдѣ у игумена Варлаама порядились крестьяне Корельскаго монастыря на треть деревни Чевакинской. Значитъ, пока существовалъ свободный переходъ крестьянъ изъ вотчины въ вотчину или на черную землю, мы видимъ порядныя грамоты крестьянъ съ собственниками земли. Въ вотчинахъ большихъ, жалованныхъ царями монастырямъ, устраивался порядокъ отбыванія работъ на варницахъ монастырями особыми уставными грамотами; такъ, вскорѣ послѣ пожалованія Соловецкому монастырю Сумской волости—ей дается въ 1564 г. уставная грамота, гдѣ: «о прѣвнѣхъ есмѣ уложили: во всѣхъ нашихъ деревняхъ прѣвною варити зимѣ и лѣтѣ сто ночей да шестьдесятъ ночей (160 ночей), а дровъ есте къ прѣвну секти къ зимней и къ лѣтней варѣ на годъ шесть сотъ сажень, а запасали бы есте дровъ на годъ, а впредь бы къ инымъ годамъ не сѣкли, а кто учнетъ черезъ наше уложенъе на прѣвнѣхъ прибылме ночи варити или лишніе дрова сѣчи или впредь дрова сѣчи и намъ съ тѣхъ прибылыхъ ночей соль и лишнія дрова велѣти имати на монастырь, да пеня, что мы укажемъ». Этими словами монастырь устанавливаетъ такъ сказать внѣшнюю сторону солеваренныхъ порядковъ; изъ всѣхъ другихъ грамотъ видно, что монастырь назначалъ на каждую отдѣльную вотчину или даже варницу, находящуюся гдѣ нибудь отдѣльно отъ другихъ—особаго старца или прикащика, который, вѣроятно, распоряжался внутренними распорядками при солевареніи; къ несчастію, до насъ не дошли разныя рядныя грамоты крестьянъ жить на монастырскихъ варницахъ, такъ что нѣтъ возможности опредѣлить тѣхъ условій, при которыхъ должны были жить за монастыремъ солевары монастырскіе. Если принять во вниманіе положеніе другихъ промышленниковъ, жившихъ на монастырскихъ промыслахъ, напр., рыболововъ, на счетъ которыхъ существуютъ уставныя грамоты, опредѣляющія долю за-

работы ихъ на монастырскихъ угодьяхъ, то мы должны сознаться, что эти условія работы были не особенно легки, что напр. видно изъ уставныхъ грамотъ Соловецкаго и Кирилловскаго монастырей крестьянамъ Умбской волости относительно условій работы на рыбныхъ угодьяхъ монастырскихъ; такъ напр., Соловецкій монастырь бралъ отъ промысла двѣ трети улова рыбы, участвуя въ рыболовныхъ орудіяхъ промысла только одною третью, а Кирилловскій монастырь бралъ съ крестьянъ той же волости четвертую рыбу, кромѣ еще другихъ условій. Каковы бы ни были эти условія на солеварныхъ монастырскихъ промыслахъ, во всякомъ случаѣ, находилось много обездоленного люда, шедшаго на нихъ и ридившагося за монастыри еще и потому, что послѣднимъ давались многія льготы по части отбыванія повинностей, суда и т. д., такъ что здѣсь можно было найти хоть защиту отъ другихъ зомъ, напр. отъ поборовъ и кормовъ и правеча разныхъ волостей, и намѣстниковъ, и ихъ тиуповъ. Монастырямъ въ XVI и XVII ст. давались не судимыя грамоты, въ силу которыхъ своихъ крестьянъ судилъ самъ игуменъ монастырскій, или тотъ, кому «онъ прикажетъ», т. е. прикащикъ монастырскій, а этотъ, для удержанія рабочаго и для сохранения его силы на монастырь—вѣроятно, былъ все-таки мягче той массы чиновъ, кормившихся на счетъ крестьянъ и «правившихъ» на нихъ разныя поборы и повинности. Подобныя условія, болѣе или менѣе пріятныя для рабочаго, существовали не долго, пока нужно было приманивать его на свои вотчины, когда существовалъ переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто и договорныя отношенія между вотчинникомъ и рабочимъ, но въ томъ и дѣло, что это не особенно долго существовало. Забравъ земли и угодья, и обезземельвъ массу народа, еще болѣе ослабѣвшаго экономически, монастыри пользовались крестьянами на договорныхъ условіяхъ, придекали ихъ льготами, своимъ судомъ и установивши такимъ образомъ свою репутацію въ глазахъ крестьянства, монастыри пользуются случаемъ и закрѣпляютъ крестьянъ къ мѣсту жительства, для чего, конечно, и получаютъ особыя грамоты. Такъ въ началѣ XVII ст. въ 1607 г. Борельскому монастырю дана была Тарханная грамота, въ которой прямо говорится; «а что ихъ же монастырскихъ крестьянъ въ наши черныя деревни и сотни не принимать», значитъ они закрѣпляются за своимъ хозяиномъ и вотъ начинается беспросвѣтный періодъ крѣпостнаго права монастырскаго, тянувшійся для сѣвера до 1764 г.

Сколько же было солеваровъ рабочихъ за монастырями? На этотъ вопросъ не имѣется точныхъ отвѣтовъ. Изъ одной грамоты Соловецкому монастырю, какъ говоритъ Костомаровъ, солевареніемъ на монастырь занималось до 700 рабочихъ и промышленныхъ людей, кормившихся на счетъ монастыря, т. е. находившихся въ роли крѣпостныхъ батраковъ; по генеральному свидѣтельству отъ 1723 г. за корельскимъ монастыремъ было: въ Унскомъ посадѣ рабочихъ людей 3; въ Сюземской Усолѣ при соляномъ заводѣ труженниковъ 6; а всего трудниковъ и работниковъ при соляныхъ варницахъ 29 человекъ. Сколько было за другими монастырями крѣпостныхъ солеваровъ—неизвѣстно, равно какъ у насъ не имѣется и общей цифры всѣхъ варницъ, бывшихъ за всѣми монастырями на крайнемъ сѣверѣ въ разные періоды времени. Ставши полными собственниками земельныхъ и промысловыхъ угодій, забрѣвши на нихъ крестьянъ, монастыри, какъ крупные собственники, имѣли, конечно, подавляющее вліяніе на мелкихъ черныхъ крестьянъ промышленниковъ, имѣвшихъ какое нибудь соотношеніе между собою, такъ что въ XVII ст. къ концу его почти всѣ соляныя угодья и варницы находились уже за монастырями и только изрѣдка еще можно найти крестьянскія солеварни на черныхъ государевыхъ земляхъ, но ихъ было весьма мало. Но монастырямъ мало было сдѣлаться крупными солепромышленниками, вести солевареніе крупнымъ способомъ при помощи крѣпостныхъ батраковъ, жившихъ на монастырской счетъ, теперь всѣ ихъ стремлѣнія обратились въ другую сторону—нужно было обезпечить сбытъ соли при самыхъ легкихъ условіяхъ, чтобы болѣе было выгоды монастырской кассѣ. А такъ какъ торговля въ XVI и XVII ст. была стѣснена многочисленными таможенными платами и поборами таможенниковъ, сидѣвшихъ и собиравшихъ поборы въ каждомъ значительномъ городѣ и посадѣ, то естественно, что монастыри постарались устремиться на уничтоженіе этихъ препятствій, стѣснявшихъ торговлю въ сильной степени и сильно увеличившихъ цѣну соли, благодаря законнымъ и незаконнымъ поборамъ съ продаваемой соли. А отсюда мы видимъ рядъ тарханскихъ грамотъ, даваемыхъ московскими государями монастырямъ, которыми извѣстное количество пудовъ соли освобождалось отъ всякихъ почти таможенныхъ сборовъ и беспошлинно шло въ торговлѣ, однимъ словомъ, видимъ рядъ торговыхъ льготъ монастырямъ. Съ начала XVI ст. Соловецкій мона-

стырь продавалъ беспошлинно только до 6,000 пудовъ, въ половинѣ XVI ст. 10,000 пуд., въ началѣ XVII ст. 60,000 пуд., а дагѣ уже дѣло дошло до 130,000 пуд., продаваемыхъ беспошлинно въ разныхъ городахъ московскаго государства. Въ 1621 г. Кирилловскій монастырь велъ тоже большую торговлю беспошлинною солью, такъ говорится въ одной грамотѣ: «и въ соляныхъ промыслахъ уварять годовъ силн по 40,000 пуд., а иной годъ большн и меньши, и ту соль про монастырской обиходъ... и всякіе запасы продаютъ на Вологдѣ, на Холмогорахъ и въ Каргополѣ, и Турчатовѣ, а по цѣнѣ за ту соль емлютъ по 2,020 рублей». Корельскій Николаевскій монастырь получалъ нѣсколько грамотъ тарханскихъ, освобождающихъ соль монастырскую отъ таможенныхъ пошлинъ; въ первой половинѣ XVI ст. продавалъ беспошлинно одинъ дощаникъ соли до 2,000 пуд., а потомъ къ XVII ст. уже продавалъ 4,000 пуд. Сійскій монастырь въ началѣ XVII ст. (1621 г.) продавалъ до 8,000 пуд. беспошлинно. Корнилиево-Комельскій, имѣвшій 4 варницы на Кулоѣ въ XVI ст., продавалъ беспошлинно 5,000 пуд. Въ 1606 г. нѣсколько лодокъ съ солью Вязицкаго монастыря торговали беспошлинно и т. д. Мы здѣсь перечислили только нѣкоторые изъ главныхъ монастырей, торговавшихъ десятками тысячъ беспошлинной соли, и только для примѣра приводили количество этой бесплатной соли. Впрочемъ, тарханы на беспошлинную соль въ концѣ XVII ст. были уничтожены московскими царями; но все-таки и они сослужили не малую службу монастырскому солеваренію и способствовали, конечно, не мало крупному, привилегированному монастырскому солеваренію въ ущербъ мелкому крестьянскому, товариществу—это мы тоже должны принять къ свѣдѣнію, рассматривая народненіе крупнаго монастырскаго солеваренія. Какъ велико было количество вывариваемой соли на сѣверѣ нельзя даже приблизительно сказать объ этомъ; мы привели нѣсколько цифръ беспошлинно-продававшейся соли да и то далеко не перечисливъ всѣхъ монастырей, имѣвшихъ на то право, при всемъ томъ и тутъ цифра соли беспошлинной простирается до 200.000 пудовъ; а привилегированная соль составляла небольшую долю всей соли, вываривавшейся у того или иного монастыря, такъ что даже косвеннымъ путемъ нельзя найти общую цифру вываривавшейся въ извѣстное время соли, да къ тому же неизвѣстно и общее количество варницъ, по которому можно было бы судить объ объемѣ

производства. Чубинскій полагаетъ, что одинъ соловецкій монастырь вываривалъ соли до полмилліона пудовъ ежегодно въ XVII стол., такъ что нужно предположить, что въ XVI стол. выварка соли на крайнемъ сѣверѣ во всякомъ случаѣ превышала милліонъ пудовъ, а въ XVII быть можетъ дошла и до гораздо большихъ размѣровъ. Одна Непокса давала, вѣроятно, не менѣе 300.000 пудовъ, такъ какъ въ концѣ прошлаго столѣтія уже при слабыхъ разсолохъ и при унавшемъ солевареніи тутъ вываривалось, по Лепехину, до 134.000 пудовъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по Пошману, до 95.000 пуд.; далѣе Кулойское усолье, Владыченское, Уна, Луда, Солза могли дать еще болѣе всѣ вмѣстѣ, такъ что вѣроятноже сказать, что до милліона пудовъ вываривалось на однихъ только Усоляхъ, гдѣ соль варилась изъ разсоловъ, добываемыхъ изъ земли, не говоря уже о той массѣ солеварень, по морскому берегу, гдѣ соль варилась изъ морской воды, вымораживаемой зимою, гдѣ, вѣроятно, не меньше, если не больше Усольевъ вываривалось соли. Эти гаданія по части валовой выварки соли на сѣверѣ Россіи находятъ себѣ подкрѣпленіе и въ томъ фактѣ, что сѣверъ Россіи снабжалъ своей солью почти всю сѣверную Россію. Мы уже приводили, что разныя монастыри торговали своей солью и въ Вологдѣ и въ Каргополѣ; изъ послѣдняго соль вывозилась на Бѣлоозеро и оттуда шла вѣроятно по сѣвернымъ частямъ Новгородской и Тверской областей и проникала далѣе, такъ какъ Старорусская соляная промышленность довольно часто прекращалась по случаю разрушенія Старой Руссы неприятелями, что было и въ царствованіе Грознаго и раньше во время завоеванія Іоанномъ III Новгородскихъ народоправствъ, а въ смутное время въ XVII ст. долгое время она находилась въ рукахъ Шведовъ и въ заключеніе ими была выжжена почти до тла. Въ концѣ XVI ст. сѣверная Бѣломорская соль шла по двумъ дорогамъ въ Московское государство: по рр. Двинѣ и Сухонѣ, со складами соли въ Холмогорахъ и другихъ прибрежныхъ городахъ, и по р. Онегѣ, съ громадными складами соли по этой рѣкѣ въ Тургасовѣ, Каргополѣ, Устьмошѣ и Мехренгѣ, т. е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ Архангельской и Олонецкой губерній. При послѣднихъ складахъ при таможенныхъ головахъ состояли въ концѣ XVI ст. для разныхъ работъ при складахъ вольнонаемныя группы рабочихъ «казаковъ», а по берегу р. Онеги въ волостяхъ Поромской и Подпорожской то же при таможенныхъ состояли группы тягловъ для

подъема и провода судовъ по порожистымъ мѣстамъ. Тѣ и другія группы рабочихъ напоминаютъ намъ нынѣшнія таможенные артели рабочихъ. Подробности этой интересной организаціи при таможенныхъ рѣботахъ находятся въ уставной таможенной грамотѣ Федора Іоанновича Каргопольскимъ таможеннымъ головамъ, Сабурову и Сивкову отъ 1598 года. «Казачьи» группы занимались нагрузкою и выгрузкою соли съ судовъ и возовъ, затѣмъ складывали эту соль въ амбары и подъ навѣсы, перевѣшивали, перемѣривали соль, затѣмъ передѣлывали ее. т. е. набивали въ рогозинны, вышивали ихъ и клали въ стону. За всѣ эти работы казакамъ назначена была опредѣленная плата съ купцовъ продавцевъ и купцовъ покупателей, деньги эти шли въ руки таможенниковъ и отъ нихъ получались казаками. Таможники держали казаковъ въ Каргополѣ и Турчасовѣ «по штидесяти (60) человекъ, или сколько имъ будетъ надобѣ». За этими группами казаковъ признано было право монополіи на таможенные работы, какъ и въ нынѣшнихъ артеляхъ, напр. въ Архангельской мѣщанской балластной и др. артеляхъ, что въ грамотѣ выражается въ словахъ: «а опрѣчь тѣхъ казаковъ соли никому не передѣлывати; а хто мимо ихъ учтетъ соль передѣлывати опотае (тайно) и таможникамъ на тѣхъ людѣхъ имати на Государя по рублю на человекъ», т. е. съ незаписныхъ и тайныхъ казаковъ брался въ казну штрафъ по рублю съ увеличеннаго человекъ. Но на счетъ внутренней организаціи этихъ казачьихъ группъ и распредѣленія между ними работъ, распоряженія имъ, дележа выручки—данныхъ у насъ не имѣется; сохранилась отъ XVI ст. одна грамота, въ которой описываются злоупотребленія этихъ казаковъ, на что была подана жалоба даже Государю, гдѣ говорится, что казаки эти примѣшивали къ соли въ большихъ количествахъ какую-то кардеху, но что это такое была кардеха—неизвѣстно, вѣроятно, нѣчто изъ минеральнаго или растительнаго царствъ, по внѣшнимъ признакамъ очень похожее на соль, какъ и въ нынѣшнія времена подмѣшиваютъ къ муку известъ и т. д. Группы тягловцевъ набирались изъ бережныхъ селеній и волостей Порожской и Подпорожской, какъ казаки состояли изъ мѣстныхъ жителей—посадскихъ Турчасова, Каргополя и др. При порогахъ въ у Св. Петра да на р. Свидѣ у Николы Чудотворца были таможенные пункты, при которыхъ и состояли «тяглецы» въ распоряженіи таможниковъ. Сколько было нужно для провода судна рабочихъ,

«и тѣхъ людей имати тутошнихъ побережанъ, (порожанъ) тяглецовъ, которые на порогѣ суды тянули напередъ сего, докладывая таможенниковъ и сколько будетъ кому къ лодѣ или судну казаковъ надобеть, а таможенникомъ у нихъ имать отъ лодьи или отъ судна отъ волоченья по 10 денегъ на тяглеца на всякаго человѣка, а имати таможенникомъ денегъ половину на Государя, а другую половину тѣхъ денегъ отдать тяглецамъ по 5 денегъ человѣку на тягло и на бечевы, а держати порожаномъ и подпорожаномъ казаки и бечевы по старинѣжъ, какъ напередъ сего тяглецовъ къ судомъ держава и бечеву тянули».

Какъ дорого продавался соль на этихъ складахъ купцамъ, приѣзжавшимъ сюда издалека, объ этомъ можно имѣть нѣкоторое представленіе по одной грамотѣ, отъ начала XVI ст., находящейся въ числѣ Новгородскихъ и Двинскихъ духовныхъ грамотъ. Такъ одинъ изъ соляныхъ торговцевъ отказываетъ въ своей духовной: «а даль есми по своей душѣ въ Кириловъ монастырь, на Короткомъ въ Мисанловѣ амбарѣ, сто рогожъ соли и восемь рогожъ (108 рогожъ), а цѣна той солѣ сто рублевъ... да что на меня Данило Нѣмчинъ купилъ въ Каргополѣ соль на сто рублевъ и на семнадцать; а рогожъ сто и двадцать и восемь рогожъ, а та соль лежитъ на Короткомъ въ моемъ амбарѣ...» Значитъ рогожина соли цѣнилась меньше рубля денегъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ 108 рогожъ стоили 100 рубл., а во второмъ 128 рогожъ—117 руб., а въ рогозинѣ того времени, какъ говоритъ Костомаровъ, было 10 пудовъ, хотя были и шестипудовыя рогозины. Болѣе подробныя свѣдѣнія о торговлѣ солью въ таможенныхъ порядкахъ въ XVI и XVII ст. читатель найдетъ въ «очеркѣ торговли и промышленности въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII ст.» Н. И. Костомарова. Этихъ мы и закончимъ разсматриваніе соловаренныхъ товариществъ и ихъ уничтоженія въ связи съ развитіемъ крупнаго и особенно монастырскаго соловаренія на крайнемъ сѣверѣ въ XVI и XVII ст. и перейдемъ теперь къ порядкамъ солеваренія въ другихъ мѣстахъ Московскаго государства въ этотъ же періодъ времени, т. е. въ XVI и XVII ст.

Θ. Остроумовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Везсонница

Ни сна, ни отдыха... И душно, и темно!
Туманятъ мозгъ тяжелыя видѣнья—
И сердца робкое бѣненіе полно
Тревожнаго, зловѣщаго смятенья.

Въ небесной глубинѣ—ни проблеска зари,
Волшебницы улыбки и привѣта,—
И тщетно жаждеть грудь живительной струи...
Ахъ, какъ еще далеко до разсвѣта!

В. С. Лихачевъ.

Къ исторіи унылыхъ людей.

Кому щастя, такъ щастя,
А слезы, такъ слезы....

И нікому не звать буде,
Що я мудивъ світомъ,
И що въ мене сердце вьзло
Повне пустоцвітомъ.

Проклятая береза! Это она испортила ему жизнь, вымучила его, разбила, раскленла и по ее милости онъ выброшенъ за бортъ, и вотъ лежитъ теперь измученный и обезсиленный и не видитъ ничего, кромѣ все той же проклятой березы, слышитъ только ее отвратительный, душу надрывающій скрипъ.

Скверная была береза, — такая корявая, развалистая, съ обломанными вѣтвями, искалѣченнымъ тѣломъ. Уныло, словно припиленная, опустила она свои вѣтви и все скрипитъ.

Она росла предъ самымъ окномъ его дѣтской комнаты, и мѣшала видѣть Божій свѣтъ, и не только мѣшала, она лезла въ комнату, нагло забиралась въ душу — и вотъ измучила таки, доканала его!

Все скрипитъ, все скрипитъ.... въ этомъ скрипѣ все дѣтство его. Обыкновенно скрипѣла она тихо-тихо, словно вотъ маленькій ребенокъ, когда натрудится кричавши и только изрѣдка стонетъ, такъ и она: пискъ-пискъ, а-а.... Когда вѣтеръ посильнѣе, она начинаетъ жалобнѣе скрипѣть, протяжнѣе стоны, порой вскрикнетъ раздрающимъ душу стономъ. Какъ

то въ кучу сберутся вѣтви ея и, кажется, вотъ-вотъ она переломится. Но тогда еще лучше, тогда загудятъ старня липы ихъ сада, закричатъ развѣсистая ива, глухо зашумитъ сердитая ель, и тогда стоны березы не такъ выдѣляются, не такъ рѣжутъ сердце. Выходитъ хоръ, отъ котораго жутко становится маленькому мальчику; но за то онъ всецѣло охватывается имъ, не можетъ опомниться. А вотъ эти проклятыя стоны «а-а....» надрываютъ душу.

Правда, не одна береза: за садомъ, гдѣ росла она, начиналось болото, сѣрое, голое, однообразное, гдѣ только мохъ покрывалъ безобразныя кочки, тамъ и самъ выступавшія изъ общей трясины. Тутъ было царство чибисовъ. Когда начнется осень, пожелтѣютъ листья, оголятся деревья и мутная мгла начнетъ окутывать землю, — застонутъ чибисы. Одинъ за другимъ, вотъ цѣлая стая, низко, низко ширются они надъ землей и стонутъ жалобно, жалобно, словно мать оплакиваетъ ребенка, словно хотятъ они спѣть надгробную пѣснь умирающей природѣ.

По другую сторону — огромное полуразвалившееся зданіе. Мохъ и кусты крапивы вылезаютъ изъ щелей расплзающихся каменныхъ стѣнъ, а въ этомъ домѣ живетъ старшій, страшный: сѣдой баринъ. Давно онъ жилъ тутъ, много мучилъ людей на своемъ вѣку, и эти люди закопали его живымъ въ могилу. Но они забыли пригвоздить его коломъ къ землѣ, и вотъ онъ въ морозныя, лунныя ночи выходитъ изъ могилы и бродитъ по дому. Вздвигается на стѣны, сердито ходитъ по стѣнамъ своего стараго дома, страшно сверкаетъ глазами, грозно поводитъ сѣдыми оцетинившимися бровями и грозитъ длиннымъ чубукомъ своимъ на деревню, смиренно распростертую у ногъ его стараго дома. Страшнаго филина поставилъ онъ сторожемъ, и свиститъ, и хохочетъ, и грозитъ, и ридаетъ по вечерамъ безумный филинъ и никого не пускаетъ въ домъ. Страшно мальчику отъ этого дикаго крика.

Также мало радости вносила въ дѣтскую жизнь убогая деревня, что, робко пятясь, жалась по восточному у подножья ста-

раго барскаго дома, — та деревня, которая обливалась потомъ въ страду деревенскую, мерзла и «стыла» въ извозѣ въ морозы крещенскіе, выла на-голосъ при отдахѣ рекрутъ, а осень — съ утра до ночи пугливо топталась въ низенькихъ сѣняхъ отцовскаго дома, робкимъ заискивающимъ голосомъ выпрашивая у отца отсрочку за землю, либо осьмипку мучицы «подъ работу».

Но все это не постоянно, временно; а береза вѣчно тутъ; передъ глазами — съ своими опущенными руками и дѣтскимъ скорбнымъ стономъ. И что всего хуже — она напоминаетъ и все остальное: заскрипитъ она — ему слышится и стонъ чибиса, и хохотъ и рыданье совы, вой бабъ и задавленно грустная нота въ голосѣ мужика.

Да, проклятая береза, она не давала ему покоя, съ дѣтства искалѣчила его....

Вотъ онъ надѣлъ новый картузь съ яснымъ козыремъ, привезенный отцомъ изъ города, и только что вызвалъ имъ удивленіе и завистливые возгласы деревенскихъ мальчишекъ-сверстниковъ. Приходитъ въ комнату, веселъ, доволенъ и даже нѣсколько ухарски сдвинулъ картузь на затылокъ.... а береза все скрипитъ.... Нѣкоторое время онъ не слушаетъ, сидитъ на кровати, дышетъ на блестящій козырь и любитъ, какъ быстро сбѣгаетъ паръ съ него; а береза все скрипитъ и скрипять дальше и дальше, выскользнувшій изъ рукъ картузь валяется на полу, потухшіе глаза напряженно смотрятъ въ одну точку, на лицо легло то скорбное выраженіе, которое вотъ сейчасъ выступаетъ двумя глубокими бороздами около угловъ рта и многочисленными складками около глазъ на этомъ больномъ, исхудавшемъ, старше своихъ лѣтъ, лицѣ.

И такъ изо-дня въ день, все дѣтство. И все береза, вездѣ и постоянно она одна. Даже зимой, когда двойныя рамы не пускали въ комнату криковъ березы, и цвѣтистые узоры мороза на стеклахъ нѣшали видѣть ее, и тутъ береза не покидала его.

Вечеръ. Мѣрно щелкаютъ госточки отцовскихъ счетовъ,

временами отецъ вскидываетъ свою мохнатую голову и сердито бормочетъ; на столѣ самоваръ, старый пузатый самоваръ, позленѣвшій отъ времени, тянетъ слою пѣсню. Старый самоваръ намучился въ ежедневныхъ передрагахъ, одряхлѣвъ, потерялъ голосъ. Впрочемъ, всегда начинаетъ онъ сердито, словно хочетъ показать, что онъ тоже имѣетъ кое-что сказать, на, молт, я тоже не лыкомъ шить; и забурчить, забрюзжить, словно расправляетъ горло. Но годы сказываются; вотъ онъ визжитъ, всхлипываетъ, тоны путаются, и сознаетъ старикъ свое безсиліе,—покрахтитъ, покрахтитъ и затанетъ свою вѣчную, старчески-безсильную нотку: и-и-и...., постъ самоваръ. Слушаетъ блѣдный мальчикъ безсильную умирающую нотку старика-самовара; слушаетъ такую же жалобную, шумящую пѣсню въ трубѣ. Тамъ маленькое отверстіе въ крышкѣ, — туда пробирается вьюга, и тоскливо, тоскливо воетъ въ трубѣ.

Беззубая нянька-старуха качаетъ за перегородкой маленькую сестренку его, соннымъ голосомъ, крестясь и охая, причитаетъ она:

А баю, баю, баю,
 Не ложися на краю—
 Придетъ сѣренькій волчокъ
 Схватитъ тебя за бочекъ
 И потащитъ....

Ничего кромѣ этой пѣсни, не осталось у старухи; вмѣстѣ съ зубами она потеряла все, чѣмъ человекъ можетъ радоваться и печалиться, и какъ старый самоваръ только и можетъ тянуть эту ноту.

И все та же береза скрипитъ въ голосъ няни, въ воѣ вѣтра и въ ворчаньи самовара. Мальчикъ слушаетъ, слушаетъ и засыпаетъ все подъ ту же пѣсню березы.

А ночью—сѣдой страшный баринъ выходитъ изъ дому и бьетъ своимъ длиннымъ чубукомъ унылыя вѣтви березы. Жалобно стонетъ она, вотъ послѣдній раздрающій душу стонъ, и мальчикъ въ холодномъ поту въ ужасѣ вскакиваетъ съ постели.

Впрочемъ, не все же была береза, и для него всходило солнце, и ему пѣли пѣсни не одни чибисы.

Три года не былъ онъ дома, студентомъ вернулся къ себѣ и не узналъ родныхъ мѣстъ. Не было непривѣтныхъ старыхъ развалинъ, новые жильцы выгнали страшнаго фалина, изящный домъ задавилъ сѣдаго сердитаго барина, веселыя пѣсни тамъ пѣлись. Расцвѣлъ, изукрасился старый запущенный садъ, лучи солнца проникли сквозъ чащу деревьевъ и освѣтили вѣчную, въ дѣтствѣ пугавшую его, мглу старыхъ липовыхъ аллей. Яркое свѣтило солнце въ то лѣто, смиренно сидѣли въ своихъ гнѣздахъ чибисы, звуки музыки неслись оттуда, гдѣ ходилъ сѣдой баринъ и страшно хохоталъ фалинъ. Только одна старая, корявая береза по прежнему скрипѣла. Настало даже время, когда ему показалось, что погибла и старая береза, что онъ вычеркнулъ ее изъ своей жизни.

Былъ вечеръ, теплый благоухающій вечеръ яснаго июньскаго дня, бѣлая луна пробиралась сквозъ вѣтви деревьевъ, заливая яркимъ свѣтомъ прогалины сада. Она проникла на увитой плющемъ балконъ, робко скользила въ темную комнату и мягкими полосами ложилась на наклонившуюся надъ розью фигуру съ маленькимъ худенькимъ лицомъ и гладко причесанными русыми волосами. Она играла. Много, много звуковъ носилось вокругъ него—и торжественно спокойныя и сияющіе, какъ лучи южнаго солнца, и нѣжно грустныя дрожали и замирали. Волной лились они въ душу его и, какъ лучи солнца—мглу сада, разгоняли мракъ души его, растапливали холодъ пережитой жизни. Безъ воли, безъ мысли, какъ очарованный, сидѣлъ онъ, склонивши на колѣни свою голову; не знакомое чувство истомы, нѣги разливалось по немъ, а тамъ, въ глубинѣ, поднималось новое сладкое чувство—жажда жизни, жажда счастья. Вотъ замерли звуки. Потомъ.... потомъ двѣ горячія руки обвились вокругъ его косматой головы и робко заглянули въ его лицо любящія глаза. Робко прижималась бѣдная голубка, какъ Божья лампада теплялись мягкіе, каріе глаза, — они просили любви, молили о счастье, звали къ

жизни, къ радости, къ свѣту. Сильнѣе, сильнѣе загоралось въ немъ жгучее чувство счастья, жажда жизни, жарче и жарче молили глаза, и вотъ—скорбные звуки березы, мрачныя тѣни пропалаго исчезли, потонули въ этомъ бѣломъ свѣтѣ луны, въ этихъ карихъ глазахъ, въ этомъ молящемъ, нѣжно ласкающемъ голосѣ. И показалось ему, что тѣ, старое, мрачное, скорбное ушло далеко, далеко, и никогда не воротится. А дома, какъ въ дѣтствѣ, въ комнату заглянула, залитая тѣмъ же бѣлымъ свѣтомъ луны, печальная береза, протянула къ нему свои унылыя руки и застонала своимъ старымъ, скорбнымъ скрипомъ. Какъ безумный бросился онъ на свою мучительницу, всю ночь рубилъ ее дряхлое, искалѣченное тѣло, яростно ломалъ и топталъ тонкія, длинныя вѣтви,—къ утру и не стало березы.

Но онъ обманулся, онъ не зналъ силы ея, не зналъ, что она въѣлася въ него, пустила въ сердце длинныя, крючковатыя корни.

Померкло небо, сѣрыми сумрачными тучами заволокло ясное солнышко, застонали чибисы, завопила голодная деревня,—и померкла мелькнувшая было полоса свѣта въ его жизни.

Онъ сидѣлъ на гочомъ пнѣ срубленной березы, предъ нимъ разстилалось безобразное, мшистое болото, сизая мгла покрывала его, а изъ этой мглы вырывались и со стономъ носились вокругъ него печальныя чибисы. Сѣрая деревня хмурилась своими слезящимися подслѣповатыми глазами; предъ нимъ стоялъ взятый домъ, дикій плющъ обвивалъ тонкія колонны балкона—изъ глубины души задавленные, но не похороненные поднимались тоскливыя стоны березы. И онъ не выдержалъ—онъ бѣжалъ.... Бѣжалъ туда, куда всю жизнь гнала его береза, на то, о чемъ молили его бѣдныя чибисы.

Тамъ.... тамъ тоже было хорошо сначала: и у него горѣли глаза, и у него трепетало сердце; также было время, когда онъ готовъ былъ вычеркнуть изъ своей жизни стоны березы за этими стонами ему почудились другіе звуки, отъ которыхъ залило счастьемъ его сердце. Но это не долго было; скри-

пѣвшая всю темную осеннюю его жизнь береза сказала и тутъ—онъ занылъ. Вокругъ него толпились живые, горячіе, люди, они говорили горячія рѣчи, они радовались и вѣрили, рѣшались и дѣлали, а онъ нылъ и рефлексировалъ. Порвалась, замерла ворвавшаяся было въ его жизнь струя весеннихъ пѣсень и передъ нимъ остался тотъ же вѣковѣчный протяжный скрипъ, да порой раздирающіе душу стоны березы. И вотъ онъ опять одинъ въ этомъ огромномъ пустынномъ мірѣ.

Собственно онъ былъ не одинъ—вокругъ кипѣла жизнь. Тысячами огней мигалъ на него чудище городъ, стукъ копытъ, дребезжанье колесъ, разногласья выкрикиванья разнощиковъ, весь этотъ нестройный гулъ людныхъ улицъ большого города доносился до него; многоэтажный домъ жилъ и дышалъ. То и дѣло взвизгивала и шумно хлопала дверь на блокѣ, шаркали ноги о желѣзныя плиты корридора, застѣной пьяная компанія въ десятый разъ пѣла *Gaudeamus*, вотъ горничная взвизгнула отъ нескромныхъ ухаживаній корридорнаго, звонко раздалась оплеуха, неистовое го-го-го... пронеслось по корридору... и все-таки онъ былъ одинъ, совершенно одинъ.

Вотъ ужъ три дня для него не существуетъ всего этого города, какъ и міра вообще впрочемъ. И не то, чтобы теперь онъ очень углубленъ былъ въ свои думы: думать не о чемъ, всѣ счеты подведены, остается—уплатить. Сложніе и вычитаніе произведены по всѣмъ правиламъ ариметической науки, полученъ подходящий итогъ—чего же тутъ? А между тѣмъ... какъ то странно, словно онъ и себя забылъ, или лѣнь, какая-то усталость. Вотъ, какъ бываетъ, человѣкъ хлопочетъ по судамъ. Кажется все сдѣлалъ, всѣ присутственныя мѣста обойденъ, pro и contra обсужены, переговоры съ кѣмъ нужно кончены, бумаги подписаны—остается одно, послѣднее, сходитъ въ десятое и самое близкое присутственное мѣсто, подписать тридцатую и самую нестоящую бумагу, надъ которой и думать то нечего; а вотъ, поди-жь ты! то человѣкъ бѣгалъ съ утра до ночи, микался до изнеможенія, а тутъ вдругъ та-

кая зѣна обузла, двинуть пальцемъ не хочется! такъ и съ нимъ. Три дня онъ добросовѣстно подводилъ счеты своей жизни, вереницей тянулись передъ нимъ старые образы пережитой жизни, обсуживались про и contra, итогъ полученъ—крѣпкій, безусловно правильный, неогранично убѣдительный; остается одно присутственное мѣсто, подписать одну, послѣднюю бумагу и вотъ онъ не подписывается.

И не то, чтобы у него сомнѣнія какія нибудь возникали въ головѣ,—тамъ пусто, ничего не возникаетъ: ключья мысли, обрывки прошлаго мелькаютъ передъ нимъ, но какъ-то индифферентно, не задѣваютъ его, не возбуждаютъ никакой работы.

Онъ не веселъ, не грустенъ, не колеблется, не рѣшается; скорѣе всего — дѣйствительно забылъ себя, какъ забылъ весь этотъ житейскій гамъ, гулъ улицъ, хлопанье дверей, корридорные поцѣлуи и визгъ, пьяное *gaudeamus*, какъ забылъ пережитую жизнь, только-что передуманныя думы, перемученное горе.

Вотъ онъ съ усталымъ видомъ садится на стулъ, передъ письменнымъ столомъ; мутная полоса свѣта отъ уличнаго фонаря ударила въ лицо; машинально взглянулъ онъ на фонарь, откуда шелъ свѣтъ, въ мутную мглу, стлавшуюся за фонаремъ, на тысячи огней, смотрѣвшихъ оттуда, опять на фонарь, прослѣдилъ полосу свѣта, пробравшуюся въ комнату и освѣщавшую уголокъ стола, съ наваленными въ беспорядкѣ бумагами, измятую шляпу на коммодѣ, портретъ въ деревянной рамкѣ на стѣнѣ... Его глаза упали на портретъ, тѣнь пробѣжала по лицу, слабое, неопредѣленное выраженіе мелькнуло въ усталыхъ ввалившихся глазахъ. Онъ вспомнилъ «Ну, прощай, прощай», прошептали губы, онъ машинально кивнулъ головой. Долго стоялъ передъ портретомъ. «Тоже скрипучая!» снова прошептали губы. «Ну не смотри-же, не жалобься!» Онъ перевернулъ портретъ лицомъ къ стѣнѣ и снова сѣлъ къ столу. Долго шуршалъ онъ бумагами, наконецъ нашелъ спичку и зажегъ огарокъ свѣчки. Слабо освѣтило маленькую комнату тусклое пламя сальной свѣчки; но ему больно было и отъ этого

свѣта; онъ щурился, протеръ глаза и поправилъ спустившіеся на лобъ волосы. Въ его рукахъ была маленькая склянка съ полужидкой тягучей массой. Долго пытался онъ зацѣпить ее обломкомъ спички, и вотъ ему удалось наvertѣть кусочекъ, онъ посмотрѣлъ на свѣтъ и должно быть удовлетворился. Богъ знаетъ почему вдругъ ему вспомнилось, какъ у него въ деревнѣ мужикъ съѣлъ мушку вмѣстѣ съ рецептомъ, на которомъ она была прописана, онъ улыбнулся и почти весело сдернулъ зубами кусочекъ съ конца спички.

Онъ успокоился. Меньше усталости на лицѣ, не такъ глубока морщина между бровями. Последняя бумага подписана.

За стѣной неистовые голоса орали *Gaudeamus*, онъ прислушивался.

— *Pereat tristicia, pereant dolores*, выводили охрипшіе голоса.

— Да, да, *pereat*, конечно *pereat* и *tristicia* и *dolores*! Туда имъ и дорога, чтобы не смущали добрыхъ людей.

— *Quivis antiburchius atque irrigores*, продолжали хрипѣть за стѣной.

— А ужъ особенно эти *irrigores*, — совсѣмъ негодящій народъ!

Улыбка бродила на губахъ. — Въ это время кто-то стукнулъ въ дверь. Онъ повернулся нетерпѣливо, подумалъ, и, пробормотавши «все равно», отперъ дверь.

— А, это ты? Онъ протанулъ руку.

Въ комнату вошелъ высокій, плотный господинъ. Большая круглая голова крѣпко втиснута въ широкія плечи, изъ подъ темныхъ нависшихъ бровей смотрѣли спокойные сѣрые глаза. Гость скинулъ пальто и съ облегченіемъ глубоко вздохнулъ.

— Ну и погодка! Онъ вытиралъ мокрое лицо, дулъ на покраснѣвшіе отъ мороза пальцы. Ну здравствуй, божья душа! Ты что? али нездоровъ? заговорилъ онъ другимъ тономъ, пылливо всматриваясь въ лицо; совсѣмъ зеленый.

— Есть немножко! Я лучше лягу, а ты посиди вотъ тутъ. Оба молчали. Хозяинъ лежалъ на кровати, неподвижно

смотря въ одну точку; гость дымилъ папиросой и время отъ времени пытливо всматривался въ лежавшую на кровати фигуру.

— Ну, что же, Николанчъ, надумалъ, мягко заговорилъ гость: возмешь мѣсто?

— Надумалъ... почти...

Опять помолчали. Гость разсѣянно перебиралъ лежавшія на столѣ книги и вынулъ одну изъ нихъ.

Праотецъ російскихъ рефлексій, заговорилъ онъ, въ раздумьи перелистывая «біографію Бѣлинскаго». Онъ то особъ статья, объ немъ слова нѣтъ, а вотъ другіе то въ его время, такъ истинно по этой части аматеры были! это послѣ, какъ они съ Гегеля-то сшиблись... Замѣтитъ въ себѣ червоточину и примется копать, глядишь эво-на какое раскопаетъ, а потомъ и любитъ всю жизнь: на кося, моль, посмотри какой я есть человѣкъ. Ну да вѣдь у нихъ родовое было.

— Червоточина! да, да, это ты хорошо сказалъ: маленькій червякъ и начнетъ точить, незамѣтно, шагъ за шагомъ точить и точить, сердце точить, грудь точить, мозгъ точить, а придетъ время вся сердцевина въ деревѣ и выточена и осталась одна старая растрескавшаяся кора; къ чему она?

— Что съ тобой? тревожно заговорилъ гость.

— Ничего, подыскиваю аналогіи.

Оба молчали.

— Расскажи что нибудь, устало проговорилъ хозяинъ; что на божьемъ мірѣ дѣлается.

Гость заговорилъ медленно, спокойно, отчеканивая слова, кой-гдѣ подчеркивая.

Тотъ слушалъ его схватывая отдѣльныя выраженія; впрочемъ скорѣе смотрѣлъ, нежели слушалъ. Смотрѣлъ, какъ плотно сжимаются рѣзко очерченныя губы, хмурится лобъ, на мгновеніе вспыхиваютъ недобрымъ огонькомъ сѣрые, прямо смотрящіе глаза.

— Безъ червоточины, гля не глѣть, червь не гложетъ, думалось ему: вся сердцевина при немъ! Прямая дорога, намѣ-

чены верстовые столбы, крѣпки ногн—безъ оглядки на право и на лѣво.

— Есть сказка, заговорилъ хозяинъ, словно въ забытьи: «Попалась къ бабѣ-Ягѣ дѣвочка-сиротка и захотѣла уйти, а сторожами у Ягн были ворота да береза;—ворота визжали, береза скрипѣла и будила бабу-Ягу». Онъ помолчалъ: «Да, да береза бываетъ сторожемъ у бабы-Ягн... Вотъ дѣвочка подлила воротамъ въ петелку маслица, а на березу навязала ленточку и ушла. Ворота не визжали, береза не скрипѣла и не хлестала бѣглянку. — Вотъ и теперь—хотятъ маслица подлить, да ленточку подвязать, думаютъ: она скрипѣть не будетъ. Такъ вѣдь это въ сказкѣ! А другіе еще больше хотятъ, думаютъ выправить испоконъ вѣковъ корявую, въ три погибели согнутую березу... лубками, что-ли? а забываютъ, что для горбатаго одна могила полагается...»

Онъ помолчалъ.

— И что люди слышать? вѣдь это только одинъ скрипъ, страшный вѣковѣчный скрипъ и больше ничего здѣсь нѣтъ. Вонъ... шуршитъ, лопочетъ глупая осина, величественно гудятъ спѣсивыя столѣтнія липы, съ глухой угрозой шумитъ мохнатая, сердито оцетинившаяся ель; у всѣхъ свой голосъ есть, а эта только скрипитъ, скрипитъ и скрипитъ. Онъ замолкъ, утомленный разговоромъ.

Опять молчаніе.

— Охота тебѣ жечь сальные свѣчки, сказалъ гость, снимая нагаръ.

— Сальная, да... заговорилъ тотъ, какъ въ забытьи, сальная, плыветъ и коптитъ, очень рефлексируетъ; матеріаль плохъ. Керосинъ вонъ лучше, особенно если американскій, по тринадцать копѣекъ за фунтъ, а то она сальная, вотъ тоже опять лучина... Сальная свѣча, лучина, керосинъ, каменный уголь, машины... При чемъ же тутъ сальная свѣча, да еще лучина? я тебя спрашиваю.

Гость удивленно смотрѣлъ на него.

— Ты на чемъ воспитывался, на керосинѣ или березовой

лучинѣ? На керосинѣ? Не житье теперь сальной свѣчкѣ,—плыветъ и коптитъ; опять же горитъ и горитъ все одинаково; а керосинѣ: подвернешь винтикъ—чуть свѣтитъ, отпустишь—горитъ полымемъ; сколько требуется, столько изволь. Онъ помолчалъ... Да, въ керосинное и машинное время не годятся люди воспитанные на березовой лучинѣ!

— Ты опять принималъ гашишъ? Послушай, Николайчъ, вѣдь ты когда нибудь отравился такъ!

— Когда нибудь!... это ужасно долго... Онъ потянулся съ усталымъ видомъ... даже и скорое когда-нибудь и то ужасно длинно. Ты меня не понимаешь? Ну, ничего... видишь-ли, я хочу писать диссертацию о дѣйствиіи гашиша, это—вещь неизслѣдованная и ужасно интересная... не испытывалъ? Очень пріятное ощущеніе...

Оба молчали. Онъ лежалъ, какъ бы въ забытьи, по лицу пробѣгали тѣни, глаза щурились на свѣтъ. Онъ заговорилъ нараспѣвъ:

«На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
«На голой вершинѣ сосна,...»

...не сосна, а береза стояла.

«И дремлетъ качаясь в снѣгомъ сыпучимъ,...»

— «Да. Тепло тамъ!...» Онъ ежился. «Свищетъ вьюга, мятетъ заноситъ бѣдную березу, гнетъ ее до-земи, скрипитъ береза, мучится... А тамъ, гдѣ солнца восходъ, одна, и грустна и прекрасна, пальма растетъ. Бѣдная пальма! такая тонкая, изящная, нѣжная, съ длинными зелеными листьями, тоже мучится бѣдная: жарко на утесѣ горючемъ, жжетъ горячее солнце, сушитъ и корбитъ юные, неокрѣпшіе листья... И вотъ, пришла сѣверная угрюмая въ снѣговомъ покровѣ береза, одѣла пальму своей серебристой ризой и сама согрѣлась теплымъ любящимъ дыханьемъ стройной пальмы... Да! да! Угрюмая сосна, нѣжная пальма, дикій сѣверъ, горючій утесъ... Онъ помолчалъ. Только не бываетъ такъ! Груститъ береза на сѣверѣ, сохнетъ пальма на югѣ...

«Устонъ», № 8, отд. 1.

— Николаичъ! Гость наклонился надъ кроватью и пытливо всматривался въ быстро мѣнявшееся выраженіе лица его.— Николаичъ! тебѣ ничего? не хочешь ли воды? Не сходить ли за докторомъ?

— Ничего, ничего... Миѣ хорошо, пожалуйста, не беспокойся! Это всегда такъ... Я вотъ Лермонтова вспоминаю. Мало въ немъ было лучины, а то вовсе хорошій человѣкъ вышелъ бы. Навралъ вотъ про Печорина... Бѣдный Грушницкій! Подлецъ Печоринъ! Это онъ дѣлалъ сознательныя убійства. Всѣ выгоды съ самаго начала на его сторонѣ, а Грушницкій никогда бы этого не сдѣлалъ—лучина не позволила бы. Хоть и маленький человѣчекъ, а все же въ немъ лучина; маленькая искорка тлѣлась!.. И вспыхнула передъ смертью.

Онъ зашѣлъ:

Лучина, лучинушка
Березовая!..

Онъ сидѣлъ на кровати, съ закрытыми глазами, подперши голову рукой, и мѣрно раскачиваясь пѣлъ. Голосъ всхлипывалъ:

Что же ты, моя лучинушка,
Не ясно горѣшь?
Не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка,
Въ печи не была?..

Отчего же ты лучина не вспыхиваешь? Не ясно горѣшь? Вѣдь ты была въ печи и горѣла и вспыхивала! Видно лютая свекровушка тебя водой залила!.. Горѣла, горѣла лучина, и трещала и вспыхивала, а ее все водой заливали, всю жизнь лили холодную воду, ну, она и погасла...

Онъ снова упалъ на постель.

— А Грушницкій-то... Бѣдный Грушницкій! вотъ онъ стоитъ на краю обрыва, настоящаго, страшнаго обрыва, а не Гончаровскаго... Печорины не промахиваются! Пуля попала въ грудь, онъ протянулъ было руки впередъ, нога поскользнулась и съ распростертыми руками полетѣлъ онъ внизъ... Захватило дыханіе, чуть простоналъ... Р-а-азъ!.. Черепъ на-

трое. Мозгъ съ кровью обрызгалъ голые камни, дальше летить, а тамъ, внизу... Ухъ!..

Онъ вздрогнулъ; онъ говорилъ съ закрытыми глазами, ужасъ мелькалъ на его лицѣ... Тамъ изъ черной страшной глубины поднимается острый, голый, безобразный утесъ... Онъ летить на него... Да, да, неизбежно!.. Боже, какой страшный ударъ!.. Онъ закрылъ лицо руками и нѣкоторое время молчалъ. «На двое, ноги направо, выпотрошенная грудь съ пустою головою, и ободранными руками — влѣво, летить внизъ, летить въ глубину, всплескъ!.. Рѣчка! Тутъ хорошо, спокойно, влажно. Журчитъ горная рѣчка, баюкаетъ своего пріемнаго сына; плыветъ онъ, какъ Офелія въ «Гамлетѣ», только безъ цвѣтовъ... Дальше и дальше—вырвалась рѣчка изъ горъ; потянулись луга; деревушка съ старой усадьбой на берегу... Старушка въ черномъ вдовьемъ чепцѣ, узнала родимаго сына, сухими старческими руками охватываетъ шею и цѣлуетъ, цѣлуетъ...»

Онъ остановился. Глаза открылись и неподвижно смотрѣли въ одну точку, всѣ мускулы лица въ движеніи. Вотъ онъ вздрагиваетъ, вздрагиваетъ и раздражается хохотомъ.

— Во что же она его цѣлуетъ? Вѣдь отъ лица только и осталось — носъ, да и тотъ болтается на лоскутѣ кожи... Ха-ха-ха-ха!.. Фигура, признаюсь! Ну поцѣлуй еще, поцѣлуй!.. Ха-ха-ха-ха!..» Онъ катался на кровати и неудержимо хохоталъ. Приступы хохота сильнѣе и сильнѣе овладѣвали имъ. Онъ хватался за бока, порой взвизгивалъ, закрывалъ руками ротъ, и все хохоталъ. Наконецъ, совершенно обезсиленный, растянулся на кровати. Долго лежалъ онъ безъ движенія, но вотъ открылъ глаза.

— Чортъ знаетъ, что въ голову лезло. Я что-то видѣлъ, смѣялся, а тебя не нанугалъ? Ты гдѣ-же? Куда ты? Но гость ужъ надѣвалъ пальто и готовился выйти.

— Я на минуту! Сейчасъ ворочусь, крикнулъ онъ на ходу. Да неизвѣстно замѣтила ли его уходя лежавшая на кровати фигура, онъ дышалъ все чаще и чаще, порой онъ вытягивалъ шею и глубоко со стономъ вздыхалъ.

— Мнѣ все стихи припоминаются, русскіе, заговорилъ онъ:
вотъ —

Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь безпріютная, жизнь одинокая,
... какъ степной огонекъ замерла.

Какой это степной огонекъ?..

Только одиннѣ человѣкомъ убавится,

Это очень хорошо сказано... А впрочемъ человѣкомъ ли?
Не сальной ли свѣчкой? Въ томъ-то и штука!

Чу, слышится нѣтъ!..

Гостя вогоста, вѣвунья залетная..

— «Чу!.. Ты слышишь? Онъ приподнялся на локтѣ.— Что это? Бурлаки тянутъ «Дубинушку?..» Нѣтъ, нѣтъ!..» Онъ потиралъ лобъ рукой. «А, такъ, такъ «Marche funebre». Онъ прислушивался и качалъ головой въ тактъ. Какъ тогда... плющъ вился около насъ, луна пробиралась сквозь деревья; она играла все скорбное, скорбное... Кто-то плакалъ тогда... Ты слышишь—плачешь!.. Тихо, тихо всхлипываетъ. «Ты не плачь, сиротника». Кто это поетъ?.. Нѣтъ, не то... а, это Милосердная, сибирская!.. Идутъ каторжные... Фу! какъ отвратительно лязгаютъ цѣпи: лязгъ... лязгъ... Тысячи цѣпей и всѣ разомъ, лязгъ, лязгъ. И тянутъ они свою «Милосердную», и даже не плачутъ!.. О, проклятье!.. Стонуть! Какъ они стонуть!.. Опять не то, все не то...

Онъ молчалъ нѣкоторое время и напряженно смотрѣлъ расширившимися глазами.

«Поле... страшная, необъятная степь... сѣрая, голая, безпріютная!.. Мохнатая кочки, трясина и птицы, со всего свѣта... О, проклятье! все она же!.. Береза! береза!..»

Онъ страшно вскрикнулъ и заломилъ руки надъ головою.

... «И вотъ, и вотъ... еще, еще... тысячи березъ, миллионы собрались... сѣрые, корявые... и все стонуть!.. скрипятъ и скрипятъ... А!.. Онъ... Сѣдой баринъ! бьетъ ихъ длиннымъ чубукомъ... Прочь! нечистая сила! Исчезни, сгинь, проклятый!

Онъ яростно сжималъ кулаки.

Послѣ битвы.

(Разсказъ Поля Алексанса).

Сраженіе еще продолжалось, но уже въ значительномъ отдаленіи, на другомъ склонѣ возвышенности, въ двухъ или трехъ льѣ. День кончался, но пальба все еще не умолкла. Холодный туманъ, поднимавшійся изъ сосѣдней долины, заглушалъ звуки доносившихся выстрѣловъ.

Французскій пѣхотинецъ, раненный въ лѣвую ногу, одиноко плелся по большой дорогѣ. Пуля ранила его въ пятку, на вылетъ, къ счастью безъ поврежденія кости. Онъ сорвалъ башмакъ и перевязалъ рану, какъ могъ, разорвавъ на колосн часть своей рубашки. Онъ подвигался очень медленно, пользуясь ружьемъ, какъ тростью и стараясь какъ можно менѣе прикасаться своей раненой ногой къ затвердѣвшей и сдѣлавшейся скользкой отъ мороза почвѣ. Полотно перевязки было очень красно и какъ губка, напитано кровью.

Боль была очень велика; притомъ по подвижности его лица, по дрожи, пробравшей его время отъ времени, можно было заключить, что это небольшое худощавое слабое тѣло, — нервной организаціи, — испытывало всякое чувство, пріятное или непріятное, физическое или нравственное, въ усиленной степени. Шея его была повязана небольшимъ чернымъ кашне изъ очень тонкой шерсти. Пальцы его красивыхъ рукъ, обы-

кновенно, безъ сомнѣнія очень бѣлыхъ, а теперь посинѣвшихъ отъ холода, были озноблены, какъ у ребенка. Хотя ему было двадцать восемь лѣтъ, но на видъ можно было дать не болѣе двадцати. Усы его едва пробивались, а рѣдкая бѣлокурая борода, не бритая должно быть ужъ мѣсяца три, покрывала немного длинный подбородокъ и блѣдныя щеки, еще болѣе поблѣднѣвшія отъ потери крови. Шинель, красныя панталоны, штиблета и башмакъ, обутый на здоровую ногу, все было ему велико. Вопреки своему слабому виду, рапсанный не бросалъ ранды, тяжесть котораго давила его слабыя плечи. Съ трудомъ, на одной ногѣ, скорѣе прыжками, чѣмъ обыкновенными шагами, останавливаясь черезъ каждые два или три прыжка, чтобы снова собраться съ силами, онъ все-таки подвигался впередъ. Но, наконецъ, наступила минута, когда не смотря на всю свою силу воли, онъ не былъ въ состояніи идти дальше. Онъ только успѣлъ добраться до межеваго столба, стоявшаго на краю дороги, бросилъ возлѣ него ранецъ и сѣлъ на него. Было совершенно темно; туманъ сталъ еще гуще. Опершись спиной о столбъ, онъ молчалъ. Не слышно было человѣческаго голоса, ни даже отдаленнаго лая собаки или крика совы. Онъ былъ одинъ среди пустыни, пустыни не заключавшей въ себѣ ни одного живаго существа. Онъ приложился ухомъ къ землѣ. Издали сквозь туманъ доносились глухой гулъ. Пушки еще не умолкли.

Что ему было теперь за дѣло, продолжается ли еще сраженіе, побѣдила ли французская армія или нѣтъ, хотя онъ и былъ волонтеръ, увлеченный патріотическимъ энтузіазмомъ. Онъ старался получше укрѣпить свою импровизированную перевязку, потомъ вспомнивъ, что у него въ карманѣ шанели долженъ быть кусокъ сухаря, началъ меланхолически грызть твердый сухарь, такъ какъ давно уже ничего не ѣлъ. Онъ чувствовалъ сильную жажду. Чего бы выпить? У него была на перевязи небольшая фляжка, но она была пуста. Онъ ее однако отерылъ и поднесъ ко рту. Одна капля водки была въ ней. Онъ принялся обдумывать свое положеніе.

Ему не было даже известно, гдѣ онъ находится. Марши и контр-марши, сдѣланные въ теченіе двухъ недѣль его отрядомъ, присоединившимся для похода къ арміи Шанзи, окончательно лишили его возможности ориентироваться. Кроме того, его мысли, съ тѣхъ поръ какъ онъ очнулся отъ безпамятства на свекловичномъ полѣ, были очень смутны.

Сколько времени онъ былъ безъ памяти? десять минутъ? три часа? день? Онъ не зналъ.

Онъ помнилъ, что солдаты его батальона провели ночь въ небольшой впадинѣ дороги, ничкомъ, не раздѣваясь. Было запрещено располагаться лагеремъ, даже курить, для того чтобы не привлечь на себя вниманія баварскихъ аванпостовъ, которые надо было захватить врасплохъ. Передъ разсвѣтомъ прибыла батарея изъ шести орудій и его батальонъ пошелъ впередъ на полторы тысячи метровъ. Тамъ нѣсколько минутъ отдыха, подъ прикрытіемъ кучки тополей и потомъ онъ вмѣстѣ съ сотней товарищей должны были отправиться въ качествѣ застрѣльщиковъ противъ длинной зубчатой изгороди, за которой находились нѣмцы. Эту изгородь легко было уничтожить нѣсколькими пушечными выстрѣлами, но батарея повидимому получила приказаніе не вступать въ бой безъ высшихъ распоряженій. Надо было безпрекословно идти грудью противъ зубчатой стѣны. Какъ билось у него сердце! Это было его первое сраженіе. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ этой минуты въ теченіе четырехъ безконечно длинныхъ мѣсяцевъ лагернаго обученія, плохо одѣтый, питаюсь плохой пищей, подъ плохимъ начальствомъ, утомляемый безтолковыми экзерциціями. Еще не совсѣмъ разсвѣло. Не было сдѣлано еще ни одного выстрѣла, невидно было ни одного непріятельскаго часового. Кто знаетъ? Можетъ быть на этотъ разъ удастся захватить врасплохъ тѣхъ, которые столько разъ захватывали врасплохъ насъ самихъ. Вѣдь рассказывали же чудеса о главнокомандующемъ — молодомъ генералѣ. Можетъ быть этотъ морозный разсвѣтъ будетъ разсвѣтомъ великой побѣды. Онъ не почувствуетъ страха и исполнитъ свой долгъ какъ и дру-

гіе. А что если онъ все-таки струсить? Это тягостное, уни-
 зительное сомнѣніе произвело въ немъ нервную дрожь. Не-
 терпѣливое бѣшеное желаніе, чтобы поскорѣе грянулъ первый
 залпъ и рѣшилъ, упадетъ ли онъ въ обморокъ отъ нервной
 трусости или храбро пойдетъ на приступъ, охватило его. Вотъ
 они ужъ всего въ сорока шагахъ отъ зубчатой стѣны. Отчего
 не стрѣляютъ эти дѣти неповоротливаго и флегматическаго
 народа? Ему почти хотѣлось крикнуть: «Да стрѣляйте же, ро-
 тозѣи». Наконецъ, чтобы побудить ихъ въ этому, онъ разря-
 дилъ въ воздухъ свое шаспо. Потомъ вдругъ страшный шумъ
 оглушилъ его. Онъ стрѣлялъ наобумъ, не видя ничего сквозь
 дымъ, затѣмъ инстинктивно упалъ ничкомъ. Начиная съ этого
 времени, его воспоминанія сдѣлались очень смутными и не-
 полными. Оглушительный грохотъ выстрѣловъ все продолжался.
 Пули звистали сквозь дымъ все болѣе и болѣе густой, иногда
 почти вплоть надъ его ухомъ, потомъ погружались въ землю,
 ломая свекловицу, какъ градъ при сильномъ вѣтрѣ. Онъ зналъ,
 что всѣ другіе застрѣльщики, его товарищи, здравые и не-
 вредимые или мертвые лежали ничкомъ, какъ и онъ. Среди
 мрака его сознанія ясно выдѣлялось еще ужасное измѣненіе
 лица негра солдата, лежавшаго въ четырехъ шагахъ отъ него.
 Оно вдругъ побѣлѣло, потрясающе побѣлѣло на одно мгнове-
 ніе, пока мозгъ вытекалъ изъ раскроеннаго черепа, покрывая
 курчавые волосы. Тогда онъ рядомъ съ трупомъ негра съ-
 жился, не шевелясь, стараясь защитить свой черепъ ружей-
 нымъ прикладомъ. Затѣмъ слѣдовали только смутныя воспо-
 минанія: ударъ въ пятку, какъ будто кнутомъ, потеря крови,
 тяжесть въ лѣвой ногѣ, ощущеніе, что она покрывается сна-
 чала тепловатой, а потомъ холодной жидкостью, все слива-
 лось въ его головѣ, какъ туманные видѣнія кошмара. Онъ,
 кажется, поднялся, но черезъ мгновение опять упалъ, почва
 заколебалась отъ проходившей мимо кавалеріи, копыта лоша-
 дей разсѣкали воздухъ возлѣ его лица, можетъ быть, даже
 цѣлый эскадронъ прошелъ по его тѣлу: все было возможно.
 Это и многое другое могло случиться, — пока тяжелая, черная

иселена, спустившаяся на его сознание, окутывала его мракомъ. Наконецъ, съ наступленіемъ ночи, онъ очнулся среди холоднаго тумана на необъятномъ полѣ, сдѣлавшемся уединеннымъ и молчаливымъ.

Онъ дрожалъ отъ холода и отъ страха. Попытка приподняться окончилась острой болью въ раненой ногѣ. Ослабѣвъ, онъ тяжело опустился на ранецъ и снова оперся спиной о столбъ, чувствуя, что лишается послѣдняго мужества и что если помощь не придетъ черезъ нѣсколько минутъ, онъ потеряетъ сознание. Послѣдняя надежда осталась ему, что французъ или пруссакъ, другъ или врагъ пройдутъ мимо него по дорогѣ и онъ насторожилъ уши. Не было слышно ни одного звука. Тогда собравъ всѣ свои силы, онъ протяжно жалобно закричалъ:

— На помощь!.. Ради Бога, на помощь!..

Переждавъ минуту, онъ снова началъ призывать на помощь, останавливаясь послѣ каждаго раза и внимательно прислушиваясь. Ничего не было слышно. Ужасное мертвенное молчаніе было ему отвѣтомъ. Тогда слезы наполнили его глаза и крупными каплями потекли по его дѣтскимъ щекамъ.

Вдругъ слезы его перестали течь — онъ вспомнилъ, казалось, о такой помощи, которая до сихъ поръ не приходила ему на умъ. Перекрестившись, онъ сталъ горячо молиться. Молитва его происходила на латинскомъ языкѣ.

Онъ молился долго и усердно—по привычкѣ шевеля большимъ и указательнымъ пальцами правой руки какъ бы перебирая четки. По временамъ онъ горячо цѣловалъ небольшой образокъ, висѣвшій у него на шеѣ на черномъ шнуркѣ, который онъ вытащилъ изъ подъ мундира. Кепи его благоговѣйно снятое, лежало на землѣ. На макушкѣ бѣгло широкое круглое гуменце, гладко выбритое и блестящее. Солдатъ, просившій здѣсь помощи у Бога, носилъ тонзуру.

Вдругъ отдаленный стукъ колесъ достигъ его слуха. Боже милостивый! Такъ молитва его услышана? И недоувѣряя своему неожиданному счастью, онъ наклонился ухомъ къ сторушѣ, съ которой доносился шумъ. Нѣтъ сомнѣнія—это стукъ

телѣги! Можно было уже ясно различить скрипѣніе осей и стукъ колесъ. Но онъ не могъ еще ничего разглядѣть. Все равно, лишь бы телѣга ѣхала по дорогѣ, на краю которой онъ сидѣлъ! На мгновеніе всякій шумъ прекратился и онъ задрожалъ всѣми членами. Что если телѣга остановится достигнувъ мѣста назначенія или свернетъ на проселочную дорогу? и онъ началъ снова креститься, на этотъ разъ чисто изъ трусости. Что дѣлать тогда? Звать на помощь. Но благо-разумно ли это? А вдругъ крики испугаютъ ѣдущаго и заставятъ свернуть съ дороги? Онъ снова прислушался. Лошадь бѣжала рысью и скоро должна была достигнуть того мѣста дороги, гдѣ онъ сидѣлъ. А что если телѣга не остановится, если ударъ кнутомъ по лошади будетъ единственнымъ отвѣтомъ на стоны раненнаго.

Нѣтъ! я лягу поперекъ дороги! Пусть лучше проѣдутъ по моему тѣлу!...

И съ силой, которую даетъ отчаяніе, онъ дотащился до середины дороги. Большая четырехколесная повозка, съ верхомъ изъ осмоленной парусины, натянутымъ на трехъ деревянныхъ обручахъ, мелкой рысью подвигалась прямо на него; она была ужъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ. Ослабѣвъ отъ усилія и задыхаясь, раненный хотѣлъ закричать, но могъ только испустить нѣсколько безсвязныхъ звуковъ. Хоть бы фонарь!.. Вѣдь его могутъ раздавить! Къ счастью, лошадь почуяла челоуѣка и испугавшись, остановилась, даже нѣсколько отступила назадъ.

— Кто тамъ? крикнулъ женскій голосъ.

Послышался стукъ взводимаго курка.

— На помощь!.. Сжальтесь!.. я раненъ!..

Онъ не могъ болѣе ничего сказать, глаза его закрылись и голова упала на затвердѣвшую грязь дороги.

Когда онъ черезъ нѣсколько мгновеній снова открылъ глаза, ихъ ослѣпилъ яркій свѣтъ. Женщина зажгла фонарь и смотрѣла на него, перегнувшись черезъ край повозки.—Кто вы? повторила она.—Что вы тамъ дѣлаете посреди дороги?

Ея музыкальный, немного низкій голосъ, стѣсненный отъ

сильнаго волненія, которое она видимо старалась скрыть, обпаруживала раннюю молодость. На ней была огромная крестьянская шуба, темнаго цвѣта, надѣтая повидимому поверхъ плаща; капюшонъ шубы былъ спущенъ, такъ что лица совсѣмъ не было видно. Правая рука не выпускала револьвера, курки котораго были изведены. Она повидимому, все еще чувствовала педовѣріе! Ей даже пришло въ голову погасить вдругъ фонарь, повернуть лошадь, чтобъ не раздавить это стонущее человѣческое существо, загораживающее дорогу и ускакать во весь опоръ. Но это значило бы испугаться, убѣжать, прикрываясь личной благоразумія, окзаться трусихой! Разсѣяннымъ, безучастнымъ голосомъ она продолжала разспрашивать молодого человѣка: когда очъ былъ раненъ? гдѣ чувствовалъ боль. Во время его отвѣтовъ борьба происходила въ ней. Вдругъ она повернулась вглубь повозки. Взглядъ, который она бросила туда подъ осмоленный верхъ, одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которыми обыкновенно спрашиваютъ совѣта, повидимому, заставилъ ее рѣшиться. Однако въ повозкѣ никого не было. Молодая женщина ѣхала одна.

— Подождите, я сейчасъ сойду.

Не смотря на свою слабость, раненный ясно замѣтилъ, что приближаясь къ нему, женщина сдержала нервную дрожь. Въ одной рукѣ у нея былъ фонарь, въ другой откупоренная бутылка.

Онъ жадно сдѣлалъ глотокъ. Это былъ ромъ.

— Благодарю, сказалъ онъ.—Мнѣ уже лучше. Еще...

Она наклонилась и снова протянула бутылку. Капюшонъ шубы приподнялся отъ этого движенія. Ему показалось, что она замѣчательно хороша. Онъ смутился и пересталъ пить.

— Скорѣе! мнѣ некогда... всеричала она съ нетерпѣніемъ. Онъ посмотрѣлъ на нее съ безповойствомъ.

— Возьмите бутылку. Я дамъ вамъ кромѣ того хлѣба... А теперь постарайтесь удалиться съ дороги... Я вамъ дамъ еще лошадиную попоу... Вамъ можно будетъ подождать утра.

Она говорила это сухимъ, отрывистымъ, не допускающимъ

возраженій голосомъ. Такъ госпожа приказываетъ своимъ слугамъ. Онъ почувствовалъ себя униженнымъ, какъ будто ему дали милостыню. Съ сердцемъ, полнымъ признательности къ той, которая пришла къ нему на помощь, онъ хотѣлъ поцѣловать ея руки и въ тоже самое время ему хотѣлось плакать. Онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста и краска, усиленная ромомъ, но главнымъ образомъ вызванная стыдомъ, покрыла его лобъ. Фонарь остался на землѣ. Она подняла его и сама отнесла на край дороги.

— Тамъ по крайней мѣрѣ вы не рискуете быть раздавленнымъ.

И она подняла фонарь. Несчастный раненный хромя поплелся впередъ. Она не осмѣлилась поторопить его и даже сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу, все поднимая фонарь. Ихъ взгляды встрѣтились и она замѣтила, что его глаза полны слезъ. Она замѣтила также его молодость. Интересъ началъ зарождаться въ ней. И она обратилась къ нему съ новыми вопросами.

— Какъ васъ зовутъ?

— Габріэль... Габріэль Марти.

— Откуда вы родомъ?

— Изъ Витре.

Изъ Витре! а она изъ Ренна! Стало быть онъ Бретонецъ, какъ и она и они почти земляки. Она посмотрѣла на него внимательнѣе. Изящество этого худощаваго, болѣзненнаго лица поразило молодую женщину. Она снова повернулась къ повозкѣ. Борьба опять началась въ ея душѣ. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ она отвезла бы этого юношу въ госпиталь или просто въ ближайшую гостиницу.

— Я не могу!.. я не могу.

Голосъ ея былъ печаленъ, когда произносилъ эти слова. Она должно быть была поражена большимъ горемъ и отвлеченный на мгновение отъ собственнаго несчастья. Габріэль Марти подавилъ вздохъ.

— Вы сейчасъ сами увидите, что я не могу!.. И подойдя

въ повозкѣ, она рѣзкимъ движеніемъ руки откинула конецъ смоленой парусины.

— Смотрите!

При свѣтѣ фонаря показался бѣлый деревянный ящикъ, покрытый чернымъ покрываломъ.

— Здѣсь лежитъ тѣло барона де-Племорана, стараго павшаго на полѣ битвы...

Голосъ ее оборвался и она принуждена была остановиться на нѣсколько секундъ.

Это былъ мой мужъ... Я потеряла его сегодня утромъ... Сражалась... Никто не хотѣлъ его перевезти: тогда я купила крестьянина эту лошадь и повозку...

Не находя словъ, Габріэль Марти опустился на колѣни, снялъ кепи и перекрестившись сталъ горячо молиться.

Четверть часа спустя, повозка ѣхала по дорогѣ мелкой рысью. Вдова барона Племорана правила лошадью, а позади ее уже крѣпко спалъ молодой солдатъ, растанувшись на солонѣхъ рядомъ съ гробомъ.

Лошадь была неповоротливая, но сильная. Молодая женщина безпрестанно погоняла ее, чтобы заставить идти рысью. Дорога разбитая, почти уничтоженная арміями, которыя столько разъ проходили по ней назадъ и впередъ, становилась все хуже и хуже, но молодая женщина успѣшно справлялась со всѣми затрудненіями.

Было не болѣе девяти часовъ вечера. Они подѣхали къ крутому, танувшемуся на большое разстояніе холму. Ѣхать рысью нечего было и думать. Она положила кнутъ, ослабила возжи и свободно пустила лошадь. Затѣмъ вся предалась своимъ мыслямъ. Не отдавая себѣ отчета въ причинѣ, она чувствовала, что совершенно успокоилась. Ея тѣло не испытывало болѣе той острой нервной дрожи, которая неволью потрясала ее часъ назадъ. Можетъ быть присутствію раненаго обязана она своимъ внезапнымъ успокоеніемъ. Не правли-ли, есть минуты когда общество груднаго ребенка, даже животнаго способно придать храбрости? Кто знаетъ, можетъ быть завтра

этому мальчику отрѣжутъ ногу, а черезъ сутки онъ уже будетъ мертвъ, какъ и г. де Племоранъ. Ничего! такъ ему и нужно! На что онъ ей сильный, здоровый, въ полномъ вооруженіи, не только не нуждающійся въ помощи, но даже самъ готовый оказать ей помощь. Теперь, когда она выказала столько героизма, ей не хотѣлось, чтобы ея героизмъ «пропалъ даромъ».

Въ то же самое время она составила себѣ планъ дѣйствій. Она будетъ везти молодаго солдата, если онъ будетъ лежать смирно и не станетъ надѣдаться ей, а съ наступленіемъ дня оставить его въ гостинницѣ, или на какой нибудь гостеприимной фермѣ. Она дастъ даже денегъ, чтобы этотъ несчастный не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка и чтобы за нимъ хорошо ухаживали. Потомъ она будетъ продолжать путешествіе до ближайшей желѣзнодорожной станціи. Если дорога будетъ прервана, она поѣдетъ дальше. И хоть бы ей пришлось проѣхать одной сто километровъ по этой странѣ, гдѣ нѣсколько армій сражались ужъ цѣлыя двѣ недѣли, она все-таки доберется до желѣзнодорожнаго поѣзда, который доставитъ ее съ останками мужа въ Племоранъ, въ Нижней Бретани.

Да и чего ей бояться въ самомъ дѣлѣ?

Мертвыхъ вездѣ уважаютъ. Если случайности ея печальнаго путешествія приведутъ ее къ какому нибудь вооруженному отряду, то самое худшее, что можетъ случиться, это что телѣгу обыщутъ.

Нѣмцы, французы, регулярная войска, узаны или вольные стрѣлки, всѣ разступятся передъ гробомъ и свободно пропустятъ ее, отдавая честь своимъ оружіемъ. И такъ ей опасны только отдѣльные мародеры, отсталые, дезертиры, алчные крестьяне. Она слышала, что двѣ воюющія арміи постоянно оставляютъ за собой эти грязные поддонки, этихъ человѣческихъ вороновъ, которые на другой день послѣ сраженія дерутся изъ за добычи на полѣ битвы, которые добиваютъ раненныхъ, чтобы удобнѣе обобрать ихъ. Противъ этихъ тварей, какой бы національности они не были, у нея есть револьверъ. И ея

правая рука опустилась въ помѣстительный карманъ шубы, чтобы ощупать этотъ револьверъ—онъ тамъ. Она почувствовала, что совершенно успокоилась.

Потомъ потокъ ея мыслей принялъ другое направленіе. Это не она ѣхала ночью одна по большой дорогѣ, а другая необыкновенная женщина, о которой она нѣкогда грезила, живущая жизнью, которою она никогда не жила.

И невѣроятность ея приключенія, неправдоподобіе этой дѣйствительности заставляло ее по временамъ смѣяться смутнымъ внутреннимъ смѣхомъ.

Не эта ли необыкновенная женщина являлась ей, когда она была еще совсѣмъ ребенкомъ, въ восьмидесяти полуразрушенныхъ комнатахъ замка Племоранъ. Дядя ея, старый маркизъ, человекъ несообщительнаго характера, проводившій, не смотря на свой возрастъ, по три дня въ ряду на охотѣ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не перекидывался съ ней ни однимъ словомъ.

Тетка, непоумѣрно длинная, сухая и угловатая, безобразная и дурно одѣтая женщина, проводила время на молитвѣ въ капеллѣ въ глубинѣ парка, а въ часы, оставшіеся отъ молитвы, спрашивала у нея урокъ изъ катехизиса, пугала ее адскими мученіями или учила сохранять впрокъ яблоки. Ея двоюродный братъ «господинъ Тривульсъ», пятнадцатю годами старше ея, безобразный какъ дьяволъ и эгоистъ, какимъ можетъ быть только единственный сынъ, хотя и нареченный женихъ «госпожи Эдмон», обращалъ на нее столько же вниманія, сколько на тѣхъ несчастныхъ нищихъ женщинъ, въ которыхъ онъ бросалъ каменьями, когда замѣчалъ, что онѣ хотятъ собрать немного валежнику. Любимѣйшимъ занятіемъ «господина Тривульса» во время рекреационныхъ часовъ, которые ему оставлялъ аббатъ, его учитель, было колотить, толкать или щипать ту, которая должна была сдѣлаться его женой. Она, можетъ быть, была бы навсегда изувѣчена безъ своей кормилицы, добродушной бретонки, родившейся въ Племоранѣ и не умѣвшей ни читать, ни писать, но за то

обладавшей поэтическимъ, хотя и наивнымъ воображеніемъ и рассказывавшей Эдиен множество всякаго рода сказокъ и легендъ.

Подъ вліяніемъ этихъ легендъ, семейныхъ портретовъ, развѣшанныхъ по необъятнымъ галлереямъ, иногда покрытыхъ многовѣковой пылью, старыхъ обоевъ, страшно истрепавшихся отъ времени, самой атмосферы этого малоуютнаго дома, мрачной и затхлою, «госпожа Эднѣ» создала себѣ фантастическую подругу. Принужденная уйти въ себя, замкнуться въ своемъ внутреннемъ мірѣ, располагаемая къ фантастическимъ грезамъ самой природой, этимъ мрачнымъ небомъ, этими дремучими лѣсами, тяжелыми ударами океана о сосѣдніе утесы, завываніями вѣтра, свободно проходившаго сквозь старыя неплотныя оконныя рамы и разгуливавшаго по безконечнымъ корридорамъ, она давно бы умерла безъ этой невидимой подруги, которая, казалось, росла и измѣнялась вмѣстѣ съ ней. Сначала во время ея одинокаго дѣтства маленькая сестра, созданная ея воображеніемъ, долго участвовала во всѣхъ ея играхъ. Потомъ, когда, четырнадцати лѣтъ, она пряталась для чтенія рыцарскихъ романовъ, украденныхъ изъ бібліотеки замка, маленькая сестра превратилась въ прекрасную дѣву, исполненную благородства и чистоты, любимую рыцарями, которые умирали, смертельно раненные, цѣлуя локонъ ея волосъ.

Красота этой героической дѣвы была составлена изъ сотни различныхъ чертъ, заимствованныхъ у всѣхъ женщинъ стараго Племоранскаго рода: изящная стройная талія у замѣчательно стройной современницы Филиппа Августа, у другой, производившей фуроръ при дворѣ Людовика XIII, — большіе глаза, обведенные едва замѣтными кругами, у третьей розы и лиліи, отгѣненные мушкой, какъ носили во времена Регентства, у четвертой благородная осанка головы, немного сжатый носъ у всей породы, наконецъ у послѣдней несравненная лебединая шея, нѣкогда безжалостно перерубленная топоромъ доктора Гилотена. Такъ проходила ея жизнь отъ четырнадцатаго до

девятнадцатаго года! Тривульсь, по окончаніи воспитанія, жилъ въ Парижѣ совершенно самостоятельно въ ожиданіи своего брака съ двоюродной сестрой, заранѣ рѣшеннаго. Маркизь, разбитый параличемъ, не поднимался съ кресла и допускалъ къ себѣ только стараго семидесятилѣтняго слугу. Тетка возниѣла страсть къ попугаямъ и собачкамъ, которымъ и посвящала все время, остававшееся отъ ея обычнаго стоянія на молитвѣ въ капеллѣ. Такимъ образомъ она пользовалась очень большой свободой. Какъ бѣшено скакала она въ глубинѣ лѣсовъ, или по прибрежнымъ утесамъ, сопровождаемая издали только двумя егерями!

Кромѣ того она страстно любила чтеніе. Въ особенности ночью, когда все въ замкѣ спало, она, съжившись на своей широкой кровати съ колоннами, поставивъ лампу на ночной столикъ, вся уходила въ книгу. Завыванія вѣтра, проникавшаго сквозь щели дверей, прекрасно гармонировали съ жалобами скорбящей души. Чудные рѣдкіе часы, когда неподвижность тѣла какъ бы придавала крылья ея воображенію. Живое уединеніе, населенное множествомъ призраковъ. Сколько разъ, погасивъ наконецъ свѣчу, она должна была задерживать тяжелый пологъ своей кровати, чтобы не видѣть наступающаго разсвѣта.

Правда она просыпалась тогда только при первомъ ударѣ колокола, зовущаго къ завтраку и поздно сходила внизъ блѣдная, съ темными кругами подъ глазами, но тетка, никогда не успѣвавшая во время справиться съ завивкою всей своей стани, сходила къ завтраку еще позже.

Мало по малу вся библіотека была прочитана.

Въ старомъ томикѣ «Робинзона Крузо», съ вырванными страницами, отпечатокъ поги «Пятницы» приводилъ ее въ трепеть. Она два раза перечитала всего Вальтеръ-Скотта, безконечную исторію крестовыхъ походовъ и средневѣковые романы; затѣмъ рассказы о замѣчательныхъ путешествіяхъ, покореніе Мексики Кортесомъ; Атала, Рене и Начезъ наполнили ея голову поэтическимъ туманомъ, среди котораго про-

рвался вдругъ внезапный лучъ свѣта: чтеніе разрозненнаго тома «Человѣческой Комедіи». Потомъ она набросилась на драматическія сочиненія: она ничего не поняла въ Шекспирѣ, переведенномъ Дюси, Расинъ заставлялъ ее скучать! За то Корнель приводилъ ее въ волненіе. Мольеръ смѣшилъ, но и только, такъ какъ, не зная жизни, она не могла понять скрытой горечи его смѣха. Точно также она прочитала, не понимая, Дидро, сто томовъ полнаго собранія сочиненій Вольтера, сочиненія по химіи и естествознанію, «Философскій словарь». Наконецъ, когда, паскучивъ книгами, бывшими ей не по плечу, она перерывала сверху до низу бібліотеку, жаждая найти еще какую нибудь книгу, случай открылъ ей существованіе тайника. Нужно было только подавить незамѣтную пуговку пружины, искусно поддѣланную подъ узловатость дерева и доска отскакивала, отрывая небольшую пустоту. Въ тайникѣ было десятка два порнографическихъ сочиненій.

Въ романѣ маркиза Сада, который случайно первый повернулся ей подъ руку, она ровно ничего не поняла, такъ велика была ея невинность. Перелистывая другіе, она все еще ничего не понимала, пока наконецъ невзаткнулась на Гаміани виконта Алжида де-Т... съ гравюрами. При видѣ этихъ гравюръ, она внезапно покраснѣла, огонь пробѣжалъ по спинѣ у нея и она безпокойно, въ нерѣшимости повернулась къ двери.

Служанка, управившись съ другими комнатами, мела галерею передъ бібліотекой, тетка скоро должна была пройти мимо по пути въ капеллу. Могли войти! И стремительно захлопнувъ тайникъ, Эдионъ убѣжала въ густую рощу въ отдаленномъ углу парка, куда кромѣ нея никто не заходилъ уже лѣтъ десять. Тамъ, убѣжденная, что никто ей не помѣшаетъ, у подножія обезображенной статуи, изображавшей стараго фавна, дразнящаго безрукую нимфу, она принялась снова пересматривать гравюры. Потомъ она открыла другую книгу. Это была «Дафнисъ и Хлоя». Она прочла ее безъ перерыва отъ доски до доски. Незабвенный день!

За три недѣли передъ тѣмъ ей исполнилось девятнадцать лѣтъ. Июнь стоялъ на дворѣ. Были очень тепло. Возлѣ нея, въ чащѣ деревьевъ, двѣ пары бѣлыхъ крыльевъ трепетали отъ невидимыхъ ласкъ. Съ горящими щеками, съ вспотѣвшими лбомъ, задыхаясь, она бросала порой чтеніе. Двѣ бѣлая бабочки медленно кружились другъ около друга и наконецъ соединились въ одинъ бѣлый листокъ. Вечеромъ за ужиномъ она не могла ѣсть.

Тогда, во время двухъ долгихъ лѣтъ, отъ девятнадцати до двадцати одного, она почувствовала себя совсѣмъ другой. Куда дѣлась эта фантастическая сестра, созданіе воображенія, которая въ дѣтствѣ дѣлила съ ней игры, которая росла вмѣстѣ съ нею и была надѣлена красотой всѣхъ Племорановъ и всѣхъ героинь романовъ, встрѣчавшихся Эднѣ? Поглотила ли ее вѣчность или удерживаемая какой нибудь высшей силой, она рыдаетъ гдѣ нибудь въ одиночествѣ, съ грустью въ сердцѣ и съ глазами постоянно полными слезъ. Ибо невозможно было допустить, что безгрѣшное видѣніе, незабвенная подруга ея чистыхъ дней, превратилась въ звѣря. А въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ дѣйствительно звѣрь являлся Эднѣ постоянно, днемъ и ночью: звѣрь похотливый и безстыдный, погрязшій въ тинѣ сладострастія, постоянно стремящійся къ неосуществимому удовлетворенію своихъ страстей. Сколько дней прошло такимъ образомъ среди торжественной скуки стараго замка, сколько ночей, пламенныхъ ночей, когда разсвѣтъ часто заставлялъ ее не могущей сомкнуть глазъ и въ бѣшенствѣ кусающей изголовье! Все живое въ деревнѣ спѣшило пользоваться прекраснымъ лѣтнимъ временемъ. Съ ранняго утра она рыскала по окрестностямъ пѣшкомъ или на лошади, постоянно занятая одной мыслью, питая смутную надежду найти среди всеобщаго наслажденія природы удовлетвореніе и себѣ. Но она возвращалась въ отчаяніи, въ состояніи, достойномъ сожалѣ-

нiя, проходила, не останавливаясь, въ свою комнату, запира-лась на ключъ, срывала съ себя платье или амазонку, распу-скала корсетъ и бросалась на постель, задыхаясь, протя-гивая руки въ пространство къ неизвѣстному существу, по-томъ заламывая ихъ, сдерживая хриплые крики. Развѣ она не видѣла въ цыганской повозкѣ, ѣхавшей по дорогѣ, мо-лодую дѣвушку своихъ лѣтъ, съ курчавыми волосами, спав-шую, обнявъ станъ красиваго мужчины, который правилъ лошадьми.

Она очень похудѣла. Большіе черные круги появились у нея подъ глазами. Она стала прихварывать. Докторъ, при-званный изъ города, прописалъ ей желѣзо, тетка жгла свѣчи въ капеллѣ, а кормилица, не умѣвшая ни читать, ни писать, пробормотала сквозь зубы: «Надо выдать ее замужъ».

Потомъ циничный звѣрь, безпокоившій ее въ теченіе этихъ двухъ пагубныхъ лѣтъ, исчезъ въ свою очередь. Въ тотъ день, когда она была обвинена съ Тривульсомъ, пріѣхавшимъ изъ Париза, все какъ будто умерло въ ней. Самая манера, съ какой онъ, послѣ пятилѣтняго отсутствiя, напечатлѣлъ на ея лбу первый поцѣлуй жениха, наполнила ее душу невырази-мымъ отчаяніемъ. Бракъ однако совершился и Эдионъ не осмѣ-лилась сдѣлать возраженіе, открыться дядѣ или теткѣ, произ-нести хоть слово жалобы. Рыданіе сжало ей горло, когда она стояла подъ подвѣнчною вуалью въ Шеморанской церкви ря-домъ съ двоюроднымъ братомъ, бившимъ ее въ дѣтствѣ и те-перь оставшимся деспотомъ и дуракомъ. Ей вдругъ не хва-тило воздуха, какъ будто ее опустили въ могилу и задѣлывали могильный камень надъ ее головой.

Наконецъ, черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, немного свѣта и свѣжаго воздуха проникло сквозь неожиданную трещину въ эту душную могилу замужества. Война началась. Послѣ пер-

выхъ нашихъ неудачъ, Тривульсъ, возвратившись однажды отъ своего сосѣда де Керазели, сказалъ: «А знаете ли? важныя новости!.. Катэлипо набираетъ волонтеровъ... де Керазель идетъ... де ла Ферте также... и де Керали... и де Киберонъ!..»

Она посмотрѣла на него съ большимъ противъ обыкновеннаго вниманіемъ. «Я завтра уѣзжаю», прибавилъ онъ просто. Въ добрый часъ! Она, сама урожденная Племоранъ, узнаетъ въ немъ настоящаго Племорана. И она протянула ему руку съ сочувствіемъ, котораго никогда къ нему не выказывала. А теперь она увозитъ его мертваго, лежащаго въ этомъ бѣломъ деревянномъ ящикѣ. И Эдионъ повернула голову внутрь повозки.

Они переѣхали наконецъ холмъ. Она снова погнала лошадей. Отъ быстрой ѣзды повозка высоко подскакивала каждый разъ, какъ подъ колеса попадался камень. При каждомъ большомъ камнѣ она вся скринѣла, какъ будто собираясь развалиться на куски и Эдионъ поворачивала голову, чтобы убѣдиться, въ телѣгѣ ли еще печальный грузъ.

Теперь ей почти казалось, что она любила барона. Она забыла адскую злость, съ которой «господинъ Тривульсъ» вымѣщалъ на ней всю скуку переводовъ изъ Плутарха и прогулокъ со своимъ аббатомъ по «садамъ греческихъ корней». Она забыла, что онъ былъ пятнадцатью годами старше ея, забыла его глубокій эгоизмъ единственнаго сына, его низкую душу, его холодную пресыщенность парижскаго вивера, постоянно сожалѣвшаго объ удовольствіяхъ своей короткой столичной жизни и таготившагося провинціей, въ которой его удерживала недостаточность состоянія—она забыла все и помнила только, что этотъ жалкій человекъ, съ отвратительнымъ характеромъ, умеръ, исполняя свой долгъ на полѣ битвы, какъ подобаетъ умереть истому Племорану. Даже, сама урожденная Племоранъ, она съ горечью говорила себѣ, что ихъ славный родъ долженъ прекратиться навсегда, такъ какъ не существовало другой вѣтви, а дѣтей она не имѣла. Она готова была считать себя очень несчастной. И еслибъ не сознаніе, что она

исполняетъ великую обязанность, что она должна обаяться достойной своего рода, то очень можетъ быть, что подъ вліаніемъ нервного раздраженія она разрыдалась бы горькими слезами.

Вдругъ Эдионъ невольно вздрогнула. Сзади послышался глубокий вздохъ и движеніе тѣла, повернувагося на другой бокъ. Габріэль Марти, о которомъ она совсѣмъ забыла, зашевелился.

Онъ повернулся на лѣвый бокъ, спиною и ногами къ гробу. Въ этомъ положеніи онъ тяжело сопѣлъ, какъ будто отъ сильной усталости и сопѣніе это вывело изъ себя госпожу де Племоранъ.

Это сопѣніе мѣшало ей слѣдовать за потокомъ своихъ мыслей. Ей стало досадно на то, что она подобрала раненаго. Она приняла слишкомъ необдуманное рѣшеніе, послушавшись только голоса состраданія. Люди, у которыхъ первымъ движеніемъ является движеніе сердца, не должны довѣрять чувству первой минуты. Она слишкомъ поздно одумалась. Если теперь ей встрѣтятся пруссаки, то присутствіе въ ея повозкѣ французскаго солдата, въ мундирѣ и съ ружьемъ, можетъ показаться очень подозрительнымъ. Въ первомъ жилищѣ, которое ей попадетъ, она высадитъ раненаго. Если ей встрѣтятся даже какая нибудь телѣга, то она вступитъ въ переговоры, чтобы избавиться отъ него тотчасъ же, хотя бы за деньги. Въ ожиданіи этого, она нѣсколько разъ ударила лошадь, хотя дорога опять пошла въ гору, чтобы стукомъ колесъ заглушить это, раздражавшее ее, сопѣніе.

Въ половинѣ перваго ночи, Габріэль Марти проснулся. Онъ чувствовалъ себя лучше. Нѣсколько глотковъ рома и четыре или пять часовъ глубокаго сна придали ему силъ. Боль въ ранѣ унялась послѣ отдыха и меньше давала себя чувствовать.

Это чувство довольства едва оставляло въ немъ мѣсто для мысли, что рядомъ съ нимъ лежитъ трупъ. И что въ самомъ дѣлѣ ему до того, что за этой доской находится мерт-

вещь. Черное покрывало не пропускало даже его изгибовъ и, покрывая почти весь гробъ, спускалось на дно повозки. Онъ никогда не видѣлъ этого человѣка. Притомъ ужъ нѣсколько дней смерть окружала его: а при такихъ обстоятельствахъ смерть другаго не производитъ особеннаго впечатлѣнія и даже невольно наполняетъ васъ эгонстическимъ удовольствіемъ при мысли, что это могло бы случиться съ вашей собственной собой. Въ концѣ концовъ, гробъ былъ не болѣе, какъ простой деревянный, грубо сдѣланный ящикъ. Однако онъ машинально перекрестился, тихо пробормоталъ молитву «объ усопшихъ», потомъ, вытщивъ изъ-подъ мундира образокъ, поцѣловалъ его и повернулся спиной къ г. де Племорану.

Молодая женщина не шевелилась. Сидя на козлахъ, на передкѣ повозки, она продолжала править. Ему стоило только протянуть руку, чтобы прикоснуться къ ней, но ночь была такъ темна, что онъ очень неясно различалъ ея фигуру. Время отъ времени, сильный кашель потрясалъ подъ шубой все ея тѣло: она простудилась. «Какъ бы эта замѣчательная, мужественная женщина не заболѣла! Если бы онъ только смѣлъ, онъ, который уже совсѣмъ согрѣлся, то снялъ бы съ себя шинель и окуталъ ей ноги и повязалъ бы ей шею своимъ шерстянымъ кашне. Потомъ мысли Габріэля сдѣлались смутными. Его длинныя, опущенныя рѣсницы снова сомкнулись и онъ впалъ въ дремоту. Онъ чувствовалъ, что погружается въ какую-то сладкую, вѣжную истому. Незнакомое счастье охватило все его существо и онъ весь предался ему.

Все это, конечно, произвело присутствіе этой молодой женщины, черты которой онъ успѣлъ только мелькомъ видѣть. Она спасла его. Его душа, въ порывѣ признательности, постоянно устремлялась къ ней. И онъ чувствовалъ, что она тутъ, возлѣ него. Однимъ движеніемъ онъ могъ бы обнять ея станъ.

Ему даже пришло въ голову осторожно протянуть руку по солому и тихо коснуться ея платья, дотронуться до него кончикомъ своихъ пальцевъ. Онъ зналъ, что это прикосновеніе доставитъ ему невыразимое наслажденіе. Ему такъ хотѣ-

лось испытать это наслажденіе и онъ ужъ совсѣмъ былъ готовъ исполнить свое желаніе, но въ отяжелѣннн дремоты рука не тотчасъ повиновалась его волѣ и аббатъ Марти успѣлъ вспомнить, что онъ священникъ.

Священникъ! для него женщина запретный плодъ! Ему воспрещено касаться ея даже мысленно. До сихъ поръ таинственный священный ужасъ удерживалъ его отъ такого прикосновенія. Но онъ не всегда былъ священникомъ. Возвращаясь къ болѣе отдаленнымъ годамъ своей жизни, онъ вспоминалъ, что женщина уже очень рано сдѣлалась центромъ его помысловъ.

Въ Витре, когда онъ еще совсѣмъ дитя, выходилъ съ своей благочестивой матерью отъ вечерни, подъ высокіе вязы на площади вокругъ готической базилики, къ нимъ подходила старая пріятельница, вдова съ дочерью, высокой, сильной двадцатипятилѣтней дѣвушкой, для которой все не пріискивался женихъ. Она постоянно нагибалась, чтобы поцѣловать маленькаго Габріэля и маленькій Габріэль подолгу висѣлъ на шеѣ у красивой дѣвушки, пожирая поцѣлуями ея красивыя щеки, сжимая ее своими цѣлкими лапами молодой сладострастной кошки.

Отецъ его былъ судебнымъ приставомъ. Выросшій въ конторѣ пристава среди судебныхъ объявленій, протестовъ и запрещеній, среди кипъ пожелтѣвшей гербовой бумаги, испускавшей запахъ пыли, затхлости и плѣсени, смѣшивавшійся съ отвратительнымъ благоуханіемъ ябеды, молодой Габріэль провелъ все свое дѣтство въ мрачной комнатѣ съ единственнымъ запыленнымъ окномъ, выходившимъ въ переулокъ. Въ этомъ узкомъ переулкѣ никто никогда не показывался исключая субботы, воскресенья и понедѣльника, когда завсегдатаи темнаго кабака, пританцвагося въ подвальномъ этажѣ, въ блузахъ, пошатываясь ходили взадъ и впередъ. Пьяные крики, пьяныя пѣсни, брань, ссоры обозначали эти дни. Пьяная неота, рвота, смѣшивались съ шумомъ кухонныхъ нечистотъ, стекавшихъ по свинцовымъ трубамъ изъ каждаго этажа. Но въ окнѣ

напротивъ, въ верхнемъ этажѣ посреди вьюнковъ и настурцій, ползущихъ по четыремъ веревочкамъ, работала молодая дѣвушка. Каждую минуту слышался рѣзкій и грубый голосъ ея матери, ворчавшей на нее «Марія! Марія!» Но Марія не теряя ни минуты, шла съ утра до вечера. Постоянно слышался тихій скрипъ ея иглоки или ея ножницъ. Только по полудни, когда ея мать уходила въ прачешную съ узломъ бѣлья на головѣ, Марія немного отдыхала, поглядывая въ переулокъ.

Тогда онъ видѣлъ ея ослѣпительно бѣлый лобъ и ея густые, постоянно растрепанные рыжіе волосы. Иногда она забавлялась, плюя въ переулокъ или стараясь попасть въ какую нибудь проходившую мимо кошку комочкомъ земли, взятыхъ изъ ящика съ вьюнками. Веселый взрывъ смѣха внезапно развязывалъ голубую косынку, повязанную у нея на груди. Изрѣдка она устремляла взглядъ на кабинетъ пристава, — тогда онъ покраснѣвъ, спѣшилъ опустить носъ въ свои бумаги.

Ему казалось очень приятнымъ сознавать, когда онъ, десятилѣтній маленькій писецъ, переписывалъ свои бумаги, что эта Марія, бывшая по крайней мѣрѣ вдвое старше его, работаетъ тутъ же неподалеку. Иногда послѣ полудня Марія принималась пѣть протяжнымъ и монотоннымъ голосомъ какой нибудь томный романсъ, куплеты котораго она неизмѣнно повторяла. А отецъ Габріэля былъ тогда въ судѣ. И лучъ заходящаго солнца, проникая въ открытое окно, золотилъ старую темную контору. Онъ неясно понималъ еще смыслъ словъ «Любовникъ... любовница... любовь...», которыми изобиловали романсы Маріи, однако, въ такіе вечера, лежа въ постели, какъ только мать уносила свѣчу, онъ возвращался мысленно къ окну съ настурціями и вьюнками. Показывается растрепанная голова Маріи. И вотъ она уже въ его комнатѣ! Она тутъ рядомъ съ нимъ въ его постели и онъ обнимаетъ ее и шепчетъ засыпая: «Я люблю тебя! я люблю тебя!» Иногда онъ произносилъ эти слова во снѣ.

Потомъ вдругъ въ одинъ прекрасный день Марія пере-

стала пѣть. Она совершенно измѣнилась: отвѣчала своей матери каждый разъ, когда та ворчала на нее, иногда безъ всякой причины заливалась слезами. Подъ глазами появились темные круги. Утромъ, когда онъ тайкомъ смотрѣлъ какъ она поливаетъ свои цвѣты, ему показалось, что крупная слеза упала въ цвѣточный ящикъ. Съ ней, конечно, что-то случилось. Потомъ вечеромъ изъ своей комнаты, которая была рядомъ съ кабинетомъ, Габріэль слышалъ грубую сцену: — «Шлюха! Распутница! кричалъ отецъ Маріи. Беременна и еще не хочешь сказать отъ кого!.. Распутница! Шлюха!» Каждое ругательство падало ударомъ молота на бѣдную дѣвушку и онъ слышалъ, какъ голова ея тяжело ударилась объ уголъ скамьи. До самаго утра рыдала Марія. Потомъ ее ужъ не было видно между вьюнками. Она оставила своихъ родителей. А онъ находя контору пристава мрачной какъ могла, объявилъ своему отцу, что никогда не будетъ судебнымъ приставомъ. Его мать постоянно мечтала имѣть сына духовнаго и онъ сдѣлался священникомъ.

Будучи священникомъ, онъ все таки никакъ не могъ освободиться отъ постоянной мысли о женщинѣ. Сначала въ продолженіе шести лѣтъ семинарскаго ученія, онъ долго вспоминалъ объ этой Маріи. Въ классѣ, пока имъ объясняли синопсисъ священной исторіи, его мысли уносились къ ней. «Что съ ней теперь?.. Вышла ли она замужъ за того, отъ кого забеременѣла?.. Вернулась ли къ родителямъ?.. Или, можетъ быть, сдѣлалась проституткой?.. И онъ отыскивалъ въ своемъ большомъ французско-латинскомъ словарѣ слова: проститутка, публичная женщина, куртизанка. Въ классѣ товарищи, заслонившись большими раскрытыми поплетрами, вступали въ сальные разговоры, а онъ, закрывъ лицо руками, заткнувъ уши, закрывъ глаза, погружался въ воспоминанія объ окнѣ, обрамленномъ настурціями и вьюнками. Марія охраняла его чистоту. Въ капеллѣ, когда органъ вторилъ пѣнію гимновъ, ему казалось, что онъ слышитъ отдаленные звуки ея нѣжнаго голоса. Она немного походила на дѣву съ золотистыми воло-

сами, нарисованную на стеклахъ надъ алтаремъ. Однажды онъ написалъ въ честь ея стихи, знаменитымъ александрійскимъ размѣромъ, которые перехватилъ учитель церковной исторіи и прочелъ ихъ передъ всѣмъ классомъ, осыпая похвалами, не смотря на бѣдность рѣчю. Потомъ съ лѣтами неосвязаемый покровъ нечувствительно закрылъ образъ Маріи. Ея глаза, ея черты, ея голосъ, даже ея имя — все мало по малу погрузилось въ туманъ. Однако отъ нея остался нѣкоторый слѣдъ въ нилкомъ благочестіи молодого семинариста. Онъ хотѣлъ любить Бога всѣми силами своей души, какъ нѣкогда любилъ женщину. вмѣсто женщины Богъ. Таинственное вмѣсто таинственнаго. Таково было его «призваніе». И онъ связалъ себя вѣчнымъ обѣтомъ. Но даже среди энтузіазма отреченія онъ долженъ былъ постоянно обѣщать себѣ, чтобы успокоить роковые порывы бунтующей плоти, что за все это счастье, за всѣ эти наслажденія, отъ которыхъ онъ теперь отрекся, ему будетъ воздано сторицею въ будущей жизни. Даже исполняя свои священныя обязанности, служа обѣдню, освящая просфоры, давая отпущеніе грѣховъ, онъ никакъ не могъ отогнать отъ себя мысль, что въ грядущемъ онъ насладится всѣми этими удовольствіями, одухотворенными, лишенными яда пресыщенія. Въ особенности онъ любилъ исповѣдь. Тамъ, среди тишины и полусвѣта исповѣдальни, этого всепрощающаго судилища, онъ продолжалъ любить женщину. Сквозь тонкую рѣшетку, онъ слышалъ шопотъ тайныхъ признаній. Незабвенные часы! Рукой духовнаго хирурга, подъ которой должны раскрываться всѣ покровы, онъ обнажалъ женщину, срывалъ съ нея послѣднее покрывало. Одна несла ему вистививныя волненія дѣвичьей невинности, еще не сознающей самое себя, другая—послѣднее сопротивленіе сердца уже объятаго страстью, третья—первыя разочарованія, преждевременныя угрызения раскаянія, готоваго на новыя паденія, четвертая—окончательное разочарованіе критическаго возраста, пятая—послѣднія заблужденія начинающейся старости, мѣняющей предметъ своихъ помышленій: ханжество, лицемѣріе и

ребячество, послѣднія искры погасающаго пламени. И всѣхъ ихъ онъ равно любилъ чистою любовью духовнаго отца: облегчая имъ признанія, угадывая недосказанное, снисходительный къ согрѣшившимъ, онъ скорбилъ со всѣми ихъ печалью, плакалъ со всѣми надъ ихъ несчастіями. И во всѣхъ ихъ онъ любилъ тогда—любилъ цѣломудренно, казалось ему, любовью чисто христіанскою, любовью Господа нашего Іисуса Христа къ Магдалинѣ—тоже самое, что любилъ нѣкогда съ наивною силой инстинкта—единое абстрактное существо, лучшее созданіе Божіе—женщину!

Но если онъ всегда любилъ женщину только сквозь рѣшетку исповѣдальни, любовью Господа нашего Іисуса Христа, то не было-ли чудовищной несправедливостью запретить ему, послѣ трехъ лѣтъ священства, входить въ эту исповѣдальню? О! всему причиною зависть нѣкоторыхъ сотоварищей сосѣднихъ деревенскихъ приходоѡ, у которыхъ онъ невольно отбилъ знатныхъ прихожанокъ! Доносы Реннскому архіепископу! Анонимныя письма! Призванный пять разъ въ теченіе одной недѣли въ епископскій дворецъ, онъ не понравился главному викарію. Лишенный должности, съ запрещеніемъ на шесть мѣсяцевъ служить обѣдню, онъ преклонился сначала передъ своей судьбой съ христіанскимъ смиреніемъ, но вдругъ прочитавъ какъ то въ журналѣ о нашихъ первыхъ неудачахъ поступилъ необдуманно волоптеромъ въ дѣйствующую армію. И теперь раненный, умирая отъ холода и истощенія, онъ былъ чудесно спасенъ молодой женщиной.

Эднѡе опять сильно закашлялась.

— Очень холодно, пришло ему въ голову; она можетъ схватить воспаленіе легкихъ и онъ будетъ этому виной.

Его прошлое священство не препятствовало ему посадить ее подъ парусинный дѣрхъ, а самому въ свою очередь начать править лошадьми. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ сильнымъ. Но какъ обратиться съ такимъ предложеніемъ къ этой баронессѣ, которая говорила съ нимъ на дорогѣ, какъ съ слугой? Въ нерѣшимости онъ перемѣнилъ два или три раза по-

ложене на соломѣ, потомъ сказалъ вполголоса, обращаясь къ самому себѣ: «А я не дурно выпался». Затѣмъ онъ сѣлъ, опершись спиной о гробъ.

Госпожа де-Племоронъ повернула голову въ его сторону.

— Не нужно ли вамъ чегонибудь? У меня есть хлѣбъ, холодное мясо...

Габріэль Марти отказался. Ему теперь ничего не нужно. Онъ поѣсть послѣ, когда сударыня сама соблаговолитъ поѣсть.

— Не занимайтесь мной, сказала она сухо.

И не обращая вниманія на его возраженія, она дала ему провизію. Габріэль съ грустью, но покорно сталъ ѣсть. Онъ выпилъ еще нѣсколько глотковъ рому. Потомъ подобострастнымъ тономъ деревенскаго священника, приглашеннаго за «барскій» столъ, онъ хотѣлъ разсыпаться въ благодарностяхъ, въ извиненіяхъ за тѣ затрудненія, которыя причиняетъ. Ему пришла даже на умъ обычная стереотипная фраза: «Я буду призывать на васъ, сударыня, благословенія всемогущаго Бога». Но внезапная мысль остановила эту фразу, готовую сорваться съ его языка и замѣнила ее простымъ: «Утромъ и вечеромъ я буду поминать васъ въ своихъ молитвахъ».

Она слушала его съ удивленіемъ. Онъ выражался хорошо для простаго солдата. Онъ набоженъ. Настоящій Бретонецъ. И такъ какъ благодарность раненаго грозила затянуться на долго, она прервала ее короткимъ:

— Это ничего не значитъ... Вы славный малый.. и снова взяла въ руки возжи.

— Вы можете опять заснуть, прибавила она.

Потомъ снова поймавъ нить своихъ мыслей, она принялась обдумывать послѣдствія своего вдовства. Она пріѣдетъ въ Племоранъ: какой то пріемъ ждетъ ее со стороны дяди и тетки т. е. свекра и свекрови? Какъ держаться передъ ихъ печалью ей, не раздѣлявшей ихъ нежеланія, чтобы ихъ единственный сынъ отправился въ походъ? Какъ ослабить по возможности ударъ? Предупредить телеграммой... Нѣтъ! лучше письмомъ...

Но почему этот солдат не ложится на свою солому? И онъ смѣетъ еще говорить съ ней, несносный! Это просто недостатокъ такта, почти дерзость. Не думаетъ ли онъ, что она проведетъ ночь въ разговорахъ съ нимъ? Несчастный можетъ быть считатьъ ее за равную!

— Будетъ! Будетъ! сказала она обрывающимъ тономъ. Помолчимъ!

И говоря это, она даже не повернула къ нему головы. Кровь похолодѣла въ жилахъ у Габріэля. Совершенно невольно онъ причинилъ ей неудовольствіе. И виноватъ въ этомъ не смыслъ его словъ, а вообще всякаго рода низкіе подходы, чтобы предложить ей помѣняться съ ней мѣстами. Она даже не хотѣла его слушать. Что же это за женщина наконецъ? Подлѣ нея онъ чувствовалъ себя мелкимъ, низменнымъ, жалкимъ недостойнымъ. И съ покорностью собаки онъ снова растянулся на солому. Въ Эдиенъ природная доброта уже успѣла смѣнить запальчивую вспышку. «Я можетъ быть слишкомъ рѣзко обошлась съ нимъ. Собственно говоря, у него видъ скорѣе застѣнчивый и сдержанный, чѣмъ дерзкій». Но почему онъ теперь не раскрываетъ рта? Улыбка мелькнула на устахъ у Эдиен. Послѣ такой грубой выходки, несчастный конечно придумываетъ какой нибудь отвѣтъ. Ну и пусть его! Оставимъ этому интересному молодому человѣку свободу придумывать сколько душѣ угодно, она вспомнила при этомъ о его чертахъ, видѣнныхъ ею при свѣтѣ фоваря. Новая улыбка. «Ахъ, что это я въ самомъ дѣлѣ занимаюсь имъ все время!» Любовь ея потемнѣла: мысли снова обратились къ Племорану. Она однако скоро возвратилась къ Габріэлю. «Что же подѣлываетъ мой раненный?» Она прислушалась. «Заснулъ онъ, что ли?» Не слыша даже дыханія Габріэля, она нѣсколько испугалась... Да нѣтъ же! Нельзя такъ скоро умереть! Но слѣдовало бы все-таки взглянуть на него. Вѣдь она совсѣмъ не знаетъ этого человѣка. Между Бретонцами есть угрюмые, обидчивые характеры. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ намѣревается поразить ее сзади какимъ нибудь коварнымъ ударомъ. И она

бросила возжи, схватила фонарь и направила свѣтъ прямо на Габріэля.

Ихъ взгляды встрѣтились и она замѣтила сильное волненіе на его лицѣ.

— Что съ вами, вскрикнула она.

Габріэль отвернулся.

— Развѣ ваша рана опять разбогѣлась?

Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

Все съ фонаремъ въ рукѣ, Эдиэль приблизилась къ нему.

— Можетъ быть я васъ обидѣла?

Ея голосъ сдѣлался очень мягокъ.

— Я вижу, что это правда! Знаете, это вышло совершенно неумышленно... Мы не находимся при обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Она протянула ему руку. Габріэль даже не повернулся.

— Послушайте! Это я... Я протягиваю вамъ руку, прошу у васъ прощенія...

Габріэль схватилъ эту руку и будучи не въ состояніи произнести ни слова, поднесъ ее къ губамъ. Эдиэль не отнимала ее съ яснымъ сознаніемъ заглаженной вины.

Теперь, напротивъ, она чувствовала себя исполненной самоотверженія и христіанскаго смиренія. Съ тѣхъ поръ, какъ де Племоранъ ушелъ въ походъ, она постоянно мечтала также отправиться на войну въ качествѣ сестры милосердія. Хорошая же сестра милосердія выйдетъ изъ нея, если она подъ краснымъ крестомъ не освободится отъ своей дворянской гордости. «На войнѣ, какъ на войнѣ». Для пробы ей хочется теперь же поиграть въ сестры милосердія. Она рѣшительно хотѣла перевязать ему рану. Габріэль упорствовалъ. Ему не больно, честное слово! Не стоитъ беспокоиться: перевязка его ноги совершенно удовлетворительна. Пуля навѣрно вышла и для излеченія его раны нуженъ только покой. Но она не хотѣла «отдѣлываться словами». Посмотрѣть во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ и она хочетъ посмотрѣть. Она нѣсколько разъ повторила: «А что если образуется гангрена?» Но все было

безполезно, бретонецъ уперся. Лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ показать молодой женщинѣ свои лохмотья, пропитанныя кровью, своею свѣжую рану, свою погу, запачканную въ грязи и крови. Въ особенности ему была невыносима увѣренность, что все это дурно пахнетъ.

Но такъ какъ эта борьба скромности и благотворительнаго усердія грозила не имѣть конца, то Эдионъ разсердилась.

— Я хочу... слыните ли вы? Я хочу!

Посмотримъ! хозяйка она или нѣтъ въ своей повозкѣ. Не такъ-то давно онъ могъ и совсѣмъ не попасть въ нее. И она даже прибавила сухимъ тономъ:

— Если вы не уступите, то вамъ остается только выйти...

Долгій взглядъ испуга, нѣжнаго подчпненія былъ отвѣтомъ Габріэля.

Фонарь, висѣвшій на крючкѣ, на одной изъ стѣнъ повозки, освѣщаль ихъ очень слабымъ свѣтомъ. Эдионъ поправила свѣчу. потомъ, стоя на колѣняхъ на соломѣ рядомъ съ раненымъ, она принялась вынимать изъ огромнаго дорожнаго мѣшка, поочередно, губку, полотняные бинты, разныя стеклянки, съ камфарной водой, съ арникой и т. д., всю маленькую аптечку, предусмотрительно захваченную изъ Племоранскаго замка. Но куда ей поставить свои снаряды? Широкій ящикъ изъ бѣлаго дерева, какъ будто нарочно для этого сдѣланный, былъ подъ руками и, не колеблясь, она разставила всю аптечку на гробѣ, который прекрасно замѣнялъ ей столъ. Немного воды пролилось отъ сотрясенія повозки изъ большаго блюда, на которое она положила губку и нѣсколько капель, можетъ быть, упали сквозь неплотно сбитыя доски на останки папскаго зуава. Но Эдионъ, только что снявшая шубу и засучившая по локоть рукава своего чернаго бархатнаго плаща, думала только о своихъ приготовленияхъ.

Въ ней еще было немного ребяческаго. Ея самолюбію льстило показаться очень опытной.

— Вамъ нечего бояться!.. Я не причиню вамъ никакой боли... У меня очень легкая рука.

II, развертывая свои бинты, съ проворствомъ больничной сидѣлки, она начала ему рассказывать, что когда-то въ Племоранѣ она ухаживала за дочерью одного изъ своихъ фермеровъ, получившей на ея глазахъ тяжкіе ушибы отъ паденія. Потомъ, когда все было готово, она остановила лошадь, чтобы сотрясеніе повозки не мѣшало ей.

— Ну, сказала она, — теперь нужно, чтобы вы раставулись во весь ростъ на соломѣ.

Габріэль еще разъ попробовалъ возражать.

— Нужно! повторила она тономъ, не допускающимъ возраженія. Мнѣ пужны всѣ удобства... А вамъ вовсе нѣтъ необходимости смотрѣть...

Она, однако, сильно блѣднѣла, осторожно развертывая окровавленные грязныя лохмотья, но когда вся рана совершенно обнажилась, она нагнулась къ самой ранѣ и рѣшительно начала смотрѣть съ другой зажженной свѣчой въ рукахъ. При свѣтѣ фонаря, Габріэль, раставувшійся на соломѣ, ясно видѣлъ лицо Эдиен. Она нахмурила брови. Глубокая морщина прорѣзывала ея лобъ сверху до низу. Она молча смотрѣла, а раненный, у котораго прикосновеніе воздуха возбудила сильное жженіе въ ранѣ, заглушая стоны, дрожалъ всѣми членами. Потомъ важно, серьезно, съ спокойной увѣренностью профессора клиники, производящаго утренній осмотръ среди толпы студентовъ, она сказала:

— Не бойтесь, мой другъ! Это ничего!..

Чувство счастья разлилось по жиламъ Габріэля. На рану его были наложены мягкіе полотняные, натертые воскомъ, бинты ея руками и она назвала его своимъ другомъ.

— Благодарю!.. Благодарю!.. бормоталъ онъ, задыхаясь отъ признательности.

Онъ упалъ передъ ней на колѣни на соломѣ. Ему хотѣлось произносить фразы, слова, но изъ груди ничто не выходило, кромѣ этихъ «благодарю». Тогда онъ далъ волю слезамъ. Онъ долго плакалъ, простертый передъ Эдиеню и чувствуя, что слезы облегчаютъ его. И вмѣстѣ съ этимъ теплымъ дож-

демъ, обмывшемъ его лицо, нѣчто также теплое, невыразимо пріятное разливалось по всему его тѣлу. А она, сидя рядомъ съ нимъ на соломѣ, оставляла его плакать, замѣчая, между тѣмъ, что у него были прекрасные, выразительные глаза. Она въ первый разъ разсматривала его внимательно, тщательно разбирая при свѣтѣ фонаря черты его лица. «Это почти ребенокъ, думала она;—онъ, право, очень молодъ, моложе, чѣмъ я предполагала». И почти тотчасъ же опять подумала: «А его черные волосы, коротко остриженные, замѣчательно красивы... Гмъ! прекрасныя свѣжія розовыя губы!..» Вдругъ, среди всѣхъ этихъ пріятныхъ открытій, лобъ молодой женщины отуманился. Проницательный взглядъ вглубь своего прошлаго! быстрое сравненіе! горечь при мысли, что никогда такой человекъ не держалъ се въ своихъ объятіяхъ! Вдругъ она вспомнила, что возвращается, чтобы навсегда запереться въ Племоранъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтила, что лошадь все еще стоитъ среди дороги.

Она снова взяла возжи и пустила лошадь. Потомъ приняла предложеніе Габріэля, который хотѣлъ, въ свою очередь, править, такъ какъ онъ уже спалъ.

Она оставила козлы и сѣла на соломѣ внутри повозки на мѣстѣ молодаго человека.

Осмоленный верхъ, натянутый на обручакъ, защищалъ Эдию. Ей сдѣлалось теплѣе. Но она находилась рядомъ съ гробомъ. Ея мысль съ ужасомъ проникала внутрь этихъ четырехъ тонкихъ досокъ, гдѣ каждый толчокъ потрясалъ безжизненное тѣло ея мужа. Теперь ей казалось, что это печальное путешествіе продлится вѣчно. Она посмотрѣла на часы. Было только половина третьяго. Еще оставались четыре долгихъ часа ночи. Пріѣдутъ ли они въ Блуа съ наступленіемъ утра? Тамъ, если ей говорили правду, она найдетъ желѣзнодорожный поѣздъ и поѣдетъ черезъ Туръ и Анжеръ. Будучи въ Бретани... Но тутъ ей представились съ поразительной ясностью вся скука, вся масса жестокихъ негѣностей, безсмысленныхъ терзаній, предстоявшихъ ей впереди, и чтобы ото-

гнать отъ себя всякую мысль объ этомъ, она принялась разговаривать съ Габріелемъ о первыхъ пришедшихъ на умъ вещахъ.

Много ли пришлось вытерпѣть ихъ полку? Живы ли еще его отецъ и мать? Онъ изъ Витре! Тамъ великолѣпный видъ на всю долину съ церковной площади! Была ли у него когданибудь сестра? И чтобы скрыть безсвязность и неумѣстность этого разговора, она притворялась, что интересуется этими вещами. Ея голосъ принялъ отгѣнокъ нѣжной дружбы. Габріэль чувствовалъ себя очень счастливымъ.

По окончаніи войны аббатъ Марти вошелъ въ милость у своего епископа. Онъ хорошо велъ себя на полѣ битвы. Онъ все еще хромаетъ. Ему дали деревенскій приходъ. Эдвѣ де-Племоранъ вторично вышла замужъ за биржеваго маклера.

ЗИМНЯЯ ВЬЮГА.

Въ полѣ вьюга, вѣтеръ злится
Въ тьмѣ угрюмой ночи...
Хоть бы звѣзды проглянули,
Звѣзды—Божьи очи.
Но тепло намъ и уютно...
Въ комнатѣ съ тобою
Мы вдвоемъ сидимъ и что намъ
Вьюга за стѣною?
Сколько сказокъ, сколько чудныхъ
Сновъ въ словахъ природы!..
Вновь напомнила намъ вьюга
Золотые годы..
И довольны, и счастливы
Мы вдвоемъ съ тобою,
И не страшны намъ порывы
Бури за стѣною.

С. Ковганкинъ.

въ ней, параллельно даннымъ о фабричномъ бытѣ Германіи, очерпнутымъ изъ отчетовъ тамошнихъ инспекторовъ, приводятся соответствующія данныя изъ русской жизни.

Закономъ 1 іюня воспрещается принятіе на фабрику дѣтей моложе 12 лѣтъ, дозволяется для дѣтей отъ 12 до 15 лѣтъ работа только въ теченіи 8 часовъ, запрещается для нихъ ночная работа и требуется посѣщеніе школы тѣми изъ малолѣтнихъ рабочихъ, которые не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальной школѣ (стр. 87). Дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ будетъ состоять въ наблюденіи за исполненіемъ приведенныхъ постановленій, въ составленіи протоколовъ о нарушеніяхъ этихъ постановленій и въ обвиненіи нарушителей на судѣ (стр. 9). Рамки для дѣятельности инспекторовъ, какъ видите, не широки. На фабрикахъ Московскаго уѣзда, наиболѣе типичнаго въ этомъ отношеніи, дѣтей до 12 лѣтъ, которыхъ касается первый пунктъ закона 1 іюня, находится немного болѣе 2% общаго числа рабочихъ. Дѣтей отъ 12 до 15 лѣтъ, до которыхъ относятся остальные пункты того же закона, тоже ничтожное количество; по крайней мѣрѣ, дѣтей до 14 лѣтъ всего 7% общаго числа рабочихъ (стр. 287), а исключивъ отсюда дѣтей моложе 12 лѣтъ (болѣе 2%), получимъ менѣе 5%. И вотъ эта-то часть фабричныхъ рабочихъ только и подлежитъ вѣденію фабричныхъ инспекторовъ, причѣмъ и относительно нея всѣ заботы инспектора будутъ ограничиваться наблюденіемъ, чтобы малолѣтніе рабочіе работали не болѣе 8 часовъ въ сутки, не употреблялись для ночныхъ «смѣнъ» и посѣщали школы.

«Но, быть можетъ, за закономъ 1 іюня послѣдуетъ цѣлый рядъ фабричныхъ законоположеній, которыя обнимутъ всѣ стороны фабричной жизни и будутъ касаться всѣхъ фабричныхъ рабочихъ, и тогда кругъ дѣятельности инспекторовъ, а равно и приносимая ими польза расширится». Такъ могутъ возразить мнѣ сторонники фабричнаго инспектората. Однако, основываясь на тѣхъ данныхъ, которыя извѣстны о фабричномъ бытѣ у насъ и за границей, можно съ достовѣрностію думать, что дѣятельность инспектората, если онъ останется въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ теперь, будетъ довольно безплодна и при изданіи новыхъ фабричныхъ законовъ. Прежде всего поражаетъ малочисленность персонала фабричной инспекціи. Инспекторъ Силезіи въ одномъ изъ своихъ отчетовъ,

основываясь на своемъ продолжительномъ опытѣ, говорить, что «рѣшительно невозможно регулировать фабричное благоустройство общими полицейскими предписаніями и постановленіями, но въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ непосредственно указывать надлежащее расположеніе и огражденіе движущихся механизмовъ и пр., примѣняясь постоянно къ индивидуальнымъ условіямъ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ» (стр. 74). Стаю быть, для того, чтобы изъ дѣятельности фабричнаго инспектора вышелъ какойнибудь прокъ, онъ долженъ обстоятельно изучить каждую фабрику, не менѣе обстоятельно указать владѣльцу всѣ дурныя стороны положенія дѣлъ на фабрикѣ, указать какія и въ какомъ направленіи должны быть предприняты измѣненія этого положенія дѣлъ и, наконецъ, частыми посѣщеніями контролировать исполненіе своихъ указаній. Но развѣ все это мыслимо для инспектора, въ вѣдѣніи котораго находится такое громадное количество фабрикъ и заводовъ, какое имѣеть, на примѣръ, Московская губернія ¹⁾? Если кромѣ численности фабрикъ принять еще во вниманіе ихъ разбросанность на огромномъ пространствѣ, дурныя пути сообщенія и т. п., то будетъ очевидно, что инспекторъ не будетъ въ состояніи просто побывать на каждой фабрикѣ хоть одинъ разъ въ годъ, а о подробномъ знакомствѣ съ фабриками не можетъ быть и разговору. Примѣняясь къ особенностямъ нашего быта, у насъ должно быть относительно въ нѣсколько разъ больше фабричныхъ инспекторовъ, чѣмъ, на примѣръ, въ Англіи; а существуетъ только пять...

Не менѣе странно самое положеніе нашей фабричной инспекціи. Хотя дѣло, подлежащее вѣдѣнію фабричныхъ инспекторовъ, — заботы о рабочемъ классѣ, — совершенно небывалое у насъ; тѣмъ не менѣе, инспектора не только не поставлены въ какое либо исключительное положеніе, но просто втиснуты въ чиновничью рамку. Закономъ 1 іюня опредѣляется, что фабричные инспектора «къ мѣстнымъ губернскимъ и уѣзднымъ властямъ состоятъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находятся къ нимъ прочія должностныя лица министерства финансовъ, принадлежація къ составу

¹⁾ Въ одномъ Московскомъ уездѣ, безъ города Москвы, 351 фабричное заведеніе (по Эрнману).

губернскаго управленія» (стр. 9). Не только никакими особыми правами и преимуществами не пользуются инспектора, но даже составлять протоколы о нарушеніяхъ фабричныхъ законовъ они могутъ не иначе, какъ «при участіи чиновъ мѣстной полиціи». Такое положеніе фабричной инспекціи должно имѣть крайне неблагопріятныя послѣдствія. Прежде всего инспектора должны чувствовать себя чиновниками съ чиновничьими обязанностями и чиновничьей отвѣтственностью и потому невольно будутъ обращать главное вниманіе на соблюденіе разнаго рода формальностей, на отписку и т. п. Фабриканты и рабочіе тоже будутъ видѣть въ инспекторахъ просто чиновниковъ и будутъ относиться къ нимъ, какъ къ обыкновеннымъ чиновникамъ. Недаромъ «владѣлица одного весьма крупнаго завода» говорила г. Погожеву, по поводу предблагавшагося еще учрежденія фабричнаго инспектората, слѣдующее: «Теперь мы платимъ опредѣленную годовую «благодарность» исправнику, становому и уряднику, а тогда придется платить еще фабричному инспектору, а все-таки эта фабричная инспекція ляжетъ, такъ или иначе, на однихъ лишь рабочихъ». Наконецъ, чины полиціи, по отношенію къ которымъ фабричные инспектора поставлены въ такое же положеніе, въ какомъ находятся, напримѣръ, чиновники акцизнаго вѣдомства, навѣрное, не только не будутъ оказывать никакого содѣйствія членамъ новаго института, а еще будутъ, получая «благодарность», всячески противодействовать имъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ какъ факты русской жизни, такъ и примѣръ Германіи, фабричные инспектора которой неистощимы въ своихъ жалобахъ на полицію.

О самой книгѣ г. Погожева намъ говорить не приходится, такъ какъ большая часть ея, трактующая о фабричномъ бытѣ Германіи, была напечатана (въ сокращенномъ видѣ) въ нашемъ журналѣ въ № 3—4. Настоящее изданіе представляетъ болѣе полное изложеніе упомянутой статьи, дополненное русскими данными.

Н. Неплюевъ. Мысли и совѣты искренняго друга. С. Петербургъ. 1882.

Увы! не только «мыслей искренняго друга», но и вообще какихъ бы то ни было мыслей, достойныхъ того, чтобы ихъ предавать тисненію, мы не нашли въ брошюркѣ г. Неплюева. Что же

касается совѣтовъ, то во всей брошюрѣ есть только одинъ совѣтъ, — это чтобы дѣти, къ которымъ обращается г. Неплюевъ, не стыдись своего прошлаго (стр. 13). А прошлое этихъ дѣтей состоитъ въ томъ, что они были бѣдны и нищи. И вотъ г. Неплюевъ, предполагая почему-то, что дѣти будутъ непременно стыдиться своей прошлой бѣдности (а что они разбогатыютъ съ помощью его, «богатаго помѣщика» — г. Неплюевъ не сомнѣвается), предупреждаетъ ихъ на этотъ счетъ. Вообще г. Неплюевъ изъ всѣхъ силъ старается дать понять своимъ питомцамъ, что они — ничтожество (чтобы не очень зазнавались). Ихъ бѣдностью онъ положительно на каждомъ шагу тычетъ имъ въ глаза. Не менѣе часто тычетъ онъ фразой: «я взялъ васъ на воспитаніе». Вообще книга написана, судя по всему, вовсе не для дѣтей, какъ объ этомъ заявляетъ г. Неплюевъ въ посвященіи, а для того, чтобы повѣдать міру о томъ, какія великія дѣла совершаетъ г. Неплюевъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели нужно было говорить дѣтямъ, которыхъ г. Неплюевъ взялъ на воспитаніе, что вотъ, дескать, я взялъ васъ на воспитаніе, васъ, которыя были бѣдны и нищи, и устроилъ васъ такъ-то и такъ-то? Вѣдь, это извѣстно дѣтямъ и безъ его брошюры. Затѣмъ, очень странный видъ имѣетъ «дѣтская» книга, вся составленная изъ тирадъ, въ родѣ слѣдующей: «Громко и безъ болзни я говорю вамъ о вашихъ добрыхъ качествахъ, любите и уважайте ихъ въ себѣ, это святая искра добра; пусть она разгорится въ васъ въ яркое пламя и освѣтитъ умъ вашъ и согрѣетъ сердце ваше» (стр. 6). Неужели дѣти могутъ что нибудь понять изъ подобныхъ тирадъ?..

Какіе же такіе подвиги совершилъ г. Неплюевъ, чтобы стоило писать объ нихъ цѣлую книгу? На этотъ вопросъ даетъ очень обстоятельный отвѣтъ самая книга. Изъ нея мы узнаемъ, что г. Неплюевъ пылаетъ «ужасною» любовью къ «бѣдной Россіи», къ «сѣрымъ русскимъ буднямъ» вообще и къ Янполю въ частности (стр. 9). Онъ «рѣшилъ посвятить всю свою жизнь на счастье скромнаго, никому неизвѣстнаго Янполя и, для счастья Янполя (каково?), нашелъ нужнымъ заняться воспитаніемъ десяти бѣдныхъ, никому неизвѣстныхъ дѣтей» (стр. 10). Воспитать этихъ «бѣдныхъ дѣтей» г. Неплюевъ намѣренъ такъ, чтобы они были такими, какими онъ «желалъ бы видѣть всѣхъ русскихъ» (къ сожалѣнію не разъяснено, какими именно желаетъ видѣть г. Неплюевъ всѣхъ русскихъ; а было бы любопытно послушать). Сказано — сдѣлано: десять мальчи-

ковъ, «избранное (г. Неплюевымъ) орудіе добра», будущій «благодѣтельный примѣръ», будущіе «апостоли добра» и т. д., — набраны. Г. Неплюевъ назвалъ себя «отцомъ» набранныхъ дѣтишекъ и, само собою разумѣется, помѣстилъ ихъ въ особое отъ своей квартиры зданіе (не пускать же, въ самохъ дѣлѣ, мужичать въ барскія хоромы). Началось воспитаніе, результаты котораго можно видѣть изъ слѣдующей сценки. «Бывало, закапризничаетъ братъ его (мальчика Прокопа) Андрей, а нашъ силачъ (самый Прокопъ) горькими слезами заливается: «Жаль, говоритъ, брата, что дурию ведетъ себя» (стр. 29). Ну, что можетъ быть возмутительнѣе, лицемернѣе этихъ слезъ Прокопа? А г. Неплюевъ съ восхищеніемъ заявляетъ: «Добрыя это были, хорошія слезы». Эхъ, г. Неплюевъ, нисколько-то вы человѣческой природы не понимаете! И перегадите вы въ конецъ дѣтишекъ, къ своему несчастію попавшихъ на ваше попеченіе. Выросли вы, очевидно, въ жестокой, лицемерной средѣ и съ понятіями этой среды приступаете къ воспитательному дѣлу. Вы не можете и понять, какой громадный вредъ приносите вы набраннымъ вами дѣтямъ этими выборами въ «старшины», этимъ распредѣленіямъ по мѣстамъ, кто какое заслужилъ своимъ поведеніемъ, этимъ возмутительнымъ преслѣдованіемъ, которому вы подвергаете Илюшу. Илюша—это, насколько видно изъ книги г. Неплюева, единственный искренній мальчикъ въ пріютѣ, не могущій проявлять той «братской любви», проявлять которую обязательно для воспитанниковъ г. Неплюева, и вотъ какую муку устроилъ этотъ почтенный воспитатель для своего неблагодарнаго питомца: ежедневно, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, утромъ и вечеромъ, «старшины», въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ, должны повторять бѣдному мальчику: «Помни, Илья, что ты къ товарищамъ твоимъ недоброжелателенъ» (стр. 47). Можетъ ли быть что нибудь гаже и отвратительнѣе этой сцены и какія муки должна испытывать жертва дикихъ педагогическихъ экспериментовъ г. Неплюева.

Съ другимъ мальчикомъ г. Неплюевъ выкидываетъ штуку еще получше. Мальчикъ этотъ страдаетъ какими-то припадками: «бывало расплачется по пустякамъ и ничѣмъ его не уймешь, ни ласкою, ни строгостью; заберется въ уголь, опуститъ глаза и упорно плачетъ, а самъ всѣмъ въ тѣломъ вздрагиваетъ. Какъ пройдетъ припадокъ каприза (?), ему и самому стыдно (?), понимаетъ, что велъ себя глупо (?); а другой разъ опять съ собою со-

владать не можетъ. Только сталъ онъ по моему совѣту примѣчать за собою; какъ почувствуетъ приближеніе припадка каприза (и вамъ не стыдно, г. Неплюевъ?), старается ему не поддаться, все тѣло у него нервно вздрагиваетъ, а онъ пересилить себя, поднять на меня глаза (словно комнатная собачка, смотрящая въ глаза «барынѣ!»), улыбнется, значить (?) совладалъ съ собою, пересилилъ дурную привычку (!?)» (стр. 49—50)...

Эхъ, г. Неплюевъ, г. Неплюевъ! богатый вы человекъ и дѣлать-то вамъ нечего; можете вы всякій фокусъ—покусъ выкидывать. Оставили бы вы бѣдныхъ дѣтей въ покоѣ, да придумали бы себѣ какую-нибудь другую забаву, ни для кого не вредную. Вотъ, говорятъ, интересно обучать блохъ танцамъ,—и заняться бы вамъ этимъ дѣломъ. Право, такъ...

Собственность и государство. В. Чичерина. Ч. I. Цѣна 4 р. Москва, 1882. Стр. I—XXI и 1—468.

Бывшій профессоръ московскаго университета, нынѣ московскій городской голова, В. Н. Чичеринъ, авторъ многихъ тяжеловѣсныхъ книгъ охранительнаго направленія, выступаетъ теперь въ совершенно неожиданной для него роли — проповѣдника и защитника общечеловѣческой свободы.

Новое сочиненіе плодовитаго автора, хотя и написанное, какъ видно изъ предисловія, въ чисто-русскомъ селѣ «Караулъ» (стр. IX), проникнуто всецѣло космополитическимъ духомъ западно-европейской либеральной философіи тридцатыхъ годовъ.

«Не въ понятіяхъ простонародья, которыя такъ часто выдаютъ вамъ за народную мудрость, можетъ образованный человекъ найти мѣрило истинн и идеалы общественной жизни. Кто вкусилъ плодъ науки, для того мѣриломъ истинны можетъ быть только то, что поконтся не на темныхъ инстинктахъ, а на разумномъ убѣжденіи; для него общественнымъ идеаломъ можетъ представиться лишь такой быть, который вмѣщаетъ въ себѣ начало свободы... Чтобы достигнуть истиннаго самопознанія, надобно выйти изъ узкой народной среды, надобно выступить на то широкое поприще, гдѣ свое и чужое сливаются въ одно торжественное шествіе всемірной исторіи, изображающей развитіе единаго Духа, прояв-

ляющагося въ различныхъ народностяхъ. Именно этотъ путь указывается намъ наукою, и здѣсь только мы можемъ обрѣсти и мѣрило истины и идеалы общественной жизни» (стр. III — IV предисл.).

Въ послѣдніе годы,—продолжаетъ г. Чичеринъ въ своемъ обращеніи къ русскому юношеству, — «въ русскомъ обществѣ явилось стремленіе обращаться къ людямъ сороковыхъ годовъ, узнавать, каковы были ихъ идеалы, въ чемъ состояли ихъ цѣли и надежды. Все это сосредоточивается въ одномъ словѣ: свобода! Мы, воспитанные этимъ благороднымъ поколѣніемъ... мы получили отъ него одинъ урокъ, одинъ священный завѣтъ: посаженіе свободы въ нашемъ отечествѣ... И для зрѣлаго гражданина нѣтъ высшаго счастья, какъ видѣть свое отечество свободнымъ, нѣтъ краше призванія, какъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, утвержденію въ немъ свободы» (стр. VI).

Свободолюбивый авторъ поставилъ себѣ прекрасную задачу — объяснить русскому обществу, въ чемъ состоитъ сущность свободы, каковы ея требованія и условія, какъ прилагать ее къ жизни, въ сочетаніи съ другими вѣчными началами общежитія и пр. Чтобы постигнуть все это, нашему молодому поколѣнію предстоитъ «упорное напряженіе ума, восхожденіе въ область метафизическихъ идей и нисхожденіе въ міръ копотливаго опыта» (стр. VIII). Этотъ тяжелый трудъ, по увѣренію г. Чичерина, «составляетъ священный долгъ юношества передъ отечествомъ и передъ свободой».

Тутъ начинается рядъ недоумѣній для читателя. Никто не откажется отъ «упорнаго напряженія ума», когда дѣло идетъ о «священномъ долгѣ передъ отечествомъ и передъ свободой»; но предлагаемое восхожденіе въ область метафизики невольно заставляетъ усомниться въ надежности того пути, по которому хочетъ вести насъ г. Чичеринъ. Если свобода есть только метафизическая идея, проявляющаяся въ безпредметныхъ умозрительныхъ блужданіяхъ, то не стоитъ гнаться за нею, и мы ничего не потеряемъ, если оставимъ ее совершенно въ покоѣ, въ ряду прочихъ невнятныхъ иллюзій добраго стараго времени.

Но г. Чичеринъ есть не только поборникъ свободы, но и чловѣкъ истинной науки и высшаго разума. «Истинная наука, — говоритъ онъ, — есть явленіе Разума во всей его полнотѣ, а Разумъ по существу своему есть отраженіе божественной истины познаніе вѣчныхъ, абсолютныхъ началъ, управляющихъ все-

ленною. Когда въ настоящее время, подъ вліаніемъ далеко распространеннаго скептицизма, вамъ торжественно объявляютъ, что абсолютное непознаваемо, когда съ какимъ-то злорадствомъ стараются доказать, что человекъ не болѣе какъ усовершенствованный потомокъ обезьяны, неспособный подняться выше относительнаго, не вѣрте этимъ лжеученіямъ, лишаящимъ человека благороднѣйшей части своего естества. Это голосъ не науки, а односторонняго и ограниченнаго ума, который, постоянно роясь въ частностяхъ, потерялъ способность возвыситься къ созерцанію общаго» (стр. V).

Чѣмъ-то очень страннымъ вѣсть отъ этихъ напоминаній объ абсолютахъ, о всемогущемъ разумѣ и духѣ.

Со времени Иммануила Канта ученые люди привыкли думать, что «познаніе вѣчныхъ, абсолютныхъ началъ» недоступно человеку, что наши средства познания ограничены сферою относительнаго, что мы можемъ изучать только явленія, а не сущность вещей. Эти истины сдѣлались аксіомами послѣ неудавшейся попытки Гегеля проникнуть въ міръ абсолютнаго и послѣ окончательнаго утвержденія въ науку нѣкоторыхъ существенныхъ положеній «позитивной философіи», разработанныхъ съ особенною ясностью въ «Системѣ логики» Милля.

Теперь г. Чичеринъ заявляетъ, что всѣ эти аксіомы современной науки—не что иное какъ пустыя лжеученія, что Иммануилъ Кантъ, Огюстъ Контъ, Стюартъ Милль и другіе мыслители, доказывавшіе непознаваемость абсолютнаго, суть только «ограниченные умы, которые, постоянно роясь въ частностяхъ, потеряли способность возвыситься къ созерцанію общаго!» Нечего уже говорить о Дарвинѣ, съ именемъ котораго авторъ повидимому связываетъ лишь смутное представленіе о теоріи родства человека съ обезьяною; вся новѣйшая наука, давшая уже столько блестящихъ и великихъ плодовъ, отвергается г. Чичеринымъ, и на ея мѣсто ставится какая-то другая, вытекающая изъ «Разума во всей его полнотѣ», т. е. въ данномъ случаѣ изъ разума самого Б. Н. Чичерина, — разума, какъ оказывается, всеобъемлющаго, неограниченнаго и непогрѣшимаго.

Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ болѣзью, довольно распространенною въ настоящее время—временемъ умственнаго упадка и нравственнаго истощенія; эта болѣзнь—манія величія, подъ влі-

ніемъ которой люди отдаются призракамъ фантастическаго честолюбія, чтобы заглушить въ себѣ сознание внутреннего безсилія и ничтожества въ дѣйствительной жизни.

Кругомъ—мракъ и хаосъ: «человѣчество стоитъ какъ бы предъ глубокою пропастью, въ которую оно ежеминутно готово опрокинуться»; никто не знаетъ, куда идти и какъ избѣгнуть роковаго паденія,—но вотъ на горизонтѣ появляется г. Чичеринъ и выводитъ заблудившихся путеvodителей на настоящую дорогу. Разсвѣтъ мрака свѣтомъ разума — прямая задача науки; но гдѣ же искать эту науку при «печальномъ умственномъ состояніи современныхъ обществъ» (стр. XVI)? Философія — въ полномъ загонѣ; социологія — пустая фантазія, и даже знаменитые ученые постоянно «теряютъ равновѣсіе и совершаютъ самые фантастическіе скачки» въ области общихъ вопросовъ. При такихъ обстоятельствахъ, истина можетъ найти убѣжище только у г. Чичерина.

Современная научная литература чуждается «сверхопытнаго міра», а въ этомъ мірѣ нашъ великій московскій философъ чувствуетъ себя совсѣмъ дома. Многіе писатели,—замѣчаетъ онъ презрительно.—держатся чисто-опытнаго пути и воображаютъ при этомъ, что они въ состояніи сказать путное слово о человѣческомъ обществѣ. «Можно истрѣбить обширные социологическіе и даже юридическіе трактаты, въ которыхъ о свободѣ нѣтъ даже рѣчи, или она упоминается вскользь, какъ предметъ несущественный. Читатель, раскрывающій подобную книгу, можетъ быть увѣренъ, что онъ не найдетъ въ ней ни единого слова, которое имѣло-бы серьезное научное значеніе» (стр. 4). За то у г. Чичерина каждое слово имѣетъ глубокой смыслъ.

Не смотря на всемірный фактъ рабства и неволи, «мы утверждаемъ—говоритъ г. Чичеринъ,—что человѣкъ долженъ быть свободенъ, и это требованіе мы ставимъ цѣлью развитія человѣческихъ обществъ». (стр. 7). Объясняется это очень просто: «Разумъ есть сознание безусловно-общихъ началъ и законовъ, и какъ таковой,—онъ содержитъ въ себѣ безконечное; поэтому онъ не связанъ никакими частными побужденіями и способенъ отрѣшиться отъ всего... Отъ безконечнаго онъ (человѣкъ) свободно переходитъ къ конечному, и отъ конечнаго опять возвышается къ безконечному» и т. д. (стр. 11). Разъяснивъ вопросъ столь убѣдительно и точно, авторъ указываетъ намъ, что Кантъ ошибался, Фихте впалъ въ

заблужденія и противорѣчія, а новѣйшіе писатели, въ родѣ Шеффле и Адольфа Вагнера, обнаруживаютъ «совершенное извращеніе понятій», происходящее вслѣдствіе малаго знакомства съ философіею (стр. 16). Настоящее философское пониманіе заставляетъ автора признать, что рабство служитъ къ пользѣ человѣчества, «ибо только путемъ порабощенія однихъ возможно было высшее развитіе другихъ». Если новые народы свободны, то этимъ они обязаны... метафизикъ (стр. 25).

Поговоривъ о свободѣ, г. Чичеринъ переходитъ къ праву вообще и къ собственности въ частности. Точка зрѣнія оказывается здѣсь уже иная, болѣе положительная. «Какъ свободный членъ союза, гражданинъ получаетъ права; но непрѣмное для этого условіе заключается въ способности понимать общественные интересы и дѣйствовать въ виду ихъ. Признаки, которыми опредѣляется способность, могутъ быть весьма разнообразны; во всякомъ случаѣ, опредѣленіе ихъ зависитъ отъ верховной власти, которая въ установленіи ихъ руководится началомъ общественной пользы» (стр. 90—1). Это—въ области публичныхъ правъ и интересовъ. Частныя же, имущественныя права остаются неприкосновенною святынею для государства, по теоріи г. Чичерина; тутъ уже не дѣйствуетъ ни общественная польза, ни высшій разумъ, ни степень способности понимать извѣстнаго рода интересы и распоряжаться ими. Въ частной собственности отыскивается весь смыслъ и все назначеніе свободы. Метафизика автора является въ концѣ концовъ весьма и весьма реальною.

Книга г. Чичерина имѣетъ главнымъ образомъ полемическій характеръ. Она наполнена критикою и кишитъ рѣзкостями противъ лучшихъ представителей новѣйшей соціальной науки. Знаменитый юристъ-философъ (Герингъ) «не понимаетъ въ чемъ дѣло и обнаруживаетъ полное незнакомство съ ученіями философовъ» (стр. 175); то, что онъ навываетъ «нездоровымъ представленіемъ», есть для г. Чичерина ничто иное, какъ разумъ, свобода и правда (стр. 145). (Родбертусъ) страдаетъ «отсутствіемъ мысли», и разсужденія его—пустая декламация (131, 194). Ланге «считается философомъ; онъ написалъ даже исторію матеріализма,—но до сознанія различія между кулакомъ и юридическимъ закономъ онъ повидимому не дошелъ» (стр. 113). Еще больше достается Адольфу Вагнеру и Шеффле, которыхъ авторъ, по недоразумѣнію, принимаетъ за опасныхъ со-

ціалістовъ. Г. Чичеринъ не щадить ни Бентама, ни даже стариковъ Вольфа съ Пуфендорфомъ.

Какъ тутъ орієнтироваться читателю среди общаго отрицанія всѣхъ и вся? Не можетъ-же «русское юношество» повѣрить, что нашъ авторъ умнѣе и проникательнѣе всѣхъ другихъ философовъ и писателей въ Европѣ. Плохой примѣръ даетъ онъ молодежи, призывая ее подобнымъ образомъ къ служенію строгой наукѣ.

Содержаніе книги значительно выиграло-бы при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу и при меньшей самоувѣренности автора. Въ настоящемъ своемъ видѣ, трудъ г. Чичерина не можетъ достигнуть цѣли уже по той простой причинѣ, что мало найдется охотниковъ читать эту непрерывную одностороннюю полемику, изложенную въ двухъ книгахъ и двѣнадцати главахъ, на пространствѣ тридцати печатныхъ листовъ, цѣною въ четыре рубля.

Л. С.

Мирныя воспоминанія изъ времени послѣдней нашей войны.

Нѣкоторыя наши газеты неустанно твердятъ о возможности войны, отиѣчая и раздувая самаглѣйшіе поводы и проявленія неуваженія со стороны Европы къ нашимъ достоинствамъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и какіе-то московскіе спириты предсказывали войну, и предсказывали, говорятъ, не позже слѣдующаго 1883 г., до котораго осталось всего только четыре мѣсяца. Недалеко. Хотя я спиритамъ и не особенно довѣряю (въ особенноти такой точности предсказаній), но мнѣ тоже почему то кажется, что богъ войны ходитъ гдѣ то неподалеку и побрякиваетъ своими бранными доспѣхами. По крайней мѣрѣ я ни за что не поручился бы, да и врядъ ли кто нибудь поручится, что войны, дѣйствительно, въ скоромъ времени не можетъ страстись надъ нашею головою. Человѣческая кровь льется почти непрерывно. Большія европейскія войны слѣдуютъ другъ за другомъ быстрѣе, чѣмъ успѣваютъ заживать раны ветерановъ, быстрѣе, чѣмъ ихъ разбитія и ноющія въ ненастьѣ кости уснѣваютъ слезъ и успокоиться въ могилахъ. Я не говорю уже о ностоянномъ кровопролитномъ истребленіи, то какихъ то зулусовъ, то какихъ то ашантиевъ и т. п., малозвѣстныхъ народовъ, истребленіе которыхъ производится подъ видомъ распространенія свѣта цивилизаціи и очень напоминаетъ просвѣщеніе той курицы, изъ которой дѣлаютъ вкусную пулярку. Война—дѣло столько же фатальное, сколько и усмотрительное со стороны историческихъ людей, которые могутъ усмотрѣть необходимость войны хоть завтра. Границы государствъ постоянно воору-

жены и вооружаются, постоянно находятся под самым строгимъ и бдительнымъ военнымъ надзоромъ; а арміи такъ администрируются, чтобы быть готовыми ежеминутно къ мобилизаціи. Положимъ, что многіе такъ называемые историческіе люди не всегда вѣрно понимаютъ историческіи задачи человѣчества и даннаго народа въ частности, положимъ, что они часто ошибаются, а нерѣдко и предаются только историческимъ капризамъ (иногда расширяя себѣ же носъ, а то и голову); но объ этомъ рѣчь заходитъ обыкновенно уже послѣ окончанія войны, послѣ того, какъ война станетъ уже совершившимся фактомъ и перейдетъ въ руки историковъ. У франко-прусской, напр., войны, право, было нисколько не больше резонновъ, чѣмъ и у нѣмецко-русской, еслибы таковая произошла вмѣсто нея или имѣла произойти въ будущемъ. Если изъ франко-прусской войны произошла извѣстная польза, если историческіе люди Франціи сошли со сцены и уступили мѣсто другимъ людямъ, болѣе отвѣчавшимъ требованіямъ времени, а нѣмецкая внутренняя политика, не смотря на временное торжество грубой силы и военное опьяненіе, должна была вскорѣ нѣсколько измѣнить свое направленіе въ народную сторону, то все это могло бы произойти и безъ человѣческихъ жертвоприношеній. Для этого историческимъ людямъ нужно было только яснѣе понимать дѣйствительное положеніе вещей, быть внимательнѣе къ идеямъ своего времени и не упираться тамъ, гдѣ не слѣдуетъ упираться безнаказанно. Если у человѣка что нибудь неладится, то нельзя же ему срывать свое сердце на первомъ встрѣчномъ или ближе стоящемъ и нельзя же думать, что такимъ образомъ все измѣнится къ лучшему. Прежде намъ все французъ, какъ извѣстно, гадилъ, потомъ англичанинъ, а теперь тевтоны вообще, въ частности же нѣмцы, во всемъ виноваты, виноваты, какъ со стороны вѣшнихъ неудовольствій и интригъ, такъ и со стороны внутреннихъ неприяностей. Туда и направляются теперь наши взоры. Давно ли покойный генералъ Скобелевъ бросилъ имъ перчатку, вслѣдъ за которою въ Вѣну и Берлинъ полетѣло столько московскихъ рукавицъ и варешекъ. Положимъ, что назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка миролюбиваго и популярнаго въ европейскихъ дипломатическихъ сферахъ успокоило умы европейскихъ политиковъ и служить, говорить, гарантіей и залогомъ мира съ нашей стороны, но прочна ли эта гарантія? Г. министръ и смертепъ, и не вѣченъ на своемъ посту; онъ можетъ измѣнять свой

взглядъ на вещи и ошибаться, какъ и всякій человекъ; онъ, наконецъ, долженъ невольно соображать свои дѣйствія съ обстоятельствами минуты и общественнымъ мнѣніемъ страны, которое, при всей своей слабости, все-таки есть такая сила, игнорировать которую довольно трудно. А желающихъ войны у насъ всегда набиралось и паберется довольно. Много ихъ и изъ газетчиковъ, и просто изъ словесныхъ внутреннихъ политиковъ, и изъ интендантовъ, и изъ кавалерійскихъ лошадей, которыя топчутся въ конюшняхъ и ржутъ, просясь на поле брани. Особенно стараются, говорятъ, патриотизмомъ и желаніемъ сразиться съ врагами отечества гг. интенданты. Неужели же опять будетъ война?! Неужели опять войною будутъ наполнены газеты, неужели опять война будетъ у всѣхъ на языкѣ и будетъ, выражаясь фигурально, наполнять не только сердца и помыслы наши, но даже всѣ наши фибры? Мы такъ еще недавно воевали, что одно воспоминаніе объ этомъ уже воскрешаетъ неистовое военное состояніе. Какъ послѣ продолжительнаго и неприятнаго плаванія на пароходѣ, долго сохраняется и, при малѣйшемъ поводѣ, возникаетъ вновь ощущеніе качки, такъ и здѣсь—воспоминаются кровавыя картины, суета, тревожныя телеграммы, печальные сборы, проводы и прощаніе отцовъ съ дѣтьми и женъ съ мужьями, воспоминаются вопросы о раненыхъ, о прирѣзанныхъ вдовъ и сиротъ, отгѣсняющіе на задній планъ всѣ коренныя внутренніе вопросы и т. д. Мы такъ недавно еще кончили войну, что несомнѣнно еще кончилось интендантское пицевареніе—только недавно вѣдь видѣли мы интендантскую отрыжку, въ видѣ интендантскаго процесса, за которымъ въ скоромъ времени послѣдуетъ еще процессъ, а можетъ быть и нѣсколько процессовъ. Положимъ, что мы тогда, какъ говорили нѣкоторые патриоты, не довоевали: война, дѣйствительно, прекратилась раньше, чѣмъ они думали, прекратилась тогда, когда еще раздавались крики:—«валяй дальше!» но кричавшихъ это, право, было немного, а главное, еслибы ихъ слушать, то, чего добраго, мы и до сихъ поръ еще воевали бы. Не хотѣли у насъ мира только гр. Бланкъ, совѣтовавшій убить Турцію наповаль, «какъ волка» («Гражданинъ» № 2, 1878 г.), г. историкъ—Иловайскій, рекомендовавшій добить ее, какъ «змѣю» («Московскія Вѣдомости», февраль, 1878 г.), какой-то воинственный Бука «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 9, 1878 г.), фельдфебеля «Новаго Времени» и нѣкоторые другіе въ этомъ же родѣ, неслышанно

узурпировавшіе общественное мнѣніе и выдававшіе собственныя мечты за желаніе всего русскаго народа, за волю всей страны. Все это, конечно и впредь будетъ происходить, ибо для политической безцеремонности у насъ въ особенности все благопріятно. Въ виду этого, какъ намъ кажется, будетъ совсѣмъ не лишнимъ припомнить кое что изъ того, что говорилось и дѣлалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Теперь, когда страсти къ Константинополю улеглись, воспоминанія наши, вѣроятно, никому, даже самымъ безшабашнымъ шовинистамъ, не дадутъ повода изобличать насъ въ отсутствіи патріотизма и не вызовутъ показыванія свиного уха, какъ это дѣлалось по отношенію къ тѣмъ органамъ печати, которые пытались остановить шумный потокъ газетнаго шовинизма. Мы не будемъ въ подробности разбирать вопросовъ: каковы были мотивы военнаго возбужденія, каковы были цѣли, каковы были чувства и мысли, управлявшія пламеннымъ языкомъ газетныхъ застрѣльщиковъ и руками или, вѣрнѣе, ручками великосвѣтскихъ барынь, рѣшавшихся для отечества даже на такіе подвиги, какъ кройка и шитье солдатскихъ портокъ. У нѣкоторыхъ отвѣты на эти вопросы лежали въ боковомъ карманѣ и они, безъ труда доставая ихъ оттуда, отвѣчали: «Что? Патріотизмъ, родство съ славянами, доброе человеческое чувство» и т. п. Но такихъ объясненій, теперь, какъ понятно, мало: слишкомъ ужъ онѣ растяжимы и неопредѣленны.. Поприщъ для добрыхъ чувствъ было не мало и дома. Всякій, конечно, сумѣетъ теперь отличить напр., патріотизмъ генерала Гарибальди отъ патріотизма начальника штаба тимокско-моравской арміи генерала (или только полковника, кажется,) Комарова, а также и отъ патріотизма кн. Оболенскаго, поставившаго для побѣдоносной русской арміи сухари. Прежде у насъ былъ всего на всего только одинъ патріотизмъ—квасной. Всѣ его такъ и знали подъ этимъ названіемъ, понимая, что съ точки зрѣнія этого патріотизма, надлежало превозносить все русское, не только русскій откупъ, но даже русское крѣпостное право, московскіе растеган, историческіе костюмы и батоги. Въ послѣднюю же войну патріотизмъ этотъ какъ то раздробился и принялъ какіе то особенныя, современныя отбѣнки: сухарный, субонный, интендантскій вообще, административный вообще и т. д. Все это, разумѣется, были отпрыски отъ стараго пня; но несомнѣнно, что ко многимъ изъ этихъ

отпрысковъ были привиты глазки западно европейскаго національ-либерализма. Говорилось объ объединеніи Италіи, объ объединеніи Германіи, о великой культурной роли, которая предстоить славянству и т. д. И это то собственно и дѣйствовало на сердца чело-вѣческія, когда выколачивалась на газетныхъ барабанахъ патріотическая тревога, выколачивалась тогда, когда отечеству нашему не грозило никакой внѣшней опасности. Это то собственно и за-гоняло въ славянофильскій лагерь такихъ крупныхъ западниковъ, какъ гн. А. П. Васильчиковъ и г. Кавелинъ, не говоря уже о мелкой сошкѣ, не находившей дома дѣятельности, и тѣхъ молодыхъ силахъ, которымъ, дѣйствительно, не находилось дома живаго дѣла и которыя бросались, какъ говорится, очертя голову, куда попаю. Намъ нѣтъ надобности здѣсь разбирать насколько могутъ претендо-вать на будущее всѣ тѣ общественныя формы, въ которыхъ страдаетъ личность, и насколько логично съ національной точки зрѣнія защи-щать откупъ и крѣпостное право. Всѣ эти вопросы можно оставить въ сторонѣ безъ всякаго ущерба для главной цѣли настоящей ста-тейки, имѣющей въ виду только припомнить нѣкоторые эпизоды изъ недавно пережитаго времени и воскресить въ памяти ту ло-гику, съ какою мы разсуждали о войнѣ и которая одна могла испугать Европу. Оставаясь на той же самой патріотической почвѣ, на какой стояли и шовинисты, мы все-таки невольны должны были отличать одинъ патріотизмъ отъ другаго. Когда напр., княжна X платила 6 р. за входъ на балъ французской колоніи и въ тоже время платила 600 р. с. «за простое сѣрое платье» (простое потому, что роскошныхъ положено было въ самомъ началѣ войны не носить), въ которомъ она должна была появиться на балу, то невольно являлось сомнѣніе въ искренности ея патріотизма и думалось, что ей гораздо больше хотѣлось плясать въ пользу раненыхъ или по-бѣдить кого нибудь изъ славянофильствовавшихъ кавалеровъ. Когда въ Семеновскомъ госпиталѣ появился значительный % больныхъ тифомъ и корью и, «въ виду этого обстоятельства, многія дамы» входившія въ составъ дамскаго попечительнаго кружка, спеціально вѣдавшаго уходъ за больными, «прекратили свои посѣщенія гос-питаля» («Новое Время», 12 февраля 1878 г.), то невольно думалось, что патріотизмъ этихъ дамъ, простиравшійся только до личной безопасности, гораздо ниже патріотизма того самаго солдатика, ко-

тому онѣ шли портки, и гораздо ниже патриотизма тѣхъ женщинъ, которыя шли перевязывать солдатскія раны. Невольно казалось, что повисъ въ госпиталѣ не корь и тифъ, а оспа, которая грозилъ бы обратить лицо попечительныхъ дамъ въ терку, то не только многія изъ нихъ, но даже большинство такъ стремительно пустились бы удирать изъ госпиталя, что только пятки за-сверкали бы. Когда дворникъ моего дома, во время иллюминаціи, по случаю взятія Плевны, купилъ на собственный коштъ 1 ф. керосину и, набирая его въ ротъ, пульверизировалъ на зажженную паклю, вздымая цѣлыя столбы пламени, то я, хотя и видѣлъ въ этомъ искренность чувствъ, но не видѣлъ особеннаго торжества патриотизма. Когда газетчикъ бралъ свою мирную флейту и начиналъ на ней разыгрывать воинственные марши, собирая вокругъ себя публику (публика любитъ слушать про битвы), то невольно приходилось задумываться и на счетъ его искренности, и на счетъ его цѣлей. Искренность безъ сомнѣнія—дѣло важное, но всегда какъ то хочется видѣть во всемъ и логическую сторону. Припомните то время, когда богиня побѣды улыбалась генералу Черняеву, когда онъ съ добровольцами наступалъ на турокъ, и скажите пожалуйста, не приходило ли вамъ тогда по этому поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ? Не думали ли вы, напр. о томъ что будетъ, если

Архистратигъ славянской рати,
Безуворазженный герой,

побѣдить турокъ? Какъ поступить онъ и что сдѣластъ для освобожденныхъ народовъ—ударить ли имъ челомъ, какъ Ермакъ Сибири, провозгласить ли Милана королемъ, или когонибудь другаго диктаторомъ, или же придастъ имъ какое иное политическое устройство, устройство болѣе демократическое?! Не размышляли ли вы, что будетъ, если этотъ несомнѣнно рѣшительный и храбрый генералъ начнетъ примѣнять къ жизни западныхъ славянъ свои идеи мирнаго времени, идеи не особенно много говорившія уму и чувству? Я нѣсколько разъ думалъ по этому поводу и признаюсь, какъ только представлялъ себѣ, что если внутренній міръ этого генерала исчерпывается содержаніемъ «Русскаго Мира», т. е. газеты, которую онъ издавалъ, то становилось какъ-то нѣсколько

жутко. Если къ этому невольно приходилось присоединить еще ходившій слухъ, что генералъ черезъ чуръ добръ по отношенію къ окружающимъ его помощникамъ, которые, какъ говорили, что хотѣли, то и дѣлали, что генералъ (это, впрочемъ, опять только слухъ такой ходилъ) нѣсколько честолюбивъ и что, наконецъ, въ славянскихъ земляхъ созрѣла уже цѣлая буржуазная партія, которая мечтаетъ строить желѣзныя дороги, заводить акціонерныя банки и прочіе атрибуты промышленности, рассчитывая забрать этими клещами народъ въ свои руки, то не трудно было овладѣть челоуѣкомъ безпокойству за освобожденныхъ народовъ, за ихъ мирныя поля, которыя черезъ какой нибудь десятокъ—другой лѣтъ могли быть отобраны, чтобы направить населеніе на фабрики. Примѣровъ этому было вѣдь огромное множество въ исторіи народовъ и даже въ исторіи тѣхъ же славянъ, имѣющихъ честь принадлежать къ австрійской коронѣ.

Точно также и въ то время, когда газеты наши трубили походъ противъ Турціи и когда была, наконецъ, объявлена война, мнѣ не менѣе интересно было знать: чего мы хотимъ, чѣмъ руководимся, что надѣмся сдѣлать для освобожденныхъ народовъ, какія такія новыя начала, какую такую свободу надѣмся внести въ ихъ жизнь и будетъ ли эта свобода дѣйствительною свободою? А вмѣстѣ съ этимъ хотѣлось, конечно, знать и то, что сдѣлаемъ мы, кромѣ новаго отягощенія бюджета, для русскаго народа и для общечелоуѣческаго прогресса. Внимательно слѣдили мы за газетами во все время войны, но увы! отвѣтовъ на эти вопросы не послѣдовало. И теперь вотъ, когда война давно уже кончилась, всѣ эти вопросы стоятъ по прежнему, въ видѣ какой-то загадки. Но какъ же, однако, разсуждали мы, начиная и продолжая войну?

Сначала, какъ помните, говорилось о звѣрствахъ въ Герцоговинѣ и Болгаріи, о «кроважидныхъ турецкихъ когтяхъ, впившихся въ христіанское тѣло», говорилось о помощи славянамъ, для чего ходили съ кружками, устраивали балы и концерты, сочиняли стихи, провожали добровольцевъ и проповѣдывали войну, не какую нибудь простую войну, а народную, высокую по цѣлямъ: газеты распространялись о вѣковой племенной и религіозной ненависти Россіи къ магометанскому міру, о неистощимости русскихъ силъ, хотя бы война продолжалась также долго какъ крестовныя походы, и безъ малѣйшаго стѣсненія утверждали, что вся Россія, какъ

одинъ человекъ, требуетъ войны, что подъемъ народнаго духа представляеть такое торжественное явленіе, что даже толковать въ это время о другихъ матеріяхъ неприлично. Въ этомъ смыслѣ напала, напр. «Русскій Міръ» на тѣ органы печати, которыя пытались обращать вниманіе на внутренніе вопросы. Такъ какъ доказать послѣднее, т. е. что русскій народъ желаетъ воевать, было довольно трудно, такъ какъ русскій народъ нигдѣ этого не высказывалъ, то газеты ловили для доказательства каждую мелочь, обобщали каждый единичный фактъ, а пожалуй и присочиняли кое-что отъ себя. Хорошо, что никто изъ репортеровъ не видѣлъ дворника пульверизировавшаго керосинъ, а то навѣрное гдѣ нибудь въ шовинистской печати ужъ было бы сказано, что масса дворниковъ, если только не всѣ петербургскіе дворники и не весь русскій народъ, устроили великолѣпный праздникъ. Нѣчто подобное этому и было. Шли, напр., какіе нибудь два отставныхъ офицера добровольцами въ Сербію, а усердный корреспондентъ сообщалъ, что изъ такого-то уѣзда идутъ «цѣлыя массы». Массы эти приобретали иногда такіе размѣры, что можно было опасаться обезлюденія цѣлыхъ губерній и заповоленія Сербіи, чего опасались нѣкоторые сербы и чего, однако, далеко не случилось, такъ какъ добровольцевъ было очень немного. Однѣ и тѣже извѣстія повторялись на разныхъ ладахъ, по нѣскольку разъ. Одинъ корреспондентъ сообщалъ даже «Новому Времени», что малыя крестьянскія дѣти въ какихъ-то отдаленныхъ деревняхъ молились въ утреннихъ молитвахъ своихъ за здоровье генерала Черняева. Это былъ первый періодъ, періодъ такъ сказать, растопочный, пока, наконецъ, съ шипѣніемъ и большимъ дымомъ не загорѣлись сирья русскія дрова. Сколько тутъ было сказано возвышенныхъ рѣчей, сколько тутъ было пропѣто гимновъ свободѣ, какой это былъ чудесный керосиновый фейерверкъ. И сколько по этому поводу было выпито шампанскаго и изискано недомокъ! Главная масса денегъ все-таки составилаь изъ грошей, все-таки была собрана съ народа, которому становые, непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій, исправники, земцы и просто частные патріоты предлагали, сверхъ податей, пожертвовать еще отъ его достатковъ; а на нашу долю выпалъ трудъ по сбору пожертвованій и по организаціи разныхъ комитетовъ. Собственно говоря, наше дѣло было больше по части разговоровъ и шампанскаго, хотя и мы, жертвуя трехрублевки, а преимущественно земскія сумми,

въ которыхъ, конечно была и наша доля, считали себя жертво-
 тельми. Мало давали имъ. По этому поводу имѣется прелестная испо-
 вѣдь кн. Мещерскаго (издателя газ. «Гражданинъ»), который, от-
 вѣчая на письмо къ нему какой-то московской аристократки, пи-
 салъ въ «Московскія Вѣдомости» слѣдующее: «Я не позволю себѣ
 никого осудить, но я скажу здѣсь, какъ велико во мнѣ дурное
 чувство къ самому себѣ, когда теперь ежеминутное зрѣлище
 того, какъ и отчего страдаютъ тысячи раненыхъ, напоминаетъ мнѣ
 и днемъ, и ночью, сколько сотенъ рублей я проѣлъ, про-
 нилъ, протратилъ на свои прихоти со времени начала
 войны, называя себя патриотомъ и толкуя о сочувствіи
 къ раненымъ на мягкихъ диванахъ въ прохладѣ, когда было
 жарко, и предъ каминомъ, когда было холодно!» («Новое Время»
 № 625, 1877 г.) Расчувствовавшійся и каившійся князь вѣрно го-
 ворилъ, что «многіе добрые люди», посмотрѣвъ на страданія, могли
 бы дать «во сто разъ больше, въ тысячу разъ больше», отказываясь
 только отъ ложъ въ бельэтажѣ и роскошныхъ блюдъ и обращая
 ихъ въ одѣяла и фуфайки; но дѣло въ томъ, что «добрые люди»,
 о которыхъ говорилъ князь, устроены по его же образцу: имъ
 пужно было видѣть страданіе, нужно было слышать хрипящее пе-
 рерѣзаннаго горла, чтобы отказаться отъ бель-этажа, нужно было
 уѣхать изъ Петербурга, отсюда ихъ никакимъ калачемъ не выма-
 нншь. Поговоривъ объ освобожденіи славянъ, мы стали узнавать
 отъ нашихъ добровольцевъ и корреспондентовъ, что славяне эти
 самые собственно живутъ лучше нашего мужика и платятъ меньше
 податей, что славянъ на Балканскомъ полуостровѣ гораздо больше,
 чѣмъ турокъ, что звѣрствъ съ ними въ мирное время не происхо-
 дило и начались онѣ только со времени возстанія, что отъ грубо-
 сти и взяточничества турецкихъ чиновниковъ, одинаково страдали и
 турки, и что среди чиновничества было много славянъ. Все это
 нѣсколько иначе направило наши мысли. Къ разговорамъ о свободѣ
 стали примѣшиваться разговоры о проливахъ и Черномъ морѣ, о томъ,
 что оно есть наше внутреннее море, есть, такъ сказать, наше вну-
 треннее озеро; стали говорить о пашалыкахъ въ Азіи и о Констан-
 тинопольѣ. Г. Суворинъ уже мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ си-
 дѣть подъ константинопольскими кипарисами (Суворинъ подъ ки-
 парисами съ Буренинымъ, конечно) и перенесетъ туда свое «Новое
 Время», сдѣлавъ его европейскимъ руководящимъ органомъ (тогда

говорили бы: это Бисмаркова газета, это газета Гамбеты, а это Суворинскій органъ) и конкурентомъ «Times'a» и другихъ разпространенныхъ газетъ. Когда европейская дипломатія стала дѣлать нѣкоторые намеки на то, что она не желала бы, чтобы «Новое Время» издавалось въ Константинополѣ, хотя и не запрещаетъ г. Суворину, въ качествѣ туриста, побывать въ Константинополѣ и посидѣть подъ кипарисомъ, то сильнѣе обострилась вражда къ европейской политикѣ и сильнѣе стали проявляться милитарныя чувства, военный задоръ. До нѣкотораго охлажденія подъ Шлевною, мы, какъ извѣстно, имѣли нѣкоторое преувеличенное понятіе о своемъ военномъ могуществѣ: мы не только смотрѣли на турокъ, какъ на чурокъ и надѣялись закидать ихъ шапками, но не совѣтовали даже Англии и Австріи вмѣшиваться не въ свое дѣло: «увидите, говорили мы, отъ грѣха, а то тоже самое и вамъ будетъ». Хорошо еще, что нѣкоторыя обстоятельства немного сдерживали эту хлестаковщину, а то договорились бы Богъ знаетъ до чего. Всякій, кто пытался усомниться не только въ народности войны, но предлагалъ только вопросъ: дѣйствительно ли мы такъ сильны и выдержать ли наши финансы, осыпался бранью, упрекался въ туркофильствѣ и въ отсутствіи патриотизма, хотя въ этихъ вопросахъ было гораздо больше патриотизма, чѣмъ въ слѣдномъ новинизмѣ и большее вниманіе къ нимъ, вѣроятно, значительно сократило бы наши расходы, а можетъ быть предотвратило бы и неудачи подъ Шлевной. Нѣкоторое охлажденіе подъ Шлевной, послѣ паденія этой импровизированной твердыни, снова скоро смѣнилось самымъ неистовымъ одушевленіемъ: опять пошли «чудо-богатыри», «лихость кавалерія», «паденіе твердынь подъ рукою юнаго сѣвернаго колосса» и т. д. Опять пошли стихи, многія редакціи, говорятъ, просто были завалены стихотвореніями. «Московскія Вѣдомости» даже находили «не излишнимъ повторять нѣкоторые звучные стихи» изъ оды Ломаносова на взятіе Хотина и увѣрили, что «ликованіе по случаю побѣдъ надъ турками, было колыбелью русской поэзіи» (?). Вотъ тѣ «звучные» стихи, которые они приводили въ № 324, 1877 года:

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
 Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою уморство?
 Гдѣ злость на сѣверни край?
 Станбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?..
 Цѣлуйте вогу ту въ слезахъ,

Что васъ, Агаряне, попраза;
 Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
 Мечомъ кровавымъ показала.
 Шумить съ ручьями боръ и доль:
 Побѣда! Русская побѣда!
 Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
 Бойтся собственнаго слѣда.
 Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
 Луна стыдлася сраму ихъ
 И въ мракъ лицо зардѣвшись скрыла! *)
 Летаеть слава въ тьмѣ ночной,
 Звучить во всѣхъ земляхъ трубой,
 Коль русская ужасна сила!

Поставивъ звѣздочку надъ словами луна лицо «зардѣвшись
 скрыла», «Московскія Вѣдомости» ноясняли, что это «намекъ на
 лунное затменіе во время битвы» и добавляли, что «затменіе слу-
 чилось и въ нынѣшнюю войну». Не говоримъ уже о томъ, сколь
 странно въ наши дни и не въ стихахъ, а даже въ прозѣ гадать
 по луннымъ затменіямъ, а скажемъ только, что въ стихахъ Ломо-
 носова черезъ дѣланность ихъ проглядываетъ все-таки нѣкоторое
 искреннее чувство, котораго у насъ въ большинствѣ случаевъ да-
 леко не замѣчалось. Поэтъ изъ Шуй, напр., провожавшій добро-
 вольцевъ и восклицавшій:

Поклонъ Черняеву скажите,
 Скажите братьямъ, дайте знать,
 Что кровь кипитъ у всѣхъ шуйцъ
 И слезы льются за славянъ.

конечно, вралъ на счетъ кипѣнія крови и слезъ. «Московскія Вѣ-
 домости» говоря, «коль русская ужасна сила», конечно не вѣрили
 въ эту силу такъ, какъ вѣрилъ Ломоносовъ—самъ мужикъ. Въ
 особенности слаба у насъ, какъ извѣстно, культурная сила и га-
 зеты, какъ бы сознавая это, по большей части и говорили о силѣ
 народа и обращались по большей части къ нему. Но зачѣмъ же
 было давать народу смутное представленіе о самомъ себѣ, зачѣмъ
 было напаявать его патріотическою сивухой и рисовать его, какъ
 нарисовали напр. московскіе лубочные живописцы на одной изъ
 картинъ Россію въ видѣ громаднаго мужика, бѣгущаго по бал-
 канскимъ горамъ съ вершины на вершину: одной рукою повалилъ
 Карсъ, другою—Плевну, ногой наступилъ на Ардаганъ и т. д. Не

думаемъ, чтобы подобныя картины, распространявшіяся въ народѣ по многихъ милліонахъ экземпляровъ, и подобныя же писанія газетъ могли имѣть хорошее воспитательное значеніе. Мы отмѣчали въ иностранной печати все, что льстило нашему шовинизму: когда чешская газета «*Narodní Listy*» написала о «русскомъ духѣ», что она «хорошо поняла этотъ духъ», что «узнали его турки, узнаютъ его англичане, если окажется нужнымъ, узнаютъ его всѣ, кому это будетъ угодно», то мы находили, разумѣется, статью эту замѣчательною, а самую газету одною изъ лучшихъ («*Московскія Вѣдомости*» № 28, 1878 г.). «*Московскія Вѣдомости*» выписали даже какого-то «православнаго Араба изъ Константинополя», чтобы онъ насъ похвалилъ (№ 23, 1878 г.). И наоборотъ, когда иностранная печать пыталась относиться къ намъ недружелюбно или даже только критически, то мы осмѣли ея цѣлою картечью ругательствъ. Въ особенности руготня эта усилилась, когда мы готовились было уже вступить въ Константинополь («*Новое Время*» даже объявило уже, что мы вошли) и когда Англія устроила намъ демонстрацію, выславъ флотъ къ Принцевымъ островамъ. Мы просто проклинали и предали анаемѣ эту коварную политику, просто перешли всякія границы и превзошли самихъ себя въ ругани «Сенъ-джемскаго кабинета съ Биконсфильдомъ во главѣ»; досталось отъ насъ, конечно, и г. Андраши. Мы такъ напѣли и того напѣли Европѣ, что она долге насъ не забудетъ. Мы обзывали австрійскую политику «двудушною», «омадьяренною», называли ее «игрою въ темную» (противупологая ей, разумѣется, себя въ великодушій и прямодушій); а англичанъ честили не иначе какъ «презрѣнными торгашами», «хриstopродавцами», «эгоистами», «кровосійцами» и даже «врагами свободы» (противупологая имъ, разумѣется, себя въ качествѣ друзей свободы и воплощеннаго безкорыстія). Русскій человекъ вообще мастеръ на клесткую ругань: Русская ругань, говорятъ, вошла во всѣ европейскіе языки, сдѣлалась международною, хотя о русской мысли и наукѣ европейцы очень мало знаютъ. Являлись энтузіасты съ предложеніями самаго экстреннаго и эксцентричнаго свойства по части уничтоженія Англіи. Мы проповѣдывали настоящій крестовый походъ противъ этой хриstopродавческой страны и придумывали для нея разныя казни, не хуже египетскихъ. Вотъ, напр., что придумалъ для нея г. Евгеній Марковъ: «Не одной Россіи, говорилъ онъ, въ своемъ этюдѣ о Шейлокѣ современной политики, а

цѣлой Европѣ пора схватить, наконецъ, эту vorovatую хищницу за ея увертливой хвостъ и выщипать его до послѣдняго перышка, чтобы отбить у нея охоту жить на счетъ крови ближнихъ и ловить свою рыбу въ мутной водѣ, гдѣ барахтаются наивные народы, которыхъ она натравливаетъ другъ на друга по пословицѣ: «взы, змы! а самъ подъ возы!» «Новому Времени» такъ понравился этотъ проектъ, что оно (да по всей вѣроятности и не одно оно) еслибы только это было возможно,—ахъ! это ужасное слово: «еслибы было возможно!»—сейчасъ же, кажется, бросилось бы выщипывать хвостъ у vorovatой хищницы, въ особенности, еслибы кто нибудь, въ родѣ напр. Бисмарка, попрдержалъ ей голову, которая, къ сожалѣнiю, вооружена острымъ клювомъ. Почувствовавъ это самое обстоятельство, «Новое Время» могло только съ опечаленнымъ сердцемъ воскликнуть: «выщипать хвостъ!.. красно это сказано, да какъ исполнить?» («Новое Время», сентябрь 23, 1877 г.) Г. Марковъ также оставилъ этотъ вопросъ объ исполненiи безъ отвѣта и казнъ Англии вслѣдствiе этого несостоялась. Затѣмъ предлагалось весьма многими побѣдить Англию со стороны Индiи, но и этотъ проектъ остался безъ послѣдствiй, такъ какъ былъ довольно проблематиченъ и въ финансовомъ отношенiи представлялъ не меньшiя затрудненiя, чѣмъ еслибы кто предложилъ подвести подъ Англию мину и взорвать коварный Альбионъ. Военная демонстрацiя наша въ средней Азiи слишкомъ запоздала, не привела ни къ чему противуанглiйскому и кончилась, какъ извѣстно, вслѣдствiе самой мирной просьбы англичанъ. Мы понимаемъ негодование нашей прессы на своекорыстную политику Англии и другихъ европейскихъ державъ, которыя, не жертвуя ничѣмъ, заспѣшили къ раздѣлу наслѣдства больного чело-вѣка и хотѣли загребсти жаръ чужими руками. Зрѣлище, безъ всякаго сомнѣнiя, было возмутительное не только со стороны большихъ державъ, но даже со стороны Греции, которая со всѣми своими Трикуписами и Попандопулами, въ теченiи двухъ лѣтъ каждодневно собиралась объявить войну и объявила таковую только наканунѣ перемирiя, воображая, конечно, что русскихъ можно было обмануть, какъ это и на самомъ дѣлѣ вышло; но для чего же все-таки было ругаться-то? Руганъ могла развѣ только облегчать сердце, да и это сомнительно, а дѣлу не помогала. Развѣ нельзя было доказывать Европѣ спокойно, что хотя больной умираетъ и неестественною смертiю, а вслѣдствiе причиненнаго ему нами кровопусканiя, но

что во всякомъ случаѣ кровопусканіе это сопряжено было для насъ съ расходами и нѣкоторымъ рискомъ. Когда наши газеты не переходили предѣловъ приличія, то у нихъ выходило гораздо лучше, гораздо убѣдительнѣе и сильнѣе. Вотъ, напр., какъ хорошо отвѣтило «Новое Время» Англии, когда та предлагала свое посредничество: обращайтесь, сказала оно, съ вашими совѣтами покрытыми благовидностью и имѣющими цѣлью связать Россію по рукамъ и по ногамъ, къ княжеству Монако, а не къ Россіи! (№ 406. 1877 г.) Видите ли какъ сильно и хорошо: если Англія и забыла, что Россія не Монако, то сейчасъ же, разумѣется, вспомнила это. Или вотъ, напр., какъ хорошо и ядовито предлагали «Московскія Вѣдомости» спросить англичанъ: А «по какому праву флотъ ихъ такъ долго загостился въ Безикской бухтѣ, которая вовсе не есть англійское владѣніе?» (5 февраля 1878 г.) Хотя въ это время англійскій флотъ прошолъ уже въ Дарданелы и подходилъ къ Константинополю, но все-таки еслибы такъ именно поставить имъ вопросъ: а по какому праву вы, господа, англичане, загостились въ Безикской бухтѣ и т. д., то это несомнѣнно имѣло бы успѣхъ. А то начинали ругаться до того, что въ глазахъ шли зеленые круги и Англія начинала представляться птицей. Слѣдуетъ, наконецъ, помнить, что въ наслѣдствѣ больнаго человѣка были нѣкоторые предметы, унаслѣдовать которые въ исключительное свое обладаніе, какъ бы ни были велики подъятыя нами труды, мы не могли потому, что съ ними связаны общеввропейскіе интересы, что претендовать на привилегированное пользованіе ими, послѣ возраженій противъ привилегированнаго пользованія ими другими державами, было съ нашей стороны какъ будто непослѣдовательно. Въ подобныхъ случаяхъ было бы очень полезно ставить себя въ положеніе другихъ державъ, но мы этого никакъ не могли дѣлать. Вотъ, напр., заходила рѣчь о присоединеніи къ намъ отъ Румыніи Бессарабіи. Румынская газета «Telegraful», по весьма естественному чувству, не сочувствовала этому: «Мы не уступимъ Бессарабіи, говорила она, ни за какія блага въ мірѣ и будемъ сопротивляться этому сперва на словахъ, а потомъ и съ оружіемъ въ рукахъ... Мы надѣемся на наше правительство... Мы надѣемся на патриотизмъ нашего князя и убѣждены, что онъ не изберетъ ни одного министра, который осуществилъ бы это желаніе Россіи, потому что, случись это, его свѣтлость потерялъ бы право занимать долге ру-

мынскій престолъ! Если же Россія желаетъ Бессарабіи, она можетъ отторгнуть ее только силою оружія, но мы тогда будемъ убѣждены, что Россія стремится только къ завоеванію!» Скажите пожалуйста, что тутъ неестественнаго и глупаго, хотя бы это было и неприятно для насъ? Когда въ 1856 г. у насъ отходила та же самая Бессарабія, на которой уже теперь водворилось румынское населеніе, то мы также вѣдь были недовольны этимъ, хотя она также была приобрята нами путемъ завоеванія и не составляла исконной нашей земли. Но «Новое Время» сопровождало выписку изъ «Telegraful'a» слѣдующимъ примѣчаніемъ: «вотъ, сказала оно, образчикъ тѣхъ глупостей, которыя теперь печатаетъ ежедневно румынская пресса». Для несомнѣннаго же доказательства нашего историческаго права на румынскую Бессарабію и посрамленія румынской прессы, «Новое Время» выпустило дипломата Скальковскаго. Этотъ горный инженеръ, искусившійся въ металахъ и минералахъ, доказалъ блистательно первое положеніе, т. е. то, что Бессарабія была завоевана нами въ 1829 г. (хотя это и невѣрно, потому что она была присоединена къ намъ въ 1812 г.) и принадлежала намъ до 1856 г.; на счетъ же глупости бессарабской прессы оказался слабъ и самъ наговорилъ много... страннаго и непонятнаго. Въ вопросахъ присоединенія территорій, кромѣ разныхъ другихъ соображеній, слѣдовало бы, какъ намъ кажется, справляться иногда и съ желаніемъ населенія, которое часто не хочетъ принимать подданство другой державы и переселяется въ отечество; но минеральный дипломатъ пашъ, упомянувъ объ этомъ, говорилъ, что это только наполеоновская затѣя, которую, пожалуй, можно продѣлать, хотя въ сущности не стоитъ. Правда, говорилъ онъ, съ 1856 г. значительная часть русскихъ выселилась изъ Бессарабіи и ихъ мѣста заняли румынскіе выходцы, такъ что румынское населеніе стало преобладающимъ въ смѣси болгаръ, армянъ, цыганъ, евреевъ, нѣмцевъ и отчасти казакъ-раскольниковъ, но это, говорилъ, онъ, «проходимцы», съ которыми нечего церемониться. Да и вообще, говорилъ онъ, что такое за церемоніи со всею-то Румыніей? Вѣдь войну ведемъ мы съ Турціей, а Турціи все таки пока «по сей день принадлежитъ безспорно сюзереннеть надъ всѣми румынскими землями». Но это еще не все: существуетъ, продолжалъ онъ, мнѣніе, что Румынія государство конституціонное, съ широкими, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, гарантіями личной свободы» и самую широкую свободой печати, но что

въ этомъ толку: «въ странѣ такъ мало грамотныхъ», наконецъ очевидно, что болгары, нѣмцы, русскіе раскольники и др. осѣдлые жители южной Бессарабіи далеко не въ силахъ оцѣнить различіе страны свободной отъ несвободной». («Новое Время» февраля 17 1878 года). Какъ вамъ нравится эта минеральная логика нашего публициста. II. нужно замѣтить, что, говоря это, «Новое Время» знало также и то, что за Бессарабію имъ предлагали Добруджу и Видинскій вилайетъ, чѣмъ была недовольна, въ свою очередь, Сербія, границы которой по Дунаю, вслѣдствіе этого, должны были ухудшиться, и между которою и Болгаріей вставлялся такимъ образомъ румынскій клинъ, въ видѣ Видинскаго вилайета, гдѣ не было ни одного румына. Опасаясь вліяніемъ Румыніи на восточную Сербію и могшихъ возникнуть отсюда столкновеній, Сербія была недовольна и весьма ограниченными результатами войны, такъ тяжело ей доставшейся. Если Россіи необходимо нужна была Бессарабія, то такъ прямо и надо было говорить, не подыскивая хитрыхъ юрисдикцій и не выпуская такихъ хитрыхъ дипломатовъ, за которыхъ, конечно, оставалось только одно—краснѣть. Относительно доказательствъ нашихъ правъ на извѣстныя территоріальныя расширенія намъ вообще какъ то не везло. Вотъ напр. какія соображенія высказывались «Московскими Вѣдомостями» и «Харьковскими губ. Вѣдомостями» на счетъ проливовъ, которыми доказывалось въ одно и тоже время, что Черное море есть и озеро, и море: съ одной стороны, Черное море, подобно Каспію, только «по странному для Россіи стеченію обстоятельствъ, носитъ громкое имя моря», (это—«только благодаря обширности воднаго пространства»); а, съ другой стороны, оно какъ будто бы и море, и, такъ какъ «юридическое понятіе объ обладаніи моремъ совершенно совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ понятіемъ географическимъ», то «разъ Россіи уже давно принадлежитъ право на обладаніе не менѣе какъ волювиною Чернаго моря, eo ipso ей принадлежитъ право и на входы и выходы этого моря для сообщенія съ остальнымъ воднымъ пространствомъ земнаго шара, такъ какъ эти входы и выходы, именуемые въ данномъ случаѣ (именуемые въ данномъ случаѣ!) Дарданельскимъ и Константинопольскимъ проливами, составляютъ необходимую принадлежность Чернаго моря, которое безъ этихъ проливовъ вовсе не было бы моремъ (sic!), а только озеромъ, и самыя проливы имѣли бы тогда другое значеніе и названіе,—именно за-

ливовъ». («Московскія Вѣдомости» № 21 1878 г.). Если Бисмаркъ, къ великому огорченію авторовъ учебниковъ географіи, перепортилъ въ нѣсколько лѣтъ всѣ европейскія границы и всю европейскую географію, то г. Катковъ несомнѣнно старался измѣнить и упорядочить самыя географическія понятія. Указывая на вышеприведенныя интересныя соображенія «Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостей», «Московскія Вѣдомости», говорили, что сами онѣ высказывались какъ разъ «въ томъ же самомъ смыслѣ». Но относительно принадлежности намъ Дарданель «Московскія Вѣдомости» привели въ № 19, 1878 г. еще дагѣе убѣдительное или вѣрнѣе разительное доказательство: «Говорять, писали они, будто вопросъ о Дарданелахъ возбуждаетъ въ европейской дипломатіи сомнѣнія. Это очень можетъ быть, но въ русскихъ умахъ онъ давно уже рѣшенъ безповоротнo. Когда Петръ Великій находился въ Персіи. кня. Кантемиръ, поздравляя царя, сказалъ, что онъ вскорѣ прибавитъ къ своему титулу—титулъ шаха персидскаго, то Петръ отвѣтилъ ему на это слѣдующее: «не ищу приобрѣтенія новыхъ земель, ихъ у меня и безъ того довольно: ищу воды...» Не правда ли несомнѣнное доказательство! Хотя собственно о Дарданелахъ и ничего не было сказано, но несомнѣнно, что подъ «водою» подразумѣвались именно Дарданели. Такъ думали «Московскія Вѣдомости» и подтверждали подлинность словъ Петровыхъ ссылкой на источники (на Шерера, въ старинной книгѣ «Anecdotes et curiosités... de la Russie», Лондонъ 1792 г., «Русскій Архивъ» № X, 1877 г.) Вы не подумайте, читатель, что мы противъ Дарданель и тѣмъ болѣе противъ нейтрализаціи ихъ, къ каковой, по всей справедливости, и обратится когда нибудь международная политика, мы только отмѣчаемъ аргументацію, рѣшительно ничего не доказывавшую и переходившую за предѣлы убѣдительности. Все это, если ужъ самимъ намъ не было стыдно, несомнѣнно могло только компрометировать наше великодушіе, съ какимъ мы выступали и наше умственное развитіе передъ Европой, а Европа, право, вовсе вѣдь не княгиня Марья Алексѣвна, мнѣніемъ которой не стоило дорожить. Желая играть въ Европѣ роль, мы должны ей внушить хоть какое нибудь уваженіе къ нашему безпристрастію, къ нашему уму и логикѣ. Она привела насъ и впредь, конечно, будетъ приводить къ надлежащему знаменателю,—пока мы, дѣйствительно, не выставимъ на своемъ знамени настоящую правду и настоящую циви-

лизацію, съ которыми только и трудно считаться. Въ особенности интересно то, что «Московскія Вѣдомости», высказывая такія соображенія и видя предзнаменованія въ лунныхъ затмѣніяхъ, сами были не прочь подсмѣяться надъ слѣпымъ шовинизмомъ русской прессы. Такъ это было все, дѣйствительно, смѣшно. На себя посмотришь въ зеркало, такъ и то захохочешь, конечно, предполагая, что смѣшной этотъ ктонибудь другой. Въ томъ же самомъ № и даже рядомъ съ разсужденіемъ о Дарданелахъ говорилось слѣдующее: «Русскія войска перешли Дунай, и поднялись голоса объ изгнаніи турокъ изъ Европы, розыскали какія то предсказанія о немедленномъ возвращеніи христіанамъ Царь-града. Повторилось тоже самое, что было вначалѣ крымской кампаніи, когда пошли въ ходъ пророчества Мартына—Задеки» и т. д. Просто можно диву даваться! И можно ли было послѣ всего этого удивляться, что англійскій народъ, что англійскіе рабочіе далеко не сочувствовали русской политикѣ и устраивали митингъ за митингомъ, собирався иногда, какъ напр. 12 февраля 1878 въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ, по 100 т. человекъ и порицая Россію въ унисонъ съ своимъ правительствомъ и консервативнымъ премьеромъ. Можно ли было удивляться, что прусскіе социаль-демократы также не особенно симпатизировали нашему шовинизму и задору, хотя, конечно, очень сочувствовали освобожденію угнетенныхъ народовъ. Либеральныя газеты наши, смотря на все это, только разводили въ недоумѣніи руками и никакъ не могли понять того, что Европа больше всего боится нашихъ разсужденій, боится нашихъ Задекъ съ постояннымъ солнечнымъ и луннымъ затмѣніемъ въ головѣ. Можно было, конечно, питать и выражать патріотическія чувства, можно было и негодовать на Европу, но, во всякомъ случаѣ, не до потери человѣческой логики.

Твердили всѣ на тысячи ладовъ, что война наша вовсе не какаянибудь тамъ обыкновенная война за существованіе, о которой Дарвинъ написалъ философско—зоологическое сочиненіе, а война возвышенная, совершенно безкорыстная, за свободу народовъ, за вѣру и славянскую культуру, даже за какой то «идеалъ», сущность котораго никто, однако, не выяснялъ, а на самомъ дѣлѣ и на счетъ своекорыстія давали полное право себя подозрѣвать (Дарданеллы то, да и одни развѣ Дарданеллы были въ мечтахъ), и культуры никакой не предъявляли. Въ особенности слаба была именно куль-

турная наша сторона. Иногда иностранцы, право, могли подумать, что на насъ, не смотря на наши побѣды, вліять магометанскій міръ, могли, читая нѣкоторыя газеты, наблюдать даже начало нашего духовнаго подчиненія мусульманскому міросозерцанію и могли предпологать, какъ бы съ нами не произошло того же, что нѣкогда произошло съ древнею Русью и Византіей, т. е. духовнаго нашего подчиненія, духовнаго завоеванія побѣдителей побѣжденными. Въ № 632, напр. «Новаго Времени», по случаю взятія Плевны, можно было прочесть выписку изъ корана: «ни одинъ народъ не будетъ наказанъ прежде, чѣмъ приспѣетъ его время; когда же это время приспѣетъ, наказаніе его не отложится ни на малое время». Мысли въ стихахъ, въ № 2 «Гражданина», кн. Мещерскаго были еще магометаниствѣ, если можно такъ выразиться. Можно было думать, что кн. Мещерскій, этотъ прекрасный гражданинъ и гордость если не Россіи цѣлой, то всѣхъ русскихъ патриціевъ, уже совсѣмъ перешелъ въ магометанство. Правда, стихотвореніе, о которомъ мы говоримъ, еще имѣетъ нѣкоторую форму православія, но духъ въ немъ выразался уже совсѣмъ магометанскій; по крайней мѣрѣ такой нетерпимости, такой мести никогда не проповѣдывало христіанство. Вотъ что говорилось въ стихахъ: духъ Россіи «ни за что не хочетъ примиренья,

Пока Господь не отомщевъ
За вѣковыя преступленья
Его отрывувшихъ племень

Нѣтъ, не обращать овъ покоя
И ратный духъ его дѣтей
Въ побѣдныхъ лаврахъ послѣ боя
Не утолить тоска своей
Пока подъ сводами Софіи,
Въ возмездье крови и слезамъ,
Для православной литургіи
Не вспыхнетъ русскій омиамъ.

Если вынуть отсюда русскій омиамъ и православную литургію, то не трудно будетъ увидѣть, что останется чистое магометанство, магометанство такое, какого, пожалуй, не встрѣтишь даже въ Турціи. Это стихотвореніе хоть сейчасъ нашивай на зеленое знамя пророка. Всѣ богословы Европы навѣрное скажутъ, что оно совсѣмъ

не согласуется съ началами христіанства и провозглашаемой имъ любви.

Далѣе. Кто бы могъ подумать, что война наша противъ Турціи могла быть связана съ нашими нигилистами и реалистами? (Даже съ реалистами). А между тѣмъ кн. Мещерскій доказывалъ это и обстоятельно развивалъ на страницахъ своего «Гражданина». Что же это была за связь такая? Ужъ не реалисты ли съ нигилистами сочинили войну и были причиною кровопролитія; ужъ не пробрались ли они какими нибудь подземными ходами въ Англію и не пашентали ли лорду Биконсфильду недобрыхъ совѣтовъ? Нѣтъ, связь тутъ была не такая, а внутренняя и болѣе глубокая. Вы, конечно, не разъ слышали о связи войны съ внутренними нашими вопросами, при чемъ печать не выясняла ни этой связи, ни самихъ даже внутреннихъ вопросовъ. Такъ вотъ, чтобы читатель напрасно не ломалъ головы, кн. Мещерскій обязательно и объяснялъ слѣдующее: что войну сочинили реалисты и нигилисты не сами, но что она прежде всего нужна была для нихъ самихъ, «для возвращенія и Богу и народу». Мы желали войны, говорилъ онъ, «именно потому, что, вѣруя въ Бога и въ судьбу нашего народа, мы питали надежду, что однимъ изъ дѣйствій войны, помимо ея святыхъ цѣлей, было возвращеніе Богу и народу той нашей русской молодежи, которая до войны такъ легкомысленно отдавалась отцами и матерями нигилизму и реализму». Необычайное, можно сказать, глубокомысліе! Не безынтересно объяснить при какихъ обстоятельствахъ были высказаны эти мысли. Кн. Мещерскій выдвинулъ этотъ аргументъ какъ самый послѣдній, какъ самый тяжеловѣсный и рѣшительный. Статья его «Объяснимся!», изъ которой мы привели цитату, была направлена главнымъ образомъ противъ какихъ то «людей съ вѣсомъ», «выдававшихъ себя за вѣрныхъ слугъ правительства», которые не одобряли того задирабельнаго тона, какой принимала наша печать, а въ томъ числѣ, конечно, и «Гражданинъ», по случаю войны. Тонъ этотъ часто былъ дѣйствительно неприличенъ, и люди съ вѣсомъ были правы, когда говорили задирателямъ, что они шовинисты, что они возбуждаютъ въ обществѣ дурныя страсти, компрометируютъ Россію, возбуждаютъ умы въ Европѣ и т. д. Они къ этому могли бы смѣло прибавить и то еще, что задиратели наши напрасно говорили отъ лица всей Россіи и въ особенности отъ

лица русскаго народа, который ихъ на это не уполномочивалъ и можетъ быть не желалъ даже воевать. Они были бы, можетъ быть, нѣсколько скомпрометированы, еслибы постарались наложить на шовинистскую прессу печать молчанія, какъ та требовала этого по отношенію къ несогласной съ нею печати, уличая ее въ недостаточности патріотическихъ чувствъ, но этого не было—шовинистская пресса гудѣла во всѣ свои колокола и поднимавшійся вопросъ объ уменьшеніи этого звона такъ и остался вопросомъ, не сопроводившись ничѣмъ на практикѣ. Между тѣмъ, все это неслыханно обидѣло нашего князя и онъ написалъ свое знаменитое «Объяснися!» Влагая въ уста людей съ вѣсомъ обвиненіе въ шовинизмъ, онъ говорилъ, что подобное обвиненіе не только тягостно «въ нравственномъ отношеніи», но и «неудобно въ физическомъ» (?). Одно изъ трехъ, говорилось далѣе: «или мы въ самомъ дѣлѣ государственные преступники, тогда предавайте насъ суду, или сумасшедшіе, тогда отдавайте насъ подъ надзоръ и опеку, или это обвиненіе—клевета, тогда пусть клевета объяснится при Божьемъ свѣтѣ». И объяснялось, что «нельзя жить мыслию, чтобы люди вѣрующіе въ Бога и молящіеся Ему, преданные порядку не изъ за жалованья (намекъ на людей съ вѣсомъ), а изъ убѣжденій, имѣющіе всѣ преданія и идеалы жизни (сколько достоинствъ!), ни съ того, ни съ сего могли быть обвиняемы въ кровожадныхъ инстинктахъ, въ преступныхъ увлеченіяхъ». «Лжеохранители, столь пристрастные и злые къ шовинистамъ», въ тоже время «равнодушны къ тѣмъ, которые въ той же печати прославили и прославляютъ себя неутомною пропагандою противъ войны», тогда какъ въ нихъ заключается несомнѣнное и огромное зло и на нихъ то и слѣдовало бы обратить вниманіе... Двадцать лѣтъ, говорилъ князь, «мы промышляли всѣми видами самаго грубаго реализма и самаго пошлаго либерализма» и носились «во всѣ области доступнаго перу фельетонистовъ — писателей» и никто не смущался, а какъ только «заговорили объ идеалахъ и патріотизмѣ», такъ и стали шовинистами и т. д. «Мы свято оберегали лишь одно—честь и достоинство своего государства»... «Мы не французы; шовинизмъ намъ столько же чуждая слабость, какъ чужды намъ всѣ французскіе пороки, съ его безвѣріемъ, безначаліемъ и обломками цѣлаго, стараго, славнаго прошедшаго. Они кричали: а Berlin! съ пустою заботою потѣшить свое мелкое самолюбіе. Мы же, никогда не кри-

чавши (?) про Константинополь; мы произносимъ это святое для
каждаго русскаго имя съ тѣми чувствами благоговѣнія и восторга,
съ какими усталый отъ далекаго пути странникъ произноситъ слово:
домъ, съ какимъ вѣрующій въ Бога, долго томившійся пѣлникъ,
произноситъ слово: свобода, и долго мучившійся страдалецъ мол-
вить слово: исцѣленіе... Но еслибы даже и допустить, говорилъ
совсѣмъ растроганный публицистъ, тогда еще небывшій такимъ
смѣшнымъ, какимъ сталъ впоследствии, что «печатъ наша, увле-
каемая патриотизмомъ и святостію предпринятаго Государемъ дѣла,
иногда увлекалась слишкомъ далеко въ области своихъ чувствъ.
Спрашивается: гдѣ тутъ и въ чемъ тутъ зло?» Замѣтить,
между прочимъ, что отвѣчать князю было несма неудобно, такъ
какъ онъ постоянно перелутывалъ себя съ такими именами
и неприкосновенными предметами, которыхъ касаться было не-
удобно. Это прекрасный способъ для застрахованія себя отъ
всякихъ возраженій. И никто князю не отвѣчалъ, не смотря
на то, что онъ, по обыкновенію, имѣлъ въ виду живыхъ людей и
передавалъ буквально ихъ слова. Никто не замѣтилъ ему, что объ
охраненіи чести и достоинства Россіи его никто не просилъ и что
охраненіе охраненію рознь. И медвѣдь охранилъ пустынника отъ
безноковшей его мухи. Конечно, по малости княжескихъ силъ, та-
кого губительнаго результата для отечества не послѣдовало, но
проявленное имъ усердіе было изъ категорій именно такихъ охра-
неній. Но, возвратимся, однако, къ статьѣ, къ вопросу—какимъ же
это образомъ дѣло дошло до реалистовъ съ нигилистами. Кн. Ме-
щерскій, вмѣщающій въ себя «всѣ преданія и идеалы жизни», въ
особенности былъ обиженъ однимъ обвиненіемъ. Поставленное въ
упоръ, оно требовало отъ него категорическаго отвѣта и поставило
его въ пренеловкое положеніе. Люди съ вѣсомъ сказали ему: про-
повѣдую войну, сами вы «небось на войну не идете, а нами си-
новья и братья, благодаря вамъ, умираютъ на войнѣ». Извольте-ка
отвѣчать, а на войну, разумѣется, идти не хотѣлось. Но положеніе
въ особенности было неловко еще потому, что князь Мещерскій
только что передъ этимъ написалъ въ «Моск. Вѣд.» упомянутый
въ началѣ статьи отвѣтъ на вопросъ какой то московской аристо-
кратки: «Я не позволю себѣ никого осуждать, но я скажу адѣсь,
говоря оцъ, какъ велико во мнѣ дурное чувство къ самому себѣ,
когда теперъ (князь былъ въ это время гдѣ-то подлѣ сраженія) еже-

минутное зрѣлище, ужасное зрѣлище того, какъ и отъ чего страдаютъ тысячи раненыхъ, напоминають мнѣ и днемъ, и ночью, сколько сотенъ рублей я проѣлъ, пропилъ, потратилъ на свои прихоти со времени пачала войны, называя себя патриотомъ и толкуя о сочувствіи къ раненымъ на мягкихъ диванахъ, въ прохладѣ, когда было жарко и передъ каминомъ, когда было холодно!» («Нов. Вр.» № 625, 77 г.). Пришлось, конечно, вертѣться и избѣгать категорическаго отвѣта. Тутъ то вотъ и явились старые знакомые—нигилисты съ реалистами—и выручили князя изъ бѣды. Рѣчи о томъ, говорилъ онъ, почему мы неидемъ на войну «ужасны и грустны, ужасны потому, что отражаютъ какой то безнадежный духовный міръ, въ которомъ исковерканы самыя основныя міровоззрѣнія христіанской и русской жизни; грустны потому, что мало предвѣщаютъ шансовъ для объединенія частицъ нашего общества въ одво духовное крѣпкое тѣло. Имъ не приходитъ въ голову, что не для кровавыхъ жертвъ желали многіе честные русскіе (!) войны, а для достиженія святой ея цѣли, для приобрѣтенія искупительной силы обществу, растлѣвавшемуся отъ жизни для брюха и его похотей! («А сколько я проѣлъ, пропилъ» и т. д.). Имъ не приходитъ въ голову, что они сокрушающіеся надъ жертвами войны въ теченіи 8 мѣсяцевъ и оплакивающіе славныя кончины героевъ на полѣ битвы, кончины, которымъ вся Русь завидуетъ (?) и которыя церковь признаетъ непостыдно-мирными и во Христвѣ праведными, въ теченіи 20 слишкомъ лѣтъ ни малѣйшимъ образомъ не смущались и не содрагались (начинается, вниманіе!) отъ тысячей жертвъ войны, сто тысячъ разъ худшей, чѣмъ война съ Турціей, войны безславной и ужасной, войны духовной нигилистовъ и реалистовъ противъ всего строя русской жизни, гдѣ ихъ же дѣти растлѣвались, ихъ же дѣти умирали для нихъ духовно, разрывали естественныя и божественныя связи и копчали свои бродяжническія жизни или самоубійствами во всѣхъ слояхъ русскаго общества, или въ каторгахъ и тюрьмахъ...». Вотъ ужъ подлинно трудное было положеніе, а старые пріятель выручили. Тѣ, говорилъ уже воодушевившись князь, кто нападаетъ на славянофиловъ и шовиннистовъ, «оказываются въ полномъ согласіи и союзѣ, сами того не зная, со всѣми нигилистами и самими заклятыми врагами порядка и церкви». Намъ нужно «пугаться не славянофиловъ и шовиннистовъ, а самихъ себя» («Гражд.» № 48, 1877 г.). Последнее чрезвычайно вѣрно: еслибы

только люди могли заглядывать сами въ себя, какъ въ зеркало, то многіе, дѣйствительно, могли бы испугаться сами себя и почувствовать къ себѣ отвращеніе. Кн. Мещерскій, которому это какъ то удалось, почувствовалъ къ себѣ очень дурное чувство, а Мещерскихъ у насъ вовсе не мало. Одни изъ нихъ посерьезнѣе, другіе повеселѣе, одни поумнѣе, другіе полеткомысленнѣе. Только много ихъ.

Послушаемъ теперь, что говорилъ другой герой недавно пережитаго времени — г. Пловайскій, который, какъ историкъ и представитель безпристрастной науки, долженъ былъ бы, кажется, сохранить извѣстное спокойствіе и безпристрастіе. Къ тому же, онъ всегда былъ очень скромнымъ и тихимъ человѣкомъ. Ни въ наукѣ, ни въ литературѣ не только не совершалось имъ никогда какихъ нибудь тамъ переворотовъ или безпорядковъ, но никогда кажется онъ и не замышлялъ ни о чемъ подобномъ. Выставивъ когда-то свое скромное имя на заголовкѣ посредственнаго историческаго учебничка и нѣсколькихъ невинныхъ историческихъ изысканій, онъ совсѣмъ какъ то заглохъ и о немъ ничего не было слышно. Но вотъ началась война и скромникъ нашъ совсѣмъ преобразился. Откуда что взялось! Первымъ дѣломъ онъ попалъ въ австрійскую кутузку по подозрѣнію въ панславистской пропагандѣ; затѣмъ обнаружилъ дуэльниа наклонности — вызвалъ редактора-издателя газеты «Молва», г. Полетику, на дуэль, которая, конечно, не состоялась, потому... не знаю собственно почему, но вѣроятнѣе всего потому, что оба противника не хотѣли убивать другъ друга. Затѣмъ, пощадивъ жизнь русскаго, г. Пловайскій пустился въ самое ожесточенное литературное сраженіе съ Турціей и Европой, нанося имъ перомъ настоящіе смертельные удары. Называя Турцію змѣею, онъ совѣтовалъ ее непремѣнно добить, дабы не оживѣла («Московскія Вѣдомости», февраль, 1878 г.), а на англичанъ установилъ точку зрѣнія, какъ на хриstopродавцевъ: «прости, Господи, говорилъ онъ, желаніе дожить до того дня, когда мы сведемъ счеты съ этими хриstopродавцами» («Московскія Вѣдомости», декабря 20, 1877 г.). Высказывалъ же все это г. Пловайскій по поводу излишнихъ почесей, которыя воздавались у насъ плѣнному Осману и на которыя онъ не имѣлъ рѣшительно никакого права, такъ какъ настоящими героями войны были герои Тотлебенъ и Скобелевъ, а вовсе не онъ — турецкая башка. Успѣхи Османа обуславливались вовсе не его талантами, которыхъ, надо полагать, у него не было, а «бла-

годамъ необычайно скорострѣльному ружью», доставленному туркамъ все тѣми же хриstopродавцами—«британскими торгошами». Кроме того, у Османа совѣтъ не было «рыцарственныхъ качествъ». Ближайшею же цѣлью, при изложеніи этихъ мыслей, у г. Иловайскаго было: во 1) чтобы допросили Османа (находившагося уже въ Харьковѣ)—гдѣ онъ скрылъ большое количество орудій» которыя составляли «законный трофей побѣдителя», а во 2) чтобы доказать, что совершенно заслуженно воздавались почести генераламъ Тотлебену и покойному Скобелеву, который, сверхъ всего прочаго, еще до того былъ скромнѣе, что по пріѣздѣ Тотлебена на театр военныхъ дѣйствій, послѣ даннаго ему въ присутствіи г. Иловайскаго, объѣда, все восхищался имъ и «не разъ произнесъ извѣстную фразу, сказанную о Наполеонѣ I: j'ai trouvé mon maître!» («Московскіе Вѣдомости». № 316, 1877 г.). Мы понимаемъ тѣ прекрасныя чувства, которыя обуревали г. Иловайскаго, понимаемъ его негодованіе на Османа, понимаемъ, наконецъ, и заслуги нашихъ генераловъ, и воздававшіяся имъ почести за взятіе Плевны. Генералъ Скобелевъ, умершій по странной ироніи судьбы, не на полѣ брани, а въ мирное время, въ Москвѣ, рисовался на многихъ картинахъ московской живописи ¹⁾, воспѣвался въ стихахъ ²⁾ и его тогда же уже многіе провозгласили народнымъ героемъ, хотя для этого, конечно,

¹⁾ Одна изъ картинъ, изображавшая «Блестательный обѣдъ генерала», изображала его безстрашно сидящимъ за сервированнымъ столомъ (обстановка: горы и столъ поставленъ прямо на горахъ) и кушающимъ, кажется, цыпленка, а кругомъ огонь, пальба изъ орудій и надъ самымъ столомъ пролетаетъ граната.

²⁾ Стихи встрѣчались преимущественно на свичкахъ и папирсахъ. Этотъ, занимаемый у французовъ, способъ прославленія знаменитыхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распространенія товаровъ, въ особенности вошелъ у насъ въ моду послѣ войны. Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній, подписанное подъ всадникомъ на бѣлой лошади:

Кто скачетъ, кто мчится на бѣломъ конѣ,
На встрѣчу свистающихъ гранатъ?
Стоитъ невредимый кто въ адскомъ огнѣ
Безъ брони, безъ шлема, безъ латы?
Вотъ кто онъ, тотъ всадникъ, на бѣломъ конѣ!
Народной любовью хранимый
Герой изъ героевъ въ восточной войнѣ,
Онъ—Скобелевъ непобѣдимый.

еще мало было одной храбрости и даже гениальнаго умѣнья дѣлать войсками шахматные ходы. Г. Цловайскому, какъ историку, нужно было бы знать—кому исторія подноситъ титулъ народныхъ героевъ, кто имѣеть право на этотъ почетный титулъ. Разумѣется, многое зависитъ, въ данномъ случаѣ, отъ точки зрѣнія и степени историческаго пониманія.

Воспная агитація проникала даже въ искусство. Покрайней мѣрѣ музыканты наши сочиняли марши, художники рисовали соотвѣтственные случаю картины, а извѣстный всему петербургскому художественному міру цѣнитель и покровитель всякихъ искусствъ, г. В. С., давалъ имъ совѣты, какъ относительно необходимости такихъ произведеній, такъ и относительно того, что русскому искусству пора поднять если не голову, то носъ передъ Европой. Посѣтивъ выставку академіи художествъ, предназначенную для парижской всемірной выставки, онъ, въ посрамленіе рецензентовъ-невѣждъ, неодобрительно отзывавшихся о ней, нашель, что стыдно намъ въ Парижѣ не будетъ, что ни на одну изъ прежнихъ выставокъ не посмалось «столько оригинальныхъ, самостоятельныхъ и талантливыхъ произведеній», что намъ могло быть стыдно скорѣе за то, что мы до сихъ поръ не послали на выставку много хорошихъ вещей, вѣчно разыгрывая по отношенію къ себѣ «Разборчивую невѣсту». Только мы и знаемъ, говорилъ онъ, что «бракуемъ да раздумываемъ, анъ глядь—другіе давнымъ давно свадьбу сыграли... Никого нѣтъ, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ, кто бы поминутно самому же себѣ столько вреда дѣлалъ, какъ мы! Все робость, проклятая, да неувѣренность въ себѣ, малодушная!» Затѣмъ, раздавъ картинамъ надлежащіе эпитеты (это—«милая картина», эта—«изумительно правдива», эта—«мастерски написана могучею широкою кистью и т. д.; при этомъ, конечно, на выставкѣ оказались не только вещи «замѣчательныя», но даже «chef-d'oeuvres-ы»), г. В. С. нашель на выставкѣ—существенный недостатокъ, который, конечно, должна была замѣтить европейская публика, потому что онъ долженъ былъ непремѣнно каждому придти въ голову. Недостатокъ заключался въ томъ, что было мало картинъ на сюжеты происшедшей войны. Такая, говорилъ г. В. С., эпоха и никто изъ русскихъ художниковъ «даже и не подумалъ о ней!» Вѣрно у нихъ было что то по важнѣе, чѣмъ интересоваться этимъ, никто даже и не подумалъ о ней!» Дѣйствительно, это было ужасно

и невольно являлся вопрос — неужели и сюда проникъ уже реализмъ и нигилизмъ?! Г-нъ В. С. не впалъ, впрочемъ, въ окончательное отчаяніе, потому что въ то время не прислалъ еще на выставку своихъ картинъ Верещагинъ, а отъ него было «можно ожидать чего то достойнаго нашего отечества». Странно и стыдно, говорилъ В. С., что на одномъ человѣкѣ все повисло, что одинъ долженъ отвѣчать за всѣхъ, но ничего съ этимъ нельзя уже было подѣлать. Нельзя сказать, чтобы на выставкѣ совсѣмъ не было картинъ, которыхъ желалъ видѣть недовольный критикъ: тамъ были нѣсколько видовъ войны и картина К. Маковского: «Болгарская мученица». Но виды войны показались г. В. С. маленькими и совершенно ничтожными, къ тому же принадлежали они одному «очень второстепенному пейзажисту», а «Болгарская мученица», совсѣмъ не такъ была нарисована. Г-нъ В. С. разсказалъ какъ бы ее слѣдовало написать, и это очень любопытно. Картина написана, говорилъ онъ, пожалуй, съ блескомъ и «интереснымъ колоритомъ», но «вся середина картины понапрасну, кажется, загромождена ненужной, сильно спутанной (особливо въ позахъ) и мало удавшейся группой полунагой матери съ ребенкомъ, одолеваемой скотовидными башни-бузуками»... «Вънѣте», говорилъ В. С., «прочъ эту середину, и картина много выиграетъ: пусть въ типъ и мракъ, и безпорядкѣ бѣдной маленькой церкви изъ болгарскаго захолустья, передъ нашими глазами явится эта самая красивая изнасилованная и зарѣзанная болгарка, лежащая на парчевыхъ церковныхъ ризахъ, пусть надъ нею стоитъ, съ ятаганомъ, еще покрытымъ кровью, этотъ самый турокъ, упершій руки въ боки—и впечатлѣніе будетъ куда сильнѣе, куда трагичнѣе. (Новое Время 28 февр. 1878 г.). Да, конечно, такъ было бы куда превосходнѣе. Трудно, конечно, все это изобразить, но какая творческая мысль! И какъ жаль, что г-ну В. С. Господь Богъ не далъ кисти Маковского! И отчего бы, наконецъ, этому самому г-ну Маковскому было не посоветоваться съ г. В. С. Ахъ, какая жалость, какая жалость!

Факты и выписки изъ разныхъ нашихъ разсужденій, которыя мы привели, составляютъ только ничтожную часть того, что говорилось по поводу войны, Европы, идеаловъ, русскаго духа и вообще всей той русской каши съ квасомъ, которая была неизвѣстно кѣмъ и какъ заварена. Все это можно было бы продолжать до безконеч-

ности, еслибы только это не было так однообразно и скучно: все, что говорила намъ Европа, было «безсмыслиемъ», «дерзостию», «наглостью», «нахальствомъ» и «своекористиємъ»; все, что говорили мы ей, было самымъ разумомъ, великодушиемъ и благородствомъ. Мы придирались даже къ словамъ европейской прессы и возмущались, какъ смѣетъ она говорить: «Европа требуетъ отъ Россіи», а не проситъ у Россіи; а Россія проситъ, а не требуетъ отъ Европы («Гражданинъ», № 1, 1878). Все это, конечно, только усугубляло дурныя отношенія къ намъ со стороны европейскихъ державъ: «если они разсуждаютъ такъ, то это просто страшный для цивилизаціи народъ», вѣроятно, подумалъ о насъ не одинъ изъ европейскихъ государственныхъ людей, слушая что мы говоримъ и смотря что дѣлается у насъ дома. А дома у насъ дѣйствительно было много такого, что нисколько не соответствовало возвышенному нашему слогу, возмущеннымъ нашимъ чувствамъ и подъему нашего духа. Въ то время, когда мы шумѣли о своемъ безкористіи и благородствѣ, оттуда и отсюда доходили слухи объ опустошеніи общественныхъ кассъ. То опустошали банкъ, то убѣгалъ какой нибудь кассиръ, то исчезали куда нибудь земскія суммы, и т. д. Въ то время, когда однихъ посылали подъ неприятельскія пули, другіе занимались любостыжаніемъ и извлекали изъ самой войны огромныя суммы. Мы уже говорили о цѣломъ рядѣ интендантскихъ процессовъ, одни, изъ которыхъ кончились, а другіе еще впереди. Больные и раненые и тѣ даже служили источникомъ наживы: скоро, говорятъ, будетъ хинный процессъ, а тамъ можетъ быть пойдутъ бертолетовый, амміаковый и т. д. До какой степени такого рода нажива была обычна, можно видѣть изъ того, что совершенно открыто говорилось: «мы ждемъ войны 20 лѣтъ, чтобы обезпечить семью». Когда кто нибудь говорилъ: «Я сдѣлалъ не дурное дѣло» а это такъ часто слышалось, что каждый, конечно, понималъ, что дѣло шло о какомъ нибудь воровствѣ. Когда въ Одессѣ выбрали въ предсѣдатели купеческой управы г. Пашкова, то секретарь городского головы г. Гернетъ закричалъ во всеуслышаніе, въ присутствіи цѣлаго состава думскихъ избирателей: «вора выбрали въ гласные, вора!» Правда, что г. Гернетъ оказался, по свѣденіямъ «Московскихъ Вѣдомостей», внукомъ знаменитаго Дантона (о! «Моск. Вѣд.» слѣдятъ за такими родословными) и горячимъ темпераментомъ своимъ вышелъ въ дѣдушку, правда, что

мировой судья, по жалобѣ избирателей, рѣшился нѣсколько поостудить горячій темпераментъ и приговорилъ г. Гернета на 1½ мѣсяца въ тюрьму, но все это, тѣмъ не менѣе, было знаменательно, начиная съ самаго возгласа и кончая тѣмъ, что жалобу подали мировому судѣ избиратели, а не самъ г. Пашковъ. Въ то же самое время и въ той же самой Одессѣ судился за растрату ремесленный голова г. Галицкій, который приводилъ эту растрату въ связь съ бывшимъ одесскимъ градоначальникомъ г. Бухариннымъ и прямо заявлялъ, что тотъ бралъ взятки: взялъ, наприимѣръ черезъ г. Галицкаго, 3.000 р. отъ трактиросодержателей за разрѣшеніе открывать торговлю ранѣе извѣстнаго часа, только что имъ же самимъ воспрещенную, причемъ собственноручно написалъ даже къ самому себѣ черновое прошеніе («Нов. Вр.», № 715, 1878 г.). На обличенія во взяточничествѣ и воровствѣ какъ-то даже не обижались, точно некогда было обижаться. Всѣ ставили себя выше какойнибудь тамъ клеветы или инсинуаціи газетчиковъ. Человеку говорили: «ты взяточникъ», а онъ отвѣчалъ: «я ставлю себя выше этой клеветы»; ему говорили: «ты воръ», а онъ отвѣчалъ: «я ставлю себя выше этой инсинуаціи». Число такихъ явленій возрастало чуть ли не съ каждымъ днемъ, точно всѣ торопились, точно война развязывала всѣмъ руки и всѣ боялись, что она скоро кончится. Было не мало и разныхъ другихъ безобразій, за которыя щекамъ нашимъ слѣдовало бы покрываться краскою стыда передъ Европой. Тамъ и самъ слышно было о недостаткѣ хлѣба и корма для скота: въ Нижегородской губ. продавали лошадей на убой по 1½ р. за штуку; въ Новгородской—не оказывалось сѣмянъ для обсемененія полей; въ Тамбовской—нечѣмъ было платить аренды помѣщикамъ и т. д. Земельные платежи вездѣ почти превышали нормальную доходность надѣловъ, что констатировалось статистикой и официальными комиссіями; курсъ рубля стоялъ крайне низко; школьное дѣло находилось на крайне низкомъ уровнѣ; медицинская часть была въ отвратительномъ состояніи: въ нѣкоторыхъ больницахъ, какъ напр. въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ зимнее время было «также холодно, какъ и на улицѣ» («Нов. Вр.»), въ другихъ не оказывалось ни фельдшера, ни доктора, въ третьихъ—медикаментовъ. (А то же Бѣлозерское земство разсылало сельскимъ старостамъ циркулярное предложеніе, чтобы крестьяне, въ виду военныхъ событій, подписывались на газеты). Алексинскій исправникъ сажалъ въ подвалъ,

при полицейскомъ управленіи, 72 сельскихъ старостъ и 4 волостныхъ старшинъ за медленность по взысканію недоимокъ. («Новости», февр. 1878), а помещеніе, куда были посажены сельскія власти, едва было достаточно для 20 — 25 человекъ, такъ что «воздуху на человека приходилось только по нѣскольку кубическихъ вершковъ». Холмскій исправникъ билъ сельскихъ должностныхъ лицъ. Въ Кутанскомъ духовномъ училищѣ педагоги устраивали чуть ли не поголовную драку, въ которой принималъ участіе даже священникъ, изъ за какихъ-то корреспонденцій въ газетѣ «Дрозда» и т. д.

Мы могли бы перечислять подобныя факты до бесконечности, но это довольно скучно. Что, спрашиваю я, могла думать о насъ Европа, смотря на все это? Могла ли она питать къ намъ уваженіе и имѣть довѣріе къ вашему безкорыстію, къ нашимъ широко-вѣщательнымъ разговорамъ о всечеловѣческой любви, прогрессѣ, свободѣ и счастьи угнетенныхъ народовъ? А безъ уваженія и довѣрія не можетъ быть хорошихъ человѣческихъ отношеній. Однимъ страхомъ не проживешь, да и страшны ли мы, наконецъ, для Европы, не смотря на всю нашу многочисленность? Не проживешь точно также и однимъ политическимъ лукавствомъ, какимъ долгое время жила европейская политика и которому мы стремились подражать. Ему приходитъ и непременно придетъ конецъ. Да и лукавство тогда только достигаетъ цѣли, когда бываетъ тонко задумано и опирается на цивилизацію, а не на оглоблю,

У.

Журналъ «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ, въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Бедостевецъ), М. Н. Албовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Мисскій, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Претополовъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слонимскій. Редакторъ-издатель С. Венгеровъ.

1/2

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ

ГАЗЕТЫ

РАЗСВѢТЪ

ОРГАНА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета «РАЗСВѢТЪ» будетъ издаваться и въ 1883 году подъ тою же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи .	7 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границу.	10 »	6 »	4 » — »

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 Января—3 р., къ 1 Апрѣля—2 р., къ 1 Юля—2 р.

Съ требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться: въ контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 16. Для городскихъ подписчиковъ контора ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

Редакторъ-издатель Я. Л. Розенфельдъ.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЗАРЯ

Открыта подписка на 1882 годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

II. Отдѣлъ внутреннихъ: А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго и крестьянск. городск. самоуправ.; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевъ; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорнѣе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской: А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный: А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный: А) Руководящія статьи по вопросамъ внешней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни западныхъ.

Этотъ отдѣлъ значительно расширять.

VI. Фельетонъ. Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обзорнѣя и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ, искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый: Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговля корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговля и биржевыя обзорнѣя.—Железнодорожная хроника.

Съ настоящаго года предложено дать этому отдѣлу самое широкое развитіе въ виду несомнѣнно существующей потребности въ органѣ экономической, торговой и финансовой дѣятельности Юга Россіи.

IX. Отдѣлъ справочный: Железно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ въ распоряженію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западной жел. дор и свѣдѣнія о валоженныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ	10 р. — к.	8 р.
» 6 мѣсяцевъ	6 » — »	5 »
» 3 мѣсяца	4 » — »	3 »
» 1 мѣсяцъ	1 » 50 »	1 »

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается разсрочка годоваго взноса, причѣмъ при подпискѣ вносится 3 р., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ серединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ нихъ казначействъ.

Подписка принимается: Въ Кіевѣ, въ Главной Конторѣ газеты «ЗАРЯ», па Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Извинскаго.

Иногородные благоволить адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель П. А. Андреевскій.

ГОДЪ II.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ГОДЪ II.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНЫЙ КРАЙ

1882 года.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета «ЮЖНЫЙ КРАЙ» будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнею редакціею и по прежней программѣ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзоръ газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и телеграфныхъ агентствъ VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденція «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзоръіе. IX. Вѣстия корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Слѣсъ. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Брянскѣ, Богородукѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Ворожеѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Зѣньковѣ, Змиѣвѣ,

Июмѣ, Кіевѣ, Кляшневѣ, Кобелякахъ, Константиноградѣ, Кременчугѣ, Кулявскѣ, Курскѣ, Керчи, Кутаисѣ, Лебединѣ, Миргородѣ, Мелитовѣ, Мариуполѣ, Нѣжинѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Одессѣ, Острогѣ, Павтавѣ, Павлоградѣ, Потѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Ромнѣ, Пиратинѣ, Ростовѣ-на-Дону, Славявскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобильскѣ, Старомъ Осколѣ, Смиферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ягтѣ.

Кромѣ настоящихъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редація озабочивалась получениемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 »
Съ пер. иногородн. . .	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 »

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й, при «Публичной Библиотекѣ» А. А. Іозефовича принимаетъ подписку и объявленія.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Эмиля Гартля, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. П. Федорова; въ Одессѣ—въ книжныхъ магазинахъ В. И. Вѣлаго и Е. П. Распопова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, и въ Кременчугѣ, у нотариуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ—у Навас, Lafite et Co, Place de la Bourse.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стожковъ.

МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Будеть выходить въ 1882 г. въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ и въ 1881 году.

Въ составъ журнала входятъ:

- I. Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ практической и научной медицины, общественной и частной гигиены.
- II. Избранныя и въ какомъ либо отношеніи примѣательныя произведенія иностранной литературы по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, въ видѣ руководствъ, учебниковъ, конпендіумовъ и лекцій.

- III. Рефераты о выдающихся работах иностранной и русской журнальной медицинской прессы.
 IV. Научныя новости, библиографическія замѣтки и критическія статьи.
 V. Объявленія.

Въ Медиц. Библ. будутъ помѣщены между проч., соч. проф. Э. Э. Эйхвальда, реальная энциклопедія всей медицины проф. Эйленбурга и всѣ изданія Вредена.

«Медицинская Библиотека» выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ.

ГODOVAYА ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой	17 р.
Безъ доставки	15 »
За границу	19 »

Допускается разсрочка: съ доставкой: при подпискѣ 7 р., 1 апрѣля 5 р. и 1 сентября 5 р.; безъ доставки: при подпискѣ 5 р. 1 апрѣля 5 р. и 1 сентября 5 р.

Для гг. студентовъ Университетовъ съ пересылкой за годъ 14 р.

Разсрочка: при подпискѣ 4 р., 15 марта 3 р., 1-го мая 3 р. и 1-го сентября 4 р.

Для гг. студентовъ Академій и слушательницъ женскихъ курсовъ безъ доставки—12 р. разсрочка допускается исключительно конторой.

8 книгъ «Медицинской Библиотеки», вышедшія съ мая 1881 г. по янв. 1882 г. можно получать за 13 р. съ пересылкой; студенты университетовъ за 11 р., а военно-медицинской академій за 9 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербурѣ: у издателя Н. Д. Вилькина, Караванная, собственный домъ № 3—35 и въ книжныхъ магазинахъ К. Риккера и «Новаго Времени».

Редакторъ доцентъ В. Поповъ.

Издатель Н. Вилькинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1882 ГОДА БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (ГУБ. ОБЛ.)

съ разрѣшенія предварительной цензуры

КУБАНЬ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ Екатеринодарѣ въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

Цѣна съ пересылкою 7 р. за годъ и 4 р. за полгода.

Редакторъ-издатель Н. Г. Моисеевъ.

О Б Ъ В Ъ Д А Н І Я М

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящей еженедѣльно

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Подъ редакціей Н. М. Ядринцева.

Изданіе посвящается изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ политики, науки и общественной жизни въ русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.
2. Отдѣлъ officialный—важнѣйшія правительственныя распоряженія.
3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ.
4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.
5. Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ.
6. Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ и изъ Америки.
7. Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.
8. Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенное сочиненіе объ Азіи. Извлеченія и переводы.
9. Паящія литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.
10. Фельетонъ.
11. Судебная хроника.
12. Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.
13. Объявленія казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 9 мѣс.	На 6 мѣс.
Безъ доставки	7 р. 50 к.	5 р. 75 к.	4 р.
Съ доставкой и пересылкой. 8 » — »	8 » — »	6 » — »	5 »
За границей.	14 »		

Срокъ выхода съ 1-го апрѣля 1882 г.

Контора редакціи: С.-Петербургъ, Пявловская, д. № 18, кв. 18.
 Подписка принимается также въ книжномъ магазинѣ Вольфа, Невскій, Гостиный дворъ № 18. Въ Томскѣ въ книжномъ магазинѣ Макушина. Въ Иркутскѣ въ конторѣ редакціи «Сибирь».

Статьи и требованія въ редакцію адресуются чрезъ контору.

— Что?

— Она не пропала бы сегодня...

— Пропала? Какъ пропала? Куда? Да говорите же толкомъ.

— Успокойтесь, донна Паола... Вамъ вѣроятно извѣстно, что откупные агенты сдѣлали обыскъ въ монастырѣ и имѣли столкновение съ нѣсколькими... Не скажу—злонамѣренными, но, во всякомъ случаѣ, безпокойными и взбалмошными молодыми людьми... Лордъ Краль, вашъ сынъ, сдѣлалъ честь дать имъ свое сообщничество... Мнѣ очень прискорбно это, право... Такой прекрасный молодой человекъ... Словомъ, чтобы не томить васъ дольше, надо вамъ сказать, что во время этого неслыханнаго происшествія, нарушившаго священный миръ обители, изъ нея пропали двѣ воспитанницы: донна Ада, дочь графини Клели, и дѣвица Бривелло, что уже совершенно непостижимо, потому что она считалась примѣрной дѣвушкой.

— Пропала! вскричала донна Паола, падая въ кресло и обводя померкшимъ взоромъ присутствующихъ, которые окружали ее молча и неподвижно; послѣ нѣкотораго молчанія, донна Паола встала и, крѣпко сжавъ руку маркизы Оттобани, сказала:—Бѣдная, несчастная графиня! Что мы ей скажемъ? О, какое несчастье!

Снова водворилось молчаніе, прерванное на этотъ разъ графиней Арезе:

— Донна Паола, сказала она, никто лучше меня не понимаетъ вашего горя и никто больше не сочувствуетъ ему. Но если позволено дѣлать замѣчанія по поводу столь грустнаго обстоятельства, то дайте мнѣ повторить то, что я всегда думала и говорила. Всегда было, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно со стороны такой женщины, какъ вы, такъ живо интересоваться графиней, да простить ей впрочемъ Богъ; неумѣстно было обращать вашу заботливость на эту дѣвушку и особенно отдавать ее на воспитаніе въ монастырѣ... Моя уважаемая предѣстница въ званіи попечительницы этой святой обители... заблагоразсудила поступить по своему усмотрѣнію... нашла возможнымъ, чтобы вы... и графиня... но какъ бы то ни было, это былъ скандалъ, неслыханный скандалъ... и многіе почтенные родители, помѣстившіе въ монастырѣ своихъ дочерей на воспитаніе, жаловались и жалуется на это...

Донна Паола, погруженная въ свое горе, сначала не слушала эту рѣчь, но при словѣ скандалъ обернулась къ графинѣ и стала

это такъ.

внимательно слушать ее; наконецъ потерявъ терпѣніе, она перебила ее словами:

— Что это я слышу? Какой скандалъ? Кто жалуется? Я желала бы, чтобы эти господа и дамы, о которыхъ вы говорите, обратились ко мнѣ. Гдѣ же ученіе прощенія и любви? Что это за новые принципы, которые вы проповѣдуете? Графиня Клеція— образецъ нравственности. Она служитъ наукѣ. Она доказала, что если могла ошибиться, то могла блистательно искупить ошибку; посвятивъ себя на служеніе наукѣ, она теперь въ тысячу разъ полезнѣе обществу, чѣмъ вы съ вашей поддѣльной благотворительностью, которая не мѣшаетъ вамъ желать зла не только ей, но и невинному существу, ея дочери, за то, что... а впрочемъ за что?— Я не понимаю. Ада — дочь графа В***. Кто можетъ оспаривать это? Только вы, благотворительныя дамы; вы однѣ производите скандалы, распространяя въ свѣтѣ рискованныя догадки и соображенія, отвергаемыя нравственностью, снисходительностью, приличіемъ. Вы, кажется, способны не только думать, но пытаться и меня убѣждать, что это несчастье есть кара небесъ, божеское пощепеніе? У васъ вообще привычка внушать, что вы посвящены въ тайны небесъ, и что небеса всегда заодно съ вами въ мысляхъ и дѣйствіяхъ; недалекимъ людямъ, слушающимъ васъ, можетъ показаться, что небеса раздѣляютъ слѣпоту, чтобы не сказать извращеніе вашихъ понятій. Съ тѣхъ поръ какъ монастырь св. Филиппа существуетъ, въ немъ никогда до сихъ поръ ничего подобнаго не случилось. При вашей предмѣстницѣ онъ пользовался такой славой, что со всего герцогства въ него посылали дѣвушекъ на воспитаніе. А подъ вашимъ попечительствомъ случилась теперь такая бѣда, которую можно объяснить только безпорядкомъ въ управленіи, недостаточнымъ надзоромъ, неспособностью начальства, словомъ, такими вещами, за которыя вы прямо отвѣтственны. Что же мы теперь скажемъ графинѣ Клеціи, въ трудолюбивой жизни которой эта дѣвочка была единственной радостью? Что мнѣ сказать ей? Какъ извѣстить? Ахъ, лучше бы мнѣ умереть прежде, чѣмъ случилось такое несчастіе!

И съ этими словами она въ изнеможеніи опустилась въ кресло.

Графиня съ благороднымъ негодованіемъ обратилась къ присутствующимъ, и, указывая пальцемъ на донву Паолу, произнесла:

— Изъ уваженія къ печали, я извиняю горечь этихъ словъ;

но понятно, что среди такихъ необычайныхъ происшествій ни я, ни мать игуменя, ни сестры наставницы не могли отвѣчать за порядокъ въ монастырѣ. Кто могъ предвидѣть, что онъ подвергнется обыску? А еще хуже—нашествію толпы вооруженной молодежи, обратившей его въ поле битвы? И знаете ли, что говоритъ теперь весь Миланъ? Что эта молодежь ворвалась туда съ цѣлью прикрыть видою заступничества свои преступныя намѣренія! Всѣ убѣждены, что эти молодые люди принадлежать къ вредному и безнравственному обществу франкмасоновъ. Говорятъ даже... по я не хочу вѣрить... однако многіе прямо указываютъ на лорда Краля.

При этихъ словахъ донна Паола обернулась; внезапная мысль мелькнула въ ея умѣ. Она одна знала о любви сына къ Адѣ, и потому ей одной могло показаться правоподобнымъ обвиненіе его, на которое какъ будто намекала графиня Арезе; она измѣнилась въ лицѣ при этой мысли, хотѣла говорить, но не могла.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ маркизой, съ Паризи, съ Фриси и прочими, патронесса подошла къ доннѣ Паолѣ и голосомъ, въ которомъ звучало торжество, произнесла:

— Я исполнила свой долгъ, сообщивъ вамъ лично о случившемся. Надѣюсь, вы не сохраните противъ меня неудовольствія за то, что я высказала свое мнѣніе, какъ я не имѣла ничего противъ васъ за ваши мнѣнія. Оставляю васъ, прося Бога, чтобы онъ послалъ вамъ добрыя мысли и спокойствіе для перенесенія этого удара.

— Благодарю васъ, отвѣчала донна Паола, вставая и смущенно пожимая руку графини, которая вышла, соутствуемая до двери маркизой. Когда послѣдняя вернулась, донна Паола совѣтовалась съ Паризи, пзвѣщать или нѣтъ графиню Клецію о случившемся.

— Конечно, надо написать ей сейчасъ же, говорилъ Паризи, просить немедленно пріѣхать въ Миланъ. Я не рѣшился бы давать вамъ совѣты; но при всемъ вашемъ благоразуміи, при всей вашей энергіи, присутствие матери необходимо. Въ материнской любви — таинственная сила, которая позволяетъ ей совершать невозможное для всякаго другаго, какова бы ни была его энергія и преданность. Я предчувствую, что только матери удастся найти дочь.

— Такъ напишите же ей сейчасъ, сказала донна Паола, только не пугая. Придумайте чтонибудь... болѣзнь... чтонибудь такое,

но не испугайте слишком... Бѣдная Клелія! И она прибавила на ухо Парини:

— А я еще несчастнѣе.

Вскорѣ карета пріѣхала за маркизой Оттобони, и за ней вышли всѣ.

III.

Мы давно не заглядывали въ кафе Греко или Деметріо, какъ оно теперь называлось. Въ 16 лѣтъ, которые прошли съ тѣхъ поръ, какъ тамъ разбиралось приключеніе съ теноромъ Амореоли, существенныхъ переменъ въ немъ не произошло. Правда, завелось и смѣнилось множество новыхъ завсегдатаевъ, но уцѣлѣли и многіе изъ прежнихъ, между прочимъ и неизбѣжный предсѣдатель этого собранія праздношатающихся сплетниковъ, державшій въ своихъ рукахъ лопатку для жаровни и раздувавшій уголья въ ней и сплетни пересудъ. На физиономіи его 15 лѣтъ оставили свой слѣдъ въ видѣ многочисленныхъ морщинъ, но духъ его и привычки остались прежніе. Въ числѣ новыхъ посѣтителей былъ нѣкто Карлантио Басерга, майордомъ старшаго священника собора, богача монсиньора Г***. Онъ каждый день послѣ полудня являлся въ кафе выпивать чашку шоколада; онъ былъ извѣстенъ, какъ ханжа, нажившійся на счетъ нѣсколькихъ хозяевъ, но съ успѣхомъ продолжавшій надувать другихъ, благодаря своему благочестивому виду и крайней религіозности, доходившей до того, что онъ съ негодованіемъ выскакивалъ въ постный день изъ за обѣда при видѣ жаренаго цыпленка на столѣ. Въ публикѣ кафе Деметріо онъ былъ извѣстенъ, какъ плуть и лицемеръ, и потому не пользовался симпатіей.

Но люди такъ устроены, что въ первый разъ, когда онъ, прислушавшись къ толкамъ о приключеніи въ монастырѣ, о лордѣ Крагѣ и прочемъ, выпустилъ словечко, дававшее неожиданно совершенно новое направленіе предположеніямъ, ядовито задѣвавшее репутацію сына донны Паолы и ея самой, всѣ наострили уши, затаили дыханіе и съ наслажденіемъ внимали этому новому откровенію, забывъ совершенно свою антипатію къ оракулу.

Правда, репутація донни Паолы была такъ высока, что на первыхъ порахъ инсинуація была выслушана съ недовѣріемъ и поправилась только какъ неожиданныя новость. Но мало по малу готовность принимать на вѣру столь любопытныя вещи возросла и усилилась.

Въ часъ пополудни обычное общество застѣдало въ кафе. Предсѣдатель прогуливался взадъ и впередъ по залѣ съ глубокомысленнымъ видомъ. Въ уголку сеньоръ Бассерга приклебывалъ шоколадъ. Всѣ мысли были заняты вчерашнимъ происшествіемъ. Понятно, что о немъ шелъ и разговоръ.

— Вы правы, говорилъ президентъ; случай или, вѣрнѣе, сочетание случайностей необыкновенно, удивительно, даже можно сказать неправдоподобно, но само по себѣ еще ничто. Всего страннѣе, что тутъ опять замѣшаны личности, надѣлавшія такого скандала лѣтъ 15 тому назадъ. Что графиня Клелиа В*** подарила міру хорошенькую дочь—дѣло натуральное. Но удивительно, что изъ образцоваго монастыря пропала дѣвушка и что эта дѣвушка — именно дочь графини Клелиа. Случись это въ монастырѣ св. Радегунды, это было бы въ порядкѣ вещей. Донна Паола ужъ прославилась его во время оно своимъ побѣгомъ; побѣгъ дочери графини Клелиа сдѣлалъ бы его учрежденіемъ *Sui generis*, которое охотно стали бы посѣщать любопытные туристы.

— Извини меня, сказалъ другой, но было бы еще страннѣе, еслибы донна Паола отдала свою, такъ сказать, нитомцу на воспитаніе въ монастырь, гдѣ сама столько претерпѣла, и еслибы эта нитомца убѣжала оттуда точно для того, чтобы послѣдовать ея приѣзру.

— Пожалуй и то; но возвращаясь къ побѣгу или исчезновенію дѣвушки, надо сознаться, что скандальнѣе оно не могло произойти; подробности откупа, его стражей, обыска, вмѣшательство франкмасомовъ и между ними какъ разъ лорда Краля, сына донни Паолы, — все это такая путаница, что самъ Пасерони не придумаетъ болѣе запутанной интриги.

— А удивительная женщина эта донна Паола!

— Почему?

— Да, хоть тебѣ и неприятно, чтобы новости сообщались какънибудь кромѣ тебя, но я скажу, что слышалъ ниче утромъ въ конторѣ адвоката Фолиарди.

— Послушаемъ.

— Вчера въ домѣ Оттобани, услыхавъ о бѣдѣ сына, донна Паола не только не огорчилась, а обрадовалась и сказала, что онъ прекрасно поступилъ.

— Ну, вздоръ! Не можетъ быть, чтобы она это сказала... Невозможно.

— Говорю вамъ, я знаю вѣрно.

— Ну, значитъ и донна Паола иногда говоритъ вздоръ; вѣрно хотѣла отличиться спартанствомъ. Терпѣть не могу никакого притворства.

— Какое же притворство?

— Радоваться, что сынъ угодить на галеры!

— Какія галеры? Вѣдь надо брать въ соображеніе мотивъ поступка.

— Мотивъ? Можно ли оправдывать мотивами вторженіе въ монастырь, насиліе въ такомъ мѣстѣ? Отчего они не напали на откупъ на улицѣ или въ его гнѣздѣ?

— Вотъ еще! Идти на все полчище! Хорошъ бы ты былъ полководецъ! Хорошъ!

— Чего хорошъ? Развѣ я одинъ такъ думаю? Это всякій скажетъ, у кого голова на плечахъ.

— Въ томъ-то и штука, что недостаточно имѣть на плечахъ голову; надо хорошую голову.

— Ахъ, извините, господинъ, хорошая голова; если вы докажете мнѣ, что насиліе...

— Какое тутъ насиліе, когда дѣло было въ томъ, чтобы защитить отъ насилія этихъ откупныхъ собакъ...

— Дѣло не въ откупныхъ собакахъ, а въ томъ, хорошо ли врываться въ монастырь, производить драку, пугать монахины! Славный подвигъ, нечего сказать!

— Они не могли оставить безнаказаннымъ наглое вторженіе въ обитель, посвященную святымъ дѣвушкамъ...

— Какія тамъ святыя дѣвушки!

— Ну, вотъ, теперь ты не хочешь признавать святыхъ дѣвушекъ, а сейчасъ за нихъ возмущался, что ихъ напугали. Гдѣ же логика?

Президентъ, уличенный въ неимѣніи логики, остановился, выпучивъ глаза на противника; въ это время виѣшался почтенный майордомъ:

— Съ вашего позволенія, господа, я сказалъ бы свое мнѣніе..
Всѣ обратились къ нему.

— Я нахожу, что вы правы, ваходя, что доннѣ Паолѣ мечену
было радоваться, что сынъ ея ворвался въ монастырь и приколо-
тилъ откупныхъ агентовъ.

— Чортъ восьми! Еще бы! сказалъ президентъ и ласково взгля-
нулъ на ханжу, которому прежде грубилъ при всякой оказіи.

— И, кромѣ того, продолжалъ Басерга, я нахожу, что со сто-
роны лорда Крали было чистимъ насиліемъ врваться въ мона-
стырь съ оружіемъ.

— Разумѣется! .

— Съ откупными агентами, да хранить меня Богъ отъ нихъ,
слѣдовало расправиться иначе, а главное, въ другомъ мѣстѣ.

— Конечно. Тогда можно было бы сказать, что они отразили
насиліе, не сходя съ легальной почвы. Это ясно какъ день.

— Да, да, разумѣется, подхватилъ хоръ.

— Нѣтъ, позвольте, возразилъ спорщикъ: вы напрасно тол-
куете о законной почвѣ; бить агентовъ откупа въ трактирѣ также
незаконно, какъ и въ монастырѣ; вѣдь дѣло шло о противодѣйствіи
законной власти и силѣ только что изданнаго эдикта, недопускающаго
никакихъ недоразумѣній; тутъ трактиръ или монастырь—все равно;
напротивъ того, монастыремъ объясняется дѣло, потому что оно
состояло здѣсь въ защитѣ слабыхъ женщинъ, а трактирная свалка
была бы простой грубой дракой, недостойной порядочныхъ людей.

— Позвольте: если вы потрудитесь выслушать меня, вы убѣ-
дитесь, что тутъ дѣло было не въ защитѣ. Это былъ давно задуман-
ный заговоръ.

— Какъ?

— Прежде всего я долженъ сказать, что если вы, господа,
принадлежите къ числу горячихъ поклонниковъ донни Паолы, то
я вынужденъ молчать.

— Говорите, говорите, закричалъ президентъ. Вотъ славно
было бы... Помните, что я сказалъ въ тотъ день, какъ мы встрѣ-
тили донну Паолу въ открытомъ экипажѣ рядомъ съ дочерью
графини Клели и съ молодымъ лордомъ насупротивъ?... Я давно
предвидѣлъ... Если такъ, то удовольствіе, выраженное донной
Паолой, было не безъ причины.

— Конечно, не безъ причины. Извольте видѣть.

IV.

— Не знаю, извѣстенъ ли вамъ процессъ графа В*** съ женой о той самой дѣвушкѣ, которая воспитывалась въ монастырѣ св. Филиппа?

— Еще бы неизвѣстенъ! отвѣчалъ президентъ завсегдаевъ:— чтобы не знать этого дѣла, надо было не жить всѣ эти годы въ Миланѣ.

— Тѣмъ лучше... Но можетъ быть вамъ неизвѣстно, какое дѣятельное, постоянное, горячее участіе принимала въ этомъ дѣлѣ донна Паола. Благодаря главнымъ образомъ ей, хотя графъ былъ и правъ, и графиня была уличена въ своемъ, можно прямо сказать, позорномъ нарушеніи долга... графъ по рѣшенію сената нѣсколько дней тому назадъ проигралъ процессъ, и дочь графини признана его законной дочерью. Можетъ быть, вамъ было это неизвѣстно, господа?

— Знали, знали, даже собирались задать серенаду графу.

— Вы смѣтаетесь, и прекрасно; вы не можете представить себя въ положеніи графа; но оставя шутки въ сторонѣ, что вы думаете о рѣшеніи сената?

— Достойно всѣхъ его рѣшеній!

— Браво!

— Кому это браво? Сенату? иронически улыбаясь, спросилъ спорщикъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Что не раздѣляю вашихъ мнѣній и что по моему сенатъ...

— Ты кажется способенъ сдѣлаться панегиристомъ даже сената.

— Сдѣлай милость, другъ мой, припомни, что извѣстному мнѣнію о сенатѣ тебя научилъ я. Стало быть, не бойся излишнихъ похвалъ моихъ ему. Но разница—не любить его или осуждать всѣ дѣйствія его безъ исключенія. Неужели вы не допускаете, что случайно, по ошибкѣ и сенатъ можетъ поступить справедливо? Вотъ хоть бы въ этомъ дѣлѣ.

— Какъ? Справедливо было признать, что графъ—отецъ этой дѣвушки?

— Справедливо, да, и я удивляюсь, что вы не понимаете этого.

— Зато ты за всѣхъ понимаешь.

— Не сердитесь, а выслушайте; впрочемъ прежде всего я просилъ бы васъ доказать мнѣ, что рѣшеніе свята несправедливо.

— Это такъ ясно и очевидно, что и доказательствъ не требуетъ. Какъ я буду тебѣ доказывать, что нынче жарко, если ты скажешь, что холодно?

— Ты, сударь, какъ я вижу, софистъ, поздравляю; но тутъ рѣчь ни о жарѣ и холодѣ, а о правѣ и безправіи, о фактѣ, относительно котораго можно приводить основанія за и противъ. Я же имѣю честь объяснить вамъ, что по всѣмъ законамъ, статутамъ и комментаторамъ, дѣти, рожденные въ бракѣ, принадлежатъ отцу, пока онъ законнымъ образомъ не разошелся съ женой и пока законъ не объявилъ бракъ расторгнутымъ. Между тѣмъ въ теченіе всего 1750 года графъ формально не разъѣзжался съ женой!

— Это правда, но...

— Что но? Я прибавлю еще, что графъ, какъ будто не полагаясь на миланскій сенатъ, чтобы спасти репутацію жены, имѣлъ предосторожность отправиться къ ней въ Венецію и неоднократно посѣщать домъ, въ которомъ она жила; этотъ фактъ засвидѣтельствованъ свидѣтелями, хозяевами дома, слугами, привратникомъ. Чего же вамъ еще?

— Нѣтъ, позвольте, сказалъ Басерга: адвокатъ Рапечини, повѣренный монсиньора моего патрона, сказалъ въ защитѣ графа, возражая на фактъ, будто графъ два раза былъ въ домѣ, занимаемомъ графиней въ Венеціи, что онъ ни разу не былъ съ нею тамъ въ дѣйствительности.

— Въ дѣйствительности? Въ какой дѣйствительности? Что это значитъ? Были у него свидѣтели, чтобы доказать это?

— Нѣтъ.

— Ну такъ что же?

— Свидѣтелей допрашивали не такъ, какъ слѣдуетъ.

— А какъ же?

— Какъ же! Хотите знать?

— Конечно.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что допросные пункты были составлены такъ, что отвѣты поневолѣ выходили благопріятны графинѣ.

— Какъ же такъ?

— Изъ протокола видно, что свидѣтели должны были отвѣчать только на вопросъ: правда ли, что графъ являлся въ Венеціи на квартиру графини? И свидѣтели повѣстно должны были отвѣчать утвердительно, а на этомъ утвердительномъ отвѣтѣ и основали оправданіе графини и осужденіе графа. Вотъ какъ обошли правду. Это донна Паола навострила судей; она приглашала ихъ на обѣды, угощала...

— Къ чему было дѣлать все это, когда и безъ посѣщеній графа въ домъ графини миланскій законъ признавалъ его отцемъ ребенка и слѣдогательно...

— Что?

— Слѣдовательно, графиня права, и дочь ея будетъ со временемъ одной изъ первыхъ богачихъ города.

— Ага! Вотъ то-то и есть! вскричалъ благочестивый Бисерга съ одушевленіемъ совсѣмъ непривычнымъ его сдержанной и застенчивой натурѣ: — вотъ почему донна Паола такъ интересовалась этимъ дѣломъ. Для нея главное было въ томъ, чтобы дочь графини могла преподнести хорошее приданое своему будущему мужу. Понимаете теперь, господа?

— Каково, какъ я угадалъ! сказалъ предсѣдательствующій: — Вотъ оно что!

— Это такъ.

— Иначе быть не можетъ.

— Какъ бы то ни было, все-таки эта женщина—умная голова.

— Это другое дѣло. Иное дѣло быть умной головой, иное быть святой, героиней, богъ-вѣсть чѣмъ. Удивительно, какъ міръ иногда судить! Удивительно подумать, что прославили святой, чудотворицей женщину, бѣжавшую съ любовникомъ ночью изъ монастыря!

— А для меня вы удивительны, почтенный сеньоръ Майордомъ, сказалъ вѣчный спорщикъ:—вы, который такъ назидательно надсаждаетесь въ седмицу Тѣла Господня, поддерживая въ соборѣ багдахинъ, вы такъ говорите о женщинѣ, заслужившей уваженіе самого папы и его консисторіи.

— Хитростью можно обмануть всякаго.

— Только не папу. Берегитесь оспаривать это: попадете въ ересь.

— Да дай же ему говорить, вѣчный ты спорщик!

— Продолжайте... Миѣ любопытно узнать, къ чему вы ведете.

— Такъ ты до сихъ поръ не понялъ, хорошая голова?

— Нѣтъ, не понялъ, и желалъ бы, чтобы синьоръ объяснился пространнѣе.

— Синьоръ майордомъ говорить, что почтенной доннѣ Паолѣ нужно было добиться признанія дочери графини Клеин законной дочерью графа полковника, чтобы сдѣлать ее богатой и затѣмъ взять ее подъ свою опеку, какъ будущую жену сына. Понялъ?

— Именно, сказалъ майордомъ, и я могу утверждать это, потому что имѣю на это прямые доказательства.

— Положимъ, это такъ, но я не вижу никакого преступленія въ желаніи женить сына на хорошей невѣстѣ; она богата и знатна, и онъ знатенъ и богатъ; оба молоды и хороши; что же вы тутъ находите дурного?

— Если вы можете доказать, что достойно добродѣтели и великодушія въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ стараться провскажи обогатить свое семейство на чужой счетъ, то я не стану спорить. Но прежде всего замѣчу, что дѣвушка не любила молодого лорда и ясно выражала это, бѣдняжка! Миѣ извѣстно, что вслѣдствіе этого въ домѣ были непріятности, серьезныя непріятности. Донна Паола точила зубы на богатство дѣвушки, ея сынъ — на ея красоту; онъ былъ безъ памяти влюбленъ въ нее. Кучеръ ихъ родной братъ кучеру монсиньора, а вы знаете, что господскія тайны всегда извѣстны прислугѣ. Итакъ, мать съ сыномъ составили заговоръ противъ неопытной дѣвушки. Въ прошлый четвергъ, въ день, когда она всегда ѣздила въ домъ Пьетра, она, во что бы то ни стало, хотѣла остаться въ монастырѣ, противилась игуменьѣ, которая, не подозрѣвая ловушки, кричала на нее, и увѣщаніямъ гувернантки, присланной за ней въ каретѣ отъ донни Паолы. Вы смотрите на меня, господа, съ удивленіемъ, а между тѣмъ я ни іоты не прибавляю къ истинѣ. Но поваленные гроба — вещь древняя, какъ евангельское слово. Пока человекъ живъ, его судить нельзя; къ вѣкоторымъ судьба такъ благоволяетъ, что ждѣтъ минуты соборованія, чтобы снять бѣлый покровъ, долгіе годы прикрывавшій черныя пятна. Если донна Паола не дождалась соборованія, значитъ, судьбѣ, которая вообще капризна, вдругъ надоѣло покровительствовать ей. Такъ то, господа! Со вчерашнаго

дня всѣмъ извѣстно, что дѣвушка пропала изъ монастыря, но что ее похитилъ лордъ Крайль, это я имѣю честь докладывать вамъ сегодня въ первый разъ, и если вы мнѣ не вѣрите, то идите въ уголовный судъ, спросите какогонибудь актүаріуса и услышите; намъ скажутъ, кто подвелъ махинацію, наострилъ этотъ десятокъ молодежи противъ откупныхъ агентовъ, произвелъ безпорядокъ и скандалъ въ монастырѣ; узнавъ все это, вы вторично скажете, какъ этотъ синьоръ, что донна Паола Пьетра дѣйствительно великая женщина. Но при ея смѣломъ, безпокойномъ, пронырливомъ умѣ, при ея хитрости ей было бы больше успѣха, если бы она была мужчиной. Вотъ, напр., служивъ она въ военной службѣ—почемъ знать, можетъ быть, Фридриха прусскаго за поясъ заткнула бы!

Майордомъ говорилъ тономъ спокойнымъ, убѣдительнымъ и положительнымъ, и слова его падали на умы слушателей, какъ drobный октябрьскій дождь, насквозь пробирающій почву; на минуту даже спорщикъ, не смотря на свою рѣшимость, систематически опонировать ему, поддался его убѣдительности, въ то время какъ другіе обмѣнивались возгласами удивленія и стройной колонной атаковали репутацію донны Паолы, онъ молча прохаживался, придумывая, чтобы возразить на ядовитыя инсинуаціи ханжи. Наконецъ онъ остановился посреди кафе и горячо заговорилъ:

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, государь мой, что я ни единому слову не вѣрю изъ всего, что вы наговорили. Чтобы растоптать такимъ образомъ 50-лѣтнюю репутацію, недостаточно кучерскихъ силетней. Да и какъ объясните вы то, какимъ образомъ лордъ Крайль могъ въ этой передрагѣ похитить дѣвущку, которая, какъ вы сами говорите, не хотѣла покидать монастыря? Положимъ, что все было слажено, чтобы обдѣлать дѣло навѣрняка; но какъ очутились тутъ откупные агенты? Можетъ быть, вы скажете, что въ угоду доннѣ Паолѣ они нарочно пришли, что бы дать избить себя друзьямъ лорда Крайля. А если нѣтъ, то потрудитесь покуснѣе сладить исторію; иначе, какъ видите, она при первомъ разборѣ разлетится прахомъ.

— Я рассказалъ, что зналъ, а чего не знаю, о томъ не берусь я рассказывать.

— Я совершенно объясняю себѣ все, что вамъ кажется непонятнымъ, сказалъ президентъ:—Если лордъ Крайль и донна Паола

рѣшились на такое дѣло, то, достаточно было послать тайный доносъ на монахинь администраціи откупа, чтобы наслать сборровъ на монастырь. Это ясно, и стало быть...

— Подожди съ выводами, пораздумай прежде, подумай, что донна Паола женщина умная; хотя и въ видѣ предположенія не слѣдовало бы говорить этого, но даже предполагая ее столь хитрой и безсовѣстной, все таки нельзя думать, что она стала бы компрометировать себя такимъ скандальнымъ образомъ; вѣдь рано или поздно — дѣвushку пришлось же бы выпустить, а памордника ей не надѣнешь; если до сихъ поръ она не любила лорда Краля, то послѣ этого и подавно не влюбила бы. Впрочемъ подозрѣнія этого господина и ваше легковѣріе до того по моему нельзя, что и спорить то съ вами совѣстно.

Едва онъ договорилъ эти слова, какъ изъ сосѣдней комнаты появилась высокая, худая и сановитая фигура аббата Парини; онъ пріостановился на порогѣ, приблизился, величественно прихрамывая, къ оратору и сказалъ, обращаясь только къ нему:

— Я былъ тамъ и все слышалъ; я хвалю васъ, но скажу вамъ, что если вы будете продолжать водиться съ этими людьми, то потеряете и здравый смыслъ, и честность. И обѣдая присутствующихъ строгимъ взглядомъ, онъ, не говоря больше ни слова, перешелъ залу и вышелъ изъ кафе.

V.

Выходя, онъ оставилъ за собой, такъ сказать, благоуханіе чистоты. Нѣсколько минутъ царствовало молчаніе; такъ изящная дама, проходя черезъ толпу грубыхъ ссорящихся торговковъ, распространяетъ за собой запахъ духовъ, и онѣ на минуту умолкаютъ, невольно пораженныя ароматомъ. Но благовоніе быстро разсѣвается, и онѣ снова принимаются за свою перебранку. Такъ было и тутъ.

— Вотъ еще! сказалъ президентъ. — Каково вамъ это покажется! Человѣкъ считаетъ себя вправѣ оскорблять цѣлое общество порядочныхъ людей на томъ основаніи, что напечаталъ какіе-то стихи, которые его пріатели признали безсмертными.

— Еще страннѣе, прибавилъ Басерга,—что человекъ проповѣдующій нравственности, подслушиваетъ чужіе разговоры въ трактирахъ. Впрочемъ, вы знаете, господа, что аббатъ Парини былъ учителемъ дѣтей доппи Паолы и до сихъ поръ продолжаетъ усердно посѣщать ее.

Съ этими словами онъ всталъ и вышелъ. Тотъ, къ которому обращался Парини, также вышелъ, чтобы не вступать въ новые бесполезные споры. Прочіе остались редактировать и пополнять рассказъ майордома, дабы онъ могъ имѣть больше успѣха въ обществѣ, гдѣ они брали на себя его популяризацию.

Возвратимся теперь къ Галантино, о которомъ не помышляетъ публика, по которой очень помышляетъ о себѣ. Въ опьянѣиін страсти онъ на время измѣнилъ своему характеру и не разсудилъ всѣхъ послѣдствій своей затѣи. Ему казалось труднымъ одно—похитить дѣвушку, а затѣмъ все дальнѣйшее представлялось легкимъ и второстепеннымъ. Но когда онъ отвезъ обѣихъ дѣвушекъ въ вѣрное мѣсто и такимъ образомъ окончилъ первую часть своего предоріятія, слѣдующее затѣмъ продолженіе представилось ему въ совершенно другомъ свѣтѣ, чѣмъ представлялось прежде. Этому способствовалъ и мрачный взглядъ Бароджи на дѣло. Больше же всего его смущало неожиданное улозженіе дѣла черезъ похищеніе дочери маркиза Кривелли. Чѣмъ бы ни кончилась его интрига съ Адой, какую бы благоприятную развязку она ни получила, но очевидно было, что родители Кривелли не успокоятся на ней и будутъ требовать строгаго наказанія похитителя. Напуганный этими соображеніями, умъ его создавалъ планъ за планомъ, но тутъ же и отвергалъ ихъ съ такою же легкостью, какъ создавалъ. Воображеніе его работало, какъ воображеніе поэта въ потугахъ творчества, создающее и отвергающее идеи.

Мы слышали его разговоръ съ Бароджи на другой день послѣ происшествія; онъ говорилъ спокойно и съ самоувѣренностью, но въ то время онъ еще не видалъ дѣвушекъ, которыя были такъ напуганы и потрясены, что не могли говорить, пока не увидѣли передъ собой женской физиономіи. Когда затѣмъ Суарди отправился къ матери Бароджи и тамъ увидѣлся съ похищенными, онъ нашелъ ихъ въ такомъ настроеніи, что увидѣлъ необходимость удалить ихъ изъ Милана. Онъ самъ проводилъ ихъ съ старухой Бароджи въ деревню на берегу Комскаго озера и въ дорогѣ оконча-

тельно убѣдился, что укараулить ихъ будетъ трудно, благодаря характеру Кривеллп, да и сама блюстительница ихъ при своей набожности и недалнемъ умѣ была способна проболтаться и выдать его. Поэтому онъ и не повезъ ихъ на свою виллу, а поселилъ въ деревушкѣ близъ Тарно, мѣстечка, которое онъ хорошо зналъ, потому, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ тамъ дѣла съ владѣтелемъ шерстяной фабрики, единственной уцѣлѣвшей изъ многочисленныхъ фабрикъ, существовавшихъ прежде въ Комской области. Деревушка называлась Монтепато и находилась выше Торно.

Въ это же время положенію Галантино стала грозить новая внезапно открывшаяся противъ него баттарей. Басерга уже сообщилъ намъ, что полковникъ графъ В*** былъ рѣшеніемъ сената признанъ законнымъ отцомъ Ады. Можно было думать, что это приведетъ его въ ярость, но ни чуть не бывало. Онъ былъ пропикнуть благоговѣйнымъ уваженіемъ ко всякой предержавшей власти. Каждого сенатора по одиночкѣ онъ готовъ былъ изрубить на куски, но сенатъ вообще былъ для него святыней; президентъ сената, обставленный торжественностью, титулуемый *Quasirex*, имѣвшій привилегію, въ своей громадной каретѣ четверикомъ, нарушать правильную процессію экипажей на гуляніи по улицѣ Марина, представлялся ему полубогомъ, и декретъ сената, подписанный имъ, имѣлъ для него такую силу, что онъ вѣрилъ ему больше, чѣмъ самому себѣ. Кромѣ того, надо прибавить, что въ 15 лѣтъ злоба его поутихла, что адвокатъ, ведшій его дѣло, никогда необнадеживалъ его, и онъ давно предвидѣлъ неудачу; ему нѣсколько разъ случалось видѣть Аду, и ея красота привлекала его. Не разъ уже его брало раскаяніе за скандалъ, который онъ надѣлалъ своей тяжбой, и онъ думалъ невольно, что хорошо было бы имѣть такую дочь. Такимъ образомъ, когда вышло сенатское рѣшеніе, онъ подчинился ему съ тайнымъ удовольствіемъ. И тѣмъ сильнѣе постигъ его ударъ, когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого, онъ узналъ, что дѣвушка, признанная его законной дочерью, пропала. Когда недогадливые пріятели объявили ему эту новость, думая доставить ея удовольствіе ему, онъ такъ взбѣсился, что сталъ похожъ на сумасшедшаго. Такимъ образомъ, противъ Суарди явился новый, неожиданный и грозный непріятель.

VI.

Мы въ Монтеніато. День воскресный. Обѣдня кончилась; крестьяне вернулись въ свои избышки и сѣли за свою скудную трапезу. Глубокая тишина царствуетъ надъ озеромъ, только изрѣдка, чтобы сдѣлать эту тишину, такъ сказать, еще ощутительнѣе, изъ какого нибудь барскаго сада раздается рѣзкій крикъ павлина. Въ этотъ часъ подъ навѣсомъ невзрачнаго домика, сидѣла женщина лѣтъ сорока пяти; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, подъ тѣнью каштана, полулежала на травѣ молодая дѣвушка, маленькаго роста и сгорбленная, съ худымъ личикомъ, оживленнымъ, умнымъ выраженіемъ и которое можно бы назвать хорошенечкимъ, еслибы черты его не были такъ угловаты; немного далѣе, въ виду озера, подъ другимъ каштаномъ, задумчиво сидѣла Ада, устремивъ глаза на зеркальную поверхность воды, и иногда слѣдя взоромъ за скользившей по ней баркой.

Преданная душа Кривелли уцѣпилась за Аду въ минуту опасности съ рѣшимостью не покидать ея, хотя съ твердымъ убѣжденіемъ, что ихъ ждетъ страшная опасность и вѣрная гибель. Но очутившись въ домѣ Бароджи, услышавъ почтительныя слова Суарди, встрѣтивъ женщину почтеннаго вида, скромную и благовоспитанную, замѣтивъ потомъ духъ набожности, господствовавшій въ ея дохѣ, она мало по малу успокоилась. Она обратилась къ Адѣ съ совѣтомъ попросить эту достойную женщину отправить ихъ по домамъ. Но Ада, выслушавъ этотъ совѣтъ, расплакалась и объявила, что ни подъ какимъ видомъ не хочетъ уѣзжать отсюда до возвращенія Суарди. Кривелли замолчала и сочла благоразумнымъ подождать, но держась на сторожѣ и присматривая. Однако успокоительныя увѣщанія Суарди подѣйствовали и на нее, и она безъ сопротивленія согласилась отправиться въ Монтеніато, чтобы не разлучаться съ Адой. Но здѣсь въ разговорѣ съ Бароджи она узнала имя похитителя и припомнила разныя исторіи, слышанныя о немъ въ дохѣ у родителей; встревоженная этимъ, она сообщила Бароджи свои подозрѣнія и рассказала ей все, что знала о Суарди. Затѣмъ она передала все это и самой Адѣ, которая приняла все это очень дурно, надулась на свою подругу, но поневолѣ задумалась. Кривелли наблюдала за ней молча съ

сожалѣніемъ нѣкоторое время, наконецъ, не выдержавъ, встала, подошла къ ней, обняла ее и сказала:

— Ну что, милая Адочка, ты все еще на меня сердился?

— Съ чего мнѣ на тебя сердиться? отвѣчала Ада, обернувшись къ ней. Но губы ея дрожали, и на глазахъ были слезы; она опустила голову и, прижавъ лицо къ груди подруги, вдругъ разразилась рыданіями.

Между тѣмъ въ Болоньѣ графиня Клеція возвращалась однажды вечеромъ домой отъ Бентиволио, гдѣ собирався цвѣтъ болонскаго общества, знать, профессора университета, артисты и живописцы. Графиня возвращалась спокойная, довольная и веселая. Ученые оказывали ей уваженіе, не только какъ женщицѣ, но какъ своему собрату, высоко стоящему въ наукѣ; дамы удивлялись ей безъ зависти, потому что хотя ея классическая красота съ лѣтами не только не поблекла, а пожалуй еще пышнѣе расцвѣла, но ученая тога и кафедра астрономіи давали ей исключительное положеніе, способное возбуждать зависть больше въ профессорской коллегіи, чѣмъ среди дамъ. Правда, у нея не было недостатка и въ поклонникахъ ея красоты среди знатной молодежи, но она держала себя такъ, что они и заикнуться передъ ней не смѣли на любовную тему. Для полноты счастья ей доставало только присутствія Ады, и тутъ ей пріятно было думать, что скоро она возьметъ ее изъ монастыря и будетъ неразлучна съ нею.

Съ этими мыслями она вошла къ себѣ, гдѣ нашла письмо съ крупною надписью: «Спѣшное». Это слово взволновало ее, и она судорожной рукой вскрыла письмо. Прочитавъ и перечитавъ его, она еще болѣе встревожилась. Ее звали немедленно въ Миланъ, смутно говоря о болѣзни Ады, и хотя убѣждали ѣхать, не ѣздя, но тутъ же увѣрали, что нѣтъ ни малѣйшей опасности и что болѣзнь пустяки; можно было думать, что кромѣ болѣзни есть еще какое-то обстоятельство, требующее ея немедленнаго пріѣзда въ Миланъ. Внѣ себя отъ безпокойства она тотчасъ написала записку маркизу Бентиволио, у котораго только что была, прося его немедля пріѣхать къ ней. Маркизь явился; она объявила ему, что должна по спѣшному дѣлу сейчасъ же ѣхать въ Миланъ, и онъ въ тотъ же вечеръ доставъ ей отъ кардинала-легата подорожную въ Миланъ.

На зарѣ она выѣхала на почтовыхъ, щедро расточая на водку

почтальонамъ, чтобы поощрить ихъ съ успѣхомъ преодолевать затрудненія отвратительныхъ дорогъ. Проѣхавъ Модену, она пришла на ночлегъ въ Парму, гдѣ тотчасъ узнали о ея приѣздѣ. Имя ея было извѣстно и по ея похождениямъ, и по ея научной славѣ, какъ преемницы знаменитой Анлезе на математической кафедрѣ въ Болоньѣ. Не только итальянцы, но и многіе иностранцы нарочно приѣзжали въ Болонью посмотрѣть на нее и послушать ее, замѣшавшись въ толпу студентовъ ея аудиторіи. Какъ только въ Пармѣ узнали, что она приѣхала и остановилась въ Герцогской гостинницѣ, многіе поспѣшили къ ней на поклонъ, въ томъ числѣ аббатъ Фругони съ знаменитымъ Кондильякомъ, бывшимъ наставникомъ наслѣднаго принца Пармскаго, умершаго за нѣсколько дней передъ этимъ.

Аббатъ Фругони зналъ графиню еще въ Болоньѣ. Кондильякъ, хотя любитель уединенія, молчаливый и серьезный до того, что при герцогскомъ дворѣ былъ уволенъ отъ всякаго церемоніала, невыносимаго ему, выразилъ аббату желаніе познакомиться съ этой необыкновенной женщиной, о которой столько слышалъ и не зналъ, какъ согласовать строгость науки, бывшей ея спеціальностью, съ исторіей ея любовныхъ похожденій. Графинѣ было крайне непріятно это посѣщеніе, потому что ей было совсѣмъ не до пріемовъ гостей и не до ученыхъ разговоровъ. Фругони, не смотря на свои 74 года, былъ неутомимый болтунъ, насмѣшникъ, шутникъ и хохотунъ; но какъ онъ ни старался пополнять паузы, оставляемыя въ разговорѣ немногосложными рѣчами Кондильяка и разсѣянными, короткими отвѣтами графини, онъ не могъ измѣнить общаго характера бесѣды, и французскій философъ, выходя, сказалъ поэту, что нашелъ графиню гораздо болѣе красивой женщиной, чѣмъ симпатичнымъ и умнымъ ученымъ.

Между тѣмъ графиня, оставшись одна, вздохнула свободно и раннимъ утромъ покатила дальше. Въ Пьяченцѣ переѣхали По по мосту на баркахъ, и экипажъ графини мчался по дорогѣ изъ Казаль-Пустерленго въ Лоди, когда раздался шумъ другой кареты, ѣхавшей на встрѣчу. Графиня взглянула въ окно и встрѣтилась почти лицомъ къ лицу съ господиномъ, сидѣвшимъ въ другомъ экипажѣ и также высунувшимся изъ окна. Свиданіе было мгновенно, потому что обѣ кареты пронеслись на всѣхъ рессахъ. Но этого мгновенія было достаточно, чтобы путешественники узнали

другъ друга. Господинъ былъ Галантино. При его неожиданномъ видѣ графиня почувствовала усиленное безпокойство, которое еще увеличилось, когда, взглянувъ вторично въ окно, она увидѣла, что карета Галантино поворачиваетъ и пускается слѣдомъ за ея экипажемъ.

VII.

Когда графъ В*** узналъ о похищеніи Ади, онъ въ бѣшенствѣ возмнилъ мысль, что тѣ самые люди, которые хотѣли навязать ему обязанности отца, успѣвъ въ этомъ, задумали лишить его теперь отцовскихъ правъ; это подозрѣніе было усиленно внушеннымъ, не смотря на всѣ возраженія противниковъ, слухомъ, что виновниками похищенія были донна Паола и ея сынъ. Графъ надѣлалъ такого шума въ сенатѣ, что капитанъ юстиціи, уже направленный на этотъ путь анонимнымъ письмомъ Галантино, подвергъ лорда Краля и его сообщниковъ строжайшему допросу не столько по обвиненію въ вооруженномъ нападеніи на правительственныхъ агентовъ, сколько по подозрѣнію въ насильственномъ похищеніи двухъ воспитаницъ изъ монастыря. Донна Паола также получила приглашеніе явиться на допросъ въ ту минуту, какъ сама собиралась обратиться къ капитану узнать о положеніи сына и условиться о мѣрахъ, которыя надо было принять для отысканія дѣвушекъ. Собираясь ѣхать, она была не мало удивлена, получивъ изъ суда простую повѣстку безъ соблюденія обычныхъ формулъ эпистолярнаго этикета.

Донна Паола тотчасъ явилась во дворецъ юстиціи, гдѣ капитанъ принялъ ее съ сухой официальнойностью и приступилъ прямо къ допросу. Она отвѣчала съ удивительнымъ терпѣніемъ, съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, съ спокойнымъ и сдержаннымъ негодованіемъ, однимъ словомъ такъ, что капитанъ почувствовалъ себя поколебленнымъ. Онъ призвалъ графа В***, который въ другой комнатѣ ждалъ донну Паолу. Она убѣдила и графа въ нецѣлности вводимаго на нее обвиненія, такъ что графъ за одно съ ней сталъ упрашивать капитана принять всевозможныя мѣры для отысканія

дѣвушекъ, сдѣлать публикаціи, приказать столичному претору, преторамъ всѣхъ городовъ герцогства и пограничнымъ подпреторамъ разослать всюду лучшихъ сыщиковъ для отысканія пропавшихъ. Въ то же время и маркизъ Кривелли подалъ яростную жалобу въ сенатъ, который предписалъ капитану принять чрезвычайныя мѣры, обыскать, если нужно, все герцогство и сосѣднія мѣстности.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій черезъ нѣсколько дней явились афиши на всѣхъ углахъ улицъ Милана и другихъ городовъ. Галантино былъ въ большой тревогѣ. Торно было слишкомъ близко отъ города Комо; къ тому же въ окрестностяхъ его было много барскихъ виллъ, такъ что агенты капитана и преторовъ могли легко открыть дѣвушекъ въ ихъ убѣжищѣ. Поэтому, не теряя времени, онъ спровадилъ ихъ подальше въ глушь Валласины, обѣщая скоро пріѣхать туда, а самъ рѣшился отправиться въ Болонью къ графинѣ поговорить съ нею, рассчитывая уговорить ее пріѣхать самой за дочерью и привезти ее въ Миланъ уже его невѣстой, чтобы вслѣдъ затѣмъ отпраздновать и свадьбу. Въ Миланѣ онъ чувствовалъ себя не по нутру; онъ раздумывалъ, что графиня вѣроятно уже получила извѣстіе о пропажѣ дочери; въ такомъ случаѣ онъ явился бы утѣшителемъ съ вѣстью, что отыскалъ ее и при этомъ удобномъ случаѣ посватался бы за нее. Онъ надѣялся, что графиня согласится на бракъ, будучи поставлена въ необходимость выбирать между нимъ и страхомъ навсегда лишиться дочери; а разъ получивъ ея согласіе, онъ условился бы съ нею, какъ скрыть фактъ похищенія и укротить негодованіе властей. Въ этихъ мысляхъ онъ распорядился приготовить дорожный экипажъ, достойный самого намѣстника, чтобы ослѣпить всѣхъ своимъ величіемъ, и отправился въ Болонью въ увѣренности пайти тамъ графиню. Когда къ великому удивленію своему онъ встрѣтилъ ее на пути, онъ приказалъ кучеру повернуть и пустился за ней слѣдомъ. Увидавъ это, графиня велѣла своему возницѣ ѣхать какъ можно скорѣе и, заглянувъ снова въ окно, увидѣла, что и Галантино скачетъ за ней во весь опоръ. Тогда она окончательно убѣдилась, что онъ преслѣдуетъ ее и сказала объ этомъ своей горничной.

Въ Лоди ея экипажъ въѣхалъ въ ворота гостиницы Рака, чтобы перемѣнить лошадей. Вслѣдъ затѣмъ туда же въѣхала и карета Суарди; такъ какъ надо было дожидаться около часа, то графиня взяла комнату; Суарди также вошелъ въ гостиницу.

Черезъ нѣсколько минутъ слуга доложилъ графинѣ, что господинъ, только что пріѣхавшій въ гостиницу, проситъ позволенія явиться къ ней.

Графиня чуть было не согласилась, но вспомнивъ бывшее въ Венеціи и почувствовавъ отвращеніе къ личности бывшего лакея, спохватилась и отвѣчала, что никого не принимаетъ въ дорогѣ, что ѣдетъ въ Миланъ и что господинъ можетъ явиться къ ней тамъ. Галантино наставлялъ, такъ что графиня вынуждена была обратиться къ содержателю гостиницы, чтобы отдѣлаться отъ его назойливости.

Когда трактирщикъ передалъ ему рѣшительный отказъ графини, Суарди сказалъ съ видимой досадою:

— Передайте графинѣ, что дѣло, по которому я желалъ видѣть ее, интересуется ее больше, чѣмъ меня. Съ моей стороны это былъ только долгъ участія. Какъ хочетъ впрочемъ. Въ Миланѣ пожадѣте, что не выслушала меня. Передайте ей это и прикажите закладывать.

Трактирщикъ передалъ эти слова графинѣ, которая спокойно отвѣчала:

— Хорошо—хотя беспокойство ея еще увеличилось.

Планъ Суарди былъ расстроенъ, и ему пришлось возвращаться въ Миланъ, лѣзть, такъ сказать, въ волчью пасть. По дорогѣ ему пришло въ голову, что его попытка поговорить съ графиней можетъ навлечь на него подозрѣніе, когда она по пріѣздѣ въ Миланъ расскажетъ о пей. «Ну, ничего, подумалъ онъ, я видалъ и не такіе виды. Препятствія только служили мнѣ средствами къ достиженію желаемого. Чего это я перетрусилъ? Вѣдь я все прежній, да вдобавокъ еще съ деньгами, которыя, все поправятъ. Стало быть, не робѣты! Смѣшна эта графиня съ своей гордостью. Нѣтъ, сударыня, что ты тамъ ни пой, а дочку-то прійдется выдать за меня. А этотъ дуракъ капитанъ юстиціи съ своими афишами. Эка важность! Подмаслилъ какого нибудь сенатора, подмаслилъ какого нибудь полицейскаго—вотъ и все! А у меня таки порядочно найдется изображеній Карла VI, есть чѣмъ подмаслить. Такъ, не робѣты!

Галантино не подозрѣвалъ, что именно богатство, на которое онъ возлагалъ все свое упованіе, было причиной его невольной робости. Теперь ему было что терять, и даже очень много, тогда

какъ прежде всякій рискъ представлялъ ему только шансы выигрыша.

Черезъ полчаса послѣ Суарди выѣхала и графиня, и пріѣхала въ Миланъ часа за два до ночи; она велѣла ѣхать прямо къ доннѣ Паолѣ.

У донны Паолы сидѣла въ это время Гауденци съ своимъ 12 лѣтнимъ сыномъ. Она помнила участіе, которое донна Паола приняла въ ней въ 1750 г., и обратилась къ ней, когда потерпѣла неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ получить извѣстіе отъ мужа и свѣдѣніе объ его положеніи отъ капитана юстиціи. Съ самаго того дня, какъ ее извѣстили объ арестованіи мужа, она слышала имя лорда Краля, но совершенно забыла, что это имя мужа и сына донны Паолы. Пріѣхавъ къ ней и разговорившись о своемъ дѣлѣ, она была поражена удивленіемъ, узнавъ это, и донна Паола не меньше ее удивилась, узнавъ, что мужъ Гауденци замѣшанъ въ дѣлѣ ея сына. Разумѣется, это открытіе еще болѣе усилило ихъ взаимное сочувствіе. Онѣ толковали объ этомъ, когда вошелъ слуга и доложилъ:

— Пріѣхала графиня В***, вотъ онѣ сами.

Донна Паола вскочила потрясенная этимъ извѣстіемъ до того, что казалось силы готовы были оставить ее. Добрая Гауденци, только что узнавъ все дѣло, была полна участія къ графинѣ, почти совсѣмъ забывъ о себѣ.

Графиня вошла и бросилась къ доннѣ Паолѣ.

VIII.

— Что съ Адой? воскликнула она.

— Вотъ мы именно о ней говорили съ синьорой Гауденци, отвѣчала донна Паола едва слышимымъ голосомъ.

— Стало быть, она очень больна?

Донна Паола ласково провела рукой по волосамъ графини и сказала:

— Вамъ надо успокоиться, милая Клеія. Ада здорова.

— Я ужъ изъ нисѣма видѣла, что тутъ какая-то тайна. Что такое? сказала графиня, опускаясь на диванъ.

-- Прому васъ выслушать какъ можно спокойнѣе то, что я вамъ должна сказать...

Графиня вспочила.

— Скажите же, убейте меня разомъ... Я покойна.

Она оглянулась кругомъ и глубоко вздохнула, пристально глядя на мальчика, сына Гауденци, какъ будто въ немъ былъ для нея интересъ. Донна Паола сказала со спокойствіемъ, которое вѣроятно стоило ей большого труда:

— Всѣ мѣры уже приняты. Я, вашъ мужъ, капитанъ юстиціи, сенатъ—всѣ мы сдѣлали все, что должно было сдѣлать въ этомъ обстоятельствѣ, и теперь съ часу на часъ ждемъ хорошихъ вѣстій. Не можетъ быть, чтобы такое множество разосланныхъ людей не нашло на слѣдъ маркизы Кривелли, которая пропала вѣстѣ съ Адой...

Едва она выговорила эти слова, какъ графиня съ ужаснымъ крикомъ упала въ обморокъ. Гауденци и донна Паола бросились къ ней; первая поддерживала ее, а вторая—цѣловала и звала по имени, она вся вдругъ преобразилась, оживалась и сурово закричала на мальчика, сына Гауденци, съ испугомъ смотрѣвшаго на эту сцену:—Позвони! чего сидишь!—Онъ повиновался; на звонокъ вбѣжалъ лакей и былъ посланъ за горничными. Графиню стали раздѣвать. Мальчикъ былъ посланъ въ переднюю, гдѣ поминутно пробѣгала взадъ и впередъ озабоченная прислуга. Вбѣжала горничная донны Паолы и закричала лакею:—Сейчасъ велите запрягать и поѣзжайте въ контору адвоката Агудіо, гдѣ найдете адвоката Стриджелли. Скажите ему, что барыня проситъ его пріѣхать тотчасъ. Потомъ ступайте къ аббату Парини и пригласите его прійти сегодня непременно. Лакей вышелъ; прошло съ полчаса; вышла Гауденци и позвала сына въ салонъ проститься. Графиня сидѣла на диванѣ убитая горемъ. Донна Паола была подлѣ нея и держала ее за руку. Простившись, Гауденци съ сыномъ вышли въ ту самую минуту, какъ въ домъ входилъ адвокатъ Стриджелли.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, правая рука дряхлаго Агудіо. Онъ уже зналъ отъ слуги о пріѣздѣ графини и объ ея огорченіи, и принялъ видъ, сообразный обстоятельствамъ.

Когда онъ вошелъ, графиня плакала, закрывъ лицо платкомъ. Донна Паола поднялась и подала ему руку.

— Вотъ какое несчастіе! сказала она и, понизивъ голосъ, прибавила ему на ухо:—Если дѣвушка не отыщется скоро, я не знаю перенесетъ ли она этотъ ударъ. Какое несчастіе! Я раскаиваюсь, что вызвала ее въ Миланъ, прежде чѣмъ не испробованы всѣ средства отыскать дѣвушку.

Молодой Стриджели съ участіемъ смотрѣлъ на плачущую графиню.

— Все же лучше ей быть здѣсь, сказалъ онъ.

— Вы думаете? Дайте намъ совѣтъ. Признаюсь, что послѣ такого несчастія, я себѣ не довѣряю. Вотъ поговорите съ ней!

И подойдя къ графинѣ, поцаловавъ ее, она сказала:

— Ободритесь, душа моя, вотъ адвокатъ, который велъ вашъ процессъ. Поговорите съ нимъ.

Графиня отерла глаза и взглянула на адвоката.

— Извините, сказала она, что я васъ такъ принимаю. Благодарю васъ за участіе.

— О, графиня, я весь къ вашимъ услугамъ. Приказывайте мнѣ, располагайте мной.

Нѣсколько оправившись, графиня повторила адвокату то, что рассказывала уже доннѣ Паолѣ о своей встрѣчѣ съ Суарди, о его назойливомъ требованіи свиданія съ нею въ Лоди и о ея подозрѣніи, что онъ ѣхалъ въ Болонью единственно для того, чтобы повидаться съ нею.

Стриджели выслушалъ это внимательно и съ очевиднымъ удивленіемъ, потомъ сказалъ:

— Не только слѣдовало дать ему свиданіе, но надо тотчасъ послать за нимъ, графиня. Почему знаты! Въ подобномъ обстоятельстве все можетъ быть полезно, и церемоніи тутъ не у мѣста. Отчего вы не приняли его въ Лоди, когда онъ добивался видѣть васъ?

— Могла ли я положиться на такого негодя?

— Я понимаю, однако... онъ вдругъ прервалъ себя, какъ человѣкъ, озадаченный внезапной мыслью, вскочилъ съ мѣста и раза два прошелся по комнатѣ.

— Знаете что? воскликнулъ онъ вдругъ.

— Что?

— Я нашелъ нить, графиня. Все ясно. Знаете, кто вохитилъ дѣвушекъ? Догадываетесь?

— Галантино! вскричали разомъ обѣ женщины.

— Да, Галантино. Я такъ въ этомъ убѣжденъ, какъ ни въ чемъ въ мірѣ, и никому этого до сихъ поръ въ голову не приходило, а это ясно какъ день.

Донна Паола и графиня переглядывались въ изумленіи.

— Вы, донна Паола, не разъ мнѣ говорили, что онъ ненавидитъ графиню.

— Да.

— Всѣмъ извѣстно, что этотъ негодяй сливетъ волокитой и забрасываетъ свои виды на женщинъ и дѣвушекъ гораздо выше его по положенію. И при томъ у него складъ товаровъ въ домѣ рядомъ съ монастыремъ! Онъ и сбирровъ наслалъ, чтобы произвести сумятицу. Понимаете? Но онъ попалъ теперь въ собственныя сѣтя. О, успокойтесь, графиня.

Мысль, что нить найдена, побудившая адвоката произнести эти слова: «успокойтесь, графиня» подѣйствовала успокоительно на обѣихъ женщинъ, но впечатлѣніе это было мимолетное.

— Ахъ! съ отчаяніемъ воскликнула графиня, хватаясь руками за голову.

И адвокатъ, и донна Паола поняли ея ужасъ.

— Нѣтъ, сказалъ Стрижелъ послѣ долгаго молчанія, какъ хотите, я предчувствую, что все кончится благополучно. Каковъ бы ни былъ самъ по себѣ Суарди, но я знаю, и всѣ знаютъ, что, разбогатѣвъ, онъ старается заглядить свое прошлое, и я не думаю, чтобы онъ рѣшился на преступленіе. Еще недавно, я слышалъ, что его прославляли, какъ благодѣтеля, за помощь оказанную имъ погорѣвшимъ въ пожарѣ прошлаго марта. Богъ вѣдаетъ этихъ выскочекъ; иногда они оказываются лучше, чѣмъ о нихъ думаютъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ отмстить вамъ тѣмъ, чтобы явиться вашимъ спасителемъ и утѣшителемъ. Кромѣ того, вспомните, что вмѣстѣ съ вашей дочерью похищена маркиза Кривелли, горбунья, которая навѣрно не внушила никому страха.

— Такъ что же?

— Необходимо подождать, не явится ли онъ или позвать его; впрочемъ нѣтъ, лучше чтобы онъ самъ явился.

— Но я не могу терзаться ожиданіемъ.

— Повѣрьте, что онъ не замедлитъ. Ужъ если онъ нарочно поѣхалъ къ вамъ въ Болонью, то неужели заставитъ ждать себя теперь въ Миланѣ?

Въ душѣ Стриджели вовсе не чувствовалъ той увѣренности, которую выражалъ на словахъ, и дѣло далеко не представлялось ему столь простымъ и яснымъ; но ему хотѣлось теперь больше всего успокоить графиню. Донна Паола не даромъ послала за нимъ, зная его необыкновенную проникательность и находчивость.

Вечеромъ пришли аббатъ Парини, Фризи, адвокатъ Фолиаци и другіе друзья, и принесли извѣстіе, что изъ допроса лорда Вильяма, Лоренцо Бруни и другихъ арестантовъ оказалось, что они дѣйствительно принадлежатъ къ тайному обществу франкмасоновъ. Поэтому въ этотъ именно день полиція съ нотаріусомъ и интуаріусомъ неожиданно ворвалась въ ложу улицы Санъ Витторесжіо и арестовала всѣхъ находившихся тамъ, въ томъ числѣ очень знатную молодежь и даже родного сына самого капитана юстиціи. Всѣхъ ихъ препроводили въ тюрьму. Такая строгость была до сихъ поръ не видана противъ общества, если не разрѣшеннаго прямо, то во всякомъ случаѣ терпимаго. Дѣло принимало все худшій оборотъ.

Между тѣмъ и Суарди былъ не въ веселомъ расположеніи духа.

— Вѣдь я же говорилъ вамъ, что штука выйдетъ вовсе не забавная, и что дѣло посерьезнѣе, чѣмъ вамъ казалось, говорилъ ему Бароджи.

— Если не умѣешь ничего больше сказать, то лучше бы молчалъ.

— Лучше лишняя предосторожность, чѣмъ излишняя самоувѣренность; никогда нельзя знать, что выйдетъ.

— А я увѣренъ въ себѣ, хотя и предвижу опасность, какъ благоразумный человѣкъ. Самое худшее—падать духомъ.

— Это правда.

— Ну, скажи, какъ ты думаешь? Приметь она меня теперь?

— Я думаю, приметь.

— Подожди же. Ты ужъ разъ мнѣ помогъ, помоги еще. Вѣдь и ты замѣшаешь не меньше моего въ этой передрагѣ. Если мнѣ придется плохо, то вѣдь и тебя не поблагодарятъ... понимаешь?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Не благодарятъ, ужъ это вѣрно, и тогда простись со всѣмъ твоимъ счастьемъ. Ты знаешь, о чемъ я говорю.

— Знаю, но не вѣрю; вы давно водите меня этихъ за носъ, но я не знаю, что это за тайна, которая должна составить мое счастье.

— Узнаешь, но теперь не до того. Завтра утромъ ты сбросишь этотъ мундиръ и надѣнешь одно изъ моихъ нарядныхъ платьевъ. Въ видѣ ошита надо заблаговременно посмотреть, каковъ ты будешь лѣтъ этакъ черезъ десять, когда защеголишь по Милану богачемъ. Преобразившись, ты отправишься въ домъ Пьетра и допросишь позволенія поговорить съ графиней.

— О чемъ?

— Очень просто. Я не хочу вторично подвергаться отказу. Мое терпѣнiе лопнетъ, а тогда — бѣда! Ты явишься къ ней, она тебя приметъ, ты ей скажешь отъ моего имени, что мнѣ надо поговорить съ ней по дѣлу интересующему ее больше, чѣмъ меня. Если только она приметъ меня, тогда будь покоенъ, она не устоитъ, побѣда будетъ моя, то есть, наша.

— Хорошо, я пойду.

— Завтра утромъ.

— Идти, такъ идти завтра же.

— Мой гардеробъ къ твоимъ услугамъ.

— Я думаю, лучше прощѣ одѣться.

— Какъ хочешь. У всякаго свой вкусъ. И они разстались.

IX.

На другое утро Бароджи въ скромномъ гражданскомъ платьѣ явился въ домъ Пьетра и спросилъ, можно ли видѣть графиню В***.

Привратникъ, имѣвшій приказанiе пускать всѣхъ, пропустилъ Бароджи, который вошелъ въ переднюю и сказалъ слугѣ свое имя, его ввели въ залу, гдѣ графиня была съ донной Паолой. Последняя, увидя его, сказала:

— А, это вы?

Она знала его, потому что нѣкогда покровительствовала его матери.

— Я безпокою васъ не для себя, сказалъ Бароджи.—Я при-

шелъ отъ имени сеньора Андреа Суарди сказать одно только слово графинѣ В***. Полагаю, что имѣю честь говорить съ нею?

— Говорите, говорите, сказала графиня, поблѣднѣвъ и вздрогнувъ при имени Суарди.

— Сеньоръ Суарди поручилъ мнѣ переговорить съ вами наединѣ. Но я полагаю, что при этомъ онъ не имѣлъ въ виду донну Паолу; поэтому я думаю, что не преступлю его порученія, говоря при ней. Сеньоръ Суарди проситъ васъ, графиня, позволенія переговорить съ вами по секрету объ очень важномъ дѣлѣ.

— Я уже сказала въ Лоди, что въ Миланѣ могу принять его.

— Вамъ вѣроятно извѣстно несчастіе, постигшее графиню, прибавила донна Паола: — у насъ множество хлопотъ, поэтому пусть онъ явится немедленно.

При намекѣ на несчастіе, постигшее графиню, Бароджи покраснѣлъ до ушей, что поразило и донну Паолу, и графиню, которая что то шепнула на ухо старушкѣ.

— Да, это сынъ бѣдной Бароджи, отвѣчала та громко: — скажите, прибавила она, почему вы въ партикулярномъ платьѣ?

— Я не посмѣлъ явиться въ вашъ домъ въ откупной ливрѣ. И сеньоръ Суарди такъ желалъ.

— А вы все служите у него?

— Нѣтъ, не у него, но по службѣ имѣю съ нимъ постоянныя отношенія; притомъ онъ добръ ко мнѣ и къ моей бѣдной матери, поэтому, когда онъ даетъ мнѣ порученія, я всегда готовъ служить ему.

При этихъ словахъ донна Паола подскочила на мѣстѣ подъ вліяніемъ мысли, которую уже готова была выразить словами, но удержалась и сказала только.

— Ну, хорошо, скажите же сеньору Суарди, что графиня ожидаетъ его. Прошу васъ послѣшить.

Бароджи поклонился и вышелъ.

— Онъ все знаетъ, сказала донна Паола, и можетъ быть даже участвовалъ въ похищеніи. Онъ служитъ офицеромъ въ откупной стражѣ. Бѣднякъ! славный былъ мальчикъ; но бѣдность довела его до такого печальнаго ремесла; онъ пустился въ развратъ, впалъ въ долги, ну, а ужъ затѣмъ всего можно ждать! Ахъ, горе, горе! Лучше умереть, чѣмъ видѣть всадѣ нужду, не имѣя средствъ помочь.

Графиня не слушала этих словъ въ волненіи ожиданія; она то садилась, то вставала и прохаживалась, и не минуты не могла пробыть покойно.

Наковецъ слуга доложилъ:

— Сивьоръ Суарди.

Обѣ женщины встали. Графиня судорожно сжала руки, такъ что пальцы захрустѣли.

— Ахъ, не уходите! сказала она доннѣ Паолѣ.

— Будьте покойны, я буду въ сосѣдней комнатѣ; ободритесь и надѣйтесь.

Донна Паола вышла. Дверь открылась и Суарди вошелъ.

Графиня внутренно дрожала, стоя, опершись о диванъ. Но и Суарди былъ такъ взволнованъ, что, не смотря на всѣ усилія совладать съ собою, не находилъ словъ, чтобы начать разговоръ, такъ что графиня первая сказала:

— Что вы имѣете сказать мнѣ?

— Умоляю васъ сѣсть, графиня. Нашъ разговоръ не можетъ быть коротокъ. Благодарю васъ за позволеніе явиться. Благодарю не за себя, а за васъ.

— Вы хотѣли поговорить со мною по важному дѣлу. Но вы знаете, что теперь для меня важно только одно дѣло?

— Знаю; дѣло вашей дочери; поэтому то я и здѣсь; поэтому то и желаю видѣть васъ въ Лоди. Чтобы успокоить васъ, графиня, спѣшу сказать, что надѣюсь вскорѣ заслужить вашу благодарность.

— Гдѣ моя дочь? порывисто воскликнула графиня голосомъ, въ которомъ подавленные рыданія заглушали выраженіе гнѣва.

— Успокойтесь, графиня, ваша дочь скоро будетъ съ вами, и могу сказать,—благодаря мнѣ.

— Да гдѣ она?

— Если бы я это зналъ, неужели вамъ приходилось бы спрашивать?

Тутъ графиня посмотрѣла на него съ удивленіемъ и испугомъ, и съ отчаяніемъ сказала:

— Зачѣмъ же вы пришли, если не знаете, гдѣ она? Гдѣ же ей быть? О, Ада!—и она упала на диванъ.

Суарди былъ сильно потрясенъ; онъ всталъ и подошелъ къ графинѣ:

— Повторяю, не отчаявайтесь, сказалъ онъ, потому что ручаюсь вамъ, я скоро возвращу вамъ дочь. У меня множество людей во всемъ герцогствѣ, сотни средствъ сообщенія: при первомъ слухѣ о случившемся я подумалъ: я навѣрно отыщу дѣвушку и покажу графинѣ, какъ мстить люди, подобные мнѣ. Я уже получилъ извѣстіе, и могу обѣщать вамъ, что завтра или сегодня даже все будетъ узнано. Утѣшьте же и не плачьте. Неужели вы думаете, что я пришелъ понапрасну. Я пришелъ утѣшить васъ. Мнѣ до такой степени хочется доказать вамъ, что я честный человѣкъ, а не злодѣй, не негодай, что я не знаю, кто изъ насъ больше желаетъ раскрыть дѣло. Утѣшьте же, графиня, отрите слезы и выслушайте меня.

— И вы отправились нарочно въ Болонью, чтобы дать мнѣ такую неопредѣленную надежду, сказала графиня нѣсколько спокойнѣе:—Правдоподобно ли это? Могу ли я вамъ вѣрить?

— Кто вамъ сказалъ, что я вѣхалъ въ Болонью? Я вѣдиль по своимъ дѣламъ. Мнѣ вздумалось заѣхать въ Пьяченцу. Но когда я васъ увидѣлъ, мнѣ пришло въ голову, что вы уже получили извѣстіе о несчастіи или узнаете о немъ въ Миланѣ, и чтобы смягчить этотъ ударъ, я хотѣлъ сообщить вамъ мои надежды. Вотъ и все.

Графиня уже готова была сказать ему прямо, что похититель— онъ самъ, но удержалась, боясь раздражить его и испортить дѣло еще хуже; она остановилась въ недоумѣніи, придумывая, съ какой стороны подступить къ нему. Онъ также былъ въ нерѣшимости. Онъ явился съ намѣреніемъ объявить графинѣ о своей любви, рассказать все, что было между нимъ и Адой до похищенія, добиться этимъ признаніемъ прощенія и согласія на исполненіе его завѣтной мечты. У себя дома онъ, обдумывая этотъ планъ, находилъ его простымъ и легкимъ. Но теперь онъ былъ смущенъ, у него не хватало духу, онъ не зналъ, какъ приступить къ дѣлу. Ему не хотѣлось главное признаться въ похищеніи, потому что онъ боялся послѣдствій такого признанія и хотѣлъ сохранить себѣ путь отступленія, а между тѣмъ онъ понималъ, что для того, чтобы выпудить у графини благоприятное рѣшеніе, надо показать ей, что дочь ея въ его власти и что бракъ его съ ней — единственное средство покончить все мирно и безъ скандала.

Такимъ образомъ молчаніе длилось, каждой минутой увеличивая смущеніе Галантино, какъ вдругъ графиня сказала:

— Послушайте...

Голосъ ея измѣнился, какъ и выраженіе лица; только едва замѣтное дрожаніе выдавало еще волненіе. Ротъ ея въ первый разъ полуулыбался передъ Суарди. Это было для него ново и неожиданно; до сихъ поръ онъ всегда видѣлъ графиню суровой и надменной.

Вчера, продолжала она, одинъ почтенный человекъ говорилъ мнѣ о васъ съ большими похвадами...

— Обо мнѣ?

— Да; онъ говорилъ, что многіе несчастные благословляютъ вашу доброту.

— Не знаю...

— Вы навѣрно знаете, и это должно быть вамъ очень отрадно. Ахъ, прошу васъ не измѣнять этому настроенію вашей души. Подумайте, что васъ проситъ мать, потерявшая свою дочь. Скажите же мнѣ все откровенно; я не провнесу ни одного слова жалобы. Что было, то было. Вѣдь вы похитили ее изъ монастыря? Скажите мнѣ все, все.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Суарди, помолчавъ; нѣтъ, не я, хотя я желалъ бы, чтобы это былъ я.

— Какъ желали бы? Почему? Этого я совсѣмъ ужъ не понимаю.

— Да, желалъ бы.

— Почему? скажите.

— Когда я думаю объ этомъ, я почти самъ себя не вѣрю; выслушайте меня, не сердясь.

— Я слушаю.

— Я безъ памяти влюбленъ въ вашу дочь.

— Ахъ! графиня вздохнула и посмотрѣла на Галантино.

— Такимъ образомъ вамъ понятно теперь участіе, которое я принялъ въ несчастіи, постигшемъ вашу дочь до того, что забылъ оскорбленіе, нанесенное мнѣ вами, и ужасное положеніе, въ которое вы поставили меня пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Поэтому вы можете вѣрить мнѣ и быть убѣжденной, что все, что сдѣлано для отысканія вашей дочери, сдѣлано мною, а не сенатомъ, не капитаномъ, не прочими со всѣми ихъ полиціями и сыщиками. Я

все открылъ, все знаю. Вѣрите же мнѣ и успокойтесь; ваша дочь въ безопасности и осталась той чистой, непорочной лиліей, какой была въ моментъ выхода изъ монастыря. Утѣштесь же и вѣрите мнѣ, потому что, клянусь Богомъ, я не лгу.

Графиня встала и сказала:

— Пока вы мнѣ все не расскажете, такъ какъ вы говорите, что вамъ все извѣстно, и пока рассказъ этотъ не разъяснитъ мнѣ удовлетворительно все дѣло, я, извините меня, не могу вамъ повѣрять.

— Это справедливо, по прежде мнѣ необходимо открыть вамъ всю мою душу, объяснить вамъ истинную, первую и единственную причину моего теперешняго посѣщенія и моего желанія переговорить съ вами въ Лодди.

— Говорите, я васъ слушаю.

Галантино раза два прошелся по комнатѣ и, остановившись, заговорилъ:

— Ваша ангельская дочь внушила мнѣ чувство, какого я никогда не испытывалъ; оно такъ сильно, что побороть его ничто не можетъ, пока... Но вы хмуритесь. Я умолкаю... И онъ опять сталъ прохаживаться, нахмурившись въ свою очередь.

— Продолжайте, сказала графиня съ строжайшимъ и надменнѣйшимъ выраженіемъ лица; ей хотѣлось выслушать все и въ то же время хотѣлось обуздывать смѣлость Галантино.

Но онъ остановился передъ ней и, какъ бы сердясь на свою нерѣшительность и непривычное для него чувство замѣшательства, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Напрасно пускаться въ извороты и въ длинные обходы, чтобы выразить мое единственное желаніе. Скажу коротко и ясно. Я хочу соединиться бракомъ съ вашей дочерью. Вотъ и все.

Говоря это, Галантино смотрѣлъ не на графиню, а на картину, висѣвшую за ней, однако, произнесъ эти слова, почувствовавъ на себѣ негодующій и полный глубочайшаго презрѣнія взглядъ графини, которая стояла передъ нимъ, опершись рукой о ручку дивана. Этотъ взглядъ глубоко уязвилъ его и, потерявъ терпѣніе, онъ вскричалъ:

— Я этого и ждалъ! Вы, подобныя вамъ барыни, способны умереть съ горя отъ потери дочери, способны съ отчаяніемъ выброситься изъ окна, но въ то же время ваша гордость можетъ умо-

рить дочь, предпочтеть довести ее до самоубійства, чѣмъ позволить ей послѣдовать невинному влеченію сердца, если предметъ его не принадлежитъ къ вашей кастѣ. Пусть дочь умираетъ, но Боже сохрани, чтобы она вышла замужъ не за графа, не за маркиза, не за герцога. Пусть умираетъ! Нѣжная мать поплачетъ потомъ на досугѣ. Вы всѣ таковы, барыни. Гордость и гордость, притворная любовь, притворное горе, театральныя слезы. Всѣ таковы, и глупыя, и невѣжественныя и ученыя; въ этомъ вы всѣ равны. Но мнѣ смѣшно, графиня. Еслибы къ вашей дочери посватался графъ М*** или баронъ Ч***, отцы которыхъ пятьдесятъ, шестьдесятъ, ну, положимъ, сто лѣтъ тому назадъ,—я не торгуюсь, вышли изъ послѣдней черни, приобрѣли титулы деньгами и заслугами далеко не почетными, мы увидѣли бы, какое торжество, какая жадность поднялись бы въ домѣ, какіе комплименты, какія празднества по случаю такой прекрасной партіи. Но если дѣло только въ этомъ, то будьте покойны, графиня, я улажу это дѣло; и у меня большія имѣнія, дома, виллы и деньги, кареты и лошади, и впереди будущность, какая угодно. Надѣюсь, самъ по себѣ я не хуже этого карапузика графа М*** или барона Ч*** съ его краснымъ носомъ, натуральнымъ гербомъ его фамиліи, разбогатѣвшей на торговлѣ виномъ; а если дѣло стало за дворянствомъ, то извольте, — если не самъ я, то мой сынъ будетъ графомъ; если угодно, мы выговоримъ это условіе въ брачномъ контрактѣ.

Говоря это, Суарди постепенно возвышалъ голосъ, такъ что при послѣднихъ словахъ его донна Паола появилась въ дверяхъ салона. Увидавъ ее, графиня бросилась къ ней:—Послушайте его, воскликнула она: — послушайте, помогите мнѣ, посоветуйте, что сказать ему!— И схвативъ ее за руку, она увлекла ее въ другую комнату, сказавъ Суарди съ порога:—подождите.

Прошло нѣсколько минутъ. Суарди въ величайшемъ волненіи шагаль по салону. Наконецъ донна Паола вышла одна. Она сѣла и, усадивъ Галантино, сказала ему тономъ участія:

— Извините меня и позвольте сказать вамъ, что вамъ слѣдовало бы имѣть больше уваженія къ тяжкому горю этой несчастной женщины.

Тонъ этихъ словъ поразилъ Галантино; гнѣвъ его утихъ, и онъ почувствовалъ смущеніе.

— Прошу извинить меня, отвѣчалъ онъ; я пришелъ сюда съ
сто лѣтъ.

самыми лучшими намѣреніями, и если чѣмъ нибудь прогнѣвилъ графиню, то искренно въ томъ раскаиваюсь. Графиня могла вамъ сказать, въ чемъ состоятъ мои намѣренія, и вы, можетъ быть, уже знаете, что благодаря мнѣ, дѣвушка теперь въ безопасности.

— Да, она мнѣ сказала это; но если это правда, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то прошу васъ подумать, что добрыя дѣла и благодѣянія утрачиваютъ всю свою цѣну, когда за нихъ требуютъ вознагражденія, и пригомъ такого, котораго должникъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможности дать. Вѣдь вы знаете, что графиня не можетъ располагать рукой своей дочери. Право это принадлежитъ прежде всего ея мужу, графу В***. Вамъ извѣстно рѣшеніе сената.

Галантино и не помышлялъ въ эту минуту о сенатѣ и его рѣшеніяхъ и былъ далеко отъ мысли о графѣ В***; это имя поразило и озадачило его, такъ что онъ на первыхъ порахъ не зналъ, что сказать.

— Видите, продолжала донна Паола, что вамъ остается только довершить доброе дѣло и возвратить дочь въ объятія матери.

Галантино нѣсколько времени смотрѣлъ на нее и вдругъ разразился гнѣвомъ:

— Хорошо же, воскликнулъ онъ: я вижу, что добромъ не возьмешь. Такъ пусть адъ поможетъ мнѣ. Если не хотятъ, чтобы дѣвушка была моей женой, такъ пусть же не будетъ она ни чьей, ни моей, ни своей матери, ни отца, ни кого. Я знаю, что мнѣ дѣлать. Пожертвую все состояніе на госпиталь, пусть бѣдники попользуются — и прочь себя и ее изъ этого міра, гдѣ безъ богатства ничего нельзя сдѣлать, а съ богатствомъ тоже ничего, гдѣ ни молодость, ни красота ни къ чему не служатъ, гдѣ гордость — общій палачъ. Вонъ изъ этого міра и себя, и Аду! Пусть графъ съ графиней остаются утѣшаться своими родословными. Такъ будетъ, клянусь! Прошу извиненія, что напрасно обезпокоилъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ двери, когда графиня, выбѣжавъ изъ сосѣдней комнаты, воскликнула съ отчаяніемъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, стойте, подождите. Суарди остановился.

— Вы знаете мое несчастное положеніе; поговорите сами съ графомъ, продолжала графиня.

— Нѣтъ, я ужъ ни съ кѣмъ больше не буду говорить. Я знаю, что мнѣ дѣлать.

— Ну, такъ я поговорю съ графомъ, съ живостью сказала донна Паола. Довольны вы этимъ?

— Извольте.

— Завтра вы придете за отвѣтомъ?

— Хорошо.

— А когда же я могу увидѣть дочь? спросила графиня, складывая руки съ умоляющимъ видомъ.

— Когда захотите вы сами и графъ; но главное, предостерегаю васъ не говорить ни слова объ этомъ властямъ; иначе вѣсто того, чтобы помочь дѣлу, вы все погубите безвозвратно.

Х.

Когда нѣсколько часовъ спустя адвокатъ Стриджели пришелъ къ доннѣ Паолѣ, объ женщины передали ему свой разговоръ съ Суарди. Онъ подробно спросилъ ихъ не только о точныхъ словахъ Галантино, но о звукахъ его голоса и интонаціяхъ, о выраженіяхъ его лица. Онъ поступалъ, какъ опытный и рѣшительный врачъ, который находитъ симптомы очень опасной болѣзни, противъ которой можетъ предложить только геронческія и притомъ сомнительныя средства, могущія вылечить, но могущія и убить, и потому прежде всего хочетъ убѣдиться, довѣряютъ ли ему и расположены ли предоставить ему полную свободу дѣйствія. Выслушавъ все, онъ сказалъ:

— Изъ всего этого я вижу, что это балованное дитя фортуны, опротивѣло наконецъ даже своей матери, и она намѣревается бросить его. Страсть такъ перевернула ему голову, что онъ уже не имѣетъ прежней ловкости. Онъ надѣлалъ уже столько неосторожностей, что я рѣшительно не понимаю, какъ онъ думаетъ выпутаться; точно забылъ, что существуютъ на свѣтѣ законныя власти и добрый капитанъ юстиціи съ своей полиціей, которые изъ одной любви къ искусству всегда рады посадить на цѣпь неловкаго мошенника. Повидимому, пришелъ часъ расправы надъ господиномъ Суарди. Когда змѣя совершаетъ свое пищевареніе, тутъ-то охотники и расправляются съ нею. Донна Паола, церемонитъ тутъ не

у мѣста; совѣститься нечего. Ободритесь, графиня, не бойтесь, что Суарди приведетъ въ исполненіе свои угрозы. Конечно, страсть перевернула ему разумъ; но если онъ могъ падѣлать глупостей, то отъ этого еще далеко до преступленій. Притомъ онъ обѣщалъ вѣдь прийти завтра? Эти сутки отсрочки для насъ сокровище; только надо воспользоваться имъ. Положитесь на меня и дайте мнѣ полномочіе дѣйствовать.

Графиня, конечно, не соглашалась рисковать жизнью и невинностью дочери; страхъ заглушалъ въ ней даже отвращеніе къ Галантино. Съ другой стороны, донна Паола тоже возражала адвокату.

— Вы говорите, что Суарди очевидно находится подъ влияніемъ страсти? Все это доказываетъ, что пришло время поймать его, потому что онъ лишенъ, такъ сказать, своихъ естественныхъ средствъ защиты...

— Да; Самсонъ попался въ плѣнъ, когда ему обрѣзали волосы.

— Вотъ это-то мнѣ и не нравится тѣмъ болѣе, что Суарди какъ бы довѣрился намъ. Почему знать, можетъ быть, въ немъ дѣйствительно подъ влияніемъ любви совершилось нравственное перерожденіе?

— Я удивляюсь вамъ, донна Паола; впрочемъ благородныя сердца всегда склонны видѣть хорошее въ другихъ и считать прочнымъ исправленіемъ то, что въ сущности есть результатъ мгновенной вспышки или необходимости, вынужденной обстоятельствами. Конечно, еслибы мы могли быть увѣрены въ его перерожденіи, я согласился бы съ вами. Но можемъ ли мы быть увѣрены?

Донна Паола вздохнула и сказала:

— Вы правы, я старая сумасбродка; не слушайте моихъ фантазій, дѣлайте какъ знаете, съ согласія графини.

Графиня стала возражать съ своей стороны.

— Все это ни къ чему не ведетъ, сказалъ адвокатъ:—мыслимо ли, чтобы графъ согласился на предложеніе Суарди? Безуміе было бы предполагать это. Стало быть, дѣлать нечего, надо дѣйствовать.

Это соображеніе было такъ основательно, что пришлось согласиться съ адвокатомъ, который простился съ графиней, ободряя ее и ручаясь ей за хорошій исходъ дѣла. Донна Паола проводила его въ переднюю и тамъ сказала:

— А я рѣшилась сегодня же съѣздить къ графу.

— Какъ? неужели вы надѣетесь уговорить его?

— Нѣтъ, вѣтъ, будьте покойны. У меня другая цѣль. Я хочу только уговорить его прїѣхать завтра сюда. Онъ навѣрно согласится, чтобы проучить Сурдв. Понимаете, какъ хорошо было бы устроить примиреніе между нимъ и женой? Мнѣ случалось нѣсколько разъ говорить съ нимъ, и право, онъ лучше, чѣмъ думать.

— О, да, я знаю: въ этой грубой и несносной оболочкѣ феодала скрывается простой добрякъ, отвѣчалъ Стриджели, улыбаясь, — я также говорилъ съ нимъ, и судя по нѣкоторымъ его словамъ, онъ кажется не прочь вѣрить... Но какъ приметь это графиня?

— Графиня сдѣлаетъ все, о чемъ я ее попрошу. Подумайте, до того ли ей, чтобы продолжать старыя ссоры; вѣдь она уже въ такихъ лѣтахъ...

— Тутъ разница не въ лѣтахъ, а въ понятіяхъ.

— Все же я считаю обязанностью сдѣлать эту попытку.

— Это справедливо.

И низко поклонившись доннѣ Паолѣ, Стриджели вышелъ.

Мы не будемъ рассказывать о его посѣщеніи въ этотъ же день капитана юстиціи и о длинномъ разговорѣ съ нимъ, потомукъ объ его свиданіи съ Бароджи, сопровождавшемся столь же продолжительной бесѣдой, а равно и о визитѣ донны Паолы къ графу В***; результаты всего этого читатель увидитъ въ свое время.

Въ ночь, послѣдовавшую за этимъ днемъ, многимъ изъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ не спалось, какъ на примѣръ адвокату Стриджели, Галантино, графу В***, доннѣ Паолѣ и графинѣ Клелиш. Не спалось и подпоручику Бароджи. Къ тому же, въ эту ночь жаръ достигъ 26 градусовъ термометра, изобрѣтеннаго въ 1731 году Реомюромъ и недавно распространеннаго въ Италию. Всѣ эти личности, повертѣвшись въ постели, сѣлились, зажигали свѣчи и принимались бесѣдовать съ своими мыслями, мѣшавшими имъ спать.

У постели молодаго адвоката на столѣ томъ Praxi et Theoricæ criminalis Проспера Фариначіо былъ раскрытъ на главѣ: Quæstio XVII De delictis et poenis; не найдя сна, адвокатъ сталъ внимательно читать столбцы этой убористой печати и варварской латини.

— Все это хорошо, говорилъ онъ про себя, но въ уголовномъ

дѣлѣ, адвокату, какъ полководцу, надо быть самому на мѣстѣ, чтобы видѣть все близко, самому строить планы, самому допрашивать, наблюдать, подмѣчать, дѣлать выводы, такъ чтобы заставить судей видѣть истину. Вотъ хоть бы тутъ: капиталу юстиціи никогда и въ голову не пришло бы подумать на Суарди, даже когда я навелъ его на мысли, опъ не рѣшался взяться за него. Но я таки настоялъ на своемъ. Завтра утромъ опъ увидитъ! На этотъ разъ ему не миновать ловушки. Еслибы мнѣ можно было руководить допросомъ! Съ одного къ другому чего добраго незамѣтно съѣхали бы на прежній процессъ. Вѣдь процессъ то былъ въ сущности только прекращенъ за пеимѣніемъ уликъ, а не конченъ. Не дурно было было бы, еслибы, начавъ съ защиты лорда Края и франкмасоновъ, мы пришли бы къ неожиданнымъ открытіямъ по прежнимъ дѣламъ! Тото удивили бы весь городъ! Каково начало для карьеры адвоката! Досадна эта тѣсная связь Суарди съ Бароджи. Какъ жаль, что этотъ молодой человекъ такъ честенъ! Что это я говорю? Вотъ до чего доводитъ страсть къ своему ремеслу! Мнѣ досадно, что онъ не хочетъ выдать своего друга и покровителя. Однако страшное дѣло: въ кои то вѣки среди мошенниковъ подвернулся мнѣ честный человекъ,—и какъ разъ не встаети. О, еслибы мнѣ хоть одно малѣйшее указаніе, да хорошій допросъ, да сбивчивое показаніе и тогда... право, какъ ни неприятно, а надо сознаться, что на такой случай пытка необходима. Теперь, постараѣтъ, ожирѣвъ и развѣжнвшись, онъ не выдержалъ бы, заговорилъ бы! На бѣду Бароджи помогъ ему въ такомъ важномъ преступленіи какъ *gatus virginum*... уголовщина! Не хотѣлось бы подводить подъ отвѣтъ этого бѣдняка, который въ сущности вѣдь жертва насилія. А впрочемъ Богъ вѣдаетъ, какъ было дѣло; слѣдовало бы спросить дѣвушекъ. Да въ томъ то и дѣло, какъ найти ихъ? Завтра еще поговорю съ Бароджи; если онъ помогалъ Галантино, то въ покаяніи долженъ будетъ помочь и мнѣ.

Въ этихъ мысляхъ онъ наконецъ заснулъ и проспалъ до зари. Незадолго до нея открылъ глаза въ своей комнаткѣ въ казармахъ улицы Стампи подпоручикъ Бароджи.

Онъ легъ спать съ мрачными мыслями, которыя мучили его всю ночь и, наконецъ, пробудили еще до разсвѣта. Онъ открылъ глаза и съ минутой прсылъ въ оцѣененіи; вдругъ мысли какъ потокъ хлынули ему въ голову. «Ахъ, это вчерашнее посѣщеніе!

Проклятіе! Я кажется сказалъ лишнее на его хитрыя вопросы, а теперь каются приходится. Но нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ меня выдалъ! Онъ воспитаникъ добраго старика Агудіо, который всегда принималъ такое участіе во мнѣ и въ моей матери, онъ не захочетъ сыграть со мной такую скверную штуку. Хотѣлось бы такъ думать, но бываетъ, что молодые хуже стариковъ. Однако, впрочемъ, что же я сказалъ? Вѣдь я всей правды далеко не выдалъ, и какъ ни хитеръ адвокатъ, а не добился, чего хотѣлъ. А вѣдь чуть-чуть совсѣмъ не проболтался; такъ откровенно было говорить; такъ въ душу и лѣзь. Но вѣдь онъ же знаетъ, что я былъ со стражей въ монастырѣ... онъ узналъ это еще раньше, чѣмъ пришелъ ко мнѣ. Да, но тутъ то и закорючка. Такъ ли бы онъ держалъ себя со мной, если бы имѣлъ добрыя намѣренія? Да, дѣло сомнительное. Ахъ, проклять тотъ день, когда Суарди явился къ намъ съ матерью. Къ чему послужили мнѣ его благодѣянія? Да и что за благодѣянія? Всѣ говорятъ, что онъ подлець, и не даромъ его вытали. А когда подлець принимается благодѣтельствовать, тутъ держи ухо востро! Ему нужно было покорное орудіе, а я дуракъ и попался. Да хоть бы еще я одинъ, а то моя бѣдная мать, и она въ этихъ сѣтяхъ! Что за путаница, Боже!.. Но и ты, подлець, не вывернешься; кажется и тебя можно упечь! Какъ посмотрѣлъ на меня Стриджели, когда я сказалъ, что Суарди хотѣлъ сообщить мнѣ какія то важныя тайны! Какъ онъ разспрашивалъ меня, въ какихъ именно выраженіяхъ Суарди предрекалъ мнѣ богатства. Ахъ, если бы этому хитрецу удалось все вывести на свѣжую воду, если бы графу Альберику пришлось возвратитъ все пожитное... вотъ то было бы чудо! Но мнѣ все таки слѣдовало молчать. Да, слѣдовало молчать. Подлость была съ моей стороны возбуждать это подозрѣніе, потому что какъ ни толкуй, а онъ мой благодѣтель и вывелъ насъ изъ нищеты. Небось, эта набѣленная харя, графъ Альберикъ, вальцемъ для насъ не пошевельнулъ. Что было бы безъ Суарди? Да и не мнѣ одному онъ помогъ... Впрочемъ, что же? я говорилъ обняками, а говоря обняками, можно всегда отречься, если слушатели окажутся слишкомъ догадливыми. Да, надо было молчать. Скверно! Но какъ устоять отъ соблазна разъяснить дѣло, отъ котораго зависить вся судьба? Тайна, очевидно, существуетъ; это завѣщаніе... богатство, лошади, кареты...»

Взглядъ Бароджи блуждалъ неопредѣленно съ сабли, висѣвшей на стѣнѣ на ременной перевязи, къ портрету матери, изображенной молодою и улыбающеюся; вонючая сальная свѣча тускло освѣщала эти предметы; слезы навернулись на его глазахъ; онъ прижалъ голову къ стѣнѣ, къ которой была придвинута кровать и на которой висѣла пара пистолетовъ и кisetъ съ табакомъ, и потихоньку задремалъ.

Въ то время какъ бѣдный Бароджи просыпался отъ тяжелыхъ думъ, мучившихъ его и во снѣ, къ подъѣзду дома Суарди лихо подкатили его карета и заспанный привратникъ бросился съ шумомъ откидывать подножку. Суарди возвращался съ веселаго вечера у миллионера Меллеріо, гдѣ были его собратья по откупу и нѣкоторыя высокопоставленныя лица изъ администраціи. Онъ пилъ и игралъ, чтобы заглушить неприятныя впечатлѣнія этого дня и смутныя предчувствія, тревожившія его, но чѣмъ больше старался онъ забыть ихъ, тѣмъ назойливѣе осаждали они его. Мрачно вышелъ онъ изъ кареты, мрачно поднялся на лѣстницу, мрачный вошелъ въ свою спальню, ничего не отвѣтилъ слугѣ, который зажегъ свѣчи на каминѣ и вышелъ, почтительно пожелавъ ему покойной ночи. Въ задумчивости Суарди раздѣлся и легъ, потушивъ свѣчи, но черезъ нѣсколько минутъ высунулъ руку изъ-подъ шелкового одѣяла, дернулъ звонокъ и сказалъ вошедшему слугѣ: «Зажги свѣчи!»

Полежавъ нѣсколько минутъ, онъ почувствовалъ, что способенъ въ эту ночь на что угодно, только не на сонъ, и сѣлъ на кровати, опершись локтемъ на подушки, а другую руку протянувъ сверхъ одѣяла.

— Завтра въ это время все будетъ рѣшено, думалъ онъ: — или скандалъ, который перевернетъ весь городъ, или общее ликование. Но надежды мало; мнѣ кажется, что я въ положеніи сумасброднаго игрока, поставившаго на карту все свое состояніе. Да хоть бы еще карта! Я зналъ бы, какъ повернуть. Но чего ждать отъ этого свирѣпаго животнаго, графа? И къ чему это сенатъ навязалъ ее ему? Отецъ! Что за декреты издаются! Рѣшать, что солнце не солнце, а луна! Какъ ни верти, все на одно выходитъ. Да, тутъ дѣло шло о сохраненіи огромнаго состоянія, и родные графини постарались! Не будь этого декрета, при всей гордости графини, мы вчера съ ней порѣшили бы, да и донна Паола ка-

жется была не прочь. Да и въ самомъ дѣлѣ, съ какой стороны ни взглянуть, со всевозможнымъ безпристрастіемъ и даже съ какими угодно аристократическими предразсудками, мое предложеніе было очень прилично; не только прилично — необходимо. Похитить я дѣвушку съ гнусной цѣлью, — ну, тогда и говорить нечего, никакого оправданія не было бы. Но этотъ ангелъ, этотъ чистый двѣтокъ самъ наклонился ко мнѣ; это если не судьба, то что-то очень на нее похожее. Я — ея мужъ; она — моя жена. О, при одной этой мысли мнѣ стыдно за все мое прошедшее, и я во чтобы то ни стало готовъ быть образцемъ честности. А тутъ этотъ проклятый капитанскій быкъ съ своей короной съ девятью шишками все рушится и валится къ чорту. Отъ этой мысли можно просто съ ума сойти!

Должно быть, злой духъ подхватилъ эти слова и перенесъ ихъ въ палатку В***, швырнувъ, тамъ прямо въ уши графа, который, вдругъ проснувшись, вскочилъ на постели и чуть не вскричалъ:

— Дурацкій нахаль! Вотъ завтра узнаешь вѣсь моей валки. Разбогатѣлъ открытымъ грабежемъ и смѣешь претендовать на руку дѣвушки, носящей мое имя! Мое имя! Я думаю, съ тѣхъ поръ, какъ въ мірѣ существуютъ господа и холопы, дворяне и сволочь, такой наглости невидано было. Тварь, родившаяся въ конюшнѣ, судившаяся за воровство! Если я не раздроблю этого несмѣхаваго мерзавца, если не покажу на немъ прижѣра, я лопну, право, лопну; и дѣвушка въ его рукахъ! И приходится поневолѣ молчать и терпѣть! Фу, пропасть! Нѣтъ, я лучше ее убью, чѣмъ соглашусь на подобный бракъ. Что это за проклятая моя судьба? И откуда взялась у меня любовь къ этой дѣвчонкѣ? Съ чего это я обѣщаль отправиться завтра къ графинѣ? Вотъ казусъ! Что скажутъ люди? Скандаль! Но тѣмъ хуже для этого гнуснаго лакеенки, я его растопчу! Я ему скажу!

Съ этими словами онъ выпрыгнулъ изъ постели, хотя при своей толщинѣ казался неспособнымъ на такія дерзкія движенія; надѣвъ халатъ, онъ началъ расхаживать по комнатѣ, потомъ взялъ свѣчу и вышелъ въ другія комнаты. Въ одной изъ нихъ висѣли свадебные портреты его и графини. Портретъ графини въ знакъ траура и осужденія былъ всегда завѣшанъ чернымъ сукномъ. Графъ посмотрѣлъ на свое изображеніе работы Порты, и ему за-

хотѣлось взглянуть на портретъ жены; онъ приподнялъ сукно и принялся разсматривать лицо жены во всей предѣсти восемнадцатилѣтняго возраста. Странныя мысли полѣзли ему въ голову, и онъ машинально опустился въ огромное кресло, стоявшее передъ портретами.

Утромъ слуга вошелъ по обыкновенію въ спальню будить графа и, не найдя его въ постели, заглянулъ въ другія комнаты; онъ остолбенѣлъ отъ удивленія, увидя барина спящимъ въ креслѣ передъ открытымъ портретомъ графини, на который догоравшая свѣча бросала мелькающій красноватый свѣтъ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

I.

Адвокатъ Стриджели всталъ ранехонько и отправился прежде всего къ своему старому наставнику Агудю. Многія подробности его плава казались ему сомнительными, и онъ хотѣлъ посоветоваться съ этимъ опытнымъ юристомъ. Съ удовольствіемъ выслушавъ его одобреніе, онъ пошелъ къ капитану юстиціи, поговорилъ съ актуаріусомъ и рѣшилъ съ нимъ и съ самимъ его превосходительствомъ капитаномъ дать новое направленіе процессу лорда Крали, Лоренцо Бруни и другихъ франкмасоновъ, которые всѣ сознавались въ томъ, чего нельзя было отрицать, въ нападеніи на откупныхъ агентовъ, но единодушно отвергали обвиненіе въ похищеніи двухъ воспитанницъ изъ монастыря. Переговоривъ съ адвокатомъ, актуаріусъ призвалъ полицейскаго офицера и далъ ему приказанія.

Затѣмъ адвокатъ отправился къ доннѣ Паолѣ, чтобы еще распросить ее кое о чемъ.

— Я говорила съ графомъ, сказала она ему, и мнѣ удалось уговорить его пріѣхать къ намъ, я жду его. Это истинное чудо. Однако я очень боюсь, что выйдетъ ужасный скандалъ, если графъ встрѣтится съ Суарди.

— Будьте покойны; этого не будетъ, мы приняли противъ этого мѣры.

— Какія?

— Увидите и, надѣюсь, похва'йте меня. А пока успокойте графиню.

— Ахъ, какъ мнѣ пришлось возиться съ ней, когда я сказала ей, что графъ прїѣдетъ сегодня.

— Я говорилъ вамъ, что главное препятствіе будетъ съ ея стороны. Оно и понятно.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло. Но узнавъ, что графъ согласился прїѣхать, она вбила себѣ въ голову, что онъ согласенъ принять предложеніе Суарди. Мнѣ пришлось разочаровывать ее разговоромъ о томъ, въ какую ярость онъ прїшелъ, когда я ему сообщила это предложеніе. Она готова на все, лишь бы возвратить дочь. Просто, жалко на нее смотрѣть.

— Повторю, успокойте ее; я вамъ говорю вѣрно. Вчера я говорилъ съ Бароджи.

— Что же онъ?

— Онъ все знаетъ, только не хочетъ говорить; но сегодня захочетъ, я увѣренъ. Онъ все знаетъ, повторю, и изъ его словъ я убѣдился, что дѣвушки дѣйствительно въ безопасности, какъ увѣрилъ Суарди. Но стойте—кто-то подѣхалъ...

— Навѣрно графъ.

— Который же часъ?

— А вотъ будутъ часы.

— Ужъ поздно; мнѣ надо спѣшить; извините, я уйду; дай Богъ, чтобы черезъ часъ я могъ вернуться къ вамъ съ добрыми вѣстями.

Выходя, адвокатъ встрѣтился съ графомъ В***, который проводилъ его взглядомъ сверху внизъ и, кланаясь доннѣ Паолѣ, спросилъ ее:

— Это кто?

— Адвокатъ Стреджели.

— А, помощникъ Агудіо, тотъ, что строчилъ противъ меня столько бумагъ; знаю, знаю. Извините, донна Паола, но въ нашемъ домѣ я, такъ сказать, въ непріятельскомъ лагерѣ.

— Скажите, въ союзномъ лагерѣ, гдѣ собраны парламентары для заключенія мира и съ готовностью положить оружіе. Этотъ молодой человекъ очень уважаетъ васъ; онъ и присовѣтовалъ мнѣ обратиться къ вамъ; онъ и графиня... Они оба убѣждены, что вы одни можете подѣйствовать страхомъ на Суарди.

— Ахъ, негодный наглець! воскликнулъ графъ, усаживаясь.

Широкое сафьянное кресло едва вмѣстило тучную особу графа. Онъ былъ въ утреннемъ костюмѣ, въ синемъ кафтанѣ съ переливчатой, спускавшейся отъ воротника до плечъ и вышитой серебромъ, въ короткихъ сапогахъ кордуанской кожи, также вышитыхъ серебромъ и со шпорами; въ петлицѣ кафтана красовалась ленточка ордена Санъ-Яго, а въ рукахъ онъ держалъ толстый манежный хлыстъ. Недоставало только эполетъ и сабли, чтобы придать ему полный военный видъ. Физиономія его была по обыкновенію нахмурена и цвѣтомъ напоминала томнакъ; на этомъ фонѣ подъ спѣжнобѣлымъ парикомъ à ailes de pigeon рѣзко торчала пара черныхъ какъ смоль короткихъ усовъ, которыми обладатель ихъ дорожилъ не меньше, чѣмъ графской короной и орденомъ Санъ-Яго. Какимъ образомъ были они такъ черны, когда графу давно перевалило за пятьдесятъ, это была вѣроятно тайна какой нибудь парижской помады.

Онъ сидѣлъ молча, вращая глазами на висѣвшіе по стѣнамъ фамильные портреты.

— Когда же явится этотъ мошенникъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Должно быть, сейчасъ.

Полковникъ всталъ, покружился на мѣстѣ и спросилъ:

— Гдѣ же вы его примете, здѣсь или въ передней?

— Я полагаю, что и съ нимъ надо соблюсти приличіе. Графиня говорила съ нимъ вчера здѣсь, и я...

Полковникъ подумалъ и сказалъ:

— Вѣдь это ни на что не похоже, чтобы къ такой твари попала эта... эта дѣвушка...

— Да, графъ, это великое несчастіе, потому что я сильно опасюсь, но когда дѣвушка отыщется, намъ будетъ грозить опасность потерять графиню.

Графъ не совсѣмъ понялъ эти слова, но они смутили его, и онъ готовился попросить объясненія, но удержался и отвернулся; сердясь на свое смущеніе, онъ прошелся по комнатѣ и вдругъ хлопнулъ хлыстомъ по клавишамъ, который забрячалъ.

— Извините, сказалъ онъ, мнѣ досадно, что эта каналья заставляетъ себя ждать.

— Потерпите, графъ, и извините, но я на минуту останавливаю васъ. Я пойду взглянуть на графиню, которая очень плоха. Три

ночи и три дня не спать и не ѣсть, все плачетъ и стонетъ. Только сегодня утромъ задремала, положивъ голову на подоконникъ на свѣжѣмъ воздухѣ; это ей повредило; у нея сдѣлалась сильная лихорадка. Извините, я сейчасъ вернусь.

При этихъ словахъ суровое выраженіе, которое составляло часть мундира полковника, исчезло съ его лица, и на немъ выступило врожденное добродушіе, такъ что въ эту минуту онъ припалъ видъ простого добряка, сострадающаго и взволнованнаго. Донна Паола успѣла подмѣтить эту перемену и пошла въ комнату графини, которой было дѣйствительно очень дурно, и она лежала совершенно обезсиленная тѣломъ и духомъ.

— Какъ вы себя чувствуете, донна Клелія?

Графиня только покачала головой.

— Знаете, кто здѣсь?

— Кто?

— Графъ.

— Ахъ, Боже! А мнѣ развѣ необходимо присутствовать при разговорѣ?

— Не то чтобы необходимо, но было бы хорошо и полезно.

— Вы думаете? Нѣтъ, нѣтъ, донна Паола. Вы не знаете графа. Это будетъ ужасная сцена.

— Я не думаю, и если сказать правду, я на вашемъ мѣстѣ, узнавъ, что онъ согласился пріѣхать сюда, полетѣла бы къ нему въ салонъ. Будете справедливы, донна Клелія. Кому первому уступить? Да и притомъ развѣ вы ни во что не ставите ему участіе, которое онъ принимаетъ въ вашей дочери? Я знаю, что вы скажете. Но вамъ больше всего надо забыть прошлое и думать только о настоящемъ. Извините, дорогая моя Клелія, что я вамъ все это говорю. Но я знаю, какое будетъ для васъ утѣшеніе повидаться съ графомъ въ эту минуту.

— Пожалуй, я согласна, только не сегодня. Сегодня я не въ силахъ. Дайте мнѣ прежде увидѣть Аду.

— Адвокатъ Стрижеля поручилъ мнѣ успокоить васъ на этотъ счетъ; онъ мнѣ самъ сказалъ, что нашелъ способъ все кончить благополучно не сегодня, такъ завтра. Но тсъ! Я слышу въ салонѣ разговоръ. Это вѣрно Суарди. Какъ жаль, что меня тамъ не было въ первую минуту.— И сказавъ это, она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Но въ салонѣ къ ся удаленію былъ не Суарди, а Стриджели

— Какъ, это вы? А что-же тотъ не ѣдетъ?

— Кто?

— Суарди.

— Ну, его вамъ придется подождать. Садитесь и послушайте.

— Послушайте, послушайте, дойна Паола, сказала графъ съ радостнымъ оживленіемъ.

Но читатель, вмѣсто того чтобы слушать адвоката, долженъ выслушать насъ.

II.

Мы противники той условной морали, которая не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что Мирабо называлъ мелкой моралью и считалъ несогласной съ такъ называемой великой моралью, какъ будто въ абсолютномъ мірѣ идей могутъ быть разные морали. Мы говоримъ здѣсь о той условной морали, которая принята писателями и состоитъ въ караніи въ концѣ сочиненія злодѣевъ и подлецовъ, дабы правоученіе было доступно самымъ недогадливымъ и тупоголовымъ читателямъ. Эта мораль или вѣрнѣе этотъ способъ морализовать всегда доженъ, потому что искусство должно быть вѣрнымъ отраженіемъ явленій жизни, а тутъ ему пришлось бы искажать истину всякій разъ, какъ въ жизни добродѣтель не получаетъ награды, а порокъ наказанія. Мораль находится въ идеяхъ, а не въ фактахъ; для абсолютной морали нѣтъ надобности, напр. чтобы донъ-Жуанъ-Теноріо попадалъ съ банкета въ адъ или чтобы Яго дѣлался жертвой мстительнаго клинка ревниваго Мавра. Всякому случалось видѣть въ жизни порокъ торжествующимъ, благодаря именно своимъ дурнымъ поступкамъ, торжествующимъ вполне, такъ что законъ никогда не могъ постигнуть его, и даже въ общественномъ мнѣніи никогда не раздавалось противъ него голоса, никогда въ печати не являлось ни слова осужденія противъ него; мало того, память его увѣковѣчивалась мраморными и другими прославленіями. Но чтоже изъ этого? Церестала-ли отъ этого нравственность быть нравственностью? Неужели она сама по себѣ такъ

бесильна и жалка, такъ относительна и временна, что для заявленія своего существованія ей надо расправляться съ каждымъ человѣкомъ передъ удаленіемъ его со сцены жизни? Неужели, чтобы не подвергнуться упреку въ безправственности, искусство должно непремѣнно отправлять для развязки частныхъ людей въ трактиръ, а подлецовъ въ тюрьму? Мы не согласны съ этимъ, и еслибы сочиняли нашъ рассказъ, то никогда не ввели бы въ него тотъ эпизодъ, который намъ предстоитъ теперь рассказать. Но будучи не сочинителями, а простыми раскащиками, мы не можемъ передѣлывать эту исторію сообразно нашимъ эстетическимъ понатіямъ и должны передавать дѣло такъ, какъ оно было.

Мы оставили Галантино въ постелѣ въ бесѣдѣ съ своими мыслями, которыя преслѣдовали его до бѣлаго дня, когда, наконецъ, ему удалось заснуть. Тѣмъ не менѣе онъ всталъ рано и вышелъ въ контору. Упругій утренній воздухъ, стаканъ свѣжей воды, взглядъ, брошенный на итога счетныхъ книгъ, и нѣсколько словъ съ секретаремъ, совершенно успокоили его, такъ что онъ пришелъ даже въ хорошее расположеніе духа. Онъ вернулся наверхъ въ свои комнаты и принялся за свой туалетъ. Пока знаменитый тогдашній парикмахеръ Кастини пудрилъ ему голову, онъ смотрѣлся въ зеркало и это созерцаніе ободряло его не меньше, чѣмъ взглядъ на свои приходныя книги; всѣ сомнѣнія, мучившія его ночью, разлетались; въ окно онъ видѣлъ на дворѣ свою парадную карету зеленаго цвѣта, съ золотомъ, но самой послѣдней модѣ и онъ былъ твердо увѣренъ теперь, что его величіе не можетъ не произвести эффекта на графа В***. Въ этихъ веселыхъ мысляхъ, онъ зашелъ опять въ контору, распорядился, сѣлъ въ экипажъ и покатылъ по улицамъ Милана. Онъ не замѣтилъ, что еще за часъ до выхода его изъ дому на улицѣ Пантано, гдѣ онъ жилъ, явились двѣ фигуры въ телѣжкѣ, въ какихъ тогда ѣздили торговые люди по своимъ дѣламъ; они остановились невдалекѣ отъ его дома, а нѣсколько подальше, на углу улицы Ларга, стоялъ верховой въ гражданскомъ платьѣ. Когда карета Суарди выѣхала изъ воротъ, верховой прищпорилъ лошадь и поѣхалъ за ней; почти въ ту же минуту къ нему подѣхали люди въ телѣжкѣ.

— Ну, что же? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Дайте ему выѣхать изъ этихъ модныхъ улицъ, отвѣчалъ верховой;—ему придется проѣзжать по площади Санъ-Сеналькро.

Въ конторѣ «Устоевъ» продается по уменьшенной цѣнѣ небольшое число экземпляровъ изданнаго студентами С.-Петербургскаго университета, въ пользу нужд. товарищей, литературнаго сборника.

„ОТКЛАДКЪ“

Содержаніе: I. Отъ издателей-студентовъ. — II. Утесъ. Стихотвореніе Н. Никифорова. — III. Старая крыса. Очеркъ А. Михайлова (Шеллера). — IV. Разладъ. Стихотвореніе П. Я. — V. Прогрессъ. Стихотвореніе Н. Мнискаго. — VI. Далмца. Разсказъ Максима Бѣлинскаго. — VII. Коздунъ. Повѣсть Н. Никифорова. — VIII. Къ свѣту. Стихоть. П. Я. — IX. Успѣхи рационализма въ древней Греціи. Истор. очерки Ѳ. Мищенко. — X. Один. Очеркъ Б. Баранцевича. — XII. Физиологическое и общественное значеніе пищи. М. Антоновича. — XIII. Прометей. Стихотворенію Я. Полонскаго. — XIV. Очеркъ поземельной собственности въ Англии и проекты ея переустройства. И. Ш. — XV. Шекспиръ и Пушкинъ. В. Чуйко. — XVI. Брутъ. Драматическія сцены А. Михайлова (Шеллера). — XVII. Старый грѣшникъ. Разсказъ Н. Златовратскаго. — XVIII. Народу. Стихотвореніе Б. Баранцевой. — XIX. Достоевскій и его популярность въ послѣдніе годы. С. Венгерова. — XX. Подъ сѣномъ. Стихотвореніе. П. Я. — XXI. Объ изученіи народнаго быта. А. Григорьева. — XXII. — XXIII. Два стихотворенія А. Плещеева. — XXIV. На путя въ деревню. Разсказъ В. Метелицы. — XXV. Призывъ. Стихотвореніе П. Я.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА.

СОЦИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ОСНОВЫ

НАРОДНИЧЕСТВА

И. ЮЗОВА.

Цѣна 1 р. 50 к. Обращающіеся въ контору «УСТОЕВЪ» платятъ 1 р.

ЖУРНАЛЬ „УСТОИ“

Будеть выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Г. Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки:	Съ доставкою въ Петербургъ:	Съ пересылкою:
На 1 годъ . . .	10 р.	11 р.	12 р.
» полгода . . .	5 »	5 » 50 к.	6 »
» 3 мѣсяца . . .	2 » 50 к.	2 » 75 »	3 »
» 1 мѣсяць — . . .	80 »	— » 90 »	1 »

Журналъ «УСТОИ» издается литературнымъ кружкомъ въ составъ котораго входятъ: Я. В. Абрамовъ (Ведостѣвецъ), М. Н. Альбовъ, С. А. Венгеровъ, В. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, Н. М. Минскій, Н. И. Наумовъ, Н. Я. Николадзе, М. А. Протопоповъ (Н. Морозовъ), Л. З. Слонимскій.

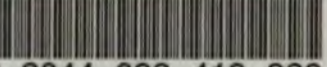
Редакторъ-издатель С. А. Венгеровъ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

2044 098 419 930